

Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

**ДИНАМИКА И ИНЕРЦИОННОСТЬ
ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ И ЗАМЕЩЕНИЯ
ПОКОЛЕНИЙ В РОССИИ И СНГ**

VII Уральский демографический форум
с международным участием

Сборник статей

Том I

Социология и история воспроизводства населения России

Екатеринбург

2016

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)
Д47

*Оргкомитет форума выражает благодарность
Федеральному агентству научных организаций России
за субсидию на выполнение государственного задания
по оказанию государственных услуг / выполнению
работ в 2016 г.*

Ответственные редакторы акад. РАН А. И. Татаркин,
д-р социолог. наук, проф. А. И. Кузьмин
Рецензенты: д-р экон. наук, проф. О. А. Козлова,
д-р социолог. наук, Н. Г. Чевтаева

Издание сборника осуществлено при поддержке
Института истории и археологии УрО РАН,
Уральского института управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Уральского государственного медицинского университета Минздрава России,
Владивостокского государственного университета экономики и сервиса,
Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза,
РОО «Форум женщин Урала»,
Законодательного Собрания Свердловской области

Д47 **Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в
России и СНГ. Сб. ст. VII** Уральский демографический форум с междунар. участием / отв. ред.
акад. РАН А.И. Татаркин, д-р социол. наук А. И. Кузьмин. Т. I. – Екатеринбург : Институт
экономики УрО РАН, 2016. – 426 с.

ISBN 978-5-94646-560-1

В сборник вошли статьи участников VII Уральского демографического форума. В материалах форума нашел отражение широкий круг вопросов, связанных с изучением демографических процессов: естественного воспроизводства населения, миграции, брачных и семейных отношений, демографической и миграционной политик. Значительное внимание уделено исследованию особенностей демографического поворота населения через призму других научных дисциплин: экономики, истории, психологии, географии, медицины, а также междисциплинарным аспектам исследования демографических процессов.

В первом томе размещены материалы научных докладов дискуссионных площадок: «Население России в XX веке: историко-демографический анализ», «Социально-психологические аспекты воспроизводства населения», «Семья как субъект социальной политики в России».

Материалы сборника представляют интерес для специалистов в области управления демографическими процессами, представителей научного сообщества и общественных организаций, а также преподавателей и аспирантов.

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)

ISBN978-5-94646-560-1

© Институт экономики УрО РАН. Редактирование. 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	8
<i>Татаркин А.И.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА УРАЛЕ: ИНЕРЦИОННОСТЬ И ДИНАМИКА ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ	8
<i>Елизаров В.В.</i> ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕРЫ	12
<i>Соловьев А.К.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ.....	19
<i>Архангельский В.Н.</i> РОЖДАЕМОСТЬ В РЕАЛЬНЫХ ПОКОЛЕНИЯХ – ВОЗМОЖНОСТЬ ОЦЕНИТЬ ПРОШЛОЕ И ЗАГЛЯНУТЬ В БУДУЩЕЕ	24
<i>Тельнов В.И.</i> ДИНАМИКА СМЕРТНОСТИ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ У НАСЕЛЕНИЯ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (2005-2014 годы).....	39
1. НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ В XX ВЕКЕ: ИСТОРИКО – ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	46
<i>Алексеева Л.В.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ХАНТЫ-МАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ В 1950-Х ГГ	46
<i>Баранов Е.Ю.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1930-Е – 1960-Е ГОДЫ (ПОСТАНОВКА НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ)	49
<i>Букренева К.Г., Алексеева Л.В.</i> К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ ДЕТЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ В УСЛОВИЯХ НАЧАВШЕЙСЯ БЛОКАДЫ.....	55
<i>Бурматов А.А.</i> НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1950–1970 ГГ.....	60
<i>Жидченко А.В.</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СССР В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА: К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ.....	66
<i>Журавлева В.А.</i> МЛАДЕНЧЕСКАЯ СМЕРТНОСТЬ В ГОРОДАХ УРАЛА В 1930-е гг. ..	72
<i>Корнилов Г.Е.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДА 1936–1937 ГОДОВ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	78
<i>Королев С.В.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКА.....	84
<i>Кузьмин А.И., Кузьмина А.А.</i> ВЛИЯНИЕ ОБРАЗА ГОРОДА НА ОЦЕНКУ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ	90
<i>Кузнецов В.Н.</i> НАСЕЛЕНИЕ ЗАКРЫТЫХ ГОРОДОВ УРАЛА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	100
<i>Мельников Н.Н.</i> УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОЛЛЕКТИВОВ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ ТАНКОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ОСЕНЬЮ 1941 Г.....	105

<i>Ракачев В.Н.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ В 1930-Е ГГ.: ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ДАННЫХ.....	111
<i>Тараканов М.Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА НИЖНИЙ ТАГИЛ В 2000-Х ГОДАХ.	116
<i>Уваров С.Н.</i> ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОЖДАЕМОСТИ В УДМУРТИИ В 1980-Е ГГ.....	122
<i>Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н.</i> РАССЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	126
<i>Черезова О.Г.</i> СМЕРТНОСТЬ И СТРУКТУРА ПРИЧИН СМЕРТИ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950-70-Е ГГ. XX В.	132
<i>Чернышева Н.В.</i> ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	138
<i>Чернышева Н. В., Чернышев К. А.</i> ХАРАКТЕРИСТИКИ РОЖДАЕМОСТИ В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	144
2. СОЦИАЛЬНО – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ.....	150
<i>Амбарова П.А., Зборовский Г.Е.</i> ВОЗРАСТНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК МЕХАНИЗМ ВОСПРОИЗВОДСТВА ВОЗРАСТНОЙ ОБЩНОСТИ.....	150
<i>Анисимов С.А., Павлов Б. С., Павлов Д.Б., Сентюрин Л.Б.</i> ЖЕНСКОЕ НАСИЛИЕ КАК АТРИБУТ ДЕСТРУКЦИЙ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	155
<i>Арпентьева М.Р.</i> ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ: НРАВСТВЕННЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНЕРЦИИ И АКТИВИЗАЦИИ.....	161
<i>Банных Г.А., Костина С.Н.</i> БЮДЖЕТЫ ВРЕМЕНИ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ.....	168
<i>Гизатулина А. А., Тараданов А. А.</i> УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА У СТАРШЕКЛАССНИКОВ.....	173
<i>Деревнина Т.В., Амбарова П.А.</i> ДИНАМИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В СВЕТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ	178
<i>Дуран Т.В., Костина Н.Б.</i> МОДЕЛИ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.	182
<i>Игошев М.В., Игошев Г.М., Верещагин И.В.</i> САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	187
<i>Игошев М.В., Кузьмин А.И.</i> ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО И ЦЕННОСТНО-АДАПТАЦИОННОГО ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К СВОЕМУ ЗДОРОВЬЮ	191
<i>Калачикова О.Н., Короленко А.В.</i> ДИНАМИКА РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	196

<i>Курушина Е.В., Дружинина И.В.</i> ОТ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ – К ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ	203
<i>Миронова С.В., Тимченко Н.С.</i> СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ В ПОЛЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ.	208
<i>Михеева А.Р.</i> БРАЧНОЕ И РЕПРДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ УРАЛА И СИБИРИ	211
<i>Носкова А.В.</i> ВОСПРОИЗВОДСТВО И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В СОЦИОЛОГО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	217
<i>Оконечникова Л.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ИММУНИТЕТА КАК ПОКАЗАТЕЛЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА.	223
<i>Певная М.В., Калинина А.Н.</i> РОССИЙСКОЕ ВОЛОНТЕРСТВО В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА	227
<i>Попова Л.А.</i> ИССЛЕДОВАНИЯ МНЕНИЙ О ЧИСЛЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ	231
<i>Синельников А. Б.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЦЕННОСТИ ЛИЧНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ	238
<i>Субхонов А.И., Аскарлов А.Р.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН	244
<i>Третьякова Е.А.</i> ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦ СТАРШЕ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА НА ПОЛУЧЕНИЕ ИМИ ВОСХОДЯЩИХ ТРАНСФЕРТОВ В РОССИИ.....	251
<i>Фарафонова А.И., Амбарова П.А.</i> РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ: ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ	257
<i>Ямова М.П.</i> КРАТКИЙ ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ЛОМБАРДНЫХ УСЛУГ	261
3. СЕМЬЯ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ	267
<i>Акьюлов Р.И., Зараменских А. И.</i> РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ	267
<i>Барашкова А.С., Стручкова Е.С.</i> ГРАЖДАНСКИЙ БРАК В ЯКУТИИ: МНЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	271
<i>Белехова Г.В.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ С ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ	276
<i>Галиева Г.И.</i> ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МУСУЛЬМАНОК КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	281
<i>Кельцьева М.В.</i> ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)	285

<i>Павлов Б.С., Разикова Н.И., Бердник Л.П.</i> РОДИТЕЛИ И ДЕВИАНТНАЯ СУБКУЛЬТУРА ИХ ДЕТЕЙ В БОЛЬШОМ УРАЛЬСКОМ ГОРОДЕ.....	292
<i>Павлова В.И., Павлов Б.С., Сарайкин Д.А., Степанова А.Ю.</i> СЕМЬЯ И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ В СОЗНАНИИ И ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНАХ СТУДЕНТОК УРАЛЬСКИХ ВУЗОВ.....	299
<i>Пацюрковский В.В.</i> БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ - СОЦИАЛЬНАЯ НОРМА ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ	306
<i>Черкасова В. Ю., Маслова М.С.</i> ПОВЫШЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ ЖИЛЬЯ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ "ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИЛЬЕМ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ" (НА ПРИМЕРЕ БЕРЕЗОВСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА).....	311
<i>Черешова С.В.</i> НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ РОДИТЕЛЬСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ АКТИВИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА..	318
<i>Шевелева О.Р.</i> РОДИТЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ И СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ МОЛОДЁЖИ НА УРАЛЕ	323
<i>Шмарова И.В., Шубат О.М.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	329
<i>Шутова Н.В.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА МОЛОДЫХ СЕМЕЙ: ФАКТОРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ	335
<i>Ягафарова Д.Г.</i> УРОВЕНЬ ДЕТНОСТИ И МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ.....	337
4. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ	342
<i>Акрамова Ш.Г.</i> ИНВЕСТИРОВАНИЕ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В УЗБЕКИСТАНСКИХ СЕМЬЯХ.....	342
<i>Важенина И.С., Важенин С.Г., Сухих В.В.</i> ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА – СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ЭФФЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДОВЕРИЯ В ЭКОНОМИКЕ.....	347
<i>Грабар А.А.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА РЕГИОНА КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РОСТА.....	354
<i>Злотников А.Г.</i> ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА, ЗАНЯТОСТЬ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСИ.....	358
<i>Козлова О.А., Шеломенцев А.А.</i> ПОЛИТИКА ЭФФЕКТИВНОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ДИНАМИЧНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.....	363
<i>Литовский В.В.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЕРЕРАСПЕРЕДЕЛЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ В НОВОМ КОНЦЕПТЕ ИХ РАЗВИТИЯ	369
<i>Макарова М.Н., Воронина Л.Н.</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР НЕРАВЕНСТВА ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА	376

<i>Мальши Е.В.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ДОМОХОЗЯЙСТВ РЕГИОНА С ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ.....	380
<i>Мамадалиева Х.Х.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ УЗБЕКИСТАНА.	386
<i>Никитина Г.А.</i> ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РЕСУРС УДМУРТОВ В 2000–2010 -е ГОДЫ.....	390
<i>Смирных С.Н., Потапова Е.В., Гиниятуллин Р.Н.</i> ФАКТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ВЫСОКОПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ МЕСТ В РОССИИ.....	395
<i>Тарасьев А.А., Гурбан И.А.</i> МЕХАНИЗМ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В ОПТИМИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ФИНАНСОВЫХ ПОТОКОВ	402
<i>Тимошенко М.В.</i> ПРИКЛАДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОБОСНОВАНИЯ ЦЕЛЕВЫХ ОРИЕНТИРОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ	408
<i>Тухтарова Е.Х., Неклюдова Н.П.</i> ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ.....	415
<i>Черкасова В. Ю., Тарабукина Я.Л.</i> БЕЗРАБОТИЦА И РЫНОК ТРУДА В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	418
<i>Шамова Е.А.</i> РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ, ПРОВОДИМОЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	422

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК: 314.02

А. И. Татаркин

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА УРАЛЕ: ИНЕРЦИОННОСТЬ И ДИНАМИКА ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

В материалах статьи анализируются причины обострения современной демографической ситуации в крупном промышленном регионе страны. Автор сосредоточил внимание на различных сторонах понятия инерционности демографических процессов в регионе, выделил неоднозначность их трактовок – как скорости социальных изменений репродуктивных установок, трансформации институтов брака и семьи, преобразования условий и качества жизни населения. Последовательно рассмотрены основные социально-экономические условия инерционного замедления естественного прироста населения, снижения уровня дожития в возрастных группах населения трудоспособного возраста в последние полтора года. Отмечено предкризисное состояние воспроизводства населения в регионе в целом.

Ключевые слова: демографическая ситуация, суммарный коэффициент рождаемости, воспроизводство населения, качество жизни, продолжительность жизни, возраст матери, возрастные пирамиды, демографическое поведение, демографический переход, демографическая политика

На VI Демографическом форуме, прошедшем 15-16 июня 2015 г., отмечалась достигнутая благодаря эффективным мерам проводимой на федеральном и на региональном уровне демографической, семейной и миграционной политики сбалансированность многих демографических процессов как в целом по России, так и в большинстве регионов УрФО. Но уже тогда в выступлениях многих докладчиков проявлялась тревога по поводу обострения процессов депопуляции, в частности – роста смертности населения по ряду причин в целом по России и в других регионах.

Сегодня уже очевидно, что за прошедший период демографическая ситуация в стране все-таки ухудшилась. На Среднем Урале, что, в частности, стало предметом обсуждения накопившихся социально-демографических проблем на встрече губернатора Свердловской области с заместителем председателя Правительства РФ в начале этого года.

Процессы рождаемости, смертности, формирования семейно-брачной структуры населения изменяются не столь стремительно, как социально-экономические процессы, а в течение определенного лага времени (с некоторой отсрочкой наступления демографических событий). Исключением являются, пожалуй, разнообразные процессы внутренней и внешней миграции.

В настоящий период отмечается инерционность реакции демографических процессов на сложившиеся социально-экономические условия жизнедеятельности домохозяйств и воспроизводства поколений. Обратимся к анализу данных демографической статистики по регионам УрФО в целом и Свердловской области в частности.

Специфическим видом инерционности демографических процессов является снижение показателей простого воспроизводства при сохранении в силу особенностей половозрастной структуры населения в течение еще некоторого времени положительного

естественного прироста населения. Естественный прирост населения наблюдался в 2015 г. в ряде территорий РФ, в том числе в Свердловской области.

Смертность населения. В Свердловской области, начиная с 1995 г. проявилась устойчивая тенденция снижения младенческой смертности до 5,5‰. Однако проблема высокой смертности населения, как в целом по России, так и в отдельных ее регионах, резко обострившаяся в реформенный период 90-х гг., до конца так и не решена. Мы даже не достигли дореформенных значений данного показателя. Более того, в настоящее время проявилась тенденция возобновления роста смертности, который затронул трудоспособные и подростковые возрасты. Причем рост смертности в регионах УрФО наблюдается уже в 2014 г.

В результате складывается следующая ситуация: только 65 из 100 молодых людей мужского пола в возрасте 16 лет могут рассчитывать на то, что достигнут возраста 60 лет. В сельской местности только 63 чел. из 100 молодых людей 16 лет имеют шансы дожить до 60 лет. Среди лиц женского пола из 100 чел. в возрасте 16 лет до 55 лет доживет уже 90 чел., а в сельской местности – только 88. Однако и вероятность дожития до первого года пенсии заметно изменится при повышении возраста выхода женщин на пенсию до 63 лет. Из 100 женщин к этому порогу дожития подойдут лишь 75 чел. Сейчас продолжительность жизни мужчин составляет на Среднем Урале 63,7 года, у женщин этот показатель значительно выше и – 75,4 года.

В Свердловской области достаточно хорошо развита система здравоохранения, и в целом рост продолжительности жизни вырос, хотя приращение показателей дожития в трудоспособных и старших возрастных группах очень незначительно. Дифференциация «силы смертности» по территории, полу, возрасту и даже по брачному состоянию очень заметна. Анализ причин смертности показал рост потерь от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний и пищевых отравлений. Заметен рост насильственной смертности в подростковых возрастах. Отметим, что область лидирует по уровню заболеваемости ВИЧ-инфекцией (летом 2016 г. опередила показатели Кемеровской области).

Воспроизводство населения. Демографические расчеты показывают, что при существующей брачно-возрастной структуре населения в Свердловской области в 2015 г. должно было бы родиться 38 детей на 1000 чел. населения, а родилось всего 14.

Расчет точных коэффициентов воспроизводства населения по Свердловской области и субъектам РФ, входящим в УрФО, за 2014 г. показывает, что на территории округа преобладает суженный режим замещения численности поколений, что ставит под угрозу воспроизводство собственного человеческого капитала. Простое и чуть выше уровня простого воспроизводство населения наблюдается только в Курганской области, на Ямале и в пределах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Тюменская область (без учета автономных округов) хорошими показателями похвастаться не может: величина нетто-коэффициента воспроизводства населения там меньше единицы, как и на Среднем Урале. Таким образом, следует констатировать, что ситуация как в Свердловской области, так и в других регионах УрФО проявляет все признаки инерционного сползания в демографическую яму.

Демографическая ситуация в Уральском регионе находится под значительным влиянием процессов урбанизации и модернизации социальной жизни. Например, почти треть жителей Свердловской области проживает в Екатеринбурге, ожидается, что в недалеком будущем их число составит половину населения области. Влияние на демографические процессы урбанизации во многом негативно. Например, по мере развития процесса урбанизации очень явно прослеживается падение уровня рождаемости городского населения по сравнению с сельским.

Акцентирую ваше внимание на том факте, что именно сельское население обеспечивает во всех регионах Урала уровень чуть выше простого воспроизводства

населения. Это обстоятельство делает сельское население объектом первоочередных демографических инвестиций и социальной поддержки.

Возрастная структура населения. Численность молодых поколений за 2012–2015 гг. резко сократилась, что ударило по репродуктивному потенциалу населения региона. Если представить все население в виде возрастной пирамиды, то она имеет узкое основание – ее основание, представленное поколениями до 15 лет, меньше, чем находящихся в трудоспособном возрасте, и почти совпадает с долей пожилых людей.

Миграционная активность населения в области в 2015 г. снизилась. Этот факт требует отдельного исследования и анализа деловой и инвестиционной активности и уровня инфляции, что выходит за пределы собственно демографического анализа. Объем миграции (сумма прибывших и выбывших) сократился за 2015 г. с 248193 чел. до 236624 чел. (на 11570 чел., или на 4,7%). Коэффициент миграционного прироста населения (на 10 тыс. чел.) снизился с 10,6 до 3,5. В расчете на 1000 чел. населения он практически не заметен.

Какие же меры в связи с имеющимися тенденциями в естественном движении населения Урала социально-экономической и демографической политики становятся приоритетными?

1. В первую очередь, отметим, что для успешности демографического развития страны и ее регионов важную роль играет решение проблемы бедности населения. Эта проблема не нова, а в связи с современными социально-экономическими трудностями в стране она лишь усугубилась. Многие исследователи отмечают, что уровень жизни не является определяющим в демографическом развитии, скорее наоборот, и приводят многочисленные факты по весьма благополучным и бедным странам, в которых рождаемость значительно выше, чем в благополучных. Однако хотелось бы продемонстрировать важность решения данной проблемы для целей демографического развития на результатах полевого исследования, проведенного сотрудниками нашего института в 2014–2015 гг. на территории Свердловской области¹. Как отметили респонденты, именно наличие детей заметно отражается на их достатке. Многодетные более всего страдают от дефицита денежного дохода. В то же время в ходе опроса была установлена группа респондентов, которые, имея четырех детей, не испытывали недостатка в деньгах (видимо, потому, что в выборку попали представители малого и среднего бизнеса, менеджеры компаний, имеющие доход выше среднего по Свердловской области).

Таким образом, наибольший дефицит денежных средств испытывают молодые семьи, имеющие 2-3 детей.

2. Социологический опрос также выявил сложившиеся приоритеты и ценностные ориентации населения, в которых потребность в детях находится на предпоследнем месте, после ценности труда, значительно уступая ценности материального благополучия и, особенно, стремления к успеху. Интересно отметить, что такая ценность, как семья, у респондентов воспринимается как институт, предназначенный не для рождения и воспитания детей, а для оказания родительской поддержки, то есть выдвигается вперед в основном потребительское отношение к семье. В результате можно констатировать, что оба этих фактора – бедность и потребительское отношение к семье – тесно взаимосвязаны.

Отметим, что полученные результаты исследования заставляют серьезно задуматься о необходимости реформирования ценностных ориентаций молодежи и подрастающего поколения. Формирование у подрастающего поколения позитивных установок на семейный образ жизни требует усиления работы в этом направлении в

¹ В 2014 г и первой половине 2015 г. проведено выборочное социологическое обследование (рук. А. И. Кузьмин: территориальная пропорциональная выборка – «крест»: Нижний и Верхний Тагил, Екатеринбург, Тавда, Первоуральск, Березовский, а также ряд поселков и сел, расположенных на западе, востоке и юге Свердловской области. В ходе опроса обработано 923 анкеты, произведена коррекция и гармонизация выборки по полу и возрасту опрошенных.

рамках образовательной, идеологической, молодежной политики с использованием интернета (использование примеров кумиров подростков, у которых благополучная семейная жизнь, стабильный брак, несколько детей).

3. Необходимо не только сохранение социально-экономической поддержки вторых и третьих рождений, но и ее усиление. Вступление в активный репродуктивный возраст малочисленных контингентов женщин, родившихся в 1990-е гг., делает необходимым расширение мотивации рождений вторых и третьих детей у женщин старше 30 лет, особенно в сельской местности.

4. В Свердловской области богатый опыт помощи молодым семьям в решении жилищных проблем. Сейчас нужно, с одной стороны, стараться сделать более доступным для семей ипотечное жилищное кредитование (о чем говорит и Президент РФ), в т. ч., к примеру, снизить выплаты по кредиту на период нахождения женщины в отпуске по уходу за ребенком, а с другой стороны, повысить его демографическую ориентированность. Последняя задача может решаться как путем предоставления более льготных условий кредитования для семей с несколькими детьми, так и путем погашения значительной доли кредита при рождении второго и, особенно, третьего ребенка.

Подводя итоги, хотелось бы еще раз отметить, что причины современной депопуляции лежат не только в сфере материальных благ, они являются следствием глубинных изменений ценностных ориентаций и мотивационных установок населения. Условием стабильного развития современного российского общества становится необходимость принятия актуальных оперативных и эффективных решений на основе оптимального сочетания экономических, социокультурных, организационных инструментов с формированием единой системы управления демографическими процессами в стране и ее регионах. И важнейшую роль в этом должно играть сообщество.

© Татаркин А. И. Текст. 2016

Информация об авторе

Татаркин Александр Иванович – научный руководитель Института экономики УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Московская 29. E - mail: tatarkin_ai@mail.ru

Tatarkin A.I.

THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE URALS: THE INERTIA AND DYNAMICS OF NATURAL POPULATION

The paper presents the problems of deterioration of the current demographic situation in major industrial region of the country. The author of the report focused on various aspects of the concept of the inertia of demographic processes in the region, highlighted the ambiguity of their interpretations as the speed of social change reproductive systems, transformation of the institutions of marriage and family, conversion conditions and quality of life of the population. The report successively describes the main socio-economic factors of the inertial slowdown of natural population growth, reduced levels of survival in the age groups of the population of working and retirement age in the Sverdlovsk region in the last year and a half, a dysfunctional state proportions of the age pyramid male and female population in urban and rural areas. Attention is drawn to the pre-crisis state of reproduction of the population in the region as a whole. Analyzes the current status of the current population statistics of territorial body of statistics of the Sverdlovsk region on the background of the state of Affairs of the Ural Federal district.

Key words: demographics, real and nominal generation, the total fertility rate, population reproduction, the quality and length of life, maternal age, setting, tradition, age pyramid, demographic behavior, demographic transition, demographic policies.

Information about the author

Tatrkin Aleksandr Ivanovich – Scientific Director of the Institute of Economics, Ural branch of RAS, academician of RAS, Ekaterinburg, Moskovskaya 29. E - mail: tatarkin_ai@mail.ru

УДК 314.15

В. В. Елизаров

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕРЫ*

Рассмотрено современное состояние системы мер по экономической поддержке семей с детьми, в т. ч. основные виды семейных и материнских пособий, и динамика расходов на них, а также материнский капитал и налоговые льготы. Показано, как федеральные меры стимулирования вторых и третьих рождений дополняются на региональном уровне региональными мерами поддержки семьи.

Ключевые слова: демографическая политика, семейная политика, семейные пособия, материнский капитал, налоговые вычеты на детей

Экономическая поддержка семей с детьми была и остается важным направлением как демографической, так и семейной политики. Экономические меры способствуют снижению бедности семей с детьми, выравниванию стартовых условий развития детей в семьях разных социальных групп, увеличению рождаемости и укреплению семьи.

В число таких мер традиционно входят оплачиваемые отпуска и пособия по беременности и родам, по уходу за ребенком, пособия при рождении детей, пособия на детей в зависимости от их числа, возраста, типа семьи, пособия на детей в зависимости от дохода семьи, иные виды пособий (вставшим на учет в ранние сроки беременности, на детей-инвалидов и др.), налоговые льготы, жилищные льготы, ссуды, кредиты и др.

Ровно 20 лет назад, в 1996 г. были утверждены Основные направления государственной семейной политики, предусматривавшие «дальнейшее развитие системы семейных пособий, охватывающей поддержкой все семьи с детьми; поэтапное увеличение доли расходов на семейные пособия, включая пособия по беременности и родам и по уходу за детьми в возрасте до полутора лет, в валовом внутреннем продукте до 2,2 процентов». [6]. Предлагалось существенно увеличить масштаб затрат на помощь семье. В 1991 г. этот показатель – доля расходов на семейные пособия – составлял в Российской Федерации около 2%, в 1994 г. – около 1% ВВП, в то время как в европейских странах – 2,5-3%, а в некоторых до 4%. [5, с. 100.]

С 1995 г. по 2000 г. размеры материнских и семейных пособий устанавливались в процентном отношении к минимальному размеру оплаты труда (МРОТ), что по идее должно было компенсировать рост цен (инфляцию). С 2001 г. пособия семьям с детьми стали устанавливать в фиксированном размере. Начиная с 2001 г. средства на текущую выплату пособий стали выделяться субъектам РФ целевым назначением (в виде субвенций). Они включались в фонд компенсаций, финансируемый из федерального бюджета. Размеры пособий периодически пересматривались в сторону увеличения. [4, с.13-16.]

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №15-06-09027 «Причины и последствия дифференциации демографического развития регионов России и возможности ее сокращения»

С 2005 г. финансирование социальной поддержки подавляющей части семей перенесено на регионы. При этом размер, порядок назначения и выплаты ежемесячного пособия на ребенка стали устанавливаться законами и иными нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации. [12]

Это положение предопределило существенные различия между регионами в уровне поддержки семей с детьми. Федеральным бюджетом на 2005 г. были предусмотрены субсидии регионам (объемы субсидий различались по регионам) на реализацию закона о детских пособиях на сумму более 4 млрд руб. Но эта сумма составила менее четверти расходов на пособия в 2004 г. Для того чтобы задолженность по детским пособиям вновь не стала увеличиться, многие регионы крайне незначительно повышали размеры пособий, явно отставая от размеров инфляции, что обесценивало пособия, снижало их покупательную способность.

Несмотря на принимаемые меры, в целом, в России на протяжении 2-й половины 1990-х гг. и первой половины 2000-х гг. происходило явное ослабление государственной поддержки семьи, доля расходов на семейные и материнские пособия упала с 1% от ВВП в середине 1990-х гг. до 0,2% от ВВП к 2006 г.

Перелом в отношении к демографической политике вообще и мерам поддержки семей с детьми, в частности, произошел после Президентского послания Федеральному Собранию 2006 г. В Послании-2006 были предложены конкретные меры поддержки молодых семей и женщин, призванные обеспечить стимулирование рождения хотя бы второго ребенка: увеличение размеров пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет, введение компенсации затрат на детское дошкольное воспитание, увеличение стоимости родовых сертификатов, материнский капитал.

В 2007 г. были существенно увеличены пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет (с 700 руб. до 1500–6000 руб.), впервые введены пособия по уходу за ребенком для неработающих женщин (1500 руб. при рождении первого ребенка, 3000 руб. при рождении второго и следующих). Работающим женщинам пособие впервые установлено в долях к зарплате – 40% зарплаты на момент ухода в отпуск по беременности и родам, но не менее, чем неработающим матерям. Была установлена и максимальная величина пособия – не более 6000 руб. Несколько увеличился размер родового сертификата, впервые введенного в 2006 г. – с 7 до 10 тыс. руб., при этом помимо стимулирования женских консультаций (3 тыс.) и роддомов (6 тыс.), введено стимулирование послеродового наблюдения за здоровьем ребенка в детской поликлинике (1 тыс. руб.). [3, с. 8-15.]

В 2007 г. были введены небольшие компенсационные выплаты родителям, дети которых посещают дошкольные учреждения, дифференцированные по очередности рождения ребенка (20% от платы на первого ребенка, 50% – на второго и 70% на третьего и следующих). Расходы, связанные с предоставлением компенсации, финансируют субъекты РФ, при этом обеспечивается софинансирование путем предоставления субсидий субъектам из бюджета РФ.

Начавшийся в 2008 г. кризис побудил правительство включить в антикризисные меры и меры поддержки семей с детьми. Так, было разрешено использовать материнский капитал в 2009 г., не дожидаясь 2010 г., на погашение ипотечных кредитов и погашение уже взятых ссуд на строительство или приобретение жилья. Кроме того было разрешено однократно использовать 12 тыс. руб. из средств материнского (семейного) капитала на текущие нужды.

Чтобы не допустить снижения в результате реальной покупательной способности социальных (в т. ч. семейных) пособий и выплат, с 2008 г. законодательно введен порядок их индексации. Индексация проводится, как правило, однократно но по так называемой плановой инфляции, из-за чего размеры индексации практически во все годы были ниже фактического уровня инфляции. Систему пособий дополняют налоговые вычеты – стандартные и социальные. На каждого ребенка, находящегося на обеспечении у

налогоплательщиков, являющихся родителями, предоставляется стандартный налоговый вычет (в отношении доходов, облагаемых по налоговой ставке 13%). В 2002–2004 гг. размер вычета составлял 300 руб. за каждый месяц налогового периода, в 2005–2008 гг. 600 руб. С 1 января 2009 г. размер вычета был увеличен до 1000 руб. При этом вырос не только размер вычета, но и предельная сумма, с достижением которой право на вычет пропадает – сразу с 40 до 280 тыс. руб. (действует до настоящего времени). Это означает, что работники с зарплатой, близкой к средней (до 23,3 тыс. руб.), могут воспользоваться льготой полностью в течение 12 месяцев. В 2011 г. размер налогового вычета на третьего и каждого последующего ребенка увеличен до 3000 руб., в 2012 г. увеличены до 1400 руб. вычеты на первого и второго ребенка.

В качестве продолжения действия антикризисных мер 2009 г. тем семьям, где дети родились с 1 октября по 31 декабря 2009 г., было разрешено использовать часть материнского капитала (12 тыс. руб.) вплоть до 31 марта 2010 г. Позднее было принято решение о продлении права на эту выплату и на весь 2010 г. При рождении еще одного ребенка можно было получить выплату в 12 тыс. руб. повторно.

В Президентском Послании 2010 г. было заявлено: «...Главный путь преодоления демографического кризиса – это радикальное увеличение количества семей с тремя и более детьми». [9]

Руководителям всех субъектов Федерации было предложено подумать о региональном материнском капитале, о других формах поддержки многодетных семей, включая предоставление при рождении третьего и последующих детей бесплатных земельных участков под строительство жилого дома или дачи.

В последние годы существенно активизировалась региональная демографическая политика, так с 2010–2011 гг. в регионах появился региональный материнский капитал, выделяются земельные участки многодетным, продолжается разработка региональных программ. Эти меры, наряду с федеральными, способствовали улучшению демографической ситуации.

Чаще всего размер регионального капитала составляет 100 или 50 тыс. руб. за рождение третьего и последующего ребенка. В большинстве случаев региональный капитал можно тратить на улучшение жилищных условий (на территории региона) и образование детей. Некоторые регионы разрешают использовать его на другие направления: на ремонт жилья, оплату газификации жилого помещения, покупку земельного участка, на дачное строительство, на возмещение средств по приобретению семьей товаров длительного пользования, на лечение ребенка и получение платных медицинских услуг, на первоочередные нужды, получение единовременной выплаты и т. д.

В отчете о деятельности Правительства РФ за 2011 г. утверждалось, что уже реализованные программы – программы поддержки семьи, охраны материнства и детства – доказали свою эффективность, все больше российских семей принимают решение о рождении второго и даже третьего ребенка. За последние пять лет количество вторых рождений у нас увеличилось на 45%, а третьих и последующих – на 62%. [1].

В утвержденной Указом Президента РФ 1 июня 2012 г. Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы среди основных проблем в сфере детства были выделены высокий риск бедности при рождении детей, особенно в многодетных и неполных семьях, а также неравенство между субъектами РФ в отношении объема и качества доступных услуг для детей и семей с детьми. [11]

В стратегии отмечалось, что в общей численности домохозяйств семьи с детьми до 16 лет составляют 35%, тогда как среди бедных вес этой группы достигает 55%, а среди крайне бедных (имеющих менее половины прожиточного минимума) – 66%.

Той помощи, которая сегодня предоставляется семьям с детьми, пока недостаточно как для более полной реализации сложившихся установок на рождение второго и последующих детей, так и для стимулирования рождаемости, изменения системы

ценностей, повышения престижа семьи с несколькими детьми. Семьи с несовершеннолетними детьми имеют повышенные риски бедности вследствие низкой заработной платы и невысоких размеров материнских и детских пособий.

Стратегией были предусмотрены разработка и принятие федерального закона, определяющего основы государственной семейной политики, а также среди планируемых мер, направленных на сокращение бедности среди семей с детьми были разработана и принята минимальных государственных гарантий в области доходов и социальных услуг, определяющих основные показатели качества жизни семей с детьми, совершенствование системы налоговых вычетов для семей с детьми и др.

В 2012 г. Указом «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» руководителям субъектов РФ было рекомендовано установить нуждающимся в поддержке семьям ежемесячную денежную выплату до достижения ребенком возраста трех лет, назначаемую в случае рождения после 31 декабря 2012 г. третьего ребенка или последующих детей (в размере регионального прожиточного минимума для детей). [10]

Субъектам РФ, в которых сложилась неблагоприятная демографическая ситуация и величина суммарного коэффициента рождаемости ниже средней по России, из федерального бюджета с 2013 г. выделяются ассигнования на софинансирование (до 90 % необходимых в 2013 г. средств с последующим уменьшением этой поддержки до 50 % к 2018 г.). В 2012 г. Правительство РФ утвердило перечень 50 субъектов РФ, которые с 1 января 2013 г. получают поддержку из федерального бюджета.

Число и состав этого списка регионов ежегодно корректируются. Так, в 2015 г. осуществлялось софинансирование денежной выплаты при рождении третьего ребенка в 53 субъектах РФ. За счет собственных бюджетных средств ежемесячная денежная выплата предоставлялась в 16 регионах. На 1 января 2016 г. в регионах с неблагоприятной демографической ситуацией ежемесячная денежная выплата была назначена на 319 тыс. третьих или последующих детей, а средний размер данной выплаты составил на начало 2016 г. около 9 тыс. руб. По оценкам Минтруда, за 2 года реализации данной меры в 53 регионах, получающих финансовую поддержку из центра, число третьих и последующих рождений увеличилось на 20,6%, а суммарный коэффициент рождаемости вырос на 3,8%. В остальных регионах число третьих и последующих рождений выросло только на 11,7%, а суммарный коэффициент рождаемости – на 1,4%. [2]

То есть рост был практически, везде но там, где эти меры вводились, – чуть больше. В регионах, которые ввели ежемесячную денежную выплату, количество третьих и последующих детей растет быстрее, чем в тех, где такая выплата не производится.

Минтрудом России проведен в 2015 г. анализ региональных планов субъектов РФ по повышению рождаемости на 2015–2018 гг. Анализ планов показал, что в ряде регионов в настоящее время приняты и реализуются дополнительные меры, направленные на повышение рождаемости. В их числе: увеличение размера, продление срока действия и расширение направлений использования регионального материнского капитала (Брянская, Новгородская области); предоставление ежемесячной денежной выплаты на второго ребенка от 1,5 до 3 лет (Республика Мордовия, Калужская, Курская, Липецкая, Саратовская, Тульская области); предоставление единовременных или ежемесячных пособий при рождении первого ребенка, в том числе у женщины в возрасте 23–25 лет (Камчатский край, Владимирская, Магаданская, Сахалинская, Тамбовская области); поддержка студенческой семьи в связи с рождением и воспитанием детей в виде единовременных или ежемесячных пособий (Республика Мордовия, Кемеровская, Липецкая, Самарская, Тамбовская, Тульская области). [7]

Одним из важнейших в системе пособий должно быть ежемесячное пособие на ребенка. Такие пособия устанавливаются непосредственно в субъектах РФ, как мы уже упоминали выше, с 2005 г. Пособия назначаются только на детей в семьях с доходом ниже прожиточного минимума в регионе. В большинстве регионов базовый размер пособия в 2014–2015 гг. составляло 100-300 руб. в 2 регионах менее 100 руб., в 33 регионах менее

200 руб. и лишь в 16 регионах – 300 и более рублей (минимальный размер 90 руб., максимальный – более 1000 руб.). При этом размер прожиточного минимума детей в 2015 г. приблизился к 10 тыс. руб., то есть в большинстве регионов пособие покрывает лишь 1-3% от прожиточного минимума детей.

Число детей, на которых выплачивается пособие, существенно сократилось, и продолжает сокращаться. На конец 2004 г. это пособие родители получали на 16660 тыс. детей, более 50% от общего числа детей до 16 лет на тот момент. На конец 2006 г. – на 11830 тыс. детей, на конец 2011 г. – на 9675 тыс., – 36,5 %, на конец 2015 г. – на 8056 тыс. детей, менее 28%. В 2015 г. в число этих детей вошли и 97,5 тыс. детей, получающих пособия в Крымском федеральном округе¹.

Сильно (в разы) отличаются в регионах и масштабы охвата семей с детьми ежемесячным пособием «по бедности», так как его назначают только на детей из семей с доходом ниже прожиточного минимума. Доля детей, на которых родители получают пособие, колеблется от менее 10% в Ленинградской и Московской областях, до более чем 91% в Чеченской республике. Большой разброс этого показателя и в Уральском федеральном округе: от 13% в ЯНАО до 61% в Курганской области (табл. 1).

Таблица 1

Численность детей в возрасте до 16 лет, на которых назначено ежемесячное пособие (на конец года)*

Численность детей в возрасте до 16 лет, на которых назначено ежемесячное пособие, тыс. человек**	Год			
	2011	2012	2013	2014
Российская Федерация	9675	8886	8423	8161
Уральский федеральный округ	827	811	805	718
Свердловская область	275,6	261,6	252,6	247,7
К общей численности детей в возрасте до 16 лет, %				
Российская Федерация	36,5	33,0	30,8	28,8
Уральский федеральный округ	34,6	33,1	32,0	27,8
Свердловская область	34,8	32,3	30,4	28,9
Курганская область	63,4	62,5	61,2	60,9
Тюменская область	21,5	20,7	20,0	18,7
в том числе:				
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	17,2	14,8	14,0	13,2
Ямало-Ненецкий авт. округ	16,1	14,4	12,8	13,0
Тюменская область без авт. округов	29,7	31,2	30,8	28,2
Челябинская область	42,2	41,4	41,0	29,0
Максимальные показатели (доля в %)				
Чеченская Республика	86,8	89,0	89,9	91,3
Республика Ингушетия	79,1	78,8	83,5	85,3
Минимальные показатели (доля в %)				
Ленинградская область	10,8	10,6	9,5	9,3
Московская область	17,9	14,6	10,2	9,8

*Источник: Данные Росстата

(http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#)

**Учащихся общеобразовательных учреждений – до окончания ими обучения, но не более чем до достижения ими возраста 18 лет.

Расходы на ежемесячные пособия на детей (более 46 млрд руб. в 2013–2014 гг.) составляют большую часть региональных расходов на поддержку семей. Но есть и другие

¹ Источник: Данные Росстата (см.

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#)

виды помощи семьям. В 2014 г. регионы потратили более 10 млрд руб. на другие регулярные и единовременные выплаты семьям, прежде всего малоимущим, а также более 8,6 млрд рублей на региональный материнский капитал.¹

Несмотря на кажущуюся масштабность принятых в последнее десятилетие мер, по нашему мнению, их пока недостаточно для того, чтобы молодые семьи могли принимать свободные и ответственные решения о рождении детей. Анализ показывает, что даже удвоение расходов на поддержку семьи, которое произошло в 2007 г. (в сравнении с 2006 г.) и их ежегодная индексация с 2008 г. оставляет этот показатель на уровне 0,5-0,6 % к ВВП (т. е. меньше, чем в 90-е гг.). Вклад пособий в доходы семей по-прежнему незначителен.

Включение Росстатом начиная с 2014 г. в расходы на семейные и материнские пособия выплат по программе материнского (семейного) капитала (что, на наш взгляд, методологически весьма спорно) увеличивает долю расходов к ВВП до 0,8-0,9 %. Но даже в этом случае показатель ниже 1% (уровня 1994–1995 гг.) и в 2-4 раза ниже уровня расходов в европейских странах.

Не спасает и индексация. За 2008–2015 гг. пособия были увеличены в 1,8 раза, цены выросли более чем в 2 раза, а величина прожиточного минимума детей – в 2,6 раза².

В качестве антикризисной меры, как и в 2009-2010 гг., в 2015 г. обладателям сертификата на материнский (семейный) капитал было разрешено использовать 20 тыс. рублей на текущие нужды, более 2 млн семей уже воспользовались этой поддержкой. Намечено и в 2016 г. продолжить такую выплату, причем в размере 25 тыс. руб.

В апреле 2016 г. Правительство РФ утвердило План мероприятий по реализации в 2016–2020 гг. Концепции демографической политики на период до 2025 года. Предусмотрены меры по повышению рождаемости, по снижению смертности и формированию мотивации к здоровому образу жизни, по регулированию миграции.

В Плате представлено 51 мероприятие, из которых 32 должны реализовываться при активном участии органов исполнительной власти субъектов РФ. Предусмотрена разработка и реализация региональных планов мероприятий демографического развития, включающих целевые показатели по повышению рождаемости, снижению смертности и миграции. Намечена отработка эффективных мер по повышению рождаемости и снижению смертности на примере пилотных субъектов РФ. [8]

Список источников

1. Выступление Председателя Правительства РФ В. В. Путина 11 апреля 2012 г. в Государственной Думе с отчетом о деятельности Правительства Российской Федерации за 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/14898/>

2. Демографическая и семейная политика. Некоторые важные результаты и показатели 2015 года / Правительство Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/info/22696/>

3. Елизаров В. В. Новые меры демографической политики и их вклад в увеличение поддержки семей с детьми // Уровень жизни населения регионов России. – 2007. – №5.

4. Елизаров В. В. Семейная политика и экономическая поддержка семьи в современной России // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – №6.

5. Елизаров В.В. Стимулирование рождаемости: от теории к практике // Уровень жизни населения регионов России. 2006, №5-6.

¹ Расчеты автора. Источник данных: Социальное положение и уровень жизни населения России 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_44/Main.htm

² Расчеты автора. Источники данных: инфляция – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/tab-potr1.htm; прожиточный минимум – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

6. Основные направления государственной семейной политики. Утв. Указом Президента РФ № 712 от 14 мая 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.referent.ru/1/8042>

7. Письмо Минтруда России №12-6/10/В-6220 от 31 августа 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/237>

8. План мероприятий по реализации в 2016-2020 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утвержден Распоряжением Правительства РФ от 14 апреля 2016 г. № 669-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/22743/>

9. Послание Президента России Федеральному Собранию 30 ноября 2010 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/9637>

10. О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 года №606 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/15257>

11. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/laws/acts/43/555449.html>

12. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ. С изменениями и дополнениями [Электронный ресурс]. URL: - <http://base.garant.ru/12136676/>

Информация об авторе

Елизаров Валерий Владимирович (Россия, Москва) – к. э. н., руководитель центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, экономический факультет, комн. 452; E-mail: elizarovvv@gmail.com

Elizarov V.V.

ECONOMIC SUPPORT TO FAMILIES WITH CHILDREN IN SOCIO-DEMOGRAPHIC POLICY IN RUSSIA: FEDERAL AND REGIONAL MEASURES

Considered the current state of a system of measures for economic support to families with children, including basic types of family and maternity allowances and expenditures, as well as maternal capital and tax incentives. Shown as federal stimulus measures of second and third births are complemented by measures at the regional level by the regional family support.

Keywords: population policy, family policy, family benefits, maternity capital, tax deductions for children

Information about the author

Elizarov Valery Vladimirovich (Russia, Moscow) – PhD, Head of the Center for Population Studies, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics Russia, 119991, Moscow, MSU, GSP-1, Leninskiye Gory; 1-46, r.45. E-mail: elizarovvv@gmail.com

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ*

Проблема повышения пенсионного возраста исследуется с позиций социально-экономических последствий не только для решения конъюнктурных задач «экономии бюджетного трансферта» в плановый период, но и для долгосрочных перспектив становления всей государственной пенсионной системы на рыночно-страховых принципах.

Ключевые слова: пенсионный возраст, стратегическое планирование, долгосрочное прогнозирование, актуарные расчеты, продолжительность жизни, демографическая стратегия, страховая пенсия, федеральный бюджет

Традиционное представление о линейной зависимости нормативного возраста назначения пенсии от продолжительности жизни даже «с опорой на западный опыт» в нашей стране не обосновано ни с макроэкономической, ни с демографической позиций. Проблема пенсионного возраста не может быть сведена исключительно к зависимости от ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ) или к увеличению так называемой демографической нагрузки, и далеко выходит за пределы чистой демографии.

В условиях финансовых кризисов, сопровождающих рыночную экономику, повышение пенсионного возраста традиционно рассматривается как главный инструмент сокращения бюджетного дефицита. Одновременно с этим повышению пенсионного возраста придается статус структурной реформы, обеспечивающей соответствие Пенсионный фонд России рыночным экономическим и социальным отношениям. При этом традиционно ссылаются на благополучные во всех отношениях западные эталоны пенсионных систем, где возраст назначения пенсий давно установлен на уровне 65 лет и даже выше, без акцентирования внимания на макроэкономических и социальных условия, в которых функционируют все успешные западные пенсионные системы [1, с. 92].

Однако даже беглый взгляд на соотношение нормативного пенсионного возраста с ожидаемой продолжительностью жизни населения в сопоставимых условиях с общепринятой границей трудоспособности (65 лет) наглядно показывает огромный разрыв между периодом получения пенсии на Западе и в России (в среднем 5 лет), особенно у мужчин: в Европе – 18-22 года, в России – 12,7 года.

Анализ комплекса условий развития пенсионной системы и профессиональное изучение институциональных особенностей образцовых западных пенсионных систем с целью сопоставления с отечественными характеристиками позволяет выявить принципиальные различия, которые необходимо учитывать при решении проблемы повышения пенсионного возраста в России.

Большинство публикаций по данной теме делают выводы о наличии демографических условий для повышения возраста без учета различий в границах трудоспособности в нашей стране и в Европе. Дополнительным аргументом необходимости повышения пенсионного возраста на основе той же динамики ОПЖ используется факт нехватки рабочей силы на рынке труда и рост численности работающих пенсионеров (особенно женщин) также без учета структуры занятости отечественного рынка труда (теневая занятость, доля квалифицированных рабочих мест) и причин пенсионной занятости (обеднение пенсионеров, рост нуждаемости) [2, с. 61].

Проведенные исследования доказывают, что проблема пенсионного возраста гораздо сложнее и не может быть сведена к прямой производной от демографической

* Работа выполнена по плану бюджетных исследований Финуниверситета 2016.

статистики: она должна рассматриваться как составная часть макроэкономической политики государства. Пенсионный возраст нельзя рассматривать в изоляции от других параметрических характеристик национальной пенсионной системы (размер страхового тарифа, нормативные требования по стажу и т. п.), которые, в свою очередь, зависят от различных условий и макроэкономических факторов (причем не только в текущий период, но и в течение всего пенсионного цикла – 70-80 лет).

Сторонники аврального повышения возрастного норматива назначения пенсии не учитывают также институциональную составляющую пенсионного возраста, которая присутствует в современном страховом механизме формирования пенсионных прав работников, поскольку в страховой пенсионной системе возраст назначения пенсии становится производной величиной от продолжительности трудового стажа и продолжительности периода выплаты страховой пенсии.

Кроме того, при установлении возрастной границы назначения пенсии исходными параметрами должны служить размер и динамика фонда зарплаты (его доля в ВВП), инфляция, динамика и структура рынка труда, то есть наличие рабочих мест и др.

Взаимовлияние макроэкономических и демографических факторов определяет условия реализации базового страхового принципа современной пенсионной системы – эквивалентность пенсионных прав и пенсионных обязательств, который на практике означает, что увеличение пенсионного возраста автоматически приведет к увеличению пенсионных прав, реализацию которых неизбежно придется обеспечить каждому застрахованному лицу. А реальная экономия бюджетных расходов за счет невыплаты на период отложенного назначения пенсии достигается исключительно за счет не доживших до новой возрастной границы граждан.

Однако и такой источник бюджетной экономии имеет жесткие социально-демографические ограничения – сохраняется высокий уровень смертности пожилого населения, особенно мужчин. Даже при действующем пенсионном возрасте до пенсии доживают только две трети мужчин, начавших трудовую деятельность в 20 лет. При сдвиге возраста на 5 лет до пенсии доживет значительно меньше половины мужчин (около 40%), что не соответствует принятым международным нормам и рекомендациям МОТ по минимальным нормам социальной защиты цивилизованного государства в части широты охвата (вовлеченности) всех социально-демографических категорий граждан в пенсионную систему и превращает государственную пенсионную систему из общедоступной в ограниченно доступную (например, для привилегированных, относительно обеспеченных, здоровых и т. п.).

Для принятия экономически обоснованного решения по пенсионному возрасту необходимо определить критерии оценки результатов, которые будут достигнуты, с учетом демографических изменений в структуре населения. Результаты повышения пенсионного возраста должны оцениваться по степени повышения эффективности выполнения институциональных функций государственной пенсионной системы: уровень материального обеспечения пенсионеров, с одной стороны, и экономической нагрузки на госбюджет – с другой. При этом надо объективно признавать отечественные особенности применения обоих критериев: уровень материального обеспечения среднестатистического пенсионера в нашей стране последние четверть века все еще оценивается исходя прожиточного минимума, а уровень нагрузки на госбюджет непосредственно увязывается с нагрузкой на бизнес и его инвестиционной активностью.

Несмотря на то, что пенсионные обязательства перед населением являются самыми долгосрочными в стратегических программах развития любой страны (период жизни двух поколений), до сих пор пенсионные параметры (как по формированию пенсионных прав, так и по их реализации) учитываются в макроэкономических прогнозах по остаточному принципу и не применяются как базовые факторы долгосрочного социально-экономического развития государства и целевые макроэкономические параметры.

Норматив пенсионного возраста является прямой производной от внешних для пенсионной системы факторов и условий. Одним из таких факторов признаны демографические характеристики населения страны как в прошедшие периоды, в которых формировались государственные пенсионные обязательства, так и в будущем (по демографическому прогнозу Росстата), которые будут определять условия реализации накопленных пенсионных прав современных поколений застрахованных лиц.

Кроме демографии, для возрастного норматива учитывается возрастающая в условиях рыночной экономики значимость таких внешних факторов, как макроэкономика и уровень развития рынка труда, в которых эти пенсионные права будут формироваться. Успешная зарубежная практика материального обеспечения пенсионеров показывает, что именно макроэкономика и социально-трудовые отношения определяют институциональный формат пенсионной системы, который регламентирует экономические отношения между всеми ее участниками: работника (будущего пенсионера), работодателя (финансового агента) и государства (конституционного гаранта и контроля выполнения прав и обязательств каждой стороны) [3, с. 84].

В нашей стране, которая до сих пор не завершила переходный период от «развитого социализма» к «развитому рынку» макроэкономические и трудовые факторы играют ключевую роль в создании нормальных условий для любых изменений сложившихся параметров выхода на пенсию, как на общих основаниях, так и на льготных (досрочных, привилегированных и т.п.).

Как наглядно демонстрирует сравнение России со странами ОЭСР в сопоставимых условиях периода дожития (продолжительность жизни после определенного возраста), в течение которого должна выплачиваться государственная пенсия в настоящее время демографических оснований для аврального повышения возраста назначения пенсии нет. Долгосрочный демографический прогноз Росстата также показывает сохранение большого отставания темпов увеличения продолжительности жизни старших возрастов от западного населения (особенно – мужского населения).

Тем не менее, как в теории, так и в практике экономической и социальной политики цивилизованного государства нормативный показатель пенсионного возраста рассматривается как важнейший, если не ключевой инструмент долгосрочного регулирования не только пенсионной, но и макроэкономической системы страны. Поэтому пенсионный возраст должен быть поставлен в один ряд с тарифной политикой формирования пенсионных прав (отношения работника и работодателя) и институциональной формацией пенсионной системы (отношения застрахованного лица и страховщика: солидарного или индивидуально-накопительного), а также трансфертной системой государственной гарантии выполнения пенсионных обязательств [5, с. 204].

Однако норматив пенсионного возраста принципиально отличается от выделенных выше нормативных регуляторов пенсионной системы тем, что он не только сам зависит от комплекса внешних факторов, но и оказывает разнонаправленное и пролонгированное воздействие не только на социальную политику, но и многие макроэкономические параметры. Поэтому обоснование и выбор пенсионного возраста должны основываться не на социальных или политических соображениях, а на профессиональных экономических и актуарных расчетах. При наличии определенных демографических изменений в продолжительности жизни нашего населения (отдельных возрастных категорий) в последние годы и долгосрочной перспективе повышение возраста на страховую пенсию необходимо рассматривать в непосредственной взаимосвязи с долгосрочным макроэкономическим прогнозом социально-экономического развития страны.

По прогнозу Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в период 2015–2030 гг. будет наблюдаться неуклонный рост численности постоянного населения России, к 2030 г. она составит более 147,6 млн чел. При этом к 2030 г. на 1000 лиц трудоспособного возраста будет приходиться 864 чел. нетрудоспособных (дети и лица старше трудоспособного возраста), в то время как сейчас нагрузка составляет 722 чел.

На фоне роста численности населения страны, по нашим оценкам, численность получателей страховой пенсии в последующие 15 лет увеличится на 12% (с 39,7 млн чел. до 44,5 млн чел. к 2030 г.). При этом драйверами роста служат не только естественные тенденции демографического развития (демографические волны), но и прогнозируемый рост продолжительности жизни населения в общеустановленном пенсионном возрасте. Так, на сегодняшний день ожидаемая продолжительность жизни мужчин, достигших возраста 60 лет составляет 16 лет, женщин, в возрасте 55 лет, – 25,3 года. К 2030 г. эти показатели составят – 17,9 лет и 27,2 года соответственно. Приведенные демографические параметры трансформируются в бюджете ПФР в денежный эквивалент неуклонно растущих финансовых расходов, что усиливает нагрузку на федеральный бюджет.

Принимая во внимание позитивные тенденции роста продолжительности жизни населения, некоторые экономисты предостерегают необходимость незамедлительного повышения пенсионного возраста в целях сокращения объема трансфертов федерального бюджета бюджету ПФР. Напомню, что действующий порог общеустановленного пенсионного возраста – 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин – впервые был введен Постановлением ВЦИК СНК РСФСР от 26.08.1929 г., когда ожидаемая продолжительность жизни мужчин в возрасте 60 лет составляла 14,5 лет, женщин, достигших возраста 55 лет, – 20,7 лет. Следует обратить внимание, что рост этого показателя за прошедшие 86 лет существенно отстает от среднеевропейских показателей. Так, например, последние полувековой период в странах Европы ОПЖ увеличился на 150%, в то время как в России – на 110%.

В этих условиях активно обсуждаются комплексы мер, которые должны быть направлены на всех участников пенсионной системы (работодателей, государство – в лице госбюджета), а не только на пенсионеров, путем секвестирования законодательно обоснованных – заработанных – пенсионных обязательств перед застрахованными лицами. Такой комплекс мер далеко выходит за пределы самой пенсионной системы и требует не только ее адаптации к бюджетно-финансовым трудностям страховщика, но и всей макроэкономической системы государства [4, с. 100].

Дополнительную сложность в решении проблемы пенсионного возраста создают как многоукладность отечественной пенсионной системы, связанная с чрезмерной диверсификацией нормативных условий формирования пенсионных прав для различных видов народнохозяйственной деятельности), так и высокие финансовые риски переходной экономики.

В таких условиях повышение пенсионного возраста должно осуществляться не из краткосрочных интересов финансовой конъюнктуры или социально-политических соображений, а на основе актуарных расчетов, которые позволяют учитывать весь комплекс факторов, условий и противоречий, сопровождающих этот исторический процесс.

Актуарные расчеты позволяют найти взвешенный компромисс между многочисленными противоречиями социальных функций пенсионной системы и экономических интересов общества. Основываясь на страховых принципах эквивалентности пенсионных прав и пенсионных обязательств, актуарные расчеты показывают, что любое изменение пенсионного возраста целесообразно лишь в случае, когда его результатом станет улучшение существующих показателей пенсионной системы, достигаемых в рамках действующего законодательства.

Актуарное моделирование показало, что в современных демографических условиях формирования пенсионных прав повышение пенсионного возраста не только не позволит стабилизировать пенсионную систему, но наоборот, после краткосрочной и незначительной экономии на переходном периоде существенно повышает (несмотря на снижение численности пенсионеров) риски роста расходов бюджета ПФР и, соответственно, федеральных трансфертов на покрытие дефицита.

Причина заключается в том, что финансовые проблемы пенсионной системы обусловлены внешними факторами (макроэкономическими и демографическими), которые не могут быть нивелированы параметрическими настройками внутри пенсионной системы. Поэтому необходимо осуществлять государственное регулирование макроэкономики исходя из необходимости выполнения накопленных пенсионных долгов, а не пытаться их секвестировать, так как это дает лишь краткосрочный эффект с последующим нарастанием комплекса экономических проблем.

Трансферты федерального бюджета (на обязательное пенсионное страхование, на возмещение расходов по выплате страховых пенсий в связи с зачетом в страховой стаж нестраховых периодов, на компенсацию выпадающих доходов ПФР в связи с установлением пониженных тарифов и на валоризацию РПК) после снижения, сначала существенно возрастут по сравнению с базовым вариантом. Единственным позитивным результатом повышения пенсионного возраста является повышение уровня жизни пенсионеров, которые доживут до повышающегося пенсионного возраста.

© Соловьев А.К. Текст. 2016

Список источников

1. Вишневецкий А., Васин С., Рамонов А. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // Вопросы экономики. – 2012. – № 9. – С. 88-109.
2. Кудрин А. Л., Гурвич Е. Т. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. – 2012. – №3. – С. 52-79.
3. Соловьев А. К. Макроанализ пенсионной системы России // Вопросы экономики. – 2013. – №4. – С 82-91.
4. Соловьев А. К. Пенсионная реформа: иллюзии и реальность : учеб. пособие. – М. : Проспект, 2015. – 300 с.
5. Реформа пенсионной системы // Стратегия - 2020. Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад. Кн. 1. гл. 6. – М.: Дело. 2013. – С. 197-228.

Информация об авторе

Соловьев Аркадий Константинович – доктор экономических наук, профессор Финансового университета, заслуженный экономист РФ, Начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования. E-mail: sol26@100.pfr.ru

Solovev A. C.

DEMOGRAPHIC CONDITIONS OF REALIZATION OF PENSION REFORM

The problem of increase of a retirement age is investigated from positions of social and economic consequences not only for the solution of tactical problems of "economy of the budgetary transfer" in planning period, but also for long-term prospects of formation of all state pension system on market and insurance mechanisms.

Keywords: retirement age, strategic planning, long-term forecasting, actuarial calculations, life expectancy, demographic strategy, insurance pension, federal budget.

Information about the author

Solovev Arkadii Constantinovich – Professor, doctor of economics honored economist of Russia Head of the Department of actuarial and strategic planning of the Pension fund of the Russian Federation

РОЖДАЕМОСТЬ В РЕАЛЬНЫХ ПОКОЛЕНИЯХ – ВОЗМОЖНОСТЬ ОЦЕНИТЬ ПРОШЛОЕ И ЗАГЛЯНУТЬ В БУДУЩЕ*

Анализируются показатели рождаемости в реальных поколениях женщин по России и отдельным регионам (на начало 2015 г.), в отношении которых выявлена возможность использования возрастных коэффициентов рождаемости наряду с данными переписи населения для оценочного расчета этих показателей. Рассмотрена возможность использования показателей рождаемости в реальных поколениях для демографического прогноза.

Ключевые слова: рождаемость, реальные поколения, демографический прогноз

Анализ изменения среднего числа рожденных детей (в т. ч. по очередности рождения) в реальных поколениях женщин позволяет корректнее оценить тенденции изменения рождаемости под влиянием различных факторов и в т. ч. мер демографической политики, точнее определить возможный перспективный тренд рождаемости для демографических прогнозов, освободив его от присущих, например, суммарному коэффициенту рождаемости, колебаний, связанных с откладыванием рождения детей или, наоборот, более ранним их рождением в связи с теми или иными обстоятельствами, возникающими в отдельные календарные годы.

Информацию о числе рожденных детей в реальных поколениях дают переписи населения, но их оценку можно получить, суммируя по поколениям возрастные коэффициенты рождаемости. Это позволяет иметь информацию о среднем числе рожденных детей в реальных поколениях женщин, учитывающую детей, родившихся в послепереписной период. Более того, можно «разложить» среднее число рожденных детей на отдельные возрастные периоды жизни женщины и на календарные годы, а также рассчитать средний возраст при рождении как всех детей, так и по очередности рождения у женщин того или иного поколения.

В базе данных The Human Fertility Database¹ есть однолетние возрастные коэффициенты рождаемости (в т. ч. по очередности рождения) по России, начиная с 1959 г., используя которые можно рассчитывать оценочные средние числа рожденных детей для женщин, начиная с поколения 1944 г. р.

После небольшого повышения, связанного, кроме прочего, с осуществлением мер помощи семьям с детьми в 1980-е гг., среднее число рожденных сокращалось с 1,85-1,90 у женщин 1949–1957 гг. р. до 1,56 у женщин 1973 г. р. (к началу 2015 г., с возможным ростом к концу репродуктивного возраста на 0,01-0,02) У женщин 1974 и 1975 гг. р. оно уже несколько выше – соответственно, 1,59 и 1,58. В итоге, видимо, будет не меньше 1,61–1,62².

Таким образом, уже сейчас можно говорить, как минимум, о стабилизации среднего числа рожденных детей в реальных поколениях женщин и некотором его повышении, начиная с поколений середины 1970-х гг. р. Это можно рассматривать как результат демографической политики. Но окончательно о степени ее результативности можно будет судить, когда женщины, которые сейчас в активном репродуктивном

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №15-06-04731 «Социальные и экономические последствия возможных сценариев демографического развития России (на федеральном и региональном уровнях)».

¹ См. <http://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=asfr&t1=3&t2=4>

² Рассчитано по: The Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=asfr&t1=3&t2=4>) и данные Росстата

возрасте, завершат репродуктивный период и для них станет известное итоговое число рожденных детей.

Среднее число первых рождений (или, иначе говоря, доля родивших хотя бы одного ребенка) в поколениях женщин 1957–1961 г. р. составляет 0,93–0,95. В поколениях 1962–1971 г. р. величина этого показателя равна 0,92, а в более молодых поколениях она снижается: 1974 г. р. – 0,90; 1975 г. р. – 0,89; 1976 г. р. – 0,88; 1977 г. р. – 0,87. У этих женщин итоговое среднее число первых рождений еще несколько возрастет, но вряд ли достигнет 0,92.

Среднее число вторых рождений (доля родивших хотя бы двоих детей) после небольшого повышения у женщин, родившихся во второй половине 1950-х гг., достигло максимума у женщин 1957–1959 гг. р., составив 0,67–0,68. В более молодых поколениях оно заметно снижалось (1960 г. р. – 0,66; 1965 г. р. – 0,57; 1970 г. р. – 0,50), но у женщин 1970-х гг. р. фактически стабилизировалось: 1970–1971 гг. р. – 0,50; 1972–1973 гг. р. – 0,49; 1974–1977 гг. р. – 0,50. Понятно, что в более молодых поколениях итоговое среднее число вторых рождений еще возрастет и можно будет говорить не о его стабилизации, а о росте.

Среднее число третьих рождений (доля родивших хотя бы троих детей), достигнув величины 0,19 у женщин 1954–1955 гг. р., в более молодых поколениях несколько сокращается до 0,13 у женщин 1966 г. р. Однако дальнейшего его снижения не происходит вплоть до поколения женщин 1978 г. р. При этом, опять же, необходимо иметь в виду, что в более молодых поколениях величина этого показателя еще возрастет.

Доля женщин, родивших второго ребенка среди родивших первого, у женщин 1950-х гг. р. была несколько выше, чем у родившихся во второй половине 1940-х гг. (минимальная ее величина среди поколений, начиная с 1944 г. р., составляет 64,3% у женщин 1946 г. р.). Максимальная величина этого показателя у женщин 1956 и 1957 гг. р. (соответственно, 72,9 и 72,7%). В последующих поколениях она непрерывно и существенно сокращается (1960 г. р. – 70,0%; 1965 г. р. – 62,4%; 1970 г. р. – 54,5%), достигнув минимума у женщин 1971 г. р. – 54,2% на начало 2015 г. У более молодых эта доля повышается и в поколении 1977 г. р. составляет сейчас 57,4% с перспективой повышения.

Схожая тенденция прослеживается в доле женщин, родивших третьего ребенка среди родивших второго. У женщин 1950-х гг. р. она несколько повышалась от 25,7% в поколении 1948 г. р. до 28,0% в поколении 1954 г. р. Затем ее величина неуклонно снижалась (1955 г. р. – 27,6%; 1960 г. р. – 25,5%), достигнув минимума у женщин 1965 г. р. (23,9%). У тех, кто на 10 лет моложе (1975 г. р.) она равна 26,5%, а у женщин 1976 и 1977 гг. р. – 26,3%

Если величина доли родивших второго ребенка среди родивших первого у женщин 1977 г. р. вернулась к уровню этого показателя в поколении 1968 г. р., то доля родивших третьего ребенка среди родивших второго у женщин 1975 г. р. вплотную приблизилась к уровню, который имеет место у женщин 1958 г. р.

Использование однолетних возрастных коэффициентов рождаемости для расчета оценочных величин среднего числа рожденных детей, в отличие от данных переписей населения, позволяет проанализировать возрастную модель рождаемости для реальных поколений.

Среди рассматриваемых здесь поколений (начиная с 1944 г. р.) самая молодая возрастная модель рождаемости была у женщин 1959–1968 гг. р., у которых, в среднем, один ребенок рождался уже к 25 годам. У женщин 1963–1964 гг. р. среднее число рожденных детей к этому возрасту равно 1,04, 1965–1966 гг. р. – 1,05. В возрастном интервале 30–34 года среднее число рожденных детей у них, наоборот, наименьшее (0,15–0,16). В последующих поколениях возрастная модель рождаемости стареет: значительно снижается среднее число рожденных детей к 25 годам (1968 г. р. – 1,00; 1971 г. р. – 0,90; 1974 г. р. – 0,80; 1977 г. р. – 0,70; 1980 г. р. – 0,65) и существенно повышается величина

этого показателя в возрастном интервале 30–34 года (1968 г. р. – 0,18; 1971 г. р. – 0,21; 1974 г. р. – 0,25; 1977 г. р. – 0,31; 1980 г. р. – 0,36) и после достижения 35 лет (1956–1962 гг. р. – 0,07; 1965 г. р. – 0,09; 1970 г. р. – 0,14; 1973–1975 гг. р. – 0,17). В более молодых поколениях прекращается снижение среднего числа рожденных детей к 25 годам и у женщин 1983–1989 гг. р. оно находится на уровне 0,58–0,59. Заметно возрастает и величина этого показателя в возрастном интервале 25–29 лет (1970–1972 гг. р. – 0,33; 1975 г. р. – 0,37; 1980 г. р. – 0,43; 1985 г. р. – 0,52).

Если у женщин 1965 г. р. к 25 годам появилось на свет 62,2% всех рожденных детей, а к 30 годам – 85,3%, то у тех, кто на 10 лет моложе (1975 г. р.) – соответственно 48,9 и 72,5%. Причем у последних эти величины могут уменьшиться из-за некоторого дополнительного числа рожденных детей в возрасте 40 лет и старше.

Повышенное среднее число рожденных детей к 25 годам у женщин 1963–1966 гг. р. связано с большим числом у них вторых рождений к этому возрасту. У женщин 1965 г. р. оно на 0,08 больше, чем у тех, кто на 10 лет старше (0,28 против 0,20). По первым и третьим рождениям разница составляет лишь 0,01 (соответственно, 0,73 против 0,72 и 0,03 против 0,02).

Среднее число первых рождений к 25 годам мало и неустойчиво меняется у женщин 1957–1970 гг. р. (0,72–0,74), а у более молодых сокращается (1975 г. р. – 0,63; 1980 г. р. – 0,54; 1985 г. р. – 0,47; 1990 г. р. – 0,44). Это связано, отчасти, с отмеченным выше некоторым сокращением среднего числа первых рождений вообще, но главным образом с переносом их рождения на более поздний возраст. Если у женщин 1970 г. р. среднее число первых рождений в возрастном интервале 25–29 лет составляет 0,13, то у женщин 1975 г. р. – 0,17, 1980 г. р. – 0,21, 1985 г. р. – 0,25. Немного увеличивается оно и в возрастном интервале 30–34 года: 1959–1969 гг. р. – 0,04; 1970–1972 гг. р. – 0,05; 1973–1975 гг. р. – 0,06; 1976–1977 гг. р. – 0,07; 1978–1981 гг. р. – 0,08. Если у женщин 1967 г. р. к 25 годам родилось 80,7% первых детей (максимум среди рассматриваемых поколений), то у женщин 1975 г. р. – 71,1%, 1980 г. р. – 64,6% (эта величина, вероятно, еще немного сократится за счет рождения части первых рождений в возрасте 35 лет и старше). При этом в поколении 1980 г. р. доля первых рождений в возрастном интервале 25–29 лет на начало 2015 г. составляла 25,3%, а в 30–34 года – 10,2%.

Возрастная модель по вторым рождениям молодела до поколений середины 1960-х гг. р. Максимальная их доля к 25 годам составляет 48,1% у женщин 1965 г. р. В поколении 1970 г. р. она составляет 36,8%, 1975 г. р. – 24,8%, 1980 г. р. – 21,3%. Доля вторых рождений в возрасте 25–29 лет меняется в этих поколениях относительно незначительно (1965 г. р. – 33,4%; 1970 г. р. – 31,0%; 1975 г. р. – 32,3%; 1980 г. р. – 38,3%), но в возрастах 30–34 года (1960 г. р. – 12,5%; 1965 г. р. – 12,9%; 1970 г. р. – 20,7%; 1975 г. р. – 28,1%; 1980 г. р. – 40,4%) и 35 лет и старше (1960 г. р. – 3,1%; 1965 г. р. – 5,6%; 1970 г. р. – 11,5%; 1975 г. р. – 14,9%) существенно возрастает. У женщин поколений 1970-х и 1980-х г. р. еще возрастет доля вторых рождений в возрасте 35 лет и старше, и, соответственно, сократится у более молодых. Начиная с поколения 1977 г. р. наибольшая доля вторых рождений происходит в возрасте 30–34 года.

Среднее число вторых рождений к 25 годам максимально (среди рассматриваемых поколений) у женщин 1964–1965 гг. р. (0,28). Далее оно сокращается до 0,09 у женщин 1981–1985 гг. р. и немного повышается в более молодых поколениях (1988–1990 гг. р. – 0,11). В возрасте 25–29 лет среднее число вторых рождений сокращается с 0,32 у женщин 1957–1959 гг. р. до 0,15 у женщин 1971–1973 гг. р., но в более молодых поколениях возрастает до 0,21 у женщин 1984–1985 гг. р. Еще более существенный рост этого показателя в молодых поколениях в возрасте 30–34 года. После снижения до 0,07 у женщин 1961–1965 гг. р. он возрастает до 0,18 у женщин 1978–1980 гг. р. В возрасте 35 лет и старше среднее число вторых рождений увеличивается с 0,02 у женщин 1956–1962 гг. р. до 0,08 у женщин 1974 г. р.

В поколениях женщин 1959–1961 гг. р. почти половина (48–49%) третьих рождений происходила в возрасте 25–29 лет. В последующих поколениях величина этого показателя снижается пока до 22,3% у женщин 1976 г. р. При этом значительно большим становится вклад в число третьих рождений возрастных групп 30–34 года (1965 г. р. – 22,8%; 1970 г. р. – 28,0%; 1975 г. р. – 33,1%; 1980 г. р. – 58,8%) и 35 лет и старше (1965 г. р. – 17,5%; 1970 г. р. – 29,3%; 1973 г. р. – 36,0%). Начиная с поколения 1970 г. р. наибольшая доля третьих рождений происходит в возрасте 35 лет и старше.

Средний возраст матери при рождении детей снижался в поколениях женщин 1950–х – первой половины 1960–х гг. р. (1950 г. р. – 26,21 года; 1955 г. р. – 25,85; 1960 г. р. – 25,12; 1965 г. р. – 24,80 года), но затем заметно возрастал (1968 г. р. – 25,06 года; 1971 г. р. – 25,55; 1974 г. р. – 26,13; 1977 г. р. – 26,39 года). В более молодых поколениях женщин, еще не завершивших процесс деторождения, величина этого показателя еще несколько возрастет.

Понятно, что средний возраст матери при рождении детей, при прочих равных условиях, будет выше при большей доли родивших второго, третьего и последующих детей.

Средний возраст матери при рождении первого ребенка неуклонно сокращался с 23,57 года у женщин 1947 г. р. до 22,68 у женщин 1967–1969 гг. р. В последующих поколениях происходило быстрое повышение этого показателя. Уже у женщин 1973 г. р. он составил 23,06 года, 1976 г. р. – 23,50, 1979 г. р. – 23,90. В более молодых поколениях на начало 2015 г. величина этого показателя чуть ниже (1980 г. р. – 23,89 года; 1981 г. р. – 23,88; 1982 г. р. – 23,87 года), но, безусловно, возрастет до завершения этими женщинами процесса деторождения.

Средний возраст матери при рождении второго ребенка снижался в поколениях 1949–1964 г. р. Особенно существенным это снижение было у женщин 1954–1961 гг. р. (с 27,71 года у женщин 1953 г. р. до 26,33 у женщин 1961 г. р.). В последующих поколениях величина этого показателя очень быстро повышается (1964 г. р. – 26,16 года; 1967 г. р. – 26,65; 1970 г. р. – 27,74; 1973 г. р. – 28,75; 1976 г. р. – 29,12 года).

Схожая тенденция в изменении среднего возраста матери при рождении третьего ребенка – снижение с 30,86 года у женщин 1950 г. р. до 28,84 у женщин 1961 г. р. и последующее повышение до 32,21 года у женщин 1974 г. р.

При реализации мер помощи семьям с детьми в 1980–е гг. разница в среднем возрасте матери при рождении второго и первого ребенка неуклонно сокращалась с поколения 1950 г. р. (4,53 года) до поколения 1963 г. р. (3,31 года), что свидетельствует о происходивших тайминовых сдвигах. Сейчас, наоборот, она неуклонно растет вплоть до поколения 1974 г. р. (5,75 года). Некоторое ее сокращение у более молодых женщин (1975 г. р. – 5,72; 1976 г. р. – 5,62; 1977 г. р. – 5,42), безусловно, не свидетельствует о сближении возраста при рождении второго и первого ребенка. Процесс деторождения у них продолжается и средний возраст матери при рождении детей будет расти, причем при рождении второго ребенка в большей мере, чем при рождении первенца, а, следовательно, увеличится разница между ними.

Разница в среднем возрасте матери при рождении третьего и второго ребенка сокращалась с 2,99 года у женщин 1951 г. р. до 2,39 года у женщин 1959 г. р., а затем увеличивается до 3,65 года у женщин 1970 г. р. У более молодых женщин она несколько меньше (1971 г. р. – 3,64; 1972 г. р. – 3,60), но возрастет до завершения ими процесса деторождения.

Разница между средним возрастом матери при рождении, например, второго и первого ребенка не вполне адекватна интервалу между рождением первого и второго ребенка. Необходимо учитывать не просто средний возраст матери при рождении первого ребенка, а его величину только для тех женщин, у которых родился второй ребенок.

Если в целом по России использование возрастных коэффициентов рождаемости для оценочного расчета средних чисел рожденных детей в реальных поколениях женщин не вызывает сомнений, то для регионов таких расчетов в нашей стране почти не было.

Для регионов можно предположить заметно большие расхождения между числами рожденных детей в реальных поколениях женщин по данным переписи населения и рассчитанными по возрастным коэффициентам рождаемости. Из-за межрегиональной миграции имеют место более значимые, чем на федеральном уровне, расхождения в совокупностях женщин, проживавших в регионе на момент переписи населения и входивших в число тех, для кого рассчитывались показатели рождаемости в межпереписные годы.

Кроме того, если по России в целом однолетние возрастные коэффициенты рождаемости доступны, начиная с 1959 г. (то есть, по сути дела, с поколения женщин 1944 г. р., которым в 1959 г. было 15 лет), то по регионам – с 1989 г. (то есть с поколения женщин 1974 г. р.)¹.

Можно попытаться совместить данные переписи населения и расчет показателей путем суммирования однолетних возрастных коэффициентов, прибавляя результат суммирования за послепереписной период к среднему числу рожденных детей по данным переписи населения. В этом случае существенно сокращается период времени, за который производится оценочный расчет и, следовательно, может уменьшаться накапливаемая ошибка в расчетной оценке среднего числа рожденных детей в реальных поколениях.

Для оценки возможности использования данных текущей статистики в сочетании с результатами переписи населения для получения показателей рождаемости в реальных поколениях на региональном уровне используем однолетние возрастные коэффициенты рождаемости за 2002–2010 гг. и данные переписей населения 2002 и 2010 гг. База микроданных переписи населения 2010 г. позволяет сделать обратный расчет от среднего числа рожденных детей по данным переписи населения 2010 г. к данным переписи населения 2002 г. путем вычитания соответствующих возрастных коэффициентов рождаемости за межпереписной период и сравнить его с результатами переписи населения 2002 г. При этом по переписи 2002 г. используются опубликованные данные по возрастным группам, а по переписи 2010 г. – средневзвешенные числа рожденных детей (веса – численности женщин соответствующих лет рождения по данным переписи населения 2010 г., их соотношение внутри групп по данным переписи населения 2002 г. может быть иным, что может влиять на результат сравнения). Кроме того, следует, конечно, иметь в виду, что в итогах переписи населения группировка женщин дана по возрасту, а не по году рождения. Таким образом, например, 30-летние женщины на момент переписи населения 2002 г. (9 октября) могли быть как 1972 г. р. (родившиеся до 9 октября), так и 1971 г. р. (родившиеся 9 октября и позже). Так как первых явное большинство, все 30-летние женщины по переписи населения 2002 г. были отнесены к 1972 г. р. Так как данные переписи населения используются в данном случае по пятилетним группам, отмеченная некорректность будет проявляться только в годах рождения, определяющих границы групп. При расчете коэффициенты рождаемости за 2002 г. брались только за период после переписи населения, а за 2010 г. – наоборот, до даты переписи.

Говоря о том, какая разница в среднем числе рожденных детей, полученном из разных источников, может считаться существенной, сошлемся на авторитетное мнение С. В. Захарова, который отмечает, что «данные переписей населения 2002 и 2010 гг. хорошо согласуются между собой в отношении показателей для поколений второй половины 1940-х – 1950-х годов» [2, с. 319], приводя при этом величину этого показателя в целом по России, например, для женщин 1948–1952 гг. р. по данным переписи населения 2002 г., равную 1,88, а по переписи населения 2010 г. – 1,85; для женщин 1953–1957 гг. р. –

¹ База данных Центра демографических исследований Российской экономической школы (http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data)

соответственно, 1,83 и 1,88, то есть в первом случае разница составляет 0,03, а во втором – 0,05. [2, с. 321] Он также отмечает, что «данные микропереписи 1994 г. дают не очень большое (*подчеркнуто В. А.*), но систематическое занижение значений показателя в средних пределах 0,05–0,08 рождения на одну женщину при сравнении с результатами для одних и тех же когорт, полученными из других источников» [2, с. 321-322]. Следовательно, можно предположить, что С. В. Захаров не считает очень большой разницу в 0,03–0,05 среднего числа рожденных детей.

Расчеты среднего числа рожденных детей в реальных поколениях на основе данных переписи населения 2010 г. и однолетних возрастных коэффициентов рождаемости за межпереписной период и сравнение их с результатами переписи населения 2002 г. были осуществлены по всем субъектам Российской Федерации, кроме Чеченской Республики (для которой нет данных о числах рожденных детей по переписи населения 2002 г.), Республики Крым и Севастополя. Они показали, что в отношении 45 регионов возможен оценочный расчет среднего числа рожденных детей в реальных поколениях женщин на основе данных переписи населения 2010 г. и однолетних возрастных коэффициентов рождаемости за послепереписной период: Амурская, Архангельская, Астраханская, Белгородская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Курская, Липецкая, Мурманская, Новгородская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Ульяновская, Челябинская и Ярославская области, республики Башкортостан, Бурятия, Карелия, Коми, Марий Эл, Татарстан и Хакасия, Алтайский, Пермский и Приморский края, Еврейская автономная область.

В Алтайском крае, в Белгородской, Курганской, Новгородской, Пензенской, Рязанской, Самарской и Саратовской областях ни в одной из групп по году рождения женщин разница между средним числом рожденных детей по данным переписи населения 2002 г. и его величиной, полученной расчетным путем, не превышает 0,03 (по абсолютной величине) (в Рязанской области – 0,02). В Курганской, Новгородской и Пензенской областях такая разница имеет место только в одной группе по году рождения женщин.

В Ивановской, Калининградской, Калужской и Курской областях эта разница превышает (по абсолютной величине) 0,03, но не превышает 0,05 только у тех женщин (1943–1947, 1948–1952 и 1953–1957 г. р.), у которых уровень рождаемости в межпереписной период был уже почти нулевым (самым младшим – 1957 г. р.) из них по переписи населения 2002 г. было 45 лет) и, следовательно, эта разница, практически, полностью связана с различиями в числах рожденных детей по результатам переписей населения 2002 и 2010 гг., а не с расчетом.

В республиках Башкортостан, Карелия, Марий Эл и Татарстан, Архангельской, Вологодской, Кемеровской, Кировской, Костромской, Липецкой, Мурманской, Омской, Оренбургской, Орловской, Свердловской, Ульяновской и Челябинской областях эта разница превышает (по абсолютной величине) 0,03, но не превышает 0,05, наоборот, только в самых молодых поколениях женщин (1983–1984 и 1985–1987 гг. р. или в одном из них), где среднее число рожденных детей почти полностью расчетное по возрастным коэффициентам рождаемости за межпереписной период, так как на момент переписи населения 2002 г. самым старшим из них (1983 г. р.) было 19 лет и среднее число рожденных детей у них было невелико.

В Республике Бурятия, в Пермском и Приморском краях и Псковской области разница между средним числом рожденных детей по данным переписи населения 2002 г. и его расчетной величиной превышает (по абсолютной величине) 0,03, но не превышает 0,05, у женщин как старше 1957 г. р., так моложе 1983 г. р. Но только у них. В остальных группах женщин по году рождения эта разница не превышает 0,03 (по абсолютной величине).

В Республике Коми эта разница превышает порог 0,05 (по абсолютной величине) только у женщин 1948–1952 г. р. (-0,06), а в Республике Хакасия – 1943–1947 г. р. (-0,06). У женщин 1963–1977 г. р. (в Республике Коми еще и 1978–1982 г. р.), она не превышает, по абсолютной величине, 0,02 в Республике Коми и 0,01 в Республике Хакасия.

С большей осторожностью нужно относиться к оценке среднего числа рожденных детей в реальных поколениях женщин по данным переписи населения 2010 г. и возрастным коэффициентам рождаемости за послепереписной период для Амурской, Астраханской, Владимирской, Воронежской, Ростовской, Смоленской, Тамбовской, Тверской и Ярославской областей, Еврейской автономной области, где разница между средним числом рожденных детей по переписи населения 2002 г. и его расчетной величиной превышает (по абсолютной величине) 0,03 (не превышая 0,05) в одной или нескольких группах женщин 1958–1982 гг. р.

Во всех регионах, по которым производился оценочный расчет среднего числа рожденных детей в поколениях женщин, основанный на данных переписи населения 2010 г. и однолетних возрастных коэффициентах рождаемости за послепереписной период, оно неуклонно снижалось особенно существенно, начиная с поколений женщин начала 1960-х гг. р.

У женщин 1960 г. р. во многих регионах среднее число рожденных детей существенно меньше, чем у женщин 1959 г. р. Наибольшее снижение в Республике Хакасия (на 0,07). На 0,06 снизилась его величина во Владимирской области, в республиках Бурятия, Карелия и Марий Эл, на 0,05 – в Костромской, Мурманской и Ульяновской областях, в Республике Коми, на 0,04 – в Архангельской, Астраханской, Воронежской, Кировской, Ростовской и Саратовской областях, на 0,03 – в Вологодской, Ивановской, Курганской, Омской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Свердловской и Ярославской областях, в Алтайском и Пермском краях, в Еврейской автономной области. В ряде регионов заметно снизилось среднее число рожденных детей у женщин 1958 г. р. (на 0,04 – в Республике Башкортостан и Амурской области), 1959 г. р. (на 0,04 – в Кемеровской и Орловской областях, в Приморском крае), 1961 г. р. (на 0,06 – в Калужской области, на 0,04 – в Липецкой, на 0,03 – в Белгородской, Курской, Новгородской и Псковской), 1962 г. р. (на 0,05 – в Тамбовской и Тверской областях, на 0,04 – в Челябинской, на 0,03 – в Оренбургской).

Среднее число рожденных детей снижалось в большинстве регионов почти неуклонно до поколений конца 1960-х – начала 1970-х гг. р.

Наибольшее (среди рассматриваемых здесь регионов) снижение среднего числа рожденных детей у женщин 1969 г. р. по сравнению с теми, кто на 10 лет старше (1959 г. р.), произошло в Еврейской автономной области (на 0,44). В Архангельской, Курганской и Омской областях оно сократилось на 0,34, в Республике Бурятия и в Алтайском крае – на 0,32, в Республике Коми – на 0,31, в Кировской области и в Республике Карелия – на 0,30, в Вологодской и Костромской областях, в Амурской области и в Республике Хакасия – на 0,29, в Свердловской и Смоленской областях, в Приморском крае – на 0,28, в Ульяновской области – на 0,27, во Владимирской, Ивановской и Саратовской областях, в Республике Марий Эл – на 0,26, в Астраханской, Кемеровской, Оренбургской, Челябинской и Ярославской областях – на 0,25, в Белгородской и Самарской областях, в Пермском крае – на 0,24, в Воронежской, Мурманской, Новгородской и Ростовской областях – на 0,23, в Пензенской области – на 0,22, в Курской, Псковской и Тверской областях – на 0,21, в Липецкой, Рязанской и Тамбовской областях, в Республике Татарстан – на 0,20, в Калининградской и Калужской областях, в Республике Башкортостан – на 0,19, в Орловской области – на 0,18.

Среднее число рожденных детей у женщин, родившихся в конце 1960-х – начале 1970-х гг. может еще несколько возрасти, но прирост будет относительно незначительным.

В поколениях женщин начиная с начала 1970-х г. р. во многих регионах среднее число рожденных детей стабилизировалось, а в некоторых – даже немного возросло.

О стабилизации этого показателя с поколения женщин 1970 г. р., можно говорить в отношении Астраханской и Владимирской областей, 1971 г. р. – Вологодской, Оренбургской, Ростовской, Саратовской, Свердловской и Тверской областей, республик Бурятия и Коми, 1972 г. р. – Кемеровской, Кировской и Пензенской областей, Республики Татарстан, 1973 г. р. – Воронежской, Омской и Тамбовской областей, 1974 г. р. – Белгородской, Калужской и Самарской областей, 1975 г. р. – Пермского края. Причем среднее число рожденных детей у более молодых женщин будет возрастать и существеннее, чем у тех, кто старше.

Отдельно следует выделить регионы, в которых среднее число рожденных детей не просто стабилизировалось, а даже несколько повысилось в более молодых поколениях.

В Новгородской области среднее число рожденных детей возросло с 1,48 (1972 г. р.) до 1,54 (1976 г. р.), в Костромской – с 1,54 (1972 г. р.) до 1,59 (1975–1976 гг. р.), в Курской – с 1,51 (1974 г. р.) до 1,55 (1975–1976 гг. р.), в Ивановской – с 1,43 (1975 г. р.) до 1,46 (1976–1977 гг. р.), в Липецкой – с 1,49 (1974 г. р.) до 1,52 (1976 г. р.), в Ульяновской – с 1,49 (1972 г. р.) до 1,52 (1973 г. р.), в Ярославской – с 1,43 (1972–1973 гг. р.) до 1,46 (1974 г. р.), в Архангельской – с 1,57 (1972 г. р.) до 1,59 (1974 г. р.), в Калининградской – с 1,52 (1974 г. р.) до 1,54 (1975 г. р.), в Мурманской – с 1,45 (1975 г. р.) до 1,47 (1976 г. р.), в Челябинской – с 1,57 (1972 г. р.) до 1,59 (1973 г. р.). В Республике Карелия среднее число рожденных детей возросло с 1,51 (1973 г. р.) до 1,55 (1975 г. р.), в Республике Хакасия – с 1,68 (1971 г. р.) до 1,72 (1972–1973 гг. р.), в Республике Марий Эл – с 1,62 (1972–1973 гг. р.) до 1,64 (1974 г. р.), в Алтайском крае – с 1,56 (1972 г. р.) до 1,59 (1973 г. р.).

Можно предполагать, что стабилизация среднего числа рожденных детей в реальных поколениях женщин и даже его некоторое повышение в значительной степени связаны с реализацией мер помощи семьям с детьми, которые значительно активизировались и усилились с 2007 г. Женщинам 1970–1975 гг. р., у которых, как отмечалось выше, произошла стабилизация или даже наметилось некоторое повышение среднего числа рожденных детей, в 2007 г. было 32-37 лет. Учитывая, что социологические исследования показывают существенное увеличение доли вторых рождений с большим (свыше 10 лет) интервалом после рождения первого ребенка у тех, у кого второй ребенок родился в 2007 г. и в последующие годы, они зачастую имели место именно в этих поколениях женщин. Одной из значимых причин завершения длительного откладывания (10 лет и более) рождения второго ребенка могла быть открывшаяся перспектива получения новых видов государственной помощи семьям после рождения второго ребенка (прежде всего, видимо, материнского (семейного) капитала).

Корректнее оценить возможное влияние реализации мер государственной помощи семьям с детьми на показатели рождаемости в реальных поколениях женщин можно, дифференцируя их по очередности рождения, так как такую дифференциацию имеют многие из этих мер, ориентированные, прежде всего, на поддержку вторых и третьих рождений.

Среднее число рожденных детей той или иной очередности по переписи населения 2010 г. может быть рассчитано, так как есть распределение женщин по году рождения и числу рожденных детей. Но возрастные коэффициенты рождаемости за период после переписи, дифференцированные по очередности рождения, есть только 33 (из 45) регионам: Амурская, Архангельская, Астраханская, Белгородская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курская, Липецкая, Мурманская, Новгородская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Псковская, Самарская, Свердловская, Ульяновская, Челябинская и Ярославская области, республики Башкортостан, Карелия, Коми, Марий Эл, Татарстан и Хакасия, Приморский край, Еврейская автономная область.

Наиболее высокий показатель среднего числа первых рождений (или, по сути дела, доля женщин, родивших хотя бы одного ребенка) в поколении женщин 1955 г. р. в Республике Хакасия, Приморском крае, Амурской области и Еврейской автономной области (0,96). В Архангельской, Белгородской, Кемеровской, Кировской, Костромской, Курской, Омской, Оренбургской, Свердловской и Челябинской областях, в республиках Карелия и Коми оно равно 0,95, в Астраханской, Ивановской, Калининградской, Калужской, Липецкой, Мурманской, Орловской, Пензенской, Самарской и Ульяновской областях, в республиках Башкортостан и Марий Эл – 0,94, в Воронежской, Новгородской, Псковской и Ярославской областях, в Республике Татарстан – 0,93. При среднем числе первых рождений 0,96 и 0,95 тех, кто добровольно отказывался от рождения даже единственного ребенка, вероятно, были единицы, и отклонение величины этого показателя (1,00) практически полностью объясняется невозможностью родить ребенка частью женщин. Несколько большая доля добровольно отказывавшихся от рождения даже единственного ребенка, видимо, могла быть при среднем числе первых рождений, равном 0,93, но и здесь она была ничтожно мала.

У женщин на 10 лет моложе (1965 г. р.) в большинстве этих регионов среднее число первых рождений было меньше на 0,01 (Амурская, Архангельская, Белгородская, Воронежская, Калининградская, Кировская, Костромская, Курская, Липецкая, Мурманская, Орловская, Пензенская и Самарская области, республики Карелия, Коми и Хакасия, Еврейская автономная область) или таким же (Астраханская, Ивановская, Калужская, Новгородская, Оренбургская, Псковская, Ульяновская и Ярославская области, республики Башкортостан, Марий Эл и Татарстан), как у женщин 1955 г. р. Только в 5 регионах этот показатель у женщин 1965 г. р. был на 0,02 меньше, чем у тех, кто на 10 лет старше: Кемеровская, Омская, Свердловская и Челябинская области, Приморский край.

В результате если у женщин 1955 г. р. среднее число первых рождений, равное 0,93, имеет место в 5 регионах, то у женщин 1965 г. р. – уже в 14, а в Воронежской области оно равно 0,92. С другой стороны, уже ни в одном регионе его величина не составляла 0,96.

Расчеты показывают, что по состоянию на начало 2015 г. можно говорить об окончательной величине (с точностью до 0,01) среднего числа первых рождений в поколении женщин 1975 г. р. и старше. По сравнению с женщинами 1965 г. р. это число снизилось во всех рассматриваемых здесь регионах. В наибольшей мере снижение произошло в Калужской и Псковской областях, в Республике Хакасия – на 0,06, в Амурской, Астраханской, Ивановской, Калининградской, Кемеровской, Омской, Самарской, Челябинской и Ярославской областях, в республиках Башкортостан, Марий Эл и Татарстан, в Приморском крае – на 0,05. Снижение среднего числа первых рождений у женщин 1975 г. р. по сравнению с женщинами 1965 г. р. было существенно большим, чем у тех по сравнению с женщинами 1955 г. р.

У женщин 1975 г. р. расчетное среднее число первых рождений составляет: 0,91 – в Костромской, Курской и Оренбургской областях, в Республике Коми и в Еврейской автономной области; 0,90 – в Амурской, Архангельской, Белгородской, Кировской, Пензенской, Свердловской и Ульяновской областях, в Республике Карелия; 0,89 – в Астраханской, Ивановской, Липецкой, Мурманской, Новгородской и Орловской областях, в республиках Башкортостан, Марий Эл и Хакасии, в Приморском крае; 0,88 – в Воронежской, Калининградской, Калужской, Кемеровской, Омской, Самарской, Челябинской и Ярославской областях, в Республике Татарстан; 0,87 – в Псковской области. Здесь можно, видимо, говорить по всем регионам о добровольном отказе части женщин от рождения даже единственного ребенка.

Основное влияние реализуемые сейчас у нас в стране на федеральном и региональном уровне меры помощи семьям с детьми могли оказать на рождение вторых и третьих детей.

В большинстве рассматриваемых здесь регионов среднее число вторых рождений (или, по сути дела, доля женщин, родивших как минимум двоих детей) неуклонно снижалось, особенно существенно – начиная примерно с поколения женщин 1960 г. р.

У женщин 1959 г. р. наибольшее снижение этого показателя по сравнению с женщинами 1955 г. р. составляет 0,03 (Калининградская и Омская области, Приморский край). В Астраханской области и в Республике Татарстан имело место даже его повышение на 0,01.

Уже в поколении 1960 г. р. среднее число вторых рождений на 0,03 меньше, чем у женщин 1959 г. р., в Воронежской, Костромской, Мурманской и Ярославской областях, в Республике Марий Эл. В Калининградской области такое сокращение показателя по сравнению с предыдущим поколением было у женщин 1959 г. р., в Калужской области и в Республике Хакасия – 1961 г. р., в Астраханской области – 1962 г. р.

Если сравнить поколения женщин 1969 и 1959 гг. р., то наибольшее среди рассматриваемых здесь регионов снижение среднего числа вторых рождений произошло в Еврейской автономной области (на 0,21) в Кировской (на 0,20) области. В Архангельской, Костромской, Ульяновской и Ярославской областях, в Республике Карелия оно составило 0,19, в Белгородской, Ивановской, Мурманской, Новгородской, Омской, Самарской и Свердловской областях – 0,18, в Амурской, Воронежской, Кемеровской, Пензенской и Челябинской областях, в Республике Коми, в Приморском крае – 0,17, в Калужской, Курской и Псковской областях, в Республике Хакасия – 0,16, в Липецкой области и в Республике Марий Эл – 0,15, в Оренбургской области – 0,14, в Астраханской и Орловской областях – 0,13, в Калининградской области и в Республике Татарстан – 0,12, в Республике Башкортостан – 0,11.

Среднее число вторых рождений у женщин конца 1960-х – начала 1970-х гг. р. может еще несколько увеличиться, но этот прирост будет относительно незначительным.

У женщин 1970-х гг. р. во многих регионах среднее число вторых рождений стабилизировалось, а в некоторых – даже немного возросло. В этих поколениях оно еще увеличится и его прирост, естественно, будет тем большим, чем моложе поколение.

Увеличение среднего числа вторых рождений в поколениях женщин середины 1970-х гг. р. в той или иной мере уже произошло в Архангельской, Астраханской, Ивановской, Калининградской, Калужской, Кировской, Костромской, Липецкой, Мурманской, Новгородской, Омской, Орловской, Пензенской, Самарской, Свердловской, Ульяновской, Челябинской и Ярославской областях, в республиках Карелия, Коми, Марий Эл и Хакасия, в Приморском крае, в Еврейской автономной области.

В наибольшей степени (на 0,04) оно возросло в Новгородской (с 0,46 (1971–1972 гг. р.) до 0,50 (1976 г. р.)) области, на 0,03 – в Ивановской (с 0,43 (1972 г. р.) до 0,46 (1977 г. р.)), Костромской (с 0,50 (1972 г. р.) до 0,53 (1974 г. р.)), Липецкой (с 0,45 (1971 г. р.) до 0,48 (1975–1976 гг. р.)) и Орловской (с 0,44 (1973 г. р.) до 0,47 (1976 г. р.)) областях.

В то же время в республиках Башкортостан и Татарстан, в Амурской и Оренбургской областях, скорее, можно пока говорить о продолжающемся уменьшении среднего числа вторых рождений в более молодых поколениях, хотя оно, конечно, существенно затормозилось по сравнению с его изменениями в более старших поколениях.

Для характеристики вторых рождений в реальных поколениях женщин наряду с их средним числом целесообразно использовать долю родивших второго ребенка среди родивших первого. Актуальность этого показателя тем более значима в связи с отмеченным выше снижением среднего числа первых рождений.

У женщин, родившихся во второй половине 1950-х гг., доля родивших второго ребенка среди родивших первого либо оставалась почти стабильной, либо даже несколько возрастала. В последующих поколениях произошло ее существенное снижение.

Сравнение доли родивших второго ребенка среди родивших первого у женщин 1959 и 1969 гг. р. показывает, что наибольшее ее снижение (в %) было в Еврейской

автономной области (на 21,4). В Ульяновской области оно составило 19,3, в Ярославской – 19,2, в Архангельской – 19,1, в Новгородской – 18,9, в Кировской и Костромской – 18,8, в Омской – 18,5, в Ивановской и Мурманской – 18,3, в Республике Карелия и в Свердловской области – 17,9, в Пензенской области – 17,7, в Самарской – 17,5, в Белгородской – 17,3, в Воронежской – 17,1, в Челябинской – 16,9, в Псковской – 16,7, в Республике Коми – 16,5, в Амурской области – 16,2, в Кемеровской области и в Приморском крае – 16,1, в Республике Хакасия – 15,9, в Калужской области – 15,6, в Курской – 15,5, в Липецкой – 15,1, в Республике Марий Эл – 14,7, в Оренбургской области – 13,4, в Калининградской – 13,1, в Орловской – 13,0, в Астраханской – 12,3, в Республике Татарстан – 11,4, в Республике Башкортостан – 11,0. Доля родивших второго ребенка среди родивших первого у женщин конца 1960-х – начала 1970-х гг. р. может возрасти, но этот прирост будет сравнительно небольшим.

В молодых поколениях этот показатель возрастает. Наибольший его прирост (в %) произошел в Новгородской области, составив 6,4 (с 49,8% (1971 г. р.) до 56,2% (1976 г. р.)). В Ивановской области он составил 5,2 (с 47,0% (1972 г. р.) до 52,2% (1977 г. р.)), в Калининградской – 4,7 (с 51,6% (1970 г. р.) до 56,3% (1975 г. р.)), в Липецкой – 4,3 (с 49,9% (1971 г. р.) до 54,2% (1977 г. р.)), в Ярославской – 4,3 (с 46,5% (1972 г. р.) до 50,8% (1976 г. р.)), в Орловской – 4,0 (с 48,4% (1973 г. р.) до 52,4% (1978 г. р.)), в Костромской – 3,7 (с 54,9% (1971 г. р.) до 58,6% (1978 г. р.)), в Псковской – 3,7 (с 49,0% (1974 г. р.) до 52,7% (1977 г. р.)), в Калужской – 3,5 (с 50,5% (1971 г. р.) до 54,0% (1975 г. р.)), в Мурманской – 3,5 (с 50,3% (1972 г. р.) до 53,8% (1976 г. р.)), в Курской – 3,4 (с 51,2% (1970 г. р.) до 54,6% (1979 г. р.)), в Свердловской – 2,9 (с 54,3% (1971 г. р.) до 57,2% (1976 г. р.)), в Челябинской – 2,9 (с 56,9% (1972 г. р.) до 59,8% (1976 г. р.)), в Архангельской – 2,6 (с 56,5% (1972 г. р.) до 59,1% (1975 г. р.)), в Кемеровской – 2,6 (с 55,0% (1972 г. р.) до 57,6% (1977 г. р.)), в Воронежской – 2,5 (с 49,1% (1972 г. р.) до 51,6% (1978 г. р.)), в Пензенской – 2,5 (с 49,1% (1971 г. р.) до 51,6% (1978 г. р.)).

В других регионах доля родивших второго ребенка среди родивших первого также повышается в более молодых поколениях, но в меньшей степени: Республика Карелия и Кировская область – на 2,4%, Омская область – на 2,3%, Ульяновская – на 2,0%, Амурская и Астраханская – на 1,8%, Самарская область и Республика Хакасия – на 1,5%, Республика Коми – на 1,2%, Приморский край – на 1,1%, Республика Марий Эл – на 1,0%, Белгородская область – на 0,6%, республики Башкортостан и Татарстан, Оренбургская область – на 0,5%.

В Белгородской, Оренбургской и Ульяновской областях, в республиках Башкортостан и Марий Эл доля родивших второго ребенка среди родивших первого после повышения в молодых поколениях вернулась к уровню, близкому к тому, который имел место у женщин 1971 г. р.; в Амурской, Астраханской и Кировской областях, в республиках Коми и Татарстан – 1970 г. р.; в Воронежской, Кемеровской, Курской, Омской, Пензенской и Самарской областях, в республиках Карелия и Хакасия – 1969 г. р.; в Архангельской, Костромской, Орловской и Челябинской областях, в Приморском крае – 1968 г. р.; в Псковской и Свердловской областях – 1967 г. р.; в Ивановской, Калужской, Липецкой, Мурманской, Новгородской и Ярославской областях – 1966 г. р.; в Калининградской области – 1965 г. р.

На начало 2015 г. самая высокая из рассматриваемых регионов после повышения в молодых поколениях доля родивших второго ребенка среди родивших первого в Республике Башкортостан (67,8%) и Астраханской области (66,2%). Свыше 60% она в Республике Татарстан (63,8%), Оренбургской области (63,4%), Республике Хакасия (62,8%), Еврейской автономной области (62,6%), Республике Марий Эл (61,2%) и Амурской области (60,7%); от 55% до 60% – в Челябинской (59,8%), Архангельской (59,1%) и Костромской (58,6%) областях, Республике Коми (58,5%), в Кировской (58,0%), Кемеровской (57,6%), Омской (57,5%), Свердловской (57,2%), Калининградской (56,3%) и Новгородской (56,2%) областях, в Приморском крае (56,0%) и Республике Карелия

(55,8%); от 50% до 55% – в Курской (54,6%), Липецкой (54,2%), Калужской (54,0%), Мурманской (53,8%), Белгородской (53,3%), Ульяновской (53,3%), Псковской (52,7%), Орловской (52,4%), Ивановской (52,2%), Воронежской (51,6%), Пензенской (51,6%), Самарской (51,2%) и Ярославской (50,8%) областях.

Наибольшее снижение среднего числа третьих рождений в поколениях женщин, родившихся в первой половине 1960-х гг., среди рассматриваемых здесь регионов, произошло в Амурской области. У женщин 1965 г. р. величина этого показателя была 0,06 меньше, чем у женщин 1960 г. р. В республиках Коми и Хакасия, в Архангельской и Челябинской областях, в Еврейской автономной области сокращение составило 0,05; в республиках Башкортостан и Карелия, в Приморском крае, в Астраханской, Кемеровской, Кировской, Омской, Оренбургской и Псковской областях – 0,04. У родившихся во второй половине 1960-х гг. сокращение этого показателя существенно затормозилось. В большинстве регионов оно составило 0,01.

У женщин 1970-х гг. р. среднее число третьих рождений либо оставалось стабильным (в более молодых поколениях оно с большой вероятностью повысится), либо (в большинстве регионов) уже немного (на 0,01) повышалось. Чуть большим (на 0,02) его прирост был в Ивановской, Курской, Липецкой, Новгородской, Оренбургской, и Свердловской областях, в республиках Карелия и Татарстан, на 0,03 – в Костромской и Мурманской областях.

В большинстве рассматриваемых регионов у женщин второй половины 1950-х гг. р. снизилась доля родивших третьего ребенка среди родивших второго. Наибольшее снижение в поколении 1959 г. р. по сравнению с 1955 г. р. было в Республике Башкортостан (5,4%). Свыше 4% оно составило в республиках Татарстан, Коми и Марий Эл, в Еврейской автономной области. Однако устойчивым оно было только в республиках Башкортостан, Карелия, Коми, Марий Эл, Татарстан и Хакасия, в Кемеровской, Кировской, Омской, Оренбургской, Свердловской, Ульяновской и Челябинской областях, в Приморском крае. В других регионах имеют место колебания показателя в соседних поколениях.

Снижение доли родивших третьего ребенка среди родивших второго продолжается и у женщин 1960-х гг. р. В Ярославской области минимальная (на начало 2015 г.) величина этого показателя у женщин 1962 г. р., в Калужской – 1963 г. р., в Белгородской и Калининградской – 1964 г. р., в Ивановской, Липецкой, Псковской и Ульяновской областях, в республиках Башкортостан, Карелия, Татарстан и Хакасия – 1965 г. р., в Астраханской, Воронежской, Орловской, Пензенской и Свердловской областях – 1966 г. р., в Курской, Оренбургской и Самарской областях, в Республике Марий Эл и в Еврейской автономной области – 1967 г. р., в Кемеровской, Кировской, Костромской, Омской и Челябинской областях, в Приморском крае – 1968 г. р. Только в 5 регионах минимальная величина этого показателя имеет место у женщин не 1960-х, а начала 1970-х гг. р.: Республика Коми и Мурманская область – 1970 г. р., Амурская, Архангельская и Новгородская области – 1971 г. р.

У более молодых женщин доля родивших третьего ребенка среди родивших второго повышается. Наибольшей (на начало 2015 г.) величины она достигает: в поколении 1972 г. р. – в Белгородской области; 1973 г. р. – в Архангельской области и в Еврейской автономной области; 1974 г. р. – в Ивановской и Орловской областях, в республиках Башкортостан, Татарстан и Хакасия; 1975 г. р. – в Кировской и Курской областях, в Республике Карелия, в Приморском крае; 1976 г. р. – в Воронежской, Костромской, Липецкой, Пензенской, Свердловской и Челябинской областях, в Республике Марий Эл; 1977 г. р. – в Амурской, Астраханской, Калининградской, Омской, Оренбургской, Псковской и Самарской областях, в Республике Коми; 1978 г. р. – в Мурманской, Новгородской, Ульяновской и Ярославской областях; 1979 г. р. – в Калужской и Кемеровской областях.

Наибольший, по сравнению с минимальным уровнем, ее прирост в Псковской области (6,0%). В Костромской области он равен 5,8%, в Еврейской автономной области – 5,5%, в Астраханской области – 5,4%, в Мурманской и Ульяновской – 5,2%, в Липецкой – 5,1%, в Республике Татарстан – 4,7%, в Калининградской области – 4,6%, в Оренбургской – 4,5%, в Республике Башкортостан и в Кемеровской области – 4,4%, в Новгородской и Пензенской областях – 4,2%, в Курской области и в Республике Хакасия – 4,0%, в Калужской, Самарской и Свердловской областях – 3,8%, в Омской и Орловской – 3,7%, в Ярославской – 3,6%, в республиках Карелия и Марий Эл, в Челябинской области – 3,5, в Ивановской области – 3,2%, в Кировской – 2,9%, в Белгородской – 2,8%, в Амурской – 2,7%, в Республике Коми – 2,3%, в Воронежской области – 2,1%, в Архангельской – 2,0%, в Приморском крае – 1,6%.

Если доля родивших второго ребенка среди родивших первого после повышения в более молодых поколениях вернулась к уровню, имевшему место у женщин не старше 1965–1966 г. р., то доля родивших третьего ребенка среди родивших второго в целом ряде регионов вернулась к уровню значительно более старших поколений женщин.

В Республике Коми и в Еврейской автономной области величина этого показателя достигла уровня, имеющего место у женщин 1966 г. р., в Архангельской области – 1965 г. р., в Амурской – 1964 г. р., в Приморском крае – 1963 г. р., в Омской области – 1962 г. р., в республиках Марий Эл и Хакасия, в Челябинской области – 1961 г. р., в республиках Башкортостан и Карелия, в Кировской и Оренбургской областях – 1960 г. р., в Астраханской, Воронежской и Свердловской областях – 1959 г. р., в Республике Татарстан, в Белгородской, Кемеровской и Ульяновской областях – 1958 г. р., в Костромской, Мурманской и Пензенской областях – 1957 г. р., в Калужской и Самарской – 1955 г. р., в Ивановской – 1952 г. р., в Курской – 1951 г. р., в Липецкой – 1947 г. р., в Орловской – 1946 г. р., в Псковской – 1943 г. р., в Калининградской – 1940 г. р., в Новгородской – 1936 г. р., в Ярославской области – 1935 г. р. При этом, конечно, доля родивших третьего ребенка среди родивших второго у женщин 1970-х гг. р. еще будет возрастать до окончания ими репродуктивного периода своей жизни.

На начало 2015 г. наибольшая после повышения в молодых поколениях доля родивших третьего ребенка среди родивших второго в Республике Башкортостан (30,8%) и в Еврейской автономной области (30,2%). От 25% до 30% она в республиках Марий Эл (25,9%) и Хакасия (29,3%), в Амурской (26,6%), Астраханской (29,9%), Омской (26,9%) и Оренбургской (26,4%) областях; от 20% до 25% – в Архангельской (22,8%), Калининградской (23,0%), Калужской (22,1%), Кемеровской (24,6%), Кировской (21,8%), Костромской (22,8%), Курской (22,5%), Липецкой (22,8%), Новгородской (23,2%), Орловской (21,7%), Псковской (23,2%), Свердловской (23,5%), Челябинской (23,3%) и Ярославской (20,0%) областях, в республиках Карелия (21,6%), Коми (23,2%) и Татарстан (24,5%), в Приморском крае (22,5%); менее 20% – в Белгородской (19,8%), Воронежской (19,2%), Ивановской (18,8%), Мурманской (19,0%), Пензенской (18,3%), Самарской (19,7%) и Ульяновской (19,9%) областях.

Показатели рождаемости по реальным поколениям, безусловно, целесообразно использовать при разработке прогнозных сценариев перспектив изменения рождаемости. Их динамика носит более устойчивый характер, так как не зависит от сдвигов в календаре рождений. Поэтому их использование позволяет точнее определить тренд рождаемости, который из-за меньших колебаний можно экстраполировать более надежно, чем, например, тренд суммарного коэффициента рождаемости. Для прогнозного расчета необходимы возрастные коэффициенты рождаемости для каждого года прогнозируемого периода. Следовательно, спрогнозированные итоговые числа рожденных детей в реальных поколениях женщин нужно трансформировать в ежегодные возрастные коэффициенты рождаемости, распределив их по возрасту матери при рождении детей для женщин каждого года рождения в отдельности (в этом случае, зная год рождения матери, можно будет определить и год рождения детей).

Оценивать перспективы изменения среднего числа рожденных детей в реальных поколениях можно, используя разную информацию. Во-первых, при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости 2014 г. среднее число рожденных детей у женщин 1975 г. р. составит 1,62, 1980 г. р. – 1,67, 1985 г. р. – 1,73, 1990 г. р. – 1,76, 1995 г. р. – 1,75, 2000 г. р. – 1,75.

Во-вторых, используя показатель средней очередности рождения (2014 г. – 1,79¹). Некоторые специалисты полагают, что этот показатель является одной из наилучших текущих (ежегодно получаемых) характеристик рождаемости. В. В. Елизаров считает, что он «точнее других [*показателей*] “улавливает” продолжающееся снижение рождаемости и уровня детности семей, показывает, в каком направлении эволюционирует семейная структура населения» [1, с. 45]. С. В. Захаров отмечает, что он «как статистический индикатор уровня рождаемости выступает в качестве неплохого предиктора величины итоговой рождаемости реальных поколений» [3, с. 104]. Однако, видимо, необходима некоторая поправка для этого показателя, связанная с тем, что в нем не учитывается доля не родивших ни одного ребенка. Выше показано, что доля родивших хотя бы одного ребенка у женщин репродуктивного возраста сейчас близка к 0,9. С поправкой на нее средняя очередность рождения составляет 1,61.

В-третьих, по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (Росстат, 2012; 30 регионов), среднее ожидаемое число детей и у женщин, и у мужчин составило 1,92. Можно предположить, что оно немного завышено по сравнению с числом детей, которое будет фактически. У респондентов в возрасте 40 лет и старше, то есть почти закончивших процесс деторождения, разница между ожидаемым и фактическим числом детей составила, в среднем, 0,22 у женщин и 0,18 у мужчин, в возрасте 35-39 лет – соответственно, 0,38 и 0,68. У 35–39-летних женщин среднее число рожденных детей может увеличиться (по статистическим данным) еще на 0,12–0,14, а разница между ним и ожидаемым числом детей сократиться примерно до 0,25. Учитывая это, при среднем ожидаемое число детей 1,92 фактическое число рожденных детей в поколениях может составить 1,67–1,70.

Таким образом, есть основания говорить о перспективной динамике среднего числа рожденных детей в реальных поколениях на уровне 1,60–1,75. Близость его к нижней или верхней границе этого диапазона (или, даже, выход за верхнюю границу) будет зависеть от многих факторов, в т. ч. от результативности демографической политики.

У женщин, завершающих репродуктивный период или, по крайней мере, прошедших наиболее активную его часть, среднее число рожденных детей, видимо, может быть оценено прибавлением к нынешней величине возрастных коэффициентов рождаемости в старших возрастах на нынешнем уровне или с некоторой корректировкой. Для более молодых женщин целесообразно ориентироваться на оценки перспектив динамики среднего числа рожденных детей. Переводя их в возрастные коэффициенты рождаемости по календарным годам, нужно учитывать вероятное дальнейшее постарение возрастной модели рождаемости.

С учетом сказанного и на основе проведенных оценочных расчетов среднее число рожденных детей может составить у женщин 1970 г. р. – 1,60–1,62, 1975 г. р. – 1,61–1,63, 1980 г. р. – 1,67–1,69, 1985 г. р. – 1,74–1,75. С учетом этой динамики и продолжения реализации мер демографической политики представляется вероятным в последующих поколениях среднее число рожденных детей 1,70–1,75.

Средний возраст матери при рождении детей, согласно прогнозному расчету, может составлять у женщин 1970 г. р. примерно 25,4 года (для сравнения, у женщин 1965 г. р. 24,80), 1975 г. р. – 26,5–26,7 года, 1980 г. р. – 27,7–27,9 года, 1985 г. р. – 28,1–28,3 года, 1995 г. р. – 28,2–28,4 года, 2005 г. р. – 29,3–29,5 года, 2015 г. р. – 30,4–30,6 года, 2025 г. р. – 31,5–31,7 года, 2035 г. р. 32,5–32,7 года.

¹ Средняя арифметическая взвешенная из суммарных коэффициентов рождаемости по очередности рождения.

Суммарный коэффициент рождаемости при этом будет равен 1,58–1,62 в 2020 г., 1,52–1,56 в 2025 г., 1,51–1,55 в 2030 г., 1,51–1,56 в 2036–2050 гг. Столь низкая величина суммарного коэффициента рождаемости по сравнению с предполагаемым средним числом рожденных детей в реальных поколениях связана с очень существенным постарением возрастной модели рождаемости в этом прогнозном сценарии.

При значительно меньшем постарении возрастной модели рождаемости в поколениях женщин 1990-х гг. р. и моложе (средний возраст матери при рождении детей: 1995 г. р. – 26,3–26,5 года, 2005 г. р. – 26,9–27,1 года, 2015 г. р. – 27,5–27,7 года, 2025 г. р. – 28,0–28,2 года, 2035 г. р. – 28,6–28,8 года 8) суммарный коэффициент рождаемости будет заметно выше (2020 г. – 1,73–1,77, 2025 г. – 1,63–1,67, 2030–2050 гг. – 1,60–1,65).

Даже сравнение двух этих прогнозных сценариев, различающихся только перспективной оценкой возрастной модели рождаемости в реальных поколениях, показывает большие возможности использования показателей рождаемости в реальных поколениях для демографических прогнозов.

© Архангельский В. Н. Текст. 2016

Список источников

1. Елизаров В. В. Перспективы исследования семьи. Анализ, моделирование, управление. – М., Мысль, 1987.
2. Население России 2010-2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2013.
3. Население России 2013. Двадцать первый ежегодный демографический доклад. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.

Информация об авторе

Архангельский Владимир Николаевич (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, заведующий сектором, Центр по изучению проблем народонаселения Экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова (119991 Москва, Ленинские горы, дом 1, строение 46), ведущий научный сотрудник, Международная лаборатория демографии и человеческого капитала РАНХиГС (119571, Москва, пр. Вернадского, дом 82, строение 1); archangelsky@yandex.ru

Arkhangel'Skiy V. N.

COHORT FERTILITY – THE OPPORTUNITY TO APPRECIATE THE PAST AND LOOK TO THE FUTURE

Analyzed fertility in cohort of women in Russia and separate regions (beginning of 2015) in respect of which revealed the possibility of the use of age-specific birth rates along with census data to calculate the assessment of these indicators. Considered the possibility of using the fertility of cohort for demographic projections.

Key words: fertility, cohort, demographic projections

Information about the author

Arkhangel'Skiy Vladimir Nikolaevich (Russia, Moscow) – Candidate of Economic Sciences, Head of Sector, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Center for Population Studies (119991 Russia Moscow, Leninskiye Gory, 1–46), Leading Research Fellow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), International Laboratory of Demography and Human Capital (119571 Russia Moscow, Prospect Vernadskogo, 82-5); archangelsky@yandex.ru

ДИНАМИКА СМЕРТНОСТИ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ У НАСЕЛЕНИЯ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (2005-2014 годы)

В статье освещается динамика показателей продолжительности жизни населения РФ, УрФО и его субъектов с 2005 г. по 2014 г., которая выявила благоприятные тенденции их изменения вследствие снижения смертности и повышения возраста смерти. Однако темпы этих изменений после 2010 г. начали снижаться.

Ключевые слова: население, смертность, возраст смерти, продолжительность жизни

Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) – одна из ведущих медико-демографических характеристик, обусловленная многими, в том числе экологическими факторами. До последнего времени для оценки ОПЖ использовался ряд традиционных статических показателей, например, показатель ОПЖ при рождении, который практически не отражал жизненный потенциал индивида, реализующийся в течение всей жизни. Более точно жизненный потенциал характеризуют потенциальные демографические показатели, в частности показатель потерянных годов потенциальной жизни (ППЖ), который учитывает не только интенсивность процесса вымирания, но и преждевременную смертность в виде числа человеко-лет недожитой до определенного возраста жизни. При этом до настоящего времени оценка вклада в ППЖ уровней смертности и возраста смерти не проводилась.

Цель настоящей статьи – сравнительный анализ ППЖ в Российской Федерации, Уральском федеральном округе (УрФО) и в его субъектах в 2005–2014 гг. и вклад в их динамику уровней смертности и возраста смерти при основных причинах.

Возрастно-половой состав и численность умерших от всех причин, возрастно-половая численность населения РФ и УрФО за 2005 и 2014 гг. были получены из материалов официальной статистики [1-3]. Оценку ППЖ проводили на основе европейского гендерного стандарта ОПЖ при рождении, который был принят нами в качестве стандарта продолжительности потенциальной жизни, а именно: 77 лет для мужчин и 83 года для женщин (методика ППЖ оценки описана в [5]). Рассчитывали 4 варианта динамики ППЖ с 2005 г. по 2014 г.: при отсутствии изменений уровней смертности и возраста смерти, при изменении каждого из этих факторов в отдельности и при изменении обоих факторов [6]. На основе полученных оценок определяли вклад уровней смертности и возраста смерти в изменение ППЖ.

В целом, как у мужчин, так и у женщин УрФО и РФ в 2014 г. по сравнению с 2005 г. при всех причинах смерти произошло снижение ППЖ, что является благоприятным процессом с точки зрения повышения продолжительности жизни (табл. 1). При этом интенсивность снижения ППЖ у мужчин УрФО и РФ (43,5 и 50 % соответственно) различалась в большей степени, чем у женщин (41,9 и 45,6% соответственно). Основной вклад в снижение ППЖ у мужчин УрФО вносили (в порядке убывания) внешние причины (ВП) и болезни системы кровообращения (БСК), в меньшей степени – болезни органов дыхания (БОД) и злокачественные новообразования (ЗНО). У мужчин РФ порядок несколько отличался: БСК > ВП > БОД ~ ЗНО. У женщин УрФО и РФ на первом месте были БСК, ВП и, в отличие от мужчин, на третьем месте – ЗНО. При оценке вклада в снижение ППЖ уровней смертности и возраста смерти было установлено следующее: как у мужчин, так и у женщин УрФО и РФ понижение уровней смертности и повышение возраста смерти сопровождалось уменьшением числа ППЖ практически при всех

причинах смерти. В целом, как показывают данные таблицы 1, вклад понижения уровней смертности в уменьшение ПППЖ при всех причинах смерти у мужчин был в 1,5-1,7 раза больше, чем вклад повышения возраста смерти. У женщин эти вклады были довольно близкими. При отдельных причинах смерти и у мужчин, и у женщин вклад первого фактора был существенно больше при ВП, а вклад второго фактора – при ЗНО, БОД и болезнях органов пищеварения (БОП). При БСК вклады были практически одинаковыми. У женщин УрФО и РФ понижение уровней смертности и повышение возраста смерти также сопровождалось уменьшением ПППЖ при всех причинах смерти. При этом вклад понижения уровней смертности и повышения возраста смерти в уменьшение ПППЖ при всех причинах смерти у женщин УрФО и РФ был одинаковым. Особенности вклада в этот процесс снижения уровней смертности и повышения возраста смерти при отдельных причинах смерти у женщин были такими же, как и у мужчин. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о положительной динамике ПППЖ в УрФО и РФ и практически одинаковом вкладе снижения уровней смертности и повышении возраста смерти при всех и отдельных причинах смерти.

Таблица 1

Динамика потерянных годов потенциальной жизни (ПППЖ) и сравнительная оценка вклада уровней смертности и возраста смерти (ВС) в ее изменения у населения УФО и Российской Федерации с 2005 г. по 2014 г. (на 10^5 населения)

Причины смерти	ПППЖ на 100 000 человек		Все факторы	Уровень смертности	Возраст смерти
	2005г.	2014г.			
УрФО: мужчины					
Все причины	33655	19007	-14648	-9167	-5481
Инфекционные и паразитарные болезни	1627	1877	249	114	135
Злокачественные новообразования	3658	2443	-1215	-350	-865
Болезни системы кровообращения	10858	5205	-5653	-2984	-2669
Болезни органов дыхания	2289	896	-1393	-573	-819
Болезни органов пищеварения	1773	1443	-330	-40	-290
Внешние причины	13451	7143	-6308	-5335	-973
УрФО: женщины					
Все причины	10788	6271	-4517	-2315	-2203
Инфекционные и паразитарные болезни	476	839	364	343	20
Злокачественные новообразования	2135	1685	-451	-102	-348
Болезни системы кровообращения	3573	1316	-2257	-1143	-1114
Болезни органов дыхания	551	260	-290	-108	-183
Болезни органов пищеварения	911	665	-246	-49	-197
Внешние причины	3143	1506	-1637	-1255	-381
РФ: мужчины					
Все причины	32882	16306	-16576	-9837	-6740
Инфекционные и паразитарные болезни	1475	1041	-434	-454	20
Злокачественные новообразования	3489	2271	-1218	-375	-844
Болезни системы кровообращения	11829	4390	-7439	-3648	-3791
Болезни органов дыхания	2166	864	-1302	-516	-787
Болезни органов пищеварения	2004	1438	-566	-143	-423
Внешние причины	11918	6301	-5617	-4701	-916

РФ: женщины					
Все причины	10229	5563	-4666	-2378	-2288
Инфекционные и паразитарные болезни	421	437	16	27	-11
Злокачественные новообразования	2137	1648	-489	-120	-370
Болезни системы кровообращения	3646	1209	-2437	-1127	-1310
Болезни органов дыхания	480	235	-245	-72	-173
Болезни органов пищеварения	800	624	-176	-43	-133
Внешние причины	2745	1410	-1335	-1044	-290

Принимая во внимание полученные ранее данные о неодинаковых демографических процессах в двух группах субъектов УрФО [5], следующей задачей исследования явилась оценка динамики ПППЖ и влияющих на нее факторов. Данные таблицы 2 демонстрируют, что первая группа субъектов УрФО по сравнению со второй группой имеет более высокие исходные значения ПППЖ и темпы их снижения к 2014 г. Вклад снижения уровней смертности в уменьшение ПППЖ при всех причинах смерти у мужчин первой и второй групп был в 1,6-1,7 раза больше, чем вклад повышения возраста смерти. Основной причиной этого явилось существенное снижение смертности от ВН. При отдельных причинах смерти вклад первого фактора был существенно больше при ВП, в меньшей степени – при БСК, а вклад второго фактора – при ЗНО, БОД и БОП. В отличие от мужчин, у женщин двух групп субъектов УрФО уменьшением числа ПППЖ при всех причинах смерти было обусловлено в основном за счет снижения уровней смертности при ВП и ЗНО (вторая группа), а также за счет повышения возраста смерти при БОД, БОП и ЗНО (первая группа).

С учетом результатов проведенного исследования, свидетельствующих о положительной динамике уменьшения ПППЖ у населения УрФО и РФ вследствие снижения уровней смертности и повышения возраста смерти при всех и отдельных причинах, был проведен сравнительный анализ динамики ОППЖ при рождении. Как следует из данных таблицы 3, в целом с 2005 г. по 2014 г. РФ, УрФО и в субъектах УрФО ОППЖ существенно повысилась на федеральном и региональных уровнях. Наибольшее повышение ОППЖ отмечено у мужчин РФ (на 6,4 года, в среднем на 0,71 в год) по сравнению с мужчинами УрФО (на 5,6 года, в среднем на 0,62 в год). У женщин УрФО и РФ повышение ОППЖ было одинаковым и составило 3,9 года, в среднем на 0,43 в год. У мужчин и женщин первой группы УрФО повышение ОППЖ в целом было на 1-1,3 года больше, чем во второй группе. В УрФО наибольшее повышение ОППЖ отмечено у мужчин первой группы (на 5,6 года, в среднем на 0,62 в год) по сравнению с мужчинами второй группы (на 4,4 года, в среднем на 0,49 в год). У женщин УрФО наибольшее повышение ОППЖ было в первой группе (на 4,1 года, в среднем на 0,46 в год) по сравнению с женщинами второй группы (на 2,8 года, в среднем на 0,31 в год).

Несмотря на некоторое уменьшение гендерных различий в ОППЖ, во всех сравниваемых группах в 2014 г. они превышали 10 лет, что, по сравнению с 4-6 годами в ЕС-15, является неблагоприятным явлением.

Таблица 2

Динамика потерянных годов потенциальной жизни (ПППЖ) и сравнительная оценка вклада уровней смертности и возраста смерти (ВС) в ее изменения у населения субъектов УрФО с 2005 г. по 2014 г. (на 10^5 человек)

Причины смерти	ПППЖ на 100 000 человек		Все факторы	Уровень смертности	Возраст смерти
	2005г.	2014г.			
1. Курганская, Свердловская и Челябинская области					
Мужчины					

Все причины	36466	21013	-15452	-9728	-5724
Инфекционные и паразитарные болезни	1894	2004	111	-56	167
Злокачественные новообразования	3812	2658	-1155	-264	-891
Болезни системы кровообращения	11355	5466	-5889	-3248	-2641
Болезни органов дыхания	2616	1040	-1575	-578	-998
Болезни органов пищеварения	1847	1579	-269	42	-311
Внешние причины	14942	8267	-6675	-5712	-963
Женщины					
Все причины	11582	6752	-4830	-2502	-2328
Инфекционные и паразитарные болезни	543	862	319	311	8
Злокачественные новообразования	2197	1801	-396	-22	-374
Болезни системы кровообращения	3761	1377	-2384	-1217	-1167
Болезни органов дыхания	648	309	-338	-107	-231
Болезни органов пищеварения	938	729	-209	1	-211
Внешние причины	3496	1674	-1822	-1431	-391
2. Тюменская область, Ханты-Мансийский (ЮГРА) и Ямало-Ненецкий автономные округа					
Мужчины					
Все причины	24234	14765	-9468	-5863	-3606
Инфекционные и паразитарные болезни	1113	1388	275	157	118
Злокачественные новообразования	3047	1910	-1137	-392	-745
Болезни системы кровообращения	7909	4093	-3815	-1908	-1907
Болезни органов дыхания	1294	776	-518	-46	-471
Болезни органов пищеварения	1165	915	-250	-48	-202
Внешние причины	9707	5683	-4024	-3707	-317
Женщины					
Все причины	8253	5428	-2825	-1687	-1138
Инфекционные и паразитарные болезни	337	519	182	201	-19
Злокачественные новообразования	1911	1443	-468	-438	-30
Болезни системы кровообращения	2890	1275	-1615	-688	-927
Болезни органов дыхания	300	220	-80	-16	-64
Болезни органов пищеварения	611	491	-120	-45	-75
Внешние причины	2203	1481	-723	-767	45

Темпы снижения ПГПЖ в УрФО и РФ с 2005 г. по 2010 г. уменьшались на 2000-2500 ПГПЖ у мужчин и на 700-1000 ПГПЖ у женщин в год. После 2010 г. темпы снижения ПГПЖ уменьшились, составляя 700-1000 ПГПЖ в год соответственно. Отражением данного процесса является динамика ОППЖ при рождении в УрФО и РФ, представленная в таблице 3, из которой следует, что ОППЖ у мужчин УрФО и РФ с 2005 г. по 2010 г. увеличилась на 4,1 и 5,1 года, то есть на 0,82 и 1,02, а после 2010 г. – всего на 1,5 и 1,3 года, то есть на 0,38 и 0,33 в год соответственно. У женщин УрФО и РФ наблюдаемое повышение было менее выраженным и до 2010 г. составило 2,8 и 2,5 года (0,56 и 0,50 в год), а после 2010 г. – 1,1 и 1,4 года (0,28 и 0,35 в год). В целом, полученные данные указывают на двукратное снижение темпов роста ОППЖ и уменьшения ПГПЖ

после 2010 г. по сравнению с предыдущим периодом. Динамика ОПЖ с 2000 г. по 2005 г. была практически монотонной в УФО и РФ.

Одним из важных показателей потенциальной демографии является доля не доживших (или доживших) до определенного возраста. Обычно с этой целью определяют долю лиц из населения, не доживших до 60, 65 или 70 лет [4]. Полагаем, что для более объективной оценки данного показателя целесообразно проводить его оценку по 5- или 10-летним возрастным интервалам на всем протяжении жизни. Прежде всего, следует отметить, что доля недоживших во всех возрастных интервалах в 2010 г. относительно 2005 г. уменьшалась как у мужчин, так и у женщин. Однако к 2014 г. динамика дожития несколько изменилась, во-первых, вследствие сокращения доли недоживших в интервалах от 20 до 80 лет и, во-вторых, вследствие повышения доли недоживших в возрасте до 15 лет, главным образом, за счет доли недоживших до 1 года (табл. 4). При этом доля недоживших во всех возрастных интервалах у женщин была меньше, чем у мужчин, особенно в интервалах от 25 до 70 лет (то есть в трудоспособном возрасте), в которых наблюдались дву- и трехкратные различия. Следует также отметить, что с 2005 по 2014 год доля мужчин и женщин, не доживших до пенсионного возраста, уменьшилась примерно на 10%, а доля не доживших до 65 лет (новый пенсионный ориентир) всего на 2-3 %.

Таблица 3

Динамика ожидаемой продолжительности предстоящей жизни при рождении населения Уральского федерального округа и России

Годы	Ожидаемая продолжительность жизни, лет					
	Уральский федеральный округ			Россия		
	Мужчины	Женщины	Половые различия	Мужчины	Женщины	Половые различия
2005	58,7	72,1	13,4	58,9	72,4	13,5
2010	62,8	74,9	12,1	64	74,9	10,9
2014	64,3	76	11,7	65,3	76,3	11
Прирост (убыль)	5,6	3,9	-1,7	6,4	3,9	-2,5
Годы	Курганская, Свердловская и Челябинская области			Тюменская область, Ханты-Мансийский (ЮГРА) и Ямало-Ненецкий автономные округа		
2005	57,9	71,8	13,9	61,9	73,9	12
2010	62,1	74,6	12,5	64,9	75,1	10,2
2014	63,3	75,9	12,6	66,3	76,7	10,4
Прирост (убыль)	5,4	4,1	-1,3	4,4	2,8	-1,6

Таблица 4

Сравнительная динамика долей (в %) недоживших до определенного возраста среди умерших в Российской Федерации

Возрастные интервалы	2005 год		2010 год		2014 год	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
до 1 года	0,77	0,63	0,73	0,59	0,84	0,66
до 5 лет	0,96	0,80	0,92	0,74	1,02	0,81
до 10 лет	1,08	0,89	1,04	0,82	1,14	0,89
до 15 лет	1,26	1,00	1,16	0,91	1,27	0,97
до 20 лет	2,06	1,39	1,65	1,14	1,66	1,14
до 25 лет	3,96	1,98	3,15	1,62	2,79	1,46
до 30 лет	6,81	2,81	5,72	2,41	5,11	2,16
до 35 лет	10,16	3,89	9,22	3,50	8,63	3,29

до 40 лет	14,00	5,22	12,97	4,78	12,85	4,70
до 45 лет	20,28	7,44	17,13	6,31	17,18	6,29
до 50 лет	29,09	10,76	23,66	8,76	22,20	8,23
до 55 лет	39,49	15,19	32,87	12,53	30,27	11,52
до 60 лет	49,34	20,26	43,69	17,79	41,00	16,48
до 65 лет	56,63	24,73	54,71	23,70	53,41	22,94
до 70 лет	70,05	35,32	62,19	29,17	63,08	29,36
до 75 лет	80,68	47,06	76,23	43,01	72,07	38,13
до 80 лет	92,06	66,56	86,24	57,86	84,52	55,14
до 85 лет	96,66	82,38	95,63	79,35	92,76	72,70
Численность	1230744	1055570	1044513	976235	972041	935652

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что с 2005 г. по 2014 г. в УФО, так же как и в РФ, наблюдается существенное снижение такого важного фактора повышения продолжительности жизни, как число ПППЖ. Практическое совпадение значений ПППЖ и вклада смертности и возраста смерти в их динамику в УФО и РФ, по-видимому, является отражением того, что по ряду важных демографических показателей, таких как ОППЖ, смертности, возрасту смерти при основных причинах и воспроизводству населения УФО занимает центральное положение среди всех федеральных округов РФ. Сравнительная оценка в двух группах субъектов УФО показала более высокие значения ПППЖ и их менее благоприятную динамику в Курганской, Свердловской и Челябинской областях относительно Тюменской области, Ханты-Мансийского – Югры и Ямало-Ненецкого автономных округов при одинаковых тенденциях динамики ПППЖ и вклада в этот процесс смертности и возраста смерти. В целом наибольший вклад в снижение ПППЖ и повышение ОППЖ в УрФО и РФ вносит снижение уровня смертности, особенно при ВП. Вклад повышения возраста смерти в этот процесс меньше, однако, до настоящего времени он превалирует в случаях смерти от ЗНО, БОД и БОП у мужчин и женщин. Уменьшение темпов снижения смертности, а также повышения возраста смерти и, как следствие, повышение ОППЖ и доли доживших до определенного возраста, очевидно, указывают на приближение к некоему потолку в современных социально-экономических условиях жизни.

©Тельнов В. И. Текст. 2016

Список источников

1. Демографический ежегодник России : стат. сб. / Росстат. – М., 2006.
2. Демографический ежегодник России : стат. сб. / Росстат. – М., 2012.
3. Демографический ежегодник России : стат. сб. / Росстат. – М., 2015.
4. Практическая демография / Под ред. Л. Л. Рыбаковского.– М. : ЦСП, 2005. – 280 с.
5. Тельнов В. И., Тихонова М. А. Вклад смертности и возраста смерти в динамику потерянных лет потенциальной жизни у населения Уральского федерального округа и Российской Федерации // Институты развития демографической системы общества. Сб.к мат-лов V Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2014. – С. 159-163.
6. Тельнов В. И. Плутоний и сокращение продолжительности жизни у профессиональных работников // Гигиена и санитария.– 2015.– Т. 94.– № 3.– С. 56-60.

Информация об авторе

Тельнов Виталий Иванович (Россия, г. Озерск) – канд. мед. наук, заместитель директора по научной работе, ФГУП Южно-Уральский институт биофизики ФМБА России (Озерское шоссе, 19, г. Озерск Челябинская область, 456780; e-mail: tvi@subi.su)

**DYNAMICS OF MORTALITY AND LIFETIME RATES IN THE
POPULATIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT AND RUSSIAN FEDERATION
(2005-2014)**

Assessment of the dynamics of lifetime rates in the populations of Russian Federation, of Ural Federal District and its constituent territories from 2005 to 2014 had demonstrated a favorable and rather forthcoming trend of these rates' changing due to decrease of mortality rates and increase of the age of death. However the rate of these changes started decreasing from 2010.

Key words: population, mortality, age of death, lifetime

Information about the author

Telnov Vitaliy Ivanovich (Ozyorsk, Russia) – M.D., Deputy Director in Science, FSUE Southern Urals Biophysics Institute of the FMBA of Russia (19, Ozyorskoe shosse, Ozyorsk, Chelyabinsk region, 456780; e-mail: tvi@subi.su).

1. НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ В XX ВЕКЕ: ИСТОРИКО – ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 314 (571.121) ”19”

Л.В. Алексеева

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ В 1950-Х ГГ.

В работе рассматриваются факторы, которые привели к изменениям в составе и структуре населения ХМАО в указанное десятилетие. На основе материалов переписей населения СССР 1939 и 1959 гг. приводятся статистические сведения о населении ХМНО. Автор затрагивает процессы урбанизации, начавшиеся в регионе, обращает внимание на проблемы жизни коренного населения. На основе привлеченных источников выявлены особенности структуры и состава населения ХМНО в 1950-х гг.

Ключевые слова: население, округ, фактор, перепись, урбанизация, коренные жители

Актуальность и научная значимость изучения истории формирования населения Югры определяется той ролью, которую данная тематика играет в исследовании основных проблем отечественной истории XX в. Социально-демографические процессы, протекавшие в ХМАО¹, имели свои особенности. Автор в контексте комплексных исследований [1] прошлого региона, а также в ряде специальных работ [2] изучил некоторые аспекты народонаселения Югры в период 1917–1945 гг. [3]. Исследование же демографических явлений периода 1950-х гг. применительно к округу отечественными исследователями почти не предпринималось. В данной публикации автор ставит цель лишь привлечь внимание к данной проблеме и рассматривает ее с точки зрения факторов, которые привели к изменениям в составе и структуре населения ХМАО в десятилетие, ставшее своего рода рубежом перехода к индустриальному обществу, совпавшего, кроме всего прочего, с изменением и во внутриполитической обстановке в стране.

Из Великой Отечественной войны Ханты-Мансийский округ вышел, имея 100-тысячное население, большая часть которого самоотверженно трудилась на рыбодобыче, в лесной промышленности и сельском хозяйстве. В округе, по данным Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, функционировали 320 сельских советов и почти 300 колхозов (ф. п-107. оп. 1. д. 971. л. 163). Производительные силы округа были основательно истощены, а рыбное и сельское хозяйство, доведенное до возможного максимума развития, начало стремительно сокращаться. Поэтому первые послевоенные годы были для жителей округа отнюдь не легче военных. Выстоявший в тяжелой войне народ готов был к дальнейшим трудовым подвигам, веря, что скоро все изменится к лучшему. Действительно, с начала 1950-х гг. для развития всех сфер жизни округа характерна положительная динамика, что было связано, на наш взгляд, с несколькими факторами:

- 1) психологический (вера в лучшее будущее, так как худшее (война) было позади);
- 2) социально-политический (смерть Сталина и ослабление тоталитарного режима, частичная демократизация общественной жизни);

¹ Остяко-Вогульский национальный округ образован в 1930 г., в 1940 г. переименован в Ханты-Мансийский национальный округ, в 1978 – в Ханты-Мансийский автономный округ.

- 3) социально-экономический (успешные разведочные работы на нефть и шанс для округа стать индустриальным со всеми вытекающими последствиями: увеличение бюджетов, развитие инфраструктуры, приток населения, урбанизация и т.д.).

Обращение к данным переписи населения 1939 и 1959 гг. позволяет установить динамику численности населения ХМНО с 1939 по 1959 гг.: общая численность населения возросла с 92,2 тыс. чел. 123,9 тыс. чел.; городское население возросло с 7,5 тыс. чел. (8,1%) до 33,5 тыс. чел. (27,0%), то есть увеличилось почти в 4 раза. Анализируя национальный состав населения ХМНО, можно отметить, что в период с 1939 г. по 1959 г. доля коренного населения сократилась с 6,7% до 3,6%, русского населения – с 88% до 83,9%. Однако удельный вес представителей других народов вырос с 5,3% до 12,5%. Данные изменения являются не только результатом массовой эвакуации из западных районов страны в годы войны, как справедливо заметил В. Л. Левченко [7], но и объясняются принудительными миграциями.

27 января 1950 г. окружному центру присвоили статус города [5]. И. Н. Стась справедливо полагает, что этим событием прервался двадцатичетырехлетний период фактического и юридического отсутствия городского населения в ХМНО, когда в округе не было образовано ни одного города, ни рабочего поселка или поселка городского типа (кроме Остяко-Вогульска). Следовательно, в начале второй половины XX в. в ХМНО стало формироваться новое городское пространство. Начало поисково-разведочных работ на нефть и газ в Западной Сибири в 1950-х гг. привело к формированию городских поселений: в поселки городского типа были преобразованы Березово (1954 г.) и Сургут (1958 г.). С развитием лесозаготовительной промышленности в 1959 г. поселком городского типа стал Октябрьский. В конце 1950-х гг. доля городского населения в Ханты-Мансийском округе увеличилась и стала составлять 27%, а сельского — 73% (33 тыс. горожан против 91 тыс. сельчан). Следовательно, к началу нефтегазового освоения в регионе существовало только три локальных поселения, которым были присущи городские элементы: Ханты-Мансийск, Березово и Сургут [9].

Таким образом, население Ханты-Мансийского округа по материалам переписи 1959 г. составляло 123 926 чел. По национальному составу преобладали русские – 89813 чел. Численность коренных народов составляла более 20 тыс. чел.: ханты – 11435, манси – 5644, коми – 2803, ненцы – 815 [8]. В округе проживали представители украинского, белорусского, латышского, еврейского и других народов. Как национальное образование округ должен был решать проблемы жизни коренного населения, руководствуясь распоряжениями Центра.

Документы ЦК КПСС и Совета министров СССР, принимавшиеся в связи с «мерами по дальнейшему развитию» северных территорий, начиная с 1950-х гг., неизменно открывались констатацией успехов, достигнутых «на основе ленинской национальной политики». В. Куриков достаточно критически оценивает национальную политику тех лет. Он в частности указывает: «Квинтэссенцией идеологического лицемерия и теоретического шарлатанства стало утверждение о переходе от древнейшего социального уклада к высшей общественной формации, совершенном аборигенами Севера в течение жизни одного поколения. За словами о быстром приобщении малочисленных народов к достижениям современной науки, техники и культуры при организационной, идеологической и материально-технической помощи «старшего брата» скрывались черты былой колониальной политики, связанной с хищническим отношением к северной природе и этническим культурам. Не удивительно, что реальные проблемы развития национальных отношений оставались за пределами внимания партийно-государственной коммунистической элиты. Общий для многонациональной империи вектор денационализации самым трагическим образом пронзил судьбы народов Севера» [6, с. 36]. При этом нельзя отрицать значения принятого постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и

культуры народностей Севера», призванного привлечь внимание к проблеме коренных народов, усилить материальную помощь северным округам, повысить материальное благосостояние и культурный уровень аборигенов.

Серьезным препятствием для развития округа считался кочевой и полуседлый образ жизни коренных жителей. Неоднократные попытки перевести их на оседлость в предыдущие годы не увенчались успехом. 9 апреля 1957 г. бюро Тюменского обкома КПСС приняло постановление «О недостатках в работе Ханты-Мансийского окружкома КПСС». В нем отмечалось, что на основе осуществления ленинской национальной политики, при огромной помощи КПСС и Советского правительства в Ханты-Мансийском округе достигнуты определенные успехи в развитии экономики и культуры. Коренные жители в основном перешли на оседлость, для них были построены школы и культурно-просветительные учреждения. Ставилась задача в ближайшие два-три года завершить перевод кочевого и полукочевого населения на оседлость, создать экономическую базу общественного хозяйства колхозов. Результатом выполнения этого постановления стал перевод на оседлый образ жизни к 1958 г. 2 тыс. семей хантов и манси (кочевых и полуседлых рыбаков и охотников) [4, с. 382]. Значительная часть аборигенов оставалась вне этих мероприятий, предпочитая сохранить традиционный образ жизни.

Особенностью населения округа являлось значительное число спецпереселенцев. 1950-е гг. ознаменовались для населения ХМНО свертыванием спецпереселенческой системы. После смерти Сталина им было разрешено вернуться на родину. Не все воспользовались этим, но удельный вес спецпереселенцев в населении округа заметно сократился. Они получили равные с другими гражданские права.

Таким образом, изучение процессов формирования населения ХМАО в 1950-е гг. занимает важное место, поскольку стали заметны изменения не только в численности, составе, этноструктуре населения территории, но и его размещении, связанные не только с отъездом значительного числа бывших спецпереселенцев, переводом части коренного населения на оседлость, но и с нефтегазовым освоением. Все эти вопросы требуют детального изучения.

©Алексеева Л. В. Текст. 2016

Список источников

1. Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг. Национально-государственное строительство и население. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2005.
2. Алексеева Л. В. Крестьянская страда в 1418 дней. Сельское хозяйство Югры в годы Великой Отечественной войны. Нижневартовск : , 2012.
3. Алексеева Л. В. Рыбное хозяйство ХМАО в годы Второй мировой войны. 1939-1945. – Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2014.
4. Бударин М. Е. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. – Омск: Зап.-сиб. кн. изд-во, 1968.
5. Важнейшие события в истории округа. 1930–2000. – Екатеринбург, 2000.
6. Куриков В. Ханты-Мансийский автономный округ. С верой и надеждой в третье тысячелетие. – Екатеринбург : Зевс, 2000.
7. Левченко В. Л. О численности и составе населения Ханты-Мансийского автономного округа в 1940-1950-х гг.. [Электронный ресурс]. URL: // http://mmj.ru/ural_history.html?&article=199&cHash=99154576fa. (дата обращения: 05.07.2015).
8. Население ХМАО [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org>. (дата обращения: 05.07.2015).

9. Стась И. Н. Городское население в Ханты-Мансийском округе в первой половине XX века. [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/Zvezda/Downloads/БГУЭП>. (дата обращения: 05.07.2015).

Информация об авторе

Алексеева Любовь Васильевна – профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного университета (628602, г. Нижневартовск, ул. Мира, 3-Б) доктор исторических наук, профессор. E-mail: lvalexeeva@mail.ru

Alekseeva L.V.

TO QUESTION ABOUT STUDY OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN KHANTY-MANSIYSK NATIONAL DISTRICT IN 1950-TH

Factors that resulted in changes in composition and structure of population of XMAO in the indicated decade are in-process examined. On the basis of materials of censuses of population the USSR 1939, 1959 led statistical information about the population of XMHO. An author affects processes urbanizations beginning in a region, pays attention to problems of life of native population. On the basis of the attracted sources the features of structure and composition of population of XMHO are educed in 1950 – th.

Keywords: population, district, factor, census, urbanization, natives

Information about the author

Alekseeva Lubov, dr. History, professor of the history of Russia Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Peace str., 3-B); Телефон/Phone: 89224228790. E-mail: lvalexeeva@mail.ru

УДК 94(470.5)"1930/1960"

Е. Ю. Баранов

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1930-Е – 1960-Е ГОДЫ (ПОСТАНОВКА НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ)

На основе анализа историографии и методологических подходов к изучению демографической истории в СССР формулируется проблема демографической трансформации в уральской деревне в 1930-е – 1960-е гг. Исследование реализуется на основе теорий демографического и миграционного переходов.

Ключевые слова: историческая демография, демографическая история, демографическая модернизация, демографический переход, аграрная история, трансформация

В XX в. ведущей тенденцией демографического развития России стал переход к современному типу воспроизводства населения, в ходе которого низкие уровни смертности и рождаемости, свойственные современному обществу, пришли на смену высоким уровням смертности и рождаемости, характерным для традиционного аграрного общества. Для обозначения смены типов воспроизводства населения в демографии используется термин «демографический переход». Качественные изменения в демографической сфере происходили в ходе процесса модернизации, движения российского общества из аграрной стадии в стадию индустриального развития. Демографическая трансформация, в свою очередь, была обусловлена как объективными

процессами движения общества в индустриальную стадию, так и социальными, политическими, экономическими условиями. В первой половине XX в. демографическая сфера испытала существенное экзогенное воздействие, связанное с социальными катаклизмами. Первая мировая и Великая Отечественная войны, революция и гражданская война, форсированная индустриализация, коллективизация и раскулачивание, репрессии, голод и эпидемии, негативно отразившись на демографических процессах, деформировали демографические структуры российского и советского общества. Сильное воздействие внешних факторов обусловило специфический характер демографического перехода в России. Ведущим фактором демографического развития деревни в СССР на несколько десятилетий стала коллективизация сельского хозяйства, скорректированная политикой «совхозизации» в период хрущевской оттепели. Значимым направлением социальных трансформаций советского периода отечественной истории стала тенденция, обозначенная в исторической литературе как раскрестьянивание деревни. Модернизационные сдвиги в советском обществе в комплексе с экзогенными факторами обусловили трансформацию сельского населения.

Рубеж третьего и четвертого десятилетий XX в., определяемый в качестве нижней временной границы исследования, – это период, когда началась реализация сталинской модернизации форсированными темпами. Сплошная коллективизация и раскулачивание привели к кардинальным изменениям в социально-экономической структуре российской деревни, смене хозяйственного уклада в аграрном секторе, что не могло не отразиться на населении. Деревня в этот период стала одним из основных источников рабочей силы для индустриального строительства и производства. Эти обстоятельства стали сильными факторами трансформации сельского населения.

Определение конца 1960-х гг. в качестве верхней хронологической границы следует из выводов, имеющих в современной отечественной историографии. Так, существует тезис о завершении в основном демографического перехода в России к середине 1960-х гг., который нашел отражение даже в энциклопедической литературе [11, с. 159]. Для оценки динамических изменений необходимо проведение анализа в более длительной исторической ретроспективе, поэтому исследование не ограничено серединой седьмого десятилетия XX в.

В диссертационном исследовании О. Г. Черезовой, посвященном истории сельского населения Среднего Урала с середины 1950-х до начала 1990-х гг. (на материалах индустриальных Пермской, Свердловской, Челябинской областей), указывается, что к середине 1960-х гг. завершилась «основная фаза» демографического перехода, и что к началу 1970-х гг. «село уже практически исчерпало себя как источник рабочей силы для промышленности» [12, с. 12].

В региональной историографии демографической истории Урала разработана периодизация демографического и миграционного переходов, получившая обоснование в книге «Население Урала. XX век. История демографического развития». В этой работе период с конца 1920-х – начала 1930-х гг. до середины 1960-х гг. обозначен в качестве второго этапа демографического перехода в регионе, на котором происходило снижение и смертности, и рождаемости, и ход которого был прерван событиями Великой Отечественной войны. Период с конца 1920-х и до конца 1950-х гг. рассматривается авторами в качестве второго этапа миграционного перехода, связанного с индустриализацией и массовыми миграциями населения из села в город. Начавшийся в конце 1950-х гг. и продолжавшийся до конца 1980-х гг. третий этап миграционного перехода характеризуется «ослаблением миграции из села в город и некоторым снижением темпов урбанизации по сравнению с предшествующим периодом, повышением интенсивности возвратных перемещений» [10, с. 123-124]. Верификация и расширение существующих в историографии выводов и положений становятся значимыми задачами исследования.

Хронологические границы исследования позволяют выявить роль демографических потрясений в начале 1930-х гг. и в годы Великой Отечественной войны в демографической трансформации в регионе. Они дают возможность проанализировать ход демографической трансформации, ее направления в зависимости от внешних политических, социальных, экономических условий на протяжении длительного периода.

Территориальные рамки исследования включают территорию Урала в границах сельской местности современных Курганской, Оренбургской, Свердловской, Челябинской областей, Пермского края и республик Башкортостан и Удмуртия. Такие географические рамки позволяют выявить как общие закономерности демографической трансформации, так и специфические черты, характерные для конкретных регионов. Урал в этом отношении в силу своих значительных территорий, имеющих различные природно-географические условия и экономическую специализацию дает уникальную возможность для проведения компаративного анализа региональных вариантов демографической трансформации и выявления специфики отдельных территорий.

Изучение проблем демографического развития России и Урала имеет достаточно обширную историографическую традицию, чего нельзя сказать об изучении модернизационных процессов в демографической сфере. Исследование проблем развития народонаселения достаточно четко разделяется на два периода. Первый период – хронологически более длительный – характеризуется господством официальной государственной («марксистско-ленинской») идеологии. Начало нового периода относится к рубежу 1980-х – 1990-х гг., когда ученые стали пытаться устранить белые пятна в истории СССР, и одним из объектов исследований стала социально-демографическая сфера. Современный этап отечественной историографии характеризуется постоянным расширением исследовательской проблематики, поиском новых методологических подходов и попытками опереться на существующие в зарубежном обществоведении парадигмы и теоретические концепты истории.

При характеристике советского периода историографии темы следует отметить, что в 1930-е гг. в отечественной демографической науке наступило «затишье», большая часть статистической информации о населении перешла в разряд секретной, что было во многом вызвано нежеланием высшего руководства публично признавать негативные процессы в демографической сфере, которые в свою очередь были обусловлены социально-экономической политикой и средствами ее реализации. Демографические и историко-демографические исследования в стране активизировались в период «хрущевской оттепели». В 1960–1980-е гг. для объяснения количественных и качественных изменений в народонаселении ряд демографов предлагают использовать теорию демографической революции, позаимствованную из зарубежной историко-демографической литературы. Существенный вклад в распространение теории демографической революции (перехода) в нашей стране внес известный демограф А. Г. Вишневский, в 1976 г. была издана его монография «Демографическая революция» [5].

В советский период история сельского населения рассматривалась в контексте изучения социально-экономического развития советской деревни и колхозного крестьянства. Итоги исследований были обобщены в многотомном труде «История советского крестьянства», изданном во второй половине 1980-х гг.

В историко-демографических работах конца 1980-х – 1990-х гг. как общероссийского, так и регионального уровня большое внимание уделялось проблеме кризисов демографической сферы, их социальной обусловленности и последствий, а также вопросу достоверности советской статистики, который напрямую связан с задачей оценки демографических последствий различных социальных катаклизмов. Е. М. Андреевым, Л. Е. Дарским, Т. Л. Харьковой в обобщающих работах по демографической истории СССР была предпринята попытка восстановить динамику численности населения СССР, России, а также показатели демографического воспроизводства и миграционного

движения населения, рассчитать людские потери в результате социальных катастроф (голода, войны) [1, 2].

На современном этапе историографии проблемы демографической истории СССР и России в XX в. находятся в центре исследований А. Г. Вишневого, В. Б. Жиромской, О. М. Вербицкой, Н. А. Араловец, В. А. Исупова и др. Проблемы демографического развития СССР и его регионов интересуют австралийского историка-экономиста С. Уиткрофта [14, 15], голландского историка Х. Кесслера [13] и ряд других зарубежных ученых.

Принципиальное значение для изучения темы имеют исследования факторов демографического развития России и СССР, влияния государственной политики на население (Е. А. Осокина, В. В. Цаплин, Ш. Фицпатрик, В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий, И. Е. Зеленин, В. В. Кондрашин, Е. Н. Осолков, В. Ф. Зима и др.). Значительное внимание современные исследователи уделили проблемам принудительных миграций и спецпоселенчества (В. Н. Земсков, П. М. Полян, Н. Ф. Бугай, С. А. Красильников).

Долгое время теория демографического перехода почти не выступала в роли методологического конструкта исторических интерпретаций. Историографическая ситуация изменилась после издания в 2006 г. книги «Демографическая модернизация России, 1900–2000», подготовленной под руководством А. Г. Вишневого. В ней коренные перемены в демографическом поведении, обусловленные демографическим переходом, рассматриваются в качестве демографической модернизации, содержание которой составляет комплекс изменений в матримониальном, прокреативном, сексуальном, семейном, жизнеохранительном, миграционном поведении людей. Демографическую модернизацию России авторы рассматривают «в контексте общей модернизации страны, за исторически короткое время превратившейся из аграрной, крестьянской, сельской, малограмотной в промышленную, городскую и высокообразованную». В то же время, демографическая модернизация России является частью всемирной демографической модернизации, глобального демографического перехода [6, с. 9].

Теория демографического перехода получила достаточно широкое распространение в российской профессионально-исторической среде. В. Б. Жиромская считает, что одна из особенностей демографического перехода в России заключалась в дискретном (по ее терминологии – «прерывном») характере этого процесса, его признаки были очень неустойчивыми и даже периодически исчезали, что было связано с неоднократным воздействием негативных социальных факторов на общий ход демографической модернизации. Еще одна особенность демографического перехода в России, по мнению В. Б. Жиромской, состоит в том, что он развивался в условиях глубокой деформации половозрастной пирамиды. Дисбаланс полов в пользу женщин, который наблюдался в советский период, начал сглаживаться только в конце 1960-х – начале 1970-х гг., хотя и не был преодолен. В возрастной структуре населения страны в XX в. можно зафиксировать несколько демографических ям, в том числе обусловленных последствиями социального бедствия в начале 1930-х гг. и Великой Отечественной войны. Отсутствие демографического выигрыша (существенного прироста населения) вследствие воздействия социальных потрясений первой половины века на длительность и соотношение фаз переходного процесса также выделяется историком в качестве специфической характеристики отечественного варианта демографического перехода. В. Б. Жиромская пишет, что демографический переход в России был, в основных чертах, завершен к середине 1970-х гг., однако застойные явления в экономике, отставание страны по ряду ведущих показателей технологической революции, в том числе в сфере фармакологии и медицины, отдалили завершение модернизационного процесса [7, с. 11-12, 19-26].

В исследованиях О. М. Вербицкой рассматриваются демографические процессы и вопросы брачно-семейного состава в российской деревне в 1920–1950-е гг. Историк делает вывод, что «объективный ход исторического процесса», распространение

урбанизации, в том числе усиление миграционного оттока населения из села в город, Великая Отечественная война, нанеся «огромный урон сельскому населению», обусловили радикальные изменения в составе населения Российской Федерации, связанные, прежде всего, с сокращением доли селян в общем населении. Если в 1939 г. сельское население еще доминировало, составляя 66%, то в конце 1950-х гг. жители деревни оказались в меньшинстве. Следствием войны, а затем оттока молодежи из села стали лакуны в половозрастном составе (недостаток мужчин), что создало напряженный баланс в соотношении полов, особенно в молодых возрастных группах. Однако в послевоенный период сельскому населению благодаря высокой по современным меркам рождаемости удалось обеспечить простое, а в ряде регионов и расширенное воспроизводство населения. Воспроизводственного ресурса оказалось достаточно, чтобы перекрывать миграционную убыль сельского населения. В отношении изменения семейно-брачной структуры О. М. Вербицкая делает вывод о существенном уменьшении размеров сельской семьи, господствующим типом семьи стала малая семья. Эти изменения соответствовали состоянию общества, переживавшему стадию демографического перехода [4, с. 47-48]. По мнению историка, на рубеже 1920–1930-х гг. наступил новый этап трансформации российской сельской семьи, условно датируемый 1929–1959 гг., начавшийся с реализацией политики коллективизации и раскулачивания. На этом этапе процесс обновления семейно-брачных отношений у жителей села заметно ускорился, и сельская семья вступила на путь постепенного перехода «от патриархальности к современности» [3, с. 14, 270].

Региональные исследования посвящены в основном проблемам демографического развития различных территорий страны в периоды «сталинской модернизации», Великой Отечественной войны, реже – в первые послевоенные десятилетия. В исследовательском поле уральских ученых также долгое время находились отдельные аспекты демографической истории региона: взаимодействие социально-экономических и демографических процессов, демографическая ситуация накануне и в период Великой Отечественной войны. В исследованиях Г. Е. Корнилова впервые было изучено демографическое развитие уральской деревни в 1941–1945 гг., оценены демографические последствия войны для сельского населения региона [8]. Следует отметить, что Л. Н. Мазур предприняла динамический анализ сельской поселенческой структуры Среднего Урала в XX в. [9].

Таким образом, проблема демографической трансформации в уральской деревне в столь насыщенный социальными преобразованиями и катаклизмами период 1930–1960-х гг., анализ ее условий, содержания, хода, характера представляет несомненный интерес для научно-исторического анализа. В соответствии с теорией демографического перехода различные социальные обстоятельства никак не приведут к отклонению от генеральной стратегии этой трансформации, они могут обеспечить только временное внешнее воздействие на ход демографической модернизации, обусловив специфику конкретно-исторических деталей, тайминговый сдвиг какой-либо фазы. Это, в свою очередь, составляет региональную специфику демографической трансформации и при выявлении таковой позволяет говорить о ее региональных вариантах. Исторический аспект данной проблемы актуален, так как позволяет глубже осмыслить проблемы современного состояния народонаселения, демографической политики, проблемы российской деревни, пути и тенденции демографического развития.

©Баранов Е. Ю. Текст. 2016

Список источников

1. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России. 1927–1959. – М.: Информатика, 1998. – 187 с.

2. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза. 1922–1991. – М. : Наука, 1993. – 142 с.
3. Вербицкая О. М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. Историко-демографический аспект. – М., Тула : Гриф и К, 2009. – 296 с.
4. Вербицкая О. М. Сельское население Российской Федерации в 1939–1959 гг. Демографические процессы и семья: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 2002. – 50 с.
5. Вишневский А. Г. Избранные демографические труды: в 2-х т. Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. – М. : Наука, 2005. – 368 с.
6. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. – М. : Новое издательство, 2006. – 608 с.
7. Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. – М. : Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. – 320 с.
8. Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. – Екатеринбург: ТОО «Уралагропресс», 1993. – 174 с.
9. Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке. Опыт динамического анализа. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2006. – 564 с.
10. Население Урала. XX век. История демографического развития / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева, Г. Е. Корнилов и др. – Екатеринбург : Издательство «Екатеринбург», 1996. – 212 с.
11. Новая российская энциклопедия: в 12 т. – М.: Изд-во «Энциклопедия», 2003. Т. 1. – 959 с.
12. Черезова О. Г. Сельское население Среднего Урала во второй половине XX века. Историко-демографические процессы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003. – 19 с.
13. Kessler G. C. The Peasant and the Town. Rural-Urban Migration in the Soviet Union, 1929–40. PhD-thesis. – European University Institute, Florence, 2001.
14. Wheatcroft S. G. More Light on the Scale of Repression and Excess Mortality in the Soviet Union in the 1930s // *Soviet Studies*. – 1990. – Vol. 42. – No № 2. – P. 355-367.
15. Wheatcroft S. G. New Demographic Evidence on Excess Collectivization Deaths/ Yet Another Kliukva from Steven Rosefielde? // *Slavic Review*. – 1985. – Vol. 44. – No. 3. P. 505-508.

Информация об авторе

Баранов Евгений Юрьевич (Россия, г. Екатеринбург) – кандидат исторических, доцент, старший научный сотрудник, Института истории и археологии УрО РАН (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: eubaranov@yandex.ru).

Baranov E.Yu.

DEMOGRAPHIC TRANSFORMATION IN THE URAL COUNTRYSIDE IN THE 1930S - 1960S (FORMULATION OF THE SCIENTIFIC PROBLEM)

Based on the analysis of historiography and methodological approaches to the study of the USSR demographic history the problem of demographic transformation in the Ural countryside in the 1930s – 1960s is formulated. The study is being conducted on the basis of the theories of demographic and migration transition.

Key words: historical demography, demographic history, demographic modernization, demographic transition, agrarian history, transformation.

Information about the author

Baranov Evgenij Yurievich (Russia, Ekaterinburg) – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: eubaranov@yandex.ru).

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ ДЕТЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ В УСЛОВИЯХ НАЧАВШЕЙСЯ БЛОКАДЫ

В статье рассматривается положение населения в Ленинграде в условиях начавшейся блокады, выявляется численность детского населения. Представлены данные по эвакуации детей в тыловые районы, а также сведения о потерях населения. Авторы анализируют итоги эвакуации населения из города.

Ключевые слова: население, блокада, Ленинград, дети, эвакуация, детские дома

Началом блокады Ленинграда традиционно считается 8 сентября 1941 г., когда противник захватил Шлиссельбург, прервав таким образом сухопутную связь города со страной. Однако реально ленинградцы потеряли возможность покинуть город еще раньше: 27 августа было прервано железнодорожное сообщение [1, с. 44]. С потерей Шлиссельбурга сразу же начались серьезные затруднения в городе, прекратились поступления продовольствия, горючего, медикаментов и т.д. [9, с. 29].

Л. Л. Газиева установила, что на 22 июня 1941 г. в Ленинграде проживало 848067 детей. Из них 455260 детей являлись ясельного и дошкольного возраста до 8,5 лет (1933–1941 г.р.), детей школьного возраста (1–8 классы) от 8,5 до 16,5 лет было 392807 чел. С учетом детей беженцев, прописанных в июле – сентябре 1941 г. в Ленинграде, общее число детей несколько возросло и составило 852380 чел. [4, с. 16].

В июне 1941 г. десятки тысяч дошкольников Ленинграда выехали на дачи в излюбленные места летнего отдыха, а десятки тысяч школьников отправились в пионерские лагеря. Вражеская авиация начала бомбить пригороды Ленинграда почти сразу же после того, как Германия напала на Советский Союз, поэтому детей нужно было срочно вывозить (данные Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 2076. оп. 4. ч. 1. д. 54. л. 167). В связи с этим эвакуация ленинградских детей началась еще до начала блокады. В период с июня по август 1941 г. их направляли, в основном, в Ярославскую, Горьковскую, Ивановскую, Куйбышевскую и др. близлежащие к Ленинграду области. Эвакуацию начали уже вечером 22 июня 1941 г. По всем районам были выделены уполномоченные, которые выехали за детьми на автомашинах. В течение трех-четырех дней дети были вывезены из опасной зоны (данные Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 2076. оп. 4. ч. 1. д. 54. л. 170). 29 июня 1941 г. Исполком Ленгорсовета принял решение «О вывозе детей из Ленинграда в Ленинградскую и Ярославскую области» (по данным Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 7384. оп. 17. д. 443. л. 103).

По данным выдачи продуктовых карточек, в июле 1941 г. доля детей и неработающих граждан составляла 45,8% населения Ленинграда, то есть демографическая обстановка города накануне блокады складывалась не лучшим образом [1, с. 35]. Высокий процент несамодеятельного населения должен был серьезно осложнить положение осажденного города, что и произошло. С середины июля в Ленинграде были существенно уменьшены нормы выдачи хлеба, с 18 июля по конец сентября 1941 г. они составляли: рабочим – 800 г; служащим – 600 г; иждивенцам и детям – 400 г [9, с. 45]. Как следует из отчета отдела народного образования Ленгорисполкома, на 6 июля 1941 г. было эвакуировано 234 833 чел.: детей ясельного возраста – 23 057, дошкольного возраста – 82 907, школьного возраста – 128 857. После 7 июля по решению исполкома Ленгорсовета эвакуация детей без родителей была прекращена (данные Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 2076. оп. 4. ч. 1. д. 54. л. 172).

Вывоз детей производился организованным порядком через детские учреждения (школы, детские сады, детские дома, интернатские группы, создаваемые предприятиями

по месту работы родителей). Организация вывоза была возложена на эвакуационные тройки РИКов (РИК – районный исполнительный комитет). Руководство и обслуживающий персонал подбирались роно (районные отделы народного образования). Финансирование обеспечивалось финорганами, продовольствие и питание в пути осуществлялось через горотдел торговли и трест столовых. Каждая эвакуированное детское учреждение обеспечивалось продуктами на десять дней.

Детские дома и детские сады выехали в места эвакуации, имея с собой необходимый минимум постельного белья, кухонного и хозяйственного инвентаря. Однако во второй половине июля 1941 г. эвакуированные в районы Ленинградской области детские учреждения были возвращены обратно в Ленинград, а часть отправлены в Кировскую и Ярославскую области.

К оперативному проведению эвакуации женщин и детей городские власти привлекли большую группу работников народного образования, врачей и хозяйственников. Среди населения, особенно среди женщин с малолетними детьми, была проведена широкая разъяснительная работа о необходимости срочной эвакуации из Ленинграда. Численность детей в городе, в соответствии с выданным количеством продуктовых карточек, приведена в таблице 1.

Таблица 1

Численность детей в Ленинграде (июль – сентябрь 1941 г.)

Месяц	Количество детей (в тыс.)	Доля детей к населению Ленинграда
Июль	467	17,6
Август	492	18,7
Сентябрь	433,6	18,2

Источник: [1, с. 44]

Сведения, приведенные в таблице, показывают, что детское население города составляло почти пятую часть.

К 7 августа из города эвакуировалось 311 387 детей (данные Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 7384. оп. 13. д. 664. л. 3) в Удмуртскую, Башкирскую и Казахскую республики, в Ярославскую, Кировскую, Вологодскую, Свердловскую, Омскую, Пермскую, Актыобинскую, Челябинскую области [3]. А. М. Тиранин писал: «С августа 1941 г. маленьких ленинградцев отправляли уже, в основном, в Кировскую и Горьковскую области и на Урал» [11]. На том этапе (по данным документов из фондов музея блокады Ленинграда) из города было вывезено 488703 человека, из них 219691 детей [8].

С 20 ноября в городе были установлены самые низкие нормы выдачи хлеба, до 50% которого составляли примеси. По рабочей карточке выдавали 250 г, служащие, иждивенцы, дети получали по 125 г. В декабре смерть от голода в Ленинграде стала массовой. К голоду добавился еще и жуткий холод, спасения от которого не было, так как топливо отсутствовало [1, с. 69]. В декабре уже голодали если не все, то подавляющее большинство.

К началу 1942 г. в Ленинграде установился полный блокадный режим. Продовольственное положение ухудшилось, и в январе перебои со снабжением и получением хлеба по карточкам усилились. Почти повсеместно из строя вышли канализация и водопровод. Питьевая вода стала большим дефицитом, а доставка ее – подвигом. Число жертв голода стремительно росло. В городе проявились различные черты представлений о морали, моделей поведения: от возвышенных до самых страшных [13, с. 3-43].

Тяжесть блокады уже зимой 1941–1942 гг. резко увеличила смертность среди взрослого гражданского населения и, как следствие, возрос уровень безнадзорности детей. В конце декабря 1941 г. 17 существовавших в Ленинграде детских домов не могли принять всех безнадзорных детей и сирот (данные Центрального государственного архива

Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 2076. оп. 4. д. 54. л. 207). В этих условиях объективной необходимостью стало массовое развертывание детских домов и организация эвакуации детей. В январе – марте 1942 г. Ленгорсовет принял решение о борьбе с беспризорностью, обязав Ленгороно обеспечить прием осиротевших детей и направление их в детские дома в течение 24 часов. В течение декабря 1941 г.– июля 1942 г. (период наибольшего роста детской беспризорности) детскими домами Ленинграда было принято около 40000 детей (данные Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 2076. оп. 4. д. 54. л. 28). В результате если в середине декабря 1941 г. в Ленинграде насчитывалось 17 детских домов, то к февралю 1942 г. их стало 64, а к началу марта — 98 [5, с. 142].

С октября 1941 г. и до апреля 1942 г. дети до 12 лет составляли около 20% (табл. 2).

Таблица 2

Численность детей в блокадном Ленинграде (октябрь 1941 г. – март 1942 г.)
по продуктовым карточкам

Месяц	Число детей	Доля детей к общему числу населения
Октябрь	440,6	18,6
Ноябрь	451,3	18,9
Декабрь	453,7	19,5
Январь	453,3	19,9
Февраль	443	20,6
Март	394,4	20,6

Источник: [1, с. 44–45]

Для голодающего города это была очень высокая экономическая нагрузка. Детей нужно было срочно вывозить из Ленинграда. Многие из них были живыми свидетелями гибели своих близких и пережили ужасы разрушений от бомбардировок и артиллерийских обстрелов. Физическое и моральное состояние детей требовало перемены обстановки и безотлагательной изменения бытовых условий.

За время второго этапа эвакуации — с сентября 1941 по апрель 1942 г. было вывезено около 659 тыс. чел. [8]. Барбер Д. Дуглас (Великобритания) и его соавторы считают, что зимне-весенняя эвакуация 1942 г. не оказала значительного влияния на структуру населения города, процент численности иждивенцев и детей до 12 лет почти не изменился. По нашим подсчетам, на данном этапе было вывезено 120480 детей (для сравнения с первым – это почти вдвое меньше), а в сопоставлении с общим числом вывезенных людей, дети составили 1/6 часть.

Третий этап эвакуации населения из Ленинграда проходил с мая по октябрь 1942 г. Комитет обороны решил в навигацию 1942 г. эвакуировать из Ленинграда 300000 тыс. человек. Эвакуация, начавшаяся 27 мая 1942 г., имела несколько иной характер, чем предыдущая. Ее основной задачей было не только спасение умирающих от голода людей, но и превращение Ленинграда в военный город с необходимым минимумом самодеятельного населения. Летом 1942 г. выезжали в основном нетрудоспособные граждане. Реальная численность населения блокадного Ленинграда была установлена в июле–августе 1942 г. после перерегистрации паспортов его жителей. Проверка началась 8 и закончилась 30 июля 1942 г., а 31 июля в Ленинградский обком ВКП(б) была направлена справка за подписью П. С. Попкова и П. Н. Кубаткина о численности населения города [2]. Согласно этому документу, в Ленинграде, Колпине и Кронштадте проживало 807288 тыс. чел., в том числе 17,95% (144927 тыс. чел.) детей до 16 лет. В их числе дети, находившиеся на государственном обеспечении (8128 тыс. чел.). Тогда же была подготовлена справка о количестве семей, имеющих детей. Было установлено, что 72922 женщины имеют 1 ребенка, 14965 – двух и 3096 – свыше трех детей. Результаты

своего рода минипереписи показали катастрофическое опустошение города к лету 1942 г. Катастрофа, которая постигла население Ленинграда, вполне осознавалась демографами и медиками военной поры, понимавшими необходимость исследования всех аспектов демографии осажденного города. В блокаде, по данным выдачи карточек, оказалось 2371,3 тыс. чел. По состоянию на 1 августа 1942 г. в Ленинграде проживало 807,3 тыс. чел. Следовательно, за 10 месяцев население города сократилось на 1564 тыс. чел. Всего за 11 месяцев блокады погибли приблизительно 653 тыс. ленинградцев. Общая численность населения по сравнению с переписью 1939 г. сократилась в 4 раза, количество мужчин уменьшилось в 7 раз, женщин – в 3 раза. Численность детей первого года жизни по сравнению с 1939 г. сократилась в 30 раз, детей 1–4 лет – в 4,5 раза. Из огромного числа малышей 1937–1938 гг. рождения (тогда родилось свыше 180 тыс. детей) в городе осталось чуть больше 32 тыс. Численность населения, установленная в результате перерегистрации паспортов, стала точкой отсчета для последующей ленинградской статистики [1, с. 78–79].

Следует подчеркнуть, что особенностью этого этапа эвакуации населения являлось то, что весной и летом 1942 г. вывозились исключительно дети-сироты, находящиеся в детских домах и домах малютки.

Всего по детским домам Ленинграда было вывезено 37617 чел. По семейному составу: дети-сироты – 54,1% (круглые), имели мать или отца (отец в армии) – 29,5%, имели брата или сестру – 16,4%. В городе еще оставалось 19 детских домов (данные Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 2076. оп. 4. ч. 1. д. 54. лл. 174–210). Из приказа НКП РСФСР от 23 июля 1942 г. «Об успешности эвакуации детей из Ленинграда» следует, что с 7 июня по 12 июля из Ленинграда было эвакуировано 17000 детей-сирот [10, с. 72].

Всего в рамках третьего этапа эвакуации было вывезено из Ленинграда 448694 тыс. человека [12, с. 102]. В результате эвакуации численность иждивенцев к концу года сократилась почти в 4 раза, а детей до 12 лет на 5–6% [1, с. 71].

С 1 ноября 1942 г. эвакуация населения из Ленинграда была прекращена. В дальнейшем выезд разрешался лишь в исключительных случаях по особому указанию городской эвакуационной комиссии. Всего за время войны и блокады из Ленинграда выехало около 1,5 млн горожан [7]. Л. Л. Газиева установила, что в 1941–1943 гг. из города было вывезено 377788 детей. По ее мнению, в Ленинграде с 1941 г. по 1943 г. погибло 311921 детей в возрасте до 14 лет [4, с. 16–17]. Из отчета отдела народного образования г. Ленинграда следует, что организованным порядком было эвакуировано 411 детских учреждений и на 1 января 1943 г. количество эвакуированных детей составило 107688 (данные Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 73.84. оп. 17. д. 54. л. 176).

Имеющаяся статистика численности эвакуированного населения не предоставляет данных об эвакуации детей на втором этапе. Динамика эвакуации населения (и в том числе детей) из Ленинграда в соответствии с тремя этапами эвакуации, выявленная путем сопоставительного анализа источников и прямого подсчета, приведена в таблице 3.

Таблица 3

Итоги эвакуации населения из Ленинграда

Этап эвакуации	Численность населения	В том числе детей	Эвакуировано населения	В том числе эвакуировано детей
I. С 29 июня по 27 августа 1941 г.	2 000 992	852 380	488 703	219 691
II. С середины сентября 1941 г. до апреля 1942 г.	2 000 371	394 400 (на март)	659 000	120 480
III. С мая по октябрь 1942 г.	(на 1августа) 807 2888	144 927	448 694	37 617
Всего			1 596 397	377 788

Источник: [1, с. 34, 78-79; 4, с. 16; 9, с. 43, 46; 6, с. 21; 12, с. 102], а также данные Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 73.84. оп. 17. д. 54. л. 176).

Следовательно, четверть эвакуированного населения из Ленинграда составили дети. В свою очередь, эвакуированные организованным порядком дети через систему детских учреждений составили третью часть от числа всех эвакуированных ленинградских детей.

©Букренева К. Г., Алексеева Л. В. Текст. 2016

Список источников

1. Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект / Барбер Д. Дуглас, Белозеров Б. П. и др. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. – 265 с.
2. Блокадный Ленинград. Рассекреченные документы. [Электронный ресурс]. URL: fablewar.ru
3. Варехина А. Н. Детские дома на Урале в годы Великой Отечественной войны // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.uspu.ru>
4. Газиева Л. Л. Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2011.
5. Долганова А. Ю. Эвакуация детских учреждений в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны // Университетский историк. – СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2012. – Вып. 10.
6. Лихоманов Н. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). – Л. : Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1985. – 169 с.
7. Непокоренный Ленинград. IX. Навигация 1942 г. на Ладожском озере. [Электронный ресурс]. URL: <http://blokada.otrok.ru/library/leningrad/09.htm>
8. Осень 1941 года. Блокада Ленинграда. Исторические факты. [Электронный ресурс]. URL: http://spbgau.ru/museum/70_let_snatiya_blokady_leningrada
9. Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. 1941 год. – М. : Воениздат, 1958.
10. РСФСР – фронту. 1941–1945. Документы и материалы. – М. : Советская Россия, 1987.
11. Тиранин А. М. Недавно рассекреченные документы блокадного Ленинграда [Электронный ресурс]. URL: http://artofwar.ru/t/tiranin_a_m/text_0190.shtml
12. Уродков С. А. Эвакуация населения Ленинграда в 1941-1942 гг. // Вестник Ленинградского университета. 1958. – Вып. 8.
13. Яров С. Блокадная этика. Представление о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. // Российская история. – 2014. – № 3.

Информация об авторе

1. Букренева Ксения Геннадьевна – директор школы № 8 г. Ханты-Мансийск, кандидат исторических наук. Тел.: 879129381773; E-mail: Bukreneva@yandex.ru
2. Алексеева Любовь Васильевна – профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного университета (628602, г. Нижневартовск, ул. Мира, 3-Б) доктор исторических наук, профессор. Электронная почта/E-mail: lvalexeeva@mail.ru

Bukreneva K.G., Alekseeva L.V.

**TO THE QUESTION OF THE NUMBER OF CHILDREN IN LENINGRAD IN THE
CONDITIONS OF THE BEGUN BLOCKADE**

In article position of the population in Leningrad in the conditions of the begun blockade is considered, the number of the children's population comes to light, data on evacuation of children are presented to rear regions, and also data on losses of the population. Authors analyze results of evacuation of the population from the city.

Keywords: population, blockade, Leningrad, children, evacuation, orphanages.

Information about the authors

1. Bukreneva Ksenia - Director of school № 8, Khanty-Mansiysk, candidate of historical Sciences. Phone: 89129381773, E-mail: bukreneva@yandex.ru.

2. Alekseeva Lubov, dr. History, professor of the history of Russia Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Peace str., 3-B); Phone: 89224228790. E-mail: lvalexeeva@mail.ru

УДК 94(470+571)

А. А. Бурматов

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1950–1970 гг.

В статье комплексно рассматривается население Западной Сибири в 1950–1970 гг. Статья написана на основе официальных ответов территориальных органов федеральных органов государственной статистике регионов Западной Сибири, полученных на запросы автора исследования в архивы данных учреждений.

Ключевые слова. Алтайский край, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область Западная Сибирь, рождаемость, смертность

Работ по населению Западной Сибири немного. Наиболее интересными представляются «Население, трудовые ресурсы и уровень жизни в Западной Сибири» (1970), которая была издана для служебного пользования, поэтому малодоступна исследователям. В ней население рассматривается комплексно, но основной упор делается на уровне жизни и трудовым ресурсам. Естественное и миграционное движения носят второстепенный характер [5]. Книга Е. Л. Малинина, А. К. Ушакова [3], изданная в период сильных цензурных ограничений, не могла претендовать на полноту освещения проблемы. В коллективной монографии «Население Западной Сибири в XX веке» регион рассмотрен комплексно, но упор делается на формировании трудовых ресурсов [4]. Монография Л. В. Зандановой [1] посвящена переселениям крестьянства в Сибирь и Дальний Восток. В работах содержатся конкретные цифровые данные по переселениям и месту вселения новоселов. Е. М. Левицкий произвел расчеты по продолжительности жизни населения Сибири и Дальнего Востока [2].

Задача статьи рассмотреть население региона на основе данных фондов текущих архивов статуправлений Западной Сибири, поэтому они используются как основной статистический источник. Западная Сибирь принимается согласно экономическому районированию тех лет. В нее входят Алтайский край (с Горно-Алтайской АО), Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области¹. В управления статистики стекалась вся информация с мест. В них она перепроверялась, обрабатывалась, составлялись отчеты, справки, аккумулировалась переписка между органами власти и статистической службой. Каждый территориальный статистический орган производил расчеты, составлял динамические ряды по численности населения, рождаемости, смертности, которые иногда различались от данных ЦСУ РСФСР.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. С. 28.

В фондах статистических управлений, которые наличествуют в госархивах края и областей Западной Сибири, проявляется недостаток – отсутствие статистической информации о численности населения регионов за 1950–1958 гг., не всегда рассчитываются показатели естественного движения. В Государственном архиве Новосибирской области (ГАО) в фондах статуправления области (ф. 11.) рассчитываются показатели естественного движения, но в графе «численность населения» приводятся итоги переписи населения 1939 г., которые к 1950 г. безнадежно устарели. В Историческом архиве Омской области (ИАОО) в фонде управления статистики Омской области (ф. 2122) данные по численности населения за 1950–1958 гг. отсутствуют, не рассчитаны показатели естественного движения. Исходя из этого был произведен непосредственный запрос в статистические органы регионов, составляющих Западную Сибирь. Официальные ответы содержали данные о численности населения, абсолютные числа родившихся и умерших, в том числе до 1 года, показатели естественного движения за 1950–1970 гг. Не смогли предоставить информацию статистики Горного Алтая, поэтому все расчеты произведены без данного региона.

Численность населения Западной Сибири представлена в таблице 1. В динамике просматривается неравномерность прироста численности жителей. В частности, из 21 года наблюдений в 6 случаях население сокращалось. Прирост отсутствовал в 1966 г. В 1955 г. он был свыше 3%. В 1950 г. прирост составлял 2,2% при минимальном оттоке за пределы региона. В 1951–1953 гг. годы увеличение было 1,3–1,4%. (миграционный баланс был отрицательным). В период освоения целины наблюдался прирост: 1954 г. – 2,2%, в 1955 г. – 3,5%, в 1956 г. – 1,7%. В 1957–1959 гг. из региона происходил массовый отток граждан, после их официальной реабилитации. Миграционный прирост населения в 1962 г. еще требует объяснения.

Численность селян сокращалась почти постоянно. Исключения: в 1950 г. – прирост жителей в деревне составлял 0,2%, в 1954 г. – 1,8%, в 1955 г. – 3,9%. В эти годы отмечалось увеличение хозяйственных переселенцев в Сибирь. За период с 1949 г. по 1966 г. в регион вселилось 269 тыс. хозяйственных переселенцев. Основные вселения происходили в 1954–1959 гг. – 173,6 тыс., или 64,5% [1, с. 108, 155]. Жителей села за 20 лет стало на 20% меньше. Средний темп сокращения составил 1% в год. Снижение жителей села было менее 1% (1956, 1957, 1959, 1960 гг.), свыше 3% в 1958 г. и 1968 г. (по 3,2%), в 1969 г. (3,1%).

Таблица 1

Численность населения Западной Сибири в 1950–1970 гг.

Год	Численность населения, тыс.			Индекс динамики			Базисный индекс, 1950=100%		
	все	город	село	все	город	село	все	город	село
1950	8462,1	3645,0	4817,1	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1951	8650,7	3822,1	4828,6	102,2	104,9	100,2	102,2	104,9	100,2
1952	8768,7	4044,1	4724,6	101,4	105,8	97,8	103,6	110,9	98,1
1953	8894,4	4227,8	4666,6	101,3	104,5	98,8	105,1	116,0	96,9
1954	9006,5	4399,4	4607,1	101,3	104,1	98,7	106,4	120,7	95,6
1955	9252,2	4562,7	4689,5	102,7	103,7	101,8	109,3	125,2	97,4
1956	9573,5	4702,8	4870,7	103,5	103,1	103,9	113,1	129,0	101,1
1957	9739,5	4883,1	4856,4	101,7	103,8	99,7	115,1	134,0	100,8
1958	9868,5	5062,3	4806,2	101,3	103,7	99,0	116,6	138,9	99,8
1959	9996,0	5345,3	4650,7	101,3	105,6	96,8	118,1	146,6	96,5
1960	10137,9	5497,3	4640,6	101,4	102,8	99,8	119,8	150,8	96,3
1961	10323,0	5717,1	4605,9	101,8	104,0	99,3	122,0	156,8	95,6
1962	10448,9	5844,3	4604,6	101,2	102,2	100,0	123,5	160,3	95,6
1963	10688,9	6076,4	4612,5	102,3	104,0	100,2	126,3	166,7	95,8
1964	10661,9	6116,4	4545,5	99,7	100,7	98,5	126,0	167,8	94,4
1965	10659,9	6220,9	4439,0	100,0	101,7	97,7	126,0	170,7	92,2
1966	10638,1	6307,6	4330,5	99,8	101,4	97,6	125,7	173,0	89,9
1967	10639,2	6388,6	4250,6	100,0	101,3	98,2	125,7	175,3	88,2

Год	Численность населения, тыс.			Индекс динамики			Базисный индекс, 1950=100%		
	все	город	село	все	город	село	все	город	село
1968	10616,0	6483,1	4132,9	99,8	101,5	97,3	125,5	177,9	85,8
1969	10580,2	6580,2	4000,0	99,7	101,5	96,8	125,0	180,5	83,0
1970	10548,9	6674,2	3874,6	99,7	101,4	96,9	124,7	183,1	80,4

*Официальные ответы на запрос Алтайкрайста № ВТ-22-22/673-ДР от 22.09.2015; Кемеровостата №. 06-35/201 от 15.09.2015; Новосибирскстата № 06-56-20/1220-Д8 ; 20-06-10/238 от 30.10.2015; Омскстата № ЕШ-57-06/684-ОГ от 30.09.2015; Томскстата № СК-72-13/1264 ДР от 11.09.2015.

В 1950 г. в городах проживало 2/5 жителей региона (табл. 2). В 1959 г. доля горожан в регионе составила 53,5%. В Новосибирской области в городах насчитывалось 55%, в Кемеровской области 77%, на Алтае 33%, в Омской области – 43, в Томской области – 48% всех жителей. Западная Сибирь была более урбанизированной, чем СССР (48%) и РСФСР (52%).

Таблица 2

Доля городского и сельского населения в регионе, %*.

Год	Город	Село
1950	43,1	56,9
1951	44,2	55,8
1952	46,1	53,9
1953	47,5	52,5
1954	48,8	51,2
1955	49,3	50,7
1956	49,1	50,8
1957	50,1	49,9
1958	51,2	48,8
1959	53,5	46,5
1960	54,2	45,8
1961	55,4	44,6
1962	55,9	44,1
1963	56,8	43,2
1964	57,4	42,6
1965	58,4	41,6
1966	59,3	40,6
1967	60,0	40,0
1968	61,1	38,9
1969	62,2	37,8
1970	63,3	36,7

* Рассчитано по: данным официальных ответов статуправлений.

Прирост численности горожан был неравномерным. Темп прироста колебался от 0,7% (в 1964 г.) до 5,6% (1958 г.) и 5,8% (в 1951 г.). Общее увеличение численности горожан за 20 лет составило 83,1%, т.е. 4% в год. Выше 4% прирост наблюдался в 7 годах (1950–1953 гг., 1958, 1960, 1962 гг.). Максимальный прирост наблюдался в 1950-е гг. После чего темп прироста снизился и с 1963 г. не превышал 2% в год. Это был период массивного сокращения «неперспективных деревень». Жители сел проголосовали ногами против такой политики. Они не поехали в крупные села, как планировали власти, и в малые города региона, которые не могли обеспечить ни работой, ни жильем, а в массовом порядке покидали Сибирь. С 1963 г. население региона медленно начало уменьшаться в своей численности. За 1963–1970 гг. оно сократилось на 140 тыс., или на

1,3%. Миграционный приток совпал с минимальным уровнем рождаемости и повышением роста смертности. На период 1966–1970 гг. планами предусматривалось ускоренное развитие восточных районов страны. Плановики отмечали недостаточное развитие, ограниченную миграционную емкость, отсталость в социально-культурном плане малых городов Западной Сибири, которые не могли предоставить перспектив профессионального роста и удовлетворения культурных потребностей. Это и обеспечивало устойчивый отток населения за пределы региона (табл. 3).

Миграционная убыль составила за 20 лет 1045,0 тыс. чел., или 1/3 естественного прироста. Миграционный прирост отмечался в 1950 г. и в годы освоения целины: 1954 г. – 54,2 тыс., в 1955 г. – 115,5 тыс. С 1956 г. выезд постоянно превышал переезд из других регионов. Миграционная убыль в конце 1950 гг. была 70–80 тыс. Диссонансным является 1962 г., когда миграционный прирост стал положительным – 82,5 тыс. Причину этого предстоит выяснить. В следующие годы миграционная убыль достигла рекордных величин. В 1963 г. 170 тыс., что составляет суммарную величину миграционной убыли за 2 года, наблюдавшейся в 1957–1959 гг. С 1964 г. превышает показатели, отмеченные статистикой в 1957–1959 гг., в 1,5–1,7 раза. Основные миграционные потери несли Кемеровская область и Алтайский край. Воспроизводство населения Западной Сибири происходило в условиях миграционного оттока, что замедляло его темпы.

Таблица 3

Естественный и миграционный прирост населения в Западной Сибири в 1950–1970 гг. *

Год	Прирост, тыс. чел.			Доля в общем приросте, в %	
	общий	естественный	миграционный	естественный	миграционный
1950	188,6	178,5	10,1	94,6	5,4
1951	118,0	181,7	-63,7	154,0	-54,0
1952	125,7	171,8	-46,1	136,6	-36,6
1953	112,1	162,1	-50,0	144,6	-44,6
1954	245,7	191,5	54,2	77,9	20,1
1955	321,3	205,8	115,5	64,1	35,9
1956	166,0	206,9	-40,9	124,6	-24,6
1957	129,0	208,7	-79,7	161,8	-61,8
1958	127,5	212,0	-84,5	166,3	-66,3
1959	141,9	212,2	-70,3	149,5	-49,5
1960	185,1	201,8	-16,7	109,0	-9,0
1961	125,9	180,2	-54,3	143,1	-43,1
1962	240,0	157,5	82,5	65,6	34,4
1963	-27,0	143,0	-170,0	x	x
1964	-2,0	113,3	-115,3	x	x
1965	-21,8	96,0	-117,8	x	x
1966	1,1	88,5	-87,4	804,5	-794,5
1967	-23,2	77,2	-100,4	x	x
1968	-35,8	72,6	-108,4	x	x
1969	-31,3	70,5	-101,8	x	x
Всего	2086,8	3131,8	-1045,0	150,1	-50,1

* Рассчитано по: данным официальных ответов статуправлений. Миграционный прирост принят как разность между общим и естественным приростом.

Естественное движение населения в регионе отличалось от общероссийских показателей повышенными рождаемостью, смертностью (до 1956 г.) и естественным приростом. Более высокие показатели рождаемости связаны как с более молодым возрастным составом населения, так и запоздалым демографическим переходом (табл. 4). Рождаемость до 1955 г. превышала 30‰, то есть деторождение слабо регулировалось

семьями. В 1950, 1951 гг. уровень рождаемости достигал 32,8%. В 1952 и 1953 гг. рождаемость снизилась на 9,2%, то есть на 15,5% от уровня 1951 г. В этот период трудности с продовольствием были велики, и районы Сибири находились в ситуации, близкой к голоду. В 1954 и 1955 гг. произошло повышение уровня рождаемости до уровня 94% от 1952 г. Реформы, которые население связывало с именем Г. М. Маленкова, не могли дать большого и длительного эффекта. Они касались аграрного сектора. Показатель рождаемости у сельского населения оказался в 1955 г. выше, чем в 1950 г. (на 4%) и 1953 г. (на 16%). С 1951 г. по 1955 г. показатель рождаемости снизился на 5,5%, а в 1956 г. и 1957 г. еще на 7%. Это свидетельствовало о сокращении повозрастных показателей рождаемости, так как в основной фертильный возраст вступали многолюдные поколения женщин, родившихся в 1937–1939 гг. В 1960 г. рождаемость уменьшилась на 7%, в 1961 г. на 5%, в 1962 г. на 10%, 1963–1965 гг. по 9% к предыдущим годам. Темп падения рождаемости сократился до 4% в 1966 г. и до 6% в 1967 г., и до 1,5% в 1968 г. В 1969 г. рождаемость возросла на 1,5%. На снижение рождаемости повлияли структурные факторы: уменьшение количества женщин, вступающих в основной детородный возраст, перемещение значительной части населения в города, где в 1958–1959 гг. нетто-коэффициент воспроизводства составил 1,07. Отмечено снижение повозрастных коэффициентов плодovitости. Миграционный отток молодежи за пределы региона отрицательно влиял на рождаемость.

Таблица 4

Естественное движение населения Западной Сибири в 1950–1970 гг.*

Год	Рождаемость, ‰.			Смертность, ‰.		
	все	город	село	все	город	село
1950	32,7	31,9	33,4	11,9	11,8	11,9
1951	32,8	31,5	33,8	11,9	11,1	12,7
1952	30,2	31,8	30,9	10,7	9,8	11,6
1953	27,7	27,5	29,9	9,6	8,8	10,3
1954	30,2	28,4	31,9	9,2	8,1	10,2
1955	31,0	27,3	34,6	9,1	8,1	10,2
1956	29,0	25,0	32,9	7,6	6,7	8,4
1957	29,0	25,1	33,0	7,7	6,7	8,6
1958	28,4	24,9	32,3	7,1	6,5	7,8
1959	28,4	24,0	31,5	7,3	6,9	7,8
1960	26,6	23,6	30,2	6,8	6,4	7,3
1961	24,3	21,9	27,4	7,0	6,5	8,0
1962	21,9	19,9	24,5	7,0	6,5	7,6
1963	19,9	18,2	22,2	6,5	6,1	7,3
1964	17,2	16,3	18,4	6,6	6,3	6,9
1965	15,8	14,8	17,2	6,8	6,4	7,2
1966	15,2	14,6	16,1	6,9	6,6	7,3
1967	14,4	14,0	15,0	7,1	6,7	7,7
1968	14,2	14,0	14,5	7,4	7,0	7,9
1969	14,4	14,5	14,3	7,8	7,5	8,3
1970	14,7	15,0	14,4	7,9	7,5	8,8

* Рассчитано по: данным официальных ответов статуправлений.

За 1959–1970 гг. суммарный коэффициент рождаемости снизился на 30%. В целом по РСФСР в 1969–1970 гг. он равнялся 1,9 рождения на одну женщину, а брутто-коэффициент воспроизводства составлял 0,97. По Западной Сибири суммарный коэффициент снизился до 1,8., а брутто-коэффициент равнялся 0,88. В Новосибирской области специальный коэффициент рождаемости с 1958–1959 гг. по 1969–1970 гг.

сократился на 44,6% (в городах на 33,4%, в селах–50,6%). Население Западной Сибири вступило в стадию суженного воспроизводства. Показатель рождаемости в Западной Сибири с 1958 г. по 1965 г. снизился на 43,4%. В Алтайском крае сокращение составило 48%, в Кемеровской области 47%, в Омской – 40%, в Новосибирской – 42%¹.

Тенденции в динамике смертности за изучаемый период были противоречивы. В 1958–1959 гг. средняя продолжительность жизни населения Западной Сибири составляла 67 лет (для мужчин 63, для женщин 71 год). В СССР аналогичные показатели равнялись 69, 64 и 72 года соответственно. Показатели средней продолжительности жизни в Западной Сибири равнялись показателям Российской Федерации (табл. 5). Расчеты завышали реальную продолжительность жизни населения. Контрольными проверками в 1964 г. в СССР был установлен размер недоучета смертности 4,4% (в городах – 1,2%, в сельской местности – 5,9%), в РСФСР – 3,4%; 1,2% и 4,7% соответственно². Статистики в отчетах сообщали о большом количестве случаев рождений и смертей, зарегистрированных во втором и третьем кварталах года, следующих за отчетным. Такие случаи в годовую отчетность не попадали. Естественный прирост несколько завышался. Например, в 1970 г. в ходе проведения переписи населения в Новосибирской области контрольной проверкой выяснилось, что во всех районах существует недоучет демографических событий³. Уже в 1966 г. статистики сделали вывод, что в младших возрастах смертность сократилась, а в старших существенно возросла. Рост общих показателей смертности отмечен с 1965 г., а снижение средней продолжительности жизни с 1967 г.

Таблица 5

Средняя продолжительность жизни населения Западной Сибири в 1958–1959 гг., лет.

Регион	Все население	Мужчины	Женщины	Разница гр. 4 к гр. 3
Западная Сибирь	67,39	62,62	71,53	8,91
Алтайский край	67,44	62,80	71,32	8,52
Кемеровская область	67,38	62,70	71,59	8,89
Новосибирская область	67,31	62,41	71,39	8,98
Омская область	67,58	62,95	71,45	8,50
Томская область	66,85	62,44	70,65	8,21

*Составлено и рассчитано: [2, с. 20, 37, 41, 45, 73, 77, 81, 85, 89, 93]. Расчет по полу произведен по удельному весу в населении мужчин и женщин.

©Бурматов А. А. Текст. 2016.

Список источников

1. Занданова Л. В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию. Конец 40-х – середина 60-х гг. XX века. – Иркутск: Изд-во педуниверситета, 1997. – 158 с.
2. Левицкий Е. М. Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. – 143 с.
3. Малинин Е. Л., Ушаков А. К. Население Сибири. – М.: Статистика, 1976. – 168 с.
4. Население Западной Сибири в XX веке / отв. ред. Н. Я. Гущин, В. А. Исупов. – Новосибирск: СО РАН, 1997. – 172 с.

¹ Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. М.: Статистика, 1966. С. 20.

² ИАОО. Ф. 2122. оп. 1. д. 4457. л. 171.

³ Государственный архив Новосибирской области. Ф. 11. Оп. 3. Д.8668. Л.22

5. Население, трудовые ресурсы и уровень жизни в Западной Сибири. 1959–1980 гг. : в 2 ч. / ред. Е. Д. Малинин. – Новосибирск: Ин-т экон. и орг. пром. пр-ва, 1970. Ч. 1. – 239 с.

Информация об авторе

Бурматов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Педагогика» Куйбышевского филиала Новосибирского государственного педагогического университета. 632387, Новосибирская область, г. Куйбышев, ул. Молодежная, 7. priem@kfngpu.ru Автора al-burmatov@yandex.ru

Burmatov A. A.

THE POPULATION OF WESTERN SIBERIA IN THE 1950 TO 1970

The article examines comprehensively the population of Western Siberia in 1950 - 1970. This article was written on the basis of the official responses of territorial bodies of federal bodies of state statistics in Western Siberia, received at the author's requests in the archives of these institutions.

Keywords. Altay region, Kemerovo region, Novosibirsk region, Omsk region, Tomsk region, Western Siberia, fertility, mortality.

Information about the author

Burmatov Alexandr Anatolyevich - PhD in Historical sciences, associate professor of Pedagogical Department of Kuibyshev branch of Novosibirsk state pedagogical university of Kuibyshev branch of federal public budgetary educational institution of higher education «Novosibirsk state pedagogical university» 632387, Novosibirsk region, Kuibyshev, Molodezhnaya, Street, 7. Электронная почта priem@kfngpu.ru, al-burmatov@yandex.ru

УДК 748

А. В. Жидченко

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СССР В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА: К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ*

В предлагаемой работе освещается ряд социально-демографических аспектов развития СССР в середине XX века через призму факторов повышения рождаемости. К числу таких факторов относятся: рост жилищного строительства, повышение уровня жизни населения, общая либерализация режима, строительство новых детских садов и яслей в городах страны, создание сети родильных домов и т. д.

Ключевые слова: демография, история, урбанизация, модернизация, рождаемость, повседневность

В настоящее время демографические проблемы исследуются представителями широкого спектра наук – медицины, экономики, социологии, антропологии и т. д. Исследования в этой сфере давно стали ареной активного применения междисциплинарного подхода. Не является исключением и историческая наука, которая

* Подготовлено в рамках проекта РГНФ 16-01-00136 «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI–XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ»

позволяет с помощью специальных методов исследовать демографические проблемы в исторической ретроспективе и совокупность проблем, связанных с воспроизводством населения, в различные исторические периоды.

В предлагаемой работе мы постараемся ответить на вопрос о социально-демографических аспектах развития СССР в середине XX в. сквозь призму факторов повышения рождаемости, которые складывались в стране в это время. При этом предметом анализа станут факторы, которые были характерны, в первую очередь, для городского населения, поскольку указанный период можно назвать периодом быстрорастущей урбанизации. Акцент в данной работе будет сделан на материалах новых городов Сибири как социально-экономического района страны, где быстрыми темпами строились новые города и городские районы, а темпы роста демографических показателей на вновь осваиваемых территориях были достаточно высокими.

Социальный характер урбанизации и повышения жизненного уровня и демографических показателей населения в Сибири в последнее время активно исследуется в рамках теории модернизации историками С. С. Букиным, А. А. Долголюком, В. И. Исаевым, А. И. Тимошенко, С. В. Зяблицовой и др.

Повседневную жизнь Советского Союза в 1950-1960-е гг. можно рассматривать с двух сторон: во-первых, со стороны догматических норм и заявляемых руководством страны ориентиров, к которым стремилось советское государство и общество. Во-вторых, с позиции реальной повседневной жизни миллионов людей, трудностями, с которыми они сталкивались ежедневно. Эти трудности, наряду с государственной пропагандой, оказывали влияние на их сознание и восприятие своего времени.

Исследуемый исторический этап является ключевым с точки зрения формирования нового коммунистического общества, так как в этот период были предприняты попытки форсированного строительства коммунизма в СССР. Впервые о том, что первый его этап – социализм был в основном построен сказал И. В. Сталина в докладе на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. Тем самым он признал то, что окончательное уничтожение эксплуататорских классов открыло путь к победе коммунизма [9, с.12-22]. Однако начавшаяся Великая Отечественная война отсрочила этот тезис, который был актуализирован уже в годы хрущевской оттепели.

В 1950-е гг. стране удалось оправиться после Великой Отечественной войны, наладить промышленное производство товаров широкого потребления, восстановить разрушенные города. С начала 1950-х гг. социально-экономический уровень жизни горожан постоянно повышался, росли возможности удовлетворения материальных и культурных потребностей, главной среди которых была потребность в жилье. Н. С. Хрущев на XXII съезде КПСС говорил: «Замечательным достижением коммунистического строительства явится бесплатное обеспечение каждой семьи благоустроенным жильем и основными коммунальными услугами». Обеспечение каждой семьи отдельной благоустроенной квартирой в течение 20 лет было важным пунктом создания коммунистического общества к 1980 году. Новые крупные городские районы массовой застройки были призваны решить проблему жилья в СССР. В годы сталинских пятилеток этот вопрос решался за счет высокой плотности заселения в коммунальных квартирах, а в годы хрущевской оттепели за счет высоких темпов строительства экономичного жилья индустриальными методами [1, с. 196]. В сознании городских жителей закреплялись такие атрибуты, характерные для коммунальных квартир 1950-х гг., как общая кухня, общий санузел, коллективный быт. На рубеже 1950-1960-х гг. на смену им приходят атрибуты отдельной квартиры, связанные с новосельем, покупкой мебели и бытовой техники, ассортимент которых значительно расширялся в годы хрущевской оттепели. Квартиры распределялись по норме 9 м² на человека, размер кухни в среднем не превышал 6 м², высота потолка – 2,2-2,5 м, общей площади квартиры – 45 м². Как замечает Л. Б. Брусиловская, в условиях обширного жилищного строительства стали возможными дружеские круги. «Люди получают хоть маленькую, но собственную

квартиру – “хрущобу”, где имеют возможность вести разговоры на любую тему с людьми, которых сами хотят видеть у себя дома».

С точки зрения С. С. Букина и ряда других ученых отдельные квартиры, получившие обидное название «хрущевки», являлись огромным социальным завоеванием, а также существенным фактором становления индустриально-урбанизированного общества [1, с. 202]. Советские люди, таким образом, становились хозяевами малогабаритных, но зато собственных квартир, для которых разрабатывались соответствующие образцы мебели. Взамен комодов, круглых столов и громоздких шифоньеров в моду стали входить торшеры, стеллажи, диваны-раскладушки. Образцы новой мебели для малогабаритных квартир специально разрабатывались инженерами. Водопровод и паровое отопление избавляли горожан от присутствия признаков сельского быта в их повседневной жизни. С целью повышения уровня бытового обслуживания населения в городах развивалась газификация жилых домов [6]. Параллельно снижалась необходимость постройки бань и прачечных.

Среди социально-демографических улучшений в СССР в 1950–1960-е гг. можно отметить развитие сети родильных домов в городах и сельских районах. Уже в 1959 г. в Краткой энциклопедии домашнего хозяйства в разделе «роды» отмечается: «Для правильного и нормального течения родов очень важна подготовка беременной женщины, которая должна находиться под наблюдением врача или акушерки. Роды требуют от женщины большого напряжения и правильного поведения. ... Надо иметь в виду, что роды не всегда проходят нормально из-за различных особенностей рожавшей (узкий таз, заболевания матки, положение плода), поэтому особенно важно проводить роды в родильном доме.

В Советском Союзе всем беременным женщинам предоставляется возможность рожать в родильном доме или больнице, где оказывается бесплатная помощь квалифицированными врачами или акушерками. Если женщина почему-то не может рожать в родильном доме, то надо вызвать на дом квалифицированную акушерку». [8, с. 500].

Большое внимание уделялось благоустройству и озеленению зон нового жилищного строительства. Часть горожан получали дачные участки. В новых жилых районах в шаговой доступности создавалась система общественных учреждений, которая становилась неотъемлемой частью будущего коммунистического общества [4, с. 41]. В отдельных микрорайонах строились детские сады, школы, столовые, бани и другие общественные учреждения.

В 1950–1960-е гг. в связи с повышением рождаемости в городах повсеместно открывались детские сады и школы, активно занимающиеся идеологическим воспитанием подрастающего поколения. Как отмечал Н. С. Хрущев, поколение строителей коммунизма должно было формироваться с детских лет. «Впервые в истории мировоззрение миллионов людей строилось на научной основе марксизма-ленинизма». Неслучайно детские сады и ясли наряду с другими общественными учреждениями назывались ростками коммунизма.

Большим социальным завоеванием в строительстве коммунизма стало сокращение рабочего дня до 7 часов. Уменьшение рабочей недели до 40 часов, а затем и предоставление двух выходных дней освободило значительный резерв времени для досуга советских горожан [10], у которых появилась возможность активней заниматься физической культурой и спортом, художественной самодеятельностью. Для этого строились спортивные площадки, спортивные комплексы, библиотеки, открывались клубы по интересам. Однако присутствовали явления, противоречащие идеалам советского человека и гражданина (например, тунеядство, алкоголизм, преступность, аморальное поведение, проституция), с которыми усиленно боролись. Тем не менее, большую роль в повседневной жизни горожан играл досуг. В этот период стали более доступными поездки в Москву, Крым, к родственникам и друзьям в разные части

Советского Союза. Важную роль в социокультурном пространстве новых городов и городских районов стали играть дворцы и дома культуры, кинотеатры, парки культуры и отдыха. Они становились культурными доминантами городской среды.

Уже в 1959 г. ЦК КПСС обязывал крайкомы и крайисполкомы, министерства, ведомства и совнархозы в течение 2-3 лет принять меры к улучшению быта населения, обеспечить трудящихся всеми видами бытовых услуг: расширить сети ателье по пошиву и ремонту одежды и обуви, мастерских по ремонту велосипедов и мотоциклов, мебели, телевизоров, радиоприемников, холодильников, пылесосов, стиральных машин и других предметов домашнего обихода в городах [4, с. 42].

Задачей построения коммунизма был рост народного потребления и благосостояния советских граждан [4, с. 73-75]. Рост жизненного уровня населения в первую очередь можно проследить по структуре питания. Известно, что с 1953 г. по 1956 г. результативность сельскохозяйственного производства в СССР возросла на 75%, что позволило увеличить и объемы продаж высококалорийных продуктов населению. Например, в Ленинграде в 1955 г. мяса покупали в два раза больше, чем в 1950 г. Отделы снабжения организовывали централизованные доставки молока и других продуктов. Помимо традиционных магазинов с прилавками стали появляться «магазины без продавцов», строились столовые, рестораны, кафе и другие учреждения общепита. На улицах городов можно было встретить лотки с газированной водой и мороженым. Однако издержки плановой экономики в организации питания давали о себе знать в таких характерных явлениях, как дефицит, который вел к возникновению очередей и «черных прилавков». В целом, советские люди называли себя в это время «сытым поколением». Молодежь этого периода, в отличие от своих предшественников, говорила о том, что они имели «возможности создавать семью и смело воспитывать детей, будучи полностью уверенными в завтрашнем дне и их будущем» (по воспоминаниям старожилов). С 1955 г. по 1960 г., за 5 лет, планировалось в 6 раз увеличить выпуск холодильников, поскольку рос объем продуктов питания. Также планировалось в 4 раза увеличить выпуск стиральных машин с целью экономии свободного времени женщин, и в 2,5 раза увеличить количество приемников и телевизоров, которые вносили качественное разнообразие в проведение семейного досуга. Общей причиной объема роста именно этих товаров был также технический прогресс.

В докладе Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг.» рост благосостояния советского народа предусматривал рост национального дохода и на его основе увеличение доходов трудящихся, сокращение продолжительности рабочего дня и уменьшение числа рабочих дней в неделю, увеличения производства товаров народного потребления и улучшения их качества, широкий размах жилищного строительства и значительное улучшение общественного, культурного и бытового обслуживания населения [4, с. 39].

В будущем предполагалось отказаться от взимания налогов с населения. Уже на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев говорил об отмене налогов как о выдающемся социальном завоевании советского народа. Должно было это произойти к концу 1965 года.

Как писал С. С. Букин, основной формой распределения при социализме служит заработная плата, которая является материальным стимулом трудовой деятельности. В 1950 г. среднемесячная заработная плата рабочих, ИТР и служащих в промышленности Сибири составляла 72 руб., в 1960 г. 123 руб., в строительстве – соответственно 65 и 122 руб., на транспорте 52 и 119 руб. Основными формами оплаты труда в 1950-е гг. являлись сдельно-прогрессивная и повременно-премиальная, с преобладанием первой [2, с. 225].

В конце 1950-х гг. в восточной части СССР были внедрены районные коэффициенты к заработной плате работников тяжелой промышленности, транспорта и капитального строительства. Однако такую прибавку не получали трудящиеся легкой и пищевой промышленности, сферы услуг [2, с. 228].

Пенсии ветеранам труда до 1956 г. начислялись в зависимости от величины тарифной ставки, которая составляла не более половины фактического заработка. Поэтому размеры пенсий составляли 15-20 руб./мес., а пенсии руководящих работников достигали 150-200 руб./мес. и более. В июне 1956 г. пенсионные выплаты были упорядочены, однако оставались низкими для большинства [2, с. 229]. В 1959 г. в расчете на одного человека розничный товароборот был в Западной Сибири на 34 % меньше, чем в центральных районах СССР. В городах Сибири в 1950-е гг. частыми были перебои в торговле солью, растительным маслом, маргарином и другими продуктами повседневного спроса [2, с. 231]. Согласно статистическим данным о реализации денежных средств рабочими в городах Сибири в 1946, 1950, 1955 и 1960 гг., к 1960 г. произошло увеличение расходов на товары бытового назначения, алкогольные напитки и табачные изделия, гигиену, отдых и культурно-просветительские нужды, транспорт и связь. Существенно снизились расходы на облигации госзаймов, расходы на питание и одежду остались в среднем неизменными. В рационе питания уменьшился объем хлебопродуктов, картофеля, увеличился объем потребляемого молока, овощей и фруктов, мяса, рыбы, сахара и кондитерских изделий [1, с. 171-189].

В целом, средняя заработная плата выросла за десятилетие не очень значительно, с 203 руб. в 1950 г. до 313 руб. в 1960 г. Однако система социального обеспечения постоянно расширялась. Увеличились декретные отпуска для женщин, была отменена введенная при И. В. Сталине плата за обучение в старших классах средних школ, а также высших и средних специальных учебных заведениях [4, с. 76]. В 1956 г. были существенно увеличены и унифицированы пенсии, размер которых оставался неизменным до начала 1980-х гг. [3, с. 126]

Стоит отметить, что идеологическими нормами была пронизана вся структура повседневной жизни в советский период. Они присутствовали в поведении людей, их взаимоотношениях, образе мыслей, чувств, стереотипах мышления, заложенных с воспитанием. Это особенно было характерно для советской провинции, где эти нормы не были искажены под влиянием столичного образа жизни и осязаемого материального неравенства.

Воздействие идеологически направленных кинофильмов, газетных статей, общая идея, к которой стремились советские люди в энтузиазме и трудовом порыве, становились главным элементом повседневной жизни, образующей общий фон для тех практик, которые совершались каждым индивидом в процессе жизнедеятельности. И разумеется, тема рождения детей, их правильного воспитания играла в этих фильмах далеко не последнюю роль.

Поскольку для новых городских районов в 1950–1960-е гг. в большей степени было характерно привлечение для работы молодых специалистов, то одним из структурных элементов образа жизни для данной темы становится феномен молодости. Ее составляющими в повседневных практиках были не только рабочие будни, но и развлечения, знакомства, первая любовь, прогулки, женитьба и рождение детей. Что касается детей, то в их сознании формировались образы, связанные с крупными стройками, домашними и уличными играми, праздниками, временами года, детским садом и школой.

Необходимо отметить и общую либерализацию политического режима, связанную с периодом хрущевской оттепели, который дал возможность людям более открыто высказываться о некоторых вещах, осуществлять повседневную деятельность без страха, присутствовавшего в предшествующие годы. Ослабли и жесткая дисциплина работы на предприятиях, характерная для военного времени, и идеологический контроль. Однако на смену реалиям сталинского периода пришли новые нормы проведения социального эксперимента в нашей стране, характерные для периода хрущевского правления.

С точки зрения теории марксизма государство по мере приближения к коммунизму должно отмирать и передавать свои функции обществу. В период хрущевской оттепели

жители СССР могли заметить, что многие государственные функции передавались общественным организациям, на которые и возлагался контроль за обеспечением необходимого уровня жизненного комфорта советских граждан. Советы, профсоюзы, комсомол, кооперация становились «всеохватывающими организациями народа». Разные сферы повседневной жизни – работу, досуг, обеспечение жильем, городское благоустройство, здравоохранение, образование, транспорт – государственные органы стремились передать под контроль общественности. Особо эта тенденция проявлялась в повседневной жизни новых городских районов.

Таким образом, в годы послевоенной индустриализации в СССР присутствовал ряд факторов, которые приводили к изменению социально-демографической ситуации в стране. В совокупности они вели к повышению рождаемости в эти годы и росту численности населения в разных регионах Советского Союза.

© Жидченко А.В., Текст. 2016

Список источников

1. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе / Букин С. С., Долголюк А. А., Исаев В. И., Тимошенко А. И. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2011. – 336 с.
2. Букин С. С. Распределительные отношения и социальная справедливость. По материалам Западной Сибири 50-х гг. // Актуальные проблемы истории советской Сибири. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1990. – 225 с.
3. Ванюков Д. А. Хрущевская оттепель. – М.: Мир книги, 2007. – 264 с.
4. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1956-1965 гг. Доклад Н. С. Хрущева // Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. – М., 1959. С. 3-120.
6. О дальнейшем развитии газовой промышленности и газоснабжения предприятий и городов СССР Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 15 августа 1958 г. Извлечение // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. 1953–1961 гг. – М., 1968. – С. 406-408.
7. О мерах по улучшению бытового обслуживания населения. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 6 марта 1959 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. 1953–1961 гг. – М., 1968. – С. 559-562.
8. Роды // Краткая энциклопедия домашнего хозяйства. Т. 2. – М.: Большая Советская энциклопедия, 1959. – 780 с.
9. Сталин И. В. Отчетный доклад на XVIII съезде ВКП(б). – М., 1952. – 62 с.
10. О сокращении продолжительности рабочего дня рабочих и служащих в предвыходные и праздничные дни. Указ Президиума Верховного совета СССР 8 марта 1956 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. 1953–1961 гг. – М., 1968. – С. 297.

Информация об авторе

Жидченко Александр Владимирович (Россия, Москва) – кандидат исторических наук, магистр права, преподаватель Останкинского института телевидения и радиовещания (127427, г. Москва, ул. Академика Королева, д. 12, info@ostankino-institut.ru)

Zhidchenko A.V.

THE SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECTS OF THE USSR IN MID-TWENTIETH CENTURY: BY THE QUESTION ABOUT THE FACTORS INCREASING THE BIRTH RATE

In this paper highlights a number of socio-demographic aspects of development of the USSR in the mid-twentieth century through the prism of the factors increasing fertility. These factors include: the growth in housing construction, improving the living standards of the population, the total liberalization of the regime, the construction of new kindergartens and nurseries in the country's cities, creating a network of maternity homes, etc.

Keywords: demography, history, urbanization, modernization, fertility, dailylife

Information about the author

Zhidchenko Alexander (Moscow, Russia) – PhD in history, Master of Law, lecturer of the Ostankino television and radio broadcasting Institute, 127427, Moscow, ul. Academician Korolev, d. 12, info@ostankino-institut.ru

УДК 94(470.5)»1930»

В. А. Журавлева

МЛАДЕНЧЕСКАЯ СМЕРТНОСТЬ В ГОРОДАХ УРАЛА В 1930-е гг.

В статье на основе статистических материалов анализируется динамика младенческой смертности в уральских городах в 1930-е гг.; выясняются факторы, обусловившие высокую убыль горожан в возрасте до года; рассматривается структура их смертности в зависимости от причин; рассчитан коэффициент младенческой смертности горожан на Урале.

Ключевые слова: историческая демография, городское население, Урал, младенческая смертность

С началом промышленной модернизации на Урал проявился тренд к сокращению рождаемости на фоне роста уровня смертности горожан. Выросла и младенческая смертность, хотя удельный вес ее в общей смертности жителей уральских городов, поднявшись в 1929 г. до 40,8 %, снизился в 1932 г. до 30,6 %, а в 1933 г. – даже примерно до 20 %, что было ниже аналогичных показателей по региону в предыдущем десятилетии. Но эти цифры не свидетельствовали о нормализации демографической ситуации в крае. Они отражали только снижение рождаемости в городах региона в указанный период.

В годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) на фоне снижения доли скончавшихся в возрасте до одного года в общем числе умерших горожан наблюдалось значительное увеличение коэффициента младенческой смертности. За 1929–1932 гг. вырос с 235,4 до 279,5 ‰ (рассчитано по данным Государственного архива Свердловской области, ф. р–88. оп. 1). Уровень смертности горожан в возрасте до года в регионе превосходил аналогичные данные по городам Европейской части СССР, где убыль младенцев на каждую 1000 родившихся составила в 1929 г. 165,9, а в 1932 г. – 191,4 чел. [2, с. 253].

Состояние младенческой смертности продолжало ухудшаться, достигнув своего пика в голодном 1933 г. Тогда в городах Свердловской области коэффициент смертности младенцев составил 307,8, а Челябинской – 325,4 ‰, то есть погибала треть всех новорожденных (табл. 1).

Таблица 1

Младенческая смертность в городах Свердловской и Челябинской областей в 1933–1939 гг.*

Год	Свердловская область			Челябинская область		
	число умерших	удельный вес	коэффициент младенческой	число умерших	удельный вес	коэффициент младенческой

	до 1 года, чел.	их в общей смертности, %	смертности, ‰	до 1 года, чел.	их в общей смертности, %	смертности, ‰
1933	13438	20,5	307,8	7733	19,8	325,4
1934	10726	23,0	203,8	4929	21,3	183,3
1935	12619	34,3	186,9	7036	34,1	175,3
1936	19278	38,6	254,9	10748	39,7	273,5
1937	24617	42,3	247,1	12804	41,3	234,4
1938	12667	42,0	207,1	10203	39,1	193,8
1939	13492	40,1	220,1	11028	40,3	218,1

* Составлено и рассчитано по данным Российского государственного архива экономики (РГАЭ). ф. 1562. оп. 329. д. 19. л. 4–5; д. 53. л. 3; д. 188. л. 97–98; Государственного архива Свердловской области (ГАСО), ф. р–1813. оп. 1. д. 98. л. 2–2 об.; д. 100. л. 5; д. 101. л. 3–4; Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), ф. р–485. оп. 5. д. 144. л. 111; оп. 6. д. 789. л. 130; оп. 7. д. 487. л. 7.

В городах с населением свыше 50 тыс. чел. ситуация с младенческой смертностью была еще тяжелее. В 1933 г. уровень убыли детей в возрасте до года в подобных населенных пунктах Свердловской области составил 323,5, а Челябинской – 384,2 ‰. Данный показатель достиг в Свердловске 317,9 ‰, Лысьве – 335,7, Нижнем Тагиле – 338,6, Перми – 343,1, Надеждинске – 370,4 и превысил общегородской уровень в Свердловской области; в Молотове (277,8 ‰) и Усолье с Березниками (255,8 ‰) он, наоборот, оказался ниже. В соседней Челябинской области средний коэффициент младенческой смертности по городам региона был превзойден во всех крупных городах. В Челябинске он составил 433,7 ‰, Магнитогорске – 355,9, Златоусте – 333 ‰ (по данным Российского государственного архива экономики, д. 19, л. 4-5).

В 1934 г. по сравнению с предыдущим годом в городах Свердловской области в среднем скончалось в 1,5 раза меньше младенцев на каждую 1000 родившихся, а Челябинской – в 1,8 раз (рассчитано по данным табл. 1). Более того, в Свердловской области данный показатель по городам с населением свыше 100 тыс. чел. оказался немного ниже среднего по городским поселениям края (203,2 ‰), в Челябинской области он по-прежнему был выше (200,9 ‰). В 1934 г. коэффициент младенческой смертности остался выше средних общегородских показателей по Свердловской области только в Перми (240,7 ‰) и Нижнем Тагиле (224,9 ‰), а в Свердловске он оказался даже ниже (184,5 ‰). В Челябинской области смертность детей в возрасте до года превышала средние общегородские цифры в Челябинске (236,2 ‰) и Златоусте (196,1 ‰), зато в Магнитогорске она уступала им (166,1 ‰) (по данным Российского государственного архива экономики, д. 53, л. 3).

Данные по уральским городам были хуже, чем по аналогичным поселениям РСФСР и СССР. На 1000 родившихся горожан умерло детей до одного года в Европейской части СССР в 1933 г. 238,1, в 1934 г. – 167,1 чел.; в Европейской части РСФСР соответственно – 250,2 и 177,3; по городам РСФСР в целом – 247,1 и 178,5 ([2, с. 253] и данные Российского государственного архива экономики, д. 19, л. 9; д. 53, л. 7).

В 1935 г., как показывают данные таблицы 1, в обеих областях Урала продолжилось снижение уровня младенческой смертности. Но в 1936 г. в уральских городах вновь вырос коэффициент младенческой смертности, достигнув максимальных размеров за 1934–1939 гг.

В докладной записке временно исполнявшего должности начальника СвердблУНХУ Л. П. Валинчуса в Свердловский обком ВКП (б) от 9 июня 1936 г. содержался анализ воспроизводства горожан региона за период с мая 1935 г. по май 1936 г. В ней отмечалось, что если за это время в городской местности рождаемость выросла на 0,02 чел., то в сельской – на 0,76 чел. Низкая рождаемость горожан в указанный период была обусловлена ее снижением в Нижнем Тагиле на 0,26 чел., Лысьве – на 0,53 и

Кабаковске – на 0,04 чел. Вместе с тем, за это же время выросла и смертность – с 1,75 до 2,02 чел. на 1000 населения области. Это произошло за счет увеличения убыли населения в Перми (на 0,11 чел. на 1000 горожан) и Молотове (на 0,69 чел.), а также в сельской местности (на 0,3 чел.). Рост общей смертности произошел, прежде всего, за счет повышения детской смертности. Так, в городах края в мае 1935 г. на 1000 родившихся умерло 207 младенцев, а через год – уже 253 чел.; в сельской местности соответственно – 184 и 221, а области в целом – 196 и 236. Повышенную детскую смертность дали Нижний Тагил, в котором за указанный период младенческая смертность выросла с 241 до 360 чел. на 1000 родившихся, Молотово соответственно – 175 и 235, Лысьва – 291 и 399 чел. Но в Свердловской области были и города, в которых, наоборот, снизился уровень летальности детей до одного года. В Свердловске он уменьшился с 217 до 200 чел. на 1000 родившихся, Березниках – с 241 до 202, Кабаковске – с 303 до 239 чел. Л. П. Валинчус указал и причины роста младенческой смертности. Ими стали корь, скарлатина, грипп, крупозная пневмония. Так, за указанный период в области доля летальности от кори в общей смертности населения выросла с 4,2 до 9,3 на 1000 чел., скарлатины – с 1,2 до 3,4, крупозной пневмонии – с 2,2 до 3,9 чел. Все эти заболевания относились к группе эпидемических болезней (по данным Центра документации общественных организаций Свердловской области, д. 502, л. 14).

В докладной записке начальника Управления НКВД СССР по Челябинской области, старшего майора госбезопасности А. М. Минаева, направленной в июле 1936 г. секретарю обкома ВКП (б) Челябинской области К. В. Рындину и председателю Челябинского облисполкома М. А. Советникову, также указывалось на повышение смертности и снижение рождаемости в крае. Особенно неблагоприятная ситуация сложилась в Сатке и Бакале. А. М. Минаев заострил внимание на росте смертности младенцев. В мае 1936 г. в Челябинске их доля среди всех умерших горожан составила 5 % ([3, с. 354–355], и данные Объединенного государственного архива Челябинской области, д. 26, л. 88-89).

Летом 1936 г. совторготдел Свердловского обкома ВКП (б) и Управление НКВД СССР по Челябинской области провели проверки учреждений здравоохранения в своих регионах. Они показали, что главной причиной высокой смертности младенцев были летние детские поносы. Но именно в летние месяцы врачи отправлялись в отпуска. В результате, к примеру, в Челябинске в центральной детской поликлинике вместо двух приемов для больных детей остался только один, вместо двух разъездных детских врачей работал один. Сокращалось и число приемов в детских консультациях. В итоге в этом областном центре, как и в других городах Урала, были зарегистрированы многочисленные отказы больным детям в предоставлении медицинской помощи (данные Объединенного государственного архива Челябинской области, д. 26, л. 89; Центра документации общественных организаций Свердловской области, д. 504, л. 136).

Не лучшим образом было организовано стационарное лечение детей. В Красноуральске даже при наличии свободных мест в заразном отделении больницы маленькие горожане, больные корью, скарлатиной, дизентерией, диареей и с осложнениями после них, вместо госпитализации отправлялись домой, но и там никто из медработников их не посещал. В Челябинске, наоборот, детям отказывали в госпитализации из-за острой нехватки детских коек в больницах. По этой причине в стационарах не было изоляторов для сомнительных больных детей. В медучреждениях Челябинска, Кизела, Сатки, Кушвы и других городов царил антисанитария, не проводилась дезинфекция посуды, не выделялись для детей отдельные туалеты. Все это создавало условия для распространения инфекций в самих больницах. В Кизеле, Кушве, Верхней Туре, Аше, Сатке и других небольших городах из-за недостатка врачей-педиатров амбулаторный прием и помощь на дому осуществляли фельдшеры и малоквалифицированные медсестры. В Сатке был зарегистрирован возмутительный случай: акушерка Шихова приняла у Филимоновой преждевременные роды и решила, что

младенец родился мертворожденным, завернула его в газету и положила в туалете. Через два часа обнаружилось, что ребенок жив, но спасти его уже не удалось (данные Объединенного государственного архива Челябинской области, д. 12, л. 1; д. 26, л. 11, 90–91; Центра документации общественных организаций Свердловской области, д. 504, л. 138–140). Нередко инфекционных больных из-за неправильного диагноза оставляли дома.

В июне 1936 г. Челябинский обком ВКП (б), обсудив вопрос о состоянии естественного движения населения, создал при городских и районных здравотделах постоянные комиссии в составе начальников соответствующих загсов и органов НХУ для отслеживания динамики воспроизводства населения и оперативного принятия мер по снижению смертности горожан, особенно младенцев (данные Объединенного государственного архива Челябинской области, д. 26, л. 97-98). Летом 1936 г. облздравотдел Челябинской области проанализировал причины смерти детей до одного года. Оказалось, что 51,8 % младенцев умерли от заболеваний дыхательных путей из-за осложнений после кори и скарлатины и детских поносов. На основании этих причин были определены мероприятия по борьбе с заболеваниями и детской смертностью. Во-первых, была усилена предупредительная прививочная работа. Оспопрививанием было охвачено 100 % детей региона. Все дети до 12 лет, в первую очередь в городах и промышленных центрах, должны были быть привиты против скарлатины. Также ставились прививки против дифтерии и кори. Для получения нужного количества вакцины были значительно расширены пункты по изготовлению корьевой сыворотки в Магнитогорске, Златоусте, Кургане, Каменске, Челябинске (ЧТЗ). Во-вторых, в Сатку, Бакал и Ашу, в которых сложилась самая неблагоприятная ситуация с детской заболеваемостью и смертностью, были направлены бригады облздравотдела для оказания действенной помощи местным медицинским работникам. В-третьих, детские консультации Челябинска, Магнитогорска и Златоуста взяли на учет всех заболевших желудочно-кишечными заболеваниями детей, им была оказана необходимая медицинская помощь. В-четвертых, была усилена санитарно-профилактическая работа в городах. В Челябинске, Златоусте и Магнитогорске состоялись семинары медработников по борьбе с детскими поносами. Для населения Златоуста и Магнитогорска по радио читались лекции по желудочно-кишечным заболеваниям. Во всех городах внедрялся санминимум (данные Объединенного государственного архива Челябинской области, д. 26, л. 12, 99 об.–101 об.).

26 декабря 1936 г. Свердловский облисполком на основе анализа состояния медицинской помощи детям региона наметил программу по ее улучшению. Уже в феврале и марте 1937 г. в Свердловске, Нижнем Тагиле, Перми, Кабаковске, Березниках были организованы курсы для актива из рабочих по оздоровлению детства. Во всех городах области состоялись беседы-семинары с неработающим населением, а на предприятиях – профсоюзные собрания и конференции по вопросам санитарного воспитания детей. Были изданы листовки, проведены радиобеседы по гигиене грудных детей (по данным Государственного архива Свердловской области, д. 4329, л. 230-232).

Принятые меры, как свидетельствуют данные таблицы 1, позволили в 1937 г. снизить коэффициент младенческой смертности в уральских городах, но при этом вследствие роста рождаемости вырос удельный вес младенцев в общей смертности горожан на 9,6 % в Свердловской области и 4 % в Челябинской. Этот показатель достиг своего пика за 1930-е гг. (табл. 1).

Высокая младенческая смертность в целом по стране вызвала обеспокоенность работников народнохозяйственного учета. В секретном письме начальника отдела демографии ЦУНХУ Госплана СССР И.Ю. Писарева в Госплан СССР и Наркомздрав СССР от 28 ноября 1938 г. были представлены коэффициенты доживания до конца первого года жизни для детей поколений 1936 и 1937 гг. по 52 городам Советского Союза. Уральские города оказались в самом конце списка, заняв 34-е (Магнитогорск), 37-е (Свердловск), 43-е (Пермь), 46-е (Златоуст), 49-е (Нижний Тагил) и 50-е (Челябинск) места. Более того, за указанные годы в ряде уральских городов эти показатели

ухудшились. Коэффициенты доживания сократились в Свердловске с 0,7696 до 0,7692, Перми – с 0,7487 до 0,7477, Златоусте – с 0,7374 до 0,7370, Нижнем Тагиле – с 0,7326 до 0,7323, но выросли в Магнитогорске с 0,7672 до 0,7762 и Челябинске – с 0,6826 до 0,7112 (по данным Российского государственного архива экономики, д. 188, л. 20, 22). Показатели по уральским городам значительно уступали аналогичным данным по Москве, коэффициенты доживания в которой составили в 1936 г. 0,8459, а 1937 г. – 0,8559, и Ленинграду (соответственно – 0,8492 и 0,8512) (по данным Российского государственного архива экономики, д. 188, л. 21).

В 1938 г. в городах Урала продолжилось снижение коэффициента младенческой смертности – примерно на 17,2 % в обоих регионах, несколько уменьшился и удельный вес скончавшихся детей до одного года среди умерших горожан, но младенцы по-прежнему составляли свыше двух третьих всех скончавшихся жителей городов. В 1939 г. коэффициент младенческой смертности вновь резко возрос. Таким образом, на протяжении 1934–1939 гг. уровень младенческой смертности в городах Урала, оставаясь достаточно высоким, был неустойчивым и резко колебался (табл. 1).

Анализ данных таблиц 1 и 2 позволяет сделать вывод, что в 1933–1939 гг. уровень младенческой смертности в городах Свердловской области был на порядок ниже, чем в сельской местности и по региону в целом. В Челябинской области в 1933 и 1938 гг. убыль детей до года в городах превосходила аналогичные потери на селе и в регионе в целом. В 1934 г. в области был зафиксирован примерно одинаковый уровень смертности младенцев как в городской, так и сельской местности. В 1936 г. коэффициент смертности детей в возрасте до года в городах был выше, чем в крае в целом, но ниже, чем на селе. Таким образом, в Челябинской области иногда городская жизнь тяжелее сказывалась на новорожденных, чем сельская.

В 1939–1940 гг. в городах Свердловской области 30,2–30,7 % младенцев умерло от болезней пищеварения, 23,6–27 % – органов дыхания, 20,9–18,3 % – острых инфекционных заболеваний, 15,8–14,6 % – врожденной слабости, преждевременного рождения и болезней новорожденных. Наиболее тяжелой формой расстройства пищеварения у младенцев была токсическая диспепсия. Ею особенно часто болели дети в возрасте от 6 до 12 месяцев, находившиеся на смешанном или полностью искусственном вскармливании. От 2,8 (1939 г.) до 3,3 (1940 г.) % горожан до года умерло от дизентерии. К острым инфекционным заболеваниям относились корь, от которой погибло в 1939–1940 гг. 1–1,8 % всех умерших младенцев, коклюш– 2,1–1,5 %, скарлатина – 0,7–0,6 % (по данным Государственного архива Свердловской области, д. 640, л. 21–22). То есть младенцы в эти годы по-прежнему погибали от экзогенных причин.

Аналогичное положение было и в других уральских городах. В 1939 г. в Перми, по данным М. Я. Подлужной и С. П. Шиловой, на долю экзогенных причин (инфекционные болезни, болезни органов дыхания и пищеварения) приходилось 62,8 % всех смертей младенцев, тогда как болезней системы кровообращения – 8,6 %, новообразований – 3,2 % [1, с. 140]. IV сессия Челябинского областного Совета депутатов трудящихся (декабрь 1940 г.) констатировала, что, несмотря на снижение показателей детской смертности, она сохранялась на высоком уровне. Младенцы по-прежнему погибали от кори, коклюша, дифтерии (по данным Объединенного государственного архива Челябинской области 7, д. 51, л. 1, 17, 121).

Таблица 2

Младенческая смертность в Свердловской и Челябинской областях и сельской местности данных регионов в 1933–1939 гг.*

Год	Свердловская область			Челябинская область		
	Удельный вес младенцев в общей смертности	Коэффициент младенческой смертности по области,	Коэффициент младенческой смертности в сельской	Удельный вес младенцев в общей	Коэффициент младенческой смертности по области,	Коэффициент младенческой смертности в сельской

	по области, %	⁰ / ₀₀	местности, ⁰ / ₀₀	смертности по области, %	⁰ / ₀₀	местности, ⁰ / ₀₀
1933	26,9	332,3	345,9	26,1	281,6	266,0
1934	26,6	239,6	268,3	25,4	183,4	183,4
1935	37,6	215,8	239,2	36,5	187,4	194,4
1936	43,8	307,0	348,5	43,1	269,7	288,5
1937	42,3	274,0	303,4	42,5	271,4	299,9
1938	42,3	211,1	216,2	39,9	178,3	167,5
1939	42,3	236,7	257,7	44,5	250,8	309,8

Составлено и рассчитано по данным Российского государственного архива экономики. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 4–5; Д. 53. Л. 3; Д. 188. Л. 97–98; Государственного архива Свердловской области ГАСО. Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 3–4; Д. 101. Л. 1–2, 5–6; ОГАЧО. Ф. Р–485. Оп. 5. Д. 144. Л. 114–115; Оп. 6. Д. 789. Л. 131–132; Оп. 7. Д. 487. Л. 77–78.

В целом к концу 1930-х гг. добиться снижения младенческой смертности в городах Урала не удалось.

© Журавлева В.А. Текст. 2016

Список источников

1. Бiryukov В.А. Эволюция и особенности смертности населения в городах СССР // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. М.: Наука, 1990. С. 135–150.
2. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX в. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.
3. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: научное издание. Док. и мат-лы (Пермская, Свердловская, Челябинская области): в 6 т. Т. 1: Челябинская область: док. и мат-лы / отв. ред. Н.М. Рязанов, А.Н. Сахаров. Челябинск: Книга, 2005. 638 с.
4. Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Свердловск: Изд. статсектора Уралплана, 1930. Вып. 1. 223 с.

Информация об авторе

Журавлева Вера Анатольевна (Россия, Златоуст) – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-правовых и гуманитарных наук филиала Южно-Уральского государственного университета в г. Златоусте (456209, г. Златоуст Челябинской области, ул. Тургенева, 16; E-mail: spign@zb-susu.ru).

Zhuravleva V. A.

INFANT MORTALITY IN THE CITIES OF THE URAL IN THE 1930S

The article on the basis of statistical data presents an analysis of infant mortality dynamics in the cities of the Ural during the 1930s; identified factors contributing to significant losses in the urban population group under 1 year of age; studied infant mortality structure depending on its causes; calculated infant mortality ratios in the Ural cities.

Key words: historical demography, urban population, Ural, infant mortality.

Information about the author

Zhuravleva Vera A. (Russia, Zlatoust) – Candidate of historical Science, Associate Professor, Head of the Socio-Legal Sciences and Humanities Department, The Zlatoust branch of South Ural State University (16, Turgenev's street, Zlatoust, Chelyabinsk region, 456209. Russia, E-mail: spign@zb-susu.ru).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДА 1936–1937 ГОДОВ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

На основе выявленных документов в статье анализируется демографическая ситуация, сложившаяся в Свердловской области во второй половине 1936 г. – первой половине 1937 г. В условиях разразившегося аграрного кризиса и нехватки продовольствия в области разразился голод среди как городского, так и сельского населения. Результатом голода были повышенная смертность и сокращение рождаемости.

Ключевые слова: демографическая ситуация, демографический кризис, демографическая катастрофа, рождаемость, смертность, избыточное количество смертей

Исследований по голоду 1936–1937 гг. практически нет, в исторической литературе упоминаются лишь продовольственные затруднения. Тем не менее, неурожай 1936 г. охватил практически все районы Свердловской области (в административных границах 1934–1938 гг., когда в ее состав входила Свердловская и Пермская части, которые будут разделены в октябре 1938 г.). Летняя засуха 1936 г. привела к резкому сокращению урожая всех сельскохозяйственных культур, а затяжные дожди в августе и сентябре не позволили собрать полностью даже то, что выросло. Однако местные власти поставили задачу перед колхозами полного выполнения государственных планов. Весь партийный и советский аппарат был направлен на проведение продовольственных реквизиций в колхозах и совхозах. Несмотря на то, что план выполнить не удалось, из деревни изъяли подавляющую часть урожая. В итоге уже зимой 1936–1937 г. разразился голод, который охватил, в первую очередь, сельское и частично городское население.

В условиях голода изменилось поведение основных демографических показателей. В первом полугодии 1936 г. всего родилось по Свердловской области 88642 чел. (или 44,4 ‰), в первое полугодие 1937 г. – 103865 чел. (или 49,4 ‰). Абсолютное увеличение родившихся составило 17,1 ‰, а общий коэффициент рождаемости вырос на 11,2 ‰.

Таблица 1

Зарегистрированные рождения в Свердловской области в 1937 г. (помесячные)*

Месяц	Количество рождений		
	село	город	все поселения
Январь	9382	8838	28320
Февраль	8878	9614	18492
Март	8711	9861	18572
Апрель	7586	9220	16806
Май	7052	8620	15672
Июнь	8069	8294	16363
Июль	8716	8858	17574
Август	8162	8590	16752
Сентябрь	6536	7777	14313
Октябрь	6285	7996	14281
Ноябрь	5677	7147	12824
Декабрь	6025	7931	13956
Итого	91079	102846	193925

* Составлено по данным Государственного архива Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 1. Д. 100. Л. 45-47.

Таблица 2

Зарегистрированные умершие в Свердловской области в 1937 г. (помесячные)*

Месяц	Количество зарегистрированных умерших		
	село	город	все поселения
Январь	3845	4637	8482
Февраль	4230	5005	9235
Март	5137	6149	11286
Апрель	5581	6269	11850
Май	5836	6733	12569
Июнь	5671	5595	11266
Июль	5940	5304	11244
Август	7131	4888	12025
Сентябрь	6712	3892	10604
Октябрь	5153	3810	8963
Ноябрь	4258	3612	7870
Декабрь	4399	3961	8360
Итого	63899	59855	123754

Составлено по данным Государственного архива Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 1. Д. 100. Л. 45-47.

Статистические данные, приведенные в таблице 1 и на рисунке, показывают, что увеличение числа рождений в городской местности продолжалось до марта 1937 г., затем шло сокращение до июня (в этот месяц число родившихся увеличилось), а затем до декабря снова уменьшалось. В сельской местности сокращение числа родившихся фиксировалось до конца мая, в июне-июле произошел некоторый рост, но в августе – ноябре вновь произошло интенсивное сокращение. Показатель рождений – инерционный, он свидетельствовал о неблагоприятных условиях второй половины 1936 г. и первой половины 1937 г., когда число зачатий резко сократилось.

Однако при сокращении числа рождений по Свердловской области одновременно выросло количество умершего населения. В первом полугодии 1937 г. по сравнению с первым полугодием 1936 г. смертность увеличилась с 26,6 % до 30,6 % (то есть выросла на 15 %). Рост числа умерших в деревне происходил восемь первых месяцев 1937 г., в августе умерло в 1,9 раза больше, чем в январе. Темп прироста смертей в феврале составил 10 %, в марте – 21,4 %, в апреле – 8,6 %, в мае – 4,6 %, в июне сократился на 2,8 %, в июле вновь рост на 4,7 % и в августе – на 20,2 %. Сокращение рождений и одновременное увеличение умерших, при этом число рождений все же было больше, чем смертей, свидетельствовало о наличии демографического кризиса (рис.).

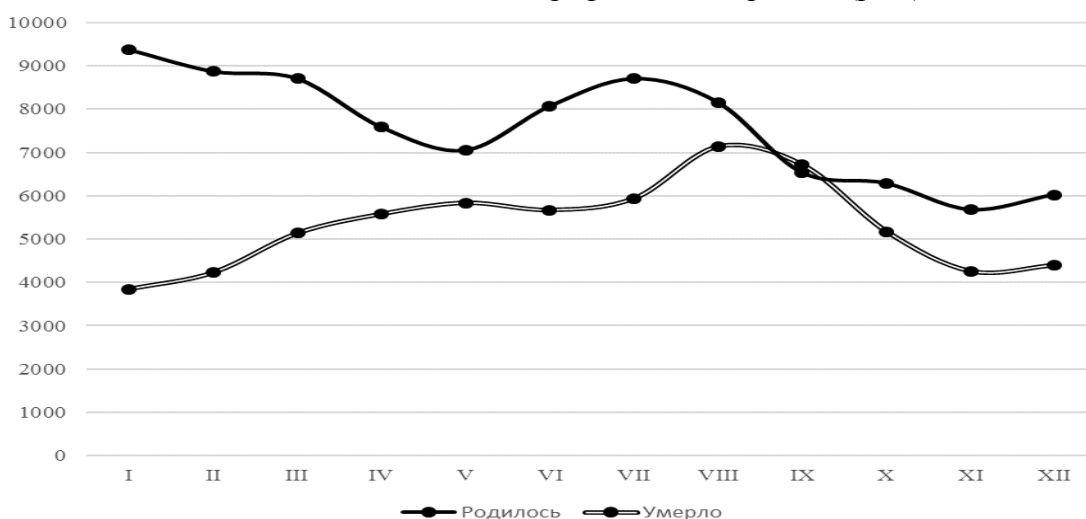

Рис. Рождения и смерти в сельской местности Свердловской области в 1937 г.

Только в сентябре 1937 г. в сельской местности было зафиксировано превышение умерших (6712 человек) над родившимися (6536 человек) (по данным Государственного архива Свердловской области. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 100. Л. 45).

Резкое повышение смертности дало городское население: если в первом полугодии 1936 г. общий коэффициент смертности составлял 22,0 ‰, то в первом полугодии 1937 г. вырос до 30,8 ‰ (рост на 40 ‰). Наибольшее повышение смертности дали следующие города Свердловск, Пермь, Березники, Молотово, Лысьва, Нижний Тагил, Надеждинск (Кабаковск) (табл. 3).

Таблица 3

Наибольшие показатели повышения смертности в Свердловской области (сравнение показателей первого полугодия 1936 г. и первого полугодия 1937 г.)

Город	Умерло за 1-е полугодие 1936 г.		Умерло за 1-е полугодие 1937 г.	
	всего	на 1000 населения	всего	на 1000 населения
Свердловск	3881	17,2	5063	26,6
Пермь	1506	17,0	2474	27,2
Березники	791	19,6	966	24,0
Молотово	728	23,2	1015	32,4
Лысьва	741	24,4	1031	34,3
Нижний Тагил	1820	22,8	2420	28,3
Надеждинск (Кабаковск)	809	21,8	1112	29,2

Составлено по данным [1, с. 68] и данным Центра документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31. Д. 14. Л. 8, 8 об., 9.

Резкий прирост умерших в первой половине 1937 г. по сравнению с первой половиной 1936 г. произошел в Перми на 39,4 % (коэффициент смертности увеличился на 60 %), в Молотове – соответственно – на 39,4 % (смертность выросла на 39,6 %), в Лысьве – на 39,1 % (смертность – на 33,9 %), в Надеждинске (бывший Кабаковск) – на 37,5 % (смертность – на 33,9 %), в Нижнем Тагиле – на 33,0 % (смертность – на 24,1%), в Свердловск – на 30,5% (смертность – на 31,4%). Безусловно, столь резкое увеличение умерших и общего коэффициента смертности свидетельствовало о крайне неблагоприятной демографической ситуации.

Смертность среди сельского населения находилась также на высоком уровне и составила в первой половине 1937 г. 30,2 ‰. Увеличение коэффициента смертности населения Свердловской области происходило в значительной степени за счет младенческой смертности. Младенцы в возрасте до 1 года – основная группа риска в условиях кризисов и катастроф. В первом полугодии 1936 г. на 1000 родившихся умерло детей до 1 года по Свердловской области 216,1 младенца, а в первом полугодии 1937 г. этот показатель вырос до 232,4 ‰ (или на 7,5%). Среди городского населения младенческая смертность в целом за 1936 г. составляла 237,2 ‰, а в 1937 г. – 252,1 ‰ (рост на 6,3 %) (табл. 4); среди сельского населения – соответственно 199,5 ‰ и 208,9 ‰ (рост на 4,7 %).

Таблица 4

Наиболее высокие показатели младенческой смертности в городах Свердловской области в первом полугодии 1936 г. и в первом полугодии 1937 г.

Город	Умерло детей в возрасте до 1 года за 1-е полугодие 1936 г.		Умерло детей в возрасте до 1 года за 1-е полугодие 1937 г.	
	всего	На 1000 родившихся	всего	На 1000 родившихся
Пермь	411	179,3	863	237,0

Березники	276	237,1	427	237,2
Молотово	240	184,1	372	226,8
Лысьва	371	335,1	496	333,3
Нижний Тагил	748	256,8	1035	262,2
Надеждинск (Кабаковск)	319	256,6	443	250,5

Составлено по данным [1, с. 69] Центра документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31. Д. 14. Л. 100.

Приведенные сведения показывают, что в Перми в первой половине 1937 г. умерло младенцев в 2 раза больше, чем в первой половине 1936 г., в Березниках, Молотове – в 1,6 раза, в Лысьве, Нижнем Тагиле, Надеждинске – в 1,3–1,4 раза. Общий коэффициент младенческой смертности вырос в Перми на 32,2%, в Молотове на 23,0%. В целом по области количество умерших младенцев за 1937 г. выросло в 2,2 раза в сравнении с 1936 г. (с 23134 до 52369). Крайне неблагоприятная ситуация сложилась в сельской местности, где произошло увеличение числа умерших младенцев в 2,5 раза (с 11098 до 27308) (по данным Государственного архива Свердловской области. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 16; Д. 100. Л. 45-47).

В сельской местности Свердловской области количество умерших младенцев в 1937 г. увеличивалось на протяжении девяти месяцев: январь – 1078 (100 %); февраль – 1267 (прирост 17,5 %); март – 1671 (прирост 31,9 %); апрель – 1938 (прирост 16 %); май – 1941 (прирост 0,2 %); июнь – 2353 (прирост 21,2 %); июль – 3175 (34,9 %); август – 4600 (прирост 44,9 %). Наибольший прирост произошел в марте 1937 г., затем в июле, а в августе был зафиксировано наибольшее количество умерших. С сентября пошел некоторый спад, когда умерло 3984 младенцев, в октябре – 2496, в ноябре – 1514, в декабре – 1291 (по данным Государственного архива Свердловской области. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 100. Л. 45).

Таблица 5

Доля числа умерших младенцев в общем числе умерших по Свердловской области в 1937 г. (в %)*

Месяц	Доля числа умерших младенцев в общем числе умерших		
	село	город	в целом по области
Январь	28,0	34,9	31,8
Февраль	30,0	38,7	34,7
Март	32,5	41,8	37,6
Апрель	35,1	40,6	37,8
Май	33,3	41,3	37,6
Июнь	41,5	43,9	42,7
Июль	53,5	47,6	50,7
Август	64,5	48,1	57,8
Сентябрь	59,4	45,0	54,1
Октябрь	48,4	40,9	45,2
Ноябрь	35,6	39,7	37,5
Декабрь	29,3	38,6	33,7

Рассчитано по данным Государственного архива Свердловской области. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 100. Л. 45-47.

Младенцы составляли значительный удельный вес среди умерших: в 1936 г. в целом по области 41 %, в городских поселениях – 38 %, в сельской местности – 44,9 %; в 1937 г. соответственно: 42,3; 41,8 и 42,8. Данные табл. 5 показывают, что до июля 1937 г. доля младенцев среди умерших в городах была больше, чем в сельской местности. В летние и осенние месяцы 1937 г. (июль, август, сентябрь и октябрь) доля умерших

младенцев в сельской местности существенно превосходила городскую местность. На селе больше половины умерших были дети в возрасте до 1 года (65 % в августе, 59,4 % в сентябре). Увеличение доли умерших младенцев свидетельствовало о крайне неблагоприятной ситуации и резком ухудшении условий жизни. Уход за младенцами, а, следовательно, их выживаемость в регионе в 1937 г. были существенно хуже в сельской местности, чем в городах.

Повышение рождаемости и увеличение смертности привели к тому, что за первое полугодие 1937 г. естественный прирост населения по области составил 0,04 чел. на 1000 населения.

Одной из главных причин увеличения смертей являлись экзогенные заболевания, вызванные неблагоприятной продовольственной ситуацией. Это были, в первую очередь, инфекционные заболевания. Эпидемии инфекционных заболеваний повлекли за собой увеличение общей смертности, особенно младенческой (табл. 6)

Таблица 6

Количество смертей по трем основным причинам

Причина смерти	Умерло за 1-е полугодие 1936 г.		Умерло за 1-е полугодие 1937 г.	
	всего	в том числе детей до 1 года	всего	в том числе детей до 1 года
Корь	2551	906	5600	2039
Коклюш	181	109	432	288
Дизентерия	133	41	429	134

Составлено по данным [1, с. 69] и Центра документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31. Д. 14. Л. 100.

Столь резкое увеличение умерших в первом полугодии 1937 г. по сравнению с первым полугодием 1936 г. объяснялось резким повышением умерших от указанных выше причин. Корью заболело в первом полугодии 1936 г. – 17439 чел., а в первом полугодии 1937 г. – 33327 чел., или почти в 2 раза больше, а количество умерших от кори младенцев выросло почти в 2,5 раза. Коклюшем заболело в первом полугодии 1936 г. – 1793 чел., а в первом полугодии 1937 г. заболеваемость увеличилась до 5058 чел., или почти в 3 раза, а умерших – в 2,5 раза. Дизентерией в первом полугодии 1936 г. было заболело 600 чел., а в первом полугодии 1937 г. заболеваемость увеличилась до 3571 случая, или почти в 6 раз, а умерших от этой болезни выросло почти в 3 раза.

Рост заболеваемости дизентерией, корью, коклюшем неизменно повлек за собой и увеличение умерших от этих причин. Система прививок не смогла сработать в условиях кризиса. Тем более, что противодизентерийные прививки совершенно не проводились в 23 районах и 5 районах Коми-Пермяцкого национального округа (по данным Центра документации общественных организаций Свердловской области. 2. Ф. 4. Оп. 31. Д. 14. Л. 101).

Обеспеченность населения Свердловской области лечебными учреждениями и медицинскими кадрами за годы второй пятилетки существенно выросла. Сеть врачебных учреждений внебольничной помощи (амбулатории, поликлиники, диспансеры) выросла с 419 на начало 1933 г. до 582 на начало 1938 г. (то есть в 1,4 раза). Быстрыми темпами за годы второй пятилетки выросла врачебная сеть на селе: со 123 до 215. Еще быстрее росла сеть фельдшерских амбулаторий и пунктов, фельдшерско-акушерских и акушерских пунктов в сельской местности: с 393 до 691 (рост в 1,8 раза) (в городах эта сеть сократилась с 96 до 73). Относительный рост учреждений внебольничной помощи в сельской местности был больше, чем в городах. Но эти показатели не дают возможности сделать заключение о степени обеспеченности населения учреждениями внебольничной помощи. На 215 врачебных амбулаторий на селе имелось 107 врачей, которые обслуживали еще стационар. Кроме того, если на одну специализированную амбулаторию и поликлинику в конце 1937 г. приходилось 26,2 тыс. горожан, то в сельской местности –

316,7 тыс. человек. За годы второй пятилетки выросло количество больниц: по области с 232 до 310 (рост в 1,3 раза), их увеличение в сельской местности было еще более быстрым – с 192 до 153 (в 1,5 раза). На селе появились 11 родильных домов, количество родильных коек увеличилось в 2,3 раза. В 2,5 раза возросла врачебная помощь на дому в городах, а в сельской местности, наоборот, упала в 2,6 раза (с 37,5 тыс. в 1932 г. до 14,4 тыс. в 1937 г.). В 1937 г. в 82 врачебных здравпунктах имелось только 25 постоянных врачей. Во всей сельской медицинской системе Свердловской области в 1932 г. было 82 врача, в 1937 г. – 107, в то время как в городах соответственно: 1656 и 2080. Средний медицинский персонал также был сосредоточен в большей степени в городской местности (4555 в 1932 г. и 8225 в 1937 г.), на селе также наблюдался его существенный рост (1372 в 1932 г. и 2408 в 1937 г.), однако здесь на них приходилась большая нагрузка (рассчитано по данным Государственного архива Свердловской области. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1303. Л. 1–8). Особенно это сказывалось на родовспоможении. Акушерки на селе в 1937 г. приняли 3403 родов в стационаре и 6087 – на дому (64,1 %) (по данным Государственного архива Свердловской области. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1303. Л. 12).

По области в целом, особенно в сельскохозяйственных районах, ощущалась нехватка врачебных кадров, недостаток коечной детской помощи и медицинской помощи яслям. Неприспособленность помещений, амбулаторий, поликлиник к организации детских приемов приводила к рассеиванию инфекций через общие детские амбулаторно-поликлинические приемы. Органы здравоохранения в ряде случаев были простыми регистраторами фактов развивавшихся заболеваний и смертей. Справиться с разразившейся катастрофой созданная система здравоохранения не смогла.

Голландский историк Х. Кесслер в своей диссертации приводит следующие статистические данные: в 1935 г. в городах области умерло 36,8 тыс. человек, в 1936 г. – 51,7 тыс. (прирост на 40,4 %), в 1937 г. – 58,1 тыс. (прирост на 12,4 %). В сравнении с 1935 г. в 1937 г. количество умерших в городах выросло на 57,9 %. Остановить этот прирост удалось только в 1938 г. В сельской местности рост умерших произошел в 1936 г. на 17,1 тыс. человек (с 50,9 тыс. в 1935 г. до 68,0 тыс. в 1936 г.), или на 33,6 % больше, чем в 1935 г.; в 1937 г. умерло 65,4 тыс. человек, это было меньше, чем в 1936 г., но больше, чем в 1935 г. на 14,5 тыс. Таким образом, если увеличение смертей в городах области продолжалось три года, то в деревне оно произошло только в 1936 г. Сокращения рождений в городах не наблюдалось. Только в сельской местности в 1937 г. произошло уменьшение рожившихся на 2 % [2].

Ежегодные данные об умерших за 1934–1938 гг. по Свердловской области позволяют сопоставить количество смертей в достаточно стабильные, или «обычные» годы до голода с числом умерших в 1936–1937 гг. Это сопоставление позволяет рассчитать избыточное количество смертей за 1936–1937 гг. В это время территориальных изменений Свердловской области не производилось. Статистика загсов показывает, что среднее число умирающих в целом по области за 1934–1935 гг. составляло ежегодно 97,4 тыс. чел., в 1936–1937 гг. – 121,7 тыс., следовательно, в среднем за год в 1936 и 1937 гг. умирало на 24,2 тыс. больше, чем в среднем за два предшествующих года. За 1936 и 1937 гг. избыточное число умерших по области составило 48,4 тыс. чел.

В городах Свердловской области среднее ежегодное количество умерших в 1934 – 1935 гг. составляло 41,8 тыс. чел., за 1936 и 1937 гг. – 54,9 тыс. чел., следовательно, избыточное число умерших составило в среднем за год 13,1 тыс. чел., а за два года – 26,2 тыс. В сельской местности среднее число умерших за 1934 и 1935 гг. составляло 55,6 тыс. чел., за 1936 и 1937 гг. – 66,7 тыс., среднее избыточное число умерших было 11,1 тыс. чел., а за два года – 22,2 тыс. чел. При этом необходимо отметить, что до начала зимних месяцев 1936 г. люди еще как-то справлялись со все ухудшавшимся продовольственным положением, то с наступлением зимы эта беда превратилась в катастрофу. Голод охватил практически все районы области, приобретал крайние формы. Дефицит продуктов охватил крупные индустриальные центры области. Недоедание (латентная форма голода)

охватило практически всю территорию Свердловской области. Главными продуктами питания была картошка и низкокачественный хлеб в недостаточных количествах, не обеспечивавших физиологического минимума потребления.

Таким образом, разразившийся в 1936–1937 гг. аграрный и продовольственный кризисы в Свердловской области повлияли и на поведение населения, вызвав демографический кризис, который проявился в росте количества умерших и сокращении прироста рождений.

© Корнилов Г. Е. Текст. 2016

Список источников

1. Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 / Сост. Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. – М.: РОССПЭН, 2006.
2. Kessler G. The Peasant and Town. Rural-Urban Migration the Soviet Union, 1929 – 40 // PhD-thesis. European University Institute, Florence. – 2001. – Vol. 2. – Table A-8.

Информация об авторе

Корнилов Геннадий Егорович (Россия, г. Екатеринбург) – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором, Институт истории и археологии УрО РАН (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: genakorn@mail.ru).

Kornilov G.E.

DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES OF THE FAMINE YEARS OF 1936-1937 IN SVERDLOVSK REGION

On the basis of the documents identified in the article analyzes the demographic situation in the Sverdlovsk region in the second half of 1936 - the first half of 1937. In terms of the agrarian crisis broke out and the lack of food in the famine broke out among both urban and rural populations . The result was famine increased mortality and reduced fertility.

Keywords: the demographic situation, the demographic crisis, the demographic catastrophe, fertility, mortality, the excess number of deaths.

Information about the author

Kornilov Gennady Egorovich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and Archaeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskoy St., Yekaterinburg, 620137, Russia; e-mail: genakorn@mail.ru).

УДК 314.6(470.51) «19/20»(045)

С.В. Королев

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКА.

Политическая нестабильность и радикальные экономические реформы в России в 90-е годы XX века оказали негативное влияние на демографическое развитие: увеличилось количество разводов, снизилась рождаемость, выросла смертность. В статье на основе региональных статистических и отчетных материалов анализируются кризисные тенденции института семьи в Удмуртской Республике.

Ключевые слова: демографическое развитие, Удмуртия, семья, разводы, рождаемость, смертность

Состояние российской семьи в 90-е гг. XX столетия в значительной степени определялось общей социально-экономической ситуацией в стране. Радикальные рыночные реформы привели к разрушению производственного и научно-технического потенциала, распаду хозяйственных связей и, как результат, к беспрецедентному в истории сокращению производства более чем в 2 раза. В Удмуртской Республике ситуацию усугубляла сверхвысокая милитаризация промышленного производства. Оборонные предприятия в течение долгого времени обеспечивали около 80% поступлений в республиканский бюджет, занятость большей части городского населения, осуществляли жилищное строительство и содержание социальной сферы. В результате сокращения государственного оборонного заказа в 1995 г. объем промышленного производства составил всего 44% к уровню 1990 г. (по данным ЦГА УР. ф. Р-551, оп. 2, д. 6752. л. 182). Безработица, хронические задержки заработной платы, бедность, стали для значительной части населения реальностью.

Ухудшение социально-экономического и морально-психологического состояния семьи самым негативным образом отразилось на демографическом развитии, в стране резко сократилась рождаемость, значительно выросла смертность, численность населения начала стремительно падать. Удмуртия не была исключением: в 1992 г. в республике появилось 17132 младенца, что на 23% меньше, чем в 1991 г., и на 37% меньше, чем в 1989 г. Общий показатель рождаемости в 1993 г. составил 10,4 на 1000 чел., насел., для сравнения, в 1987 г. – 19,7., число рождений – 31445 чел. (по данным Текущего архива М-ва соцзащиты населения УР, д. 2582, т. 2) Самые низкие показатели рождаемости в регионе зафиксированы в 1996 г. – 9,1 чел. на 1000 чел. населения, в городах 8,5, в сельских районах – 10,4. Затем начинается некоторый рост: в 1998 г. – 9,9, в 2000 г. – 10,2, в 2002 г. – 11,3, в 2004 г. – 11,7 на 1000 чел. населения [1]. И хотя эти показатели далеки от показателей лучших времен, некоторыми представителями власти делались попытки преподнести это как нормализацию, «стабилизацию демографической ситуации» и даже как «устойчивые тенденции роста рождаемости».

Действительно, по показателям рождаемости республика выглядела лучше, чем другие регионы. Например, по уровню родившихся на 1000 чел. населения в 2003 г. Удмуртия заняла первое место по Приволжскому федеральному округу и 22-е место по Российской Федерации, в 2005–2006 гг. по этому показателю республика также лидировала. Однако, по нашему мнению, это временный результат вступления в репродуктивный возраст относительно многочисленных поколений рожденных в конце 70–80-х гг. Общая численность молодежи с 1993 г. по 2002 г. выросла на 60154 чел., в 1993 г. – на 350207 чел., в 1998 г. – на 384530 чел., в 2002 г. – на 410 361 чел. [2]. Несмотря на это коэффициент рождаемости в республике снизился: в 1992 г. он составлял 12,2 на 1000 чел., а в 2002 г. лишь 11,3 (табл. 1).

Таблица 1

Рождаемость на 1000 человек населения в Удмуртской Республике в 1991–2004 гг.

Показатель	Год						
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Рождаемость на 1000 чел. населения	13,6	12,2	10,4	10,3	9,4	9,1	9,4
Показатель	Год						
	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Рождаемость на 1000 чел. населения	9,9	9,7	10,2	10,5	11,3	11,5	11,7

Источник: Основные показатели социальной сферы Удмуртской Республики за 1991–2004 годы. По данным Управления аналитического обеспечения и информационных ресурсов Государственного Совета УР.

Основную демографическую нагрузку несет молодая семья. В качестве тенденции следует выделить некоторое снижение удельного веса рождений у матерей в основном детородном возрасте – 20-24 года, и увеличение рождений в возрасте 25–29 лет. Так, у женщин в возрасте 25–29 лет в 1997 г. число рождений составило 3800, а в 2000 г. уже 4412 рождений (см.: О состоянии здоровья населения Удмуртской Республики в 2001 году. Гос. докл. Ижевск, 2002). Возможно, таким образом, что молодая семья сознательно откладывает появление ребенка до получения образования и достижения относительного уровня материального благополучия. В то же время, в условиях нового времени увеличилась так называемая ранняя беременность (если беременность наступила в возрасте до 18 лет) в 1997 г. в республике родилось – 495 таких детей, в 1998 г. – 500, в 2000 г. – 420. В 2005 г. у несовершеннолетних мам, проживающих в Удмуртии, родилось 409 малышей, почти 90% девушек находились в гражданском или официальном браке (Удмуртская правда. 2006. 15 авг.). Другой важной характеристикой молодой семьи является число детей, которых намерена иметь семья. В результате социологического исследования, проведенного в 1998 г. в Завьяловском районе, выяснилось, что большинство опрошенных молодых семей намерены иметь два ребенка 46,9%. Вместе с тем, авторы исследования отмечают, что в категории респондентов 25–30 лет преобладают ориентации на создание семьи с одним ребенком, желание иметь двух и более детей более присуще опрошенным в возрасте от 18 до 23 лет, а также проживающим в сельской местности. Намерение иметь 3 детей высказали следующие группы опрошенных: работающие в сельском хозяйстве (21,4 %), безработные (28,6 %), имеющие свое дело (18,2 %) (источник: Отчет о проведении социологического исследования в Завьяловском районе на тему «Социально-психологический климат молодой семьи». Ижевск, 1999).

Тенденции увеличения доли однопородных и сокращения числа двух- и трехдетных семей набирали силу. По данным микропереписи населения, средний размер семьи в 1994 г. составлял 3,23 чел., а суммарный коэффициент рождаемости понизился к 1996 г. в сравнении с 1991 г. на 32,4 %. В структуре мотивации ограничения рождаемости выделяются экономические причины, что подтверждается рядом социологических исследований. [3] В числе основных причин откладывания и отказа от рождения желаемого числа детей молодые люди назвали плохие жилищные условия (36,5%), тяжелое материальное положение (28,6%), нестабильную социально-экономическую обстановку (28,6%) (источник: Отчет о проведении социологического исследования в Завьяловском районе на тему «Социально-психологический климат молодой семьи». Ижевск, 1999) Исследования специалистов показывают, что отказ части семей от рождения детей из-за неблагоприятных экономических и психологических условий может при продолжении социально-экономического кризиса перерасти в новые репродуктивные установки, выражающиеся, в частности, в резком снижении ценности детей для родителей, что приведет в дальнейшем к новому витку депопуляции – сокращению численности населения и трудовых ресурсов, а также безнадзорности и запущенности детей [4].

Стабильно низкий уровень рождаемости поддерживается исключительно за счет искусственного аборта – основного метода регуляции рождаемости в стране в целом, и в Удмуртии, в частности. В Удмуртской Республике зафиксировано аборт: в 1991 г. – 48302, в 1992 г. – 48128, в 1993 г. – 44108, в 1994 г. – 39451. Настораживает увеличение числа аборт у первобеременных: в 1991 г. – 2503, в 1992 г. – 2653, в 1993 г. – 2842, в 1994 г. – 2930 аборт [5]. Несмотря на то, что в Удмуртской Республике в течение последующих 10 лет количество аборт снизилось в 2 раза, его уровень по-прежнему остается очень высоким.

Численность населения моложе трудоспособного возраста в республике последовательно снижается, сократившись с 26,7% в 1991 г. до 18,3% в 2004 г. Исходя из общей ситуации, можно предположить, что численность детей и в будущем будет сокращаться, если не будут предприняты кардинальные меры в этом направлении (табл. 2).

Таблица 2

Численность населения моложе трудоспособного возраста в Удмуртской Республике в 1991–2004 гг.

Показатель	Год						
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Численность населения моложе трудоспособного возраста, %	26,7	26,2	25,7	25,2	24,6	24,0	23,2
Показатель	Год						
	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Численность населения моложе трудоспособного возраста, %	22,5	21,6	20,9	20,2	19,4	19,0	18,3

Источник: Основные показатели социальной сферы Удмуртской Республики за 1991–2004 годы. По данным Управления аналитического обеспечения и информационных ресурсов Государственного Совета УР // Текущий архив Государственного Совета УР.

Все это ведет к тому, что население республики становится все более старым. Доля лиц старше трудоспособного возраста на начало 2004 г. составила 17,7%, что свидетельствует о выраженной демографической старости, по существующим международным стандартам этот рубеж составляет 12%, для сравнения, в 1970 г. доля старого населения в общей численности населения равнялась 10,7% (источник: О положении детей в Удмуртской Республике за 1993 год : гос. докл. Ижевск, 1994). Старение населения, кроме роста суммы расходов, необходимых для содержания его нетрудоспособной части, порождает также дополнительные проблемы для социальных служб, порождает необходимость существенных изменений в социальной инфраструктуре.

Показатели рождаемости во многом взаимосвязаны с состоянием брачности, ежегодно в Удмуртской Республике заключается от 8 до 10 тыс. браков, из них больше половины распадается. В результате разводов ежегодно без одного из родителей по республике остаются более 4 тыс. детей. Темпы увеличения числа разводов значительно опережают общее увеличение количество браков (табл. 3).

Таблица 3

Количество зарегистрированных браков и разводов в Удмуртской Республике в 1992–2002 гг. (на 1000 чел. населения)

Количество зарегистрированных браков и разводов	Год							
	1992	1994	1996	1998	1999	2000	2001	2002
Браки	6,3	6,4	4,7	4,8	5,8	5,2	6,3	6,3
Разводы	3,1	3,6	2,7	2,2	2,5	3,2	3,9	4,7

Источник: Основные показатели социальной сферы Удмуртской Республики за 1991–2004 годы. По данным Управления аналитического обеспечения и информационных ресурсов Государственного Совета УР // Текущий архив Государственного Совета УР.

В крупных городах распадаются свыше 50% браков, причем, в более чем трети распадающихся семей совместная жизнь продолжалась до 4 лет. Наибольшее число расторгнутых браков приходится на молодые семьи в возрасте 25–30 лет, когда супруги становятся достаточно самостоятельными в материальном плане. Необходимо отметить, что статистические данные о брачном состоянии никак не отражают гражданские незарегистрированные браки, которые становятся все более популярными и способствуют росту внебрачной рождаемости.

Развод является главным фактором появления неполных семей. Если в 1980 г. таких семей было лишь 8,8 %, от общего количества семей [6], то к 1997 г. их уровень поднялся до отметки 16% [7], в 2000 г. число детей, воспитывающихся в семье с одним родителем, приблизилось к одной четверти и продолжает увеличиваться. Всего в России с 1990 г. по 1996 г. 3,8 млн детей остались без одного из родителей [8]. В Удмуртской Республике в 1991 г. одинокими матерями воспитывалось около 27 тыс. детей. В подавляющем своем большинстве (94%) это материнские семьи без отца с одним ребенком. В 1994 г. одного ребенка имели в своем составе 69% неполных семей, двух – 25%, трех и более – 6% [9]. Таким образом, послеразводные семьи являются одним из факторов снижения рождаемости.

Однако самая тяжелая ситуация в стране даже не с рождаемостью, а со смертностью. В 1988 г. в республике зафиксированы самые низкие показатели смертности – 9,4 на 1000 населения, относительно медленный рост смертности в последующие годы резко ускорился, достигнув в 1994 г. рекордно высокого уровня – 14,4 на 1000 населения, затем численность смертей последовательно снижалась, составив в 1998 г. – 11,7 на 1000 населения, и вновь начинает расти высокими темпами, стабилизировавшись в 2004 г. на очень высоком уровне – 15,4 на 1000 населения (источник: О состоянии здоровья населения Удмуртской Республики в 2004 г. Государственный доклад. Ижевск, 2005.). Таким образом, коэффициент смертности 2004 г. к 1987 г. увеличился на 160,4%, то есть, жителей Удмуртии умирает в последние годы на 8-9 тыс. чел. больше, чем в 1987 г.

Смертность населения максимально увеличилась среди лиц трудоспособного возраста в возрасте от 20 до 60 лет с пиком, приходящимся на 30-40 лет (детская смертность и смертность престарелых изменилась мало). В Удмуртской Республике с 1989 г. по 2004 г. смертность в этой возрастной группе увеличилась более чем в два раза – с 4148 чел. до 8538 чел. В отличие от общих показателей смертности, которые в 1995–1998 гг. снижались, в трудоспособных возрастах смертность снижалась менее активно. В 2004 г. в Удмуртии в трудоспособном возрасте умерло 8538 чел. (источник: О состоянии здоровья населения Удмуртской Республики в 2004 г. Государственный доклад. Ижевск, 2005), без этих неоправданных потерь число умерших могло бы составить 15456 чел., что соответствует показателям конца 80-х гг. Разница в продолжительности жизни мужчин и женщин варьировала в диапазоне от 9,9 лет в 1987 г. до 13,8 в 1997 г., что почти вдвое превышало типичный для Запада уровень в 5-7 лет [10]. Смерть молодых людей – невосполнимая утрата не только для семьи, но и для общества, инвестировавшего в человеческий капитал (в образование, в социальную инфраструктуру), и рассчитывающего на получение отдачи от этого вложения.

Главная причина аномальной смертности в России в 90-е гг., по данным авторитетных исследований, обусловлена стремительным ростом потребления алкоголя и полной ликвидацией того позитивного наследия, которое досталось России после антиалкогольной кампании, когда в результате жестких административных мер, направленных на принудительное ограничение доступа населения к алкоголю, ожидаемая продолжительность жизни мужчин увеличилась с 62 лет до 65 лет, а женщин – с 73 лет до 74,5 лет [10]. Это яркое подтверждение того, какую огромную роль играет употребление алкоголя в российской смертности.

В 1992–1993 гг. потребление алкоголя стремительно увеличивалось и составило, по мнению некоторых источников, 14-18 литров чистого алкоголя на человека в год. В

результате этого, только в 2001 г. от отравления алкоголем умерли 34 тысячи россиян (Российская Федерация сегодня. 2001. сентябрь.). Особенно губителен алкоголь для будущих матерей, по мнению профессора В. Г. Жданова, руководителя общероссийской организации «Союз борьбы за народную трезвость», наиболее разрушительное воздействие алкоголь оказывает на половые клетки, увеличивая риск нарушения развития будущего ребенка.

Снижение рождаемости в совокупности с беспрецедентным по своим масштабам ростом смертности привело к тому, что численность населения Удмуртской Республики (в 1993 г. составляла 1639,4 тыс. чел., [11] в 2005 г. – 1544,4 тыс. чел., [12] за двенадцать лет сократилась на 95 тыс. чел., что сопоставимо с численностью населения г. Воткинска. В связи с этим, одной из важнейших государственных задач в ближайшие годы является сокращение смертности населения.

Таким образом, экономические реформы привели к неоднозначным результатам. Уровень жизни большинства семей резко снизился, реальной стала угроза безработицы, значительно сократились социальные гарантии государства, что привело к потере уверенности в завтрашнем дне, негативным образом отразилось на самочувствии семьи и выполнении семьей своих функций. В республике увеличилось количество разводов, сократилась рождаемость, резко выросла смертность. Падение рождаемости, с одной стороны, отразило реакцию семьи на снижение уровня жизни, а с другой – обозначило формирование и развитие у молодежи новых типов репродуктивного поведения, связанных с изменениями в стиле и образе жизни, отношении к институту брака. Неблагоприятные демографические тенденции ведут к тому, что население республики становится все более старым.

© Королев С. В. Текст. 2016

Список источников

1. Удмуртская Республика в цифрах. 2002–2005 гг. – Ижевск, 2006.
2. Молодежь Удмуртской Республики. 1992–2002 годы : стат. сб. / Департамент по молодежной политике Мин-ва образования Рос. Фед., Гос. ком. Удмурт. Респ. по делам молодежи, Гос. учреждение Госкомитета Удмурт. Респ. по делам молодежи «Аналитическое бюро». – Ижевск, 2003.
3. Молодая семья.: Проблемы и перспективы : сб. мат-лов социол. исслед. / Гос. ком. УР по делам молодежи, Респ. центр «Молодая семья». – Ижевск, 2003.
4. Бодрова В. В. Репродуктивные ориентации населения России. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения // Информационный бюллетень ВЦИОМ. – 1997. – № 3.
5. Семья и дети в Удмуртской Республике. – 1995. – № 101 (4508) .
6. Эволюция семьи и семейная политика в СССР / отв. ред. А. Г. Вишневский. – М. : Наука, 1998.
7. Голод С. И., Клецин А. А. Состояние и перспективы развития семьи. – Клецин. – СПб. : СПбФ ИС РАН, 1994.
8. Карцева Л. Российская семья на рубеже двух веков. – Казань : Школа, 2001.
9. Борисов В., Синельников А. Семья и демографические тенденции. Вып. 2. – М : ЦБНТИ Минсоцзащиты РФ, 1995. – (Социальная помощь семье и детям)
10. Политика по контролю кризисной смертности в России в переходный период. – М., 2000.
11. Губогло М. Н., Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Т. 9. Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. – М., ; Ижевск : Удмуртия, 2006.
12. Удмуртская Республика в цифрах. 2002–2005 гг. – Ижевск, 2006.

Информация об авторе

Королев Сергей Владимирович (Россия, Ижевск) – кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (426034 г. Ижевск, ул. Университетская, 1 e-mail: korolevudgu@yandex.ru)

Korolev S.V.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE UDMURT REPUBLIC AT THE TURN OF XX - XXI CENTURY.

Political instability and radical economic reforms in Russia in the 1990-ies had a negative impact on the demographic development: the number of divorces increased, fertility decreased, mortality increased . In the article the crisis of the family institution trends in the Udmurt Republic are analysed. The analysis is based on regional statistics and records.

Key words: family, divorce, fertility, mortality, aging Udmurtia.

Information about the author

Korolev Sergey Vladimirovich – Ph.D., Associate Professor Udmurt State University, Institute of Social Communications (Izhevsk, Russia)

УДК 330.341:314.07.17:316.245

А.И. Кузьмин, А.А. Кузьмина

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗА ГОРОДА НА ОЦЕНКУ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ*

В статье изложены итоги исследования влияния фактора маятниковой миграции на самосохранительное поведение населения в УрФО за 2006–2015 гг. Исследование проведено в связи с усилившейся проблемой роста форм возвратной миграции населения (маятниковой, вахтовой и сезонной) в приграничных районах России. В работе рассматриваются самосохранительные установки маятниковых мигрантов на приграничных с Казахстаном территориях в сравнении с установками мигрантов в более благополучных по качеству жизни пригородах екатеринбургского мегаполиса. Авторы пытаются привлечь внимание специалистов к структуре мотивов и ценностей самосохранительного (превентивного) поведения, показать тесную связь самосохранительной и миграционной мотивации.

Ключевые слова: население, демографический переход, частая возвратная миграция, мотивы территориальной подвижности, самосохранительное поведение, семья

На основе серии выборочных обследований (2013–2015 гг.) в приграничных районах Курганской, Свердловской и Челябинской областей России была уточнена гипотеза исследования социокультурных факторов маятниковой трудовой миграции, выявлена их связь с установками на ожидаемую продолжительность жизни респондентов. В 2015 г. нами было окончательно завершено формирование базы данных социологического обследования (1057 респондентов).

* Материалы подготовлены при поддержке гранта «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста» Грант РФФИ 15-06-09169

На основе серии выборочных обследований (2013–2015 гг.) в приграничных районах Курганской, Свердловской и Челябинской областей России была уточнена гипотеза исследования социокультурных факторов маятниковой трудовой миграции с установками на ожидаемую продолжительность жизни респондентов. В 2015 г. было окончательно завершено формирование базы данных социологического обследования (1057 респондентов). Многомерный анализ обработки данных о факторах миграции выявил, помимо экономических переменных, важную роль социокультурных детерминант территориальной подвижности населения в городских округах и районах УрФО. В частности, важнейшими факторами оказались оценки перспективности развития городского округа. В свою очередь, перспективы развития города как фактор миграции оказались тесно связаны с оценками ожидаемой респондентами продолжительности жизни.

Таким образом, вновь подтвердилась гипотеза о тесной связи миграционного и самосохранительного поведения населения. В демографической статистике на этот феномен пристальное внимание обращал А. У. Хомра [1, с. 85-90]. Что касается социологии, то впервые оригинальную методику оценки влияния образа городской среды и маршрутов движения горожан на самочувствие респондента в форме кабинетного интервью предложил английский исследователь Кевин Линч [2, с. 113-115]. Линч значительное время работал над темами «образ города», «образ времени», «осмысление региона». В проведенном нами опросе объектом исследования выступило в основном население приграничных муниципальных образований Южного Урала, Курганской области и пригородов екатеринбургского мегаполиса. В ходе обработки полученных результатов социологического опроса возникла необходимость в гармонизации и существенной корректировке выборки всего обследования по полу и возрасту респондентов (табл. 1).

Таблица 1

Распределение опрошенных по полу и возрасту после гармонизации базы данных

Возрастная группа	Пол		
	мужской	Женский	всего
<i>пустые ячейки в анкетах</i>	6	2	8
до 20 лет	20	14	34
21–25 лет	61	123	184
26–30 лет	69	73	142
31–35 лет	49	86	135
36–40 лет	48	53	101
41–45 лет	25	28	53
46–50 лет	25	20	45
51–55 лет	19	11	30
56–60 лет	7	6	13
61 и более	11	6	17
Итого:	340	422	762
Среднее	34,641	32,100	33,225
Стандартное отклонение	11,511	9,751	10,635

* Коэффициент Крамера : 0,191, Вероятность ошибки (значимость): 0,002

Проведенная операция позволила уточнить полученные в итоге данные. Математическая обработка данных методами многомерного анализа выявила существенную связь оценок перспектив развития города и его образа с оценками

ожидаемой и идеальной продолжительности жизни респондента. Об этом свидетельствует многомерный факторный анализ результатов исследования (табл. 2).

Таблица 2

Факторы (переменные), связанные с перспективами развития города, V Крамера

(N)	Переменная:	V Крамера:	Зн.
51	Каковы, на Ваш взгляд, перспективы развития города, поселения, в котором Вы живете в настоящее время (<i>результатирующий признак</i>)	1,000	+
52	Какие ассоциации с образом города (поселка) у Вас возникают (<i>результатирующий признак</i>)	1,000	неопред.
10	Как вы думаете: Прожить долго – значит прожить (сколько?) лет (дайте ответ цифрой)	0,310	неопред.
11	Если условия жизни в будущем не изменились бы, то до сколько лет могли бы дожить	0,310	неопред.
22	Влечение к участию в политике	0,199	+
30	к материальному и духовному благополучию	0,199	+
16	к труду (ради других людей и общества)	0,194	+
20	к рождению и воспитанию детей	0,185	+
34	что заставляет (побуждает) Вас совершать регулярные (обычно ежедневные) поездки из одного насел. пункта в др.	0,182	-
43	Приходится ли Вам в этом случае ездить на работу и возвращаться домой на протяжении недели	0,181	-
23	Влечение к желанию водить автомобиль	0,180	+
38	Считаете ли Вы, что ваш доход увеличится при условии занятости за пределами Вашего города (поселения)	0,177	+
15	Сколько всего хотели бы Вы иметь детей, если бы для этого были созданы все условия	0,172	+
12	Состоите ли Вы в настоящее время в браке	0,172	-
14	Сколько всего у вас детей (даже если они уже взрослые)	0,172	неопред.
36	Если Вас не устраивает Ваше материальное положение, то каким бы образом Вы хотели его улучшить	0,171	+
29	Стремление к тому, чтобы жить, где хочу	0,166	-
26	Стремление к поддержанию здоровья	0,163	-
19	Стремление к отдыху, восстановлению сил	0,163	-
28	Стремление к потреблению качественных товаров и услуг	0,162	-

Бросается в глаза, что связь оценок ожидаемой продолжительности жизни респондента собственно с факторами поддержания здоровья и восстановления сил очень низкая, а благополучия городской среды – очень высокая. Факторы когнитивного порядка также уступают намерениям выжить в той или иной среде и ориентации на ожидаемый доход, возможностям иметь машину. Дети в иерархии факторов оценки продолжительности своей жизни занимают промежуточное место.

Отметим, что идентификация с экологически чистым городом имеет довольно высокий уровень значимости, поскольку формально в подсказки анкеты в относительно благополучном Заречном она внесена не была. Менее благополучные территории исхода маятниковых мигрантов из городов приграничной полосы УрФО демонстрируют, прежде всего, социальные проблемы выживания в условиях высокой стоимости жизни и проблем с ЖКХ и доступностью услуг здравоохранения (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какие социальные проблемы ваших городских округов и районов волнуют вас больше всего?», %

Валидные оценки	Значения	Частота	% от ответов	% от ответивших
1	Трудоустройство	61	28,0	68,5
2	Рост цен	35	16,1	39,3
3	Улучшение жилищно-бытовых условий	30	13,8	33,7
4	Доступность услуг здравоохранения	21	9,6	23,6
5	Организация свободного времени подростков	20	9,2	22,5
6	Экология	14	6,4	15,7
7	Преступность	13	6,0	14,6
8	Наркотики	9	4,1	10,1
9	Безопасность	9	4,1	10,1
10	Регулирование нелегальной миграции	3	1,4	3,4
11	Межнациональные отношения	2	0,9	2,2
12	Другая проблема	1	0,5	1,1
13	Пенсии	0	0,0	0,0
	Сумма:	218	100,0	244,9
	Итого ответивших:	89		100,0

Среди главных проблем, омрачающих жизнь, – затруднения с занятостью, дороговизна жизни, плохие жилищно-бытовые условия и невозможность получить доступ к услугам здравоохранения в условиях рыночных отношений. Затем следуют ссылки на невозможность культурно проводить свободное время и плохую экологию в обследованных городах Челябинской и Курганской области. Требование безопасности и пенсионного обеспечения на последних местах в списке социальных проблем жизни в городах Южного Урала и Зауралья. Ссылки на преступность и наркотизацию населения не ушли из списка острых проблем, но ушли на второй план и находятся в его середине.

Связь мотивации и ценностей самосохранительного плана с процессом демографического перехода осуществляется через выбор стратегий жизни [3, с. 21-36; 4] и посредством изменений в структуре ценностной ориентации личности в целом. В свою очередь, ценности безопасности, здоровья, достойного существования и качества жизни определяют ориентиры рациональной линии самосохранительного поведения респондента.

Выяснение отношения населения к продолжительности жизненного пути и состоянию здоровья очень важно для коррекции сценариев прогноза. Ниже приведено распределение оценок респондентов относительно идеального (нормативного) и личного (ожидаемого) порога дожития до определенного возраста у мужчин и женщин, принявших участие в опросе и высказавших адекватные оценки по этому вопросу (табл. 4).

Таблица 4

Нормативная и ожидаемая ориентация на продолжительность жизни мужчин и женщин, % к итогу

Интервал дожития, лет	Женщины		Мужчины		Оба пола	
	идеальное	ожидаемое	идеальное	ожидаемое	идеальное	ожидаемое

До 50 лет	-	1,4	-	1,8	-	1,5
50-59	-	1,4	-	1,8	-	1,5
60-69	-	5,4	-	9,1	-	7,0
70-74	-	9,5	7,1	16,3	3,0	12,4
75-79	-	8,1	5,3	10,9	2,2	7,0
80-84	25,0	24,3	21,4	12,7	23,4	19,4
85-89	1,3	13,5	14,3	12,7	6,8	13,1
90-94	21,1	13,5	14,3	10,9	18,2	12,4
95-99	2,6	2,7	53,5	7,2	3,7	4,7
100-110	50,0	20,2	32,1	16,4	42,4	18,6
<i>Средняя «идеальная» и «ожидаемая» продолжительность жизни мужчин и женщин, лет</i>	93,7	84,6	88,4	81,1	91,5	83,1

У относительно благополучного городского округа Заречный (по сравнению с Троицком и Петухово) отмечены более высокие оценки порогов дожития. Примечательно, что половина мужчин и только треть женщин видят в качестве нормативов дожития столетние рубежи. Феномен завышения мужчинами порогов дожития известен давно. К сожалению, таблицы смертности мужчин и женщин **об обратном эффекте**: продолжительность жизни горожан у мужчин с трудом достигает порога 62-64 лет. В сельской местности картина остается плачевной до сих пор – каждый второй мужчина не доживает до первого года получения пенсии, оставляя свои накопления по сути дела не востребуемыми в Пенсионном фонде. Субъективно же все выглядит более благополучно, чем в таблицах смертности, составленных по данным медицинской статистики (табл. 5, рис.).

Таблица 5

Ожидаемая продолжительность жизни горожан, %

Сколько сможет прожить, лет	Мужчины	Женщины
До 50 лет	1,4	1,8
50-59	1,4	1,8
60-69	5,4	9,1
70-74	9,5	16,3
75-79	8,1	10,9
80-84	24,3	12,7
85-89	13,5	12,7
90-94	13,5	10,9
95-99	2,7	7,2
100-110	20,2	16,4
Средняя ожидаемая продолжительность жизни, лет	84,6	81,1

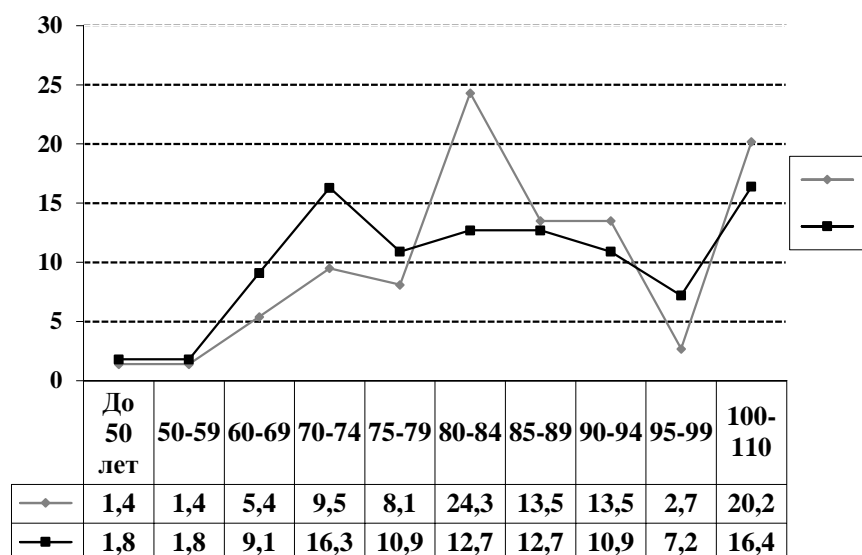

Рис. Пороги ожидаемой продолжительности жизни у мужчин и женщин в городском округе Заречный, 2014 г. % (женщины – линия с ромбами, мужчины – линия с квадратами)

Различия в кривых дожития в Заречном потрясающие: доля предполагающих жить после восьмидесяти лет невелика. Замыкает парад завышенных оценок дожития у мужчин когорта «безнадежных оптимистов». Данная группа, как правило, присутствует в каждом обследовании и формируется в основном из оценок лиц ювенильного возраста. В целом, в Заречном оценки порогов дожития в данной городской среде нас обнадеживают, тем более, что свое здоровье зареченцы ценят достаточно высоко.

Для сравнения: в промысловых районах Севера УрФО оценки ожидаемого жизненного пути заметно ниже. Предыдущие выборочные обследования позволили выделить специфику мотивации самосохранительного поведения населения не только в городских округах, но и в сельских районах патриархального типа. Такая попытка стала возможной в 2008–2009 гг. на примере Ханты-Мансийского района ХМАО-Югра. Переходя к конкретным оценкам продолжительности жизненного пути, отметим, что при *относительно плохом самочувствии* оценки продолжительности своей жизни у респондентов были завышены (табл. 6) и не подтверждались удручающей статистикой болезненности жителей района и данными о заболеваемости и алкоголизме Ханты-мансийского района ХМАО-Югры.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «До сколько лет мог бы дожить, если бы условия жизни не изменились?», % к итогу

Возрастная группа	Населенный пункт ХМАО								
	Кышик	Нялинское	Шапша	Луговское	Сибирский	Кедровый	Красноленинский	Цынга-лы	Горноправдинск
менее 50 лет	0,0	0,0	11,8	4,3	3,5	0,0	6,7	7,7	4,5
50-59 лет	0,0	0,0	0,0	7,2	3,5	7,4	0,0	7,7	9,0
60-69	0,0	10,0	5,9	11,6	27,1	22,2	13,3	23,1	20,9
70-79	75,0	50,0	29,4	34,8	20,0	25,9	30,0	30,8	26,9
80-89	25,0	20,0	35,3	17,4	17,6	16,7	16,7	7,7	25,4
90-99	0,0	10,0	5,9	14,5	17,6	20,4	10,0	15,4	0,0
100-109	0,0	10,0	5,9	10,1	7,1	7,4	20,0	7,7	13,4
более 110	0,0	0,0	5,9	0,0	3,5	0,0	3,3	0,0	0,0
Среднее число лет	77,0	80,5	78,5	78,0	78,6	78,8	81,7	74,4	75,6

Другой особенностью сельчан является совпадение во всем массиве опрошенных величин жизненного пути у мужчин (78,8 года) и женщин (79,9 года), тогда как у горожанок оценки намного скромнее и реалистичнее, чем у мужчин. Самые высокие оценки жизненного пути характерны для Красноленинского и Нялинского (81-82 года), тогда как в Кышике, Горноправдинске и Цынгалы отмечены самые низкие оценки своего жизненного пути (74-77 лет).

В целом, связь мотивации самосохранительного характера осуществляется в рамках демографического перехода посредством выбора тех или иных стратегий жизни населением (включая стратегию иждивенчества) и посредством включенности ценностей самосохранительного поведения на микроуровне в регуляции миграционного, репродуктивного, нутритивного, брачного поведения.

Обследование в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) и молодежи в Свердловской области в 2006–2007 гг. было направлено на выяснение социальных проблем, самочувствия и самосохранительной ориентации в группах молодых людей 16–29 лет (в группах учащейся и работающей молодежи, с выделением занятых малым бизнесом и групп сельской молодежи). Обратимся к мотивам прожить намеченный жизненный путь в молодежных группах (табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос о мотивах прожития своего жизненного пути, % ответов

Мотивы жизни	Половозрастные группы молодежи					
	оба пола	муж.	жен.	14-19	20-24	25-29
<i>Достойно прожить свою жизнь</i>	58,3	58,7	58,0	56,0	59,1	59,5
<i>Как можно дольше быть с родными и близкими</i>	55,4	46,2	62,0	52,9	57,1	55,0
<i>Работать, сделать карьеру</i>	42,8	42,5	43,1	48,9	43,2	38,7
<i>Достичь материального благополучия</i>	41,8	41,0	42,4	40,4	42,9	43,2
<i>Узнать, что будет в дальнейшем</i>	20,4	25,4	16,7	21,8	18,5	21,6
<i>Стать долгожителем и передать свой опыт детям и внукам</i>	10,2	11,9	8,9	11,1	10,7	9,0
<i>Поддерживать свое здоровье</i>	10,2	10,1	10,3	8,4	10,4	11,3
<i>Другое</i>	7,1	9,5	5,4	10,2	4,6	7,7

На первом месте стремление достойно прожить свою жизнь (но у женщин – ориентация на родных и близких). На втором – желание как можно дольше быть с родными и близкими. У женщин на первом плане – мотив семейного общения, что не мешает высокой профессиональной ориентации девушек и нацеленности на материальное благополучие.

При этом наиболее любопытными (выбравшими мотив «узнать, что будет дальше») оказались юноши, а не девушки. Бросается в глаза весомость иных, нераспознанных мотивов дожития в подростковой группе. Именно в подростковом периоде завершается формирование самосохранительных установок личности у юношей и девушек, тогда как репродуктивных – в дошкольные годы. Значение ценности здоровья в подростковой группе низкое, как и заинтересованность в преемственности поколений. Важное значение для самосохранительного поведения молодежи имеет ориентация на здоровый образ жизни, занятия физкультурой и спортом. На первое место выходит мотив, который в городах занимает лишь третье место – «дождаться рождения внуков и правнуков», затем следует еще один пронатальный мотив – «воспитать детей, дать им “дорогу в жизнь”». На

третьем месте первенствующий в городах мотив сплоченности с семьей и родственниками – «как можно дольше оставаться с родными и близкими». Футурологический мотив – «узнать, что будет дальше в будущем» оказывается среди мотивов-аутсайдеров, занимая четвертое место. Стабильный доход и карьера – на пятом и шестом местах соответственно.

Судя по последним приведенным социологическим данным, три четверти опрошенных считают, что их жизненный путь завершится уже на пенсии и они доживут до получения таковой. Как показал опрос, проведенный холдингом «Ромир» [6], в ответах на прямой вопрос «На что Вы планируете жить на пенсии?» внезапно прозвучала откровенная самосохранительная мотивация (табл. 8)

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос о том, на какие средства респонденты планируют жить на пенсии, % ответов

Мотивы жить на пенсии	Число ответов	%
На пенсии, я верю, что государство меня не обманет	96	13
Уже начал копить средства, пенсионные выплаты очень маленькие	82	11
Пусть меня дети кормят	56	7
Продолжу работать	325	44
<i>Я не доживу до пенсии</i>	175	23
Итого ответов	734	104

Обнаружил свое присутствие традиционный мотив ценности детей как определенного рода пенсии в старости. Однако роль его сегодня незначительна. Отношение к пенсии в целом негативное. Среди городского работающего населения, 40 % респондентов считают, что пенсия – это нищета, бессилие и безнадежность. В то же время 47 % опрошенных отметили, что выход на пенсию влечет за собой потерю профессионального и социального статуса. В связи с этим 62 % россиян хотели бы продолжить работать и по достижении пенсионного возраста. 36 % заявили, что мечтают о пенсии в 51-55 лет, треть респондентов согласны на 55-60 лет. А 70% полагают, что поздний выход на заслуженный отдых имеет смысл *только при увеличении выплат*. Обращает на себя внимание, что только каждый пятый из опрошенных полагает, что не доживет до первого года пенсионного возраста. По статистике таблиц смертности, по нашим расчетам, таковых у мужчин 46 %, а у женщин 20 %. Таким образом, в интернет-опросе в выборку скорее всего попали в основном представительницы слабого пола.

В проведенном нами исследовании в УрФО в 2014–2014 гг., косвенно о мотивациях самосохранительного характера говорит структура основных жизненных ценностей опрошенных (табл. 9).

Таблица 9

Оценка по 10-балльной шкале стремления респондентов к жизненным ценностям, распределение по баллам, % к 762 ответам в каждой строке

N	Ценности	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Валидные ответы, %	Средний балл из десяти
1	Достижение успеха в жизни	0,8	0,5	0,8	0,5	3,9	2,6	5,2	10,9	11,3	55,0	91,6	8,92
2	Возможность жить в здоровой окружающей	1,0	0,7	0,4	0,5	3,1	2,8	2,1	3,7	4,5	39,2	58,0	8,87

	среде												
3	Семейный круг, поддержка родителей	1,0	0,4	0,7	0,8	5,5	2,9	7,0	9,3	11,9	52,6	92,1	8,78
4	Материальное и духовное благополучие	1,6	0,4	0,8	0,4	5,6	2,6	4,3	9,6	9,8	51,4	86,6	8,78
5	Потребление качественных товаров и услуг	1,4	0,8	1,0	1,0	5,2	4,3	5,8	9,8	10,0	51,6	91,6	8,65
6	<i>Поддержка здоровья</i>	1,6	1,0	1,4	1,8	6,0	2,8	6,4	11,5	11,2	48,8	92,7	8,51
7	Отдых, <i>восстановле ние сил</i>	1,2	0,5	2,6	2,9	7,2	5,6	7,3	12,6	10,9	41,3	92,3	8,19
8	Эффективное проведение досуга	1,2	1,6	1,6	3,1	6,0	6,3	9,6	11,2	8,7	42,3	91,5	8,16
9	Реализация потребностей	0,5	0,0	0,9	2,6	10,2	4,9	9,6	15	13,8	29,0	87,3	8,03
10	Рождение детей	5,2	2,4	2,0	2,0	8,5	3,3	6,7	10,0	11,4	38,8	90,3	7,80
11	Общение с друзьями	1,0	1,4	3,1	3,0	12,1	7,6	6,3	14,4	8,7	34,5	92,3	7,74
12	<i>Личная безопасност ь</i>	3,1	1,7	2,0	3,3	1,8	5,9	7,1	9,3	10,8	35,6	90,6	7,69
13	Желание водить автомобиль	11,9	2,0	2,8	1,3	7,2	2,2	5,6	6,8	8,4	42,7	90,9	7,42
14	Возможность свободно менять место жительства	7,2	1,4	3,4	2,2	10,6	3,9	8,5	11,3	7,2	34,1	90,0	7,36
15	Труд	2,4	1,3	2,6	3,5	16,7	5,6	11,0	18,4	7,5	23,0	92,0	7,23
16	Участие в политике	23,5	6,8	11,5	7,2	14,6	4,1	5,8	5,1	4,1	7,1	89,8	4,31

Интересно, что возможность жить в условиях здоровой окружающей среды оценена высоко. Самый высокий рейтинг по десятибалльной шкале имеет успешная жизнь респондентов (влияние рыночных требований). А вот собственно поддержка здоровья, восстановления сил (рекреация) и требование личной безопасности оценены как факторы *опять очень низко*. Личная безопасность имеет откровенно низкий рейтинг (скорее всего, это свидетельство пренебрежения собственным здоровьем, особенно у мужчин). Это противоречие ценностей современного самосохранительного (витального) поведения в России заметно не только в сельской, но и в городской среде. Ориентация же на трудовую деятельность и деятельность в сфере политической вызывает у опрошенных антипатию, доходящую до аллергии. На этом фоне радует высокое влияние ценности общения с родными и близкими как самого важного из современных мотивов самосохранения личности в условиях современного общества.

Таким образом, существующая в УрФО структура ценностных ориентаций населения самосохранительного (витального) характера (значимость здоровья для обычного человека, личной безопасности, рекреационных интересов) не выявила

высокого уровня развития процесса распространения ценностей здорового образа жизни в целом и распространения процесса «хелзтранзиции» – (health transition) [7, с. 741-742] в регионе. Однако подтвердила сильную дифференциацию ценностей самосохранительного поведения населения и его диспозиции в зависимости от фактора урбанизации и существующих в Уральском районе и в Курганской области систем расселения.

© Кузьмин А. И., Кузьмина А. А. Текст. 2016

Список источников

1. Хомра А. У. Воспроизводство населения. Территориально-организационный аспект / АН УССР. Ин-т экономики. – Киев : Наукова Думка, 1990. – 176 с.
2. Линч К. Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева; сост. А. В. Иконников; под ред. А. В. Иконникова. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
3. Коулмен Д. А. The ethnic transformation of European societies // Демографическое развитие: вызовы глобализации. Седьмые Валентеевские чтения. Междунар. конф., М., 15-17 нояб. 2012 г. / под ред. В. А. Ионцева и др. – М. : Макс Пресс, 2012. – С. 21-36.
4. Миграционный переход. Демографическая энциклопедия / Редкол. : Ткаченко А. А., Аношкин А. В., Денисенко М. Б. и др. – М. : ООО «Издательство “Энциклопедия”», 2013. – 944 с.
5. Li Zhang Economic Migration and Urban Citizenship in China: The Role of Points Systems // Population and development review. – 2012. – Vol. 38. – No 3 (Sept.). – P. 211-245; P. 505,520
6. Newsland_opros Online Россия, Москва newsland_opros добавил опрос, 5920 445 49. [Электронный ресурс]. URL: Newsland_opros Online Россия (дата обращения 03.06.2016 11:24)
7. James C. Riley The Timing and Pace of Health Transitions around the World // Population and development review. – 2005. – Vol. 31. – No 4 (December). – P. 741-742.

Информация об авторах

1. Кузьмин Александр Иванович – кандидат экономических наук, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург
2. Кузьмина Анастасия Александровна – аспирант Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

Kuzmin, A.I, Kuzmina A.A.

INFLUENCE OF THE CITY IMAGE ON THE ESTIMATION OF LIFE EXPECTANCY

The article presents the results of the study of self-preservation behavior of the population in the Urals Federal District for the 2006- 2015 biennium. in connection with the issue of increased social and territorial mobility. In particular it is considered self-preservation installation commuters in the border territories of Kazakhstan in comparison with the more affluent suburbs of the quality of life of the Ekaterinburg city. The authors are trying to attract the attention of specialists to the structure of self-preventing motives (preventive) behavior, show the close relationship of self-preservation and migration motivation.

Keywords: population, demographic transition, frequent return migration, the motives of territorial mobility, self-prevention behavior, family.

Information about the authors

1. Kuzmin Aleksandr Ivanovich - DSN, Professor, senior researcher of the Institute of Economics, Ural branch of RAS

УДК 37.014(470.5) «19»

В.Н. Кузнецов

НАСЕЛЕНИЕ ЗАКРЫТЫХ ГОРОДОВ УРАЛА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируются причины сокращения общей численности населения России в начале XXI века. Основное внимание уделяется динамике роста населения в кластере закрытых городов РФ. Анализируются демографические показатели движения населения ЗАТО: половозрастная структура населения, общий и суммарный коэффициент рождаемости, средняя продолжительность жизни, показатели уровня брачности и разводимости, воспроизводства населения и построения внутренней трудовой миграции, включая особенности и направленности векторов маятниковой миграции. Специфика воспроизводства населения ЗАТО, как закрытой социальной системы, отличается от населения обычных городских округов и районов в результате исторических особенностей формирования у населения репродуктивных, самосохранительных и семейно-брачных установок в условиях сохранения «зональной» психологии и особого менталитета посткоммунистического типа.

Ключевые слова: население, численность, закрытый город, городской округ.

История уральских закрытых городов атомной отрасли начинается с принятия Советом народных комиссаров СССР постановлений № 3007-892 сс и № 3008-893 сс от 1 декабря 1945 г. о строительстве заводов № 813 и № 817 (см.: Атом-пресса, № 27 (762) июль 2007, сс. 73, 74, 83–85, 192–197, 202–207). Одновременно со строительством этих заводов было запланировано строительство жилых поселков. Так, для завода № 817 планировалось построить жилой поселок улучшенного типа всего на 1300 чел. работающих (с их семьями), а для завода № 813 – жилой поселок улучшенного типа на 1500 чел. работающих и их семей (там же, с. 196, 206). Это были первые поселения уральских атомщиков. Их по праву можно считать своеобразными протогодами ядерной эпохи, первенцами атомного комплекса не только на Урале, но и всей атомной промышленности страны. Многие другие закрытые города создавались уже с учетом опыта строительства уральских атомградов.

В связи с тем, что у высшего руководства страны на период создания атомной отрасли не было еще ясного осознания перспектив ее развития, жилые поселки намечали построить только для эксплуатационного персонала предприятий. Более того, какого-либо опыта создания подобных поселений еще не было.

Что касается десятков тысяч строителей, занятых на сооружении ядерных промышленных объектов и жилых поселков, то их руководители атомного проекта рассматривали в качестве временных жителей. Они должны были построить атомные предприятия и поселки для эксплуатационного персонала, а затем покинуть эти запретные места навсегда.

Поэтому в первые годы как военные, так и вольнонаемные строители жили в бараках, палатках, щитовых домиках и юртах или с подселением в соседних населенных пунктах. Численность только работающих в строительном-монтажных коллективах, без учета членов их семей, по состоянию на 1 июля 1947 г. на стройплощадке завода № 817 составляла 42 тыс. чел. и около 30 тыс. чел. – на заводе № 813 [4, с. 821].

Однако вскоре все эти первоначальные планы создания атомной промышленности пришлось менять коренным образом. Начавшаяся в конце 1940-х – начале 1950-х гг. гонка ядерных вооружений потребовала сооружения новых, более мощных ядерных объектов, притока большего количества работников. На строительство новых мощностей атомных предприятий и жилых поселков были направлены дополнительные кадры строителей. Одновременно со строителями на сооружаемые производственные объекты мобилизовывались кадры специалистов и ученых.

В результате совместной работы строительных организаций и руководителей предприятий в относительно короткие сроки вместе с возводимыми объектами атомной промышленности были построены красивые компактные жилые поселки, которые быстро разрастались и через девять лет после начала их возведения, 17 марта 1954 г. они получили статус городов областного подчинения. Таким образом, вместо изначально намеченных небольших жилых поселков в ранее глухой, не обжитой людьми местности стали со временем формироваться целые города атомщиков, население которых к концу 1990-х гг. насчитывало от 30 тыс. чел. до почти 100 тыс. чел.

В результате особой кадровой политики, строгого отбора работников в атомных городах сформировалась специфическая социальная группа населения, которая жила и трудилась в искусственно созданных условиях обособленной системы. Особый пропускной режим и работа, связанная с сохранением государственных секретов, накладывали отпечаток на повседневное поведение жителей закрытых городов, как на производстве, так и в быту.

Морально-психологическая обстановка, в целом социально-бытовая культурная аура в поселениях атомщиков отличалась многими положительными сторонами. Способствовало во многом этому и то, что в закрытых городах социально-профессиональная структура отличалась достаточно большим удельным весом ИТР, специалистов и ученых, высоким уровнем высшего и среднего специального образования у населения.

Уже в начале 1950-х гг. XX в. в уральских ядерных центрах на 100 рабочих приходилось в среднем около 30 инженеров и техников, что превышало общероссийские показатели более чем в два-три раза. Атомные города как феномен мобилизационной модели развития за относительно короткий срок превратились в средоточие ученой элиты, высокопрофессиональных специалистов и рабочих.

В Министерстве среднего машиностроения СССР страны был собран поистине цвет отечественной науки. В нем работали девять трижды Героев Социалистического Труда – И. В. Курчатов, Б. Л. Ванников, А. П. Александров, Н. Л. Духов. Я. Б. Зельдович, А. Д. Сахаров, Е. П. Славский, Ю. Б. Харитон, К. И. Щелкин. Почти все они трудились в свое время на ядерных объектах Урала, вложили немало своих знаний и труда в их успешную деятельность. В середине 1990-х гг. в этой отрасли промышленности трудились: 24 академика и 18 членов-корреспондентов Российской Академии наук, 670 докторов и 4500 кандидатов наук. Вряд ли имелась еще какая-то отрасль в стране, где было занято столько высококвалифицированных специалистов, ученых.

Всего в России десять ЗАТО находятся в ведомственной подчиненности атомной отрасли (Министерства среднего машиностроения СССР, затем Минатома России, Росатома, а в настоящее время – Государственной корпорации «Росатом»). Пять ЗАТО Росатома расположены по меридиану на Урале, вдоль хребта Уральских гор.

В настоящее время ЗАТО Урала составляют обособленный и замкнутый ядерно-оружейный комплекс России, объединяющий в себе самые современные теоретические, конструкторские и производственные составляющие – от обогащения и производства урана и плутония до сборки ядерных боеприпасов.

По состоянию на январь 1990 г. во всех ЗАТО Минатома проживало около 750 тыс. чел. [2, с. 3], а среди уральских закрытых городов особо выделялись Новоуральск и

Озерск, население которых составляло около 87-94 тыс. чел. (табл. 1.). По состоянию на начало 2002 г. во всех ЗАТО России проживало 1345 тыс. чел. [1, с. 186].

Таблица 1

Численность населения закрытых городов Урала (тыс. чел)

Наименование ЗАТО	Численность населения на 01.01.1997 г.	Численность населения на 01.01.2001 г.	Численность населения на 01.01.2015 г.
Лесной (Свердловская область)	54,5	54,5	52,5
Новоуральск (Свердловская область)	94,8	94,3	91,8
Озерск (Челябинская область)	87,9	87,3	86,1
Снежинск (Челябинская область)	47,7	48,6	50,6
Трехгорный (Челябинская область)	30,9	31,0	34,3

Составлено по: Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 1997 г. М., 1997, Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2001 г. М., 2001; www.novouralsk-adm.ru; www.gorodlesnoy.ru; www.ozerskadm.ru; www.redhouse.snz.ru, www.admin.trg.ru

Геополитические изменения, связанные с распадом Советского Союза, утратой Россией статуса сверхдержавы, болезненно отразились и на функционировании градообразующих предприятий ЗАТО. Значительное сокращение государственного оборонного заказа, повлекшее уменьшение производственных мощностей и численности работников градообразующих предприятий, снижение бюджетной обеспеченности населенных пунктов и неопределенность ведомственной подчиненности органов местного самоуправления, переподчинение их органам государственной власти субъектов РФ привели к серьезным проблемам в ЗАТО. Государство, создав эти моногорода и уникальные объекты оборонной промышленности, не спрогнозировало поворота в мировой политике, связанного с резким сокращением арсенала атомного оружия ядерных держав.

В закрытых территориях не были созданы альтернативные производства, а высвобождаемые высококвалифицированные работники до настоящего времени остаются невостребованными, теряют квалификацию и вынуждены выживать, применяя свои способности в секторе индивидуального предпринимательства, либо довольствуются пособием по безработице. По этим и другим причинам жители ЗАТО стали переезжать на другие места жительства.

Наиболее наглядны показатели изменений в демографической области в Новоуральском городском округе в сторону уменьшения постоянного населения округа (табл. 2).

Таблица 2

Население Новоуральского городского округа в 2009–2013 гг.

Показатель	Год				
	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Численность постоянного населения (тыс. чел)	95,1	88,2	87,1	86,4	85,9

Составлено по: Инвестиционный паспорт НГО по состоянию на 8 мая 2014 г. (<http://www.invest-ngo44.ru/investitsionnyj-pasport-ngo>).

В 2014 г. демографическая ситуация в Озерском городском округе также характеризовалась сохранением тенденции к уменьшению постоянного населения округа

(табл. 3), и такая ситуация прогнозируется на ближайшие несколько лет. За 12 мес. 2014 г. родилось 1019 детей, что на 6,8% (74 чел.) меньше, чем в 2013 г. Также на протяжении последних 15 лет за счет увеличения населения в возрасте старше трудоспособного, в округе наблюдается ежегодный рост смертности и превышение смертности над рождаемостью (естественная убыль). В январе – декабре 2014 г. количество умерших составило 1240 чел., что на 104,2% (50 чел.) больше, чем в 2013 г., естественная убыль достигла 221 чел.

Многолетняя естественная убыль населения до 2008 г. частично компенсировалась положительным миграционным приростом, после чего сальдо миграции уже было отрицательным и к концу 2014 г. составило 488 чел. Только за 2014 г. из города выехало 2170 чел. (на 155 чел. больше, чем в 2013 г.), приехало на постоянное место жительства 1682 чел., что на 39 чел. больше чем в 2013 г.

Таблица 3

Характеристика населения Озерского городского округа в 2010–2014 гг. (тыс. чел.)

Показатель	Год				
	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Численность постоянного населения на конец года	97832	92335	91744	91285	90567
из всего населения: мужчины	46625	43554	42921	42885	42573
из всего населения: женщины	51207	48781	48823	48400	47994

Составлено по: Отчет о социально-экономическом развитии Озерского городского округа за 2014 г. <http://www.ozerskadm.ru/regulatory/report/>

Тенденция к снижению численности населения наблюдается и в ЗАТО «Город Лесной». Причинами являются естественная убыль населения (в 1947–1954 гг. в город направлялись выпускники вузов страны, которые умирают в 2000-е гг. от естественных причин) и ежегодное поступление в вузы страны и обучение в них большинства выпускников школ.

Относительно стабильная численность населения наблюдается в закрытых городах. Снежинск и Трехгорный. Например, население г. Трехгорного относительно стабильно и даже имеет тенденцию к увеличению численности. Население г. Снежинска также имеет небольшой, но прирост (табл. 1). В 2007 г. в г. Снежинске проживало 50,3 тыс. чел. (1970 г. – 32,8 тыс., в 1979 г. – 38,3 тыс., в 1989 г. – 45,4 тыс., в 2000 г. – 49,7 тыс., в 2002 г. – 50,2 тыс.). Средний возраст жителей – 39,6 года (2006). Рост численности населения в основном происходил за счет направления в город молодых научных работников – выпускников вузов.

С начала 1990-х гг. демографическая ситуация в г. Снежинске стала ухудшаться. Число пенсионеров возросло к концу 2005 г. до 22% от общей численности жителей, количество детей и подростков постоянно уменьшалось и сократилось до 14,6% от общего числа горожан. Происходило снижение рождаемости, которая стабилизировалась к 2003–2005 гг. на уровне 450 рождений в год (1160 рождений на 1000 женщин в фертильном возрасте); в 2006 г. число родившихся составило 422 чел. Основной причиной уменьшения рождаемости в указанный период стало снижение качества жизни населения, особенно молодых семей, в т. ч. – жилищные проблемы [3, с. 128-129].

Таким образом, из приведенной статистики можно сделать следующие выводы:

– численность населения закрытых городов на Урале напрямую зависит от такого фактора, как перспективы трудоустройства и стабильности в трудовых отношениях на градообразующем предприятии;

– в условиях сокращения государственного оборонного заказа и, соответственно, сокращения численности работников этих предприятий, жители закрытых городов в

поисках стабильной работы уезжают на постоянное место жительства в другие населенные пункты, что приводит к уменьшению постоянного населения городов;

–отток населения наблюдается и в связи с высоким процентом поступления выпускников общеобразовательных учреждений в ведущие высшие учебные заведения страны и низким процентом их возвращения в родной город;

–в четвертых, чтобы остановить процесс вынужденной миграции, государству необходимо в ближайшем будущем создать альтернативные производства в закрытых населенных пунктах и реализовывать планы по созданию в них территорий опережающего социально-экономического развития.

© Кузнецов В. Н. Текст. 2016

Список источников

1. Александров А. П. Закрытое административно-территориальное образование // Трехгорный. Энциклопедия. – Челябинск, 2012.
2. Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. II. Атомная бомба. 1941-1954 гг., Кн. 2. – Москва – Саров, 2000.
3. Емельянов Б. М., Суржикова Н. В. ЗАТО «Город Снежинск» // Атомные города Урала. Город Снежинск. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009.
4. Новоселов В. Н., Толстиков В. С, Клепиков А. И. История Южно-Уральского управления строительства. – Челябинск : НИК, 1998.

Информация об авторе

Кузнецов Виктор Николаевич, (Россия, Екатеринбург) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16, (343) 374-44-00, Email: jurist-istor@mail.ru)

Kuznetsov V.N.

THE POPULATION OF THE CLOSED CITIES OF THE URALS: SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECT

The article analyzes the reasons for reducing the total number of the population of Russia at the beginning of the XXI century. It focuses on the dynamics of population growth in the cluster closed Russian cities. Analyzed the demographics of the population movement CATF: sex and age structure of the population, and the overall total fertility rate, life expectancy, level of indicators of marriage and divorce, reproduction of the population and the construction of internal labor migration, including the characteristics and direction of the vector of commuting. Specificity reproduction CATF population as a closed social system, different from the normal population of urban districts and districts as a result of the historical features of the formation of the population of reproductive, self-preservation and of family and marriage systems in terms of conservation "zone" of psychology and special mentality of post-communist type.

Keywords: population, strength, closed city, urban district.

Information about the author

Kuznetsov Viktor Nikolaevich – Candidate of historical sciences, senior researcher, Sector of political and socio-cultural history, the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia, 620990, Ekaterinburg, ul. Sofia Kovalevskaya, 16, (343) 374-44-00, Email: Jurist-istor@mail.ru)

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОЛЛЕКТИВОВ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ ТАНКОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ОСЕНЬЮ 1941 Г.

Статья раскрывает основные факторы создания производственных коллективов заводов танковой промышленности на Урале осенью 1941 г. Показаны основные проблемы прибытия и расселения эвакуированных работников предприятий из западных регионов страны. Проанализирована доля эвакуированных в структуре коллективов уральских танковых заводов.

Ключевые слова: эвакуация, танковая промышленность, Урал, жилая площадь, рабочие, ИТР

Осенью 1941 г. Урал начинает принимать эвакуируемые грузы и население из западных регионов страны. Этот процесс вызвал серьезные изменения в социально-экономическом развитии края. В том числе он привел к формированию новой отрасли уральской промышленности – танковой.

Еще в июле и августе 1941 г. Урал стал активно принимать перемещаемые и эвакуируемые грузы. В дальнейшем поток эвакуируемого населения, материалов и грузов стал нарастать лавинообразно, что вылилось в колоссальную транспортную проблему. Специфика транспортной инфраструктуры СССР заключалась в том, что развивалось в основном только железнодорожное сообщение. Для развития автомобильного транспорта остро не хватало сети шоссейных дорог с твердым покрытием и самих автомобилей. Был слабо развит речной транспорт. Следовательно, проблема движения железнодорожного транспорта осенью 1941 г., то есть в момент пика эвакуационных перевозок, стала неизбежным итогом.

Составы, перевозившие перемещаемые мощности в течение лета – начала сентября 1941 г., находились в пути относительно недолго, хотя и не выдерживали установленный график. Он предписывал преодолевать 500–600 км в день [4, с. 35]. Понадобилось немногим более недели, чтобы доставить на Урал (в район Молотов – Свердловск) первую очередь эвакуируемого завода № 174. Но к октябрю 1941 г. ситуация резко обострилась в связи с ростом потока эвакуируемых грузов и людей, с одной стороны, и нарастанием встречного потока на запад, с другой: на фронт шли эшелоны с боеприпасами, вооружением и личным составом войск. Проблема усугублялась плохим состоянием железнодорожной сети Урала, которая была рассчитана в основном на внутрирегиональный грузопоток. Процент двухпутных дорог в среднем по стране составлял 29,5% [4, с. 35]. В то же время уральская сеть имела около 20% таких путей, причем располагались они в основном на Южном Урале на участке Транссибирской железнодорожной магистрали (см.: Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 171-173).

В ноябре 1941 г. по железным дорогам Свердловской области составы продвигались со скоростью не более 200–250 км в сутки, а на развязках вокруг Свердловска (станции Свердловск-Сортировочный, Свердловск-Пассажирский, Шарташ) простаивали до трех суток (см.: Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 36. Д. 342. Л. 24). По данным М. Н. Потемкиной, средний показатель движения поездов в сутки в этот же период не превышал 180–200 км. Составы шли «трамвайным порядком» – буквально один за другим [4, с. 35].

Создавалась ситуация неразберихи, когда грузы и люди подолгу простаивали и не могли двигаться либо разгружаться. 23 октября по состоянию на 18.00 дорога им. Кагановича (Свердловская железная дорога) приняла 183 вагона, из них 156 вагонов были

грузовыми («грузы»), 27 – пассажирскими («люди»), за сутки было выгружено 314 вагонов (250 – «грузы», 64 – «люди»). Но при этом всего неразгруженными осталось 402 вагона. На следующий день ситуация несколько изменилась: прибыло 138 вагонов (114 – «грузы», 24 – «люди»), выгружено 180 (165 – «грузы», 15 – «люди»), осталось 360. Основным проблемным местом стал нижнетагильский узел, где катастрофически нахватало средств выгрузки материалов и оборудования, а также возможности приема и размещения людей (см.: Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31. Д. 188. Л. 98, 99).

25 октября Молотовский обком ВКП (б) в своем обращении к свердловским коллегам констатировал неудовлетворительный прием составов, назначенных на станцию Гороблагодатскую (Нижний Тагил). 18 поездов были названы *брошенными*, всего скопилось 1120 вагонов с грузами оборонного значения, горючим, эвакуируемыми мощностями и людьми (см.: Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31. Д. 188. Л. 124).

Помимо эвакуируемых грузов и кадров западных предприятий, на Урал хлынул поток так называемого *неорганизованного населения*, то есть гражданских лиц, эвакуируемых самостоятельно, без предприятий. Поток таких поездов постоянно нарастал вплоть до ноября 1941 г. К началу месяца на подъездах к Свердловску на станциях Дружинино и Шаля уже скопилось до 10 *эвакопоездов* и ожидалось поступление до 200 вагонов в сутки (около 30 тыс. чел.). Расселить такое количество людей на территории Свердловской области уже казалось невозможным, поэтому их необходимо было перенаправлять на другие направления (см.: Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31. Д. 188. Л. 105).

Часть проезжавших находилась в неотопливаемых вагонах, не обеспечивалась вовремя пищей или медицинской помощью. И, как следствие, наблюдался рост числа инфекционных заболеваний, особенно среди детей (см.: Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 36. Д. 342. Л. 24). Но далее начала нарастать проблема расселения прибывшего населения. Предоставить нормальное жилье оказалось невозможно даже семьям, прибывшим вместе с предприятиями.

Так, направляемые на нижнетагильский Уралвагонзавод (будущий Уральский танковый завод № 183) рабочие, ИТР и члены их семей в количестве 40 тыс. чел. с Мариупольского, Ижорского завода и Харьковского завода № 183 в октябре 1941 г. уже не могли разместиться в городе. Бюро обкома, рассматривая этот вопрос, постановило – расселять в Нижнем Тагиле только работавших непосредственно на производстве. Члены семей рабочих и ИТР должны были, как тогда предполагали, временно (до ввода в эксплуатацию строящихся бараков) размещены по селам и поселкам близ лежащим к железной дороге (см.: Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 36. Д. 336. Л. 7).

Расселение эвакуированного населения стало чрезвычайно сложной задачей для всего Урала. Такая ситуация сложилась не только из-за сокращения объемов жилищного строительства в годы войны при резком росте населения, особенно городского, но и в силу того, что дефицит жилья в уральском регионе сложился еще в довоенное время. На одного человека здесь приходилось 4,9 м² жилой площади, тогда как по стране в целом этот показатель достигал 6,5 м² только на одного городского жителя, а в сельской местности эта цифра была выше.

Проблема во многом усугублялась особенностями советской индустриализации, когда упор делался, прежде всего, на промышленное строительство, а транспортная и социальная инфраструктуры развивались по остаточному принципу. В условиях ускоренного строительства перемещенных мощностей в Свердловск летом 1941 г. все возможности, и без того ограниченные и дефицитные, были сосредоточены на возведение производственных цехов и установке оборудования. На строительство жилых домов

(бараков) и других социальных объектов (детские сады, бани, столовые и т. д.) ресурсов уже не осталось.

В октябре 1941 г. на Уральский завод тяжелого машиностроения (УЗТМ, или Уралмаш) прибыло свыше 15 тыс. работников и членов их семей с Ижорского и Кировского заводов и еще 4 тыс. строительных рабочих и членов их семей. Потребность в жилой площади только для них составила 76 тыс. м². За счет имеющихся жилых фондов сам завод мог расселить 8,4 тыс. чел., остальные 10,6 тыс. чел. предлагалось расселять силами горсовета (см.: Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31. Д. 198. Л. 23).

В 1940 г. в соцгородке Уралмаша норма жилья на человека составляла 4,73 м². Но это средние цифры. Норма расселения в жилых домах составила 4,97 м² на человека, а в бараках – уже 3,88. То есть, средняя площадь на одного человека в бараках была примерно на 18% меньше среднестатистических данных по всему жилищному фонду. Первоначально прибывающих по эвакуации работников и их семьи планировалось размещать по норме 4,5 м², но впоследствии ее пришлось снизить до 3 м² (см.: Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31. Д. 198. Л. 78). По данным на 1 марта 1942 г. средняя обеспеченность жилплощадью в городах Свердловской области составила 3,1 кв. м на человека [3, С. 159].

Схожие проблемы с прибывающим гражданским населением обнаружили и в Челябинске. Директор челябинского Кировского завода (бывший Челябинский тракторный) И. М. Зальцман так охарактеризовал эвакуацию рабочих ленинградского предприятия: «...Расселять постоянно прибывающих рабочих с [ленинградского] Кировского завода некуда, на эвакуационном пункте сегодня (24 декабря 1941 г.) скопилось около 4 тыс. человек, и прибывающий эшелон в 560 человек расселять некуда. Такое скопление людей вызывает заболевания у детей и осложняет эпидемиологическую обстановку» Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 294. Л. 1–2). По состоянию на 13 января 1942 г. удалось расселить только 3 тыс. чел. (там же. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 294. Л. 3).

Челябинский облисполком ситуацию на январь 1942 г. обрисовывал следующим образом: «Для обеспечения минимальной средней нормы жизнеобеспечения на жителя области 2,9 квадратного метра требовалось построить 767 тыс. квадратных метров жилой площади» [6, с. 11]. Следовательно, на одного человека в среднем приходилась гораздо меньшая площадь.

Всего в Свердловской области по состоянию на 1 февраля 1942 г. эвакуированного населения числилось 389052 чел., из них 158844 чел. – прибывшие с предприятиями работники и их семьи. Из общего числа эвакуированных в Нижнем Тагиле было расселено 60374 чел., в Свердловске – 146696 чел [5, с. 191]. До 1 февраля 1942 г. в Челябинск прибыло 428 тыс. чел., эвакуированных из прифронтовой полосы, из них 168 тыс. чел. – с предприятиями и учреждениями [6, с. 11].

Особенно тяжело эта ситуация отразилась на малых уральских заводах Наркомата танковой промышленности (НКТП). Уральский турбинный завод (Свердловск) еще в довоенное время страдал от катастрофической нехватки жилья. На почти 1,5 тыс. работников у завода имелось квартир и комнат только для 354 семей. Остальные были расселены по жилым помещениям других предприятий организаций города. Из-за жилищных проблем с января по май 1941 г. завод покинуло 93 чел., а в начале июня у директора лежало 380 заявлений об уходе с предприятия. Количество работников Уралтурбозавода к осени 1941 г. увеличилось более чем в 3 раза. Но жилье, которое необходимо было построить по правительственным решениям, принятым в начале войны, так и не было создано. В результате катастрофической нехватки жилья многие работники завода (в том числе квалифицированные рабочие ленинградского Кировского завода) были расселены за 8–10 км от предприятия в жилом фонде Горсовета и других заводов

(см.: Центр документации общественных организаций Свердловской области, Ф. 4. Оп. 31. Д. 222. Л. 155).

Примерно в таких же условиях оказались работники вновь созданного свердловского завода № 37 НКТП, коллектив которого сформировался сходным образом. Предприятие в конце 1941 г. должно было расселить 12 тыс. чел. В состав завода вошли жилые помещения бывшего завода им. Воеводина, у которого имелось только 3872 м². Из них 2244 м² приходилось на каменные жилые дома, а 1628 м² – на бараки. На этой жилой площади уже проживало 1145 чел., то есть на одного человека приходилось 3,38 м². Времени и средств на строительство даже временных бараков уже не было, поэтому всех работников завода и их семьи расселили в студенческих общежитиях (около 4,5 тыс. м²), в комнатах жителей выселенных из Свердловска в сельскую местность (это дало 400 комнат на 1000 чел.) и методом уплотнения в жилом фонде города (основная часть эвакуированных – на 20 тыс. м²) (данные из: рукопись «Ордена Трудового Красного Знамени завод № 50 Министерства трансмаша. Материалы по истории развития танкового производства в период Великой Отечественной войны. 1946», материалы музея завода «Уралтрансмаш»). В целом на долю завода № 37 приходилось около 30900 м² жилья, следовательно, в среднем на одного человека 2,35 кв. м² (подсчитано автором). Однако в реальности в барачных общежитиях были более суровые условия. Уже во второй половине войны в бараках заводов № 50 (бывший № 37 НКТП) и № 76 было только 2 м² и менее на человека (см.: Центр документации общественных организаций Свердловской области., Ф. 4. Оп. 31. Д. 627. Л. 124–125, 184).

Тяжелое положение с жильем на Урале, сложившееся еще в довоенный период, не позволило должным образом расселить эвакуируемые семьи работников танковой промышленности. Вместе с приказами о начале эвакуации предприятий поступали распоряжения о строительстве жилья на новых местах. Другими словами, в тот момент проблема отсутствия свободных площадей была хорошо известна советскому руководству. Но воплотить в жизнь эти решения не было никакой возможности. Для этого отсутствовали и строительные материалы, и строительные рабочие. А главное, не было даже времени на это строительство. Начало и завершение самого массового этапа эвакуации пришлось на позднюю уральскую осень и начало зимы, когда температура воздуха была много ниже нуля. В таких условиях местным заводским, партийным и советским руководителям не оставалось ничего другого, как пытаться использовать в основном только имеющийся жилой фонд. А это означало крайне стесненные бытовые обстоятельства. Жизнь двух и даже более семей в одной комнате стала неизбежной нормой.

О количественном и качественном составе кадров танковых заводов, прибывших на Урал по эвакуации, говорят следующие данные. На Уралвагонзавод с различных предприятий страны были перемещены сотрудники 13 предприятий. Основной костяк танкового производства составили работники бывшего харьковского завода № 183: из 12140 чел., подлежащих эвакуации, прибыло только 5234. На Урал удалось эвакуировать только 10% рабочих и 20% инженерно-технических работников. Из 6344 чел. Мариупольского завода в Нижний Тагил приехали только 732 (11,5%), из них 589 рабочих, занятых на корпусном производстве. В Нижний Тагил пребыл Московский станкостроительный завод № 184 им. С. Орджоникидзе. Первоначально он должен был существовать как самостоятельное предприятие, но впоследствии вошел в состав УТЗ. Всего к концу 1941 г. на площадку УВЗ прибывает около 9 тыс. работников с различных предприятий страны (из рукописи «История танкостроения на УТЗ №183. Т. 2. Кн. 2». С. 21, 283, материалы музея УВЗ).

Всего с июля 1941 г. по январь 1942 г. Уралмаш принял 3757 человек с Ижорского (1885 чел.), ленинградского Кировского (854 чел.), Краматорского (79 чел.) заводов и заводов «Красный Профинтерн» (830 чел.) и «Большевик» (109 чел.) (см.: Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31. Д. 286. Л.

225-226). Всего коллектив УЗТМ на 1 января 1942 г. составлял 23547 человек (из Доклада директора УЗТМ по основной деятельности за 1941 г. Л. 14. Из материалов музея УЗТМ).

На завод № 76 (в конце 1941 г. дизельное производство Уралтурбозавода выделилось в самостоятельное предприятие) в течение августа – ноября прибыло 3737 человек, из них 3260 с ленинградского Кировского завода [1, с. 231]. В середине 1941 г. штат работников дизельного завода насчитывал 1349 чел., следовательно, к концу года число работников находилось на уровне 5500–6000 с учетом мобилизованных местных кадров (см.: Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31. Д. 182. Л. 194).

На площадку свердловского завода № 37 НКТП было эвакуировано 3513 ИТР, рабочих и служащих: 1487 чел. с московского завода № 37 НКТП, 1011 – с автомобильного завода им. «КИМ» и 1015 – с Подольского машиностроительного завода. Коллективы местных свердловских заводов в сумме составляли 1101 чел., до конца 1941 г. на завод поступило еще 1107 чел. мобилизованного контингента. В сумме это составило 5721 человек (Ордена Трудового Красного Знамени завод № 50 Министерства трансмаша. Материалы по истории развития танкового производства в период Великой Отечественной войны. Рукопись. 1946. Л. 15. Из материалов музея завода Уралтрансмаша).

На челябинский Кировский завод в течение первого года войны прибыло 13550 человек, в том числе с ленинградского Кировского завода – 7500 чел. (5891 – рабочих и 1185 – ИТР), с харьковского завода №75 – 3004 (1773 – рабочих и 1033 – ИТР), из Москвы – около 1000 чел. (см.: Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 292. Л. 63; 6, С. 1510). Коллектив завода в декабре 1941 г. состоял примерно из 35 тыс. чел. (подсчитано по материалам: Российский государственный архив экономики. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 105).

Таким образом, эвакуация кадров серьезным образом сказалась на количественном составе работников танковых предприятий Урала. По данным исследователя А. А. Антуфьева, в 1942 г. доля эвакуированных ИТР, рабочих и служащих среди персонала УТЗ им. Коминтерна составляла как минимум 22%, Кировского завода – 30,8%, УЗТМ – 44,8%; в 1943 г. более 40% всего персонала завода № 76 составляли переброшенные и эвакуированные работники [1, с. 231, 232]. По нашим подсчетам, доля перемещенных работников на уральские танковые предприятия выражалась в иных цифрах: их доля на УТЗ в конце 1941 г. составила 29%, на Кировском заводе – около 39%. Для УЗТМ данные, приведенные А. А. Антуфьевым, нам представляются резко завышенными – реальная доля западных работников (вместе с перемещенными летом 1941 г.) на Уралмаше была на уровне 15–16%. Наибольший процент переброшенные и эвакуированные работники составляли на малых уральских танковых заводах: в конце 1941 г. на Уралтурбозаводе и свердловском заводе № 37 НКТП их доля была на уровне 60%.

Трудность подсчета доли эвакуированных заключается в том, что коллективы танковых предприятий, начиная с конца 1941 г. и вплоть до конца 1942 г., постоянно изменяли свою численность. Некоторые, например Кировский завод, постоянно росли и за год увеличили свой состав на треть [1, с. 235]. Но рост контингента состоялся уже не за счет эвакуированных, а трудовой мобилизации. Другие заводы, которые тоже массово привлекали местную рабочую силу, или разделялись на разные предприятия (в начале 1942 г. из состава УЗТМ был выделен артиллерийский завод № 9 НКВ, из состава турбозавода – завод № 76 НКТП), или наоборот входили в состав других (летом 1942 г. завод № 37 НКТП вошел в состав УЗТМ). Поэтому динамика численности работников того же Уралмаша постоянно менялась в течение всего 1942 г.

Следовательно, при выявлении доли эвакуированных в составе коллективов уральских танковых предприятий нам необходимо четко придерживаться определенного периода. В нашем случае это декабрь 1941 г., когда эвакуационные мероприятия в целом были уже завершены, массовое привлечение мобилизованного местного контингента

только начиналось, а заводы еще не стали делиться и объединяться. С течением времени коллективы неизбежно размывались за счет ротации работников. Эвакуированный контингент действительно сыграл важную роль в формировании коллективов уральских танковых предприятий. Однако в случае с каждым заводом доля представителей западных предприятий была различной: от 15–16% на УЗТМ до 60% на заводах № 37 и №76.

© Мельников Н. Н. Текст. 2016

Список источников

1. Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1992.
2. Партийная организация Челябинской области в период Великой Отечественной войны. – Челябинск : Юж.-Урал кн. изд-во, 1967.
3. Потемкина М. Н. Эвакуация населения в уральский регион // Урал в стратегии Второй мировой войны. – Екатеринбург, 2000. С. 156–160.
4. Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале. Люди и судьбы. – Магнитогорск : МаГУ, 2002.
5. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Сборник документов. – Екатеринбург : Институт истории и археологии УрО РАН, 2000.
6. Тыл – фронту. – Челябинск, 1990.
7. Устьянцев С. В., Пислегина А. В., Фахретденова А. Х. Элита российской индустрии Уралвагонзавод. – Екатеринбург : Независимый институт истории материальной культуры, 2001.

Информация об авторе

Мельников Никита Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; тел. (343)374-42-05; E-mail: meln2011kit@gmail.com

Melnikov N.N.

FORMATION CONDITIONS PRODUCTION TEAMS URAL PLANT OF THE TANK INDUSTRY IN AUTUMN 1941

The article reveals the main factors creating the tank industry plants production teams in the Urals in autumn 1941 The basic problem of the arrival and settlement of the evacuated employees of Western companies. Analyzed the proportion of evacuees in the structure of the groups of the Ural tank factories.

Keywords. Evacuation, tank industry, Ural, living area, workers, engineers and technicians.

Information about the author

Melnikov Nikita – candidate of historical sciences, Institute of history and archaeology of the Urals branch of the Russian academy of sciences. 620990, Ekaterinburg, ul. S. Kovalevskaya, 16; tel. (343) 374-42-05; E-mail: meln2011kit@gmail

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ В 1930-Е ГГ.: ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ДАННЫХ

В статье рассмотрены вопросы достоверности данных статистического учета 1930-х гг. Представлены результаты перерасчета численности населения Кубани и Ставрополья, зафиксированной переписью 1939 г., с учетом архивных документов, в том числе впервые введенных в научный оборот, а также на основе методов математического моделирования.

Ключевые слова: Демографические изменения, переписи населения СССР, вероятностно-статистическое моделирование, Кубань, Ставрополье

Одним из самых спорных и неоднозначно трактуемых периодов российской истории является период 1930-х гг., когда за сравнительно небольшой отрезок времени произошли коренные изменения в демографической сфере. Эти изменения были обусловлены, с одной стороны, процессами модернизации, с другой – рядом экстремальных факторов социально-политического характера. Они явились катализаторами демографических процессов в стране и повлекли за собой глубинные долгосрочные изменения.

Актуальность обращения к данной теме обусловлена еще и тем, что демографическая история 1930-х гг. долгое время являлась белым пятном в российской историографии, материалы переписей и статистического учета, архивные документы были закрыты для исследователей. Власть опасалась, что шокирующие цифры демографических потерь этого периода вследствие раскулачивания, голода 1932–1933 гг., депортаций могут повлиять на доверие к власти, вызвать сомнения в правильности осуществляемой государством экономической и социальной политики.

Даже после XX съезда партии, когда были признаны ошибочными и преступными действия по выселению отдельных народов, начали работать реабилитационные комиссии, многие документы оставались закрытыми для исследователей. Это негативным образом сказывалось и на статистико-демографических исследованиях и на демографической политике.

Проблема достоверности статистических данных существовала всегда, но как проблема методологического и методического порядка, безотносительно к историческому периоду, политическому режиму. Уникальность нашей страны, кроме прочего, проявляется и в том, что на протяжении нескольких десятилетий статистика рассматривалась как важный идеологический инструмент, способный оказать влияние на сознание масс, в связи с чем ставилась в угоду правящей партии, определялась вождями, и, в конечном счете, скорее искажала, чем отражала объективное положение вещей. Различного рода статистические приписки имели место на самых различных уровнях: от рядового бухгалтера и счетовода, до таких масштабных акций, как Всесоюзные переписи населения. Ярким примером могут служить материалы Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг.

Материалы Всесоюзной переписи 1937 г. сама власть поставила под сомнение, и не столько из-за точности полученных данных, сколько именно потому, что перепись раскрыла сложную демографическую ситуацию в стране в результате форсированного строительства «нового общества».

Практически через два месяца после проведения переписи, 14 марта 1937 г. в докладной записке на имя Сталина и Молотова приводится общая цифра по населению СССР, переписанному 6 января, – 162003225 чел., включая контингенты РККА и НКВД.

По РСФСР эта цифра составила 104 млн чел. [1, с. 34]. Этот результат расходился с прогнозами Госплана СССР, согласно которым численность населения страны к 1937 г. должна была составить 180 млн чел., а к 1939 г. – 183 млн чел. Прогноз был основан на показателях естественного прироста середины 1920-х гг., которые были достаточно высокими, кроме того, они должны были подтверждать идею о «расширенном воспроизводстве населения в условиях социализма» [5, с. 30].

В итоге прирост населения в стране составил за десять межпереписных лет 15 млн чел., или 10,2% (от 147 млн чел. по переписи 1926 г.), среднегодовой процент прироста составил 1% [5, с. 33]. Такой прирост можно считать достаточно низким, тем более, если брать в расчет тот факт, что на этот период приходится начало демографического перехода в стране и показатели рождаемости были еще достаточно высоки. Следовательно такая ситуация могла стать следствием роста показателей смертности.

С целью скрыть катастрофические демографические потери в 1939 г. была проведена новая Всесоюзная перепись, в ходе которой данные о численности населения страны в угоду власти были фальсифицированы. Перепись учла на территории СССР 170,5 млн чел., РСФСР – 109,4 млн чел. [3, с. 240].

Для определения подлинных данных численности населения страны в 1939 г. особую важность имеют два секретных письма адресованных Сталину и Молотову. В обоих письмах приводится один и тот же результат переписи 1939 г. – 167,3 млн чел. [6, с. 7].

Расхождение с официальным итогом переписи составляет 3,2 млн чел. В этой связи возникает вопрос о том, вся ли приписка является необоснованной. По мнению Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковской, оправданная поправка составляет 0,4% [1, с. 38]. Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская и И. Н. Киселев полагают, что более вероятной может быть поправка в 0,2%, то есть 0,3 млн чел. Тогда полная численность населения на январь 1939 г. составит 167,6–167,7 млн чел., а преднамеренная фальсификация – 2,8–2,9 млн чел., или 1,7% [6, с. 12]. Такого же мнения придерживается и А. Г. Волков, соглашаясь с В. В. Цаплиным и оценивая переучет в результатах переписи 1939 г. в 1-2 млн чел., считая его преднамеренным [2, 8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что хотя фальсификация общего итога численности населения страны имела место в переписи 1939 г., она была незначительна по своей величине. При анализе демографических процессов материалами ее можно пользоваться, но при условии необходимой коррекции.

Если корректировка общей численности населения СССР привлекала в последнее время внимание исследователей, то вопрос о численности населения РСФСР и ее отдельных регионов оставался практически неизученным. Безусловно, общий коэффициент приписки коснулся и России, но при этом необходимо учесть, что этот коэффициент был неодинаковым для отдельных территорий в ее составе. В то же время процент приписки по России можно определить довольно точно, поскольку в архивах, прежде всего в Российском государственном архиве экономики, сохранились черновые документы, в которых в абсолютных цифрах показана приписка по всем регионам.

За счет приписки численность населения РСФСР было преднамеренно увеличена на 2,5 млн чел. За вычетом заключенных и военнослужащих, приписка составила 1,7 млн чел., при этом процент обоснованной поправки можно снизить до 0,1 для всего населения России. В результате коррекции действительное население РСФСР насчитывало в 1939 г. 107,9 млн чел. против официально объявленного итога в 109,4 млн чел., то есть необоснованная приписка составила 1,6% [4, с. 50–51].

Несколько сложнее определить размеры приписки и масштабы фальсификации данных переписи для отдельных регионов России. Учитывая механизм приписки и черновые материалы переписи, В. Б. Жиромской была определена подлинная численность населения отдельных районов и автономий России и величина необоснованной приписки. В районах, где отсутствовали особо экстремальные условия, средняя величина приписки

по оценкам автора составила 2,1%. В районах же массового выселения жителей, повышенной смертности в результате голода, к которым можно отнести Кубань и Ставрополье ситуация была иной. Процент приписки здесь резко повышался и колебался в пределах от 2,3 до 10% в целях сокрытия большей убыли населения [4, с. 51].

Основываясь на методике расчета, предложенной В. Б. Жиромской и используя официальные результаты переписи 1939 г. по Кубани и Ставрополью, а также входивших в их состав Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областей, мы попытались определить достоверную численность населения данных территорий и возможные размеры приписки.

Общий процент приписки по Кубани и Ставрополью приближается к показателям тех регионов, где убыль населения была более значительной. В то же время в Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областях он несколько ниже. В районах Кубани и Ставрополья более высокий процент приписки объясняется тем, что население здесь в большей степени пострадало вследствие коллективизации, раскулачивания и голода начала 1930-х гг.

Сами организаторы переписи при анализе динамики численности населения отдельных областей и республик разделили все области на группы. Кубань и Ставрополье были отнесены к группе, включающей сельскохозяйственные районы «с неблагоприятными показателями естественного движения населения и относительно большим по сравнению с другими областями процентом выселенных за пределы области кулацких элементов». Это сельскохозяйственные области Украины (кроме Донбасса), Казахстан, Курская, Саратовская, Куйбышевская области, АССР немцев Поволжья, Азово-Черноморский край, русские районы Северного Кавказа, частично Воронежская и Сталинградская области [5, с. 42]. Именно эти районы оказались в большей степени затронуты голодом и репрессиями. Помимо прямой убыли населения вследствие смертности и в результате механического оттока, данные события отразились на показателях рождаемости, которые в конце 1920-х – начале 1930-х гг. также стали снижаться.

Согласно данным переписи 1939 г. население Краснодарского края с Адыгейской АО составляло 3172674 чел., без учета АО в крае насчитывалось 2930875 чел. Полученные с помощью перерасчетов цифры наглядно демонстрируют убыль населения в Краснодарском крае к 1939 г. Это подтверждается сравнением материалов переписей 1937 и 1926 гг. Так если в 1926 г. население Кубани насчитывало 2982168 чел. (без автономии), то в 1937 г. – 2881262 чел. (убыль составила 100906 чел., или 3,4% к 1926 г.), а в 1939 г. – 2934000 чел. согласно данным переписи и 2865046 чел. по скорректированной численности. В итоге убыль составила соответственно 1,6% в официальных данных и 3,9% в отношении скорректированной численности¹.

Население Орджоникидзево (Ставропольского) края в 1939 г. с учетом входивших в него Автономных областей – Карачаевской и Черкесской насчитывало 1950887 чел., численность жителей территорий, которые составили Ставропольский край, насчитывала 1707363 чел. с населением автономных областей и 1464162 чел. без них. В Карачаевской и Черкесской автономиях переписью было учтено 150303 и 92898 жителей соответственно. Всего в пределах автономных территорий проживало 243201 тыс. чел. Согласно скорректированной численности, население автономий на 1939 г. составляло 238776 чел. В том числе 147513 чел. в Карачаевской и 91263 чел. в Черкесской автономной области².

Если на Кубани, согласно скорректированным данным, наблюдалась очевидная убыль, то численность населения Ставрополья с 1926 г. по 1939 г. выросла. Однако прирост, хотя и произошел в межпереписной период, но был незначительным. За 13 лет население Ставрополья увеличилось в абсолютных цифрах на 38269 чел., или на 2,7% по

¹ Рассчитано по: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 967–969.

² Рассчитано по тем же источникам.

отношению к скорректированной численности и на 69788 чел., или на 5% по отношению к официальным данным переписи. При таком незначительном приросте, вызванном историческими катаклизмами, численность населения Ставрополья так же не избежала искажения и приписок.

Среднегодовая убыль населения Кубани составляла в межпереписной период 0,1% (относительно официальных данных) и 0,3% (относительно скорректированной численности). Среднегодовой прирост на Ставрополье в межпереписной период был невысоким (0,2 и 0,4% соответственно) при общесоюзном показателе в 1,24%.

Динамика численности населения автономий имела несколько иной характер. Население Адыгейской автономной области в 1926 г. составляло 185391 чел. К 1939 г. оно увеличилось до 237711 чел. Рост составил 128,2%, а прирост 28,2%. Ежегодный прирост, таким образом, составлял 2,2%.

Население Карачаевской и Черкесской автономных областей, имея по данным переписи 1926 г. население 64613 и 36996 чел. (с учетом населения Баталпашинского района – 41632 чел.) к 1939 г. так же увеличилось. За межпереписной период прирост населения автономий составил в абсолютных цифрах 137167 чел., темпы роста составили 166,7%, темпы прироста 66,7%. Ежегодные темпы прироста 12,8%. Такие темпы могут быть объяснены высокими показателями естественного прироста и повышенной миграционной активностью населения.

Таким образом, приписки имели место как в «русских районах» края, так и в национальных автономиях, однако, в автономиях процент приписки был ниже, что можно объяснить тем, что эти территории в меньшей степени подверглись пертурбационным процессам начала 1930-х гг.

Фальсификации, сокрытие от общественности и научного сообщества статистико-демографических данных, а также их нерегулярность и разрозненность в период 1920-1930-х гг. побуждают обратиться при изучении населения к вероятностно-статистическим методам математики, позволяющим моделировать демографические процессы и структуры, определять масштабы демографических потерь и проч. Это особенно актуально в том случае, когда демографические процессы подверглись деформации в результате экстраординарных факторов.

Для оценки вероятной численности населения Краснодарского края 1930-х гг., и соответственно, демографических потерь, связанных с голодом, репрессиями этого периода были применены методы регрессионного анализа и аппарат временных рядов для построения вероятностно-статистической модели зависимости общей численности населения региона от исторического года наблюдения. При построении модели использовались разрозненные статистические данные, как во временном отношении, так и в административно-территориальном. Статистико-временной ряд представлен данными о численности населения региона за 1870–1916, 1920, 1923, 1926, 1937 гг., а также данными о численности населения Северо-Кавказского края в 1926, 1928, 1931, 1933, 1934, 1940 гг. [8, с. 152].

Предварительно исходные данные были пересчитаны в границах Краснодарского края с учетом всех имевших место административно-территориальных изменений.

В качестве инструментария вероятностно-статистического моделирования численности населения использовали статистический пакет прикладных программ STATISTICA 6.1 [9]. Регрессионные модели строили по историческим данным общей численности населения Кубанской и Черноморской областей с 1870 г. по 1916 г. В качестве предиктора использовали условный год, равный разности реального года и начального года наблюдений – 1870 г.

Регрессионными моделями были предсказаны значения общей численности населения с 1917 г. по 1926 г., при этом были известны данные за 1920, 1923, 1926 гг. Возможные значения численности за 1939 г., вычисленные по линейной и квадратичной модели, составили соответственно 4227 и 4538,4 тыс. чел.

Смоделированное значение численности населения на 1939 г. составляет примерно 4044 тыс. человек при 95-процентном доверительном интервале [2404,7; 6800,7]. Это означает, что с вероятностью 0,95 истинное значение численности населения в 1939 г. находится в указанном интервале. С увеличением даты прогноза доверительный интервал возрастает, т.е. чем дальше точка прогноза, тем менее достоверным является его результат. Достоинством модели является то, что тренд предсказанных значений численности населения с 1927 г. в целом верно моделирует тренд исходных значений с 1870 по 1926 г., предсказанная на 1939 г. численность населения, которая составляет примерно 4 млн чел. обладает исторической правдоподобностью. Недостатком является достаточно широкий доверительный интервал [8, с. 154].

Таким образом, посредством различных математических методов при различных уровнях достоверности и степени приближения, нами получено пять предсказанных значений общей численности населения Краснодарского края на 1939 г.: 4227,0; 4538,4; 4044,0; 3952,5; 3619 (тыс. чел.). Не будет ошибкой, если в качестве предполагаемого значения численности населения в 1939 г. воспользуемся средней арифметической по этим пяти вычисленным значениям, которое равно $(4227,0 + 4538,4 + 4044,0 + 3952,5 + 3619,0) / 5 = 4082,18$ (тыс. чел.).

Следовательно, справедливым будет утверждение, что общая численность населения Краснодарского края к 1939 г. при сложившихся темпах прироста и в условиях отсутствия катастроф должна была составить величину не менее 4 млн чел., что наглядно демонстрирует наличие экстраординарных факторов, повлекших существенное сокращение численности населения.

Подводя итог, можно отметить, что с целью сокрытия демографических потерь советское руководство широко использовало приемы фальсификации данных. Существенный разрыв между смоделированной и фактической численностью населения Кубани и Ставрополя позволяет говорить о значительных масштабах прямых и косвенных потерь в регионе вследствие голода начала 1920-х гг. и 1932–1933 гг., индустриализации и коллективизации, раскулачивания, принудительного переселения сотен тысяч жителей за пределы региона, репрессий и депортаций представителей отдельных народов. К тому же данные процессы пришлись на начало демографического перехода в России. Последствия этих процессов продолжают сказываться на демографическом развитии региона и сегодня.

© Ракачев В. Н. Тест. 2016

Список источников

1. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России. 1927–1957. М. : Информатика, 1998. 187 с.
2. Волков А. Г. Перепись населения 1937 года. Вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. Ч. 2. Вып. 3-5. – М., 1990. – С. 6–63. – (История статистики)
3. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. – М. : Наука, 1992. – 240 с.
4. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. – М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.
5. Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. – М.: Наука, 1996. – 152 с.
6. Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Полвека молчания. Всесоюзная перепись населения 1937 г. // Социологические исследования. – 1990. – № 6. – С. 3-25.
7. Ракачев В. Н., Халафян А. А. Оценка численности населения Кубани в 1930-1940-е гг. с использованием методов статистического моделирования // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 5. – С. 150-156.

8. Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы. Письмо в редакцию. // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 175-181.

9. Халафян А.А. STATISTICA 6. Статистический анализ данных: изд-е 2-е. – М.: Бином, 2010. – 210 с.

Информация об авторе

Ракачев Вадим Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 251, тел. 8(861)2199501(220), midav.sf@mail.ru

Rakachev V.N.

DEMOGRAPHIC CHANGES ON THE KUBAN AND STAVROPOL TERRITORY IN 1930 .: THE ACCURACY OF THE INFORMATION

The article questions the reliability of statistical data of the 1930s. The results of recalculation of the size of the Kuban and Stavropol population recorded by the census of 1939 in view of the archival documents, including first introduced in the scientific revolution, as well as on the basis of mathematical modeling methods.

Keywords: Demographic changes, the census population of the USSR, probabilistic and statistical modeling, Kuban, Stavropol region.

Information about the author

Rakachev Vadim Nikolaevich - PhD in History, Associate Professor of the Department of Sociology, Kuban State University, 350040, Krasnodar, Stavropolskay st. 149, tel. 8(861)2199501(220), midav.sf@mail.ru

УДК 314.7(470.54-21)

М.Ю. Тараканов

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА НИЖНИЙ ТАГИЛ В 2000-Х ГОДАХ.

В статье проанализированы особенности миграции населения города Нижний Тагил в 2000–2008 гг. Приводятся данные об изменении миграционной активности, возрастном составе мигрантов, основных направлениях миграционного движения и миграционных связях населения города.

Ключевые слова: население Нижнего Тагила, миграция, направления миграции, миграционные связи

Миграция является одним из важнейших демографических процессов, оказывающих существенное влияние как на численность населения, так и на его качественные характеристики.

В различные временные периоды механическое движение жителей Нижнего Тагила имело свои особенности. Менялся возрастной и половой состав мигрантов, территориальные источники роста населения города, направления миграционных потоков и т.д. Обладал своими специфическими чертами и период 2000-х гг.

Наблюдавшаяся в 1990-х гг. тенденция снижения миграционной активности населения Нижнего Тагила сохранялась в городе до 2004 г. В 2003 г. показатель миграционного оборота опустился до минимального уровня – в 5772 чел., что было

связано с сокращением числа как ежегодных выбытий из города, так и прибытий в город (табл. 1). Если в 1990 г. в Нижний Тагил приехало 11566 чел., то в 2003 г. уже в 3,7 раза меньше. Отток мигрантов из города за аналогичный период снизился ещё сильнее – в 4,4 раза, что обеспечило в 2000, 2001 и 2003 гг. положительное сальдо миграции.

С 2004 г. преобладающей тенденцией стала тенденция роста как абсолютных, так и относительных показателей миграционной активности населения (рис. 1). Так, например, коэффициент миграционной подвижности к 2008 гг., по сравнению с 2003 г., вырос на 20,1% – с 14,9 до 17,9‰.

Таблица 1

Общие размеры миграции населения г. Н. Тагил в 1990 - 2008 гг., чел.*

Год	Прибыло	Выбыло	Сальдо	Оборот
1990	11566	11755	-189	23321
1991	9640	10208	-568	19848
1992	7083	8482	-1399	15565
1993	6328	8023	-1695	14351
1994	6937	7178	-241	14115
1995	6688	7038	-350	13726
1996	5596	5277	319	10873
1997	4375	4883	-508	9258
1998	3964	4524	-560	8488
1999	3609	4164	-555	7773
2000	4028	3811	217	7839
2001	3713	3393	320	7106
2002	2648	3584	-936	6232
2003	3084	2688	396	5772
2004	2957	3509	-552	6466
2005	2678	3441	-763	6119
2006	3046	3276	-230	6322
2007	3146	3375	-229	6521
2008	3393	3312	81	6705

* Составлено и рассчитано по данным из Нижнетагильского городского исторического архива (НТГИА). Ф. 128. Оп. 1. Д. 566. Л. 85; Д. 708. Л. 49; Д. 765. Л. 54; Д. 835. Л. 68; Д. 910. Л. 58; Д. 957. Л. 6; Д. 1061. Л. 59).

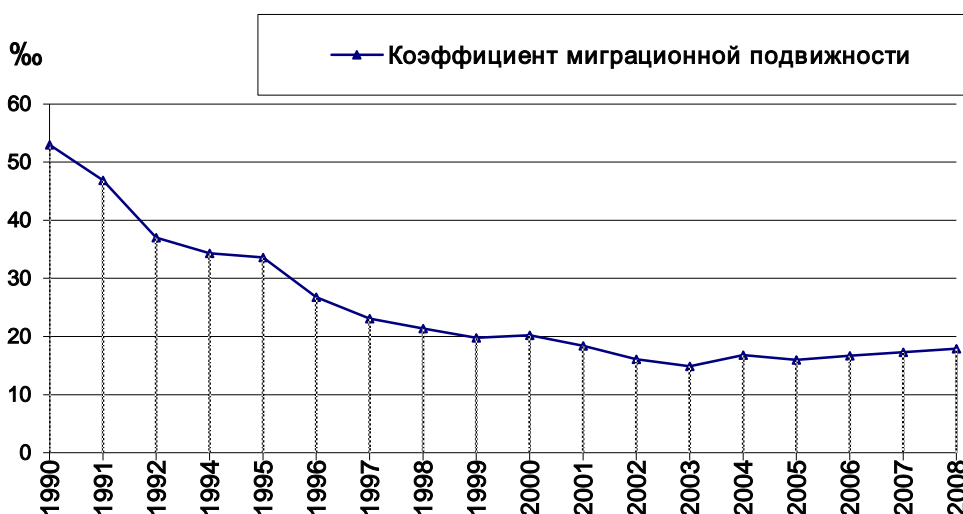

Рис. 1. Миграционная подвижность населения г. Нижний Тагил в 1990–2008 гг. (сост. и рассч. по: [2, с. 21; 5, с. 99; 7, с. 15; 6, с. 27] и материалам из Нижнетагильского городского исторического архива (НТГИА). Ф. 128. Оп. 1.3. . 566. Л. 85; Д. 708. Л. 48; Д. 765. Л. 54; Д. 835. Л. 67; Д. 859. Л. 56; Д. 910. Л. 58; Д. 957. Л. 6; Д. 1029. Л. 59; Д. 1061. Л. 59)

Как и в последнем десятилетии XX в., в 2000-х гг. ведущим направлением миграционного движения населения г. Н.Тагил оставалось направление «город – город». Среди переселенцев, прибывших в его пределы в 2001, 2003–2006 и 2008 гг., более 60% составляли горожане. Выбывали тагильчане, главным образом, в городские поселения (табл. 2). Однако интенсивность миграционного обмена населением с сельской местностью в 2000-х гг. постепенно увеличивалась. За 7 лет удельный вес прибытий в город из сельских населенных пунктов вырос на 28,4%, а выбытий из Нижнего Тагила в сельскую местность на 48%.

Таблица 2

Основные направления миграционного движения населения г. Нижний Тагил в 2001–2008 гг., %*

Год	Прибыло		Выбыло	
	Из городов	Из сельских местностей	В города	В сельские местности
2001	69,0	31,0	75,0	25,0
2003	69,9	30,1	72,7	27,3
2004	71,9	28,1	75,5	24,5
2005	63,2	36,8	64,5	35,5
2006	62,4	37,6	67,0	33,0
2008	60,2	39,8	63,0	37,0

* Рассчитано по данным материалов из Нижнетагильского городского исторического архив (НТГИА). Ф. 128. Оп. 1. Д. 883. Л. 99; Д. 929. Л. 4; Д. 957. Л. 6; Д. 985. Л. 1; Д. 1015. Л. 5; Д. 1065. Л. 3.

Миграционный обмен населением с другими городами для Нижнего Тагила складывался не в его пользу. Только за 2004–2006 гг. численность тагильчан из-за превышения числа выбывших в другие городские поселения над числом прибывших из них сократилась на 1059 человек (по данным материалов из Нижнетагильского городского исторического архив (НТГИА). Ф. 128. Оп. 1.3. Д. 957. Л. 6; Д. 985. Л. 1; Д. 1015. Л. 5). В отдельные годы механическую убыль населения Нижнему Тагилу удавалось уменьшать благодаря положительному сальдо миграции с сельской местностью.

Возрастная структура переселенцев в Нижнем Тагиле в 2000-х гг. продолжила меняться волнообразно. Тенденция сокращения удельного веса мигрантов в возрасте до 16 лет, наметившаяся в 1996 г., наблюдалась в городе по 2005 г. включительно (табл. 3). По сравнению с 1995 г. к 2005 г. их доля в составе прибывших уменьшилась в 1,9 раза, а в составе выбывших – в 2,6 раза. С 2006 г. удельный вес возрастной группы 0–15 лет вновь начал увеличиваться, первоначально в составе выбывающих из Нижнего Тагила, а в 2007–2008 гг. вырос до уровня 1993 г. и в составе прибывающих в него.

Таблица 3

Возрастной состав мигрантов г. Нижний Тагил в 1990–2008 гг., %*

Год	Прибыло в возрасте		Выбыло в возрасте		Сальдо	
	0-15 лет	16 лет и старше	0-15 лет	16 лет и старше	0-15 лет	16 лет и старше
1990	12,9	87,1	12,9	87,1	-10,1	-89,9
1991	11,5	88,5	12,5	87,5	-29,6	-70,4
1992	13,7	86,3	14,2	85,8	-16,3	-83,7
1993	16,3	83,7	15,7	84,3	-13,6	-86,4
1994	17,6	82,4	18,2	81,8	-33,6	-66,4
1995	21,3	78,7	19,8	80,2	9,4	-109,4
1996	17,3	82,7	15,2	84,8	52,0	48,0
1997	17,0	83,0	15,9	84,1	-6,5	-93,5
1998	13,8	86,2	14,1	85,9	-16,3	-83,7
1999	13,9	86,1	14,3	85,7	-16,4	-83,6
2000	14,3	85,7	14,2	85,8	15,7	84,3
2001	13,2	86,8	11,1	88,9	65,0	35,0
2002	12,8	87,2	8,9	91,1	2,2	-102,2

Год	Прибыло в возрасте		Выбыло в возрасте		Сальдо	
	0-15 лет	16 лет и старше	0-15 лет	16 лет и старше	0-15 лет	16 лет и старше
2003	12,2	87,8	9,8	90,2	28,5	71,5
2005	11,2	88,8	7,6	92,4	5,0	-105
2006	11,0	89,0	7,7	92,3	36,5	-136,5
2007	16,7	83,3	8,2	91,8	108,3	-208,3
2008	16,5	83,5	8,4	91,6	346,9	-246,9

*Составлено и рассчитано по данным материалов из Нижнетагильского городского исторического архив (НТГИА). Ф. 128. Оп. 1. Д. 566. Л. 85; Д. 708. Л. 49; Д. 765. Л. 54; Д. 835. Л. 68; Д. 910. Л. 58; Д. 957. Л. 6; Д. 1061. Л. 59.

Сальдо миграции в 2000–2001 гг. и в 2003 г. носило положительный характер как для детей и подростков, так и для более старших возрастов. В 2000 и 2005–2008 гг. в Нижнем Тагиле при общей механической убыли населения число лиц, относящихся к возрастной группе 0-15 лет, за счет миграции увеличивалось. Так, например, за 2007 г. оно выросло на 248 чел., а в 2008 г. – на 281 чел.

Анализ миграционных связей населения Нижнего Тагила показывает, что в 2000-х гг., как и в 1990-х, наиболее активный обмен мигрантами у города происходил с населенными пунктами Российской Федерации (табл. 4). В указанные в таблице 4 годы на их долю приходилось от 85,2 до 96,8% выбывших из Нижнего Тагила и от 78,5 % до 95% мигрантов, прибывших в его пределы.

Большая часть из перемещений внутри Российской Федерации приходилась на внутрорегиональную миграцию (в пределах Свердловской области). Если в 1997 и 2001 гг. к ней относилось более 40% всех переездов, то в 2003, 2005 и 2008 гг. – уже более половины. Основные миграционные потоки в Нижний Тагил были направлены, прежде всего, из Пригородного района, а также городов Алапаевск, Березовский, Ирбит и Североуральск; из Нижнего Тагила – в Екатеринбург, Кировград, Асбест, Верхнюю Пышму. Иными словами, преимущественно мигрировали в Нижний Тагил из северных районов области, а из Нижнего Тагила – в южные районы (по данным материалов из Нижнетагильского городского исторического архив (НТГИА). Ф. 128. Оп. 1. Д. 883. Л. 99).

Таблица 4

Миграционные связи г. Нижний Тагил в 1997, 2001, 2003, 2005 и 2008 гг., %*

Откуда прибыли и куда выбыли	1997		2001		2003		2005		2008	
	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло
Российская Федерация	80,9	85,2	87,2	89,8	95,0	92,2	93,4	93,8	78,5	96,8
в т.ч.										
внутрирегиональная миграция	48,2	43,1	52,7	46,2	56,4	52,5	59,3	60,9	51,0	60,8
межрегиональная миграция	32,7	42,1	34,5	43,6	38,6	39,7	34,1	32,9	27,5	36,0
Международная миграция	19,1	14,8	12,8	10,2	5,0	7,8	6,6	6,2	21,5	3,2
в т.ч.										
страны СНГ и Балтии	18,6	6,2	12,0	3,1	4,4	2,1	6,1	2,3	20,6	1,5
другие зарубежные страны	0,5	8,6	0,8	7,1	0,6	5,7	0,5	3,9	0,9	1,7

* Составлено и рассчитано по данным материалов из Нижнетагильского городского исторического архив (НТГИА). Ф. 128. Оп. 1. Д. 883. Л. 99; Д. 929. Л. 4; Д. 985. Л. 1; Д. 1065. Л. 3.

Чаще всего, в 2000-х гг. сальдо по внутрирегиональной миграции для города было отрицательным. Наиболее значительная миграционная убыль была зафиксирована в 2005 г., когда она составила 507 чел. (66,4% от общей механической убыли за год) (рассчитано по данным материалов из Нижнетагильского городского исторического архив (НТГИА). Ф. 128. Оп. 1. З. Д. 985. Л. 1).

Еще стабильнее, но в меньших масштабах сокращал население Нижнего Тагила неэквивалентный обмен мигрантами с другими областями Российской Федерации, в результате которого только за 2003–2006 гг. численность жителей города сократилась на 498 чел. (рассчитано по данным материалов из Нижнетагильского городского исторического архив (НТГИА). Ф. 128. Оп. 1. Д. 929. Л. 4; Д. 957. Л. 6; Д. 985. Л. 1; Д. 1015. Л. 5).

В 2000-х гг., по сравнению с 1990-ми, заметно снизилось влияние на население Нижнего Тагила международной миграции. Несмотря на то что до 2004 г. объемы миграционного обмена города как с другими населенными пунктами в пределах России, так и с зарубежными странами уменьшались параллельно, объемы международной миграции сокращались заметно быстрее. В результате чего ее удельный вес в общем миграционном обороте населения Нижнего Тагила за 1994–2003 гг. снизился в 3,2 раза (табл. 5). Еще сильнее доля миграционного оборота с зарубежными странами в валовой миграции сократилась к 2006 г. – до 5,6%.

Особенно резко уменьшился миграционный обмен со странами СНГ и Балтии. За 1994–2004 он сократился в 15 раз. С другими зарубежными странами за аналогичный период миграционный оборот снизился в 1,9 раза.

Уменьшение объемов миграционного обмена населением со странами СНГ и Балтии, наблюдавшееся в начале 2000-х гг. не только в Нижнем Тагиле, но и в Российской Федерации в целом связывают с несколькими причинами, одни из которых повлияли на уменьшение оттока населения из страны, а другие – на его приток.

Таблица 5

Вклад международной миграции и миграционного оборота в пределах России в общий миграционный оборот населения г. Нижний Тагил (1994–2008 гг.)*

Показатель	Год							
	1994	1997	2001	2003	2004	2005	2006	2008
Миграционный оборот в пределах России (чел.)	10449	8053	6287	5605	6047	5728	5965	5869
Миграционный оборот с зарубежными странами (чел.)	2703	1618	819	389	419	391	357	836
<i>в т.ч.</i>	<i>2193</i>	<i>1138</i>	<i>547</i>	<i>189</i>	<i>146</i>	<i>245</i>	<i>258</i>	<i>750</i>
<i>со странами СНГ и Балтии</i>	<i>510</i>	<i>480</i>	<i>272</i>	<i>200</i>	<i>273</i>	<i>146</i>	<i>99</i>	<i>86</i>
<i>с другими зарубежными странами</i>								
Удельный вес международной миграции в общем миграционном обороте (%)	20,6	17,5	11,5	6,5	6,5	6,4	5,6	12,5

* Составлено и рассчитано по данным материалов из Нижнетагильского городского исторического архив (НТГИА). Ф. 128. Оп. 1. Д. 883. Л. 99; Д. 929. Л. 4; Д. 957. Л. 6; Д. 985. Л. 1; Д. 1015. Л. 5; Д. 1065. Л. 3.

Причин снижения миграционного оттока из России в государства нового зарубежья две. Первая причина – практически был исчерпан потенциал этнической миграции титульных народов стран СНГ и Балтии из России, вторая причина – неоднозначное социально-экономическое развитие и политические изменения в странах СНГ, которые

сдерживают миграционный поток из России в эти государства [1, с. 150].

Снижение миграционных потоков из стран СНГ в Российскую Федерацию объясняется нормализацией политической обстановки на постсоветском пространстве и формированием относительно стабильной русской диаспоры в ряде новых независимых государств, затянувшимся решением вопросов обустройства мигрантов, переехавших в Россию в 1990-е гг., проведением в 2002 г. крупной законодательной реформы в Российской Федерации. В частности, вступил в силу Федеральный закон №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г., который ужесточил правила въезда иностранных граждан, изменил порядок получения российского гражданства. В результате, Россия ограничила переселение бывших своих соотечественников на историческую родину [4, с. 99].

С 2005 г. абсолютные показатели миграционного обмена населением Нижнего Тагила со странами СНГ и Балтии вновь стали увеличиваться и к 2008 г. выросли в 5,1 раза по сравнению с 2004 г. Основную роль в этом, видимо, сыграли как улучшение социально-экономического положения в стране, в том числе и в Нижнем Тагиле, так и увеличение масштабов учитываемой международной миграции.

Благодаря тому, что пребывало в Нижний Тагил в 2000-х гг. из стран СНГ и Балтии больше мигрантов, чем выбывало в обратном направлении (исключением был 2004 г.), весомое отрицательное сальдо миграции по перемещениям внутри России частично, а иногда и полностью компенсировалось миграционным приростом населения из бывших союзных республик. За счет положительной разницы между числом прибывших в город из стран ближнего зарубежья и числом выбывших из него в эти регионы в 2006 г. механическая убыль в Нижнем Тагиле снизилась на 140 чел., а в 2008 г. был достигнут механический прирост населения (по данным материалов из Нижнетагильского городского исторического архив (НТГИА). Ф. 128. Оп. 1. Д. 1015. Л. 5; Д. 1065. Л. 3).

Миграционный обмен со странами дальнего зарубежья в 2000-х гг. стабильно приводил к снижению численности населения города. Однако так как абсолютные показатели выбытия тагильчан за пределы бывшего СССР практически ежегодно снижались, а показатели прибытия были достаточно стабильны (колебались в диапазоне от 31 до 12 чел.), то отрицательное сальдо миграции также от года к году уменьшалось и за 2001–2008 гг. снизилось в 14,2 раза (с 341 чел. до 24 чел.).

Подводя итог, следует отметить, что в 2000-х гг. в механическом движении населения Нижнего Тагила наблюдались как тенденции, характерные для 1990-х гг., так и новые, наметившиеся только во второй половине десятилетия. На протяжении всего рассматриваемого периода ведущим направлением миграционного движения населения Нижнего Тагила оставалось направление «город – город», наиболее активный обмен мигрантами у города происходил с населенными пунктами Российской Федерации и, прежде всего, Свердловской области, уменьшался миграционный оборот со странами дальнего зарубежья. До середины 2000-х гг. сохранялись тенденции снижения миграционной активности населения и показателей миграционного оборота со странами СНГ и Балтии, во второй половине десятилетия сменившиеся на противоположные. В 2005–2008 гг. возросла интенсивность миграционного обмена населением Нижнего Тагила с сельской местностью. Новым явлением, нетипичным для предшествующего десятилетия, стал стабильно положительный характер сальдо миграции для возрастной группы 0-15 лет.

© Тараканов М. Ю. Текст. 2016

Библиографический список

1. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян, и др. – М. : Экономика, Научный эксперт, 2007.

2. Демографический ежегодник СССР. 1990 : стат. ежегодник. М. : Росстат, 1990.
4. Оруджиева А. Г. Трансформация потоков и основные проблемы интеграции Уральского Федерального округа в международный рынок труда // Вопросы управления. – 2011. – №3.
5. Российский статистический ежегодник. 2002: стат. сб. – М. : Росстат, 2002.
6. Свердловская область в 1993-1997 годах : стат. сб. – Екатеринбург, 1998.
7. Свердловская область в цифрах. 1986–1990 годы : стат. сб. – Екатеринбург, 1991.

Информация об авторе

Тараканов Максим Юрьевич (г. Нижний Тагил, Россия) – кандидат исторических наук, доцент кафедры общенаучных дисциплин, Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский государственный университет путей сообщения» в г. Нижнем Тагиле (622013, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 4; e-mail: katar.mik@rambler.ru).

Tarakanov M.Yu.

DEMOGRAPHIC FEATURES OF THE POPULATION IN THE TOWN OF NIZHNIY TAGIL IN THE 2000S.

The article deals with the analysis of the specifics of the population changes in the town of Nizhniy Tagil in within 2000 -2007. The author presents the data about the changes in the migration activity, age structure of the migrants, main directions and migration connections of the population in the town.

Keywords: the population of Nizhniy Tagil, migration, migration directions, migration connections.

Information about the author

Tarakanov Maxim Yuryevich (Nizhniy Tagil, Russia) – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Chair of General Scientific Disciplines, Nizhniy Tagil Branch of Ural State University of Railway Transport (4, Krasnogvardeyskaya St., Nizhniy Tagil, Sverdlovsk region, 622013, Russia; e-mail: katar.mik@rambler.ru).

УДК 93/94

С.Н. Уваров

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОЖДАЕМОСТИ В УДМУРТИИ В 1980-Е ГГ.¹

На основе материалов текущей статистики рассматриваются особенности рождаемости в 1980-е гг. русских, удмуртов, татар Удмуртии. Выявленные тенденции позволяют утверждать, что рождаемость можно использовать как определенный показатель отношения населения к происходившим в стране переменам.

Ключевые слова: этнодемографические процессы, население, рождаемость, Удмуртия

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Исследование этнодемографического развития Удмуртии в XX – начале XXI века в целях сохранения полиэтнического многообразия и этнополитической стабильности» №16-11-18005.

Показатели рождаемости могут о многом рассказать ученым, поэтому ее изучение вызывает большой исследовательский интерес. При относительно хорошо изученных демографических процессах в России в целом или ее регионах в частности, не так подробно исследованы особенности рождаемости отдельных народов. Вероятно, это объясняется тем, что для анализа этнодемографических процессов обычно прибегают к материалам переписей. Конечно, они содержат важную для этнодемографии информацию, однако не позволяют отследить естественное демографическое движение той или иной национальности. Поэтому некоторые исследователи заявляют о том, что проследить с максимальной точностью динамику этнической рождаемости, смертности, детности, брачности по переписям не представляется возможным, а текущей статистики, отражающей эти процессы, нет [5, с. 199]. Согласиться с этим утверждением можно лишь отчасти. В действительности текущая статистика, учитывавшая воспроизводство населения по национальностям, в 1920-е – 1930-е гг. и как минимум с 1958 г. все-таки велась (в некоторые годы учитывались и межэтнические браки (см. напр. [6, 8]). К примеру, подобные сведения отложились в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (фонд Р-845, опись 7). Соответственно, они показывают этнические особенности естественного движения населения в республике. Интересно, что ученые, занимающиеся изучением этнодемографических процессов в Удмуртии (см. напр. [2, 3, 9]), с ними, похоже, также не знакомы.

Рассмотрим этнические особенности рождаемости в Удмуртии в 1980-е гг. Данное десятилетие вместило в себя немало крупных событий, предшествовавших распаду СССР. Логично предположить, что население по-своему на них реагировало. Только за 1981 г. сведения о родившихся по национальному признаку отсутствуют, за остальные годы данные имеются. Поскольку по переписи 1979 г. на долю русских, удмуртов и татар пришлось 97,1 % от всего населения, проживавшего в республике [1], в статье рассматривается рождаемость лишь этих этносов. При этом уточним, что национальность родившегося статистическими органами определялась по национальности матери.

Анализируя этнические особенности рождаемости, можно отметить, что до 1983 г. рождаемость среди всех рассматриваемых народов стабильно росла. Правда, русских и татар в 1982 г. включительно в сельской местности родилось уже меньше по сравнению с 1980 г., но это падение было перекрыто за счет городских поселений (табл.). 1983 г. в рассматриваемый период дал наибольшую прибавку всем этносам. Учитывая 9-месячный срок, необходимый для вынашивания, можно констатировать, что максимальное количество зачатий в 1980-е гг. пришлось на 1982 г., когда закончилось многолетнее правление Л. И. Брежнева и к власти пришел Ю. В. Андропов. Очевидно, с новым правителем население связывало определенные надежды. Однако свою роль в пиковой рождаемости наверняка сыграло и принятие Продовольственной программы 1982 г., усиление внимания к селу. Подтверждением служит тот факт, что у всех народов прирост рождаемости в сельской местности в 1983 г. был намного выше, чем в городах.

В 1984 г. число родившихся у русских и удмуртов существенно снизилось, особенно заметно это было у русских в городах, где рождаемость упала по сравнению с предшествующим годом почти на 8 %. Рождаемость у татар в Удмуртской АССР в 1984 г. осталась практически на прежнем уровне. В 1985 г. родилось младенцев меньше у русских и татар, у удмуртов же их наоборот появилось больше.

Таблица

Сведения о родившихся (без мертворожденных) по национальностям
в Удмуртской АССР, чел.

Национа	Год	Городские поселения	Сельская местность
---------	-----	---------------------	--------------------

льность		муж.	жен.	всего	рост / убыль всего по отношени ю к предыду щему году, %	муж.	жен.	всего	рост / убыль всего по отношени ю к предыду щему году, %
Русские	1980	6000	5698	11698		1567	1508	3075	
	1982	6032	5796	11828	1,1*	1553	1457	3010	– 2,2*
	1983	6623	6491	13114	10,9	1760	1680	3440	14,3
	1984	6211	5833	12044	– 8,2	1678	1604	3282	– 4,8
	1985	5946	5730	11676	– 3,1	1603	1529	3132	– 4,6
	1986	6324	6012	12336	5,7	1796	1601	3397	8,5
	1987	6403	6208	12611	2,2	1696	1642	3338	– 1,7
	1988	6307	5832	12139	– 3,7	1499	1446	2945	– 11,8
	1989	5758	5413	11171	– 8	1535	1433	2968	0,8
	1990	5054	4904	9958	– 10,9	1290	1297	2587	– 12,8
Удмурты	1980	2100	2073	4173		3095	2908	6003	
	1982	2308	2303	4611	10,5	3154	3067	6221	3,6
	1983	2592	2433	5025	9	3541	3486	7027	13
	1984	2471	2303	4774	– 5	3286	3190	6476	– 7,8
	1985	2492	2357	4849	1,6	3411	3197	6608	2
	1986	2536	2463	4999	3,1	3536	3381	6917	4,7
	1987	2688	2590	5278	5,6	3545	3300	6845	– 1
	1988	2475	2416	4891	– 7,3	3152	2960	6112	– 10,7
	1989	2208	2183	4391	– 10,2	2842	2761	5603	– 8,3
	1990	2030	1951	3981	– 9,3	2610	2500	5110	– 8,8
Татары	1980	768	751	1519		130	158	288	
	1982	872	814	1686	11	137	137	274	– 4,9
	1983	972	926	1898	12,6	156	160	316	15,3
	1984	959	927	1886	– 0,6	168	155	323	2,2
	1985	918	866	1784	– 5,4	158	148	306	5,3
	1986	1048	974	2022	13,3	170	147	317	3,6
	1987	1053	942	1995	– 1,3	134	162	296	– 6,6
	1988	998	940	1938	– 2,9	133	144	277	– 6,4
	1989	884	826	1710	– 11,8	150	128	278	0,4
	1990	825	753	1578	– 7,7	114	106	220	– 20,9

* рост / убыль рассчитаны по отношению к 1980 г.

Сост. по: Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 388. Л. 85–86об; Д. 408. Л. 58–59об; Д. 417. Л. 51–52об; Д. 427. Л. 59–60об; Д. 438. Л. 56–57об; Д. 446. Л. 54–55об; Д. 454. Л. 39–40об; Д. 461. Л. 7–8; Д. 468. Л. 8–9; Д. 475. Л. 14–15.

Однако уже в 1986 г. рождаемость повысилась у всех трех народов. Увеличение было довольно значительным: у русских – на 5,7 % в городах и 8,5 % в сельской местности, у удмуртов – 3,1 % и 4,7 % соответственно, у татар – 13,3 % и 3,6 % соответственно. 1986 г. был вторым пиком в 1980-е гг. после 1983 г. Можно, конечно, связать новый рост с начавшейся антиалкогольной кампанией, которая благоприятно отразилась на демографическом развитии. Однако как было показано в ряде исследований общероссийского (см. напр. [4]) и регионального масштаба (см. напр. [7]), борьба с пьянством привела к существенному сокращению смертности, а о ее прямом влиянии на

рождаемость не говорится. Такой авторитетный ученый в области проблем алкоголизма и борьбы с ним, как А. В. Немцов, оставляет без внимания связь антиалкогольной кампании М. С. Горбачева и рождаемость (см. напр. [4]). Поэтому и здесь, вероятнее всего, свою роль сыграли надежды, которые подарил населению «молодой» генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

В 1987 г. рождаемость повысилась у русских в городах на 2,2 %, а в сельской местности – понизилась на 1,7 %, целом она увеличилась на 1,4 %. У удмуртов в этом году тенденции были такими же: в городах рождаемость увеличилась на 5,6 %, а на селе понизилась на 1 %. Увеличение составило 1,7 % в целом. У татар наблюдалось снижение и в городах (1,3 %), и в сельской местности (6,6 %).

В 1988 г. началось обвальное сокращение рождаемости, что стало, скорее всего, результатом разочарования в политике перестройки. Сильнее всего она уменьшилась у удмуртов и русских. 1989 г. дал противоречивые результаты: в городах у всех сокращение было по-прежнему значительным, а в сельской местности у русских и татар наблюдался даже небольшой рост. В 1990 г. уже у всех этносов младенцев появлялось на свет гораздо меньше, чем в предыдущий год. Особенно мало их родилось у татар в сельской местности: сокращение здесь составило 20,9 %. К концу 1980-х гг. выявились экономические трудности, нарастал пессимизм.

Таким образом, материалы текущей статистики содержат подробную информацию о рождаемости у различных народов. Сходные тенденции у рассмотренных этносов позволяют утверждать, что рождаемость населения можно использовать как определенный показатель его настроений, отношения к происходившим в стране переменам. Остается надеяться, что материалы текущей статистики в будущем будут активнее использоваться учеными.

© Уваров С. Н. Текст. 2016

Список источников

1. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. Удмуртская АССР [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=59.
2. Ежова Н. Н. Рождаемость в Удмуртии и ее этнические особенности // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. – 2014. – № 2. – С. 20-23.
3. Ежова Н. Н., Стрелков Н. С. Исторический очерк демографических процессов финно-угорских народов России за истекшее столетие // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. – 2010. – № 3. – С. 11–14.
4. Немцов А. В. Алкогольная история России. Новейший период. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
5. Сурина М.В. Материалы Всесоюзных переписей населения как источник по изучению этнодемографических процессов на Урале // Историко-педагогические чтения. 2005. № 9. С. 197–200.
6. Уваров С. Н. Межнациональные браки в Удмуртской АССР в 1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2014. – № 4. – С. 133-145. (История Россия)
7. Уваров С. Н. Причины, проведение и результаты антиалкогольной кампании 1985–1988 гг. на Урале // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2016. – № 1. – С. 180-189.
8. Уваров С. Н. Тенденции развития межэтнических браков у удмуртов в XX веке // Демографические процессы на постсоветском пространстве : сб. мат-лов VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред. А. И. Татаркин, А. И. Кузьмин. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2015. – С. 117-124.

9. Чернышева И. В. Этнодемографические процессы в Удмуртской Республике, 1989-1999 гг.: дисс... канд. истор. наук. – Ижевск, 2001. 247 с.

Информация об авторе

Уваров Сергей Николаевич (Россия, Ижевск) – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой, ФГБОУ ВО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия», 426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 11, e-mail: sergey.uvarov@mail.ru

Uvarov S.N.

ETHNIC PECULIARITIES OF FERTILITY IN THE UDMURT REPUBLIC IN THE 1980-IES

On the basis of current statistics examines the characteristics of births in the 1980's, Russian, Udmurt, Tatar, Udmurt Republic. The identified trends allow us to affirm that the birth rate can be used as a definite indicator of people's attitude to the place in the country change.

Keywords: ethno-demographic processes, population, fertility, Udmurtia.

Information about the author

Uvarov Sergey Nikolaevich (Russia, Izhevsk) – Candidate of historical Sciences, head of the Department, Izhevsk state agricultural Academy, 426069, Russia, Izhevsk, Studencheskaya, d. 11, e-mail: sergey.uvarov@mail.ru

УДК 314:911.3(98)

ББК 60.7

В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер

РАССЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА *

Рассмотрены теоретические вопросы расселения населения в АЗРФ, проанализированы изменения системы расселения в 2000-е гг.; показана динамика населения городов Арктики, описаны состояние и перспективы развития поселков городского типа.

Ключевые слова: Арктическая зона, расселение населения, население городов и пгт.

В настоящее время после долгого отсутствия интереса к развитию Арктики ставится задача «нового обустройства Арктики». Переосвоение российской Арктики может считаться результативным, если «будет достигнута, во-первых, сбалансированность изъятия всех видов природных ресурсов и восстановления потенциала окружающей среды... Во-вторых, реальная диверсификация хозяйственной деятельности с учетом развития экономически взаимовыгодных связей с другими территориями страны и зарубежными странами... В-третьих, сбалансированность мест

* Статья подготовлена в рамках Комплексной программы Уральского отделения РАН, проекты № 15-15-7-8 «Города российской Арктики: среда жизнедеятельности и механизм обеспечения хозяйствующих субъектов человеческими ресурсами» (2015-2017 гг.); № 15-19-7-2 «Миграционные процессы на Российском Севере: между ассимиляцией и мультикультурализмом» (2015-2017 гг.).

приложения труда и системы расселения... ..Новое обустройство Арктики требует мощного притока *кадров высокой квалификации*» [4, с. 55, 60].

В последние годы высказываются обоснованные опасения о недостаточной численности населения в районах Севера и Арктики, о непродуманной расселенческой политике. «Для страны с такой громадной слабозаселенной территорией, обладающей колоссальными природными ресурсами, большое значение имеет, как бы важным это ни было, даже не динамика населения, а его расселение, ухудшение которого часто происходит из-за непродуманных управленческих решений. Поэтому России следует... направить усилия и средства на повышение уровня заселенности территории и благоустройства разбросанных по бескрайним просторам населенных пунктов» [8, с. 18-19]. Это, в первую очередь, касается сухопутных территорий Арктики, где необходимо создать среду жизнедеятельности, адекватную роли Арктики в экономических и геополитических интересах России [11].

Вопросы расселения населения в северных регионах России достаточно полно описаны, однако посвященных расселению в Арктике практически нет. Причина может заключаться в том, что опубликованные работы по расселению населения не выделяли арктическую часть, а рассматривали ее в границах Крайнего Севера или Севера в целом. Это объясняется двумя моментами: структуризация северных территорий достаточно сложна и в обыденном сознании грань между арктическими территориями, Заполярьем, Приполярьем и Крайним Севером в составе северного пространства России весьма зыбка; до последнего времени отсутствовала нормативно-правовая база, строго определяющая границы Арктики [3, с. 10-11].

Расселение населения – это процесс размещения людей по обитаемой территории: распределение поселений по территории, людей по поселениям и, наконец, само их расселение в населенных пунктах. То есть в качестве ключевого понятия расселения выступает поселение людей, их место жительства. Расселение тесно связано с интересами и потребностями производства и обусловлено размещением производственных и социальных организаций на той или иной территории. Однако нельзя считать, что рисунок расселения обусловлен лишь производством. Эта зависимость исторически изменчива. В настоящее время все большее понимание вызывает точка зрения, что размещение производства должно учитывать особенности жизнедеятельности населения конкретной территории, качество трудового и демографического потенциалов. В случае с Арктической зоной необходимо учитывать также интересы коренного населения.

Условия освоения Севера и Арктики способствовали созданию как традиционных (стабильных) форм расселения, так и мобильных, где места приложения труда и проживания были разъединены большими расстояниями. В районах с неблагоприятными для постоянного проживания природными условиями создавалась система расселения, включающая базовый многофункциональный город, выполняющий административные, культурные, транспортные и другие функции, и вахтовые поселки с набором бытовых услуг и комфортных условий проживания для сменного персонала. Впервые в крупных масштабах межрегиональная форма вахтово-экспедиционного метода на Тюменском Севере была экспериментально внедрена в Карской нефтегазоразведочной экспедиции в 1974 г., когда регулярно сменявшиеся вахтовые коллективы вылетали на работу из Тюмени на Ямал (поселок Харасавэй) [9, с. 76-78]. Правомерность его очевидна, особенно в первоначальный период освоения месторождений. При обустройстве перспективных месторождений важно изначально определить статус населенных пунктов и региональные нормативы развития социальной сферы. Следует иметь в виду и то, что вахтовый метод освоения не теряет актуальности и сегодня, его применение сопряжено с проблемами профессиональной идентичности [5] и социальными рисками для развития принимающих территорий [6].

Совершенствование системы расселения необходимо увязывать и с расширением военного присутствия России в Арктике. Размещение небольших, но технически

оснащенных и располагающих современными транспортными средствами контингентов военнослужащих на постоянной основе было бы целесообразно не в «чистом поле», а (там, где это возможно) в предельной близости к имеющимся населенным пунктам. Это позволило бы занять часть местного населения производительным трудом по гражданскому обслуживанию военных объектов, организовать питание военнослужащих продуктами местного производства (свежее мясо и рыба), решить проблемы медицинского обслуживания местного населения в особо сложных случаях, использовать в допустимых пределах для местных нужд военную транспортную инфраструктуру [4, с. 57].

В районах Севера и Арктики расселение населения необходимо рассматривать не только как систему населенных пунктов, но и как процесс формирования населения. Одной из проблем расселения остается развитие опорной сети многофункциональных городских поселений, оказывающих непосредственное влияние на процесс формирования населения и стабильность человеческих ресурсов. Комплексное освоение природных ресурсов позволит решить данную проблему [12, 13]. При многофункциональном развитии городов зоны Севера и Арктики возникает реальная основа обеспечения рациональной занятости населения.

На 1 января 2015 г. численность населения сухопутных территорий Арктической зоны составила 2391,6 тыс. чел., или 1,7% населения России. В городах и поселках городского типа проживает 2135,3 тыс. чел. (89,3%), в сельской местности – 256,3 тыс. человек (10,7%). Три арктических региона имеют численность населения свыше 500 тыс.: Мурманская область – 766,3, Архангельская область – 655,1 тыс. чел., и Ямало-Ненецкий АО – 540 тыс. чел.

С 2002 по 2015 гг. население АЗРФ уменьшилось с 2641,3 тыс. чел. до 2391,6 тыс. чел., или на 249,7 тыс., в том числе городское – с 2355,6 до 2135,4 тыс. человек, или на 220,2 тыс. Из восьми российских регионов сухопутных территорий Арктической зоны в шести произошло уменьшение численности населения, а в двух, Ненецком и Ямало-Ненецком АО, численность населения возросла, в том числе и городского. Регионы, входящие в АЗРФ, высокоурбанизированы, доля городского населения составляет в Республике Коми (городской округ Воркута) 99,4%, в Архангельской области – 92,7%, в Мурманской области – 92,6%, в Ямало-Ненецком АО – 83,8% против 74,3% по России в целом. Низкоурбанизированными являются два региона: Республика Саха (Якутия) – 50,4% (по всему населению республики доля городского населения составляет 65,3%) и Чукотский АО – 68,3%.

Для населения сухопутных территорий АЗРФ характерна повышенная доля мужчин по отношению к России в целом. Однако и здесь шло уменьшение доли мужчин в общей численности населения: 2002 г. – 48,5%, 2010 г. – 47,8%, в том числе у городского населения соответственно 48,1% и 47,4%. В разрезе отдельных территорий можно отметить, что если в 2002 г. в трех регионах был отмечен перевес мужчин: Чукотский АО – 52,6%, Республика Саха (Якутия) – 51,0% и Ямало-Ненецкий АО – 50,3%, то в 2010 г. это наблюдалось только в одном, в Чукотском АО – 50,1%. Следует подчеркнуть, что такое соотношение полов не соответствует стратегическим интересам освоения Арктики.

С 1979 г. по 1989 г. численность населения городов сухопутных территорий Арктики увеличилась с 1852 тыс. чел. до 2475 тыс. чел., или на 623 тыс. В последующие годы численность населения городов постоянно сокращалась и составила в 2010 г. 1998 тыс. чел. С 1989 по 2010 гг. сокращение составило 477 тыс. чел. В то же время в 2010 г. численность населения городов АЗРФ была больше ее численности в 1979 г. на 146 тыс. чел.

За рассматриваемый период количество городов постоянно увеличивалось. В 1979 г. в АЗРФ было 26 городов, в 2002 г. – 38, в 2010 г. – 37. Количественно преобладают города с численностью населения до 50 тыс. чел.: в 1979 г. – 18 городов (69,2%), в 1989 г. – 17 (56,7%), в 2002 г. – 27 (71,1%), в 2010 г. – 28 (75,7%). Число городов с

численностью населения 100–250 тыс. человек варьировалось с 3 до 2, а затем с 2 до 4. В АЗРФ расположены два города с численностью населения свыше 250 тыс. чел. (в 1989 г. в их числе был Северодвинск). С 1979 по 1989 гг. средняя людность городов Арктической зоны увеличилась с 71228 чел. до 82508 чел. (на 11 280 чел.), затем она постоянно уменьшалась и составила в 2010 г. 53988 чел. Средняя людность городов с 1989 г. по 2010 г. сократилась на 28520 чел. В России средняя людность городов значительно выше: в 1979 г. – 83031, в 1989 г. – 91080, 2010 г. – 88661 чел. С 1989 г. по 2010 г. она сократилась на 2419 чел., что в 12 раз меньше, чем по городам АЗРФ.

Высокая людность городов Арктики сохраняется благодаря тому, что основная часть их населения проживает в городах с численностью населения более 50 тыс. чел.: в 1979 г. – 76,8%, в 1989 г. – 81,5%, в 2002 г. – 73,1%, в 2010 г. – 71,0%. Незначительная часть населения проживает в малых городах с численностью населения до 10 тыс.: в 1979 г. – 0,3%, в 2010 г. – 1,1%.

Особый статус в расселенческой сети занимают города с численностью населения больше 100 тыс. чел., относимые к большим городам. Их в России на 1 января 2015 г. было 169, из них 6 расположены в АЗРФ. Число жителей сухопутных территорий Арктики, проживающих в городах с численностью населения свыше 100 тыс. чел., уменьшилось с 1258,0 в 1979 г. до 1238,5 тыс. чел. в 2010 г., а их доля – соответственно с 67,9% до 62,0%.

Городов, в разные годы имевших численность населения свыше 100 тыс. чел., всего семь: Архангельск – 350982, Мурманск – 305236, Северодвинск – 186172, Норильск – 176251, Новый Уренгой – 115092, Ноябрьск – 107129, Воркута – 60368 чел. (в 1989 г. – 115329).

Половые диспропорции характерны и для населения городов АЗРФ. Если в целом по населению сухопутных территорий Арктики доля мужчин составляет 47,8%, по городскому населению – 47,4%, то по городам Арктики – 47,1%. Больше всего половые диспропорции характерны для четырех арктических регионов, где на 1000 мужчин приходится женщин: в Архангельской области – 1212, в Республике Коми – 1156, в Мурманской области – 1137, в Ненецком АО – 1118. Абсолютный перевес женского населения составил в 2010 г. 115594 чел.

В системе расселения России, в отличие от подавляющего большинства стран, имеются две категории городских поселений – города и поселки городского типа (пгт). Вторая категория появилась в 1920-х гг. как переходная форма между настоящими городами и сельскими поселениями. Предполагалось, что по мере развития промышленности и других несельскохозяйственных отраслей экономики поселки городского типа будут расти и со временем преобразуются в настоящие города. То есть пгт должны были стать промежуточным звеном на пути преобразования сельских поселений в города [10, с. 10-11]. Жизнь показала несостоятельность такого подхода: большинство пгт так и не стало городами, а были либо преобразованы в сельские поселения, либо прекратили существование.

Развитие городских поселков в АЗРФ подтвердило теоретические положения. С 2002 г. по 2010 г. количество пгт сократилось с 63 до 43, а проживающее в них население – с 256,9 до 175,4 тыс. чел. Больше всего сократилось количество пгт в Чукотском АО (с 13 до 5) при одновременном увеличении средней людности с 1222 до 2004 чел., или на 164,0%. Сократилось количество пгт на 4 единицы в Мурманской области и Ямало-Ненецком АО. Но если в Мурманской области произошло увеличение средней людности на 109,4%, то в Ямало-Ненецком АО она сократилась на 96,4%.

Однако снижение или увеличение средней людности не всегда объективно отражает реальные процессы. В 2002 г. в Ненецком АО было 2 пгт – Искатель с численностью населения 6981 чел. и Амдерма с численностью 650 чел., средняя людность – 3815 чел. В 2010 г. остался один пгт Искатель с численностью населения 6881, а пгт

Амдерма был преобразован в сельский населенный пункт. Формально средняя людность увеличилась на 180,4%, а фактически уменьшилась на 100 чел.

Существует точка зрения, что все пгт, не имеющие перспектив роста и перехода в города, должны быть преобразованы в сельские населенные пункты. Исключение при этом может быть сделано для поселков северных и восточных регионов России, где значение пгт в системах расселения наиболее велико, а также в слабоурбанизированных регионах. Там многие добывающие пгт играют роль организующих центров больших территорий, образуя каркас городского расселения [7]. В соответствии с законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» пгт, расположенные в АЗРФ, могут быть преобразованы в городские округа, в состав которых входят и сельские населенные пункты.

Что необходимо предпринять, чтобы усовершенствовать существующую систему расселения населения в АЗРФ?

Во-первых, нужно определиться с концепцией развития городских поселений Арктики. Это важно сделать по следующим соображениям. Сегодня город (даже крупный), не способен самостоятельно развиваться до такой формы, которая бы предполагала самодостаточность. Современный город по своим возможностям уже не соответствует задачам развития, поскольку он несамодостаточен, неэффективен и нерационален. Изолированный город без продуманной концепции развития вряд ли способен стать единицей развития. Представляется, что таким образованием, такой единицей развития может стать регион, а город – его ядром. При этом регион должен иметь свою питательную среду для запуска программ развития, свои средства для решения проблем [1, с. 40]. В этом плане нам представляется, что такой питательной средой для развития арктических городов может стать сухопутная часть Арктики как единый регион комплексного развития.

Во-вторых, сокращение числа городских и сельских поселений приводит к интенсивному вымыванию населения из межгородского пространства. Малочисленность городов и значительные расстояния между ними ведут к невысокой территориальной подвижности населения; медленной модернизации образа жизни и гораздо худшей адаптации к социально-экономическим изменениям в обширных межгородских пространствах. Это способствовало закреплению тенденции усиления пространственной неравномерности расселения на всех территориальных уровнях. Один из наиболее негативных результатов данной тенденции – пространственное «сжатие», сокращение осваиваемого пространства, и прежде всего – на периферийных территориях всех видов. Таким образом, с одной стороны, происходит концентрация населения в ограниченном числе ареалов, усиливающая поляризацию пространства (стягивание населения и хозяйственной деятельности в наиболее благоприятные для жизнедеятельности ареалы), с другой – сокращение ойкумены [2, с. 32]. Без создания опорной сети поселений не будет нового обустройства Арктики в прямом смысле слова. В то же время никто не отрицает и такое ограничение: на территориях с абсолютно дискомфортными и экстремально дискомфортными климатическими условиями, а также с ограниченными запасами эксплуатируемых природных ресурсов предпочтительнее создавать временные формы расселения.

В-третьих, как и в 1950-х и 1980-х гг., нет однозначной позиции относительно размеров северных, а тем более арктических городов. Нельзя применять один подход к Архангельску и Мурманску, имеющим вековую историю, и к новым городам, созданным на пустом месте: Воркуте, Ноябрьску, Новому Уренгою, Норильску и Северодвинску. Нам представляется, что за исключением Архангельска и Мурманска большая часть арктических городов могла бы выполнять функцию базовых городов.

Список источников

1. Баяндин М. А., Баяндина Г. Д. Формирование и развитие города на этапе модернизации экономики. Теоретико-методологический аспект // Модернизация экономики регионов России: проблемы, ориентиры и факторы развития. Мат-лы Всерос. науч.-практ. Конф. / Под ред. В. В. Пленкиной. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – С. 35-40.
2. Вайнберг Э. Пространство, расселение и модернизация экономики России // Федерализм. – 2013. – № 1 (69). – С. 25-38.
3. Городецкий А. Е., Иванов В. В., Филин Б. Н. Правовые и методические проблемы стратегического планирования развития арктических регионов России // Арктика. Экология и экономика. – 2014. – № 4 (16). – С. 4-13.
4. Лексин В., Порфирьев Б. Новое обустройство Арктики. Вызов и социально-экономический ресурс будущего России // Проблемы теории и практики управления. – 2015. – № 6. – С. 54-60.
5. Лыткина Т. С. Вахта и возможности профессиональной самореализации работников на Российском Севере // Проблемы развития экономики и сферы сервиса в регионе. Мат-лы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (14 марта 2014 г., г. Сыктывкар); в 2 т. – Сыктывкар, 2014. – Т. 2. – С. 107-110.
6. Лыткина Т. С. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар. №3(19). 2014. С. 144-151.
7. Полян П. М. Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. М.: Ин-т географии АН СССР, 1988.
8. Рыбаковский Л. Л. Депопуляция и ее этнические аспекты в России // Социологические исследования. – 2015. – № 4 – С. 18-28.
9. Силин А. Н. О нетрадиционных формах организации труда на Крайнем Севере // Социологические исследования. – 1987. – № 4. – С. 76-78.
10. Симагин Ю. А. Поселки городского типа России. Трансформация сети и особенности населения. – М.: Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН. – 2009. – 244 с.
11. Фаузер В. В. Демографический потенциал северных регионов России – фактор и условие экономического освоения Арктики // Экономика региона. – 2014. – № 4. – С. 69-80.
12. Фаузер В. В., Назарова И. Г., Фаузер Г. Н. Сельское население северного региона: демографические структуры и характеристики расселения // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. – 2012. – № 1. [Электронный ресурс]. URL: koet.syktsu.ru
13. Фаузер В. В., Фаузер Г. Н. Основные тенденции расселения населения в районах Севера // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. – 2013. – № 1. – С. 152-179. [Электронный ресурс]. URL: koet.syktsu.ru

Информация об авторах

1. Фаузер Виктор Вильгельмович (Российская Федерация, Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела социально-экономических проблем, заведующий лабораторией демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН (fauzer@iespn.komisc.ru; <http://vvfauzer.ru>, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, fauzer@iespn.komisc.ru; <http://vvfauzer.ru>, тел. 8 (8212) 44-08-74).
2. Лыткина Татьяна Степановна (Российская Федерация, Сыктывкар) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем

Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН (tlytkina@yandex.ru, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, tlytkina@yandex.ru, тел. 8 (8212) 24-88-84).

3. Фаузер Галина Николаевна (Российская Федерация, Сыктывкар) – научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН (gfauzer@iespn.komisc.ru, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, тел. 8 (8212) 44-08-74).

Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N.

POPULATION SETTLING IN THE RUSSIAN ARCTIC: THEORY AND PRACTICE

The article deals with the theoretical population resettlement issues in the Arctic area of the Russian Federation, the article gives an analysis of changes in settlement system in the 2000s; shows the dynamics of the urban population in the Arctic, describes the condition and prospects of development of urban village.

Key words: Arctic area, settlement, the population of cities and urban village.

Information about the authors

1. Fauzer Victor Vilgel'movich (Syktyvkar, Russia) – PhD, Professor, the head of the department of socio-economic problems and the laboratory of demographic and social management, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre Ural Branch of the Russian academy of sciences (e-mail: fauzer@iespn.komisc.ru; <http://vvfauzer.ru>, 26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, the Komi Republic, Russian Federation, 167982, tel. 8 (8212) 44-08-74).

2. Lytkina Tatyana Stepanovna (Syktyvkar, Russia) – PhD, senior researcher of laboratory of demographic and social management, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre Ural Branch of the Russian academy of sciences (e-mail: tlytkina@yandex.ru, 26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, the Komi Republic, Russian Federation, 167982, tel. 8 (8212) 24-88-84).

3. Fauzer Galina Nikolaevna (Syktyvkar, Russia) – researcher of laboratory of demographic and social management, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre Ural Branch of the Russian academy of sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, the Komi Republic, Russian Federation, 167982, e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru, tel. 8 (8212) 44-08-74).

УДК 314.4.

О.Г. Черезова

СМЕРТНОСТЬ И СТРУКТУРА ПРИЧИН СМЕРТИ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950-70-Е ГГ. XX В.

В статье проанализирована динамика смертности в городах и сельской местности Свердловской области на протяжении 1950-70-х гг., а также изменение структуры причин смерти населения в этот период с позиций демографического и эпидемиологического перехода, в частности, переход к преобладанию среди причин смерти эндогенных причин. Проанализированы мероприятия государства по борьбе с инфекционными заболеваниями в городе и на селе и улучшению медицинского обслуживания сельского населения. Для анализа были использованы материалы центральных и областных государственных архивов, в том числе статистические отчеты областного статистического управления.

Ключевые слова: Свердловская область, смертность, причины смерти, эндогенные причины, демографический переход, эпидемиологический переход

На 1950–1970-е гг. приходится третья и часть четвертой фазы демоперехода. Одной из характеристик этого процесса является изменение уровня смертности и структуры причин смерти, то есть эпидемиологический переход, концепция которого была предложена в 1971 г. американским исследователем А. Омраном. В частности, преобладающими причинами смерти населения становятся эндогенные.

Развернутая и аргументированная попытка осмыслить картину российской смертности на основных этапах ее истории предпринималась в отечественной историографии, прежде всего, А. Г. Вишневым, который в ходе исследований пришел к выводу о незавершенности эпидемиологического переворота в России в начале 1980-х гг. [1, с. 49; 2, с. 149.]

С конца 1990-х гг. появляется огромное количество исследований, посвященных изучению динамики естественного движения населения как страны в целом, так и отдельных регионов, в которых был дан анализ смертности населения и влияющих на нее причин. Среди них можно назвать работы Ю. А. Русиной, посвященные анализу естественного движения населения Свердловской области (см.: Русина Ю. А. Структурные особенности процессов рождаемости и смертности в городах Среднего Урала в 1960-1985 гг. на материалах актов гражданского состояния. Свердловск : Б.и., 1991. 27 с., с. 27), И. П. Мокерова, проанализировавшего рождаемости и смертности населения Урала, а также связь между демографическими и экологическими процессами (см.: Мокеров И. П. Челябинская область в зеркале демографии. Свердловск : Б.и., 1991. 59 с., с. 43-46.; Мокеров И. П. Демографические процессы в Екатеринбурге. Прошлое, настоящее и будущее.– Екатеринбург : Б.и., 1996. С. 5); Г. Е. Корнилова, посвященные анализу демографических процессов Урала, в том числе эволюции показателей смертности. [3, с. 10, 80-89]

Наиболее успешный и длительный период снижения смертности, в российской истории, по оценкам исследователей, пришелся на 1960-е гг. Этот период характеризовался ростом благосостояния самых широких слоев населения. Благодаря этим изменениям в социальной сфере Россия буквально пробежала начальные стадии третьего этапа эпидемиологического перехода и в середине 60-х годов практически не отличалась от западных стран ни по уровню продолжительности жизни, ни по ее структуре (на первом месте оказались болезни системы кровообращения, на втором месте – новообразования, на третьем – травмы и отравления). [7]

Демографические процессы, протекавшие в этот период на индустриальном Урале, в целом, соответствуют изменениям, происходившим во всей стране. В принципе, структура и динамика основных причин смерти населения индустриального Урала одинакова, за исключением Челябинской области, где, по мнению ряда исследователей, сказывались последствия аварии на ПО «Маяк» и радиоактивного загрязнения местности.

Рассмотрим этот процесс на примере Свердловской области. Демографические процессы, протекавшие здесь в 1950–1970-е гг. в принципе, соответствуют тем тенденциям, которые характерны для индустриальных областей страны.

Наиболее полные статистические данные о смертности и причинах смерти населения предоставляют исследователю сводные отчеты «Сведения об умерших по полу, возрасту и причинам смерти», хранящиеся в областных архивах. К сожалению, по сельской местности сведения по данной форме отчетности начинают подаваться регулярно лишь с 1956–1957 гг., когда стали составляться отчеты не только по выданным свидетельствам о смерти, но и по фельдшерским справкам. До этого по селу существовала лишь выборка по отдельным населенным пунктам, где имелось два врача, и выдавались врачебные свидетельства о смерти.

Динамика показателей смертности на протяжении 1950–1970-х гг. выглядит волнообразно. До середины 1960-х гг. наблюдалось снижение общего коэффициента смертности с 9 до 7 ‰ в сельской местности и с 7 ‰ до 6,5‰ в городах. Затем уровень смертности начал постепенно повышаться и к концу 1970-х гг. составлял 16,0 в сельской местности и 10,4‰ в городах. [5, с. 138-165] Аналогичные изменения происходили и в целом по региону, хотя областные показатели несколько выше, чем в среднем по Уралу (так в конце 1970-х гг. коэффициент смертности по Уральскому региону составлял 9,3‰ в сельской местности и 8,8‰ в городах). Рост показателя связан, в первую очередь, с изменением возрастной структуры населения и увеличения доли лиц пожилого возраста, которая к концу 1970-х гг. составляла более 20%.

При этом уровень смертности сельского населения на протяжении всего периода оставался выше, чем городского.

С одной стороны, это было связано с более низким качеством медицинского обслуживания на селе. В 1950-е гг. в сельской местности не хватало врачей, в ряде больниц все врачебные должности полностью замешали средним медицинским персоналом. Больницы нередко размещались в плохо приспособленных для этого помещениях, к тому же требующих капитального ремонта. Ощущалась и нехватка медикаментов, зачастую самых необходимых, таких как стрептоцид, новокаин, противодифтерийная сыворотка.

Разумеется, правительство принимало меры. Выделялись деньги для ремонта медицинских учреждений, строились новые больницы. Например, в 1954 г. в Свердловской области было построено 7 сельских участковых больниц и 54 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пункта. Медицинским работникам в сельской местности предоставлялась возможность пройти переподготовку и специализацию, для оказания медицинской помощи персонал областной больницы осуществлял плановые выезды в районы для консультаций.

Несмотря на все принимаемые меры, разница в уровне медицинского обслуживания в городе и на селе сохранялась и в 1960–1970-е гг. Так в середине 1960-х гг. обеспеченность врачами в городах области составляла 18,6 на 10 тыс. чел., а в сельской местности – 1,6. Процент укомплектованности врачебными кадрами по отношению к штатным должностям в сельской местности составлял 25% против среднеобластного показателя 51,4%. В результате низкой квалификации медицинского персонала и большой нагрузки на работающих врачей часто диагнозы больным ставились неточно. Например, в центральной больнице Талицкого района расхождение диагнозов поликлиники с диагнозами стационара составляло 18,9%

В 1968 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению здравоохранения и медицинской науки в стране», согласно которому увеличивалось финансирование медицины, на местах проводились мероприятия по закреплению медицинских кадров. В частности. С 1971 г. увольнение врачей в Свердловской области требовалось оформлять только через облздравотдел. Тем не менее, ожидаемого эффекта меры не дали. Мелкие сельские населенные пункты, обреченные на селение, средств на развитие социальной инфраструктуры не получили.

С другой стороны, более высокий уровень смертности в сельской местности можно объяснить более выраженной деформацией возрастной структуры, чем в городах. На селе доля жителей старше трудоспособного возраста в конце 1970-х гг. составляла около 27%, а в городской – около 20%. [5, с. 128-165]

Остановимся на структуре причин смерти городского и сельского населения области. Уже в начале 1850-х гг. на долю эндогенных причин (сердечно-сосудистые, онкологические заболевания, травмы убийства и самоубийства) приходилось около 40% всех смертей, а к середине 1950-х гг. – более 50%, как в городах, так и в сельской местности. На первом месте среди причин смертности населения – сердечно-сосудистые заболевания. Причем их удельный вес среди причин смерти на протяжении

рассматриваемого периода все увеличивался. Если в 1952 г. от сердечно-сосудистых заболеваний умерло 3393 горожан и менее 3000 жителей сельской местности Свердловской области (19% всех умерших), то в 1974 г – 11905 человек в городе и более 3,5 тыс. – на селе (38%)

На втором месте среди причин смертности населения области, как и в целом по СССР, находились онкологические заболевания. С конца 1950-х гг. неуклонно повышались как численность умерших от этих причин, так и их доля в общем числе умерших. В начале 1950-х гг. этот показатель в городах составлял около 2 тыс. чел. в год (около 10% всех умерших), к концу 1950-х гг. повышается до 3–3,5 тыс. чел. в год (15,8%), к концу 1960-х – более 4 тыс. чел. в год (около 18%). В начале 1970-х гг. численность умерших от онкологических заболеваний продолжает увеличиваться, но удельный вес показателя немного снизился – до 15% всех умерших. В сельской местности динамика показателя выглядит аналогично – в конце 1950-х гг. наблюдался довольно существенный его рост – до 14-16% всех смертей; в 1960-е гг. он стабилизировался на уровне 15%, а в конце 1960-х и в 1970-е гг. даже снизился – до 13%. Это произошло, скорее всего, вследствие повышения смертности от других причин, в частности, сердечно-сосудистых заболеваний. Кроме того, можно предположить, что некоторый всплеск смертности от онкологических заболеваний, в конце 1950–1960-е гг., особенно в сельской местности области, был вызван последствиями аварии на ПО «Маяк». В пользу этого может свидетельствовать и то, что в соседней Челябинской области, в большей степени, чем Свердловская, пострадавшей от радиоактивного загрязнения, онкологические заболевания занимали второе место среди причин смертности населения в сельской местности даже в 1980-е гг., тогда как в соседних областях их оттеснили на третье место травмы. Правда, некоторые исследователи считают, что повышенной онкологической смертности в населенных пунктах, находящихся на территории Восточно-Уральского радиоактивного следа нет, а причиной высокой смертности от онкологии является скорее промышленное загрязнение окружающей среды. [6, с. 128.] Тем не менее даже в 1980-е гг. в сельской местности на севере Челябинской области (Каслинский район) заболеваемость злокачественными новообразованиями была самой высокой в сельской местности области и превышала показатель, зарегистрированный в местности, расположенной вблизи такого крупного промышленного центра, как Магнитогорск.

К середине 1970-х гг. в сельской местности среди причин смерти населения на второе место выходят травмы. В городской местности они по-прежнему занимают третье место. Число умерших от травм к этому времени составило около 2-2,5 тыс. чел. в год (10-13%) от всех умерших. В сельской местности этот показатель составлял соответственно 1-1,2 тыс. чел. в год (12-14%) Причиной роста травматизма послужил быстрый рост механизации как на производстве, так и в быту, тогда как население, особенно сельское, не успевало адаптироваться к повышенному ритму жизни. Кроме того, уровень подготовки кадров и техники безопасности не всегда успевал за темпами механизации. Уровень же скорой реанимационной помощи, особенно в сельской местности и небольших городах оставался достаточно низок.

Довольно благоприятная тенденция наблюдалась в динамике экзогенных причин смерти, что и соответствует ситуации демографического и сопровождающего его эпидемиологического перехода. Уже в начале 1950-х гг. доля инфекционных заболеваний среди причин смертности населения области была относительно невелика и довольно быстро снижалась. Значительное место среди этих причин занимал туберкулез. Среди горожан в 1951 г. доля умерших от туберкулеза составила 18,6% (3826 чел.), в середине 1950-х гг. – 12,3% (985 чел.), в середине 1960-х гг. – около 3% (670 чел.), а в середине 1970-х – 1,7% (378 чел.) Среди умерших от туберкулеза численность мужчин значительно (иногда в несколько раз) превышала численность женщин. Возможно, это связано с тем, что среди больных туберкулезом традиционно довольно велик контингент бывших заключенных, среди которых численность мужчин обычно выше. Профессиональный

туберкулез (силикоз) встречался достаточно редко, даже в 1950-е гг. фиксировалось несколько десятков, а в 1970-е гг. – единичные случаи смерти от силикоза. В сельской местности смертность от туберкулеза была существенно выше, чем в городах, что связано с относительно низким качеством обслуживания больных. Так в 1957 г. в сельской местности свердловской области имелся лишь один противотуберкулезный диспансер (в городской – 30); на 1000 чел. приходился только один врач-фтизиатр (в городской – 8). Но активные меры по борьбе с туберкулезом и его профилактике, а также совершенствование методов лечения, дали положительный результат. В 1950-е гг. начинают проводиться массовые профилактические осмотры сельского населения – только в 1954 г. охват подобными мероприятиями колхозников увеличился на 42% по сравнению в 1953 г. Проводились массовые флюорографические обследования сельского населения, сельские больницы оснащались рентгеновскими аппаратами. Для колхозников, хотя и в незначительном количестве выделялись путевки в областные санатории. Проводилась массовая вакцинация новорожденных – в сельской местности Свердловской области в 1953 г. от туберкулеза было привито 87% новорожденных. В результате к концу 1950-х гг. число умерших от туберкулеза в сельской местности сократилось до 440–450 чел. в год (5,65 умерших), а к середине 1970-х гг. – до 187 чел. (2,3%), то есть показатель практически сравнялся с городским.

Смертность от воспаления легких в начале 1950-х гг. даже превышала смертность от туберкулеза. В 1951 г. в городах свердловской области от воспаления легких умерло 3825 чел. (18,6 % всех умерших). К середине 1950-х гг. эта цифра сократилась практически вдвое, к середине 1960-х – не превышала 800 чел. в год, а к середине 1970-х составляла не более 500 чел. (1,4% всех умерших). В сельской местности смертность от воспаления легких также снижалась ощутимыми темпами, хотя и превышала городской показатель. На долю этой причины в середине 1950-х гг. приходилось 9,5 % всех умерших, а к середине 1970-х – всего 2,2 %.

Смертность от прочих инфекционных заболеваний, в том числе детских инфекций, была довольно низкой. Так, в начале 1950-х гг. число умерших от кори составляло менее 300 чел. в год, в середине 1950-х гг. – менее 100 чел., с середины 1960-х гг. фиксировались лишь единичные случаи, а с 1967 г. случаев смерти от кори не фиксировалось ни в городе, ни в сельской местности. Хотя случаи заболевания корью фиксировались, но их число убывало весьма ощутимыми темпами. Так, в Свердловской области в конце 1960-х гг. было зафиксировано более 5 тыс. случаев заболевания корью, в 1973 г. – 287 случаев, а в 1980 г. – 233 случая.

Случаев смерти от скарлатины в городах области не фиксировалось с 1960 г. (с конца 1950-х гг. регистрировались лишь единичные случаи). Аналогично выглядит динамика смертности от дифтерии (от 20 до 40 случаев смерти в 1950-е гг. и единичные случаи с начала 1960-х гг.).

Сокращению заболеваемости и смертности от инфекционных заболеваний способствовали проводимые учреждениями здравоохранения профилактические мероприятия. Так, в 1954 г. прививки против дифтерии были сделаны 82% малышей области. С 1960-х гг. в целях профилактики проводилась перепись детского населения, создавались картотеки по учету профилактических прививок, которые ставились в детской консультации и на дому. Выборочно проверялось качество прививок, поставленных ранее. При малейшем подозрении на серьезное инфекционное заболевание (например, на дифтерию), ребенка предписывалось немедленно госпитализировать в отдельную палату.

Правда, снижение заболеваемости наблюдалось не по всем инфекционным заболеваниям. Если заболеваемость такими опасными детскими инфекциями, как корь, скарлатина, дифтерия, снижалась, практически исчезла такая инфекция как оспа, исключительными были на протяжении 1960–1970-х гг. такие заболевания как тиф, сибирская язва, холера и т.д., то грипп и инфекции верхних дыхательных путей

фиксируются в огромном количестве. Например, в 1970-е гг. число заболевших гриппом и ОРЗ в Свердловской области составляло от 10 до 14 тыс. чел. в год. Но к смертельному исходу эти заболевания приводили крайне редко.

Таким образом, к 1980-м гг. в структуре причин смерти населения Свердловской области преобладали эндогенные причины, что свидетельствует о том, что эпидемиологический переход в основном завершился.

© Черезова О. Г. Текст. 2016

Список источников

1. Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. История. Современность, взгляд в будущее. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 277 с.
2. Вишневский А. Г. Демографическая модернизация России, 1900–2000 гг. – М.: Новое издательство, 2006. – 599 с.
3. Корнилов Г. Е. Уральское село и война. – Екатеринбург : ТОО «Упарогропресс», 1993. – 175 с.
4. Корнилов Г. Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. – 2014. – №3. – С. 80-89.
5. Население Урала. XX век. – Екатеринбург : Екатеринбург, 1996. – С.138-165.
6. Новоселов В. Н. Толстикова В. С. Атомный след на Урале. – Челябинск : Рифей, 1997. – 240 с.
7. Семенова В. Г. Демографический кризис в России с позиций обратного эпидемиологического перехода : автореф. ... дисс. ... д-ра экон. наук. – М., 2006. // Электронная библиотека авторефератов [Электронный ресурс]. URL: <http://economy-lib.com/demograficheskiy-krizis-v-rossii-s-pozitsiy-obratnogo-epidemiologicheskogo-perehoda#ixzz3Pvqm3aXo>. Дата обращения 22.03.15

Информация об авторе

Черезова Оксана Геннадьевна (Россия, г. Екатеринбург) – кандидат исторических наук, кафедры истории и экономической теории Уральского государственного лесотехнического университета., 620100 Екатеринбург, Сибирский тракт, 37, E-mail: okssch@mail.ru

Tcherezova O. G.

MORTALITY AND CAUSES OF DEATH OF URBAN AND RURAL POPULATION OF THE SVERDLOVSK REGION IN 1950-70-IES. XX century.

The article analyzes the dynamics of mortality in urban and rural areas of the Sverdlovsk region during 1950-70-ies, and changing patterns of causes of death of the population in this period, from the standpoint of demographic and epidemiological transition, in particular, the transition to the prevalence among the causes of death endogenous reasons. Analyzed the state measures to combat communicable diseases in urban and rural areas and to improve health services for the rural population. In the analysis used the data of the Central and regional state archives, including statistical reports of the regional statistical offices.

Keywords: Sverdlovsk region, mortality, causes of death, endogenous reasons, the demographic transition, epidemiological transition.

Information about the author

Cherezova Oksana Gennad'evna (Russia, Ekaterinburg) – K. I. n.. associate Professor of History and economic theory Ural state forestry University., 620100 Ekaterinburg, Siberian trakt, 37, E-mail: okssch@mail.ru, Candidate of historical science, associate Professor of the economic theory, Ural state forestry University (Russia, Ekaterinburg). E-mail: okssch@mail.ru

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Автор определяет динамику численности и состава городского населения, объемы, виды и типы миграций населения в города, и рабочие поселки. Исследование показало, что миграции оказали значительное влияние на численность и состав городского населения региона. Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, номер проекта МК-6607.2016.6.

Ключевые слова: городское население, миграции, Кировская область, Великая Отечественная война

Изменение статуса населенных пунктов, социально-экономические особенности развития территорий, природные факторы, естественное движение населения и прочие причины и факторы оказывают влияние на численность и состав городского населения.

Существенные изменения в численности и составе городского населения региона отмечаются в конце 1930-х гг. Причина: процессы урбанизации, вызванные индустриализацией. Известный советский экономист И. А. Краваль, определяя причины убыли населения СССР, выделил 5 групп территорий. Кировская область отнесена к третьей группе – области бывшей потребляющей полосы, питавшие регионы с высокоразвитой и быстроразвивающейся индустрией и национальные республики и области также пополняющиеся за счет притока извне [1, с. 351].

По сравнению с показателями по РСФСР в таких районах, как Ивановская область наблюдалось сокращение сельского населения на 10,9%, Кировская область – на 9,8%, Оренбургская область – на 6,6% по сравнению с переписью 1926 г. [1, с. 372].

По переписи 1939 г. в Кировской области проживали 2226 тыс. чел., или 1,9% от населения РСФСР [1, с. 361]. Плотность населения в 1941 г. составляла 19 чел/м², к концу войны снизилась до 16 чел/м²¹. Доля городского населения была незначительной и составляла в 1939 г. – 16,3%, в 1940 г. – 20,3%².

В предвоенный период численность населения области была подвержена различным колебаниям. Сокращение количества сельских жителей и увеличение количества горожан были обусловлены воздействием следующих причин: административно-территориальные преобразования; по переписи 1939 г. в состав сельского населения был включен «особый контингент» (заключенные, спецпереселенцы), который в ежегодном учете не предусмотрен; механическая убыль населения – большинство мигрирующего населения переезжало в города или покидало область; переселенческая политика; отсутствие населения по иным причинам (в результате

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М., 1992. С. 24; Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИ КО). Ф. П-1290. Оп. 12. Д. 39 а. Л. 1; Там же. Ф. П-1290. Оп. 10. Д. 36. Л. 1.

² Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М., 1992. С. 24; Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность: ист.-стат. сб. / ред. кол. Н. И. Зорин и др. Киров, 2000. С. 18; 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области / ред. кол. В. А. Зырин и др.: стат. сб. Киров, 1996. С. 26; Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1275. Л. 2; Там же. Д. 1683. Л. 1–1 об.; ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–3 об., 10; Там же. Д. 17. Л. 79; ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 12. Д. 39а. Л. 1; Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф-1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 32, 53.

развертывания системы трудовых резервов, сезонных подработок, а также ухода в ряды Красной Армии в связи с советско-финской войной).

К концу 1938 г. в области имелись 15 рабочих поселков, 8 городов и 2 города областного подчинения (г. Киров и г. Слободской). Весной 1940 г. г. Нолинск был переименован в г. Молотовск, переименован был и район. В 1939 г. рабочим поселком стал Коминтерн, а в 1940 г. Октябрьский (табл. 1). Большинство населенных пунктов вошли в состав городских поселений, получив статус рабочих поселков в 1938 г.

Таблица 1

Список городов и рабочих поселков Кировской области накануне войны¹

Населенный пункт	Численность	Населенный пункт	Численность
г. Киров	144905	р. п. Белохолуницкий	6787
г. Слободской	23398	р. п. Сосновка	5967
г. Котельнич	18457	р. п. Коминтерн	5706
г. Омутнинск	17383	р. п. Песковка	4742
г. Советск	10764	р. п. Рудничный	4451
г. Халтурин	9308	р. п. Вахруши	4319
г. Уржум	8760	р. п. Аркуль	3676
г. Молотовск	8478	р. п. Лесозаводской	3411
г. Яранск	7349	р. п. Черная Холуница	3118
г. Малмыж	6526	р. п. Мурыгино	2793
р. п. Зуевка	12440	р. п. Первомайский	2550
р. п. Вятские Поляны	10624	р. п. Косино	1979
р. п. Мураши	7791	р. п. Октябрьский	1614
р. п. Кирс	6562		

В начале 1941 г. территория Кировской области увеличилась. На основании Указов Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 января и 22 марта 1941 г. к Кировской области были присоединены Опаринский, Лальский и Подосиновский районы Архангельской области [2, с. 1; 3, с. 1]. Соответственно, перечень городского населения пополнился за счет рабочих поселков Луза и Лальск. По данным на 1 января 1942 г. в р. п. Луза проживало 8343 чел., в р. п. Лальск 5134 чел. В Опаринском районе проживало 26133 чел., Лальском 27128 чел., Подосиновском 33410 жителей (сведения о наличном населении, в т. ч. эвакуированные). В целом население присоединенных районов составляло около 4,4% от общей численности жителей Кировской области². В первый период войны административно-территориальные преобразования касались в основном статуса некоторых населенных пунктов Кировской области. В 1941 г. количество городов не изменилось, только увеличилась их численность с 255,3 тыс. в 1939 г. (по данным переписи) до 323,3 тыс. чел.

В 1942 г. Вятские Поляны получили статус города, увеличилось до 23 также количество рабочих поселков (Каринторф, Кирово-Чепецк, Опарино, Санчурск), а в 1943 г. рабочим поселком стали Стрижи. В 1944 г. рабочими поселками стали села Медведок, Лянгасово, городами – Зуевка, Мураши, Луза. В 1945 г. статус рабочих поселков получили Свеча и Ленинское (рис. 1). Несмотря на приращение количества рабочих поселков, численность городского населения в основном увеличивалась за счет жителей городов.

¹ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1683. Л. 3.

² ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 469. Л. 1–1 об.

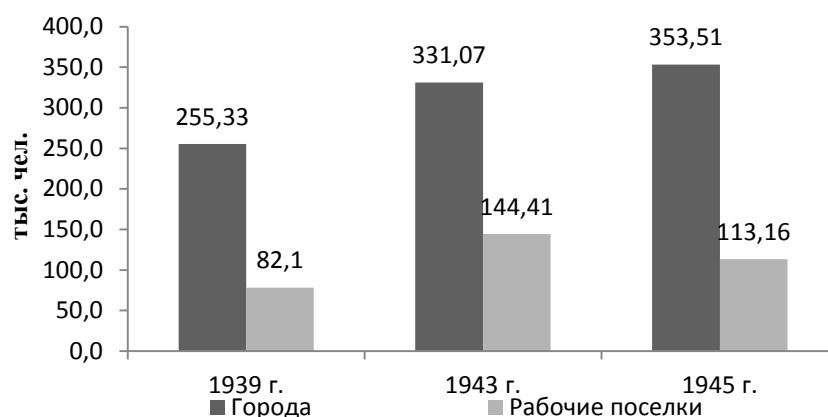

Рис. 1. Динамика численности городского населения по типам поселений (сведения на начало года)

Появление новых городов и рабочих поселков связано с размещением в них или созданием заводов, а также увеличением объемов производства местных предприятий, добывающих полезные ископаемые и использующих ресурсы, в основном лес. Росту также способствовало их расположение на линиях транспортной системы области (большинство таких населенных пунктов являлись железнодорожными станциями или через них проходила железная дорога, автомобильный тракт). Городские поселения нуждались в притоке рабочих рук.

Источники свидетельствуют о резком увеличении миграций в начальный период Великой Отечественной войны (табл. 2). Миграционный оборот в Кировской области вырос в 1941 г. в 1,7 раза по сравнению с последним довоенным годом.

Коэффициент интенсивности миграционного оборота городского населения увеличился в первый год войны в 3,2 раза. Если показатели миграционного оборота области стабилизировались в 1943 г., то обмен городского населения оставался подвижным на протяжении всей войны [4, с. 60-61].

В 1941 г. объемы миграции городского населения почти в 5 раз превышали объемы с сельского и в 2 раза показатели в целом по региону. В 1942 г. ситуация сохраняется, только в 2 раза уменьшились объемы миграций. В 1943–1945 гг. сохранялись общие тенденции: преобладание коэффициента интенсивности миграционного оборота городского населения в 1,4–1,6 раза по сравнению с показателем по области в целом, и в 2,3–3,8 раза по сравнению с данными по сельской местности.

Таблица 2

Сведения о миграции населения Кировской области в 1941–1945 гг.

Годы	Миграционный оборот (чел.)	Миграционный оборот городского населения (чел.)	Коэффициент интенсивности миграционного оборота (‰)	Коэффициент интенсивности миграционного оборота городского населения (‰)
1941	233761	114414	101,8	230,7
1942	168005	72204	76,6	154,8
1943	133581	44421	65,4	91,7
1944	131351	62036	68,9	129,3
1945	110096	44168	58,1	92,2

Значительную долю среди прибывших в область составляли эвакуированные, приехавшие вместе с перебазированными предприятиями, учреждениями и колхозами, а также самостоятельно. Выбытие, главным образом, определялось военной и трудовой мобилизациями. Основной поток мигрантов принял областной центр. В 1941 г. прирост

населения г. Кирова составил 31586 чел. (каждый шестой житель был мигрантом), по прочим городским поселениям на 39891 чел.¹

На протяжении всей войны сальдо миграции населения Кировской области было положительным, за исключением 1944 г., когда количество выбывших в 1,3 раза превысило прибывающий контингент за счет реэвакуации населения (табл. 3). В 1945 г. сальдо вновь приобрело положительную динамику за счет демобилизации солдат Красной Армии.

Таблица 3

Сальдо миграции населения Кировской области в 1941–1945 гг.

Год	Сальдо миграции (чел.)		
	всего	село	город
1941	+71399	+23412	+72600
1942	+11947	+19803	+22188
1943	+20733	+32234	+2283
1944	-20405	+19091	-29620
1945	+11432	+13852	-10450

Для первых месяцев войны характерен рост количества переселенцев, благодаря чему наибольшая интенсивность миграции пришлась на 1941 г. – 31,1‰, когда на каждую тысячу населения области прирост составил 31 чел. Активные миграции были характерны для городского населения, где в 1941 г. на 1 тыс. горожан прирост составлял 146 новых жителей.

Среди населения области наибольшей подвижности было подвержено городское население в последние годы войны. Городские поселения покидал каждый десятый (95,5‰ – в 1944 г.), а в 1945 г. – каждый двадцатый (56,9‰) их житель, благодаря чему коэффициент интенсивности миграции горожан был отрицательным: – 61,7‰ и – 21,8‰ соответственно.

Анализ миграционных потоков по типу поселений для исследователя весьма затруднен. Достоверно можно утверждать, что за период войны среди прибывших и выбывших по внешней миграции преобладали горожане (в основном эвакуированные и реэвакуированные вместе с заводами и учреждениями работники)². Такой вид миграции способствовал быстрому, но временному увеличению численности горожан.

Имеющаяся статистическая отчетность по типу миграций позволяет судить лишь о внутренних переселениях жителей Кировской области. В первые годы войны сохранялось, как и в довоенный период, преобладание миграции по типу «село – село» (1941 г. – 71,5%; 1942 г. – 52,8%)³. Однако уже в 1943–1944 гг. ситуация меняется в противоположную сторону, чему способствовала объявленная трудовая мобилизация. 2/3 миграций жителями сел области совершались в города (69,1% и 68,0% соответственно), то есть мигрировали по типу «село – город»⁴. В последний год войны доля выехавших в города сельчан уменьшается, но по-прежнему остается высокой – около 50%⁵. Преобладающая часть горожан перемещалась внутри области по типу «город – город». Лишь в 1945 г. миграционный поток «город – село» доминировал в передвижениях городских жителей, что было обусловлено окончанием войны и появлением возможности вернуться на постоянное место жительства в села.

Большинство населения прибывало в 1941–1943 гг. Кировскую область из северных и северо-западных (Ленинградская область, Карело-Финская ССР), западных (Белорусская ССР), южных (Украинская ССР), а также центральных районов СССР (Смоленская,

¹ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 465. Л. 6 об.

² ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 465. Л. 9–10 об.; Там же. Д. 863. Л. 7–8 об.; Д. 1227. Л. 5–5 об.; Д. 1275. Л. 6–7 об.; Д. 1679. Л. 8–9 об.

³ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 465. Л. 9; Там же. Д. 863. Л. 7.

⁴ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1227. Л. 5; Там же. Д. 1275. Л. 7.

⁵ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1679. Л. 9.

Московская, Калининская область и др.), то есть регионов, территории которых в дальнейшем были оккупированы или на которых велись боевые действия. Поток мигрантов из г. Ленинграда и Ленинградской области, г. Москвы и Московской области увеличился в десятки раз¹.

В 1941–1943 гг. в регион в основном прибывали и выбывали городские жители (по внешней миграции) за исключением некоторые соседних регионов, которые давали прибыль за счет сельского населения (Коми АССР, Марийская АССР, Татарская АССР).

В то же время преобладающая часть жителей области переезжала в 1941–1943 гг. в соседние субъекты, которые в географическом плане были представлены следующими регионами: Северный (Архангельская область, Коми АССР), Центральный (Горьковская область, Марийская АССР), Уральский и Западносибирский (Молотовская, Свердловская области и Удмуртская АССР).

Необходимо отметить, что в годы войны появился нехарактерный миграционный обмен населением. В городской местности области, например, были размещены: Латвийское правительство и ЦК КП партии Латвии, Львовское военно-пехотное училище, Донецкая бумажная фабрика, Гомельский педагогический институт и пр. Многонациональный регион пополнялся латышами, эстонцами, украинцами и пр.

Сведения о влиянии миграций на половозрастной состав городского населения отсутствуют. Только по переписям 1939 и 1959 гг. можно судить об этих изменениях. Косвенно можно предположить, что по данному признаку влияли на состав населения следующие потоки: рабочие и служащие эвакуированных предприятий (мужчины и женщины трудоспособного возраста) и женщины и подростки, прибывающие из сельской местности по трудовым мобилизациям и набору в систему трудовых резервов.

Среди прибывающих в область на протяжении всей войны доминировали женщины, показатели колебались от 53 до 59% в разные годы, что обусловлено, прежде всего, эвакуационными процессами². Основную группу пополнения населения области в годы войны составляли трудоспособные в возрасте от 16 до 59 лет (70–80%) и нетрудоспособные от 0 до 15 лет (15–20%)³. Кировскую область покидали лица трудоспособного возраста: основу составляли мужчины, отправленные на фронт (в среднем 55–60%)⁴.

Социальный состав мигрантов различался в зависимости от цели миграции, региона прибытия (выбытия), типа населения и пр. Из сельской местности прибывали в города колхозники и домохозяйки, а из городских поселений рабочие и служащие (от местных органов власти до всесоюзных наркоматов), инженерные кадры, научные работники, деятели культуры и искусства, делая социальный состав городского населения весьма разнообразным. К сожалению, статистического учета распределения городского населения по социальному составу не велось. Такие сведения есть только по сельской местности (сведения сельсоветов за 1943–1945 гг.).

Итак, городское население области пополнялось в основном за счет прибывших с эвакуированными заводами рабочих, а также трудовой мобилизации сельчан, главная задача которой состояла в решении проблемы нехватки рабочих рук в городах и рабочих поселках. По данным Областного бюро учета и распределения рабочей силы, в 1942 г. в области были привлечены в порядке мобилизации и трудгужповинности 125 тыс. чел., тогда как в 1943 г. – 262 тыс.⁵ К началу 1942 г. в Кировскую область были эвакуированы

¹ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2284. Л. 7–7 об.; Там же. Оп. 2. Д. 465. Л. 9–10 об.

² Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 465. Л. 14; Там же. Д. 863. Л. 12–12 об.; Д. 1227. Л. 7–7 об.; Д. 1275. Л. 4–4 об.; Д. 1679. Л. 7–7 об.

³ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 465. Л. 14; Там же. Д. 863. Л. 12–12 об.; Д. 1227. Л. 7–7 об.; Д. 1275. Л. 4–4 об.; Д. 1679. Л. 7–7 об.

⁴ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 465. Л. 14; Там же. Д. 863. Л. 12–12 об.; Д. 1227. Л. 7–7 об.; Д. 1275. Л. 4–4 об.

⁵ ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 754. Л. 8.

231572 чел. из различных регионов¹. Со второй половины 1943 г. активно развертывались реэвакуационные процессы, связанные с освобождением оккупированных районов. К концу 1945 г. подавляющая часть населения, прибывшего в Кировскую область в результате эвакуации, вернулась в родные места. Активные внутренние миграции на протяжении всей войны по типу «село – город» являлись главным фактором роста городского и снижения доли сельского населения. Показатели естественного движения населения не способствовали этому росту. На протяжении 1941–1944 г. наблюдалась естественная убыль городского населения: от – 0,8‰ в 1941 г. до 26,3‰ в 1943 г. Лишь в 1945 г. число родившихся несколько превышало число умерших в городских поселениях (1,9‰). Стоит также отметить, что восстановительные процессы в городских поселениях проходили в 2–3 раза быстрее, чем в сельских [4, с. 57].

© Чернышева Н. В. Текст. 2016

Список источников

1. Население России в XX веке. Т. 1. 1900–1939 гг. Исторические очерки / отв. ред. Ю. А. Поляков. – М.: РОССПЭН, 2000. – 463 с.
2. О перечислении Опаринского района Архангельской области в состав Кировской области. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 янв. 1941 г. // Правда. – 1941. 18 янв.
3. О перечислении Подосиновского и Лальского районов Архангельской области в состав Кировской области Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 марта 1941 г. // Кировская правда. – 1941. – 23 марта.
4. Чернышева Н. В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. – 203 с.

Информация об авторе

Чернышева Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО ВятГУ. г. Киров, ул. Московская, д. 36. 610000. тел. 74-24-55. E-mail: natiche84@mail.ru

Chernysheva N.

IMPACT OF MIGRATION ON THE NUMBER AND COMPOSITION THE URBAN POPULATION OF THE KIROV REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.

The author defines the dynamics of number and composition of the urban population, the volumes, kinds and types of migration to the cities and workers' settlements. The study found that migration had considerable impact on the number and composition the urban population of the region. The publication was prepared in the framework of the Russian President's grant for state support of young Russian scholars – Candidates of Sciences, project Number: MK-6607.2016.6.

Key words: urban population, migration, Kirov region, the Great Patriotic War.

Information about the author

Chernysheva Natalia – candidate of historical sciences, senior researcher of the department of national history and ethnology FSBEI HE Vyatka State University. Kirov. Moskovskaya street. House 36. 610000. Tel. 74-24-55. E-mail: natiche84@mail.ru

¹ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 469. Л. 19.

ХАРАКТЕРИСТИКИ РОЖДАЕМОСТИ В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются основные тенденции рождаемости в Кировской области в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: рождаемость, население, Кировская область, Великая Отечественная война

Известно, что одним из следствий длительных войн является изменение показателей естественного движения населения. Резкое ухудшение условий жизни не может не сказываться на рождаемости и смертности. Институт семьи и брака во время войны также претерпевает существенные изменения.

Великая Отечественная война внесла коррективы практически во все характеристики рождаемости. Они обусловлены воздействием различных причин и факторов, представляющих собой совокупность социально-экономических условий (занятость женщин, уровень благосостояния, развитие системы здравоохранения др.), причины – промежуточные звенья факторов (возраст вступления в брак, внутрисемейное регулирование рождаемости и др.) [1, с. 96; 2, с. 177–178]. Однако выделение в качестве факторов только социально-экономических условий, на наш взгляд, дает одностороннее видение проблемы. На показатели рождаемости оказывают воздействие все сферы человеческой жизнедеятельности, а также личные (субъективные) причины. Наиболее рациональным является выделение структурных (или чисто демографических) и неструктурных факторов рождаемости [3, с. 61; 6, с. 113].

Определяющей тенденцией рождаемости населения СССР в период, непосредственно предшествующий Великой Отечественной войне, было снижение ее уровня.

С принятием в 1936 г. ЦИК и СНК СССР постановления «О запрещении абортов» коэффициент рождаемости по СССР повысился в 1937 г. (в 1936 г. – 33% против 39% в 1937 г.), однако данное явление было временным. Начиная со следующего года, показатели постепенно снижались [5, с. 280].

Самый низкий показатель рождаемости в СССР пришелся на 1940 г. – 32%, что было обусловлено рядом факторов. Несмотря на действующее постановление о запрещении абортов под угрозой уголовного наказания (в Уголовный кодекс была введена статья 140, предусматривающая при установлении вины лишение свободы), количество подпольных абортов с каждым годом возрастало. Женщинам легче было избавиться от ребенка, чем прокормить в тяжелых условиях. В Кировской области в 1940 г. было зарегистрировано 3799 подпольных абортов¹. В целом по РСФСР в 1940 г. было возбуждено свыше 20 тыс. дел по факту криминальных абортов. Незаконные аборты осуществлялись неквалифицированными людьми, часто в антисанитарных условиях с большим риском для здоровья женщин. Следствием таких абортов было массовое вторичное бесплодие согласившихся на них женщин, а в некоторых случаях – смерть.

Вторым фактором, обусловившим предвоенное падение рождаемости, стало принятие Верховным Советом СССР 1 сентября 1939 г. закона «О всеобщей воинской обязанности», а также начавшаяся советско-финская война.

Немаловажную роль сыграл психологический фактор. Население страны было информировано о начавшейся в Европе войне, которая постепенно приобретала характер

¹Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2975. Л. 85.

мировой. Тяжелые боевые действия на советско-финском фронте заставляли супругов временно переносить рождение детей на перспективу мирного времени.

Война внесла также существенные изменения и в географию рождаемости, выделив по существенному признаку тыловые районы и районы, подвергшиеся оккупации.

Определяющей тенденцией процесса рождаемости в годы войны в тыловых районах являлось снижение ее качественных и количественных показателей (табл. 1).

Таблица 1

Динамика рождаемости населения РСФСР и Кировской области
в 1941–1945 гг. (данные по РСФСР без территорий,
подвергшихся оккупации)¹, в промилле

Год	Число родившихся на 1000 чел. населения	
	РСФСР	Кировская область
1941	33,3	34,5
1942	20,2	26,0
1943	9,9	9,8
1944	10,5	10,4
1945	10,8	13,4
1945 г. в % к 1941 г.	32,4	38,8

Необходимо учитывать, что все показатели рождаемости отражают ситуацию девятимесячной давности. Война вынудила супругов отложить запланированное рождение детей. Поэтому уже к декабрю 1941 г. показатель рождаемости сократился на 78,2%². Резкое снижение рождаемости в Кировской области фиксируется с апреля 1942 г. На свет появились дети, зачатые до начала войны. К концу 1945 г. количество рождений в области сократилось по сравнению с первым годом войны в 3,2 раза³.

Самый низкий уровень рождаемости в тыловых районах РСФСР был установлен в 1943 г., когда ее коэффициент не превышал 9,8%⁴. Ниже данного показателя рождаемость была зафиксирована в Московской, Ивановской, Вологодской областях (8‰). В Кировской области рождаемость сохранялась на общереспубликанском уровне (9,8‰).

Показатели рождаемости по Кировской области в 1943–1944 гг. были значительно ниже, чем в других районах глубокого тыла (например, на Урале – от 11,6‰ до 14,6‰, в Сибири – 12,5‰ до 15,6‰), что свидетельствует о сложившейся в регионе тяжелой демографической ситуации [1, с. 87–88; 4, с. 42].

В 1943 г. общий коэффициент рождаемости населения области стабилизировался на низком уровне (на 1 тыс. жителей приходилось 10 живорожденных детей)⁵.

Доля многоплодных родов за годы войны не снизилась (за исключением переходного 1942 г.), что связано с действием биологического закона популяции, регулирующего ее численность. Таким способом природа пыталась решить проблему депопуляции и восстановить привычное для этой агломерации количество рождающихся детей.

¹ Подсчитано по: Население России в XX веке: в 2 т. Т. 2. 1940–1959 гг.: исторические очерки / отв. ред. Ю. А. Поляков. М., 2002. С. 100; ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 464. Л. 6; Там же. Д. 860. Л. 4; Д. 863. Л. 4 об.; Д. 1226. Л. 4; Д. 1227. Л. 3 об.; Д. 1275. Л. 2; Д. 1683. Л. 1–1 об.; Д. 1697. Л. 2–43 об.; Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИ КО). Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 17. Л. 79.

² ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 464. Л. 4.

³ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 464. Л. 6; Д. 1697. Л. 2–43.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф-1562. Оп. 329. Д. 1451. Л. 125.

⁵ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1226. Л. 4.

Война повлияла и на сезонность рождений. И если в 1941–1942 гг. сезонные колебания числа рождений заметны, то начиная с 1943 г. они значительно нивелируются, принимая плавный характер¹. Однако в 1945 г. постепенно вновь приобретают сезонный характер (рис. 1).

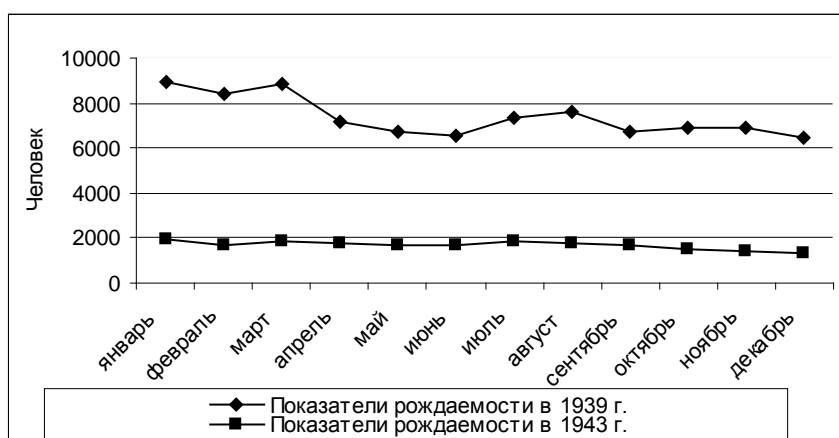

Рис. Сравнительные показатели рождаемости по Кировской области за 1939 г. и 1943 г.

Война, деформировав процессы естественного воспроизводства людских масс, внесла существенные коррективы в показатели рождаемости городского и сельского населения. Снижение рождаемости в городах было ощутимее, чем на селе, однако и восстановительные процессы проходили быстрее. Деревня же долгое время не могла достичь довоенного уровня рождаемости, что является свидетельством глубокого кризиса (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициенты рождаемости населения Кировской области в 1939–1945 гг.²

Год	Всего	Город	Село
1939	38,2	38,2	38,2
1940	33,0	22,8	35,6
1941	34,5	25,9	36,9
1942	26,0	31,9	24,4
1943	9,8	9,1	10,1
1944	10,4	9,9	10,5
1945	13,4	15,1	12,8

Соотношение родившихся детей по полу сохранялось. Мальчиков рождалось по-прежнему больше, чем девочек, однако преобладание среди мертворожденных детей мужского пола частично компенсировало эту разницу.

Таблица 3

Количество родившихся детей в Кировской области в 1939–1945 гг.³

Год	Число родившихся детей (без мертворожденных)		Мертворожденных детей	
	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки

¹ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2280. Л. 99; Там же. Оп. 2. Д. 2975. Л. 55; Д. 1226. Л. 4; Д. 860. Л. 4.

² Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2975. Л. 2 об.; Там же. Оп. 2. Д. 464. Л. 6; Д. 860. Л. 4; Д. 1226. Л. 4; Д. 1227. Л. 3 об.; Д. 1273. Л. 41 об.; Д. 1275. Л. 2; Д. 1683. Л. 10–10 об.; Д. 1697. Л. 2–43; Оп. 5. Д. 1. Л. 100–100 об.; ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–3 об.; Д. 17. Л. 79; 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области: стат. сб. / ред. кол. В. А. Зырин и др. Киров, 1996. С. 26.

³ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2280. Л. 100; Там же. Д. 2975. Л. 56–56 об.; Оп. 2. Д. 464. Л. 7; Д. 860. Л. 5; Д. 1226. Л. 5–5 об.; Д. 1273. Л. 5–5 об.

1939	44660	42464	870	631
1940	39273	37545	788	570
1941	39978	38122	876	606
1942	25151	24193	375	281
1943	10408	9500	120	92
1944	10014	9682	92	64
1945	13000	12470	89	55

Итак, по всей стране уже в начале 1942 г. отмечается падение коэффициента рождаемости, а в последующие годы – еще большее снижение числа рождений. Резкое сокращение рождаемости – один из факторов, повлиявших на снижение численности населения.

Дефицит рождаемости – достаточно сложная для определения категория, разнообразие и интенсивность демографических процессов затрудняли учет некоторых показателей, по части из них статистика вообще не велась. Поэтому историки и демографы для определения дефицита рождаемости чаще всего прибегают к методике, разработанной Б. Урланисом, предложившим использовать в качестве среднестатистического количества рождений данные первого года войны. Приведенные ниже расчеты указывают, что за годы войны в области могло появиться на 194,5 тыс. больше детей.

Таблица 4

Дефицит рождаемости в Кировской области в годы Великой Отечественной войны, тыс. чел.¹

Годы	Фактически родилось	Должно было родиться	Дефицит рождаемости
1941	79,3	79,3	0
1942	57,1	79,3	22,2
1943	20,0	79,3	59,3
1944	19,8	79,3	59,5
1945	25,8	79,3	53,5
Итого:	202,0	396,5	194,5

Начавшаяся война затронула все сферы жизни советского общества, тем самым прямо или косвенно нарушив нормальный ход демографических процессов. К неструктурным факторам, оказавшим наибольшее воздействие на показатели рождаемости в годы войны, следует отнести следующие:

- 1) социальные (снижение уровня медицинского обслуживания, плохое санитарное состояние населенных пунктов, окончательный или временный разрыв семейных связей в результате призыва мужчин в армию);
- 2) экономические (ухудшение материально-бытового положения, продовольственная проблема, общее снижение жизненного уровня населения, увеличение роли женского труда);
- 3) культурно-психологические (психологическая боязнь рожать детей в условиях войны; отсутствие времени на воспитание детей);
- 4) экологические (увеличение производства в тыловых районах);
- 5) политико-правовые (пропаганда; государственная поддержка беременных женщин и женщин, имеющих детей, изменение законодательства, регулирующего область семейных правоотношений).

Регулировать влияние тех или иных факторов было возможно только с помощью продуманной демографической политики, которая, как известно, является объективным

¹ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 464. Л. 6; Там же. Д. 860. Л. 4; Д. 1226. Л. 4; Д. 1273. Л. 4.

фактором рождаемости. В ситуации резкого спада количества рождений перед государством стояли две главные задачи:

1. Не допустить дальнейшего падения рождаемости в стране и попытаться стабилизировать ее, пусть даже на низком уровне.
2. Оказать необходимую помощь беременным женщинам, матерям и детям.

Принятие и эффективное исполнение нормативно-правовых актов, носивших протекционистский характер, являлось основным способом осуществления стоявших перед властью задач. Изданием ряда актов власть пыталась поддержать институт семьи (Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» от 8 июля 1944 г., Указ «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов» от 10 ноября 1944 г. и прочие).

Итак, неструктурные факторы, безусловно, оказали определяющее воздействие на динамику рождаемости, они способствовали ее резкому падению в условиях войны. К концу 1945 г. в области появилась на свет лишь треть от количества рожденных в довоенный год детей. Стоявшие перед органами государственной власти в годы войны задачи по стабилизации рождаемости и социальной помощи беременным женщинам и матерям были частично реализованы. Искажение половозрастной структуры общества, тяжелые послевоенные годы и, конечно, процесс перехода от традиционной модели воспроизводства населения к современной не вызвали компенсационной волны рождаемости.

© Чернышева Н. В., Чернышев К. А. Текст 2016.

Список источников

1. Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск : Наука, 1986. – 232 с.
2. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. – 244 с.
3. Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 221 с.
4. Кругликов В. В. Городское население Свердловской области накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1939–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2007. – 300 с.
5. Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945 гг. / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. – М. : РОССПЭН, 2003. – 470 с.
6. Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. – М.: Наука, 1974. – 335 с.

Информация об авторах

Чернышева Наталья Викторовна (Россия, г. Киров) – канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО Вятский государственный университет (г. Киров, ул. Московская, д. 36. 610000, natiche84@mail.ru)

Чернышев Константин Анатольевич (Россия, г. Киров) – канд. геогр. наук, доцент, ФГБОУ ВО Вятский государственный университет (г. Киров, ул. Московская, д. 36. 610000, kochern@rambler.ru)

Chernysheva N. V., Chernyshev K. A.

**CHARACTERISTICS OF FERTILITY IN THE KIROV REGION DURING THE
GREAT PATRIOTIC WAR**

The article analyzes the main fertility trends in the Kirov region in the Great Patriotic War.

Keywords: fertility, the population, Kirov region, the Great Patriotic War.

Information about the authors

Chernysheva Natalia (Russia, Kirov) –candidate of historical sciences, assistant professor, FSBEI HE Vyatka State University (Kirov, Str. Moskovskaya36, 610000, natiche84@mail.ru).

Chernyshev Konstantin (Russia, Kirov)–candidate of geographical sciences, associate professor, FSBEI HE Vyatka State University (Kirov, Str. Moskovskaya36, 610000, kochern@rambler.ru).

2. СОЦИАЛЬНО – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

УДК 316.64

П.А. Амбарова, Г.Е. Зборовский

ВОЗРАСТНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК МЕХАНИЗМ ВОСПРОИЗВОДСТВА ВОЗРАСТНОЙ ОБЩНОСТИ*

В статье представлены результаты исследования влияния возрастных стереотипов на воспроизводство возрастных общностей. Дана авторская трактовка понятия возрастной общности и механизмов ее воспроизводства. Раскрыта сущность и противоречия возрастной стереотипизации.

Ключевые слова: возраст, возрастные общности, возрастные стереотипы, воспроизводство возрастной общности, механизмы воспроизводства возрастной общности

Возрастная общность – разновидность социальной общности, выделяемая на основе использования такого социально-демографического критерия, как возраст. Поскольку возраст – категория темпоральная, возрастную общность уместно относить к группе общностей темпорального характера. Такими общностями можно считать те совокупности (взаимосвязи) людей, критерием (или одним из критериев) которых является наличие темпоральных характеристик, выступающих в качестве основополагающих для этих общностей [2, с. 109].

Эволюционное развитие конкретного общества как живого организма, проходящего определенные необходимые и неизбежные фазы и этапы своего развития (рождение, становление, развитие, дряхление, умирание) адекватно отражается в развитии человека как переходе из одной возрастной общности в другую, из одного возраста как времени в другой возраст как время. В данном случае время мы понимаем в первую очередь не как социальную, а как биологическую категорию, то есть просто как определенный измеряемый в годах период жизни. Это и позволяет трактовать возраст как темпоральную категорию, а возрастную общность – как темпоральную общность.

Возрастные общности являются важным элементом социально-демографической структуры общества. Они выполняют функции ее воспроизводства, передачи социального опыта, служат способом взаимосвязи и взаимодействия людей, создают основу их самоидентификации и самоопределения. Поскольку возраст выступает категорией социального времени и служит фундаментальным основанием бытия человека, возрастное измерение социальной структуры общества позволяет исследовать как «вечные», так и актуальные проблемы общества.

Между тем, феномен возрастной общности важен сам по себе как объект социологического изучения. Особой проблемой выступают, в частности, механизмы воспроизводства возрастных общностей. Исследование их сущности выводит нас на понимание темпоральных противоречий как формы и способа их существования. Таким образом, привычное рассмотрение возрастной общности как совокупности людей, имеющих определенные возрастные характеристики, расширяется и проблематизируется

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00014 «Время социальной общности: методология и методы исследования стратегий разрешения темпоральных противоречий».

в контексте противоречивой взаимосвязи социального, психологического и биологического времени.

Возрастные общности представляют собой единство и взаимосвязь биологических, психологических и социальных черт и сторон, представляющих собой своеобразные темпоральные их скрепы. Поэтому мы не сможем по-настоящему понять и изучать возрастную общность с социологических позиций, если не будем владеть знаниями по возрастной психологии – отдельной, относительно самостоятельной отрасли психологического знания, у которой есть свои критерии выделения возрастов. Особые трактовки возраста имеют место и в биологической науке.

С многочисленными психологическими и биологическими трактовками возраста должны быть соединены его антропологические и акмеологические характеристики. Все четыре названные трактовки так или иначе касаются индивидуально-возрастных аспектов интересующей нас проблемы.

Между тем, существуют и ее социальные аспекты, которые привлекают внимание, прежде всего, двух научных дисциплин – демографии и социологии. При этом на функции и роль обобщающих характеристик может, по нашему мнению, претендовать лишь социологическая наука – она способна дать целостное понимание возраста, которое включает в себя его трактовку как феномена биологического, психологического, антропологического, акмеологического, демографического. Этот момент приобретает особое значение тогда, когда речь заходит о возрастных особенностях не отдельного человека, а целой возрастной социальной общности. В таких условиях приобретает особое значение определение научно обоснованных возрастных границ, которые позволят выявить соответствующие возрастные социальные общности.

Здесь имеют существенное значение и биологические, и психологические, и антропологические, и акмеологические, и демографические параметры возрастных категорий среди отдельных людей и их групп. Причем с первыми (отдельными людьми) имеют дело биология, психология, антропология, акмеология, со вторыми (группами людей) – демография и социология. При этом антропология и акмеология выполняют роль своего рода промежуточного звена при переходе от индивидуально-возрастных (биология, психология) к социально-возрастным (демография, социология) трактовкам.

Возрастные характеристики биологического, психологического, антропологического, акмеологического плана являются основой для их использования в трактовках демографического и социологического исследования. Уже здесь заложены возможности междисциплинарного подхода к изучению возрастной социальной общности и механизмам их воспроизводства.

Под *воспроизводством возрастной общности* мы понимаем смену поколений внутри одной и той же возрастной общности с сохранением ее основных количественных и качественных характеристик и социальных условий существования. Демографические процессы характеризуются типом воспроизводства основных возрастных общностей – простым, суженным или расширенным. Причем, если для описания воспроизводства населения в целом используется только один из трех типов, то для описания различных возрастных общностей могут одновременно подходить все три типа. Это означает, что одни возрастные общности воспроизводят себя в тех же самых количественных и качественных характеристиках («1х1»); другие общности характеризуются тенденциями к снижению численности или нивелированием (исчезновением) тех или иных качественных свойств; третьи, напротив, приобретают еще большие количественные масштабы и качественные показатели. Данный методологический подход к анализу воспроизводства возрастных общностей продуктивен, поскольку все они связаны между собой и образуют единую возрастную структуру конкретного общества.

Если исходить из понимания социального механизма как устойчивого по форме социального отношения, которое реализуется при любом числе повторений с максимально предсказуемым результатом [1], то мы вполне корректно можем выделить и описать

механизмы воспроизводства возрастной общности. В этом случае *механизм воспроизводства возрастной общности* будет представлять собой способ сохранения специфического социального отношения, которое направлено на выделение возрастных общностей, их маркировку и функциональную дифференциацию.

Поскольку возрастную общность как темпоральное образование мы определяем в рамках биологического, психологического и социального времени, механизмы воспроизводства возрастной общности можно условно разделить на три группы: первая связана с биологическим, вторая – с психологическим, третья – социальным временем возрастной общности.

Первая группа представляет собой биологически и природно детерминированные способы воспроизводства границ, структуры, функций, идентификационных маркеров возрастной общности. Рождение детей есть биологический способ воспроизводства возрастной общности детей. Нарастание функциональной зрелости – естественный биологический процесс взросления – также выступает способом воспроизводства молодежи как возрастной общности. Истощение жизненного биологического времени, называемое старостью, – это биологический способ воспроизводства общности пожилых и престарелых людей. Биологические механизмы воспроизводства возрастных общностей – это предмет, прежде всего, демографии.

Социальные механизмы воспроизводства возрастной общности связаны с действиями определенных социальных институтов – паспортизации, образования, пенсионного обеспечения и др. Задача этих институтов – закрепить апробированные практики и отношения между возрастными общностями и сделать такое взаимодействие предсказуемым, типичным, прогнозируемым. Известно, что с наступлением паспортного возраста в 55 лет у женщин и 60 лет у мужчин они перейдут в иную возрастную общность и приобретут иной возрастной статус. Также предсказуемо, что дети 6–7 лет, то есть школьного возраста, будут включены в следующую возрастную общность. Частью социального механизма воспроизводства возрастной общности выступают культурные механизмы – через привитие ценности того или иного возраста, через усвоение традиций и культурных образцов той или иной возрастной общности.

Социально-психологические механизмы воспроизводства возрастной общности представляют собой сложный комплекс психологических и социальных механизмов восприятия, межличностного, внутригруппового и межгруппового взаимодействия, связанного с возрастными отношениями. Одним из основных социально-психологических механизмов воспроизводства возрастной общности, на наш взгляд, являются возрастные стереотипы. Они формируются в результате взаимодействия различных возрастных общностей и отражают их представления друг о друге, в том числе о социальных и социально-психологических свойствах и моделях поведения, которые присущи каждому из них [3, с. 105–106].

Нас интересует, прежде всего, процесс усвоения и переживания людьми стереотипов восприятия своего возраста. Именно это процесс и обеспечивает воспроизводство возрастной общности. Усваивая возрастные стереотипы, человек начинает идентифицировать себя с возрастной общностью и воспроизводить модели поведения, присущие ей, автоматически включается в исполнение определенных ролей по взаимодействию с другими возрастными общностями. Так, например, вступая в возраст, определяемый социальными стереотипами как брачный или детородный, молодые люди (принявшие свой возраст) начинают активно искать брачного партнера и планируют рождением детей, воспринимают эти события как обязательные, нормативные для этого возраста. Проблема заключается в том, что по своим биологическим параметрам (биологическому возрасту) человек может быть и должен включаться в определенную возрастную общность. Но не всегда он желает этого, не всегда делает это добровольно. Порой процесс сопровождается внутриличностными и межличностными конфликтами, межгрупповой конкуренцией и противоречиями.

Поскольку возрастную общность мы рассматриваем как единство биологического, психологического и социального времени, все эти формы времени на уровне социальной общности могут находиться в разном соотношении: относительного единства, нестыковки, противоречий, дисхроноза. Так, биологический, психологический и социальный возрасты каких-то общностей (или отдельных людей) могут соответствовать друг другу. Тогда имеет место их единство. Но этого соответствия может и не быть. Когда биологический возраст опережает психологический и социальный возраст человека, мы называем такого человека акселератом, имея в виду, что в физическом плане он соответствует не своему, а более старшему возрасту. В то же время, развитие человека (общности) может быть «ниже» физических параметров своего возраста, а по социальным и интеллектуальным характеристикам обгонять его. Несоответствие может иметь и иной характер: когда последние уступают требованиям возраста (к примеру, дети с заторможенным или ограниченным развитием).

Принятие или, наоборот, неприятие возрастных стереотипов во многом зависит от самого возраста – его социальной и психологической привлекательности. В западно-европейском и российском обществе молодость и зрелость являются наиболее предпочтительными возрастными этапами, следовательно, процесс восприятия соответствующих возрастных стереотипов протекает, как правило, бесконфликтно и гармонично. В то же время пожилой возраст и старость для этих обществ непривлекательны, поэтому формально и биологически человек, вступивший в эту фазу жизненного цикла, принадлежит к старшей возрастной общности, но не идентифицирует себя с ней, а значит, не воспроизводит ее качественных и функциональных характеристик. Например, с выходом женщины на пенсию ее социальное окружение, прежде всего, ее дети, могут ожидать снижения или прекращения ее профессиональной активности и переориентацию, скажем, на воспитание внуков. В этом случае работает возрастной функциональный стереотип, присущий российскому обществу: российские женщины по достижению пенсионного возраста должны трансформировать свои социальные функции и обязанности, то есть стать «настоящими бабушками» и заняться внуками.

Кто-то действительно воспринимает пенсионный возраст в соответствии со сложившимися стереотипами и воспроизводит «синдром старушечьего платка». Кто-то активно (почти девиантно) сопротивляется им и внутренне и внешне, наперекор ожиданиям продолжая вести активную профессиональную жизнь и образ жизни, направленный на самореализацию. Радикальными проявлениями такого сопротивления могут стать вступление в новый брак, иногда с более молодым партнером, рождение детей, поступление в вуз для продолжения образования, обращение к пластическим хирургам и т.д.

Дискриминируемым часто становится детский возраст. Эйджизм проявляется в авторитарном стиле детско-родительского взаимодействия, характере отношений между образовательными общностями (учителями и учениками, преподавателями и студентами). Интересно, что стратегию «преодоления» возраста в этом случае формируют не сами дети, зачастую воспринимающие эйджизм как данность. Это делают их родители, расценивающие детский возраст как некое неполноценное состояние, которое «крадет» «полноценное» жизненное время взрослого человека. В связи с этим наблюдается стремление определенной части родительской общности обеспечить ранее интеллектуальное и даже физическое развитие своим детям, ранее «посвящение» их во взрослую жизнь. Так, возникает феномен «юных моделей», калькирующих внешний вид и модели поведения взрослых, «юных вундеркиндов», лишенных «глупого детства» и др. явления потерянного детства. Если немного отступить от возрастных рамок детства, то мы увидим, как тенденция искусственного взросления и омоложения зрелости ярко проявляется в спорте. Большинство видов спорта чрезвычайно помолодело за последние годы. Спортсмен, паспортный возраст которого приближается к 30, зачастую сталкивается с социальными барьерами на пути своей спортивной карьеры. Конечно, это явление имеет

и биологические предпосылки (акселерацию), но и социальное стереотипизирование накладывает на него отпечаток.

Обозначенное явление в последние годы приобрело масштабы тенденции и породило (или обострило) некоторые социальные проблемы. Разрушение определенных возрастных стереотипов приводит к размыванию возрастной структуры общества (выстроенной не на биологических, а социально-психологических механизмах), усилению межгрупповой конкуренции за счет снятия функциональной дифференциации возрастных общностей. В то же время этот процесс имеет много положительных следствий. Он формирует новые пути развития общества и общественных отношений за счет высвобождения и актуализации возрастных ресурсов, неиспользованных или недоиспользованных из-за действия возрастных стереотипов. Размывание возрастных стереотипов способствует укреплению толерантности и выстраиванию на новой основе межпоколенного договора. В условиях постарения общества обозначенная тенденция открывает экономические ресурсы возраста. Все это свидетельствует о том, что возрастная общность образуется и функционирует на основе сложного комплекса биологических, психологических и социальных оснований. Ее воспроизводство зависит от синхронизации, согласования этих оснований во времени и может быть построено на актуализации позитивных возрастных стереотипов.

© Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Текст. 2016

Список источников

1. Васильева Л. Н. Теория элит. Социология политики. – М. : Социум, 2011. – 208 с.
2. Зборовский Г. Е. Возрастная общность: понятие и методология ее темпорального исследования // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – № 6. – С. 109–115.
3. Курьшева О. В. Социально-психологическое исследование возрастных стереотипов молодежи // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2010. № 2. – С. 105–116. – (7. Философия).

Информация об авторах

1. Амбарова Полина Анатольевна (Екатеринбург, Россия) – кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, borges75@mail.ru)

2. Зборовский Гарольд Ефимович (Екатеринбург, Россия) – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, oldzborovsky@gmail.com)

Ambarova P.A., Zborovsky G.E.

AGE STEREOTYPES AS A MECHANISM OF REPRODUCTION AGE GROUP

The article presents the results of studies on the influence of age stereotypes at age groups reproduction. Reveals author's interpretation of the age groups concept and the mechanisms of age groups reproduction. The nature and contradictions of age stereotyping are revealed.

Keywords: age, age groups, age stereotypes, age groups reproduction, mechanisms of age groups reproduction.

Information about the authors

1. Ambarova Polina (Yekaterinburg, Russia) – PhD, associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Mira St., 19, Russia, 620002, borges75@mail.ru)

2. Zborovsky Garold (Yekaterinburg, Russia) – Sc.D., professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Mira St., 19, Russia, 620002, garoldzborovsky@gmail.com)

УДК 364.4

С.А. Анисимов, Б.С. Павлов, Д.Б. Павлов, Л.Б. Сентюрин

ЖЕНСКОЕ НАСИЛИЕ КАК АТРИБУТ ДЕСТРУКЦИЙ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В предлагаемой статье нетрадиционно анализируются феномен женского насилия в сфере семейно-брачных отношений. Рассматриваются два аспекта деструктивного поведения женщин в семье: в отношении брачного партнера (мужа, отца) и собственных детей. Оценки и выводы авторов основаны на результатах ряда социологических опросов, проведенных ими на Среднем и Южном Урале

Ключевые слова: семья, супруги, насилие над личностью, ссора, мать, дети, семейные ценности, стабильность брака

«В широком смысле слова семья, – отмечалось в редакционной статье журнала «Курьер Юнеско», – это источник жизни и прибежище для ее членов, это институт с определенными законами и иерархией, который, хотя иногда для кого-то может обернуться тяжким бременем, но вместе с тем, как правило, обеспечивает всеобщее благополучие». Выполнение семьей подобной функции предполагает, естественно, стабилизацию социально-психологического микроклимата этой первичной социальной ячейки общества, максимально исключая проявления жестокости, садизма, оскорблений личности, физического и духовного насилия, как между супругами, так и в системе отношений «отцы – дети».

Насилие над личностью подразделяется на физическое и психическое воздействие на индивида. В первом случае речь может идти о побоях, причинении физических страданий любым способом. Психическое насилие выражается в угрозах, внушении чувства страха, подавлении всякой воли. На рубеже XX–XXI вв. во всем мире заметно активизировалась волна протеста физическому насилию личности над личностью вообще и, в частности, насилию над женщиной.

В зарубежной англоязычной социологической и психологической литературе используется несколько терминов, характеризующих насилие в семье. «Domestic violence» подразумевает насилие, совершенное членами семьи по отношению к другим членам семьи – детям, супругу или супруге, родителям, другим родственникам. Используются также отдельные специальные термины, относящиеся только к супружеским отношениям – «spouse abuse» (злоупотребления в отношении супруги (-а)), «wife battering» (избиение жены), «marital rape» (изнасилование в браке). Разработанность категориального аппарата по проблеме насилия в английском языке свидетельствует о большом внимании к данной проблеме за рубежом. Сама разработанность категориального аппарата в отношении насилия, по мнению И. Д. Горшковой и И. И. Шурыгиной, свидетельствует о большом внимании к данной теме. При этом некоторые исследователи видят в отсутствии соответствующей терминологии проблему для изучения явления насилия в России¹. По-

видимому, это действительно так и есть, поскольку, например, самый распространенный термин в российской специальной литературе – «супружеское насилие» – в равной степени может подразумевать как насилие мужа над женой, так и насилие жены над мужем [1].

Насколько распространено насилие как форма межличностных отношений в семьях россиян на пороге XXI века? Какова причастность семейных женщин к проявлениям различных форм насилия по отношению к членам собственных семей? Попытаемся ответить на эти непростые и «этически-щекотливые» вопросы, опираясь на данные некоторых наших опросов.

«*Зрелая Семья – 1999*» – в шести регионах РФ, в городах Надым, Нижневартовск, Самара и Чита, Свердловской и Челябинской областей) в 1999 г. были опрошены 1360 родителей, в семьях которых воспитывался подросток в возрасте 14–17 лет. Цель исследования выявление условий социализации подростков в родительских семьях, и анализ социально-психологического климата в российских семьях в условиях проводимых экономических реформ;

«*Подросток-ДД – 2004*» – в ряде городов Уральского федерального округа проведен опрос двух групп воспитанников детских домов: а) детей младшего школьного возраста (250 чел.) и б) подростков (480 чел.) и 150 экспертов;

«*Молодая семья – 2005*» в г. Екатеринбурге были опрошены 880 молодых супругов по проблемам стабилизации отношений в молодых семьях, имеющих детей (362 мужчины и 518 женщин);

«*Подросток-ДД – 2009*» – в городах Свердловской и Тюменской областей опрос 490 подростков – воспитанников детских домов и 290 экспертов;

«*Детство – 2014*» – по квотной выборке опрошены 150 экспертов, представителей трех основных социально-профессиональных групп:

50 – преподаватели общественных наук в вузах – «*ВУЗ*»;

50 – специалисты областных, городских и районных социальных служб – «*Организаторы*»;

50 – специалисты в сфере социальных наук – «*Наука*».

Экспертам предлагалось сделать краткосрочный (на период 2014–2020 гг.) прогноз развития позитивных и негативных социально-поведенческих процессов в молодежной среде, в сфере семейной, детской и молодежной политики РФ.

Как проявляется насилие над личностью в семьях россиян? Дабы прояснить это обстоятельство, в опросе «*Зрелая семья – 1999*» родителям задавался следующий вопрос: «У вас, наверняка бывают доверительные беседы со своими семейными друзьями, подругами. Не могли бы вы ответить на следующий вопрос: “Сталкиваются ли ваши подруги (друзья) в своей семейной жизни с насилием, оскорблениями разного рода со стороны своего супруга (супруги)? Если такое есть, то в какой форме?”». Наши респонденты в данном случае выступили своеобразными экспертами по поводу стиля отношений в семьях своих друзей, подруг. Лишь каждый седьмой респондент (около 15 % от общего массива) отметил вариант ответа в анкете: «В семьях моих друзей, подруг *таких фактов насилия и оскорбления нет*». Подавляющая часть опрошенных фиксировала факты насилия, которые, по их наблюдениям и сведениям проявляются в следующем (% от общего числа опрошенных по каждому городу; Челябинск / Самара / Чита):

- экономическое (упреки из-за денег)	- 39 / 31 / 30
- психологическое (упреки, оскорбления)	- 32 / 27 / 44
- физическое (рукоприкладство)	- 26 / 17 / 18
- оскорбления, связанные с родителями	- 23 / 15 / 17
- не знают, затруднились ответить	- 17 / 25 / 16

Мы затрудняемся объяснить лидерство южноуральцев (для этого необходимы более углубленные социально-психологические исследования), но факт остается фактом:

практически по всем позициям насилия семьи челябинцев опережают волжан и забайкальцев.

Один из немаловажных механизмов трансформации общественных отношений – задача, которую предстоит решить российскому обществу – преодоление сложившихся стереотипов. К числу последних относится устоявшееся мнение, что субъектом насилия в семье является исключительно мужчина. Расхожее мнение здесь общеизвестно: мужчина (муж) – насильник, женщина (жена) – жертва. Подобная раскладка семейных ролей – излюбленный вариант освещения «семейных баталий и стычек» в произведениях литературы, кино, в зарисовках тележурналистов.

Между тем, нельзя закрывать глаза на тот факт, что нередко мужчина и женщина меняются в ролевом распределении «насильник – жертва». Подтверждением тому может служить хотя бы судебная уголовная статистика, наличие женских тюрем и исправительно-трудовых учреждений. При этом причастность женщины к насилию в семье проявляется в двух основных формах: женщина – как инициатор (побудитель) проявлений насилия со стороны мужчины или других членов семьи (провоцирование насилия), женщина – субъект насилия.

Опрашивая 880 молодых супружеских пар в г. Екатеринбурге *«Молодая семья – 2005»* мы попытались прояснить социологическую «анатомию» происходящих на Урале ссор между молодыми мужем и женой. Ниже представлены три вопроса, заданных нами в анкетах по поводу семейных ссор и мнение респондентов по этому поводу (% от общего числа респондентов):

1. *Можно ли обойтись без ссор в семейной жизни?*

Да, наверное, можно	23
Ссоры иногда необходимы	52
Без ссор не бывает семейной жизни	25
2. *Кто чаще является зачинщиком ссор?*

«Непонятно кто»	33
Жена	28
Муж	15
Оба	24
3. *Кто чаще уступает в семейных конфликтах?*

Обоюдно	49
Муж	30
Жена	21

Причинно-следственная «пестрота» возникновения и гашения семейных ссор связана не только с субъективными факторами. В них отражаются и объективные послы социально-психологических сложностей и противоречий, сопровождающих процесс адаптации членов семейного союза друг к другу, адаптации семейного союза к окружающей их среде жизнедеятельности. Было бы, например, неправильным считать процесс стабилизации семьи (в частности, молодой), детерминированным лишь внутрисемейными отношениями, зависящими от уровня духовной культуры и эмоционального развития супругов [2].

Можно выделить несколько аспектов деструктивного поведения (отношения) замужней женщины к своему супругу:

б) жена выступает в роли «духовного садиста» над личностью мужа. Предметом, поводом таких проявлений могут служить, например частичная или полная импотенция супруга, низкая профессиональная дееспособность, «факты прошлой биографии» и т.п.;

а) жена осознанно выступает провокатором насилия со стороны мужа;

в) хотя и редко – это прямое физическое насилие над мужем;

Эта не столь импозантная для прекрасной половины человечества деятельность в семье может быть направлена как на собственных детей, так и на чужих, в случае, когда профессиональная деятельность женщины связана с воспитанием и уходом за детьми

(женщины-учителя, воспитатели детских дошкольных учреждений, приемные матери и др.). По нашим данным, например, в каждой четвертой-пятой уральской семье в арсенале воспитательных средств присутствуют физические меры наказания. При этом матери выступают как прямые исполнители семейного вердикта, так в качестве следователя, наводчика на «карательную» деятельность со стороны отца ребенка. При этом важно различать не только физическое, но, чаще, духовное насилие над ребенком, приводящее в некоторых случаях к трагическому финалу – суициду детей. По данным новосибирских социологов формы наказания своих детей родителями-сибиряками варьируются (по признаниям самих детей) следующим образом (% от общего числа ответивших):

Формы и виды оскорблений:	%
вербальная агрессия (обвинения, крик)	43
вербальная агрессия (обвинения, крик)	43
ограничения активности ребенка (угол, запрет на прогулки)	25
физическая агрессия	23
беседа с родителями	15
отказ от ответа («я забыл»)	8

Нетрудно видеть, что наказания детей сегодня носят преимущественно репрессивный характер [3]. Бесспорно, дети – сама незащищенная, уязвимая социальная группа. По вине взрослых они оказываются в зонах стихийных и природных катастроф, военных действий, становятся жертвами физического, сексуального, эмоционального насилия. По данным ООН, от произвола родителей ежегодно страдают около 2 млн детей в возрасте до 14 лет. Каждый десятый из них умирает, а 2 тыс. кончают жизнь самоубийством. Сравнительно-сопоставительный анализ притесняющих, конфликтных отношений взрослых и детей показывает, что больше всего страдали и страдают воспитанники воспитательных колоний, спецшкол, спецПУ, подростки, стоящие на учете в ОДН. Именно из этих категорий «обиженных» детей вырастают «обидчики», насильники, притеснители, злодеи [4].

Результаты опроса, проведенного НИИ семьи по заказу Комиссии по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ, показали, что насилие в семье может иметь различные формы – от эмоционального и морального шантажа до применения физической силы, и именно последнее практикуется наиболее часто. Отвечая на вопрос «За что бьют детей в знакомых вам семьях?», респонденты назвали следующие причины: «за провинности» – 26%; «срывая раздражение» – 29%; «когда в доме беда» – 20%, «когда не могут справиться с ними другим способом» – 19%; «потому что их не любят» – 5%; «это делают психически неуравновешенные» – 14%; «это делают пьяницы, алкоголики» – 29% [5, с. 87].

О реестре, условиях, социально-психологическом фоне, сопровождавшем процедуру наказаний детей в неблагополучных семьях, можно судить и по ответам юных респондентов на вопрос: «Какие из перечисленных ситуаций бывали в Вашей семье?». Вот как распределились ответы на этот довольно-таки непростой вопрос (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе дети младшего школьного возраста – «Подросток-ДД – 2004» – 250 чел.; в знаменателе подростки – «Подросток-ДД – 2009» – 490 чел.):

- постоянно не хватало денег	- 37 / 45
- ежедневно пьет спиртное мать	- 33 / 27
- ежедневно пьет спиртное отец	- 28 / 24
- постоянно не хватало еды, продуктов	- 25 / 24
- между родителями постоянно возникают ссоры, оскорбления	- 25 / 28
- в доме у вас часто бывают пьяные компании	- 22 / 22
- нигде не работает (уволители, уволилась сама) мать	- 19 / 23

- в квартире (комнате) вечно беспорядок	- 18 / 14
- родители относились к тебе, другим детям Безразлично	- 17 / 10
- часто не бывает дома мать	- 17 / 16
- в доме у вас часто слышна нецензурная брань	- 16 / 22
- между родителями постоянно возникают драки	- 16 / 17
- нигде не работает (уволители, уволился сам) отец	- 15 / 12
- в доме у вас часто ночуют, проживают друзья, знакомые родителей	- 15 / 15
- часто не бывает дома отец	- 13 / 13
- родители обращались с тобой, другими детьми жестоко, били	- 12 / 11
- не ответили на вопрос	15 / -

Проблематичным во многом представляется сегодня положение несовершеннолетних детей в так называемых асоциальных семьях (семьях риска). Как правило, ребенок (дети) остается один на один с родителями-девиантами, подвергаясь нередко физическому или духовному насилию, растленному влиянию социально-психологической и нравственной атмосферы такой родительской семьи [6, 7]. «Конечная цель разумного воспитания, – писал русский педагог Н. И. Пирогов, – должна заключаться в постепенном преобразовании в ребенке ясного понимания вещей окружающего мира и преимущественно общественного, то есть того, в котором со временем придется действовать. Это – прежде всего. Затем последовательным результатом такого понимания должно быть возведение добрых инстинктов детской природы в сознательном стремлении к идеалам правды и добра. И наконец, в задачу воспитания как результат того и другого должно входить постепенное образование нравственных современных убеждений, образование твердой и свободной воли и, следовательно, воспитание тех гражданских и человеческих доблестей, которые составляют лучшее украшение времени и общества» [7].

Нетрудно видеть, насколько несовместим и непригоден для выполнения такой родительской миссии образ жизни многих семей, для которых обыденным проявлением активности выступают постоянные пьянки родителей, ссоры и драки между ними, превращение квартир в притоны для пьяных компаний. По признаниям детей и подростков, практически в каждой третьей семье постоянно пьет не только отец, но и мать. «С грустью надо сознаться, – писал замечательный русский адвокат А. Ф. Кони, – что есть случаи, когда главная опасность для ребенка не только в отсутствии семьи, но и в ее наличности» [8, с. 174].

Мы не ставили перед собой задачу обвинять или оправдывать женщин за подобную, казалось бы, несвойственную им деятельность в семье. Не будем, как говорят, перекладывать грехи с больной головы на здоровую. Нам бы хотелось акцентировать внимание специалистов, прежде всего, социальных психологов на актуальности этой проблемы. Тем более что российское общество стремительно приобретает к феминистским движениям, предполагающим, как известно, равноправие полов во всех видах деятельности. Насилие (в том числе женское), к сожалению, пока не потеряло своих позиций в разрешении споров и противоречий между представителями двух половин человечества. Мысль Президента РФ о том, что «сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп – милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи, – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились» [9, с. 199], на наш взгляд, может быть отнесена к отношениям, складывающимся во многих семьях россиян, в том числе россиян, живущих на Урале.

Список источников

1. Горшкова И. Д., Шурыгина И. И. Насилие против жен как проблема социологического анализа. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/gorshkova.htm>
2. Павлов Б. С., Бондарева Л. Н. Особенности культуры демографического поведения молодых семей на Урале // Дискуссия. – 2012. – № 6. – С. 85-93.
3. Николаева Е. И. *Тоталитаризм в семье // ЭКО. – 1997. – № 9*
4. Павлов Б. С. Детские дома в России. Опыт ретроспективно-прогностического анализа. На материалах социологических исследований. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. – 450 с.
5. Ильяшенко А. Н. Основные черты насильственной преступности в семье // Социс. – 2003. – № 4.
6. Павлов Б. С., Королёв Е. Г. Семья и детская безнадзорность. Диагноз социального феномена. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2004.
7. Павлов Б. С., Зверева Г. Л., Петрова В. А. Родители и дети в большом городе. Проблемы социального отчуждения. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН. 2009. – 220 с.
8. Пирогов Н. И. Избр. педагогические сочинения. – М.: Педагогика. 1985.
9. Кони А. Ф. *Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. Статьи и заметки. Судебные речи.* – М.: Издательство «Юридическая литература», 1958.
10. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.b-port.com/news/item/93504.html> (дата обращения 28.02.2013 г.)

Информация об авторах

1. Анисимов Сергей Алексеевич (г. Москва, Россия) – доктор социологических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, г. Москва, ул. Вернадского, 84).
2. Павлов Борис Сергеевич (г. Екатеринбург, Россия) – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru).
3. Павлов Денис Борисович (г. Екатеринбург, Россия) – юрист, Адвокатское бюро Свердловской области «Юралс Лигал» (620075, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, д. 101).
4. Сентюрин Лидия Борисовна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат медицинских наук, врач-эндокринолог высшей категории, Городская клиническая больница № 40 (620102 г. Екатеринбург, ул. Волгоградская, 189.).

Anisimov S. A., Pavlov B. S., Pavlov D. B., Sentyurin L. B. FEMALE VIOLENCE AS ATTRIBUTE OF DESTRUCTIONS OF THE FAMILY-MARRIAGE RELATIONS

In the offered article are nonconventionally analyzed a phenomenon of female violence in the sphere of the family and marriage relations. Two aspects of destructive behavior of women in a family are considered: concerning the marriage partner (the husband, the father) and own children. Estimates and conclusions of authors are based on results of a number of the sociological surveys conducted by them in Central and South Ural.

Keywords: family, spouses, violence over the personality, quarrel, mother, children, family values, stability of marriage.

Information about the authors

1. Anisimov Sergey Alekseevich (Moscow, Russia)- Doctor of Sociology Sciences, Professor, The Russian Presidential Academy and Public Administration (84, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia).

2. Pavlov Boris Sergeevich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moscovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia).

3. Pavlov Denis Borisovich (Yekaterinburg, Russia) – Lawyer, Law Office of Sverdlovsk region «Urals-Legal» (101, Mamina Sibiryaka St., Yekaterinburg, 620075, Russia).

4. Sentyurin Lydia Borisovna (Yekaterinburg, Russia) – PhD, endocrinologist highest category, Clinical bolnitsa № 40 (189, Volgograd St., Yekaterinburg, 620102, Russia).

УДК 159.98

М.Р. Арпентьева

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ: НРАВСТВЕННЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНЕРЦИИ И АКТИВИЗАЦИИ

Статья посвящена проблемам репродуктивного здоровья и нарушений репродуктивного здоровья как компонента национальной безопасности России. Проблемы нарушений репродуктивного здоровья рассматриваются как результат разрушений традиционных духовно-нравственных ценностей, их социальных, психологических и психосоматических следствий.

Ключевые слова: *национальная безопасность, репродуктивное здоровье, аборт, заболевания, передаваемые половым путем, экстракорпоральное оплодотворение*

Воспроизводство населения – сложный и многофакторный процесс. Вопреки расхожим представлениям, ведущими моментами благополучия воспроизводства населения являются моменты, связанные не с материальной и физической стороной жизни людей, а с их психологическим нравственным благополучием. Нравственные и психологические аспекты инерции и активизации воспроизводства населения России являются, на наш взгляд, центральными. Потрясения, пережитые населением России, начиная с конца XX в. и переживаемые до сих пор, – это, во многом, потрясения нравственно-психологические: широкое проникновение идеологии «свободных отношений», «здорового секса», потребительских ориентаций в выборе партнеров (супругов), потребительское отношение к детям и окружающим людям в целом, отказ и осмеяние значимости достижений предыдущих поколений, негативное отношение к пожилым, инвалидам, всем слабым и страдающим людям, животным, стремление к собственному благополучию и распространению влияния за счет других людей (социальный каннибализм), распад общественных движений и систем общественной поддержки человека, прекаризация труда и отказ государства от львиной части своих обязательств в сфере образования, здравоохранения, защиты прав населения, и т.д., – все это ударило по способности населения к воспроизводству. Население почувствовало себя ненужным, незащищенным и растоптанным: неспособным влиять на собственную жизнь и жизнь окружающих, защитить свою жизнь и жизнь детей и, тем более, взять на себя обязательства в отношении воспитания и содержания детей, жизнь которых будет полна таких же страданий, нравственных деформаций и бессмыслицы, как и жизнь родителей..

По определению ВОЗ, репродуктивное здоровье есть состояние полного физического, умственного и социального благополучия во всех вопросах, касающихся функций и процессов репродуктивной системы, а также психосексуальных отношений на всех стадиях жизни [2-4]. Другими словами, это способность людей к зачатию и рождению детей, возможность сексуальных отношений без угрозы заболеваний,

передающихся половым путем, гарантия безопасности беременности и родов, выживание ребенка, благополучие матери и возможность планирования последующих беременностей, в том числе предупреждения нежелательной. Таким образом, репродуктивное здоровье – одна из основных составляющих общего здоровья каждого конкретного человека, каждой семьи и общества в целом. Репродуктивный процесс – это система или последовательность репродуктивных событий (начало половой жизни, беременности, роды, прерывание беременности, использование контрацепции и т. д.) [1, 5, 6, 8, 14-16]. Каждая из этих составляющих может быть как здоровой, так и нарушенной. Среди всех факторов, влияющих на это и на репродуктивное поведение женщин и мужчин, наиболее важными являются материальный достаток, социальная стабильность и здоровье будущих детей; к факторам, ограничивающим деторождение, относятся неуверенность в прочности семейных отношений, страх потери работы и бедности, желание ограничить свои заботы, связанные с беременностью и рождением ребенка [7, 9, 11-13].

В условиях длительного и интенсивного социального кризиса нарушения репродуктивного здоровья мужчин и женщин – одна из ведущих тем сегодняшней повседневности: рост количества бесплодных пар и бездетных браков, генные и иные врожденные аномалии родов и при родах, детоцид и промискуитет, иные формы нарушений репродуктивного поведения настолько распространены, что чаще вызывает удивление их отсутствие, чем наличие. Современная Россия столкнулась с серьезной демографической проблемой – депопуляцией, вынудившей занятое лишь собой государство обратить внимание на проблемы пополнения и сохранения народонаселения и здравоохранения, в том числе – в области сохранения репродуктивного здоровья граждан [3]. На фоне продолжающегося в регионе падения рождаемости, снижения численности женщин и мужчин репродуктивного возраста и женщин и мужчин, обладающих репродуктивным здоровьем и желанием иметь детей, продолжается рост экстрагенитальной, гинекологической и андрологической заболеваемости, числа медицинских аборт и прерываний беременности самопроизвольными выкидышами, а также рост психических и психосоматических нарушений, препятствующих нормальной полноценной репродукции. Если раньше здоровыми рождалось порядка 95% детей, то сейчас здоровый ребенок – скорее исключение: порядка 95% детей рождаются больными, в том числе – нежизнеспособными. Растет и смертность детей в первые месяцы и годы жизни: дети, по-видимому, не хотят оставаться в мире, где «никто никому не нужен», где в отношениях людей царит отчужденность, отчаяние и подавление.

Важным показателем состояния системы репродукции являются исходы первой и последующих беременностей, которые характеризуют репродуктивное здоровье и репродуктивное поведение женщин, а также находящихся рядом мужчин. Исход беременности связан с рождаемостью в силу ряда причин. Неблагоприятный исход беременности, особенно если она первая, в силу отсутствия надлежащей психологической и социальной поддержки семьи, усеченной и часто профанированной медицинской помощи, часто приводит к вторичному бесплодию, развитию синдромов привычной потери плода и другим нарушениям репродуктивной функции, способствующим в последующем росту количества бездетных семей. После прерывания беременности нередко возникают гинекологические заболевания, требующие интенсивного и долгого лечения, что приводит к увлечению интервала между наступлением следующей беременности. К этому времени возраст женщины и мужчины, состояние их психического и соматического здоровья далеко не всегда остаются благоприятными для деторождения и – что еще важнее – для содержания и воспитания ребенка. Хотя в большинстве цивилизованных стран давно произошла «контрацептивная революция», вытеснившая аборт из методов регулирования деторождения, в России, имеющей критически низкий уровень рождаемости, аборт как практика внутрисемейного регулирования деторождения остается основной: удивляет иногда лишь живучесть людей, совершивших до 20 и более аборт в своей жизни. Позиция государства в отношении репродуктивного и иного

здоровья людей носит характер внешнего декларативного игнорирования, однако поскольку рост и смертности и нарушений репродуктивного здоровья продолжается, можно говорить и о том, что государство в них заинтересовано – таким образом, граждане всего лишь выполняют общее предписание: не мешать бюрократическому монолиту жить только ради себя самого. В России «контрацептивная революция» длительное время была блокирована, и ежегодно миллионы граждан прибегали к аборту, не задумываясь о том, что совершают убийство не только нерожденных детей, но и самих себя, рода. Медицина, при всем ее внимании к биоэтике, в лучшем случае полагает аборт «безнравственным, вредным для здоровья методом регулирования рождаемости». Естественно, что граждане, не имеющие и не желающие использовать иные формы, могут парировать это простым «а кому сейчас легко?» и постараться забыть о совершенном убийстве – до нового. Медицина же, кроме того, приноровилась использовать аборты в собственных целях и в целом ряде случаев малообразованные и просто заинтересованные в «дополнительном заработке» специалисты рекомендуют семьям аборт «по медицинским показаниям», исподволь пропагандируя и сам аборт и отношение человека к себе как к механизму, телу. Аналогичным образом дело состоит в рекламе промискуитета: «секс для здоровья» практикуют значительное число людей во всем мире, не задумываясь ни о психологических, ни о физических, ни о – тем более – нравственных последствиях сделанного.

Вместе с тем, психологические аспекты данной проблемы остаются во многом нераскрытыми и недооцененными. Психологические аспекты репродуктивного здоровья женщин и мужчин – также одна из наименее изученных тем как в психологических, так и в медицинских исследованиях. Сам по себе концепт «репродуктивное здоровье» является с точки зрения психологии комплексным, включает ряд уровней и компонентов. В качестве ведущих можно назвать 1) здоровье как нормальное функционирование организма, репродуктивной и остальных систем, гармония и зрелость человека как организма; 2) здоровье как нормальное функционирование личности, ее личностная и межличностная зрелость, включая гармонию и зрелость личностных и межличностных структур, связанных с репродуктивным аспектом жизнедеятельности и отношений; 3) здоровье как нормальное духовно-нравственное функционирование человека, гармония и зрелость его отношений с обществом и государством, с людьми и природой, с мирозданием в целом, в том числе гармония и зрелость духовно-нравственных структур, связанных с репродукцией. Очевидно также, что необходимо гармоничное взаимодействие трех выделенных уровней и гармоничное взаимодействие данных уровней и женщины и мужчины. Такое гармоничное и зрелое взаимодействие обозначается понятием «совместимость». Данное понятие является в системе знаний о репродуктивном здоровье женщин и мужчин наиболее разработанным, однако, оно не описывает многих важных аспектов этого здоровья, а также не изучено настолько, чтобы делать какие-либо обоснованные выводы. Нарушения репродуктивного здоровья мужчины или женщины включают ряд аспектов: 1) нарушения физического здоровья как отклонения от нормального функционирования организма, репродуктивной и других систем; 2) нарушения психологического здоровья как отклонения от нормального функционирования личности, ее личностная и межличностная незрелость и дисгармония; 3) нарушения духовного здоровья как отклонения от нормального функционирования человека, дисгармония и незрелость его отношений с мирозданием и жизнью в целом, с точки зрения медицинской психологические и духовные аспекты нарушений вторичны или фоновы, однако, с точки зрения психолога, а также целителя и священника, – они первичны. Не вдаваясь в спор о первичности, отметим те линии и аспекты их взаимодействий, нарушений которых приводит к отклонениям.

В целом, медицина предполагает, что если нет деформаций и иных нарушений репродуктивной системы, любой человек (женщина и мужчина) способен к репродукции в паре с другим человеком с отсутствием или незначительными нарушениями. Психология

этого оптимизма не разделяет, так же, как и не разделяет пессимизма «приговоров», становящихся в практике современной медицины все более типичными («детей не будет»). В нашей собственной практике консультативно-психологической работы со студентами очных и заочных отделений в возрасте 17-45 лет показывают, что «приговоры» достаточно часто не сбываются там, где репродуктивное здоровье человека рассматривается не как отсутствие нарушений репродуктивной системы или «несовместимость» репродуктивных систем или организмов родителей, а как целостная система, включающая все три выделенных аспекта.

Цель настоящей работы – анализ психологических аспектов сохранения и восстановления репродуктивного здоровья мужчин и женщин, психологических аспектов нарушений репродуктивного здоровья мужчин и женщин профилактики и коррекции нарушений репродуктивного здоровья человека.

В работе использовались теоретический и эмпирический анализ вопросов формирования, сохранения, восстановления и укрепления репродуктивного здоровья у мужчин и у женщин, а также профилактики, развития и коррекции нарушений репродуктивного здоровья человека.

Исследование психологических аспектов репродуктивного здоровья включало качественный и количественный, контент-анализ консультативных бесед (интервью) и опросов с 150 обучающимися в вузах Москвы и Калуги на протяжении 2006–2016 гг. [10]. В состав основной выборки вошли обучающиеся, имевшие проблемы репродуктивного здоровья, не способные по тем или иным причинам на момент начала обследования иметь детей: 20 молодых и 30 зрелых, 20 мужчин и 30 женщин. В состав дополнительной выборки вошли 100 студентов тех же вузов, не имеющих нарушений репродуктивного здоровья, в том числе 50 имеющих и 50 не имеющих детей. Все респонденты в течение исследования прошли курс обучения по дисциплинам «социальная медицина» и «клиническая психология», важным моментом которого стала рефлексия и работа с понятием «репродуктивное здоровье». Основная выборка была сформирована на основе личных обращений респондентов за психологической консультацией по поводу проблем репродуктивного здоровья. Обе выборки посетили ряд лекционно-практических занятий, посвященных проблемам профилактики и коррекции нарушений репродуктивного здоровья.

В исследовании психологических аспектов нарушений репродуктивного здоровья участвовали 80 чел. с различными нарушениями репродуктивного здоровья, в том числе 40 женщин и мужчин, не имеющих детей и 40 женщин и мужчин, имеющих или отказавшихся от приемных детей (первую половину каждой и подгрупп составляли мужчины, вторую половину – женщины). Исследование проводилось в Обнинске, Калуге и области целом в 2010–2015 гг. Основным методом исследования – контент-анализ данных структурированных опросов.

Теоретический анализ проблемы, вместе с данными интервью и бесед в ходе консультативно – психологической и педагогической работы с обучающимися позволяют выделить несколько важных моментов:

1. Исследование психологических аспектов репродуктивного здоровья выявило комплексные и выраженные нарушения репродуктивного здоровья у опрошенных (100% представителей основной группы, 45% дополнительной). В ходе учебных и консультативных занятий с обучающимися, направленных на осмысление проблем формирования и укрепления репродуктивного здоровья, показатели нарушения были снижены (44% основной и 20% дополнительной выборок). Кроме того, в течение года после консультаций и учебных занятий у 28 респондентов основной и 20 дополнительной групп родились здоровые дети. Основная часть респондентов дополнительной группы планирует иметь детей в будущем. 50% основной группы, родившие детей, опасаются рожать еще одного ребенка: «беременность далась слишком тяжело»: страхи беременных и мужей беременных поддерживались окружающими, в т. ч., весьма интенсивно –

медицинским персоналом женских консультаций: «он все равно не выживет» (ребенок), «муж тебя бросит, если родишь», «не от тебя рождает», «теперь покоя не будет».

2. Сравнение данных интервью и опросов до начала и после окончания консультативно-обучающей работы показывает, что в сознании респондентов ведущей структурой «репродуктивного здоровья» начала выступать не собственно физиологическая, а духовно-нравственная гармония и зрелость человека, которая через посредство «психологической» структуры во многом позволяет гармонизировать функционирования и взаимодействие организмов будущих родителей (с 10% до 50% основной и с 20% до 75% дополнительной групп). Ведущими аспектами духовно-нравственного здоровья человека в отношении репродукции является «репродуктивная свобода» как отсутствие нравственных запретов на процесс репродукции и иных форм интенсивного жизнеотрицания (порядка 90% обеих групп), отсутствие чрезмерной привязанности к партнеру и отношениям с ним (в том числе интимным) (60% основной и 70% дополнительной), отсутствие чрезмерного «эгоцентризма» (гордыни и самолюбования) (50% обеих групп), а также наличие таких установок, как смирение (принятие собственных и чужих недостатков и несовершенства), нравственная обоснованность репродукции (любовь и благоговение перед жизнью), любовь и уважение в отношениях с партнером, родителям и будущим детям, людям в целом: терпение и понимание собственного предназначения (60% основной и 75% дополнительной групп).

2. По мнению респондентов, психологическое здоровье человека есть практически непосредственное отражение здоровья духовно-нравственного, оно позволяет человеку продуктивно и эффективно находить и исправлять ошибки функционирования и развития, в том числе в сотрудничестве с партнером и со специалистами (врачами, психологами и т. д.). Так, репродуктивная свобода – следствие отсутствия родовых, родительских и общесоциальных программ – запретов репродукции («принести в подол» «плодить нищету» и т. д.). Жизнеотрицание приводит к суицидальному поведению и ряду форм поведения, его заменяющему (лекарственные, пищевые и иные наркомании, включая трудовголизм и т. д.) или отражающему (депрессии и астении, т. д.) (50% основной и 45% дополнительной групп до начала работы). Напротив, присутствуют спокойная гордость «продолжением рода» и готовность преодолевать трудности и препятствия жизни, не впадая в отчаяние, не завися от партнера и от окружающих людей, не теряя уважения к себе и людям (10% основной и 45% дополнительной групп до начала работы, 50% основной и 85% дополнительной групп после). Отсутствие гордыни и самолюбования позволяет интересоваться миром, другими людьми, проявлять действенную эмпатию и добровольно жертвовать – дарить миру, включаться в отношения служения и взаимопомощи, «поддержки слабого», включая «слабого» – ребенка. Весьма важным моментом является отсутствие психологической зависимости от другого человека: недифициентные, свободные отношения, способность не зависеть от настроения и состояний окружающих, их мнения, наличие собственной позиции и «собственной» жизни, отсутствие попыток заменить свою жизнь жизнью друзей, родителей, сиблингов, работой. Важно также наличие осознанного представления о том, «откуда пришел» и «куда движется» человек, гибкость перед лицом «крушения планов» и иных «обстоятельств» (40% основной и 55% дополнительной групп). Различия представлений о репродуктивном здоровье и отношений к его компонентам у респондентов до и после консультативной и обучающей работы значимы на уровне 0,05, различия между основной и дополнительной группами значимы на уровне 0,01, между мужчинами и женщинами – незначимы.

Исследование психологических аспектов нарушений репродуктивного здоровья, в том числе данные контент-анализа опросов респондентов показали, что нарушения репродуктивного здоровья связаны во многом с тем, что человек как целостность не хочет быть здоровым: ему не нужны дети или он использует отсутствие или наличие детей для достижения иных целей. У семей-опекунов и бездетных пар «модна», например, точка

зрения, согласно которой дети как «спиногрызы» поглощают жизненные ресурсы родителей, поэтому дети и партнер противоположного пола, также способный посягать на время и иные ресурсы человека, – «не выгодны» (90% первой и 80% второй подгрупп). Распространенность примитивной «экономической модели» брачных и иных отношений как отношений взаимного или одностороннего потребления – использования, является, по-видимому, прямым следствием деформаций духовно-нравственных отношений общества и конкретных его представителей к себе и миру, к жизни. Дополнительная модель «секс для здоровья» и «необременительные связи» позволяет игнорировать данные деформации и при возникновении «проблем» (в форме беременности), оправдывать детоцид (аборты и выкидыши) «обстоятельствами» (70% бездетных пар, 70% опекунов и 50% принимающих родителей). Однако внешние оправдания не так эффективны, как кажется: по данным современных исследований, многочисленные половые связи с многочисленными половыми партнерами негативно сказываются на телесном, психологическом и духовном состоянии человека, а также его потомков. Респонденты лишь отчасти осознают эту связь (30% принимающих родителей, 20% бездетных, 0% опекунов). Отсутствие же связей у занятых «виртуальными реальностями» наркоманов (химических и пищевых, трудоголиков и игроманов и т.д.) хотя и гарантирует защиту от ряда половых заболеваний, приводит к аналогичному результату немного иными путями (30% бездетных пар). Эгоцентризм и нарушение взаимоотношений с собой и миром – один из центральных факторов бездетности самой разной этиологии (90% опекунов, 80% бездетных пар, 60% принимающих родителей). Ребенок, очевидно, не рождается там, где он не нужен. Второй фактор – внешне «противоположный», связан тем что ребенок «очень нужен»: для активного использования в целях удовлетворения потребностей родителей. Наши и осуществлённые в последнее пятилетие исследования клиентов (пациентов) (ЭКО и иных форм суррогатно-замещающего родительства, включая популярное сейчас усыновление и опекунов и т. д.) показывают, что клиенты в массе своей не готовы и внутренне не стремятся к рождению ребенка, не представляют что такое ребенок в их жизни (90% опекунов, 70% бездетных пар и 10% принимающих родителей). Напротив, счастливые семьи усыновителей, так же, как и счастливые семьи с родными детьми, таким пониманием владеют: «чтобы любить детей», «чтобы расти вместе с детьми», «чтобы служить миру». Эти семьи, в отличие от «неготовых», как показали наши исследования бездетных парт и замещающих семей, имеющие гармоничных приемных детей чаще посещают церковь (мечеть и т.д.) и более интенсивно откликаются на обучающие и консультативные занятия, направленные на коррекцию и развитие духовно-нравственных аспектов отношений (20% бездетных пар, 10% опекунов, 30% принимающих родителей). Им недостаточно знать «рецепты» правильного поведения, они нуждаются и сознают нужду в духовном осмыслении себя и мира, отношений детьми. Когда ребенок желается, «нужен» чтобы закрыть «бреши» в личности и жизни родителей, это означает, что он «на самом деле» – *не нужен*: приобрести его можно – так или иначе «купив». Однако естественные формы репродукции для таких людей остаются часто закрытыми. Если же семья чрезмерно сильно хочет ребенка, то это также говорит о том, что в семье есть проблемы отношений, которые семья пытается решить посредством рождения ребенка. Так, некоторые женщины и даже мужчины часто вступают в брак «чтобы показать свою состоятельность», «нужность» как партнеров или объектов сексуального, финансового и иных «желаний», ребенок также *желается* ради доказательства «полноценности», «состоятельности» семьи или каждого их родителей (80% бездетных, 50% опекунов, 30% принимающих родителей). Но парадокс в том, что ребенку, которого так ждут, нет дела до *желаний*: ребенок приходит и остается, когда в нем есть нужда. Выкидыши и возвраты детей в интернаты – яркие примеры «завершенных желаний» (20% принимающих родителей отказавшихся от детей). Неготовые родители, по-видимому, исполнили свое желание – ребенок пришел. Чтобы он остался – нужна искренняя потребность, *нужда*. Здоровье так же – есть там, где в нем есть *нужда*.

Здоровье это еще и умение отличать – *нужды и желания*. Указанные различия между тремя группами значимы на уровне 0,05, различия между женщинами и мужчинами в целом незначимы: психологически пара живет как единое целое.

Репродуктивное здоровье женщин и мужчин – комплексный феномен, важную роль в формировании и развитии которого играют духовно-нравственные и социально-психологические аспекты. При наличии и гармонии выделенных выше аспектов репродуктивное здоровье долго сохраняется и быстро восстанавливается: человек правильно относится к себе и жизни. Наличие выделенных характеристик здоровья позволяет оценить репродуктивный потенциал каждого отдельного человека, успешно осуществить психологическую помощь лицам, желающим иметь детей. Нарушение репродуктивного здоровья связано нежеланием и неготовностью потенциальных родителей быть родителями – обеспечивающими нравственное благополучие наставниками и воспитателями, обеспечивающими психологическое благополучие друзьями и компаньонами, а также обеспечивающими материальное благополучие опекунами детей.

© Арпентьева М. Р. Текст. 2016

Список источников

1. Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 287 с.
2. Эволюция брачности и рождаемости в советский период / Вишневский А.Г. и др. // Население СССР за 70 лет. – М. : Наука, 1988. – С. 75-114.
3. Вишневский А. Г. Тенденции рождаемости в Российской Федерации в сравнении с другими промышленно развитыми странами // Низкая рождаемость в Российской Федерации. Вызовы и стратегические подходы : мат-лы. междунар. семинара. – М., 2006. – С. 9–26.
4. Ермолаева Е. В. Репродуктивное здоровье женщин и мужчин на современном этапе // Аспирантский вестник Поволжья. – 2010. – № 7-8. – С. 86-91.
5. Зайцев Г. К., Зайцев А. Г. Сексовалеология взросления // Педагогика. – 2005. – № 5. – С. 49-58.
6. Зайцев Г. К., Зайцев А. Г., Хаптанова Т. Г. Половое воспитание подростков: ценностное отношение к здоровью // Вопросы психологии. – 2002. – № 3. – С. 33-40.
7. Захарова О. Д. Эволюция рождаемости в России в XX веке. – М. : ИС РАН, 1993. – 130 с.
8. Иванов А. Г. Медико-социальные проблемы репродуктивного потенциала молодежи. – Тверь: ООО «Издательство “Триада”», 2004. – 112 с.
9. Лоуэн А. Любовь и оргазм. – Ростов-н/Д. : Феникс, 1998. – 448 с.
10. Медик В. А., Токмачев М. С. Математическая статистика в медицине : учеб. посо бие. – М. : Финансы и статистика, 2007. – 800 с.
11. Никитин А. И. Вредные факторы среды и репродуктивная система человека. Ответственность перед будущими поколениями. – СПб. : ЭЛСБИ-СПб., 2005. – 216 с.
12. Новик А. А., Ионова Т. И., Кайнд П. Концепция исследования качества жизни в медицине. – СПб. : Элби, 1999. – 140 с.
13. Проблемы демографии, медицины и здоровья населения России: история и современность: сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф. – Пенза : РИО ПГСХА, 2005. – 268 с.
14. Социология семьи / под ред. А. И. Антонова. – М. : Инфра-М, 2005. – 640 с.
15. Шарафутдинова Л. А., Гурова З. Г. Репродуктивное здоровье и поведение студентов, обучающихся в высших учебных заведениях // Медицинский вестник Башкортостана. – 2011. – Т. 6. – № 1. – С. 25-27.

16. Шурыгина Ю. Ю. Репродуктивное здоровье студенческой молодежи // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 12. – С. 182-184.

Информация об авторе

Арпентьева Мариям Равильевна – доктор психологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (248023, г. Калуга, ул. Разина. д. 26, e-mail: mariam_rav@mail.ru)

Arpentieva M.R.

POPULATION REPRODUCTION: MORAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INERTIA AND ACTIVATION

The author discuss the problems of Reproductive health of the nation and problems of national security of Russia. In ensuring the national security of Russia is one of the most important issues is the issue of reproductive health of the nation. The article is devoted to reproductive health issues and reproductive health issues as a result of destruction of traditional moral values, their social, psychological and psychosomatic effects.

Kew words: [reproductive health](#), [abortion](#), [sexually transmitted diseases](#), [substitute motherhood](#).

Information about the author

Arpentieva Mariam Ravilievna – doctor of psychological Sciences, associate professor, senior researcher of the department of development and education psychology, Kaluga K. E. Tsiolkovsky state University, e-mail: mariam_rav@mail.ru

УДК 316.4.051

Г.А. Банных, С.Н. Костина

БЮДЖЕТЫ ВРЕМЕНИ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

В статье приведены результаты исследования времязатрат населения Свердловской области на виды активности, связанные с работой с информацией и информационно-коммуникационными технологиями (просмотр телепередач, прослушивание радио, чтение книг, газет и журналов, использование интернета). В результате проведенного анализа сделаны выводы о существенном влиянии на времязатраты в данной сфере таких факторов, как возраст, занятость и тип поселения жителей Свердловской области. Результаты исследования позволили выявить тенденции изменения бюджетов времени в данной сфере.

Ключевые слова: бюджет времени, население Свердловской области, информация, информационно-коммуникационные технологии

Измерение бюджетов времени является одной из наиболее актуальных проблем социологии в России начиная с XIX в. В нашей стране интерес к методу бюджета времени и его использованию в социально-экономических исследованиях проявился в начале прошлого столетия. Уже в 1920-е гг. под руководством С. Г. Струмилина органами государственной статистики были проведены уникальные исследования бюджета времени рабочих, крестьян и служащих. С начала 1990-х гг. официальные органы статистики перестали проводить систематические исследования по данной проблематике, ею

занимаются только отдельные научные коллективы, например, ряд лонгитюдных исследований проведен сектором изучения повседневной деятельности и бюджета времени ИС РАН.

В современный период актуальность исследований бюджетов времени вызвана существенными изменениями образа жизни населения России в условиях перехода к новому типу общества – постиндустриальному, или информационному. Прежде всего, он связан с возрастанием роли информации и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и, соответственно, с постоянно увеличивающейся вовлеченностью различных слоев населения в их использование.

К видам активности, связанным с работой с информацией и ИКТ, мы относим просмотр телевидения, использование интернета, прослушивание радио, чтение книг, газет и журналов.

В рамках социологического исследования, проведенного авторами в конце 2014 г. – начале 2015 г. среди населения Свердловской области были изучены времязатраты различных групп населения на работу с информацией и ИКТ. В ходе анкетирования было опрошено 934 чел. по репрезентативной выборке по возрасту и типу поселения.

Структура фонда времени функционально состоит из трех составляющих: время трудовой деятельности; время восстанавливающей деятельности, к которому относится время удовлетворения физиологических потребностей и часть свободного времени (затраты времени на физкультуру и спорт, отдых на воздухе, пассивный отдых, а также часть времязатрат от расходуемых на общение, просмотр ТВ, чтение, деятельность в интернете), и время развивающей деятельности — занятия, совершаемые в свободное время за вычетом восстанавливающих видов деятельности [1].

В современных исследованиях бюджетов времени в основном использование ИКТ относят к времени восстанавливающей деятельности, что, на наш взгляд, отражает только часть затрат времени населения в данной сфере. Работа с информацией, и особенно ИКТ, происходит в процессе как трудовой, так восстанавливающей и развивающей деятельности. В особенности это касается использования интернета, который является необходимым в трудовой деятельности различных профессиональных групп, а также становится одним из основных ресурсов развивающей и восстанавливающей деятельности. Это подтверждается и данными исследования: так, обращение к интернету связывается респондентами с расширением кругозора, поисками информации для работы и учебы.

Существенное влияние на бюджеты времени оказывают социально-демографические особенности населения: пол, возраст, занятость [2].

Прежде всего, необходимо отметить высокую зависимость времязатрат на просмотр телепередач, чтение книг, газет и журналов, использование интернета от принадлежности к возрастной группе (коэффициент Крамера является значимым).

Несмотря на то, что просмотр телепередач сохраняет в течение 40 лет свое место в ядре иерархии занятий жителей, в последние годы происходит снижение его ценности [1]. Резкое снижение его популярности мы видим в более молодых возрастных группах (табл. 1). Так, в группе старше 60 лет практически все задействованы в данном виде активности, а почти 30 % тратят на нее более 4 часов в день. В среднем население старше 60 лет проводит за просмотром телепередач 3-4 часа в день.

В возрастной группе 30-59 лет в среднем на просмотр ТВ тратится 2-3 часа в день, при этом практически половина опрошенных посвящают просмотру телепередач 1-2 часа в день. В молодежной возрастной группе в основном просмотру ТВ уделяется не более 1-2 часа в день, при этом почти каждый пятый вообще не смотрит ТВ.

Вторым по времязатратам каналом работы с информацией выступает интернет. Так, согласно международному исследованию Digital in 2016, проведенному в январе 2016 г. компанией Wearesocial в среднем россияне тратят на интернет через ПК и ноутбуки 4,7

часа в день и около 1,7 часов в день на использованием интернета через мобильные устройства (смартфоны, планшеты) [3].

При использовании интернета наблюдается обратная с просмотром телепередач ситуация – затраты времени снижаются с увеличением возраста респондентов. Если среди молодежи практически половина проводят в интернете более 4 часов в день, то в возрастной группе 30-59 лет таких только четверть. Среди людей старшего возраста 40 % вообще не используют интернет.

Чтение также остается популярным в основном в старшей возрастной группе, где 1-2 часа в день треть опрошенных тратят на чтение газет и журналов, а практически половина – на чтение книг.

Среди населения в возрасте 30-59 лет чтение газет и журналов остается достаточно популярным видом активности – более половины тратят на него 0,5 часа в день, четверть – до 2 часов. Чтение книг не намного уступает по популярности, при этом на данный вид активности времени тратится больше – в среднем до 2 часов в день.

Молодежь до 30 лет в наименьшей степени читает книги, газеты и журналы. Четверть вообще не использует этот вид деятельности, остальные уделяют ему в основном не более 2 часов в день.

Таблица 1

Затраты времени в день на работу с источниками информации различных возрастных групп, % от ответивших

Время затрат	Просмотр телепередач			Чтение газет, журналов			Чтение книг			Прослушивание радио			Использование интернета		
	до 29	0-59	т.60	до 29	0-59	т.60	до 29	0-59	т.60	до 29	0-59	т.60	до 29	0-59	т.60
Нисколько	17,7	5,3	2,2	28,6	13,1	5,1	24,7	19,7	14,2	32,2	27,9	31,4	1,3	7,9	40,7
До получаса	25,9	16,1	8,9	53,0	53,2	46,6	26,8	31,5	15,9	36,5	36,6	35,3	2,2	15,1	15,7
1-2 часа	38,7	48,8	31,9	15,4	26,9	33,9	35,1	33,8	48,7	18,9	19,9	17,6	23,4	35,6	23,1
3-4 часа	10,7	17,3	27,4	1,7	4,9	8,5	9,2	10,0	15,0	5,6	7,3	8,8	25,1	17,4	13,0
Более 4-х часов	7,0	12,5	29,6	1,3	1,9	5,9	4,2	5,0	6,2	6,9	8,3	6,9	48,1	24,0	7,4
Сумма столбца:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Прослушивание радио постепенно уходит из повседневной жизни населения всех возрастных групп. Треть опрошенных вообще не слушают радио.

В использовании времени немаловажное значение сохраняет поселенческий фактор. Анализ результатов исследования показал, что тип поселения проживания оказывает существенное влияние на время просмотра телепередач (V Крамера=0,117 значим) и прослушивание радио (V Крамера=0,124 значим).

Таблица 2

Затраты времени в день на работу с источниками информации по типу поселения, % от ответивших

Время затрат	Просмотр телепередач				Прослушивание радио			
	Мегаполис	Крупные и средние города	Малый город	Сельское поселение	Мегаполис	Крупные и средние города	Малый город	Сельское поселение

Нисколько	10,2	11,3	4,6	3,5	19,8	34,1	37,1	39,1
До получаса	19,7	21,1	15,6	12,1	39,5	34,8	33,9	33,6
1-2 часа	42,0	45,8	44,7	42,6	22,8	20,5	14,5	16,4
3-4 часа	17,0	9,9	21,5	17,7	7,0	7,6	8,1	5,5
Более 4 часов	11,1	12,0	13,5	24,1	10,9	3,0	6,5	5,5
Сумма столбца:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Как ни странно, жители мегаполиса, крупных и средних городов в меньшей степени уделяют внимание просмотру телепередач, чем жители малых городов и сельских поселений (табл. 2). Если на просмотр ТВ тратят более 4 часов в день 11 % жителей мегаполиса, то в сельских поселениях – практически четверть населения. Обратная тенденция сложилась по прослушиванию радио – в мегаполисе не слушают радио 19, 8%, а в сельских поселениях – 39 % населения.

Третий фактор, оказывающий существенное влияние на бюджеты времени населения Свердловской области в сфере работы с информацией и ИКТ, – занятость и принадлежность к определенной категории работников.

Таблица 3

Затраты времени в день на работу с источниками информации различных категорий занятых, % от ответивших

Время затраты	Использование источников информации по категориям работников											
	Просмотр телепередач				Использование интернета				Чтение книг			
	Рабочий	Обслуживающий персонал	Специалист	Руководитель	Рабочий	Обслуживающий персонал	Специалист	Руководитель	Рабочий	Обслуживающий персонал	Специалист	Руководитель
Нисколько	4,5	10,3	7,4	10,3	17,4	9,3	5,7	4,3	22,5	17,4	19,4	21,4
До получаса	19,6	9,0	20,4	19,0	16,5	8,0	13,3	9,6	38,2	30,4	27,9	31,1
1-2 часа	36,6	42,3	48,5	50,0	27,5	28,0	35,6	34,8	20,6	31,9	39,0	35,0
3-4 часа	20,5	23,1	16,7	13,8	15,6	16,0	18,8	27,0	9,8	13,0	10,1	10,7
Более 4 часов	18,8	15,4	6,9	6,9	22,9	38,7	26,6	24,3	8,8	7,2	3,7	1,9
Сумма столбца:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Просмотр ТВ как вид активности преобладает у рабочих и обслуживающего персонала и в меньшей степени у специалистов и руководителей (V Крамера=0,115 значим). Практически каждый пятый рабочий смотрит телевизор более 4 часов в день, среди руководителей и специалистов таких только 6,9 % (табл. 3).

Времязатраты на использование интернета выше у руководителей – в основном они проводят в интернете не менее 1-2 часа в день и в среднем 3-4 часа (V Крамера=0,120 значим). Среди рабочих треть либо вообще не используют интернет, либо тратят на него менее получаса.

Хотя корреляционный анализ показал наличие зависимости времязатрат на чтение книг от принадлежности к определенной категории работников (V Крамера=0,109 значим), она носит не такой очевидный характер, как в предыдущих случаях. Во всех категориях работников почти пятая часть указала, что не читает книги. При этом среди

тех, кто тратит на чтение более 4 часов в день, преобладают рабочие. Если брать средний показатель, то наиболее читающей оказалась категория специалистов.

Результаты исследования позволили выявить также частоту обращений к различным каналам работы с информацией. Как показывают данные таблицы 4, ТВ и интернет являются лидерами не только об объему времязатрат у населения, но и по частоте обращений. При этом мы можем наблюдать две стратегии просмотра ТВ и интернета: либо это одно обращение в день по 1-2 часа, либо несколько раз в день с затратами времени от 1 до более 4 часов.

Таблица 4

Частота обращений к источникам информации населением Свердловской области, % от ответивших

Частота обращений	ТВ	Радио	Газеты, журналы	Интернет	Худ. литература	Спец. литература
Один раз в день	39,1	16,7	16,6	18,2	13,8	8,9
Несколько раз в течение дня	40,7	28,2	11,5	58,7	7,5	12,3
Один раз в неделю	3,4	8,5	26,3	4,1	17,3	13,9
Несколько раз в неделю	10,2	12,9	17,9	9,0	18,6	17,7
Реже одного раза в неделю	6,5	33,8	27,8	10,0	42,8	47,2
Сумма	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Подводя итоги, можно говорить о росте времязатрат населения Свердловской области на работу с информацией и ИКТ, которая в основном происходит за счет увеличения расходов времени на работу с интернетом. При этом необходимо отметить несколько новых тенденций: «размывание» или совмещение видов активности в информационной сфере между трудовой, восстанавливающей и развивающей; существенную дифференциацию бюджетов времени в данной сфере у различных возрастных групп населения; формирование различных стилей использования ИКТ.

Основными факторами, влияющими на времязатраты на различные виды активности, связанной с ИКТ и информацией, остаются пол, возраст и тип поселения, что подтвердили результаты исследования. Это, в первую очередь, означает нарастание цифрового лага или разрыва в использовании ИКТ у различных социально-демографических групп населения России.

© Банных Г. А., Костина С. Н. Текст. 2016

Список источников

1. Караханова Т. М. Российская повседневность в показателях использования времени. 1965–2014 гг. // Россия реформирующаяся. Ежегодник [сб. науч. ст.] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. – М. : Новый хронограф, 2016. – Вып. 14 — С. 172-200.
2. Чуракова И. Ю. Бюджет времени населения: российский и зарубежный опыт // Вестник СПбГУ. – 2004. – Вып.4. – С. 153-160. – (5)
3. Digital in 2016. We are social – official web-site. [Electronic resource]. URL: <http://wearesocial.com/special-reports/digital-in-2016> (date of accesse 20.05.2016)

Информация об авторах

1. Банных Г.А., к.с.н., - доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления УрФУ им. первого президента Российской Федерации Ельцина Б.Н.

2. Костина С.Н., к.с.н. – доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления УрФУ им. первого президента Российской Федерации Ельцина Б.Н.

Bannykh G. A., Kostina S. N.

THE TIME BUDGETS OF THE POPULATION OF SVERDLOVSK REGION IN THE FIELD OF INFORMATION

The article presents the results of the study framestrata of the population of Sverdlovsk region for the types of activity associated with working with information and information and communications technology (watching TV, listening radio, reading books, Newspapers and magazines, using the Internet). In the result of the analysis the conclusions about significant effects on francesetti in this area factors such as age, employment and type of settlement residents of the Sverdlovsk region. The results of the study helped to identify trends in time budgets in this area.

Key words: time budget, the population of Sverdlovsk oblast, information, information and communication technologies.

Information about authors

1. Bannykh, G. A., Ph. D. – Associate Professor of the Ural Federal University. First President of Russia BN Yeltsin

2. Kostina S. N., Ph. D. – Associate Professor of the Ural Federal University. First President of Russia BN Yeltsin

УДК 316.014

А.А. Гизатулина, А.А. Тараданов

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА У СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Представлены результаты социологического исследования факторов суицидального риска жизни дошкольников и школьников мужского пола. Суицидальным риском жизни определена частота случаев смертельной опасности для человека за некоторый период его жизни по причинам, провоцирующим действительные непосредственные общественно неодобряемые самоубийства. Условия, производящие риски жизни, называются факторами риска жизни. Выявлено, что наиболее значимыми факторами суицидального риска жизни дошкольников и школьников мужского пола являются проблемы со здоровьем, социализация единственного ребенка в семье с «прохладными» отношениями и родителями – представителями интеллигенции или руководителями, бизнесменами. Выделены наиболее значимые антисуицидальные факторы социализации дошкольников и школьников мужского пола: хорошее здоровье, социализация в семье с тремя детьми, «теплые» отношениями и с родителями – военными, работниками органов правопорядка и МЧС или рабочими, рядовыми работниками.

Ключевые слова: суицидальный риск жизни; факторы суицидального риска жизни; самоубийство; суицид

Под риском жизни мы понимаем частоту случаев смерти за определенный период жизни поколения. Серьезной проблемой является выявление и предупреждение ситуаций суицидального поведения мужчин и женщин. Отдельной проблемой является

симптоматика суицида у детей и подростков в связи с эндогенными и экзогенными факторами их социализации.

В целях исследования ситуаций и причин возникновения суицидов в ювенильных возрастах в феврале 2016 г. нами проведено социологическое исследование рисков жизни старшеклассников мужского пола в возрасте 16-17 лет (153 респондента; воспитанники общеобразовательных организаций среднего общего образования). Методом припоминания (анамнестическим методом) были установлены случаи появления витальных рисков у детей различного возраста. Детям предлагалось вспомнить, сколько раз и в каком возрасте возникали смертельные риски для их жизни.

Доля респондентов, отметивших наличие в их жизни ситуаций, когда они оказывались «на волосок от смерти», составила 45,8% (табл. 1).

Таблица 1

Доля респондентов, отметивших наличие в их жизни ситуаций, когда они оказывались «на волосок от смерти»

Показатель	Всего опрошенных респондентов	Респонденты, отметившие наличие случаев риска жизни
Респонденты	153	70
Доля в выборочной совокупности %%	100%	45,8%

Распределение по возрастным периодам рисков жизни респондентов представлено в таблице 2.

Таблица 2

Варианты ответов на вопрос «Сколько раз в Вашей сознательной жизни Вы оказывались “на волосок от смерти” и Вас “спас лишь случай”?»?

Вариант ответа	Всего ответов респондентов	Число ответов в %
Случай был в возрасте до 5 лет	0	0,0
Случай был в возрасте 6-8 лет	10	6,5
Случай был в возрасте 9-12 лет	18	11,8
Случай был в возрасте 13-15 лет	21	13,7
Случай был в возрасте 16-17 лет	15	9,8
Не указали возрастной период	33	21,6
Итого названо случаев	97	63,4
Не было таких случаев	83	54,2
Всего ответов:	180*	117,6%*

*Некоторые респонденты указали на наличие у них более одного случая риска жизни.

Наиболее опасными для жизни респондентов являются возрастные периоды «13–15 лет» (9 случаев в год); «16–17 лет» (7,5 случаев в год) и «9–12 лет» (4,5 случая в год).

На возрастной период «6–8 лет» приходится по 3,3 случая в год. В возрасте до 5 лет смертельно опасных случаев респондентами не отмечено. На одного респондента (N=153) к 16-17 годам приходится в среднем 0,6 случая риска жизни; у респондентов, указавших такие случаи (N=70), их пришлось на указанный период по 1,4 на человека.

Отмеченные причины риска жизни приведены в таблице 3.

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос «Что было причиной риска жизни?»

Вариант ответа	Всего названо причин	%%
Ваша неосторожность	28	15,9

Физическое насилие	23	13,1
Стечение обстоятельств	17	9,7
Конфликт с родителями	15	8,5
Риски трудовой (учебной) деятельности	15	8,5
Любовная драма	14	8,0
Конфликт со сверстниками	14	8,0
Ощущение утраты «смысла жизни»	12	6,8
Особенности Вашего характера	12	6,8
Конфликт с собой	8	4,5
Психическое насилие	6	3,4
Заболевание физическое	5	2,8
Заболевание психическое	4	2,3
Риски активного отдыха	3	1,7
Итого:	176*	100,0

*На некоторые случаи указывалось по несколько причин

Риски жизни в исследовании разделяются на «риски самоубийства» и «риски среды». В первую группу (риски самоубийства) определены риски по причинам «любовная драма», «психическое насилие», «ощущение утраты «смысла жизни»», «конфликт с собой», «риски деятельности (трудовой, учебной)», «риски активного отдыха», «заболевание психическое», «особенности Вашего характера». Они составили 42,0%.

Вторую группу 58,0% (риски среды) составили риски по причинам «Ваша неосторожность», «физическое насилие», «стечение обстоятельств», «конфликт с родителями», «конфликт со сверстниками», «заболевание физическое».

В группе рисков самоубийства выделены группы: 1) риск суицида (действительного непосредственного общественно неодобряемого самоубийства); и 2) риск поведения (недействительного самоубийства). Первую группу (риск суицида) составили причины «любовная драма», «ощущение утраты «смысла жизни»», «конфликт с собой», «психическое насилие», «заболевание психическое» (всего 25,0% рисков жизни респондентов). Вторую группу («риск поведения», всего 17,0% рисков жизни респондентов) составили причины «риски деятельности (трудовой, учебной)», «риски активного отдыха», «особенности Вашего характера». В таблице 4 приведены основные факторы угрозы жизни.

Таблица 4.

Ответы респондентов на вопрос «Какие факторы были угрозой жизни?»

Вариант ответа	Всего ответов	%%
Личностные	37	34,3
Бытовые	28	25,9
Социальные	17	15,7
Экономические	5	4,6
Религиозные	5	4,6
Техногенные	3	2,8
Природные	0	0,0
Другие	13	12,0
Всего	108	100,0

Данные таблицы 4 показывают, что факторы общественных и межличностных отношений относительно рисков жизни являются безусловно преобладающими над факторами техногенными или природными.

Наибольший социальный резонанс в статистике смертности от неестественных причин вызывают случаи суицидов, под которыми в исследовании понимаются

действительные непосредственные общественно неодобряемые самоубийства. Расчет степени и направленности влияния (СНВ) факторов суицидального риска производится методом сравнения степени присутствия того или иного социального отношения в группе респондентов суицидального риска со степенью присутствия данного отношения в группе респондентов с отсутствием риска жизни.

Итак, группу с риском суицида составили респонденты, указавшие причинами смертельного риска жизни «любовную драму», «ощущение утраты «смысла жизни»», «конфликт с собой», «психическое насилие», «заболевание психическое». Группу с отсутствием риска жизни составили респонденты, указавшие отсутствие в их жизни ситуаций, когда они оказывалась «на волосок от смерти» и их «спас лишь случай».

Результаты опроса респондентов по вопросу о здоровье приведены в таблице 5.

Таблица 5

Ответы респондентов на вопрос «Как Ваше здоровье?»

Вариант ответа	Все опрошенные (N=153)	Категории респондентов по риску жизни		Степень и направленность влияния фактора (СНВ)
		Риск суицида (N=12)	Нет риска (N=80)	
Здоров(а)	77,1	25,0	86,7	0,3
Иногда болею	22,9	75,0	13,3	5,3
Итого:	100,0	100,0	100,0	
Доля в выборочной совокупности	100,0%	7,8%	54,2%	

Тогда для отношения «здоров(а)» мы получаем следующие степень и направленность влияния (СНВ) данного фактора (для того, чтобы уйти от ситуации деления на «0» и чрезмерных значений СНВ к каждому показателю прибавляется демпфирующая «1,0»):

$$\text{СНВ} = (25,0 + 1,0)\% / (86,7 + 1,0)\% = 0,3.$$

Значение СНВ менее единицы означает, что отношение «здоров(а)» является значительно воздействующим на снижение суицидального риска фактором. И, наоборот, фактор «иногда болею» со значением СНВ = 5,3 означает значительное воздействие на повышение суицидального риска фактором.

Таблица 6

Ответы респондентов на вопрос «Кто Ваши родители по роду занятий?»

Вариант ответа	Все опрошенные (N=153)	Категории респондентов по риску жизни		Степень и направленность влияния фактора (СНВ)
		Риск суицида (N=12)	Нет риска (N=80)	
Представитель интеллигенции	19,0	50,0	8,4	5,4
Руководитель, бизнесмен	24,8	66,7	15,7	4,1
Инд-й предприниматель, фермер	19,0	16,7	21,7	0,8
Муниципальный (гос-) служащий	29,4	16,7	34,9	0,5
Специалист предприятия, фирмы	20,3	8,3	20,5	0,4
Рабочий, рядовой работник	23,5	8,3	26,5	0,3
Пенсионер	5,2	0,0	4,8	0,2
Ведет домашнее хозяйство	5,2	0,0	7,2	0,1
Военный, органы правопорядка, МЧС	41,2	0,0	50,6	0,0
Другой	3,3	0,0	6,0	0,1
Всего*	190,8	166,7	196,4	0,8
Доля в выборочной совокупности	100%	7,8%	54,2%	

*Отмечался род занятий обоих родителей

В разы выше суицидальный риск у респондентов в семьях, где родители представляют профессиональные группы «представитель интеллигенции» (СНВ 5,4) и «руководитель, бизнесмен» (СНВ 4,1). И совершенно отсутствует суицидальный риск у респондентов в семьях, где специальность родителей «военный, органы правопорядка, МЧС» (СНВ 0,0).

Таблица 7

Ответы респондентов на вопрос «Сколько Вас родных братьев и сестер?»

Вариант ответа	Все опрошенные (N=153)	Категории респондентов по риску жизни		Степень и направленность влияния фактора (СНВ)
		Риск суицида (N=12)	Нет риска (N=80)	
Вы один	23,5	50,0	19,3	2,5
Вас двое	43,8	41,7	42,2	1,0
Вас трое	28,1	0,0	36,1	0,0
Четверо и больше	4,6	8,3	2,4	2,7
Итого:	100,0	100,0	100,0	
Доля в выборочной совокупности	100%	7,8%	54,2%	

Отсутствует суицидальный риск у респондентов в семьях, где трое детей. С уменьшением числа детей суицидальный риск возрастает в разы. Однако не очень хорошо выглядит ситуация и там, где детей четверо и больше; впрочем, по этому пункту велика ошибка по причине слабой репрезентативности.

Таблица 8

Ответы респондентов на вопрос «Какие у Вас отношения в семье?»

Вариант ответа	Все опрошенные (N=153)	Категории респондентов по риску жизни		Степень и направленность влияния фактора (СНВ)
		Риск суицида (N=12)	Нет риска (N=80)	
«Теплые»	75,8	33,3	86,7	0,4
«Прохладные»	13,1	41,7	4,8	7,4
Конфликтные	4,6	0,0	3,6	0,2
Затрудняюсь ответить	6,5	25,0	4,8	4,5
Итого:	100,0	100,0	100,0	
Доля в выборочной совокупности	100%	7,8%	54,2%	

Практически отсутствует суицидальный риск у респондентов в семьях, где «теплые» отношения. И наиболее велик суицидальный риск в семьях, где «прохладные» и «затрудняюсь ответить» отношения. Хорошо выглядит ситуация, где отношения «конфликтные»; впрочем, и здесь велика ошибка по причине слабой репрезентативности.

© Гизатулина А. А., Тараданов А. А. Текст. 2016

Информация об авторах

1. Гизатулина Анастасия Александровна (Россия, Челябинск) – психолог отделения «Служба экстренного психологического реагирования». Челябинск, ул.Советская, 36. Тел: 8 (351) 263-51-23. E-mail: gizatulinaaa@mail.ru

2. Тараданов Александр Ардалионович (Россия, Челябинск) – доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета. Челябинск, 454001, ул. Молодогвардейцев, 70-б. Тел: (351) 799-70-81. E-mail: taradanov@csu.ru

Gizatulina A.A., Taradanov A.A.

CONDITIONS AND FACTORS OF SUICIDAL LIFE RISK IN SOCIALIZATION OF MALE PRE-SCHOOL AND SCHOOL CHILDREN

The results of the sociological research dedicated to factors of suicidal life risk of male pre-school and school children are being presented. A suicidal life risk is defined as the frequency of incidents of fatal danger for a human-being occurred in an unstated period of his life caused by reasons provoking actual instant socially unaccepted suicide. Conditions presenting life risks are referred to as factors of suicidal life risk of male pre-school and school children. It is identified that the most significant factors of suicidal life risk of male pre-school and school children are health issues, socialization of a single child in family in conditions of "chilly" relations between a child and parents, who are intelligentsia representatives, top managers, business people. The most ant suicidal factors of socialization of male pre-school and school children are determined to be strong health, socialization in a family with three children, "warm" relations with parents, who are "military or police people, emergency services workers" or "industry workers, common employees".

Key words: suicidal life risk; factors of suicidal life risk; suicide; self-annihilation.

Information about authors

1. Gizatulina Anastasia (Russia , Chelyabinsk). PhD in Sociology. A psychologist of department «Psychological Emergency Response Service». (Chelyabinsk , street Soviet , 36. E-mail: gizatulinaaa@mail.ru).

2. Taradanov Alexander (Russia , Chelyabinsk). PhD in Sociology. Professor. Head of the Department of Social Work and Sociology of the Chelyabinsk State University. (Chelyabinsk, 454001, street Molodogvardeytshev, 70 – B. E-mail: taradanov@csu.ru).

УДК 316.3

Т.В. Деревнина, П.А. Амбарова

ДИНАМИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В СВЕТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ*

Представлены результаты анализа динамики численности школьных образовательных общностей. Показаны последствия демографических процессов для изменения ситуации в российских школах с точки зрения управления. Раскрыта проблема увеличения численности учащихся школ, не обеспеченного увеличением численности учительства.

Ключевые слова: образовательные общности, динамика образовательных общностей, учительство, профессиональная общность, государственная политика в сфере образования

Динамика образовательных общностей, понимаемая как изменение их количественных и качественных характеристик, обусловлена рядом демографических и социальных процессов. Какие-то изменения в большей степени зависят от естественных причин (уровня рождаемости, детской смертности, изменений гендерной структуры), другие вызваны трансформацией социальных условий, культурными изменениями, сменой приоритетов государственной политики в сфере образования. Действие названных двух групп факторов образует сложный комплекс проблем в развитии социальных

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № № 16-03-00051 «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности».

общностей в сфере школьного образования – учителей и учащихся. Рассмотрению этих проблем и причин, обусловивших их появление, посвящено наше исследование.

Первая тенденция, вызывающая изменения в общности учащихся – это увеличение численности населения за счет рождаемости. По данным Росстата, увеличение численности населения России началось в 2010 г. (в том числе за счет миграции), а естественный прирост был впервые зафиксирован в 2013 г. [2, с. 48]. Увеличение населения служит одной из предпосылок развития социальной сферы, включая образование. Рост числа родившихся детей формирует острую потребность в увеличении количества детских садов, школ, мест в учреждениях среднего и высшего профессионального образования, расширение сферы дополнительного образования.

В Российской Федерации право на получение среднего общего образования гарантировано законом. Это означает, что все дети, достигшие определенного возраста, обязательно придут в школу и станут частью образовательной общности учащихся. Спрогнозировать количественные параметры данной образовательной общности достаточно легко, основываясь на статистических данных о рождаемости в том или ином году (с поправками на детскую и подростковую смертность, инвалидность, количество асоциальных семей, в которых дети не посещают детские сады и школы).

По прогнозам аналитиков, до 2030 г. численность учащихся школ будет возрастать из года в год. По данным Минобрнауки, с 2014 г. количество школьников ежегодно увеличивается на 1–2 % [3]. Это совпадает с прогнозными оценками Института социологии РАН (табл. 1).

Как видно из прогнозных оценок Института социологии РАН, устойчивое повышение количества учащихся будет продолжаться до 2020 г., что потребует развития не только всей образовательной инфраструктуры, но и тех образовательных общностей, которые являются системообразующими, то есть учителей, учебно-вспомогательного персонала, методистов. Казалось бы, это естественное следствие складывающейся в школьном образовании ситуации. Если мы рассматриваем школьное образование как базовый этап в формировании человеческого капитала будущей России, то соответствующие инвестиции (финансовые, организационные, человеческие и др.) должны быть осуществлены уже сейчас. Какая же ситуация складывается в реальности?

В настоящее время, по данным Минобрнауки, в России свыше 1 млн учителей. При этом постоянно растет потребность в высококвалифицированных кадрах, так как более 50 000 педагогов ежегодно увольняются по достижении пенсионного возраста. Воспроизводство учительства как социальной общности идет весьма медленными темпами. Так, на 1 сентября 2016 г. на рынке труда имелось почти 9000 вакансий учителей, из которых на настоящий момент закрыты только половина [3]. Особенно остро эта проблема стоит в малых городах и сельской местности.

Таблица 1

Численность обучающихся в организациях общего образования в Российской Федерации [5, с. 41]

Год	Численность (тыс. чел.)	Увеличение или уменьшение численности обучающихся, в %	Год	Численность (тыс. чел.)	Увеличение или уменьшение численности обучающихся, в %
2010/11	13642,3		2020/21	14774,0	-2,60
2011/12	13737,2	+0,69	2021/22	15484,9	+4,81
2012/13	13804,5	+0,48	2022/23	15148,2	-2,17
2013/14	13877,4	+0,52	2023/24	14830,8	-2,09
2014/15	14000,3	+0,88	2024/25	14535,6	-1,99
2015/16	14058,0	+0,41	2025/26	14265,2	-1,86

2016/17	14238,7	+1,27	2026/27	14019,2	-1,72
2017/18	14490,1	+1,76	2027/28	13734,9	-2,02
2018/19	14780,5	+2,00	2028/29	12972,2	-5,55
2019/20	15138,7	+2,42	2029/30	12524,4	-3,45

Тенденция уменьшения численности учительства из года в год связана уже не с демографическими, а с неблагоприятными социально-экономическими условиями жизни данной социально-профессиональной общности: низким уровнем материального, финансового благополучия, снижением социального самочувствия, дефицитом бюджета времени. В связи с вопросом о снижении численности педагогов обратимся к статистике и прогнозным оценкам Института социологии Российской академии наук и выясним динамику изменений численности педагогов школ (табл. 2).

Таблица 2

Численность учителей в дневных государственных (муниципальных организациях) общего образования в Российской Федерации [5, с. 76]

Год	Численность (тыс. чел.)	Увеличение или уменьшение численности педагогов, в %	Год	Численность (тыс. чел.)	Увеличение или уменьшение численности педагогов, в %
2010/11	1305,8		2020/21	1302,8	- 3,36
2011/12	1355,4	+ 3,86	2021/22	1358,7	+ 4,29
2012/13	1275,6	- 5,82	2022/23	1329,4	- 2,15
2013/14	1235,0	- 3,19	2023/24	1301,6	- 2,09
2014/15	1266,5	+ 2,55	2024/25	1276,5	- 1,92
2015/16	1253,7	- 1,01	2025/26	1252,7	- 1,86
2016/17	1269,7	+ 1,27	2026/27	1231,2	- 1,71
2017/18	1290,9	+ 1,66	2027/28	1206,5	- 2,00
2018/19	1315,8	+ 1,92	2028/29	1138,8	- 5,57
2019/20	1348,1	+ 2,45	2029/30	1100,1	- 3,39

Прогнозная динамика не дает утешительного ответа на вопрос о том, что будет с учительством. Мы видим, что его численность будет быстро уменьшаться. Как уже было сказано, это результат уже не демографических процессов, а государственной политики в сфере образования. Мы наблюдаем не обеспечение роста численности учащихся пропорциональным увеличением числа учителей, а обратную тенденцию – уменьшение числа учителей. Это происходит не только в силу спонтанного «вымывания» тех педагогов, которые не удовлетворены социально-экономическими условиями профессиональной деятельности. Как отмечает И. А. Абанкина, «в большинстве российских школ сложилась нерациональная структура кадрового состава. Учителя часто не составляют даже половины всей численности работников школы. Частично по этой причине средняя заработная плата учителей в большинстве регионов России до последнего времени не превышала 70 % от среднего уровня по экономике» [1, с. 4]. Обозначенная тенденция складывается и в силу принятия управленческих решений по целенаправленному сокращению учительского корпуса под видом оптимизации образования, а в реальности – снижения бюджетных расходов на школьное образование.

Изменение уровня оплаты труда, введение эффективного контракта влечет за собой изменение социально-экономического положения учительства. Заработная плата учителей теперь зависит не от проведенных часов, а от результативности, которая заключается в постоянных участиях в различных мероприятиях творческого, спортивного, учебного характера: олимпиадах, конкурсах, круглых столах, конференциях. В таких условиях не может идти речи не только о серьезном и систематическом профессиональном

саморазвитии и самообразовании, но и – порой – просто о времени сна и отдыха. Большая часть учителей вынуждена почти жить в школе, работая в условиях «оптимизации» на полторы или две ставки. Не менее важной проблемой, сказывающейся на динамике качественных показателей учительства, является введение системы подушевой оплаты труда учителя, когда зарплата зависит от наполняемости класса. Здесь формируется узел проблемы неравенства и учителей, и в целом образовательных учреждений. При такой системе могут выигрывать только продвинутые школы, гимназии и лицеи в крупных городах, а учителя и школы провинции (малых городов и сельских поселений) или окраинных районов крупных городов находятся в бедственном положении. По мнению исследователей, стимулы, заложенные в эффективном контракте, больше влияют на уровень заработной платы, нежели на качество образования [4, с. 361].

Проведенные нами интервью с экспертами в сфере школьного образования подтверждают выводы, представленные выше¹. По мнению наших экспертов, современный учитель готов работать в школе, но те условия, которые сложились в сегодня в школе в результате реформ, заставляют многих делать выбор не в пользу любимой профессии, то есть уходить из нее. Приведем несколько из транскриптов интервью.

Т. А., учитель, 48 лет: *«Все реформы проходят под флагом "повышения эффективности" образования, а под этим обычно понимается банальное сокращение расходов. Идея такая: сократить число педагогов, оставить только лучших, им увеличить нагрузку и зарплату – и все будет волшебным».*

Е. Н., завуч школы, 51 г.: *«Что сейчас предпринимается? Оценить эффективность работника по каким-то критериям, неэффективных уволить, эффективным увеличить нагрузку и поднять зарплату. Критерии эффективности правительственными документами не прописываются, а собака зарыта именно там. Какую-то часть сотрудников объявляют неэффективными по каким-то неизвестным критериям, и им тоже придется уйти. Плюс – усиление контроля и отчетности, чем обычно сопровождаются реформы. Все это объективно ухудшает условия труда. Так что опасаясь не притока свежих сил в образование, а оттока. Чем планируется привлекать в школы людей до 30 лет – не представляю».*

В ситуации, когда ожидается повышение численности учеников и одновременно происходит уменьшение численности учителей, возникает огромный дисбаланс между двумя социальными общностями – учителей и учащихся. Острая нехватка учителей – это социальная, экономическая и политическая проблема. Государственная политика в сфере образования, не способная решить эту проблему, особенно в условиях увеличения требований к качеству образования, может быть признана неэффективной.

© Деревнина Т. В., Амбарова П. А. Текст. 2016

Список источников

1. Экономика школы: модели финансирования, автономия, развитие сети / Абанкина И. В., Абанкина Т. В., Вавилов А. И., Осовецкая Н. Я. – М. : Сентябрь, 2008. – 192 с.
2. Ивлев М. И., Черемисина Н. В. Демографическая ситуация в современной России // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т. 9. – № 8. – С. 125-131.
3. Минобрнауки ожидает увеличение числа учеников в России [Электронный ресурс]. URL: <http://1sentyabrya.ru/novosti/minobrnauki-ozhidaet-uvvelichenie-chislachchenikov-v-rossii.html> (дата обращения 19.04.2016).

¹ Экспертные интервью проводились в январе – апреле 2016 г. в г. Екатеринбург (N=15).

4. Старкова Е. А. Проблемы эффективного контракта в образовании // Science Time. – 2011. – № 11. – С. 360-362.

5. Численность обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского персонала, число образовательных организаций Российской Федерации. Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года. – М. : ИС РАН, ЦСПиМ, 2015. – 288 с.

Информация об авторах

1. Деревнина Татьяна Валентиновна (Екатеринбург, Россия) – магистрант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, derevnina.tatiana@yandex.ru)

2. Амбарова Полина Анатольевна (Екатеринбург, Россия) – кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, borges75@mail.ru)

Derevnina T.V., Ambarova P.A.

DYNAMICS IN THE LIGHT OF EDUCATIONAL THROUGH THE PRIZM DEMOGRAPHIC AND SOCIAL PROCESSES¹

The article presents the results of the analysis of the population dynamics of school educational groups. The effects of demographic processes to change the situation in Russian schools in terms of management are shown. Posed the problem: increasing the number of schools is not secured by an increase in the number of teachers.

Keywords: educational groups, dynamic of the educational groups, teachers, professional group, state policy in the education

Information about the authors

1. Derevnina Tatjana (Yekaterinburg, Russia) – master, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Mira St., 19, Russia, 620002, derevnina.tatiana@yandex.ru)

2. Ambarova Polina (Yekaterinburg, Russia) – PhD, associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Mira St., 19, Russia, 620002, borges75@mail.ru)

УДК: 338.012

Т.В. Дуран, Н.Б. Костина

МОДЕЛИ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье характеризуются основные модели государственной политики в сфере высшего образования Российской Федерации – либеральная, центристская (патерналистская), ограниченная, различающиеся соотношением государственного управления и вузовского самоуправления.

Ключевые слова: государственное управление высшим образованием, модели государственной политики, вузовское самоуправление.

¹ The article has been prepared by the Russian Humanitarian Science Foundation, project no. 16-03-00051.

Демократизация современной политики в сфере образования обусловила необходимость выявления границ государственного управления высшим образованием не для того, чтобы ослабить государство, а напротив, чтобы повысить качество государственного управления, использовать резервы, которые кроются в привлечении к разработке образовательной политики широких слоев общественности, непосредственных акторов образовательного процесса. Необходимость государственно-общественного управления отечественным образованием отмечалась еще в 1988 г. на Всесоюзном съезде работников образования, где констатировалось, что *первоочередным направлением перестройки образования становится создание государственно-общественной системы управления учебными заведениями. Более того, подчеркивается, что под государственно-общественным управлением образованием (ГОУО) целесообразно понимать такое управление, в котором сочетается деятельность субъектов управления государственной и общественной природы, направленная на организацию функционирования и развития сферы образования.* Однако решение этой задачи на практике и по сей день остается желаемым, но не реализованным [1].

Демократизация управления в сфере образования – это реальный процесс, который связан с привлечением к управлению образованием различных слоев общественности и разворачивается по ряду направлений: децентрализация управления учебными заведениями, развитие университетского самоуправления, повышение общественного статуса профессорско-преподавательского состава, расширение студенческого самоуправления, усиление влияния общественности на высшую школу.

На наш взгляд, понятие «граница», прежде всего, используется для того, чтобы очертить границы свободы деятельности определенных субъектов. Использование понятия «граница» применительно к образовательной деятельности показывает, что оно относится к действиям двух субъектов в сфере образования: государства и образовательных учреждений. При этом граница является единой для этих двух субъектов: расширение полномочий одного субъекта неизбежно означает сужение полномочий другого, ограничение его свободы. Но нужно иметь в виду, что термин «граница» может использоваться при рассмотрении границ свободы относительно принятия решений, а не других феноменов, например, самостоятельности. Свобода не должна подменяться самостоятельностью, что зачастую имеет место. Например, автономия вузов может интерпретироваться как свобода и как самостоятельность. В частности, В. М. Сырых и Е. В. Буслова отмечают: «Под автономией высшего учебного заведения понимается его самостоятельность в подборе и расстановке кадров, осуществлении учебной, научной, финансово-хозяйственной и иной деятельности в соответствии с законодательством и уставом высшего учебного заведения, утвержденным в установленном законодательством порядке» [2].

Самостоятельные решения не всегда являются свободными, поскольку могут быть предопределены внешними решениями, принятыми другими субъектами. Поэтому не случайно существуют и альтернативные трактовки вузовской автономии. Например, среди профессорско-преподавательского сообщества широко распространена позиция, что автономия – это независимость вуза в принятии решений и определении своей внутренней организации. Независимость – это свобода, самостоятельные же действия могут быть и принудительными. «Автономия означает независимость высших учебных заведений от государства, прочих общественных или политических сил в принятии решения об их внутреннем администрировании, финансовом управлении и независимость в осуществлении своей образовательной политики, научных исследованиях и иных родственных видов деятельности» [3].

При понимании автономии как свободы речь идет об определенной форме разделения власти, которая рассматривается как право на принятие решений. Автономия – это и есть не что иное как право вуза на принятие решений относительно себя, поэтому автономия представляет собой вид свободы. Чем больше автономия, тем меньше и объем

государственной политики. Однако мера этой свободы различна, чем обусловлены и границы государственной политики. В научных и управленческих источниках выделяются три модели государственной политики, отличающиеся соотношением государственного управления и вузовского самоуправления: либеральную, центристскую (патерналистскую) ограниченную [3].

Соглашаясь с таким подходом, его необходимо уточнить, поскольку в нем в явном виде не выдержаны требования дихотомичной классификации, пропущены некоторые основания. Если их восстановить, то классификация моделей государственной образовательной политики будет выглядеть следующим образом. Образовательная политика может быть либеральной или центристской. В свою очередь, центристская политика может быть представлена двумя вариантами: патерналистским и авторитарным. Безусловно, их следует рассматривать как некие идеальные модели, а не конкретное описание практики управления образованием в той или иной стране, поскольку в рамках каждой модели могут быть свои варианты.

Либеральная модель характеризуется предоставлением вузам значительной самостоятельности в принятии решений в следующих сферах:

1. В сфере внутренней организации – право выбирать и отзывать руководителей, определять срок их нахождения в должности, формировать состав управляющих советов, создавать новые подразделения.

2. В сфере подбора кадров и управления кадровыми ресурсами – право принимать и увольнять академический и другой персонал, определять размер заработной платы и др.

3. В сфере финансовых ресурсов и управления фондами – право определять размеры оплаты обучения на всех уровнях, определять источники финансирования, владеть и распоряжаться зданиями и другой собственностью.

4. В сфере академических отношений – право определять численность студентов и процедуры их приема, право вводить новые образовательные программы разных уровней, определять язык обучения, выбирать критерии оценки качества и агентство для проведения оценки качества, самостоятельно определять содержание курсов. Ряд ответственных функций, относящихся к аккредитации образовательных программ и проведению единых экзаменов, может быть передан ассоциациям университетов. Значительные управленческие полномочия сосредоточены в организациях-посредниках, которые могут отвечать за лицензирование и аккредитацию образовательных программ, обеспечивать оценку качества образования, выполнять функции распределения финансовых ресурсов и др.

Роль министерства образования, других органов власти, надвузовских структур управления состоит не в регулировании и направлении деятельности вузов, а в формировании стратегических приоритетов и параметров развития системы высшего образования, в выработке общей финансовой и академической политики, осуществлении общего контроля над использованием земли, строений, другой собственности, принадлежащей вузу.

В патерналистской модели, распространенной во Франции, Германии и других европейских государствах, вузы с правовой точки зрения также являются автономными в учебной, научно-исследовательской, административной финансовой деятельности. Вместе с тем отношения университетов с государством регулируются и регламентируются законодательными актами, приказами и инструкциями органов государственного управления. Структура и функции вузов, учебные планы и программы, несмотря на объявленную университетскую автономию, в значительной степени определяются именно инструкциями государственных органов управления образованием, которые решают многие оперативные вопросы деятельности вузов. Вузовская автономия реализуется в ряде сфер весьма ограниченно (академическая деятельность, финансы) и более существенно в решении вопросов организационной структуры, форм и методов управления [3]

Модель ограниченной автономии, с точки зрения исследователей, характеризуется тем, что государственные органы власти стремятся контролировать процесс инноваций и развития, связанный с высшей школой, активно участвуют в делах высшей школы, так как высшее образование играет важную роль в социально-экономическом развитии страны, регулируют процессы, происходящие в системе высшего образования, поскольку очевидна роль высшей школы в повышении конкурентоспособности квалифицированного труда – важнейшего фактора роста производства [3]

Однако перечисленные функции органов власти не отражают специфику данной модели, поскольку их можно обнаружить и в других моделях. В частности, ориентация политики на стратегические и инновационные задачи присуща и либеральной, и центристской модели, а регламентация деятельности вузов характерна для патерналистской модели.

Главное отличие авторитарной модели от патерналистской заключается в том, что для первой характерна регламентация не только полномочий, связанных с правами деятельности, но и с технологиями их реализации. Вуз в этом случае реализует государственную политику, но не участвует в ее разработке. Инструментами жесткой регламентации выступают различные процедурные регламенты и подзаконные акты, подробная отчетность перед Министерством по различным направлениям деятельности. В настоящее время в Российской Федерации, несмотря на отдельные исключения, доминирует авторитарная модель образования, которая сводит вузовскую автономию к самостоятельному осуществлению государственной политики, а не к ее разработке и участию в принятии решений. Этот вид авторитаризма можно определить как косвенный, поскольку формально автономия вуза не отрицается, но фактически ограничивается.

Свидетельством отсутствия выбора вузами технологий достижения поставленных государством целей является необходимость следовать в реализации соответствующих учебных программ государственным стандартам высшего профессионального образования (ГОС ВПО), утвержденным Министерством. Только это (плюс государственная же аккредитация) позволяет вузам выдавать выпускникам диплом государственного образца, единственно признаваемый на всей территории Российской Федерации. Следует оговорить, что ГОС ВПО разрабатываются Учебно-методическими объединениями по отраслям знания (УМО), то есть представителями научно-педагогической общественности вузов, но основные параметры ГОС ВПО предлагаются Министерством. Министерством же утверждается и его окончательная версия, вуз имеет право на внесение изменений в объем преподаваемых дисциплин в пределах 5% (10% по циклам дисциплин). Достаточно жесткая регламентация учебного процесса, обусловленная необходимостью следовать нормам ГОС ВПО, в известной степени затрудняет сотрудничество отечественных вузов с зарубежными, в особенности при реализации совместных образовательных программ [4].

Еще одна отличительная черта модели автономии российской системы высшего образования – бюрократизация управления внутри самого вуза, которая приводит к тому, что главными фигурами в вузе является бюрократическая вертикаль, а не преподаватели и студенты.

Для российского высшего образования характерно то, что его реформирование проводится исключительно сверху, без учета общественного мнения, оценок со стороны вузовского сообщества, хотя формально мероприятия в рамках реформ обсуждаются в различных организациях, а значительная часть государственных функций в сфере образования также выполняется с привлечением вузовской общественности: лицензирование, аттестация и аккредитация, экспертиза работ, представленных на соискание ученой степени, и др. Таким образом, естественной границей государственной образовательной политики выступает такое оптимальное вмешательство государства, которое дает максимальные результаты в сфере образовательной деятельности. Примером такой политики служит либеральная модель.

Но как в таком случае оценить другие модели политики – с точки зрения границ государственного вмешательства, соотношения государственного управления и вузовского самоуправления? Вмешательство, которое превышает естественные границы, является избыточным и снижает эффективность системы образования.

© Дуран Т. В., Костина Н. Б. Текст. 2016

Список источников

1. Концепция демократизации управления муниципальной системой образования Г. Челябинск [Электронный ресурс]. URL: www.vrodrk.narod.ru/.../Kontseptsiya_demokratizatsii_upravleniya_munitsipalnoi_sistemoi_obrazovaniya_Chelyabinska.d (дата обращения 15.10.2015)
2. Сырых В. М., Буслова Е. В. Комментарии к Федеральному Закону «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [Электронный ресурс]. URL: http://albookerk.ru/forvuz/kommentarij_k_federal'nomu_zakonu_o_vysshem_i_poslevuzovskom_professional'nom_obrazovanii_2.html (дата обращения 10.01.2016)
3. Грудцина Л. Ю. Демократические основы правового статуса образовательного учреждения и его преобразование в автономное учреждение. [Электронный ресурс]. URL: <http://education.law-books.ru/shop/9-1-09/9-1-4.doc> (дата обращения 11.01.2016)
4. Болонский процесс в вопросах и ответах / Касевич В. Б., Светлов Р. В., Петров А. В., Цыб А.А. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pycca.net/analytics/perelomov_1.html (дата обращения 21.01.2016)

Информация об авторах

1. Дуран Татьяна Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, Университет г. Льеж, Бельгия, докторант факультета политологии Place du 20 Août, 9 B-4000 Liège Tatyana.duran@hotmail.be
2. Костина Наталия Борисовна – доктор социологических наук, профессор, Уральский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, natalya.kostina@uapa.ru; 620990, Екатеринбург, ул.8 Марта, 66 (343) 251 77 73.

Duran T.V, Kostina N.B.

POLICY MODELS IN HIGHER EDUCATION

Paper Abstract: The article characterizes the main model of the State policy of higher education in Russian Federation: liberal, centrist (paternalistic) and limited, which differ in proportion of government control (state management) and self-government (self-management) of University.

Key words: government control of higher education, public policy models, self-governance of University.

Information about the authors

1. Duran Tatyna Valentinovna – PhD in Social Sciences, assistant professor University of Liège, Belgium, doctoral student of the Faculty of Political Sciences Place du 20 Août, 9 B-4000 Liège, Tatyana.duran@hotmail.be
2. Kostina Nataliia Borisovna – Doctor of sociales sciences, Professor Urals Institute of Administration, the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА) natalya.kostina@uapa.ru; 620990, Ekaterinburg, 8 Marta Street, 66; +7 (343) 251 77 73

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Рассматривается понятие «самосохранительное поведение личности», его составляющие. Показано, что одним из главных элементов самосохранительного поведения является отношение к своему здоровью, знание основных законов поведения здорового человека. При этом показано, что здоровый образ жизни, к сожалению, не входит в область приоритетов современной молодежи. Что касается ситуации в России, то она достаточно тревожная и требует необходимых мер, так как в стране молодежь характеризуется саморазрушительным поведением. Сделан вывод, что на современном этапе остается актуальной задача формирования адекватного самосохранительного поведения, одним из элементов которого является мотивационно-ценностный компонент.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, концепция самосохранительного поведения, культура самосохранения, компоненты самосохранительного поведения

Самосохранительное поведение – это система действий и отношений, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на продление сроков жизни в пределах этого цикла.

В современных условиях изучению самосохранительного поведения уделяется все большее внимание. В связи с этим социальная оценка здоровья населения приобретает все большее научное и практическое значение. Изучение самосохранительного поведения населения обусловлено тем, что проблема его формирования является весьма актуальной, так как культура самосохранения – важное средство в защите здоровья будущих поколений.

В России исследование самосохранительного поведения началось в 1980-х гг. Больших результатов в данной области добились социологи Института социологии РАН и МГУ (А. И. Антонов, И. В. Журавлева, Л. С. Шилова). Ими была разработана концепция самосохранительного поведения, система его показателей, комплекс влияющих на него факторов.

Ядром структуры самосохранительного поведения является потребность личности в самосохранении. Результатом самосохранительного поведения населения является тот или иной уровень состояния здоровья и продолжительности жизни. Поведение человека в отношении к своему здоровью есть важный фактор, оказывающий влияние на физическое и психическое состояние, так как при сходных экологических, генетических, бытовых и других условиях люди чаще всего имеют разное здоровье [1].

С понятием самосохранительного поведения связано понятие культуры самосохранения. Л. С. Шилова пишет, что культура самосохранения ставит здоровье на высочайший уровень в личностной структуре жизненных ценностей, определяет активность в отношении к здоровью; исключение из жизни факторов риска заболеваний через грамотность и информированность позволяет нейтрализовать генетическую предрасположенность к заболеваниям, снабжает человека навыками поддержания здоровья и максимальной продолжительности жизни.

Направленность самосохранительного поведения может быть как позитивной, так и негативной. Позитивная направленность предполагает наличие стремления сохранить и укрепить здоровье, негативная — его разрушить. Позитивная направленность поведения в сфере здоровья в большей степени соответствует здоровому образу жизни и предполагает

внимание к своему здоровью, отсутствие вредных привычек, занятия спортом, высокий уровень осведомленности о возможных заболеваниях, обращение за советами в медицинские учреждения не только в крайних случаях и при возникновении серьезной болезни, а за профилактикой заболеваний. Негативная направленность поведения может выражаться как в осознанных действиях (например, когда здоровьем жертвуют ради того, чтобы не потерять престижную работу), так и в неосознанных (поведение человека при плохой информированности о симптомах заболеваний, о влиянии вредных привычек).

Исследования самосохранительного поведения не получили должной поддержки и были очень скоро прерваны после своего начала. Сегодня можно говорить о постановке этой проблемы в рамках социологической демографии и социологии здоровья. Мы рассматриваем в отношении человека к своему здоровью потребности в самосохранении, в сохранении себя как физического, телесного существа. Это потребность в сохранении самой жизни и здоровья на всех стадиях жизненного цикла.

Направление жизненного пути связано с биологическим, психическим и социальным развитием человека. Стиль жизни, который выбирает для себя тот или иной человек, оказывается далеко не случайным и имеет под собой совершенно определенные основания. Многое здесь зависит от опыта детства, в частности, от того стиля воспитания, которого придерживались родители в отношении своего ребенка [2].

Концепция американского психолога Эриксона дает нам возможность осознать, что многое зависит не столько от самого человека, сколько от его родителей, от отношения родителей к своим детям в первые месяцы и годы их жизни. Нежная, любящая и преданная мать, формирующая на бессознательном уровне базовое доверие и любовь к миру; требовательный отец, развивающий самостоятельность, волю, трудолюбие, инициативность и ответственность, закладывают в сознание человека тот сценарий жизненного пути, который он будет реализовывать в течение всей своей последующей жизни.

Жизненный путь во многом зависит от того, какими ресурсами – материальными, духовными, социальными – располагает человек и какой он выбирает для себя стиль жизни – пассивный или активный.

По мнению психолога Л. Г. Уляевой, самосохранительное поведение включает три компонента: когнитивный, эмоциональный и мотивационно-поведенческий [7].

– когнитивный – характеризует знание человека о своем здоровье, понимание роли здоровья в жизнедеятельности, знание основных факторов, оказывающих как негативное (разрушительное), так и позитивное (укрепляющее) влияние на здоровье человека;

– эмоциональный – отражает переживания и чувства человека, связанные с состоянием его здоровья, а также особенности эмоционального состояния, обусловленные ухудшением физического и психического самочувствия человека;

– мотивационно-поведенческий – определяет место здоровья в индивидуальной иерархии терминальных и инструментальных ценностей человека, особенности мотивации в области здорового образа жизни, а также характерные особенности поведения в случае ухудшения здоровья.

Отношение к здоровью – один из элементов самосохранительного поведения.

К сожалению, здоровый образ жизни, забота о собственном здоровье не являются значимыми ценностями для современных подростков. В этой связи большую актуальность приобретает проблема формирования самосохранительных стратегий поведения молодежи.

Социальные институты воспитания, к которым в данном контексте можно отнести, помимо институтов семьи и образования, также и институты средств массовой информации, религии, здравоохранения, права, несут особую ответственность за выбор подростком, юношей того или иного типа поведения.

В современной России настал тот момент, когда фиксируется высокий уровень саморазрушительного поведения молодого поколения, проявляющийся в росте заболеваемости, смертности, девиации, экстремизма среди молодежи.

К примеру, основными потребителями курительных смесей являются молодые люди от 15 до 18 лет из вполне нормальных семей со средним достатком.

Статистика 2014 г. показывает, что более 60% наркоманов – молодые люди в возрасте от 17 до 35 лет, 20% – дети, школьники, и только 15% – люди старше 35 лет.

В 99% случаев употреблять курительные смеси начинают те, кто уже курит сигареты.

По данным мониторинговых исследований «Изучение насыщенности образовательной среды психоактивными веществами в Республике Коми», по мнению 13% учащихся (из них 44% – мальчики, 54% – девочки), вблизи образовательной организации легко приобрести наркотические и токсикоманические вещества. Вместе с тем достаточно большое число опрошенных педагогов (74%) не осведомлены о распространении наркотических веществ вблизи их организации, 10% учащихся и 4% педагогов что-то слышали об этом, лишь 1% учащихся и 1% педагогов знают, кто распространяет.

Очевидно, настала необходимость целенаправленной политики по формированию культуры самосохранительного поведения молодежи, которая включает в себя, прежде всего, культуру здорового образа жизни. В свою очередь, здоровый образ жизни молодежи представляет собой осознанное и целенаправленное поведение, предусматривающее использование в каждодневной социальной практике материальных, духовных факторов и условий, благотворно влияющих на сохранение и укрепление ее здоровья, продиктованное сформированными ценностными ориентациями, установками, мотивами здоровьесберегающей деятельности [6]. Иными словами, речь идет о таком образе жизни, который будет способствовать сохранению здоровья молодого человека в его социальном и физическом измерении.

Под образом жизни отечественные исследователи склонны рассматривать устойчивые формы социального бытия, совместной деятельности людей, типичные для исторически конкретных социальных отношений, формирующихся в соответствии с генерализованными нормами и ценностями, отражающими эти отношения [3]. Как видим, образ жизни – это категория во многом исторически и социокультурно обусловленная, поскольку отражает специфические формы и способы реализации социального бытия, сложившиеся в данном обществе в конкретный исторический период времени.

В данном контексте мы не можем не привести цифры, угрожающие России и ее населению при сохранении такой тенденции: такой показатель, как потребление алкоголя, только за 1989–2008 гг. увеличился в 1,4 раза и достиг 15 л абсолютного алкоголя (чистого спирта), что в 1,9 раза выше того уровня (8 л), который был признан Всемирной организацией здравоохранения особо опасным для здоровья людей. Более того, в начале нового тысячелетия Россия заняла лидирующее место в мире по потреблению алкоголя при крайне неблагоприятной структуре потребляемых напитков [5]. С этими данными коррелируют показатели роста противоправных поступков и действий, снижение численности благополучных семей и, соответственно, рост семей группы риска, рост смертности по причинам, связанным с пьянством. Особую угрозу представляет ситуация роста числа подростков и женщин, приобщающихся к употреблению алкоголя. При этом возрастной порог употребляющих спиртное среди подростков сместился с 16–17 лет на 14–15 лет [5], что чрезвычайно опасно своими последствиями для физического, интеллектуального и, в целом, социального самочувствия подрастающего поколения.

Проблема формирования самосохранительного поведения является в настоящее время весьма актуальной, так как культура самосохранения – важное средство в защите здоровья будущих поколений.

Подводя итог, следует отметить, что при в целом позитивных, по оценкам известного российского социолога М. К. Горшкова, сдвигах в развитии России, которая не просто встает на ноги, но и самоопределяется и самоутверждается, приобретая собственную субъектность не только на внешнеполитической сцене, но и как страна с самостоятельной судьбой и собственными планами на будущее [4], состояние социального и физического самочувствия молодого поколения страны не позволяет с таким же оптимизмом смотреть в будущее, которое невозможно обеспечить, не обращая пристального внимания на такой важный фактор, как здоровье молодежи и ее самосохранительное поведение.

Одним из основных составляющих в процессе формирования самосохранительного поведения, по нашему мнению, является мотивационно-ценностный компонент. Он отражает активно положительное эмоциональное отношение к самосохранительному поведению, сформированную потребность в нем, систему знаний, интересов, мотивов и убеждений, организующих и направляющих волевые усилия личности, нацеленность на сохранение здоровья, на здоровый образ жизни.

© Игошев М. В., Игошев Г. М., Верещагин И. В. Текст. 2016

Список источников

1. Антонов А. И. Опыт исследования установок на здоровье и продолжительность жизни // Социальные проблемы здоровья и продолжительности жизни. – М., 1989. – 161 с.
2. Белова Н. И. Парадоксы здорового образа жизни учащейся молодежи // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 84-86.
3. Возьмитель А. А., Осадчая Г. И. Образ жизни. Теоретико-методологические основы анализа // Социологические исследования. – 2009. – №6. – С. 58-65.
4. Горшков М. К. Российское общество в социологическом измерении // Социологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 3-21.
5. Заиграев Г. Г. Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации // Социологические исследования. – 2009. – № 8. – С. 74-84.
6. Ромашов О.В. Социология труда: учеб. пособие. – М. : Градарики, 2003. – 317 с.
7. Уляева Л. Г. Психологический индикатор здоровьесбережения личности // Теория и практика физической культуры. – 2006. – № 6. – С. 54-55.

Информация об авторах

1. Игошев Григорий Михайлович – преподаватель кафедры физической культуры ГБОУ ВПО «Пермская государственная фармацевтическая академия» 614990, Российская Федерация, Пермский край, г. Пермь, ул. Полевая, д. 2. E-mail: perm@pfa.ru, igoshev@pfa.ru
2. Верещагин Игорь Викторович – преподаватель кафедры физической культуры ГБОУ ВПО «Пермская государственная фармацевтическая академия» 614990, Российская Федерация, Пермский край, г. Пермь, ул. Полевая, д. 2. E-mail: perm@pfa.ru, igoshev@pfa.ru
3. Игошев Михаил Владиславович – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой физической культуры ГБОУ ВПО «Пермская государственная фармацевтическая академия» 614990, Российская Федерация, Пермский край, г. Пермь, ул. Полевая, д. 2. E-mail: perm@pfa.ru, igoshev@pfa.ru

**Igoshev G. M., Vereshchagin I.V., Igoshev M. V.
SELF-PRESERVATION BEHAVIOR AS OBJECT OF SOCIOLOGICAL
SCIENCE**

We consider the concept of "self-preservation behavior of the person," his constituents. It is shown that one of the main elements of self-preservation behavior is related to their health, knowledge of the basic laws of behavior of a healthy person. It is shown that a healthy lifestyle is unfortunately not included in the priority area of today's youth. As for the situation in Russia, it is quite alarming and requires the necessary measures, as young people in the country is characterized by self-destructive behavior. It was concluded that at the current stage is the actual task of creating an adequate self-protective behavior, one element of which is the motivational component values.

Keywords: self-preservation behavior, the concept of self-preservation behavior, culture of self-preservation, self-preservation behavior components

Information about the authors

1. Igoshev G. M. – Teacher of the Department of Physical Education Perm State Pharmaceutical Academy 614990, Russian Federation, Perm, Perm, ul. Field, 2. E-mail: perm@pfa.ru, igoshev@pfa.ru

2. Vereshchagin I.V. – Teacher of the Department of Physical Education Perm State Pharmaceutical Academy 614990, Russian Federation, Perm, Perm, ul. Field, 2. E-mail: perm@pfa.ru, igoshev@pfa.ru

3. Igoshev M. V. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Physical Education Perm State Pharmaceutical Academy 614990, Russian Federation, Perm, Perm, ul. Field, 2. E-mail: perm@pfa.ru igoshev@pfa.ru Associate Professor, Department of Physical Education Perm State National Research University 614990, Perm, ul. Bukireva 15 E-mail: sportmig58@yandex.ru

УДК 316.245:314.07.17

М.В. Игошев, А.И. Кузьмин

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО И ЦЕННОСТНО-АДАПТАЦИОННОГО ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К СВОЕМУ ЗДОРОВЬЮ*

В статье рассматриваются проблемы формирования ценностно-адаптационного отношения студентов к своему здоровью, представлены данные по смертности среди молодежи, сделан вывод, что организация жизнедеятельности современной молодежи хаотична. Неорганизованность ежедневной деятельности, постоянные стрессы приводят к увеличению количества проблем с физическим и психическим здоровьем. Отмечено большое значение саморегуляции личности (в том числе самосохранительного поведения) для достижения студентами значимых целей.

Ключевые слова: ценностные ориентации, самосохранительное поведение, молодежь, здоровье, ценностно-адаптационное поведение, качество жизни

Студенты – социальная группа, которую объединяют определенные условия жизни и учебного труда. Вследствие психоэмоциональной нагрузки, нарушения питания, качества жизни, режима дня и ночи наблюдается снижение уровня здоровья. Под качеством жизни следует понимать комплекс характеристик жизнедеятельности

* Материалы подготовлены при поддержке гранта «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста» Грант РФФИ 15-06-09169

индивида, обуславливающих ее оптимальное протекание в конкретное время в определенных условиях и месте, обеспечивающих соответствие жизни основным видам деятельности и потребностям человека. У многих студентов принцип самосохранительного поведения актуализируется из-за необходимости приспособляться к новым условиям жизни и общения с окружающими.

Данная тема представляет интерес как для анализа этой социально-демографической группы, так и для понимания развития общества в целом. Ухудшение состояния здоровья у студентов является сейчас актуальной проблемой.

Студенческая молодежь – особая социальная группа, она открыта всем новым изменениям, инновациям. От того, какой фундамент будет в них заложен, зависит развитие общества, будущее нашей страны. Каждый человек хочет быть здоровым, однако даже в ситуации болезни люди нередко ведут себя неадекватно своему состоянию. Здоровье обычно воспринимается людьми как данность; потребность в нем всеми, безусловно, осознается, но только в случаях крайнего дефицита [6, с. 16].

Высокий уровень общей культуры нации, хорошее морально-нравственное и экономическое состояние общества – основа здорового образа жизни каждого человека. Многочисленные исследования ученых говорят о том, что здоровый образ жизни является универсальным, общедоступным, не требующим больших материальных затрат способом укрепления и поддержания здоровья на высоком уровне и продления активной жизни.

В последние 5 лет смертность российских подростков в возрасте 15–20 лет находилась в пределах 108-120 на 100000 населения данного возраста. Этот показатель в 4–6 раз выше, чем в большинстве стран европейского региона, данный показатель обусловлен поведенческими факторами, такими как алкоголизм, курение, депрессии, зависимости и др., то есть теми, которые обуславливают отношение подростков к своему здоровью.

Россия занимает лидирующее место по числу самоубийств среди подростков, количество задумавшихся о самоубийстве девушек в России составляет 45%, а молодых людей – 30%. Суицидальная смертность подростков имеет сезонный характер. По статистике, период суицидов у юношей и девушек приходится на апрель – июнь, в обоих случаях пик самоубийств совершается в мае (10,1% у юношей и 12% у девушек), а также в июне (9,2% и 10,1%). По дням недели пик самоубийств у обоих полов наблюдается в воскресенье (16,8% у юношей и 15,7% у девушек) и субботу (14,2% и 14,9% соответственно). У юношей днями риска являются также 1 января и 2 мая (5,4% и 5,3%), 9 и 10 мая (4,3% и 5%), 8 и 9 марта (чуть выше 4%). У девушек распределение выглядит намного сложнее: 9 мая и 14 июня (6%), 10 мая, 12 июня, 8, 10, 17 июля (5,1%-5,5%), на последнем месте 1 января, 30 апреля, 2 и 3 мая, 15 июня (около 4,9%). У взрослой половины населения прослеживается тенденция самоубийств в понедельник и праздничные дни. Подростки отмечают, что именно на майские и другие праздничные дни чаще всего приходятся встречи с компаниями, распитие спиртных напитков [2, с. 5].

Подростки начинают употреблять пиво с 12 лет. По статистическим данным, наличие алкоголя в крови в момент совершения самоубийства было обнаружено у 54,6% самоубийц в возрасте от 16-19 лет и у 35,9% – в возрасте до 15 лет. В обеих возрастных группах распространенным видом самоубийства было повешение. За последние годы также увеличилось количество наркоманов среди подростков в 1,3 раза, токсикоманов – в 1,2 раза. По данным государственной статистики, больными наркологическими расстройствами является около 12,9 тыс. чел., а это около 1,9 % подростков.

Кроме того, если разделить тенденции смертности сельских и городских подростков, можно заметить, что смертность сельских подростков в несколько раз превышает смертность городских подростков. Количество смертей от травм и отравлений составило 34,9% у сельских подростков и 13,1% – у городских, от болезни органов дыхания – 40,1 и 31,2% соответственно, онкологическая смертность – 12,3 и 6,7%,

смертность от болезней нервной системы – 15,3 и 14,7%, сердечно-сосудистых заболеваний – 24,2 и 21,1%.

Многие подростки в возрасте 18 лет получают автомобильные права. Иногда нарушая правила дорожного движения или становясь жертвой в аварии, подростки гибнут. По статистике за 2011 г., количество дорожно-транспортных происшествий по вине молодых водителей увеличилось на 11,7%. Более 37,8% от общей численности погибших водителей составили подростки и молодые люди в возрасте от 18 до 33 лет. Не следует забывать, что с каждым годом все больше происходит наездов на пешеходов. Необходимо подчеркнуть, что в каждом девятом дорожно-транспортном происшествии погибают дети и подростки. Более чем в 40% случаев подростки погибают в качестве пассажиров.

Россия – самая пьющая нация в мире. Систематически потребляют алкоголь каждый второй молодой человек и каждая шестая девушка. Часто потребляют алкоголь более 33% юношей и 24 % девушек. Большинство родителей считают, что лучше ребенок попробует алкоголь дома, нежели на улице, то есть наше общество запрограммировано на то, что пить все равно придется и лучше попробовать раньше, чем позже. Родители знакомят детей с алкогольной продукцией в возрасте до 10 лет в 62% случаев. 92% алкозависимых детей выходят из неблагополучных семей. Заболеваемость алкоголизмом среди подростков выросла с 18,1% до 25,3% на 1000 000 населения. Надо помнить, что в состоянии алкогольного опьянения, по статистике, чаще всего совершаются кражи – 55%, грабежи – 75%, разбойные нападения – 83%, убийства – 80%, изнасилования – 80%.

В настоящее время потребляют наркотики 45% юношей и 18% девушек, употребляли наркотики и токсические вещества хотя бы один раз в жизни 56% юношей и 20% девушек, около 40% от всех обратившихся за медицинской помощью наркоманов – люди в возрасте от 16 лет. По данным МВД РФ, более 70% всех наркоманов – это молодежь.

Состояние здоровья у российских подростков существенно хуже, чем в других странах, к примеру, в Швейцарии количество подростков (от 13 до 18 лет), считающих себя здоровыми, составляет 92%, во Франции – 55%, в Германии – 40%, а в России – меньше 25%. Кроме того, не стоит забывать, что в России около 1000000 безнадзорных детей, у которых есть родители. Около 368000 в возрасте от 6 до 18 лет – не учатся, более 230000 находятся в интернатах, 183000 родителей лишены родительских прав, поэтому в настоящее время в России сформировалась актуальная проблема сохранения и укрепления здоровья для всех возрастных групп населения.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал данные оценки состояния здоровья у российских студентов. По данным ВЦИОМ, в 2009 г. количество российских студентов, оценивающих свое здоровье как «хорошее», составляло 25%, 4% – «очень хорошее», 51% сообщали об «удовлетворительном состоянии» здоровья, 16% – о «слабом здоровье», 4% – «очень слабом». Согласно данным ВЦИОМ, главное в жизни российских студентов – здоровье и наличие хороших друзей. В настоящее время студенты хотят иметь хорошую семью, быть материально обеспеченными, но значение интеллектуальных и духовных ценностей значительно снизилось по сравнению с прошлыми годами [4, с. 67].

Для нормализации уровня здоровья студентов нужно подробно изучить и понять ценностные ориентиры молодежи. Ценностные ориентации — компонент направленности личности. Это разделяемые и внутренне принятые ею материальные и духовные ценности, предрасположенность к восприятию условий жизни и деятельности в их субъективной значимости. В наше время общество само задает молодежи ситуации для выбора ценностей, в которых они сами должны сделать выбор путем адаптации к определенным условиям. Общественные нормы, ценности здорового образа жизни принимаются студентами как лично значимые, но не всегда совпадают с ценностями, выработанными общественным сознанием [3, с. 19]. Так, в процессе накопления

личностью социального опыта возможна дисгармония познавательных, социально-психологических, функциональных процессов. Подобный дисбаланс может стать причиной формирования асоциальных качеств личности. Для студента с высоким уровнем развития личности характерно не только стремление познать себя, но и желание и умение изменить себя, микросреду, в которой он находится. Путем активного самоизменения и формируется его образ жизни. Кроме того, в структуру самопознания включаются идеалы, нормы и ценности. Они присваиваются личностью, становятся ее собственными идеалами, ценностями, нормами, занимая главное положение в личности – ее самосознании. Образ жизни студенту нельзя навязать извне. Личность имеет реальную возможность выбора значимых для нее форм жизнедеятельности, типов поведения. Обладая определенной автономностью и ценностью, каждая личность формирует свой образ действий и мышления. Личность способна оказывать влияние на содержание и характер образа жизни группы, коллектива, в которых она находится [5, с. 92].

Студенческое общество имеет социально-групповую специфику, которая зависит от воспитания, возраста, среды вуза и других факторов. Большая часть молодежи имеет свои представления о жизни, здоровье. Размещение снимков анорексичных моделей на обложках модных журналов приводит к мысли, что это модно и красиво, и студентки начинают голодать, во имя достижения этого идеала («красоты») портят свое здоровье. Ночные клубы предоставляют студентам скидки на вход, где мало того, что некурящие студенты становятся пассивными курильщиками, но и многие злоупотребляют алкоголем и нарушают свой режим дня. В некоторых учебных заведениях отсутствуют столовые, а в буфетах продают газированные напитки, кондитерские изделия, чипсы, шоколадки. Такое неправильное питание также портит здоровье студентов. Убрав вредные привычки из жизни и введя регулярные физические упражнения в повседневную жизнь, студенты могут поддержать и улучшить свое здоровье.

Качество жизни характеризуется направленностью, которая выражается в том, какие ценности производятся, какие общественные потребности удовлетворяются для развития самой личности. Выражением саморегуляции личности в жизнедеятельности является ее стиль жизни. Эта система характеризуется определенным постоянством составляющих ее компонентов и включает приемы самосохранительного поведения, обеспечивающие достижение студентами значимых целей с наименьшим физическими, психическими и энергетическими затратами. Становясь привычкой, стиль жизни приобретает некоторую свободу от сферы сознательного контроля. Этот уровень саморегуляции возможен при развитости иерархии мотивов личности, наличии мотивации высокого уровня, связанного с общей направленностью интересов и ценностных ориентаций, обобщенных социальных установок.

Анализ фактических материалов о жизнедеятельности студентов свидетельствует о ее неупорядоченности и хаотичности ее организации. Это отражается в таких важных компонентах, как несвоевременное принятие пищи, систематическое недосыпание, малое пребывание на свежем воздухе, недостаточная двигательная активность, выполнение самостоятельной работы во время, предназначенное для сна. Накапливаясь в течение года, негативные последствия такой организации жизнедеятельности приводят к увеличению заболеваний. Кроме того, большой психологической нагрузкой для студента является сессия. Учеными было доказано: чем старше курс, тем интенсивность усвоения материала ниже, а стресса больше, ведь с каждым годом сессия становится сложнее, а экзаменов больше. В силу определенных обстоятельств студенты пытаются совместить учебу с работой, иногда складывается так, что приходится работать в выходные дни и в ночные смены, что уменьшает количество часов на отдых. Нарушая естественный ритм жизни, студенты в юном возрасте наносят большой вред сердцу, после смены студенты отправляются на учебу [6, с. 169].

Эти данные позволяют нам сделать вывод, что биологическое состояние зависит от социального, а социальное – от биологического.

Таким образом, можно выделить две стороны становления личности в плане физического здоровья:

1. Факторы, на которые студент повлиять не может: образование его родителей, материальное положение семьи, пол и возраст в определенный момент времени.

2. В ходе исследования были выделены четыре основных фактора, влияющих на физическое состояние учащихся, а также отношение к занятиям физической культурой и спорту, занятиям в свободное время усилиями своего желания и силы воли, стремлением идти к цели.

- выбор будущей профессии и учебного заведения студента;
- половые и возрастные различия;
- уровень образования родителей;
- материальный достаток семьи.

Кроме того, здоровье рассматривается с позиций социально-деятельностного подхода, социальной ценности и социальной активности и определяется как динамическое состояние, обеспечивающее соответствующие возрасту потребности и способности студента реализовывать свои физиологические, психические и социальные функции в процессе жизнедеятельности.

© Игошев М. В. Текст. 2016

Список источников

1. Смертность подростков в РФ / Альбицкий В. Ю., Иванова А. Е., Ильин А. Г., Терлецкая Р. Н. – М. : Научный центр здоровья детей РАМН, 2010.

2. Димов В. Д. Здоровье как социальная проблема // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 6. – С. 166-179.

3. Исследование ценностного отношения к здоровью студентов // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2009. – № 2.

4. Козина Г. Ю. Концептуальная модель воздействия социальных факторов на формирование здоровья человека // X Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов: межвуз. сб. науч. тр. – Пенза, 2008. – С. 64-71.

5. Федоров А. И. Отношение подростков к здоровью. Социологический анализ // Образование и наука. – 2008. – №1 (49). – С. 91-96.

6. Шулаева М. А. Ценностные представления о здоровье и здоровом образе жизни студенческой молодежи // Вестник КемГУ. – 2010. – №3.

Информация об авторе

1. Игошев Михаил Владиславович - кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой физической культуры ГБОУ ВПО «Пермская государственная фармацевтическая академия». 614990, Российская Федерация, Пермский край, г. Пермь, ул. Полевая, д.2. E-mail: perm@pfa.ru, igoshev@pfa.ru Доцент кафедры физической культуры ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. E-mail: sportmig58@yandex.ru

2. Кузьмин Александр Иванович - кандидат экономических наук, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

Igoshev M. V., Kuzmin A.I.

PROBLEMS OF FORMATION OF SELF-PRESERVATION AND ADAPTATION OF VALUES AND ATTITUDES OF STUDENTS TOWARDS THEIR HEALTH

This paper describes the problems of the formation of values and attitudes of the adaptation of students to their health, presents data on mortality among young people, it is

concluded that the organization of life of today's youth - chaotic. Disorganization daily activity, constant stresses lead to an increase in the number of problems with the physical and mental health. Noting the importance of self-identity (including self-preservation behavior) in order to achieve significant goals of students.

Keywords : values, self-preservation behavior, youth, health, values and adaptive behavior, quality of life.

Information about the author

1. Igoshev Mikhail Vladislavovich - Department of Physical Education Perm State Pharmaceutical Academy 614990, Russian Federation, Perm, Perm, ul. Field, 2. E-mail: perm@pfa.ru igoshev@pfa.ru Associate Professor, Department of Physical Education Perm State National Research University 614990, Perm, ul. Bukireva 15 E-mail: sportmig58@yandex.ru

2. Kuzmin Aleksandr Ivanovich - DSN, Professor, senior researcher of the Institute of Economics, Ural branch of RAS

УДК 314.17 (470.12)

О.Н. Калачикова, А.В. Короленко

ДИНАМИКА РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

В статье дан анализ ключевых статистических показателей рождаемости и результатов социологического исследования репродуктивных установок жителей Вологодской области. Установлено, что для процесса воспроизводства населения региона характерен суженный режим, не обеспечивающий полного замещения поколений. Данный факт обусловлен широким распространением малодетных репродуктивных установок, причина которых зачастую кроется не только в сложном материальном положении семей с детьми, но и в психологической неготовности людей к рождению детей.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, рождаемость, суженный режим воспроизводства, мониторинг, Вологодская область.

На протяжении последних 25 лет рождаемость населения Вологодской области испытывала значительные колебания (рис. 1). Наиболее заметные спады общего коэффициента рождаемости (ОКР) наблюдались в 1990–1993 гг. и в 1998–1999 гг., а начиная с 2000-х гг. наметилась тенденция его устойчивого роста. Существенный скачок ОКР был отмечен после 2006–2007 гг. в связи с принятием ряда государственных мер по стимулированию рождаемости. В настоящее время в Вологодской области уровень рождаемости достигает 13,6‰, что выше среднего по стране (13,3‰) и регионам СЗФО (12,3‰) показателя. Однако несмотря на позитивную тенденцию роста рождаемости, вариативный демографический прогноз изменения численности населения Вологодской области до 2030 г., как и России в целом, свидетельствует о сохранении и дальнейшем нарастании депопуляции даже при планируемом увеличении рождаемости [4, с. 152]. Сокращение числа женщин репродуктивного возраста в будущем ставит задачу увеличения детности семей, именно поэтому изучение особенностей репродуктивного поведения представляется крайне актуальным.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-03120, «Качество детского населения в контексте модернизации России»).

Такой специальный показатель, как суммарный коэффициент рождаемости (СКР) дает более точное представление о детности и отражает средние репродуктивные установки населения. Его величина не зависит от возрастного состава населения и характеризует средний уровень рождаемости в данный календарный год. В течение рассматриваемого периода он, как и ОКР, претерпевал значительные изменения (рис. 2). В 2014 г. в среднем по России его величина составила 1,75 ед., в Вологодской области несколько выше – 1,86 ед.

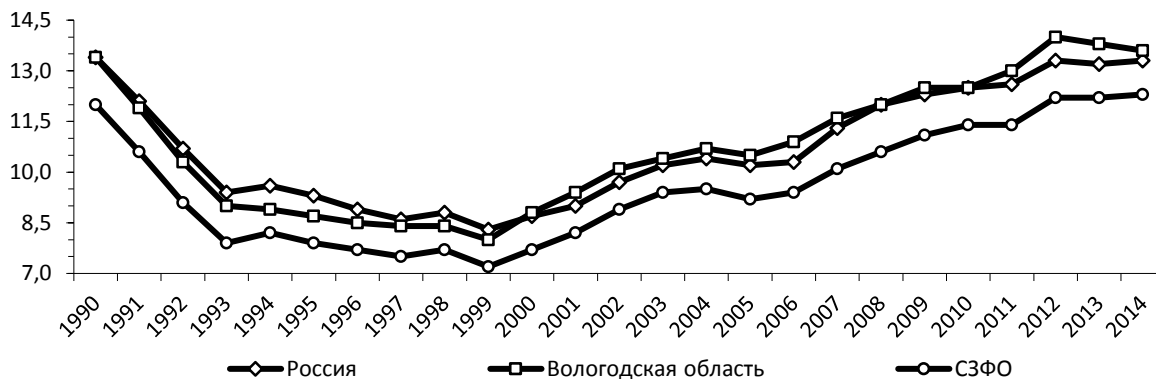

Рис. 1. Динамика общего коэффициента рождаемости населения России, СЗФО и Вологодской области в 1990–2014 гг. (умерших на 1 тыс. чел. населения)¹

Примечательно, что в настоящее время и в стране, и в регионе уровень СКР остается ниже того, который необходим для обеспечения полного замещения поколений (2,11 ед.). При этом сохраняется значительная территориальная дифференциация: население сельских территорий демонстрирует и более высокие значения суммарного коэффициента рождаемости (2,32 против 1,59 ед. в России и 2,77 против 1,64 ед. в Вологодской области). Данный факт свидетельствует о большом вкладе образа и уклада жизни на репродуктивное поведение населения.

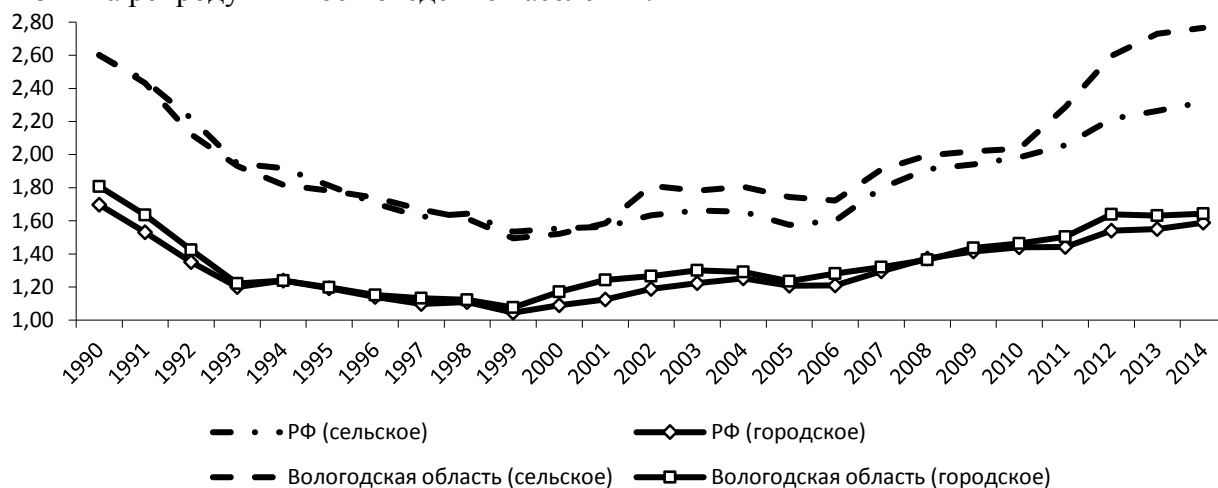

Рис. 2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости сельского и городского населения России и Вологодской области в 1990–2014 гг. (единиц; источник: данные Федеральной службы государственной статистики²)

На протяжении 2000-х гг. для ключевого индикатора, характеризующего процесс воспроизводства населения, – нетто-коэффициента воспроизводства, в России и

¹ Центральная база данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbsd.gks.ru/>

² Центральная база данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbsd.gks.ru/>

Вологодской области наблюдалась позитивная тенденция роста (рис. 3). По последним данным, на 2014 г. величина данного показателя в регионе составила 0,88, что выше средней по стране и регионам СЗФО (0,83 и 0,77 ед. соответственно). Тем не менее, его уровень все еще не достигает 1, а это значит, что с учетом смертности, при сложившемся уровне рождаемости поколения нынешних матерей замещаются дочерними лишь на 88% а, следовательно, не обеспечивается даже простое (1 к 1) замещение поколений. Таким образом, в регионе сохраняется суженный режим воспроизводства населения.

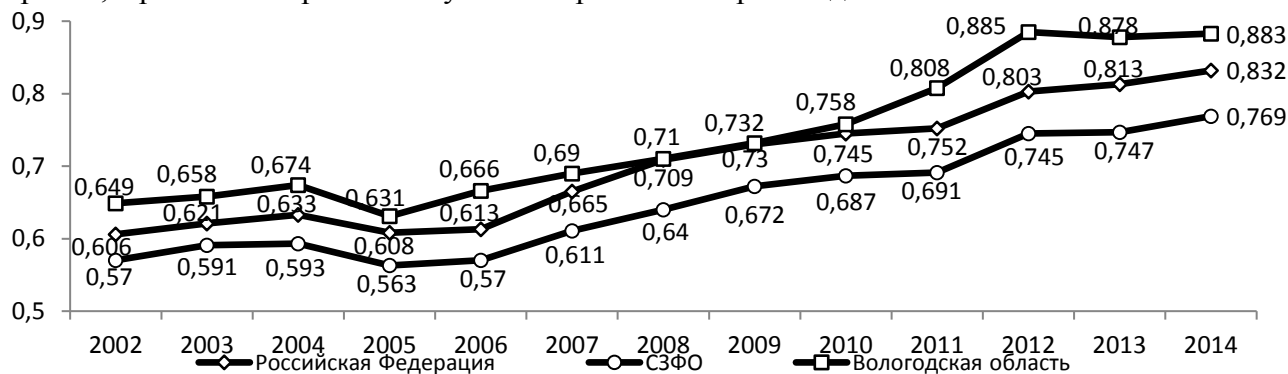

Рис. 3. Нетто-коэффициент воспроизводства населения России, СЗФО и Вологодской области в 2002–2014 гг. (источник: данные Федеральной службы государственной статистики¹)

Одной из ключевых детерминант, определяющих рождаемость населения, а также важнейшим поведенческим условием, формирующим его воспроизводство, является репродуктивное поведение. Под ним понимают систему действий и отношений, опосредующих рождение определенного числа детей или отказ от деторождения, регулирующиеся биологическими, экономическими, психологическими и социальными факторами [2, с. 5].

Репродуктивные ориентации населения лучше всего характеризуют такие показатели, как среднее желаемое и ожидаемое число детей. Желаемое число детей в большей степени описывает потребность населения в детях, то есть это число детей, достижение которого желательно при наиболее благоприятных условиях. Большими прогностическими и аналитическими возможностями обладает ожидаемое планируемое число детей, отражающее реальные намерения населения с учетом существующих условий [1, с. 60].

Данные мониторинга репродуктивного потенциала населения, проводимого ИСЭРТ РАН², показывают, что среди жителей Вологодской области преобладают малодетные репродуктивные установки. Так, в 2014 г. при ответе на вопрос: «Сколько детей Вы желаете иметь в своей семье?» большинство (53%) ответили, что хотели бы иметь двух детей (табл. 1). 16% опрошенных выразили желание воспитывать трех детей, 14% – одного ребенка. Положительным моментом является то, что доля респондентов, вовсе не желающих заводить детей, составила лишь 3%. В то же время четырех и более детей желают иметь лишь 2% опрошенных жителей региона.

Примечательно, что по сравнению с 2005 г. на 3% выросла доля тех, кто хочет завести двух детей, но в то же время снизился удельный вес респондентов, выразивших

¹ Демографический ежегодник России 2002–2014 : стат. сб. / Росстат. М. 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312

² Мониторинг репродуктивного потенциала населения Вологодской области проводится ИСЭРТ РАН с 2005 г. на территории городов Вологда и Череповец и 8 муниципальных районов (Великоустюгского, Вожегодского, Кирилловского, Бабаевский, Грязовецкий, Никольский, Тарногский и Шекснинский). Репрезентативность выборки обеспечена квотированием по полу и возрасту, равномерным размещением единиц наблюдения, представительным объемом 1500 чел. Ошибка выборки не превышает 3%. С периодичностью раз в два месяца опрашивается 1500 чел. в возрасте 18 лет и старше.

желание воспитывать трех и более детей на 7 % соответственно. Прежде всего, это может быть связано с постепенным «затуханием» эффекта введенных в период 2006–2012 гг. мер демографической политики.

Анализ реальных планов детности населения Вологодской области показал, что 47% жителей региона планируют завести двух детей, 17% – одного ребенка, 11% – трех и лишь 1,5% – четырех и более детей (табл. 1). Следует заметить, что по сравнению с опросом 2005 г. значительно сократилась доля тех, кто планирует завести одного ребенка (на 10 %), но в то же время на 3 %. вырос удельный вес числа жителей, планирующих иметь в своей семье трех детей, и на 2% – тех, кто планируют остаться бездетными.

Таблица 1

Распределение ответов жителей Вологодской области на вопрос о желаемом и реально планируемом числе детей в семье (% от числа опрошенных)

Варианты ответа	Вопрос					
	Сколько детей Вы желаете иметь в своей семье?			Сколько детей Вы реально планируете иметь в своей семье?		
	2005 г.	2008 г.	2014 г.	2005 г.	2008 г.	2014 г.
Ни одного	1,6	1,9	2,8	4,7	2,9	7,1
Одного ребенка	14,3	19,4	13,8	26,4	22,2	16,7
Двух детей	49,6	47,3	52,5	46,1	42,7	46,9
Трех детей	20,2	13,4	15,8	8,5	11,3	11,3
Четырех детей и более	5,2	4,1	2,1	1,9	2,1	1,5
Затрудняюсь ответить	9,1	13,9	13,0	12,5	18,9	16,5

Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области ИСЭРТ РАН.

За 2005–2014 гг. среднее желаемое число детей несколько сократилось с 2,1 ед. до 2,0 ед., а среднее планируемое число детей, напротив, выросло с 1,7 ед. до 1,8 ед. В 2014 г. зафиксировано заметное снижение установок детности в сельской местности по сравнению с 2011 г. Средние предпочитаемые числа детей у жителей районов области приблизились или даже стали ниже, чем у горожан. Это может свидетельствовать о нивелировании разницы между городом и селом в плане ценностных трансформаций и стремлений сельских жителей к повышению уровня жизни [3]. Таким образом, исходя из результатов опроса, в настоящее время для жителей Вологодской области большими возможностями для реализации обладают малодетные репродуктивные установки (1-2 ребенка).

Таблица 2.

Средние предпочитаемые числа детей среди жителей Вологодской области (ед.)

Год	Вологодская область	г. Вологда	г. Череповец	Районы области
Желаемое число детей				
2005	2,1	2,0	2,2	2,3
2008	2,0	2,1	1,9	2,0
2011	2,1	1,9	2,0	2,2
2014	2,0	2,1	2,0	2,0
Планируемое число детей				
2005	1,7	1,7	1,8	1,7
2008	1,8	2,0	1,8	1,8
2011	1,8	1,6	1,8	2,0
2014	1,8	1,9	1,8	1,8

Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области ИСЭРТ РАН.

Малодетные репродуктивные планы респонденты чаще всего объясняют материальными причинами – низкими доходами и дороговизной товаров, плохими жилищными условиями и нестабильной экономической обстановкой в стране (табл. 3). Вместе с тем значительное распространение получило представление о «достаточности» небольшого количества детей, что отражает существенный вклад социальной и психологической составляющей в репродуктивную мотивацию сегодняшней малодетности. По сравнению с 2005 г. в 2014 г. значимость всех вышеперечисленных причин среди респондентов существенно возросла.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы планируете иметь менее трех детей, укажите причины, по которым Вы не хотите иметь больше» среди жителей Вологодской области (% от тех, кто планирует одного-двух детей)

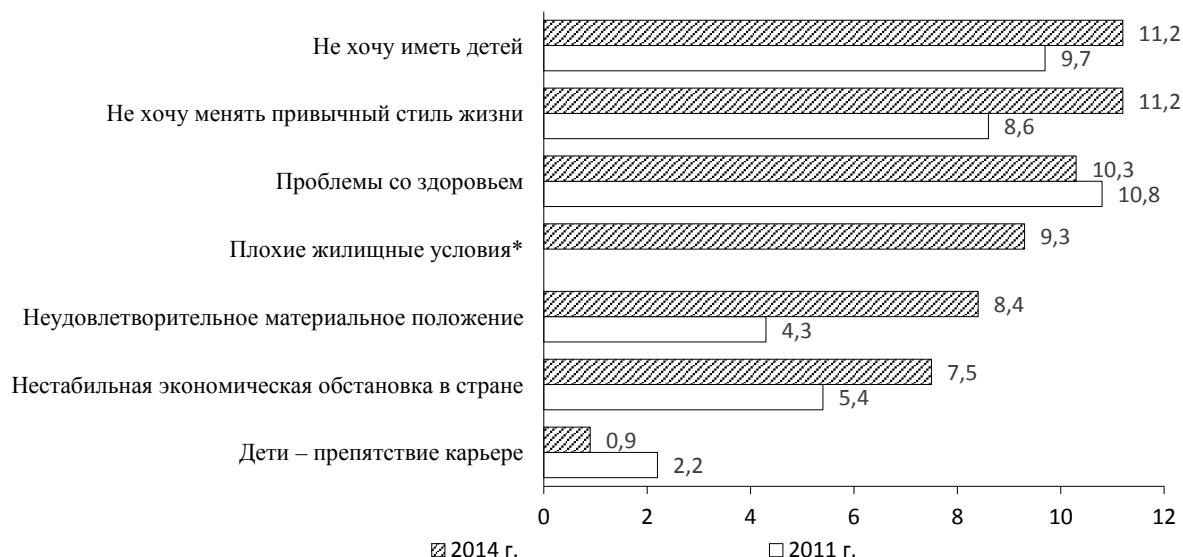
Вариант ответа	Год			
	2005	2008	2011	2014
Низкие доходы населения и дороговизна товаров	36,6	50,7	38,7	49,1
Столько детей мне вполне достаточно	39,8	48,1	48,4	42,3
Плохие жилищные условия	29,2	45,1	25,5	33,6
Нестабильная экономическая обстановка в стране	28,0	34,2	30,9	32,9
Многодетность никак не поощряется государством	7,5	12,4	10,4	8,9
Неудовлетворительное состояние здоровья*	-	-	6,7	8,3
Роды – это риск для здоровья женщины	8,5	12,7	9,9	8,3
Много детей в семье препятствует карьере (отдыху)	11,2	13,6	7,7	7,5
Риск остаться без работы**	-	4,7	3,5	4,1
Семейная традиция иметь мало детей в семье	3,1	6,2	2,8	3,6
Другое	1,0	2,1	0,3	1,8

* включен в перечень вариантов ответа с 2011 г.

**включен в перечень вариантов ответа с 2008 г.

Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области ИСЭРТ РАН.

В качестве ключевых причин бездетных репродуктивных установок в настоящее время выступают такие, как нежелание иметь детей (11% опрошенных), нежелание менять привычный стиль жизни (11%) и проблемы со здоровьем (10%; рис. 4). Кроме того, по мнению респондентов, велика роль и плохих жилищных условий (9%). Стоит отметить, что по сравнению с предыдущим опросом 2011 г. в 2014 г. для жителей региона особенно заметно возросла значимость первых двух факторов бездетности, а также таких, как неудовлетворительное материальное положение и нестабильная экономическая ситуация в стране.

*вариант ответа включён в 2014 г

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Если Вы планируете не иметь детей (остаться бездетным), то каковы причины для этого?» среди жителей Вологодской области, в % от тех, кто планирует не иметь детей – остаться бездетными (источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области ИСЭРТ РАН.)

При исследовании установок на рождение детей не менее важен вопрос репродуктивной мотивации, позволяющий оценить ключевые мотивы и их направленность. В целом, большинством населения региона дети воспринимаются как «радость жизни»: так считают 65–75% жителей региона в разные годы мониторинга (табл. 4). Обязательной частью семьи назвали детей 43–53%, наследниками, продолжателями дела – 36–48%. Реже детей воспринимают как помощников в старости (34–44%), ведении хозяйства (14–22%).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Для Вас дети – это ...» (в % от числа опрошенных)

Тип и направленность мотивации	Вариант ответа	Год		
		2008	2011	2014
Психологическая позитивная	Дети – это «радость» жизни	69,8	65,3	74,8
Социальная позитивная	Обязательная часть семьи	52,7	45,3	43,0
	Наследники продолжатели Вашего дела	48,0	42,4	36,2
Социально-экономическая позитивная	Помощь в старости	44,1	34,1	34,9
Экономическая позитивная	Помощь в ведении хозяйства	22,0	16,7	14,4
Экономическая негативная	Дополнительная трата денег	7,9	3,5	4,1
Социально-психологическая негативная	Помеха отдыху, личной жизни	4,4	2,1	3,3
Экономическая негативная	Снижение материального положения семьи	6,3	1,5	4,0
Социальная негативная	Помеха карьере	3,5	1,3	2,1
Экономическая позитивная	Источник доходов	2,3	0,5	0,7
–	Другое	0,8	0,7	0,6

*В 2005 г. вопрос не задавался.

Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области ИСЭРТ РАН.

Таким образом, в настоящее время в Вологодской области основной проблемой воспроизводства является малодетный тип репродуктивного поведения населения. Для стимулирования рождаемости усилия необходимо направлять на изменение морально-психологических установок на малое количество детей в семье. Здесь возможно использование самых разных механизмов: информационно-просветительских, пропагандистских и т.д. Как отмечает Н. М. Римашевская [5, с. 38], в зоне повышенных рисков бедности находятся более чем в 50% случаев находятся семьи с детьми. Именно поэтому обязательным, предопределяющим успешность мероприятий по повышению установок детности условием должно стать снижение рисков бедности семей с детьми, главным образом, за счет создания институциональных условий для совмещения репродуктивной и трудовой функций женщинами. Проведение социологических исследований репродуктивного поведения позволяет оценить, насколько население готово к реализации средне- и многодетных репродуктивных планов, а также насколько это позволяет осуществить сложившаяся в регионе социально-экономическая ситуация.

© Калачикова О. Н., Короленко А. В. Текст. 2016

Список источников

1. Андреев Е. М., Бондарская Г. А. Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения? // Вопросы статистики. – 2000. – №11. – С. 56-62.
2. Калачикова О. Н., Шабунова А. А. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 172 с.
3. Калачикова О. Н., Гордиевская А. Н. Репродуктивное поведение населения: опыт многолетнего мониторинга // Вопросы территориального развития. – 2014. – №9 (19) [Электронный ресурс]. URL: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/1443/full>
4. Калачикова О. Н., Шабунова А. А., Ласточкина М. А. Тенденции и перспективы демографического развития России и Вологодской области // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. – 2012. – №5 (23). – С. 143-153.
5. Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. – 2004. – №4. – С. 33 – 44.

Информация об авторах

1. Калачикова Ольга Николаевна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, и. о. заведующего отделом исследования уровня и образа жизни населения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; тел. раб.: 8(8172)59-78-20 (доб. 307), моб.: 8-921-237-98-51; e-mail: onk82@yandex.ru).
2. Короленко Александра Владимировна (Россия, г. Вологда) – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; тел.: 8(8172) 59-78-10 (доб. 305), моб.: 8-963-353-37-91; e-mail: coretra@yandex.ru).

DYNAMICS OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF POPULATION OF THE VOLOGDA REGION: EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

The article presents the analysis of the key statistical indicators of fertility and the results of sociological research of reproductive attitudes of inhabitants of population of the Vologda region. It was found that for the process of reproduction of the population of the region is characterized by a narrowed mode which does not provide a complete replacement of generations. This fact is due to the prevalence of few-children reproductive plans, the reason of which are often is not only in the difficult financial situation of families with children, but also in the psychological unavailability of people to the birth of children.

Key words: Reproductive behavior, fertility, narrowed reproduction mode, monitoring, Vologda region.

Information about the authors

1. Kalachikova Olga Nikolayevna (Russia, Vologda) – PhD in Economics, acting head of Department for the studies of lifestyles and standards of living, Institute of socio-economic development of territories of Russian academy of sciences (Russia, 160014, Vologda, Gorkogo str., 56-a; tel.: 8(8172) 59-78-20, 8-921-237-98-51; e-mail: onk82@yandex.ru).

2. Korolenko Aleksandra Vladimirovna (Russia, Vologda) – junior researcher, Institute of socio-economic development of territories of Russian academy of sciences (Russia, 160014, Vologda, Gorkogo str., 56-a; tel.: 8(8172) 59-78-10, 8-963-353-37-91; e-mail: coretra@yandex.ru).

УДК 332.1+314.7

Е.В. Курушина, И.В. Дружинина

ОТ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ – К ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Обоснована необходимость формирования трансдисциплинарного подхода к изучению воспроизводства населения как результата эволюции общенаучной, системной и пространственной парадигм. Приведены результаты исследования рациональности поведения акторов демографических процессов по региональным кластерам.

Ключевые слова: научная парадигма, демографические процессы, модель человека, рациональность поведения

Актуальность вопросов воспроизводства населения определяется тем, что численность населения, по словам С. Капицы, является главной переменной, определяющей наше развитие [4]. Направления исследований демографических процессов имеют различную концептуальную основу. Изучение интенсивности воспроизводственных процессов представляет интерес в нескольких контекстах:

- 1) в контексте пространственной парадигмы с позиций рационального размещения человеческого капитала;
- 2) в контексте системной парадигмы с позиций механизмов саморазвития демографической подсистемы;
- 3) в контексте человекоориентированной парадигмы с позиций результата развития территорий как среды обитания.

Современная системная парадигма предполагает включение субъекта в процесс изменений (исследование «человекоразмерных» систем), перенос акцента с материальных факторов развития системы на нематериальные, определяющие процессы саморазвития. В этом направлении получила развитие и пространственная парадигма. По авторской концепции многомерного пространства его сферы (и факторы) выделяются в соответствии с типами коммуникаций во Вселенной: 1) материальное пространство (обмен веществом и энергией); 2) институциональное пространство (обмен информацией); 3) ментальное пространство (нейронные коммуникации) [5]. В ментальном слое стратифицированного пространства происходит процесс саморефлексии и самоопределения индивида (рис. 1).

Факторы ментального пространства в классическом периоде науки нашли отражение в формировании следующих моделей человека: социальная (К. Бруннер), экономическая (А. Смит, Д. Риккардо), антропологическая (У. Джевонс, К. Менгер), философская (Л. Роббинс), психологическая (Дж. Кейнс) и другие [7]. Эволюция общенаучной парадигмы (от классической к постнеклассической) обусловила переход от дисциплинарной специализации исследований к изучению процессов и систем на меж- и трансдисциплинарной основе, включая психологию, социологию, экономику, философию, а также естественные и другие науки. Неслучайно в 2002 г. Нобелевская премия была присуждена за «интеграцию результатов психологических исследований в экономическую науку» Д. Канеману и за «утверждение лабораторных экспериментов в качестве инструмента экономического анализа в экономике при исследовании альтернативных рыночных механизмов» В. Смиту [1, с. 4]. Формирование и становление нового направления – поведенческой экономики – представляет собой результат трансдисциплинарности науки.

Модель поведения человека лежит в основе принятия решений. Управление демографическими процессами, основанное на классической научной парадигме, предполагает абсолютную мобильность факторов производства и рациональность человека, преобладание у него физиологических потребностей над социальными (высокие доходы, обеспеченность жильем). Так, при формировании демографической и семейной политики в Долгосрочной концепции социальной политики Российской Федерации до 2050 г. были приняты во внимание два основания: 1) снижение бедности; 2) стимулирование рождаемости [6, с. 44]. Механизмы управления, основанные на институциональной парадигме, предполагают воздействие среди прочих средовых факторов. Это состояние системы здравоохранения и образования, правоохранительных органов и других сфер социально-экономической среды, подвергшихся реформированию в результате реализации ряда федеральных целевых программ, начиная с 2006 г. Задействованные в используемых механизмах управления демографической ситуацией факторы материального и институционального пространства априори ориентированы на модель поведения рационального человека. Вместе с тем, еще Г. Саймон как автор модели административного человека указывал на ограниченную рациональность при принятии решений.

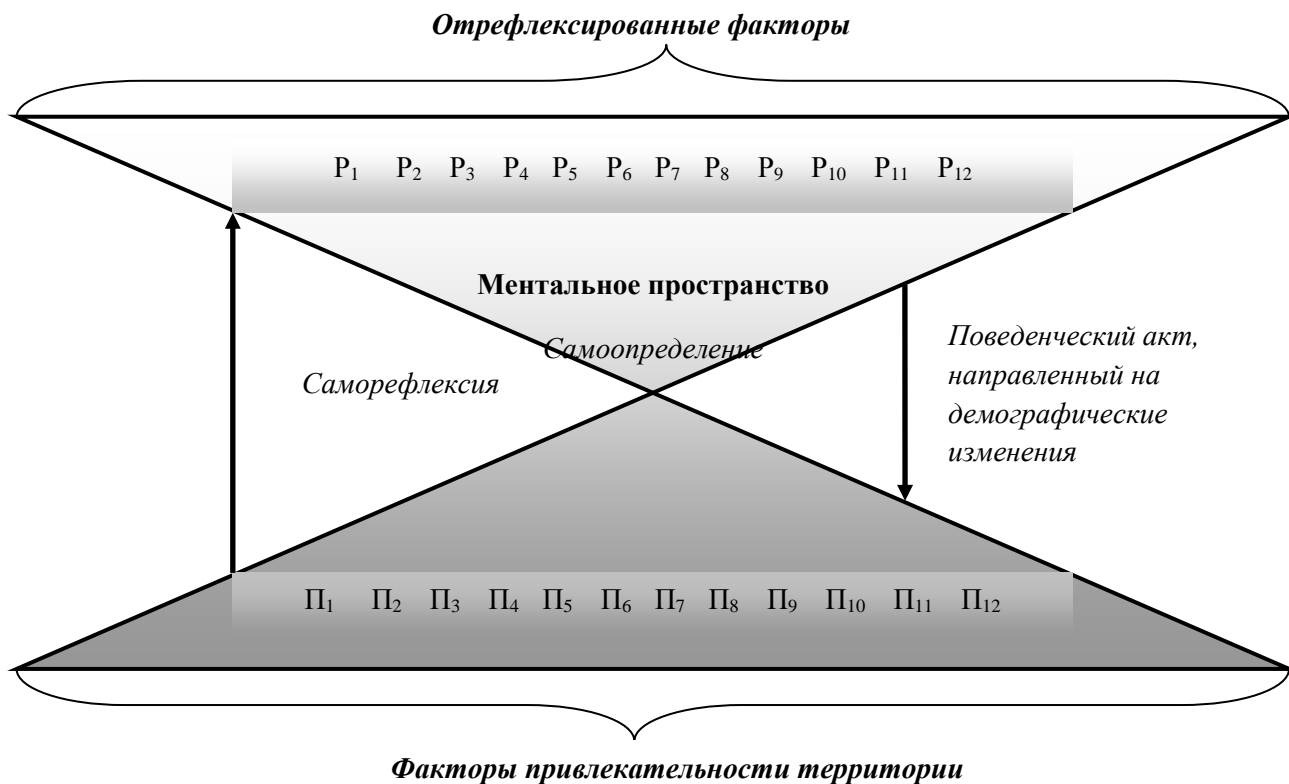

Рис. 1. Модель демографической саморазвивающейся подсистемы в многомерном пространстве (составлено авторами)

Управление демографическими процессами предполагает использование различных подходов к определению поведенческих реакций индивида.

1. Мнение исследователя (стороннего наблюдателя) о мотивах актора процесса. Этот подход характерен для экономистов, руководствующихся выбранной моделью человека. Например, исходя из неоклассической теории, основным фактором формирования миграционных потоков являются различия в уровнях заработной платы между странами происхождения, а также географические различия в соотношении спроса и предложения рабочей силы [2 с. 20]. Данный подход предполагает изучение не только экономических, но также политических и других факторов.

2. Мнение индивидов о мотивах собственных действий. Наибольшее распространение при проведении социологических исследований получили методы опроса акторов демографических процессов в сочетании с приемами описательной и аналитической статистики [3]. При исследовании репродуктивных процессов, как правило, изучаются размер и состав семьи, возраст родителей, их уровень жизни, место проживания, социальный статус и другие характеристики респондентов.

3. Поведенческие реакции акторов процессов, основанные на эмпирических или экспериментальных данных. Данный подход широко применяется психологами и нейрофизиологами.

Недостатком первого из указанных подходов является то, что «реальные люди ведут себя совершенно иначе, чем описано в учебниках по экономике» [1, с. 6]. Не этим ли объясняется недостаточная эффективность социально-экономических реформ? Второй подход позволяет получить новое знание о ценностных ориентациях акторов демографических процессов, но остается открытым вопрос, совпадает ли то, о чем люди говорят (думают) с тем, как они поступают. В связи с этим, представляется конструктивным исследование самих поведенческих реакций на факторы сфер материального и институционального пространства.

Авторами предложен подход формирования ментальных переменных на основе коэффициентов корреляции между показателями результативности демографических процессов (механического и естественного движения населения) и показателями-факторами развития территорий. При исследовании миграционных процессов в российских регионах за 2005–2013 гг. были получены реакции мигрантов на 12 показателей-факторов привлекательности территорий, отобранных на основе содержательных теорий мотивации. Значения отрефлексированных факторов варьировали в интервале [-1; +1], что позволило определить уровень рациональности поведения мигрантов по каждому субъекту РФ.

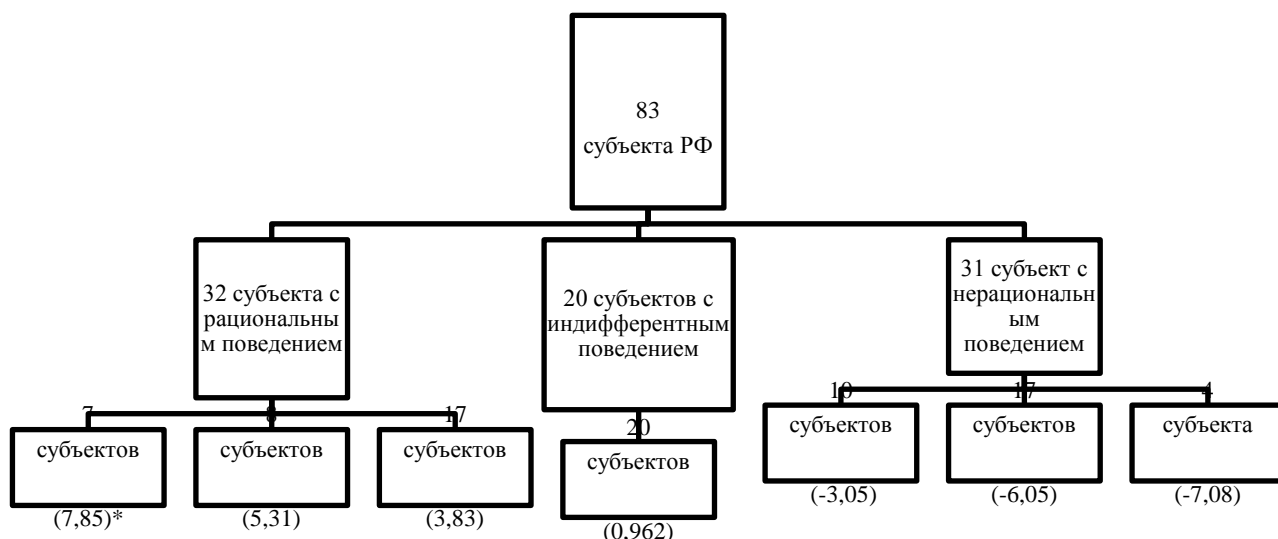
По значениям полученных показателей по 83 регионам на основе процедуры классификации в пакете IBM SPSS на первом уровне агломерации было выделено 7 региональных кластеров, отличающихся коэффициентами тесноты связи между изучаемыми переменными. Размах вариации по исследуемым характеристикам представлен в таблице.

Таблица

Вариация отрефлексированных значений показателей-факторов привлекательности территорий по миграционному приросту в разрезе региональных кластеров РФ
(составлено авторами)

Показатель-фактор	Условное обозначение	Значение коэффициента корреляции коэффициента миграционного прироста с показателем-фактором		
		минимальное	максимальное	размах
Реальная заработная плата	P ₁	-0,734	0,722	1,456
Обеспеченность жильем	P ₂	-0,854	0,770	1,624
Продолжительность жизни	P ₃	-0,794	0,862	1,656
Уровень безработицы	P ₄	-0,556	0,618	1,174
Реальный размер пенсий	P ₅	-0,795	0,821	1,616
Уровень преступности	P ₆	-0,847	0,747	1,594
Плотность населения	P ₇	-0,794	0,682	1,476
Плотность автодорог	P ₈	-0,745	0,772	1,517
Обеспеченность услугами связи	P ₉	-0,805	0,760	1,565
Экспорт на душу населения	P ₁₀	-0,373	0,430	0,803
Удельный вес инновационно активных предприятий	P ₁₁	-0,371	0,705	1,076
Доля занятых в малом предпринимательстве	P ₁₂	-0,619	0,550	1,169

По каждому кластеру на втором и третьем уровнях агломерации был определен уровень рациональности поведения мигрантов. В кластер с наиболее высоким уровнем рациональности поведения мигрантов (7,85) попали семь субъектов РФ, включая Калининградскую, Новосибирскую, Тюменскую область (без АО), г. Санкт-Петербург, Республику Адыгея, Красноярский и Камчатский края (рис. 2). Кластер с наиболее нерациональным поведением мигрантов (-7,08) сформирован четырьмя субъектами. Это Белгородская область, Ставропольский край, Карачаево-Черкесская Республика и Республика Дагестан.

* - Количественная оценка уровня рациональности поведения мигрантов

Рис. 2. Рациональность поведения мигрантов по региональным кластерам субъектов РФ за 2005–2013 гг. (составлено авторами)

Полученные результаты свидетельствуют о том, что реакции акторов демографических процессов на факторы материального и институционального пространства отличаются большой дифференциацией по регионам России. Управление демографической ситуацией требует учета особенностей поведения индивидов (населения), позволяющих повысить обоснованность ожидаемых результатов и эффективность применяемых механизмов реализации социально-экономической политики.

© Курушина Е. В., Дружинина И. В. Тест. 2016

Список источников

1. Белянин А. Дэниэл Канеман и Вернон Смит .Экономический анализ человеческого поведения // Вопросы экономики. – 2003. – №1. – С. 4-23.
2. Ивахнюк И. В. Миграция на постсоветском пространстве: тенденции, последствия и перспективы. Аналитический доклад по итогам научно-практического семинара (2011) [Электронный ресурс]. URL:: <http://moscow.iom.int/russian/publications/CARMP/iomrf%20pub/Analiticheskij%20doklad%20doklad%20Migracija%20na%20postsovetskom%20prostranstve%20MGU%202012.pdf>
3. Калачикова О. Н., Шабунова А. А. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы. – Вологда : Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015. – 172 с.
4. Капица С. П. Очерк теории роста человечества: демографическая революция и информационное общество. – М: Никитский клуб, – 2008. – Вып. 33. – 71 с.
5. Курушина Е. В., Дружинина И. В. Демографические трансформации регионального пространства России // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 3 (39). – С. 126-140.
6. Долгосрочная (до 2050 г.) концепция социальной политики Российской Федерации / Малева Т. М., Аврамова Е. М., Зубаревич Н. В., Полякова А. Г., Гурвич Е. Т. [Электронный ресурс]. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2608913.

7. Шаститко А. Е. Модели человека в экономической теории: учеб. пособие. – М.: Инфра-М, 2011. – 142 с.

Информация об авторах

1. Курушина Елена Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и организации производства, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38, e-mail: kurushina.tsogu@yandex.ru

2. Дружинина Ирина Васильевна – кандидат социологических наук, доцент доцент кафедры экономики и организации производства, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38, e-mail: 030370div@gmail.com

Kurushina E. V., Druzhinina I. V.

FROM DISCIPLINARY TO TRANSDISCIPLINARY STUDIES OF DEMOGRAPHIC PROCESSES

The authors substantiate the need to form the transdisciplinary approach to study population reproduction as a result of the evolution of general scientific, systemic and spatial paradigm. The article presents results of investigation the rationality in behavior of actors of demographic processes in terms of regional clusters.

Key words: scientific paradigm, demographic processes, human model, rationality of behavior.

Information about the authors

1. Kurushina Elena Viktorovna – PhD in Economics, associate professor of the Chair of Economics and Organization of Production, FBSEO “Tyumen industrial university”, 38 Volodarskogo, Tyumen, 625000, e-mail: kurushina.tsogu@yandex.ru

2. Druzhinina Irina Vasilyevna – PhD in Social sciences, associate professor of the Chair of Economics and Organization of Production, FBSEO “Tyumen industrial university”, 38 Volodarskogo, Tyumen, 625000, e-mail: 030370div@gmail.com

УДК 316.01+314.01

С.В. Миронова, Н.С. Тимченко

СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ В ПОЛЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье рассматривается процесс интеграции демографии и социологии на теоретико-методологическом и методическом уровнях и порождаемых им научных эффектах. Он обусловлен логикой развития этих наук: от общего проблемного поля через дифференциацию объекта и метода познания к интеграции на новом уровне.

Ключевые слова: демография, социология, интегративность, предмет демографии, методы демографии.

Социология и демография как науки, изучающие процессы в общественной жизни, имеют тесную связь и взаимовлияние. Демография, возникнув почти на три столетия раньше социологии, сформировала свои методологические принципы, теории и методы для изучения демографических процессов и явлений, которые оказали влияние на развитие социологии в начале ее институционального оформления. Учение о народонаселении было составной частью теорий К. Маркса, М. Вебера и др. Сегодня без

демографии не может обойтись большинство наук, в том числе и социология. Тесная связь демографии и социологии обусловлена научной необходимостью анализа взаимовлияния демографических процессов и явлений и социальных процессов и явлений в этих двух науках. Однако в целом можно отметить ряд дискуссионных нерешенных проблем взаимодействия демографии и социологии.

С момента возникновения социологии О. Конт заложил традицию отождествления демографии и социологии (по Конту демография – это и есть социология), что наложило определенный отпечаток на формулирование предметной области демографии [3, с. 97]. Предмет демографии определялся очень широко, в него включались практически все социальные процессы и явления, которые могли повлиять на воспроизводство населения. Однако А. Я. Боярский уже в XX столетии, отстаивая самостоятельный научный статус демографии, подчеркивал, что демографию нельзя рассматривать как некоторый подраздел социологии. От этого не выиграет ни социология, ни демография, так как существуют специфические проблемы и у одной, и у другой науки. Скажем, демографическую теорию, над которой трудились Эйлер, Борткевич, Лотка, нельзя включать в социологию [1].

В теоретическом плане демография дает знание о демографических законах и механизмах социального и «естественного» воспроизводства для других наук, в том числе и для социологии. Незнание этого обедняет социологию, экономические науки, философию, юриспруденцию, культурологию, антропологию, историю, медицину, и т. д. Поэтому важным для социологии также является овладение демографической методологией, позволяющей методологически грамотно анализировать демографические факторы, влияющие на социальные процессы и явления. Однако стоит подчеркнуть, что представители указанных наук пасуют перед сложностью демографии. Это есть следствие того, что представители демографии предпочитали защищать собственную «демографическую крепость» от неграмотного проникновения в эту крепость представителей других наук в обмен на непроникновение на чужую территорию [3, с. 7-8].

Однако для современного этапа развития наук подобная ситуация не является приемлемой. Подобное явление ограничивает научный потенциал демографии и других наук, которые связаны с ней. А. Г. Злотников полагает, что эту своеобразную стену между демографией и другими науками демонтировать – она для науки вредна и должна быть сметена. И этот демонтаж можно успешно осуществить только на основе социологического подхода. Если демография в большей степени описывает количественные явления, ибо не все факторы подлежат квантификации, то социология дает характеристику качественным факторам [3, с. 8]. Подобного взгляда придерживаются такие известные демографы как А. И. Антонов В. М. Медков, В. Н. Архангельский [1, 5]. Подчеркивая важность социологии для демографии, использования социологического научного потенциала, М. А. Клупт отмечает, что демографическая теория всегда представляла собой проекцию социологических идей [4, с. 60].

В настоящее время в отечественной демографии сформировано три основных направления в понимании предметной области демографии как науки:

1) собственно демографическая школа (Е. Андреев, А. Боярский, А. Вишневский, А. Волков, А. Кваша, Б. Урланис и др.);

2) социально-экономическая демографическая школа (в основном украинские ученые В. Стешенко, В. Пискунов, Э. Либанова, В. Горелик, В. Перковский, Л. Чуйко, Л. Шахотько и др.);

3) народонаселенческая, ныне – социологическая школа (А. Антонов, В. Борисов, Д. Валентей, В. Елизаров, Ж. Зайончковская, В. Медков, В. Переведенцев, А. Раков, Н. Римашевская, Л. Рыбаковский, В. Сысенко, Б. Хорев и др.). Предметом изучения третьего подхода были демографические процессы во взаимодействии с социально-экономическими процессами. При этом они не растворялись в социально-экономических процессах, а были их активной стороной [3, с. 168].

Такое понимание предмета демографии еще раз подчеркивает необходимость учета социального при анализе демографического. Для того чтобы демографии проанализировать изменения, происходящие в населении, которые по мере развития человеческого общества все больше становятся сложными, многообразными, возникает объективная необходимость привлечения других наук. На недостаточность изучения народонаселения, процессов, происходящих в нем, только силами одной демографии было обращено внимание уже во второй половине XX в. (А. Сови, Д. И. Валентей и др.). Именно процесс углубления знаний о населении, о процессе воспроизводства, который обусловлен не только биологическими, демографическими факторами, но и социальными, способствовал развитию ряда междисциплинарных направлений (социологическая демография, семейная демография, социология рождаемости и др.). Важно отметить, что связь между науками, изучающими население, позволяет им находиться в своей системе наук (предметная однородность) и при этом одновременно быть частью системы научных знаний о населении, имеющих общий объект исследования и единые, объединяющие принципы познания. Сопредельные науки присущими им методами изучают законы функционирования и развития населения.

Подчеркивая важность и актуальность проблемы взаимодействия и взаимовлияния демографии и социологии, необходимо отметить, что до настоящего времени нет научной литературы, где данная проблема рассматривалась бы в полном объеме. Одним из первых шагов по устранению одномерного взгляда на демографические процессы в изменяющемся мире стала работа М. Б. Татимова и М. М. Татиловой «Глобализация демографии» [6].

Для изучения механизмов воспроизводства населения и социального управления демографическими процессами широкое распространение в демографии получили социологические методы, входящие в корпус научных методов этой науки наряду со статистическими и математическими методами. Именно они позволяют раскрыть зависимость демографических процессов от функционирования тех или иных социальных институтов и поведения самих людей. Сравнение демографических процессов и структур населения отдельных территорий часто производится с помощью картографических методов. При этом стоит подчеркнуть важность использования не только методов социологии в демографии, но и методов демографии в социологии (особенно на стадии обработки, анализа и интерпретации результатов исследования демографических процессов).

Таким образом, взаимообогащение научных традиций в теоретико-методологическом и прикладном измерениях создает продуктивную в плане исследования реальных демографических процессов в реальном изменяющемся обществе качественно-количественную перспективу: квантифицированное знание демографии наполняется содержательными социальными характеристиками, а в понимании социальных процессов и явлений возрастает точность экспертных и прогнозных оценок.

© Миронова С. В., Тимченко Н. С. Текст. 2016

Список источников

1. Антонов А. И., Медков В. М., Архангельский В. Н. Демографические процессы в России XXI века / Под редакцией А. И. Антонова. – М.: Издательский дом «Грааль», 2002. – 168 с.
2. Боярский А. Я. К вопросу о науке демографии // Существует ли наука демография? К 95-летию со дня рождения А. Я. Боярского (1906–1985). – М., 2001.
3. Злотников А. Г. Демографические идеи и концепции / А. Г. Злотников. – Минск : Право и экономика, 2014. 388 с.
4. Клупт М.А. Демографическая повестка XXI века: теории и реалии // Социс. – 2010. – № 8. – С. 60-71.

5. Медков В. М. Демография: учебник. – М.: Инфра-М, 2014. – 332 с.
6. Татимов М. Б., Татимова М. М. Глобализация демографии. – Алма-Аты, 2010.
165 с.

Информация об авторах

1. Миронова Светлана Викторовна (Россия, г. Барнаул) – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Алтайский государственный медицинский университет (656038, Российская Федерация, Алтайский край, г. Барнаул, проспект Ленина, д. 40; sve14042009@yandex.ru)

2. Тимченко Наталья Станиславовна (Россия, г. Барнаул) – доктор социологических наук, заведующая кафедрой гуманитарных наук, Алтайский государственный медицинский университет (656038, Российская Федерация, Алтайский край, г. Барнаул, проспект Ленина, д. 40; Nattimchenko@yandex.ru)

Mironova S.V., Timchenko N.S.

SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY IN THE FIELD OF INTERDISCIPLINARY INTEGRATION

The article discusses the process of integration of demography and sociology on the theoretical and methodological levels and they generated scientific effects. It is caused by logic of development of these Sciences: from the total problem field through the differentiation of the object and method of knowledge to integration at a new level.

Key words: demography, sociology, process of integrationsubject of demography, methods of demographic.

Information about the authors

1. Mironova Svetlana V. (Russia, Barnaul) - Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Humanities, Altai State Medical University (656038, Russian Federation, Altay, Barnaul, Lenin Avenue, 40; sve14042009@yandex.ru).

2. Timchenko Natalia S. (Russia, Barnaul) - Doctor of Sociology, Head of the Department of Humanities, Altai State Medical University (656038, Russian Federation, Altay, Barnaul, Lenin Avenue, 40; Nattimchenko@yandex.ru.)

УДК: 314

А.Р. Михеева

БРАЧНОЕ И РЕПРДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ УРАЛА И СИБИРИ

В статье анализируются современные статистические и социологические данные о распространении феномена внебрачных рождений и неполных семей у молодых представителей народов Урала и Сибири как верификация идей, лежащих в основе концепции демографических переходов.

Ключевые слова внебрачная рождаемость, неполная семья, сожителство, демографические переходы.

Изучение современных тенденций процессов формирования семьи по данным переписей населения и демографической статистики – брачности, рождаемости,

разводимости – на общероссийском и региональных уровнях позволяют предположить, что эти тенденции отражают закономерную трансформацию социальных институтов брака и семьи. Важная, если не основная черта этой трансформации – все большее разделение субинститутов супружества и родительства. О таком разделении (автономизации) пишут отечественные и зарубежные исследователи семьи. Одним из феноменов, приводимых в качестве подтверждения названного процесса, является рост показателей внебрачной рождаемости. Поэтому весьма актуальным представляется поиск причин этого явления, исследование его социального механизма.

Сибирский и Уральский федеральные округа отличаются относительно высокой рождаемостью. Они занимают соответственно второе и третье места в России по уровню рождаемости, вслед за Южным Федеральным округом (Предкавказье, Кавказ). Высокий уровень общих коэффициентов рождаемости в Сибири и на Урале складывается за счет практически всех национальных (автономных) округов. В Сибирском федеральном округе (далее – СФО) – это Горный Алтай, Тыва, Хакасия, Бурятия (15-26 ‰); в Уральском федеральном округе (УФО) – это Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа (14-15‰). В то время как в русскоязычных областях – Новосибирской, Омской, Томской, Иркутской, Читинской, Свердловской, Челябинской, Курганской – уровни общих коэффициентов рождаемости довольно низкие (9-10 ‰). При этом высокая рождаемость в национальных округах Сибири и Урала характеризуется таким соотношением брачной и внебрачной рождаемости, которое можно назвать экстраординарным: на внебрачные рождения приходится от 45 до 60% всех родившихся, по сравнению с 23-25% родившихся в городском населении, например, Новосибирской области.

В статье обсуждаются предположения о причинах распространения феномена внебрачной рождаемости в национальных округах Сибири и Урала, у молодого населения которых, судя по высоким показателям рождаемости, брачные, семейные, репродуктивные установки, казалось бы, должны быть традиционными, то есть «дети должны рождаться у состоящих в браке родителей». В докладе используются данные демографических ежегодников России и Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг., а также материалы индивидуального социологического исследования брачно-семейных ориентаций родителей 6-10-летних детей, проведенного автором в городах СФО и УФО: Новосибирске, Горно-Алтайске, Тюмени и Ханты-Мансийске (N=1533).

Внебрачные рождения были довольно распространенными явлениями в России в военные и послевоенные годы (1945–1959 гг.). Затем их уровень значительно снизился, но с 1980-х гг. начал постепенно повышаться и к концу XX в. уже составлял 28-30 % от всех рождений. Аналогичная ситуация с внебрачными рождениями происходила в это же время и в большинстве европейских стран. Например, в современных Швеции, Франции, Великобритании доля внебрачных рождений составляет от 40-50 до 70-80 %. По мнению исследователей, современные внебрачные рождения не всегда означают, что ребенок растет в неполной семье матери-одиночки. Ведь рождение ребенка фиксируется статистикой как внебрачное в том случае, когда мать ребенка не состоит в зарегистрированном браке. Между тем родители ребенка могут являться партнерами-сожителями, не заключившими официальный брак, то есть представлять собой супружеский союз, семью. И этот процесс – распространение незарегистрированных бракоподобных союзов – приобрел в последние 10-15 лет XX в. практически массовый характер, как в России, так и в европейских странах, где уже на протяжении одного-двух веков воспроизводство населения происходит в режиме «низкая смертность – низкая рождаемость».

Однако если обратиться к характеристикам воспроизводства населения национальных округов Сибири и Урала, то они вовсе не отличаются низкой рождаемостью, и тем более низкой смертностью, что необходимо для того, чтобы считать эти общества завершившими «первый демографический переход». И тогда возникает

вопрос, почему у многих коренных народов Сибири и Урала наблюдается столь высокая (табл. 1) внебрачная рождаемость. Ведь этот феномен – признак «поздней» демографической модернизации. В то время как у населения сибирских и уральских национальных округов показатели общей и повозрастной рождаемости пока не такие низкие, как в европейских странах, но уже намного ниже «традиционного» (нерегулируемого, «допереходного») уровня. Следует отметить при этом, что доля неполных семей, то есть состоящих из одного из родителей (обычно – матери) с детьми в изучаемых районах практически не отличается от соответствующих долей по федеральным округам и России в целом. Этот и подтверждает высказанное выше предположение о том, что высокая внебрачная рождаемость не обязательно влечет за собой безотцовщину. К тому же массив неполных семей с детьми, фиксируемый переписями населения, состоит не только из семей внебрачных матерей, но и семей, ставшими неполными в результате разводов и овдовений.

Таблица 1

Некоторые демографические характеристики изучаемых регионов, все население

Регион	Доля (%) внебрачных рождений среди всех рождений, 2007 / 2013	Число родившихся на 1000 населения, 2007 / 2013 ¹	Число женщин на 100 мужчин в возрасте 16-34 года, 2002 / 2010 ²	Доля (%) неполных семей с детьми до 18 лет среди всех семей с детьми, 2002/2010	Среднее число детей до 18 лет на 100 неполных семей с детьми, 2002/2010.
Россия	28,0 / 23,0	11,3 / 13,2	100 / 99	23,2 / 27,3	131 / 150
Сибирский федеральный округ	35,5 / 29,6	12,7 / 14,8	101 / 100	22,5 / 25,8	133 / 134
Новосибирская обл.	28,7 / 22,2	11,4 / 14,1	101 / 90	21,8 / 25,7	128 / 127
Республика Алтай	33,5 / 26,2	19,7 / 21,1	106 / 105	19,5 / 21,9	152 / 146
Республика Тыва	61,1 / 64,4	24,4 / 26,1	110 / 105	24,1 / 36,4	168 / 171
Уральский федеральный округ	30,0 / 24,3	12,4 / 15,0	100 / 100	23,1 / 26,3	129 / 126
Ханты-Мансийский А.О.	24,3 / 19,4	14,6 / 13,6	97 / 99	19,0 / 22,5	131 / 133
Тюменская область	26,3 / 21,6	14,3 / 17,0	100 / 99	20,4 / 23,3	129 / 133
Свердловская область	32,9 / 26,7	11,5 / 14,4	98 / 102	25,7 / 29,1	127 / 124

Гипотезы о причинах этих парадоксальных явлений можно условно сгруппировать следующим образом: **1)** культурно-демографические, **2)** культурно-этнографические, **3)** статистические (возможно, просто арифметические).

¹ Демографический ежегодник России 2008; 2014. М.: ФГС, 2008; 2014.

² Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г., 2010 Т. 2. Возрастной, половой состав и состояние в браке; Т. 6. Число и состав семей. Официальное издание. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004; 2013.

Смысл культурно-демографической гипотезы состоит в том, что в условиях сверхсмертности мужчин, да и вообще высокой смертности населения в национальных округах Сибири и Урала, ведущего еще и в XX в. родовой, общинный образ жизни, вырабатываются (или восстанавливаются) культурные нормы полигамии. Это заметно проявляется у тех народностей, в которых происходят депопуляционные процессы, нарушения пропорций по полу – из-за малой численности этнообщности, из-за алкоголизации, из-за кочевого образа жизни и пр. – в Горном Алтае, в Туве, в Бурятии.

Культурно-этнографические факторы состоят в том, что в культуре малых народностей вырабатываются обычаи, ритуалы, направленные на «оправдание», моральную поддержку внебрачного материнства и самого внебрачного ребенка. В этих национальных общинах уже в середине XX в. появлялся и утверждался фольклор (сказки, поговорки, пословицы) на тему доброжелательного отношения к внебрачным детям. Например, в культуре алтайского народа в XX в. появились обычаи, поощряющие знакомство местных девушек с парнями из народностей горного Казахстана, что раньше категорически запрещалось и жестоко наказывалось. Одобрительное отношение к внебрачным детям отражено и в «новой» горно-алтайской (национальной) пословице: «Лучшая земля – болото, лучший человек – безотцовщина». Эту пословицу упоминали почти все респондентки-матери внебрачных детей в Горно-Алтайске во время интервью, так же как и все опрошенные учителя начальных классов национальной школы. Кроме того, по-видимому, скрытое (от официальной регистрации), но поддерживаемое культурными традициями многоженство продолжает существовать и в наши дни.

«Арифметическая» причина сверхвысокого уровня внебрачной рождаемости коренных народов Сибири, возможно, состоит в том, что примерно стабильное абсолютное число внебрачных рождений, характерное для населения сибирских и уральских национальных округов, происходит одновременно с быстро уменьшающимся общим числом рождений. В результате процент внебрачных рождений обнаруживает динамику резкого роста.

Таким образом, по данным демографической статистики процесс формирования молодых семей в национальных округах Сибири и Урала отличается большей распространенностью добрачных сожителств и рождений в них детей (фиксируемых статистикой как внебрачные). А эти феномены, в свою очередь, по-видимому, являются эффектом «переходного состояния» брачных, семейных, репродуктивных ориентаций жителей изучаемых округов. А именно – сочетания традиционного семейного (демографического) поведения и модернизационных тенденций, основная характеристика которых – возможность выбора жизненного пути для молодых женщин и мужчин национальных округов Сибири и Урала.

Анализ статистических данных о репродуктивном поведении молодых семей дополним анализом материалов, полученных в ходе социологического исследования. Состав современных молодых семей с ребенком 6-10 лет в крупных городах Сибири и Урала характеризуется следующим образом: в основном это семьи из четырех человек: родители и двое детей (41%), 32% составляют полные семьи с одним ребенком, но 4,6% – это неполные семьи (табл. 2): мать и ребенок – 92 %, отец и ребенок – 8 %.

Таблица 2

Характеристика семей опрошенных, 2006–2007 гг.,
N= 1533, % от числа опрошенных

Город	Размер семьи, чел.				Число детей		
	2	3	4	5 и более	1	2	3 и более
<i>1</i>	2	3	4	5	6	7	8
Новосибирск	4,0	36, 7	39, 6	19,0	53, 8	41, 0	5,2

1	2	3	4	5	6	7	8
Горно-Алтайск	4,7	24,0	40,5	30,8	28,0	46,3	25,7
Тюмень	6,0	31,7	39,3	23,0	47,7	41,4	10,9
Ханты-Мансийск	4,3	30,6	47,8	17,3	38,8	53,1	8,1
Итого	4,6	32,3	40,9	22,2	45,0	43,8	11,2

В то же время, 32,4% семей – это уже повторные семьи, у 17% детей в этих семьях – уже не родные отцы, а отчимы, то есть партнер (муж) матери. Но и от 11 до 20 % респондентов-мужчин отметили, что у них есть несовершеннолетние дети, живущие отдельно от них (табл. 3).

Таблица 3

Характеристики состава семей респондентов, 2006–2007 гг.,
N= 1533, % от числа опрошенных

Город	Семьи состоят из:				Семьи:			% отцов, у которых есть дети до 18 л., живущие отдельно
	супругов с детьми	сожителей с детьми	одного родителя с детьми	другие по составу семьи	повторные	нуклеарные	с отчимом	
Новосибирск	77,5	9,8	13,2	0,3	32,2	7,3,4	1,6,1	11,2
Горно-Алтайск	68,6	11,1	20,3	0	32,8	7,7,4	1,1,8	13,2
Тюмень	72,2	14,5	12,7	0,6	32,6	7,1,8	2,1,1	11,2
Ханты-Мансийск	83,3	6,7	8,6	1,4	32,2	8,3,5	2,1,5	20,0
Итого	75,4	10,7	13,4	0,5	32,4	7,5,2	1,7,1	12,5

Социальный смысл тенденций процессов формирования молодых семей состоит в том, что сибирская и уральская семья, даже и в национальных округах, становится, в основном, устойчиво малодетной, то есть с одним-двумя-тремя детьми; довольно часто супруги-родители сожительствуют без официальной регистрации брака; при этом один или оба из партнеров могут иметь детей от другого брака, и эти дети могут жить с ними, а могут – и в другой семье; супруги (брачные партнеры) могут развестись (разойтись), не взирая на наличие общих детей. В России, по нашим расчетам на основе данных RLMS за 1995–2001 гг., в 29,8 % семей с детьми в возрасте до 18 лет произошло по крайней мере одно изменение «родительского состава», в 9,2 % семей – два и более изменений. В этих

условиях становится актуальным изучение условий жизни, социализации детей в молодых семьях с нестабильным составом, на что и было нацелено наше исследование.

При анализе многих аспектов жизни детей в полной, неполной семье и семье с отчимом: условия жизни, материальное положение семьи, присмотр за ребенком во внешкольное время, занятость родителей и пр. – не обнаружено заметной дифференциации. Материалы интервью позволяют предположить, что молодые родители в неполных семьях (92 % женщины и 8% мужчины) считают, что они смогут наладить свою личную жизнь, то есть образовать полную семью. *«Ну, Маргарита, все равно, она привыкнет, если я замуж выйду за другого, тем более за хорошего человека. Она же все равно вырастет, закончит, уедет, а я буду одна сидеть...»* (Мама Маргариты, 1 кл., Горно-Алтайск); *«Общаемся с ребенком как лучшие друзья, у нас очень доверительные отношения – я участвую в его жизни, он участвует в моей. Написал даже список характеристик, которым должен соответствовать будущий отчим. Привык, что я уделяю ему все свое время, поэтому относится ко мне как “ревнивый муж”».* (Мама Артема, 3 кл., Новосибирск). Но распространение феномена молодых повторных семей с одним неродным родителем у детей уже в столь раннем возрасте (6-10 лет), а также – монородительских послеразводных семей, по-видимому, можно считать косвенным индикатором тенденции утверждения приоритета модели «супружеской семьи» как «заката детоцентризма» [1, с. 416; 2, с.152-170; 3, с. 297] и, соответственно, все большего разделения институтов супружества и родительства.

В нашем проекте исследовался еще один важный аспект современного семейного поведения родителей – послеразводное сотрудничество по воспитанию и содержанию ребенка (детей). Анализ показал, что почти половина респондентов (45% мужчин и 46% женщин) положительно и скорее положительно относятся к необходимости родительского взаимодействия в интересах детей после развода. Кроме того, согласны и скорее согласны с тем, что после развода отцы должны иметь право воспитывать своих детей 93% мужчин и 90% женщин. Таким образом, общественном сознании молодых родителей уже присутствует понимание настоятельности мер «сглаживания» негативных последствий как для детей так и для бывших супругов всей палитры сложных процессов, происходящих в сфере частной жизни [4, 638-658; 5, с. 158-178].

© Михеева А. Р. Текст. 2016

Список источников

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке : пер. с франц. – Екатеринбург, 2003. 416 с.
2. Голод С. И. Семья и брак. Историко-социологический анализ. – СПб. : Петрополис, 1998.
3. Кон И. Ребенок и общество : учеб. пособие. – М., 1999.
4. Михеева А. Р. Трансформация института отцовства в контексте модернизации брака и семьи. // Россия, которую мы обретаем. Труды Новосибирской социолого-экономической школы / Ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. – Новосибирск : Наука, 2003. – 728 с.
5. Ричардс М. П. М. Развод родителей и дети // Детство идеальное и настоящее. Сб. работ современных западных ученых. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1994.

Информация об авторе

Михеева Анна Рэмовна (Российская Федерация, Новосибирск) – доктор социологических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, (630090 Новосибирск-90, проспект академика Лаврентьева, 17, ieie@ieie.nsc.ru).

**MARRIAGE AND REPRDUKTIV BEHAVIOUR
IN THE YOUNG ORIGINAL PEOPLES OF SIBERIA AND THE URALS**

The article analyzes the modern statistical and sociological data on the expanse of the phenomenon of illegitimate births and single-parent families in the young original people of Siberia and the Urals - as verification of the ideas that underlie the concept of demographic transitions.

Keywords illegitimate births, single-parent family, cohabitation, demographic transitions.

Information about the author

Mikheyeva Anna Removna, Russian Federation, Novosibirsk, Doctor of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Economic and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, (630090-90 Avenue: Academician Lavrentva, 17, ieie@ieie.nsc.ru).

УДК 314

А.В. Носкова

**ВОСПРОИЗВОДСТВО И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ:
ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В СОЦИОЛОГО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ***

В контексте проблемы воспроизводства населения обращается внимание на проблему неравенства семей с различным числом детей. Анализируется статистика потребления домохозяйств. Сделан вывод о выравнивании жизненных возможностей семей с различным числом детей как о задаче социальной политики.

Ключевые слова: неравенство семей с различным числом детей, низкая рождаемость, структура потребления, уровень жизни

В 2012 г. Президент РФ В. Путин в Послании Федеральному собранию сказал, что нормой для России должна стать семья с тремя детьми [3]. Увеличение доли семей с тремя детьми – необходимая мера для выхода России из демографической ловушки суженного воспроизводства населения. Как писал В. А. Борисов, «общество не может существовать (физически) без довольно большой доли семей с тремя и более детьми» [1, с. 214].

Среди совокупности факторов, препятствующих реализации курса на увеличение доли многодетных семей в семейной структуре населения, обратим внимание на проблему неравенства между семьями с различным числом детей.

В демографической литературе представлены различные теории, объясняющие низкую рождаемость в современных обществах: политэкономическая, теория демографического перехода, теория потоков, биосоциальная теория, феминистская теория и др. [5, с. 56]. Согласно этим теориям, источник низкой рождаемости кроется в институциональных трансформациях основных сфер жизнедеятельности человека (экономической, социальной, культурной, духовной), произошедших при переходе от традиционного общества к обществу современного типа. Ломка традиционных

* Работа выполнена по гранту РФФИ, 15-06-04266 «Обоснование инструментария гуманистического поворота для исследования новых рисков и уязвимостей современного российского общества»

институтов и организации повседневной жизни людей породила ряд противоречий. Среди них – социальное противоречие между числом детей и уровнем жизни семьи, противоречие между семьей и сферой профессиональной (внесемейной) занятости, противоречие между демографическими потребностями общества и репродуктивными желаниями человека.

В противовес идеям мальтузианства К. Маркс показал, что не дети как таковые являются источником бедности – условия капиталистической организации наемного труда ставят семьи с детьми в неравное положение с теми, кто детей не имеет. По своему стоимостному выражению капиталистическая зарплата ориентирована на компенсацию средств, необходимых для воспроизводства рабочей силы [2], но она не учитывает семейное положение наемного работника. Данный тезис развивается современными зарубежными и отечественными исследователями семьи (например, А. Карлсоном, А. И. Антоновым).

В современном обществе рождение ребенка любой очередности наносит ущерб семейному бюджету, приводит к снижению уровня жизни семьи. Феномен социального неравенства семей с различным числом детей, по существу, – одна из причин ограничения репродуктивных планов рождением одного (максимум двух) детей. Данные Росстата об уровне денежных доходов домохозяйств в зависимости от числа детей в возрасте до 18 лет, иллюстрируют глубину неравенства семей с различным числом детей в нашем обществе (табл. 1).

Таблица 1

Уровень денежных доходов домохозяйств в зависимости от числа детей в возрасте до 18 лет в 2014 г.¹

Показатель	Все домохозяйства	Из них домохозяйства, имеющие детей до 18 лет		
		одного ребенка	двух детей	трех и более детей
Денежный доход, в среднем на члена домохозяйства (в месяц), руб.	24503,1	22411,1	16754,6	11547,4
То же в % ко всем домохозяйствам	100	91,4	68,4	47,1

В 2014 г. в среднем на члена домохозяйства, денежный доход россиян составлял 24503,1 руб. в месяц. Значение данного показателя для домохозяйств с одним ребенком составляет 22411,1 руб. (то есть на 8,5% меньше среднего показателя), для домохозяйств с двумя детьми – 16754,6 руб. (на 31,6% меньше), для домохозяйств, имеющих трех и более детей в возрасте до 18 лет, этот показатель опускается до 11547,4 руб. в месяц, что на 52,9% меньше среднего показателя. Иными словами, чем больше детей, тем ниже доход на каждого члена семьи. С каждым следующим ребенком уровень дохода на члена семьи снижается не менее чем на четверть (доход на члена домохозяйства с двумя детьми на 25% меньше, чем аналогичный показатель в домохозяйствах с одним ребенком, доход на члена домохозяйства с тремя и более детьми на 31% сокращается по сравнению с двухдетными домохозяйствами).

Если сравнивать структуру денежных доходов, то и здесь просматривается заметная дифференциация домохозяйств по числу детей (табл. 2).

¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 311 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/soc-pol.pdf

Таблица 2

Структура денежных доходов домохозяйств в зависимости от числа детей в возрасте до 18 лет в 2014 г.¹

Вид дохода	Все домохозяйства	Из них домохозяйства, имеющие детей до 18 лет		
		одного ребенка	двух детей	трех и более детей
Денежный доход, в среднем на члена домохозяйства (в месяц), руб.	24503,1	22411,1	16754,6	11547,4
в том числе в %:				
доход от трудовой деятельности	76,9	84,4	77,6	64,7
доход от собственности	0,9	0,8	0,8	0,6
трансферты полученные – всего,	22,2	14,8	21,7	34,8
из них социальные выпл.	18,8	10,4	30,0	30,0

В домохозяйствах с одним ребенком до 18 лет 84,4% дохода – это деньги от трудовой деятельности (табл. 2). Значение данного показателя в домохозяйствах с двумя детьми опускается на 6,8% и составляет 77,6%, в домохозяйствах с тремя детьми – на 12,9% относительно двухдетных домохозяйств и на 19,7% – относительно однодетных. Вместе с сокращением доли в доходах от трудовой деятельности увеличивается доля социальных выплат. В доходах домохозяйств с тремя и более детьми она достигает почти трети суммы всех доходов (30%). Значительный вклад социальных денежных выплат в общем доходе домохозяйства может создать искаженный образ многодетной семьи как коллективного социального иждивенца. При этом сами члены многодетных семей могут испытывать чувство социальной ущербности. Один из способов ухода от такого восприятия – замена пособий по уходу за ребенком на семейную зарплату для неработающих матерей, воспитывающих трех и более детей (предложение о введении подобной меры постоянно высказывает профессор А. И. Антонов). Помимо материального аспекта здесь важным представляется изменение семантики, влияющей на формирование общественных установок. Замена слова «пособие» на слово «зарплата» поставит многодетных матерей в один ряд с активными работниками. При этом многодетные родители будут восприниматься как производители основного богатства страны – человеческих ресурсов. Следует отметить, что речь не идет о «ретушировании» социальной проблемы семейного неравенства. Конечно, и по своему стоимостному выражению денежные выплаты на детей в идеале должны компенсировать недостатки капиталистического способа оплаты труда. Важно понимать, что неравенство в доходах семей с различным числом детей обуславливает неравенство в удовлетворении базовых физических и социальных потребностей членов семей и, прежде всего, детей. Проиллюстрируем данный тезис статистикой потребления основных продуктов питания (табл. 3).

Таблица 3

Потребление основных продуктов питания в домашних хозяйствах, имеющих в своем составе детей в возрасте до 16 лет, в расчете на одного члена домашнего хозяйства в год, кг¹

¹ Там же

Продукт	Все домохозяйства		Домохозяйства, имеющие детей в возрасте до 16 лет							
			одного ребенка		двух детей		трех детей		четырёх и более детей	
	2006	2014	2006	2014	2006	2014	2006	2014	2006	2014
Хлеб и хлебные продукты	107,3	95,4	95,9	86,0	93,4	76,8	102,3	87,5	102,5	97,2
Картофель	73,1	58,5	67,7	53,5	60,6	47,7	63,9	47,1	72,1	57,9
Овощи и бахчевые	88,0	97,7	77,6	86,9	67,1	73,3	61,9	69,3	55,7	58,1
Фрукты и ягоды	52,7	76,0	48,9	72,2	44,4	62,6	34,9	54,1	20,3	45,9
Мясо и мясные продукты	66,9	84,7	60,4	77,7	51,2	66,3	42,0	57,8	29,3	50,0
Молоко и молочные продукты	244,4	265,5	216,7	239,4	195,9	210,6	186	196,1	136,6	185,8
Яйца, шт.	206	216	181	193	157	165	138	155	103	145
Рыба и рыбные продукты	17,0	22,3	14,2	19,5	12,4	15,9	10,2	15,7	8,2	13,9
Сахар и кондитерские изделия	31,8	31,3	28,9	28,1	26,9	25,5	25,6	26,4	23,3	26,2
Масло растительное и другие жиры	10,7	10,5	9,2	9,1	8,2	7,8	8,7	8,1	7,2	7,9

Данные выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (Росстат) иллюстрируют неравенство в потреблении основных продуктов питания в домохозяйствах с различным числом детей. В таблице 4 представлены данные изменения потребления основных продуктов питания в домашних хозяйствах, имеющих в своем составе двух и более детей в возрасте до 16 лет, по сравнению с однодетными домохозяйствами (в расчете на члена домашнего хозяйства в год). По большинству позиций изменения имеют знак минус, то есть потребление на члена семьи сокращается с увеличением числа детей в домохозяйстве. Самый большой разрыв – в потреблении фруктов и мяса, на втором месте – рыба и рыбные продукты, яйца, молоко и молочные продукты. С увеличением числа детей в семье неравенство в потреблении этих категорий продуктов заметно увеличивается. В 2006 г. потребление на одного члена домохозяйства мясных продуктов в семьях с двумя детьми было на 15,2% меньше, чем в однодетных семьях, разрыв между трехдетными и однодетными семьями составил 30,5%, а между четырехдетными и однодетными – 51,5%. Аналогичные показатели неравенства в потреблении фруктов составили соответственно: 9,2%, 28,6%, 58,5%; рыбы и рыбных продуктов: 12,7%, 28,2%, 42,2%; молока и молочных продуктов: 9,6%, 14,2%, 37%. Недостаток потребления

¹ Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095125312 (дата обращения 02.05.2016).

белковых продуктов, овощей и фруктов в многодетных семьях компенсируется хлебом и картофелем. Только по этим категориям изменения имеют знак плюс, то есть этих продуктов в многодетных семьях потребляется больше, чем в однодетных. В 2006 г. потребление этих продуктов в домохозяйствах с четырьмя и более детьми превышало потребление в однодетных семьях на 6,8 и 6,5 %% соответственно.

В 2014 г. неравенство в потреблении сократилось, но до сих пор остается заметным. Показатель неравенства в потреблении фруктов на члена однодетного и четырехдетного домохозяйства составил 36,4%, мяса и мясных продуктов – 35,6%, овощей – 33%, молока и молочных продуктов – 22,4%.

Таблица 4

Изменение потребления продуктов питания семей с двумя и более детьми относительно однодетных семей, %

Вид продуктов	Домохозяйства, имеющие детей в возрасте до 16 лет							
	одного ребенка		двух детей		трех детей		четырёх и более детей	
	2006	2014	2006	2014	2006	2014	2006	2014
Хлеб и хлебные продукты	100	100	-2,6	-10,7	6,7	1,7	6,8	13,0
Картофель	100	100	-10,5	-10,8	-5,6	-12,0	6,5	8,2
Овощи и бахчевые	100	100	-13,5	-15,7	-20,2	-20,3	-28,2	-33,1
Фрукты и ягоды	100	100	-9,2	-13,3	-28,6	-25,1	-58,5	-36,4
Мясо и мясные продукты	100	100	-15,2	-14,7	-30,5	-25,6	-51,5	-35,6
Молоко и молочные продукты	100	100	-9,6	-12,0	-14,2	-18,1	-37,0	-22,4
Яйца	100	100	-13,3	-14,5	-23,8	-19,7	-43,1	-24,9
Рыба и рыбные продукты	100	100	-12,7	-18,5	-28,2	-19,5	-42,2	-28,7
Сахар и кондитерские изделия	100	100	-6,9	-9,3	-11,4	-6,0	-19,4	-6,8
Масло растительное и другие жиры	100	100	-10,7	-14,3	-5,4	-11,0	-21,7	-13,2

Эмпирическую связь между объемом потребления основных продуктов питания и числом детей в домашних хозяйствах иллюстрируют и субъективные оценки россиян качества питания¹. Так, из всех домохозяйств, имеющих одного ребенка в возрасте до 18 лет, только в 3,9% случаев респонденты отметили, что «еды недостаточно» (3,2% – иногда недостаточно еды, 0,7% – часто недостаточно еды). В домохозяйствах с двумя детьми этот показатель составил 5% (3,6% – иногда недостаточно еды, 1,4% – часто недостаточно еды). В домохозяйствах с 3-мя детьми – 8,7% (6,7% – иногда недостаточно еды, 2% – часто недостаточно еды). И, наконец, в домохозяйствах, имеющих 4-х и более детей в возрасте до 18 лет – 15,2% (11,3% – иногда недостаточно еды, 3,9% – часто недостаточно еды). Налицо статистическая закономерность: доля детей, которым (по их субъективной оценке) не хватает еды, растёт с увеличением числа детей в домохозяйстве. Данная закономерность ставит под сомнение тезис, согласно которому в современном обществе измерение социального благополучия смещается с объёма потребляемых благ в сторону разнообразия потребляемых благ или структуры потребления. Видно, что социальная

¹ Выборочное исследование рациона питания россиян (<http://www.gks.ru>).

проблема обеспечения равного доступа к еде ещё не полностью решена в нашем обществе. Неравный доступ к продуктам питания, вероятно, обуславливает ситуацию с пониженным весом детей из семей с четырьмя и более детьми (табл. 5). Доля детей из четырёхдетных семей, чей вес ниже «нормального», почти в два раза больше, чем в среднем по домохозяйствам с детьми. Интересно, что в домохозяйствах с одним, двумя и тремя детьми значения данного показателя мало различаются.

Таблица 5

Доля детей с пониженным весом в возрасте до 5 лет в домохозяйствах с разным количеством детей(2013 г.)¹

Домохозяйства, по количеству детей	Доля
все домохозяйства	2,5
одного ребенка	2,4
двух детей	2,4
трех детей	2,7
четырёх и более детей	4,9

В заключение сформулируем некоторые тезисы о принципах и задачах социальной политики в контексте решения демографической проблемы. Важным принципом может стать гармонизация демографических потребностей общества и репродуктивных желаний индивида, реализация которого, в частности, следующие положения.

Во-первых, нельзя недоучитывать фактор социального неравенства в воспроизводстве населения. Наоборот, как показывает статистика европейских стран, связь между уровнем неравенства в обществе и уровнем рождаемости усиливается. В европейских странах с низким уровнем неравенства рождаемость в среднем выше, чем в странах с большей социальной дифференциацией (коэффициент корреляции между уровнями рождаемости и неравенством составил – 0,4). Сошлемся на расчеты А. Ю Шевякова, который в 2008 г. писал, что «изменение тенденций рождаемости и смертности в России в 1990-е гг. на 85-90% обусловлены избыточным неравенством и высокой относительной бедностью населения» [4].

Во-вторых, особый акцент следует сделать на выравнивание жизненных возможностей семей с различным числом детей. В системе мер социальной политики необходимо обеспечивать ситуацию, при которой рождение ребенка не ухудшало бы материального и социального положения семей. В контексте жизненных установок и притязаний молодого поколения реальное сокращение разрыва в качестве жизни семей с различным числом детей – важное условие результативности социальной политики в сфере народонаселения.

В связи с этим для ученых принципиальным становится поиск путей гармонизации демографических потребностей общества и репродуктивных желаний индивида, что предполагает гуманистический поворот в социолого-демографических исследованиях.

© Носкова А. В. Текст. 2016

Список источников

1. Борисов В. А. Демография : учебник для вузов. – М. : Нота Бене Медиа Трейд Компания, 2003. – 344 с.
2. Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль. – М : [Политиздат](#), 1983.

¹См. <http://www.gks.ru>

3. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения 02.05.2016).

4. Шевяков А. Ю. Неравенство и формирование новой социальной политики государство // Вестник Российской академии наук. – 2008. – Т. 78. – № 4. – С. 304-314.

5. Dudley L, Poston Jr., Leon F. Bouvier Population and society. – New York, 2010. – P. 456.

Информация об авторе

Носкова Антонина Вячеславовна (Россия, Москва) – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, каб. 4163, 84954349426 avnoskova@mail.ru; a.noskova@inno.mgimo.ru.

Noskova A.V.

REPRODUCTION AND QUALITY OF LIFE: HUMANISTIC TURN IN SOCIAL STUDIES

The author discusses an inequality problem as a factor of demographic reproduction. The statistics of household's consumption with different number of children is analyzed. Reduction of gap between vital opportunities of families with different number of children is considered as an important issue of social policy.

Keywords: inequality of families with various number of children, low birth rate, structure of consumption, standard of living.

Information about the author

Noskova AntoninaVyacheslavovna (Russia, Moscow) – doctor of sociology, professor, Moscow State Institute of International Relations, Department of Sociology, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454, room 4163, 84954349426, avnoskova@mail.ru, a.noskova@inno.mgimo.ru.

УДК 159. 9

Л.В. Оконечникова

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ИММУНИТЕТА КАК ПОКАЗАТЕЛЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА.

В статье сравнивается содержание запросов к психологу со стороны родителей, воспитателей, педагогов разных поколений. В связи с этим вводится понятие информационного иммунитета. Предлагаются условия формирования такого иммунитета.

Ключевые слова: информационный иммунитет, информационная безопасность, медиааналитика, медиапарактика, игровая деятельность

Подытоживая опыт работы психологических служб, многие специалисты справедливо отмечают, что содержание запросов к психологу со стороны воспитателей, педагогов начальной школы и родителей изменилось в последнее десятилетие. В предшествующих поколениях проблемы этого возраста были связаны с трудностями обучения, сложностями в адаптации к дошкольному учреждению и школе, школьной

тревожностью, задержками в социально-психологическом развитии [1, 2]. В последнее время анализ обращений показывает, что педагоги и воспитатели жалуются на немотивированную агрессию, страхи фантомных героев, гипертрофированный интерес к вопросам пола, деструктивное поведение [6, 9]. Все это говорит о деформации развития личности уже в старшем дошкольном возрасте и остро ставит вопрос о психическом здоровье ребенка. Действительно, стремительно меняется психологическое окружение ребенка и особую роль здесь играют средства массовой коммуникации. Массовая коммуникация, являясь, по мнению социологов, таким же социальным институтом, как семья и школа, способна действительно конкурировать с ними по силе воздействия. Детское спонтанное общение заменяют ролевые компьютерные игры, сюжетно-ролевая игра становится примитивной, так как ребенок в ней к 7 годам способен лишь имитировать примитивные движения героев мультфильмов и коллекционировать их, а воображение становится «оккупированным» телевизионным потоком.

Данное противоречие становится очевидным как для специалистов, работающих в области детской и педагогической психологии, так и для специалистов, занимающихся социальной психологией. Детские и педагогические психологи становятся все менее ориентированными на интеллектуальные трудности детства, увязывая основные проблемы развития и обучения детей с социальными проблемами, а социальные психологи, для анализа основных медиафеноменов предлагают введение новых областей: медиапсихология [7], гуманитарный интернет [3].

Предложенное нами исследование будет выполнено на стыке детской психологии и медиапсихологии, а исследуемые феномены информационного иммунитета, информационной безопасности, аналитичности восприятия материалов масс-медиа мы будем исследовать на примере дошкольного возраста подрастающего поколения. Это поможет нам более детально посмотреть на выдвинутую современными психологами междисциплинарную проблему и, опираясь на существующие теоретические разработки детской, социальной и медиапсихологии, найти ответы на некоторые практические вопросы.

Данная проблема, заявленная многими психологами, педагогами, социологами рассматривалась с разных сторон, в результате чего было введено такое понятие, как информационный иммунитет.

Хотя на сегодняшний день нет однозначного определения данного понятия мы вслед за такими авторами как Е. Е. Пронина, С. Н. Ениколопов, Д. Рашкофф [4, 7, 8] и др. будем понимать под информационным иммунитетом защищенность, прежде всего от агрессии со стороны массовой коммуникации, и способность к самостоятельному независимому восприятию и анализу информации.

Анализируя существующую литературу по данной проблеме, мы можем выделить разные условия формирования информационного иммунитета на общественном уровне для подрастающего поколения.

- комплекс правовой защиты информационной безопасности детей, который бы включал нормативно-правовую и организационно-техническую базу (Л. Л. Ефимова);
- создание лабораторий по исследованию медиасреды с целью проведения экспертиз информационной продукции (Лаборатория игрушки МГППУ);
- создание общественных организаций, осуществляющих контроль за медиапродукцией, с привлечением психологов, педагогов, родителей и общественности;
- формирование общественной ответственности работников СМИ (Е. Е. Пронина на примере формирования будущих журналистов).

Однако кроме иммунитета на общественном уровне, необходимо формирование иммунитета на индивидуальном (внутреннем) уровне. Об этом пишут в своих исследованиях Е. Е. Пронина, анализируя творческую деятельность подростков и молодежи, ориентированных на деятельность журналиста, А. Е. Войскунский, пытаясь выявить условия безопасности деятельности личности в интернете, С. Н. Ениколопов,

исследуя влияние сцен насилия в массовой коммуникации на развитие личности, прежде всего, младших подростков, В. В. Сорокина, анализируя детскую игрушку как форму массовой коммуникации. Однако проблема влияния массмедиа в целом на личность современного дошкольника остается за кадром и практически не изучается. Кроме того, не определена роль психологов и педагогов в решении данной проблемы, не выявлены возможности психолого-педагогического воздействия в решении данной проблемы.

В нашем исследовании мы ставили перед собой следующие задачи:

1. Операционализировать понятие «информационный иммунитет» по отношению к детям старшего дошкольного возраста.

2. Разработать критерии оценки информационного иммунитета для оценки безопасности культурно-образовательной среды (включая мультфильмы, игрушки, ролевые компьютерные игры).

3. Разработать такие условия, обеспечивающие проведение коррекционной программы по формированию информационного иммунитета, которые бы позволили современному дошкольнику более аналитично воспринимать продукцию массмедиа и тем самым способствовали бы повышению информационного иммунитета.

Опираясь на теорию ведущего типа деятельности А. Н. Леонтьева, теорию развития Д. Б. Эльконина, культурно-историческую теорию Л. С. Выготского, а также медиацентрированные (теория социального научения, когнитивная теория) и человекоцентрированные теории (теория социализации, теория катарсиса) зарубежных авторов и идеи развития медиапсихологии психологии Е. Е. Прониной, мы в качестве психолого-педагогических условий формирования такого иммунитета на индивидуальном (внутреннем) уровне выделяем два направления работы: медиааналитика (учим понимать медиапродукцию, ее анализировать), медиапрактика (самих учим делать свою медиапродукцию).

Формирование информационного иммунитета предполагает:

- использование разных форм работы: групповая (занятия с детьми), индивидуальная (консультации для родителей и воспитателей), семейная (семейный клуб по обсуждению и созданию медиапродукции);

- разные стратегии работы психолога от директивной (при обучении медиааналитике) к поддерживающей (при медиапрактике);

- создание безопасной информационной культурно-образовательной среды в дошкольном учреждении (разработка критериев и контроль специально созданной группы по отбору игрушек, мультипликационных фильмов, иллюстраций, детских костюмов для сценариев и т. д.).

Реализация данных условий позволит нам:

- на уровне ведущего типа деятельности повысить уровень игровой деятельности у детей старшего дошкольного возраста,

- на интеллектуальном уровне сформировать более высокий уровень критичности в восприятии продукции массмедиа.

- на личностном уровне снизить уровень агрессивности, тревожности.

Формирование информационного иммунитета позволит минимизировать негативное влияние СМИ на дошкольников и сохранить психическое здоровье подрастающему поколению.

© Оконечникова Л. В. Текст. 2016

Список источников

1. Как проектировать универсальные учебные действия / Асмолов А. Г., Бурменская Г. В., Карабанова О. В., Салмина Н. Г. – М. : МГУ. – 2008.

2. Венгер А. Л. На что жалуетесь? Выявление и коррекция неблагоприятных вариантов развития личности детей и подростков. – М., Рига : ПЦ «Эксперимент», 2000.
3. Войскунский А. Е. Гуманитарные исследования в Интернете. – М., 2000.
4. Ениколопов С. Н. Насилие и массовая коммуникация // Человек как субъект и объект медиапсихологии. – М. : МГУ, 2011. – С. 555-575.
5. Ефимова Л. Л. Зарубежный опыт экспертизы информационной продукции в целях возрастной классификации // Человек как субъект и объект медиапсихологии. – М. : МГУ, 2011. – С. 658- 704.
6. Медведева И. Я., Шишова Т. Л., Ребенок и компьютер. – Клин : Христианская жизнь, 2007.
7. Пронина Е. Е., Пронин Е. И. Медиапсихология: новейшие информационные технологии и феномен человека // Общественные науки и современность. – 2013. – № 2. – С. 151-161.
8. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. – М. : Ультра Культура, 2003.
9. Сорокина В. В. Детские игры и игрушки как форма массовой коммуникации // Человек как субъект и объект медиапсихологии. – М. : МГУ, 2011. – С. 704-721.

Информация об авторе

Оконечникова Любовь Викторовна, Россия, г. Екатеринбург – кандидат психологических наук, доцент, УрФУ, г. Екатеринбург, ул. Мира 19. dokonechnikov@mail.ru

Okonechnikova L. V.

FEATURES OF FORMATION OF INFORMATION IMMUNITY AS AN INDICATOR OF MENTAL HEALTH IN CHILDREN OF PRESCHOOL AGE.

The article compares the content of requests to the psychologist from the teachers, parents, caregivers and teachers of previous generations. Concludes that used to be dominated by requests related to developmental problems and learning difficulties, and recent requests related to the difficulties of development of the emotional sphere. One of the main reasons for this lies in the influence of the media on the mental health of the modern child. In this regard, the notion of information immunity. Suggests conditions of formation of such immunity.

Keywords: immune system information, information security, medeanalytics, mariaparchie, games activities, media production, media environment, psychological and pedagogical conditions.

Information about the author

Okonechnikova Lubov Viktorovna, Russia, Yekaterinburg, PhD in psychology.Sciences, associate Professor, Urfu , Ekaterinburg, Mira St. 19. dokonechnikov@mail.ru

РОССИЙСКОЕ ВОЛОНТЕРСТВО В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА*

Аннотация. В статье представлен авторский подход к рассмотрению волонтерской деятельности россиян сквозь призму социально-экономических и политических изменений в нашей стране. С одной стороны, волонтерство детерминирует показатели трудоспособности жителей нашей страны. С другой стороны, советское наследие прошлого находит свое отражение во многих аспектах жизнедеятельности россиян, в том числе в их добровольческом участии. Воспроизведение совокупности определенных социальных механизмов организации общественно-полезного труда, учитывающие важные тенденции в изменении личностных характеристик россиян, а также социально-экономической ситуации в стране, по мнению авторов, может существенно повлиять на качество жизни населения за счет ресурсов добровольческого участия.

Ключевые слова. Добровольчество, волонтерская деятельность, полуволонтерство, социальное участие.

Волонтерство как социальный феномен получает широкое распространение во всем мире. Согласно декларируемой позиции ООН в документах Международной организации труда деятельность добровольцев определяется как «ключевой возобновляемый ресурс для решения социальных и экологических проблем во всем мире» [5, р.1.]. Волонтерство как социальная деятельность существенно повышает качество жизни населения. В нашей стране в государственной повестке труд волонтеров фиксируется как важнейший фактор социального развития общества в таких сферах, как образование, наука, культура, искусство, здравоохранение, охрана окружающей среды и ряд других. [2].

Безвозмездная помощь россиян тем, кто в ней нуждается, естественным образом включена в повседневную жизнь. Примеры реализации такой деятельности не нужно долго искать как в прошлом страны, так и в настоящее время. Поведенческие паттерны взаимопомощи воспроизводятся из поколения в поколение, определенную преемственность имеют повседневные практики в благотворительной сфере, сохраняются и многие институциональные структуры, создающие условия для общественно-полезных видов деятельности и социального участия. Следует отметить, что в этом ключе социальное воспроизводство как процесс проявляется в двух своих основных аспектах: в поддержании институциональных условий для реализации разных видов социальной активности населения, в том числе добровольчества, и в воспроизводстве населения как акторов, включенных в социально-трудовые отношения в разных сферах жизни общества.

Во-первых, постоянно воспроизводится институциональная среда, формирующая условия жизнедеятельности различных социальных групп. По заключению специалистов, процесс социального воспроизводства многогранен, «воспроизводятся демографическая, профессиональная, социокультурная, социально-психологическая структуры, а вместе с ними и производственно-экономические, политические, идеологические системы» [3, с. 1465]. Анализируя данный аспект применительно к волонтерской деятельности, следует отметить, что многие примеры ее реализации в жизни россиян имеют устоявшиеся формы. Во многом они проявляются в процессе воспроизводства традиционных практик взаимопомощи или помогающего поведения, характерных для российского общества. По

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № № 16-03-00016 «Динамика российского волонтерства: перспективные практики, проблемы и возможности управления».

нашему мнению, целый ряд таких проявлений добровольчества напрямую связан с распространённостью норм коллективного труда.

В историческом разрезе волонтерство в России существовало всегда, но принимало различные формы и виды общественной деятельности, реализовывалось в тех практиках, которые были актуализированы в ту или иную историческую эпоху. Элементы волонтерства можно выделить практически при любом политическом строе в различающихся социально-экономических условиях, однако только в настоящее время оно начинает становиться институционально закреплённой деятельностью, разные ее виды получают признанный статус и активное развитие. Однако, наиболее распространены все же в современной России различные проявления полуволонтерства. Полуволонтерство как добровольческая практика реализуется в рабочее время либо тесно сопряжено с ним. В процессе этой деятельности у акторов проявляются сложности их самоидентификации как добровольцев, затруднения восприятия других волонтеров как единомышленников, не всегда присутствует чувство удовлетворенности от добровольческого труда. В отдельных случаях труд волонтеров может быть направлен на помощь знакомым людям.

В нашей стране организованное, формальное добровольчество уступает по размерам и степени охвата населения неформальным, неорганизованным формам (индивидуальному, в дружеском кругу, в рамках инициативных групп). По нашему мнению, это связано с рядом следующих причин: неразвитостью третьего сектора и низким уровнем доверия населения к его деятельности, отсутствием в российском обществе культуры добровольчества, несформированностью традиции добровольческого труда, низким уровнем жизни большинства наших сограждан. Устойчивыми являются лишь социальные нормы коллективного труда, которые сформированы и закрепились как в сознании большинства россиян, так и во многих управленческих ситуациях историческими практиками советской общественной деятельности. Именно эта сложившаяся под давлением советских традиций культура управления порождает сегодня большое число различных форм и видов волонтерства, которые по своей сути являются полуволонтерством.

Советские традиции коллективной общественной деятельности (весенние субботники, уборка урожая, благоустройство детских садов, участие в общественных советах образовательных учреждений и др.) продолжают существовать и сегодня, при этом сознательно не связываются населением с каким-либо проявлением волонтерства. Многие из этих практик остаются проявлениями полуволонтерства, однако в силу распространённости командно-административных методов управления во многих организационных структурах, они поддерживают в обществе дух внешней, а не внутренней обязательности участия россиян в них.

Преобладание неформальных видов активности россиян в добровольческих инициативах демонстрирует и наиболее вероятные перспективы социального воспроизводства практик взаимопомощи через активизацию солидарности как базового условия построения социальных сетей в российском обществе на основе межличностных отношений и межличностного группового доверия россиян к своему близкому окружению. Время, которое россияне могут тратить на помощь другим людям вне НКО, незначительно, однако спектр таких волонтерских практик, примеров взаимопомощи и стихийного объединения граждан в обществе очень широк. Многие виды совместных действий граждан нашей страны в каких-либо сообществах или группах (профессиональных, досуговых, образовательных, трудовых и т. д.) основаны на зависимости их членов друг от друга, а выстроенные системы отношений и институциональные структуры, где эти отношения реализуются, формируют благоприятную среду не только для популяризации волонтерства, но и для осуществления реальных волонтерских проектов.

Второй аспект социального воспроизводства связан с тем, что в ходе исторического развития разных стран, воспроизводится на отдельных ограниченных территориях «носитель» определенного типа социально-экономических отношений. Это граждане, наделенные личностными качествами, одобряемыми большинством сограждан в разных видах социального взаимодействия. Таким образом, волонтерское участие населения в ходе реализации социальной политики в государственном и некоммерческом секторах включено в процессы социального воспроизводства. Волонтерский труд продуцирует (сохраняя и в некоторых случаях существенно расширяя) в разных типах обществ воспроизводство социально одобряемых и востребованных обществом, государством, конкретными работодателями качеств граждан. По данным разных социологических исследований волонтеров отличает не только высокий уровень социальной активности, но и накопленный социокультурный капитал, определяющий их социальный статус (образовательный, профессиональный). По мнению исследователи ФОМ, «участники добровольческого движения представляют собой инновационную, опережающую социальную группу. Перед ее представителями уже не стоят проблемы удовлетворения первичных потребностей. Активнее, чем другие люди, они стремятся к созданию благоприятных и комфортных условий в окружающей их физической и социальной среде». Данные целой серии опросов показывают, что волонтерами чаще являются специалисты (30 %) и руководители (14 %), 48 % из них имеют высшее образование, 73 % – используют Интернет каждый день [1, с. 7].

Следует отметить, что тех, кто имеет опыт волонтерской деятельности отличают определенные личностные качества, внутренняя самоорганизация, работоспособность и удовлетворенность жизнью. Их труд результативен как для них самих, так и для общества. Например, исследования сотрудников кафедры социологии и ТГиМУ УрФУ (опрос студентов Свердловской области – шестой этап мониторинга «Студент 2012») показали, что опыт волонтерства тесно коррелирует со способностями студентов планировать свое время. Кроме того, волонтерская деятельность, как правило, обуславливает трудовую занятость студентов и соответственно напрямую влияет на доходы молодых добровольцев. Успешно совмещать учебу, работу и волонтерство могут 49 % студентов Свердловской области, имеющих опыт волонтерства. Среди же студентов, которые никогда не принимали участие в волонтерских проектах, не имеют постоянной и временной работы 67 % респондентов (Табл. 1).

Таблица 1

Регулярность частичной занятости студентов-волонтеров и студентов, не имеющих опыта волонтерской деятельности (в % по столбцам; коэффициент Крамера 0,285, значимость 0,10%)

Регулярность занятости	Группа студентов, имеющих опыт волонтерства	Группа студентов, не имеющих опыта волонтерства
Постоянная занятость	15	9
Непостоянная занятость (время от времени)	34	24
Занятость отсутствует	51	67
Всего	100	100

В группе студентов с опытом волонтерской деятельности 13 % респондентов отметили, что имеют существенный доход; практически каждый второй (49 %) из их числа имеет незначительный заработок; 37 % волонтеров не имеют постоянной работы и дополнительных заработков. Среди студентов без опыта волонтерства имеют постоянный доход лишь 9 % респондентов, 38 % отметили, что их доход незначителен, практически каждый второй (52 %) заявил вообще об его отсутствии.

Таким образом, можно утверждать, что добровольческий труд оказывает существенное влияние на воспроизводство трудоспособного населения и является по

своей результативности (экономической эффективности добровольческого труда), а также социальной значимости в личностном развитии самих добровольцев важнейшим социальным фактором экономики. Волонтерство в зеркале социального воспроизводства можно рассматривать с позиции его включения в «социальный или социально-экономический процесс, направленный на возобновление, созидание норм, структурных отношений, связей и трудовых отношений и самовоспроизводство населения, которое внешне проявляется как форма активной деятельностной адаптации человека» [4, с. 129]. Как нам кажется, опыт участия россиян в общественно-полезном труде, традиции коллективной деятельности являются хорошим наследием для воссоздания условий, поддерживающих социальную солидарность в российском обществе. Сложившиеся структуры отношений при содействии и поддержке волонтерского или полуволонтерского участия россиян со стороны работодателей способны в процессе социального воспроизводства поддерживать и развивать разные виды социальной активности населения. Бремя основной ответственности за создание условия для волонтерства в стране ложится не только на государство, но и на работодателей, чья роль в этих процессах существенно изменяется в условиях экономического кризиса.

© Певная М.В., Калинина А.Н. Текст. 2016

Список источников

1. PROактивное общество или что нам открылось в 2013 году. Действующие лица гражданского общества. М. : Фонд Общественное Мнение, 2014. 20 с.
2. Концепция содействия развития благотворительной деятельности и добровольчества в РФ [Электронный ресурс] : одобр. распоряжением Правительства РФ 30 июля 2009 г. № 1054-р. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/adniReform/publicsociety/doc091224_1949 (дата обращения: 10.12.2015).
3. Кушхова А. Ф., Шоранова З. В., Гукетлова Л. Х. Социальное воспроизводство общности: вопросы теории // [Современные проблемы науки и образования](#). 2015. № 1-1. С. 1465-1473.
4. Шклярук В. Я. Социальное воспроизводство и процессы // Наука и общество. 2015. № 1(20). С. 119-126.
5. Manual on the measurement of volunteer work. International Labour Office. Geneva: ILO, 2011. 120 p. [Electronic resource]. URL: http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2012/01/ILO_Manual_FINAL_English_1.4.2012.pdf. (date of access: 01.02.2016).

Информация об авторах

1. Певная Мария Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства ФГАОУ ВПО «Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». (620002, Екатеринбург, ул. Мира 19, m.v.pevnaya@urfu.ru).
2. Калинина Анастасия Николаевна – магистрант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства ФГАОУ ВПО «Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». (620002, Екатеринбург, ул. Мира 19. Kalinik-nastya@yandex.ru).

Pevnaya M.V., Kalinina A.N.

RUSSIAN VOLUNTEERS IN THE CONTEXT OF SOCIAL REPRODUCTION

Abstract. *The article shows the author's approach to dealing with voluntary activities of Russians in context of social, economic and political changes in our country. The authors argue that volunteering determines the quality of work and life quality of the volunteers. Soviet historical heritage is manifested in many aspects of Russian activity, including volunteer participation. Social reproduction of organizing community service framework as a [first-order condition](#) for the popularization volunteering, according to the authors, can significantly affect to the quality of Russian life.*

Keywords: volunteering, semivolunteering, social participation.

Information about the authors

1. Pevnaya Maria – Associate Professor of Sociology, PhD in Sociology; Yeltsin Ural Federal University; Mira st. 19, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; m.v.pevnaya@urfu.ru.

2. Kalinina Anastasia – Master student of Chair of Sociology and technologies of public administration; Yeltsin Ural Federal University. Mira st. 19, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; Kalinik-nastya@yandex.ru.

УДК 316.36:314.15:314.3

Л.А. Попова

ИССЛЕДОВАНИЯ МНЕНИЙ О ЧИСЛЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ*

Обосновывается актуальность исследования рождаемости социологическими методами. На основе социологических обследований оценивается влияние наращивания демографической политики на трансформацию репродуктивных установок населения, формирование установок детности у молодежи и перспективы рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость, демографическая политика, репродуктивные установки, когортный метод, реальное поколение

Социологические методы начали активно применяться в российской демографии около полувека назад, при переходе основной части населения страны к сознательно планируемой рождаемости. При проведении первых опросов о числе детей применялся как анамнестический подход [4, 9, 10], так и исследования мнений о будущем числе детей в семье: ожидаемом, идеальном, желаемом при всех необходимых условиях [1-3]. Впоследствии такие исследования вошли в широкую практику. Они не только дополняют анализ статистических показателей рождаемости, позволяя глубже понять причины и факторы ее существующих тенденций, но и дают возможность делать обоснованные прогнозы ее дальнейшей динамики. В условиях наращивания демографической политики в области рождаемости, которое происходит в России в последние годы, социологические исследования установок детности населения предоставляют данные для оценки ее эффективности. Анализ результатов обследований по возрасту опрошенных позволяет применять когортный метод. Переход к реальным поколениям по году рождения, отличающимся не только численностью, но и особенностями демографической истории, значительно повышает достоверность прогнозов рождаемости. Особую актуальность социологическим исследованиям репродуктивных установок населения придает

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-02-00355 «Влияние федеральных и региональных мер демографической политики на репродуктивные установки населения и перспективы рождаемости»).

начавшееся в 2010–2011 гг. негативное действие на уровень рождаемости фактора возрастной структуры, которое детерминирует необходимость изучения возможностей нивелирования его влияния за счет изменения интенсивности рождаемости.

Как известно, с 2006 г. в России началось усиление внимания государства к проблемам в области демографии, воплотившееся в распространении с 1 января 2007 г. пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет на неработающих женщин, введении материнского (семейного) капитала на второго (последующего) ребенка и утверждении в октябре 2007 г. Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. В 2011 г. федеральные меры демографической политики получили подкрепление региональными законами о бесплатном предоставлении земельных участков в собственность многодетным семьям и региональными материнскими капиталами на третьего (последующего) ребенка. В 2013 г. в регионах с уровнем рождаемости ниже среднего по стране была введена ежемесячная выплата на третьих (последующих) детей в размере регионального детского прожиточного минимума, назначаемая малоимущим семьям до достижения ребенком трех лет.

Анализ статистических показателей рождаемости показывает, что государственные демографические инициативы дали достаточно заметные положительные результаты. Они позволили продлить позитивный тренд рождаемости уже в условиях ухудшения возрастной структуры фертильных контингентов, реализовать ранее отложенные старшими поколениями рождения, повысить детность семей, усилить семейную компоненту рождаемости. Но, с другой стороны, они привели к уплотнению календаря рождений и досрочной реализации репродуктивных планов реальных когорт, которые в момент введения новых мероприятий были в наиболее активных фертильных возрастах. А это, по сути, самые многочисленные в последнее время поколения начала и середины 1980-х гг. рождения. Негативное влияние возрастной структуры детородных контингентов в самое ближайшее время обусловит снижение уровня рождаемости, динамика которого в 2013–2015 гг. уже перешла в стадию стагнации. При этом структурное понижение может быть усилено досрочным исчерпанием итоговой детности старшими поколениями, в том числе и многочисленными когортами 1980-х гг. рождения. В этой ситуации очень важно иметь возможность оценить влияние демографической политики на репродуктивные установки населения. И такую возможность могут дать своевременно проведенные социологические исследования.

С этой целью под руководством автора с интервалом в пять лет было проведено два социологических исследования, в которых ряд вопросов касался репродуктивного поведения населения. Первое исследование было проведено после введения федерального материнского капитала в конце 2008 г. – начале 2009 г. (основной массив был опрошен в 2008 г., выборка и результаты подробно описаны в [6]). Второе – в 2013 г. в условиях реализации региональных мер демографической политики (выборка описана в [7], основные результаты по репродуктивному поведению – в [8]).

Прежде всего, необходимо отметить некоторый рост к 2013 г. всех основных видов репродуктивных установок по сравнению с исследованием 2008–2009 гг. Среднее идеальное число детей увеличилось за 5 лет с 2,35 до 2,50. Среднее желаемое при всех необходимых условиях – с 2,48 до 2,67 детей. Среднее ожидаемое число детей практически достигло уровня простого замещения поколений: выросло с 1,98 до 2,13. Иными словами, наращивание просемейной демографической политики способствует не только уплотнению календаря рождений и более полной реализации репродуктивных планов населения, но и повышению уровня репродуктивных установок.

Логично было предположить, что в максимальной степени увеличился уровень репродуктивных ожиданий старших поколений, которым региональный материнский капитал позволил реализовать имевшуюся потребность в третьем-четвертом ребенке, которая в отсутствие мер демографической политики, стимулирующей рождаемость высокого порядка, могла остаться неудовлетворенной, в то же время молодые возрастные

группы должны были испытать меньшее влияние стимулирования рождений старших очередностей на свои репродуктивные планы. Однако анализ уровня ожидаемого числа детей по пятилетним возрастным группам с переходом на реальные когорты по годам рождения показывает, что материнский капитал на третьего ребенка оказал влияние на репродуктивные планы всех без исключения реальных когорт населения, находящихся в детородных возрастах.

В наибольшей степени повышение уровня репродуктивных ожиданий, как и предполагалось, характерно для поколений второй половины 1970-х гг. – начала 1980-х гг. В этом, на наш взгляд, нашло отражение то, что представители указанных поколений, которые смогли реально удовлетворить существующую потребность в многодетности, пересмотрели и переформулировали свои репродуктивные ожидания. Достаточно значительно увеличилась и величина ожидаемого числа детей у когорты 1989–1993 гг. рождения, которые, согласно результатам обследования 2008–2009 гг., не получили стимулирующего эффекта федеральных мер демографической политики. Но в то же время, примечательно, что это поколение и в 2013 г. характеризуется заметно более низкими репродуктивными планами, чем поколение 1984–1988 гг. рождения. Более того, они ниже, чем у всех остальных поколений детородного возраста (2,07 детей).

Но самый интересный и, на первый взгляд, неожиданный результат состоит в том, что репродуктивные ожидания самой молодой возрастной группы, участвовавшей в обследовании 2013 г., – поколения 1994–1998 гг. рождения – оказались не только выше планов поколения начала 1990-х гг., не только выше среднего по массиву опрошенных (2,22 детей против 2,13), но и выше ожидаемого числа детей всех старших реальных поколений, которые в момент опроса относились к репродуктивному возрасту, и часть из которых имела возможность реально воспользоваться и федеральным, и региональным материнским капиталом. Очевидно, что поколения второй половины 1990-х гг. рождения, стандарты демографического поведения которых формировались в благоприятных условиях устойчивой активизации внимания государства к демографическим проблемам, носящей не декларативный характер, а являющейся претворением в жизнь масштабных мероприятий, направленных на улучшение экономических возможностей семьи, получили достаточно мощный позитивный импульс для своих репродуктивных планов.

Таким образом, хотя региональный материнский капитал на третьего ребенка был адресован, прежде всего, поколениям 1980-х гг. рождения и еще более старшим когортам, эффект региональных мер демографической политики оказался более универсальным. Он способствовал не только увеличению уровня рождаемости, продолжающемуся даже в условиях ухудшения возрастной структуры фертильных контингентов и опережающему возрастанию доли рождений высокого порядка, свидетельствующему о повышении уровня реализации установок детности, но и росту репродуктивных планов населения, в том числе и самых молодых возрастных когорт. Иными словами, последовательное наращивание мер демографической политики способно повлиять не только на текущую ситуацию в области рождаемости, но и на ее перспективы.

Речь идет именно о неуклонном усилении демографической политики и расширении спектра ее мероприятий. К действующим мерам население довольно быстро привыкает, и через 2-3 года после их введения они перестают играть стимулирующую роль. Об этом показывает опыт 1980-х гг. Активная фаза позитивного воздействия Постановления 1981 г. «О мерах по усилению помощи семьям, имеющим детей» на уровень рождаемости практически завершилась в 1983 г. В 1986 г. был своеобразный «афтершок», очевидно, связанный с рожденьями более высокой очередности в семьях, родивших первых-вторых детей в 1982–1983 гг. Об этом же свидетельствует динамика темпов роста показателей рождаемости в условиях современной демографической политики. В 2007 г. темп прироста общего коэффициента рождаемости достиг 9,7%, уже в 2008 г. уменьшился до 6,2%, затем за три года сократился до 0,8%. Темп прироста суммарного коэффициента рождаемости составил 8,4% в первый год действия

федерального материнского капитала, 5,6% – во второй, к 2011 г. уменьшился до 0,6%. Введение регионального материнского капитала на третьего ребенка заметно активизировало процессы рождаемости лишь на один год: в 2012 г. общий коэффициент увеличился на 5,6%, суммарный – на 7,0% (рассчитано по [5]). После чего общий коэффициент практически вступил в фазу стагнации, суммарный коэффициент пока характеризуется незначительным ростом за счет сдвига рождаемости в старшие возрастные группы и увеличения доли рождений высокой очередности.

О том, что действующие меры демографической политики практически исчерпали позитивное влияние на процессы рождаемости, свидетельствуют и социологические данные. В конце 2015 г. – начале 2016 г. под руководством автора было проведено социологическое обследование «Отношение молодежи к семье и детям», посвященное вопросам формирования стандартов демографического поведения молодежи. Из новых демографических инициатив государства к этому моменту можно назвать только продление в декабре 2015 г. материнского капитала на второго ребенка до конца 2018 г., а также ежемесячной выплаты малоимущим семьям на третьего ребенка в регионах с низкой рождаемостью до конца 2016 г. Обследование в форме раздаточного анкетирования по случайной выборке с квотированием по типу населенных пунктов было проведено с достаточно большим охватом: всего было опрошено 1350 чел. в возрасте 15-26 лет. 75,9% участников опроса проживают в городской местности, 24,1% – в сельской. Среди опрошенных 58,4% девушек и 41,6% юношей. 31,0% респондентов относятся к возрасту 15-16 лет; 42,4% – 17-19 лет, 16,1% – 20-21 год, 5,9% – 22-24 года, 4,6% – 25-26 лет. Такая дробная разбивка по возрасту была произведена в анкете сознательно, с целью получить возможность оценить динамику репродуктивных установок когорт 1994–1998 и 1989–1993 гг. рождения, которые будут определять ближайшие перспективы рождаемости. В 2013 г. их представители относились к возрастным группам 15-19 и 20-24 лет, по которым мы располагаем данными обследования 2013 г., в конце 2015 г. – начале 2016 г. они были в возрасте 17-21 и 22-26 лет.

Итак, какие результаты дал анализ основных репродуктивных установок в условиях отсутствия новых мер демографической политики. К началу 2016 г. ожидаемое число детей у когорт 1989–1998 гг. рождения в целом уменьшилось с 2,20 до 2,13 детей. Это произошло за счет сокращения репродуктивных планов поколения 1994–1998 гг. с 2,22 до 2,13 детей. Ожидаемое число детей у представителей поколения 1989–1993 гг. рождения, наоборот, увеличилось с 2,07 до 2,15 детей. Идеальное число детей у поколений 1989-1998 гг. рождения сократилось с 2,44 до 2,33 детей. Тоже за счет более молодой когорты 1994–1998 гг. рождения. В начале 2016 г. представители этого поколения в среднем считают, что в семье лучше всего иметь 2,32 детей (в 2013 г. – 2,53 детей). У представителей когорты 1989–1998 гг. рождения оба обследования зафиксировали среднее идеальное число детей на уровне 2,41. Желаемое при всех необходимых условиях число детей в целом у когорт 1989–1998 гг. рождения уменьшилось за два года с 2,57 до 2,47. И тоже за счет поколения 1994-1998 гг. рождения. В настоящее время представители этой когорты при наличии всех необходимых условий предпочли бы в среднем 2,43 детей в семье против 2,53 в 2013 г. У представителей когорты 1989–1998 гг. рождения желаемое число детей, наоборот, увеличилось с 2,59 до 2,67 детей.

Очевидно, взросление при отсутствии новых мер демографической политики способствовало рационализации стандартов демографического поведения когорты 1994–1998 гг. рождения. А представители поколения 1989–1993 гг. рождения, став, по сути, адресатами крупномасштабных мер демографической политики федерального уровня, которые незадолго до этого были продлены на два года, имели все основания для пересмотра репродуктивных планов в сторону повышения. Как видим, и у того, и у другого поколения, которые будут определять ближайшие перспективы рождаемости, репродуктивные ожидания пока на уровне простого замещения поколений. Но негативная

в целом динамика репродуктивных установок молодых когорт населения в совокупности со стагнацией общего коэффициента рождаемости и низким темпом прироста суммарного коэффициента дает совершенно недвусмысленный сигнал: настало время серьезного наращивания мер демографической политики.

Для начала все составляющие экономических мер поддержки семьи с детьми должны быть сохранены в полном объеме, что означает безусловную пролонгацию федерального и регионального материнских капиталов с ежегодной их индексацией, так же как и всех остальных видов пособий на детей. Продление на два года – это паллиатив. Указанные меры демографической политики необходимо сделать бессрочными, чтобы в дальнейшем избегать феномена досрочного истощения итоговой плодовитости реальных когорт в стремлении успеть воспользоваться какой-то экономической преференцией. При этом следует учитывать, что демографической политике категорически противопоказана адресность по принципу малообеспеченности. Если в социально-демографической политике приоритет отдается социальной компоненте, не стоит ожидать от нее демографического эффекта. Имеются в виду дискуссии по поводу перехода на назначение материнских капиталов только малообеспеченным семьям. Если это произойдет – мы не только потеряем рождения, как будет в случае отмены этих мер демографической политики, но мы потеряем их в тех слоях населения, которые обладают самым высоким социализирующим потенциалом. В то же время ежемесячную денежную выплату при рождении в семье третьего ребенка до достижения им трех лет, изначально утвержденную в регионах только для малообеспеченных семей, на наш взгляд, следует и дальше реализовать как меру социальной поддержки многодетных семей с низкими доходами. В таких условиях, во-первых, будет реальная возможность продлить срок действия этого пособия после 2016 г. А, во-вторых, совершенно правомерно будет ставить вопрос о необходимости его распространения и на более старшие возраста – вплоть до достижения ребенком 16 лет (обучающимся в общеобразовательных учреждениях – 18 лет). С точки зрения экономики народонаселения главным результатом рождаемости является не рождение детей, а достижение ими возраста экономической активности с максимально высокими качественными характеристиками. Небогатым семьям, решившимся на рождение третьих и более детей, государство должно помочь социализировать их до периода трудоспособности, поскольку в этом заключается его важнейший народнохозяйственный интерес.

В условиях наблюдающегося ухудшения структуры фертильных контингентов крайне важно не просто обеспечить демографической политике длительный преемственный характер, продолжая реализовывать ее как на федеральном, так и на региональном уровне, но ввести новые мероприятия, способные дать позитивный импульс установкам детности населения, особенно молодым когортам. Как минимум, должны быть расширены направления реализации материнских капиталов. Это экономически не затратно, а психологический эффект может оказаться весьма значительным. В 2015 г. были сняты ограничения на распоряжение средствами федерального семейного капитала на оплату первоначального взноса по ипотеке до достижения ребенком трех лет. Обсуждается также возможность приобретения за счет средств сертификата нового автомобиля, произведенного на территории России. С одной стороны, наличие автотранспортного средства существенно расширяет экономические возможности семьи. А с другой, это будет реальной поддержкой отечественного автопрома, брендом которого вполне может стать слоган «Автомобиль для молодой семьи». Исследователи предлагают предоставить владельцам сертификатов право на лечение детей за счет средств материнского капитала и на получение образования родителями.

При разработке новых мер демографической политики следует сделать больший акцент не на количественных показателях, а на улучшении качественной структуры рождаемости и укреплении института семьи. Самой просемейной мерой демографической политики можно считать приоритет вторым рождением, поскольку именно они являются

наиболее семейными. На наш взгляд, требуется переориентация экономических мероприятий демографической политики на вторые рождения. При обязательном сохранении и федерального, и региональных материнских капиталов необходимо усилить меры, стимулирующие вторые рождения. Например, в дополнение к федеральному ввести региональные материнские капиталы на второго ребенка. Новые инициативы государства должны вовлекать в свою орбиту не только многодетные семьи, но, прежде всего, двухдетные. Чтобы самым распространенным типом семьи в России стала не однодетная, а двухдетная семья. Это тем более актуально, что адресатом усиления мер, ориентирующих на вторые рождения, в настоящее время будут малочисленные когорты 1990-х гг. рождения, активизация репродуктивного поведения которых отвечает долгосрочным целям демографического развития страны. Кроме того, это будет позитивно влиять на формирование установок детности поколений 2000-х гг. рождения, тоже малочисленных.

Основной упор в экономических мерах демографической политики должен быть сделан на повышение самостоятельности семей с детьми, которую возможно достичь как за счет роста занятости, доходов от трудовой деятельности, возможностей членов молодых семей заниматься предпринимательством, так и расширения льготных жилищных программ для семей с детьми. Для России, испытавшей быстрые темпы урбанизации на протяжении 30-70-х гг. XX в. и отличающейся высокой стоимостью возведения жилья в связи с суровыми природно-климатическими условиями, нерешенность жилищных проблем населения имеет давнюю историю. По результатам практически всех социологических обследований неудовлетворенность жилищными условиями является важнейшим после материальных проблем фактором, не позволяющим семьям реализовывать желаемое число детей. Неслучайно основным направлением использования средств материнского капитала является улучшение жилищных условий. Поэтому следует расширять спектр мероприятий, помогающих молодым семьям в решении этого вопроса. Это и льготное ипотечное кредитование со снижением процентной ставки при рождении второго и третьего ребенка, и освобождение от первоначального взноса, и софинансирование государством строительства льготного жилья для семей с двумя и более детьми с ценой за квадратный метр ниже средней по населенному пункту, и пр. Но в любом случае, повышение экономической самостоятельности и улучшение жилищного положения семей с детьми – это, прежде всего, прерогатива государства. То есть наряду с пособиями на детей эти направления тоже относятся к экономическим мерам государственной демографической политики.

В то же время, нельзя недооценивать эффективности психологических мер демографической политики по формированию ценностных ориентаций населения в области детности. Есть основания полагать, что достаточно большая часть как роста рождаемости в 2006–2015 гг., так и увеличения уровня репродуктивных установок населения при наращивании мер демографической политики – это следствия той благоприятной психологической атмосферы, которая сложилась в российском обществе в условиях повышения внимания государства к проблемам в области рождаемости. Поэтому должна быть существенно усилена ориентационная работа среди молодежи с целью формирования у нее репродуктивных стандартов на уровне двухдетности и среднететности. Меры ценностного блока демографической политики, направленные непосредственно на формирование потребности в детях, должны закладываться населению еще в подростковом возрасте, когда происходит становление приоритетов в жизненных ориентациях человека, поэтому важнейшими проводниками такой политики должны быть семья и школа. Но главным субъектом разработки и реализации социально-психологической демографической политики по повышению потребности в детях является государство, которое должно консолидировать усилия различных социальных институтов в решении демографических проблем, касающихся повышения рождаемости и улучшения ее качественных аспектов.

Список источников

1. Антонов А. И. Социология рождаемости. – М., 1980.
2. Белова В. А. Число детей в семье. – М.; Статистика, 1975.
3. Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. – М. : Статистика, 1972.
4. Вострикова А. М. Методы обследования и показатели рождаемости в СССР // Вопросы народонаселения и демографической статистики. М. : Статистика, 1966.
5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 5.05.2016).
6. Попова Л. А., Бутрим Н. А. Современные стандарты репродуктивного поведения населения и задачи просемейной демографической политики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 2 (14). – С. 73-85.
7. Попова Л. А., Зорина Е. Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах. – Сыктывкар, 2014. – С. 73-77.
8. Попова Л. А., Шишкина М. А., Бутрим Н. А. Трансформация репродуктивного поведения населения Республики Коми: факторы и последствия // Регион. Экономика и социология. – 2015. – № 3 (87). – С. 190-212.
9. Струмилин С. Г. К проблеме рождаемости в рабочей среде // Струмилин С. Г. Избр. пр-я. Т. 3. – М., 1963-1965.
10. Таубер Н. А. Влияние некоторых условий жизни на уровень брачной плодовитости // Проблемы демографической статистики. – М.: Статистика, 1966.

Информация об авторе

Попова Лариса Алексеевна (Россия, Сыктывкар) – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, E-mail: popova@iespn.komisc.ru

Popova L.A.

RESEARCHES OF OPINIONS ABOUT NUMBER OF CHILDREN IN THE FAMILY: RELEVANCE AND PREDICTIVE OPPORTUNITIES

The relevance of the birth rate research by the sociological methods is proved. The influence of demographic policy's increase on transformation of reproductive attitudes of the population, formation of reproductive intentions at youth and perspective of birth rate is estimated on the basis of sociological surveys.

Key words: Birth rate, demographic policy, reproductive attitudes, cohort method, real generation

Information about the author

Popova Larisa Alekseevna (Russia, Syktyvkar) – Doctor of Sciences in Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute for Social Economic and Energy problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Kommunisticheskaya Str., Syktyvkar 167982, Komi, Russia, E-mail: popova@iespn.komisc.ru.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЦЕННОСТИ ЛИЧНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

В современном обществе все большую ценность приобретает личная свобода и независимость. Однако и брак, и сожителство, и рождение детей существенно ограничивают свободу индивида и ставят его в зависимость от других членов семьи. Полная независимость от семьи возможна лишь для людей, у которых нет ни детей, ни супругов, ни даже сожителей. Когда общественное мнение перестает осуждать таких мужчин и женщин, то их становится все больше. В конце жизни их ожидает печальная одинокая старость. Общество, состоящее из таких людей, обречено на самоликвидацию.

Ключевые слова: личная свобода и независимость, семья, брак, сожителство, рождение детей вне брака по свободному выбору, добровольная бездетность, одиночество

Весьма популярно, в том числе и среди некоторых социологов и демографов, мнение о том, что сожителство – это своеобразная форма семьи и брака [4]. Данные опросов показывают, что многие люди в России предпочитают браку сожителство именно потому, что это менее обязывающая форма отношений [2]. Но при постоянном совместном проживании все же приходится учитывать интересы сожителя. Не все люди, которые думают только о себе, живут одни. Некоторые из них вступают в отношения сожителства и даже в законный брак, потому что при этом всегда возможен развод или разрыв отношений. Однако рождение ребенка – это необратимый шаг, во всяком случае, для женщин. Есть женщины, которые отказываются ограничить свою личную свободу ради мужа или сожителя, но готовы пойти на это ради ребенка. Однако в отношениях с маленькими детьми они, хотя и принимают на себя много обязанностей, но все же доминируют над ребенком, который должен подчиняться матери. А в отношениях с мужчинами это доминирование имеет место далеко не всегда и, разумеется, не в такой степени.

Одинокая или разведенная мать сама решает, как воспитывать ребенка. Необходимость учитывать при этом мнение отца ребенка она может воспринимать как ограничение своей личной свободы. Такие женщины нередко сознательно идут на рождение ребенка вне брака, хотя могут выйти замуж за его отца. Однако отношения с детьми не могут заменить отношения с супругами, как и наоборот. Почти для каждой одинокой матери ее ребенок – самый близкий в мире человек. Но когда дети становятся взрослыми, матери, как правило, уже не будут для них самыми близкими людьми. А создать новую семью для матери, имеющей взрослых детей, очень сложно. По данным переписи 2010 г., в возрастах от 40 до 49 лет на 1000 женщин, не состоящих в браке, приходится лишь 620 «свободных» мужчин в этом же возрасте, в возрастах от 50 до 59 лет – 389, а в возрастах от 60 лет и старше – 187¹. К тому же, многие мужчины старше 40 лет ищут жен гораздо моложе себя.

Связь семейного положения с ранговым местом личной свободы и независимости в системе ценностей подтверждается также и данными социологического исследования, проведенного в Уфе и Московской области в 2015 г. Институтом социологии РАН совместно с кафедрой социологии семьи социологического факультета МГУ. Число опрошенных 1001 чел. (440 мужчин и 561 женщина). Респондентам предлагался список из 15 ценностей, и они должны были определить ранг каждой из этих ценностей (рис. 1).

¹ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том. 2. Пол, возраст и состояние в браке. М.: Статистика России, 2012. С. 294-295.

Отвечали на вопрос о ранге ценности «свобода и самостоятельность в жизни» 962 респондента, то есть 96,1% от общего их числа.

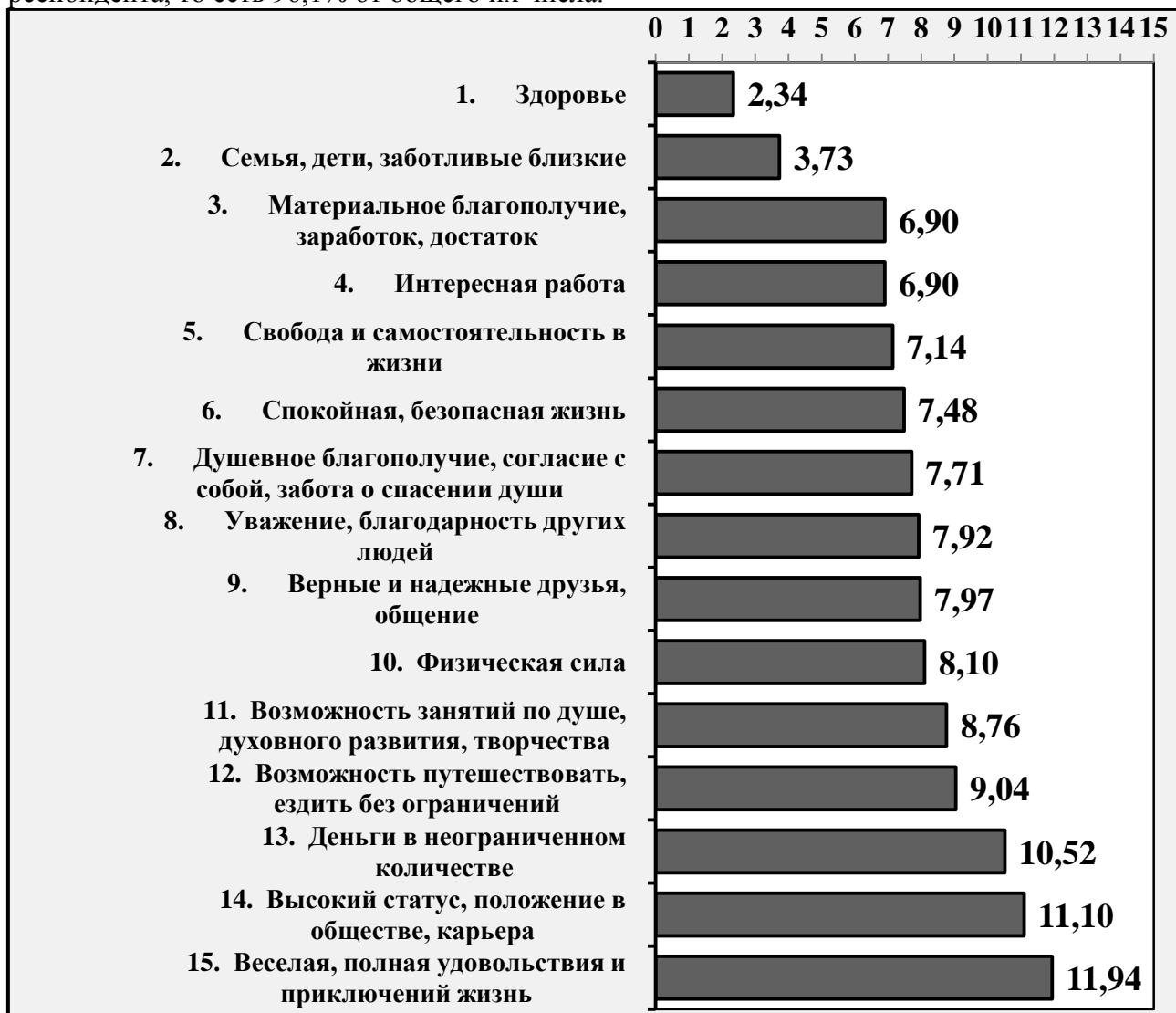

Рис. 1. Средние ранги жизненных ценностей в системе ценностей респондентов (примечание: жизненные ценности расположены на графике в порядке возрастания величины среднего ранга; источник: Данные исследования 2015 г. (Уфа и Московская область))

Средний ранг этой ценности составил 7,14. Это близко к середине ранговой шкалы от 1 до 15. Может показаться, что для большинства респондентов такая ценность не очень важна. Но более значительные средние ранги есть только у четырех ценностей из пятнадцати: 1) здоровье – 2,34; 2) семья, дети, заботливые близкие – 3,73; 3) материальное благополучие, заработок, достаток – 6,90; 4) интересная работа – тоже 6,90. У остальных 10 из 15 ценностей средние ранги менее значительны, чем у ценности «свобода и самостоятельность в жизни». Эти показатели зависят от брачного статуса.

Среди мужчин, состоящих в так называемом гражданском браке, средний ранг ценности «свобода и самостоятельность в жизни» равен 5,81. Это ниже, чем у состоящих в законном браке (6,99), и чем у вообще не состоящих в браке (6,55). Разница между средними рангами у состоящих в законном и в «гражданском» браке составляет $\Delta = 6,99 - 5,81 = 1,18$. Это различие значимо (критерий Стьюдента $t = 2,19$; доверительный уровень $P = 0,97$).

Мужчины, предпочитающие так называемый гражданский брак, ценят свою личную свободу и независимость больше, чем официально женатые и даже, чем холостые.

Если мужчина живет вместе со своей подругой, как с супругой, но не хочет оформлять в ЗАГСе отношения с ней, то весьма вероятно, он опасается, что законный брак слишком сильно ограничит его личную свободу и самостоятельность в жизни. Некоторые женщины тоже отказываются от регистрации брака со своими сожителями по тем же причинам, что и мужчины.

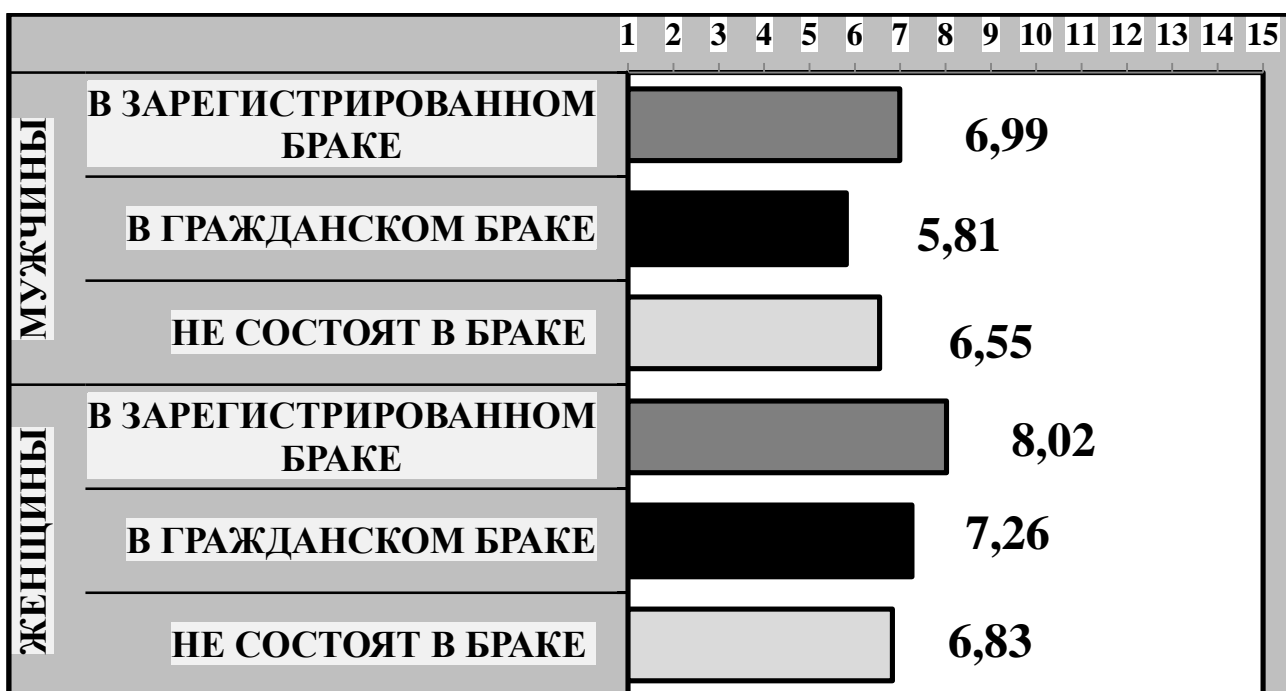

Рис. 2. Средний ранг ценности «свобода и самостоятельность в жизни» (по шкале от 1 до 15) у мужчин и женщин с разным брачным статусом (данные исследования 2015 г. (Уфа и Московская область))

Женщины, состоящие в законном браке, сравнительно низко ценят свободу и самостоятельность в жизни. Средний ранг данной ценности составляет у них 8,02, а у тех, которые не состоят в браке – 6,83. Различие между замужними и незамужними достаточно велико ($\Delta = 8,02 - 6,83 = 1,19$ ранга) и его статистическая достоверность вне сомнений ($t = 3,39$; $P = 0,999$). Женщины, состоящие в «гражданском браке», занимают по данному показателю (7,26) промежуточное положение между замужними и незамужними.

Мужчины и женщины по-разному понимают выражение «гражданский брак». 245 мужчин-респондентов указали, что они состоят в зарегистрированном браке и еще 39 – в так называемом гражданском браке, а среди женщин, соответственно – 275 и 68. Доля состоящих в «гражданском браке» среди этих двух групп, вместе взятых, равна 14% у мужчин и 20% у женщин. Значимость гендерного различия по данному показателю соответствует принятым критериям ($t = 2,05$; $P = 0,96$). Многие женщины считают, что состоят в «гражданском браке», но их сожители утверждают, что сами в браке не состоят. Даже те мужчины, которые определяют свой брачный статус, как «гражданский брак», придают личной независимости заметно большее значение (средний ранг 5,81), чем женщины с тем же статусом (7,26).

Среди женщин-матерей моложе 35 лет, состоящих в зарегистрированном браке средний ранг ценности «свобода и самостоятельность в жизни» составил среди состоящих в зарегистрированном браке – 8,30, а среди матерей этого возраста, не состоящих в браке, – 4,83. Различие показателей между замужними и незамужними статистически значимо ($\Delta = 8,30 - 4,83 = 3,47$; $t = 3,79$; $P = 0,999$). Женщины, состоящие в так называемом гражданском браке, занимают по среднему рангу ценности личной свободы и независимости (6,35) промежуточное положение между незамужними и разведенными, с одной стороны, и состоящими в законном браке, с другой. Если родители ребенка не

зарегистрировали брак даже после его рождения, шансы на то, что их отношения когда-то будут узаконены, невелики. Такое промежуточное семейное положение уже не является переходным.

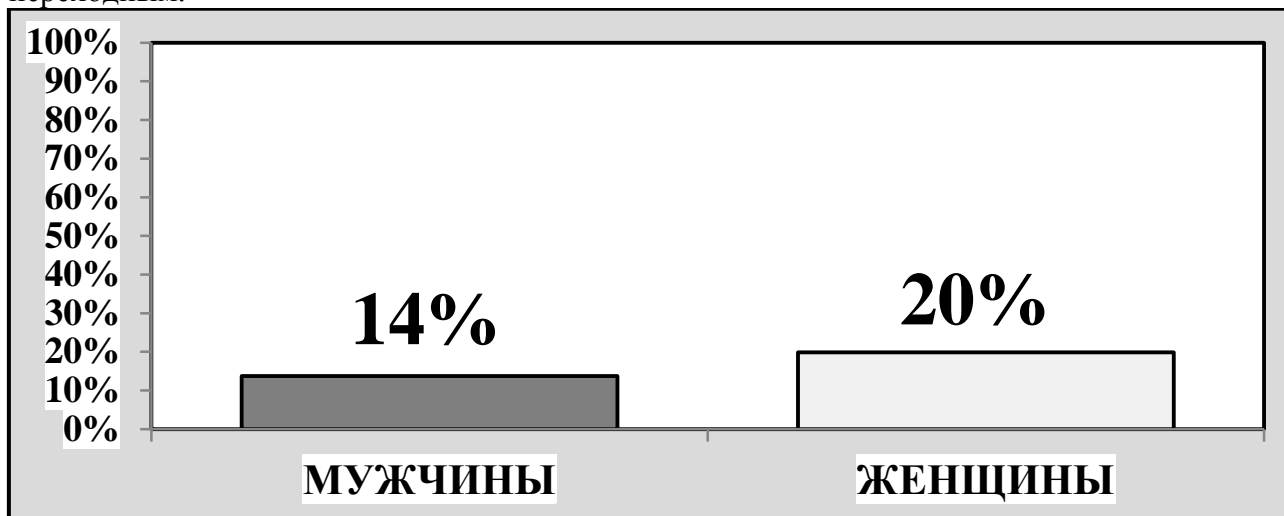

Рис. 3. Доля «гражданских браков» у мужчин и женщин, в % к общей численности законных и «гражданских» браков, вместе взятых (данные исследования 2015 г. (Уфа и Подмосковь))

Главная причина отказа от законного брака – недоверие между сожителями. Широкая распространенность и социальная приемлемость сожительских и неполных семей с детьми – это проявления кризиса семьи как социального института. Многие женщины не хотят зависеть от супругов или сожителей, но согласны зависеть от детей. Есть мужчины и женщины, которые готовы принять на себя обязательства, связанные с браком или сожительством, но не желают обременять себя заботой о детях и поэтому решают никогда их не иметь. Но полностью независимыми могут только совершенно одинокие люди.

На официальном сайте Всероссийской переписи населения 2010 г. (www.perepis-2010.ru) опубликована в открытом доступе база микроданных выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения, проведенного Росстатом в 2013 г. и охватившего 15875 респондентов во всех субъектах РФ. Это дает возможность строить в режиме онлайн таблицы по комбинации ответов на несколько вопросов анкеты, что и сделал автор этой статьи, используя такие признаки, как пол, возраст, число членов домохозяйства, а также вопрос: «Возникает ли у Вас чувство одиночества?». Ответившие «очень часто» и «скорее возникает, чем нет» считались ощущающими одиночество. Среди респондентов, живущих в частных домохозяйствах из двух и более лиц, то есть, в семьях, 22% ощущают чувство одиночества, а среди людей, которые живут одни – 54%. Среди мужчин, живущих с семьей, психологически одиноки – 17%, а среди тех, которые живут одни – 45%. У женщин оба показателя выше – 31% у семейных и 57% – у одиноких, но разница между этими двумя группами примерно такая же, как у мужчин.

В возрастах до 29 лет лишь 13% мужчин, живущих в семьях, ощущают свое одиночество, а среди семейных мужчин старше 60 лет – 21%, то есть, лишь на 8% чаще. Среди мужчин, которые живут одни, доля психологически одиноких повышается от 25% у молодых до 62% у пожилых, то есть на 37%. Среди молодых женщин, живущих в семьях, испытывают чувство одиночества, 22%, а среди пожилых – 31%, т.е. на 9% больше. Но среди женщин, которые живут одни, доля тех, кто испытывает это чувство, повышается от 33% у молодых до 60% у пожилых, то есть на 27%.

Неженатые мужчины и особенно незамужние женщины, проживающие с родителями, могут испытывать это чувство из-за отсутствия собственных семей, если они

уже достигли возраста, в котором иметь свою семью считается в обществе нормой, и у подавляющего большинства их ровесников и ровесниц давно есть супруги и дети. Среди женщин, которые живут в семьях, процент психологически одиноких не так уж мал: 25% во всех возрастах от 30 до 59 лет и 31% – после 60 лет. Однако гораздо выше эти показатели у тех женщин, которые живут одни: 45% – в возрастах от 30 до 39 лет, 55% у 40-49 летних, 54% – у 50-59-летних, 60% – у 60-летних и старше. Данные для одиноких мужчин старше 40 лет мало отличаются от соответствующих показателей для их ровесниц.

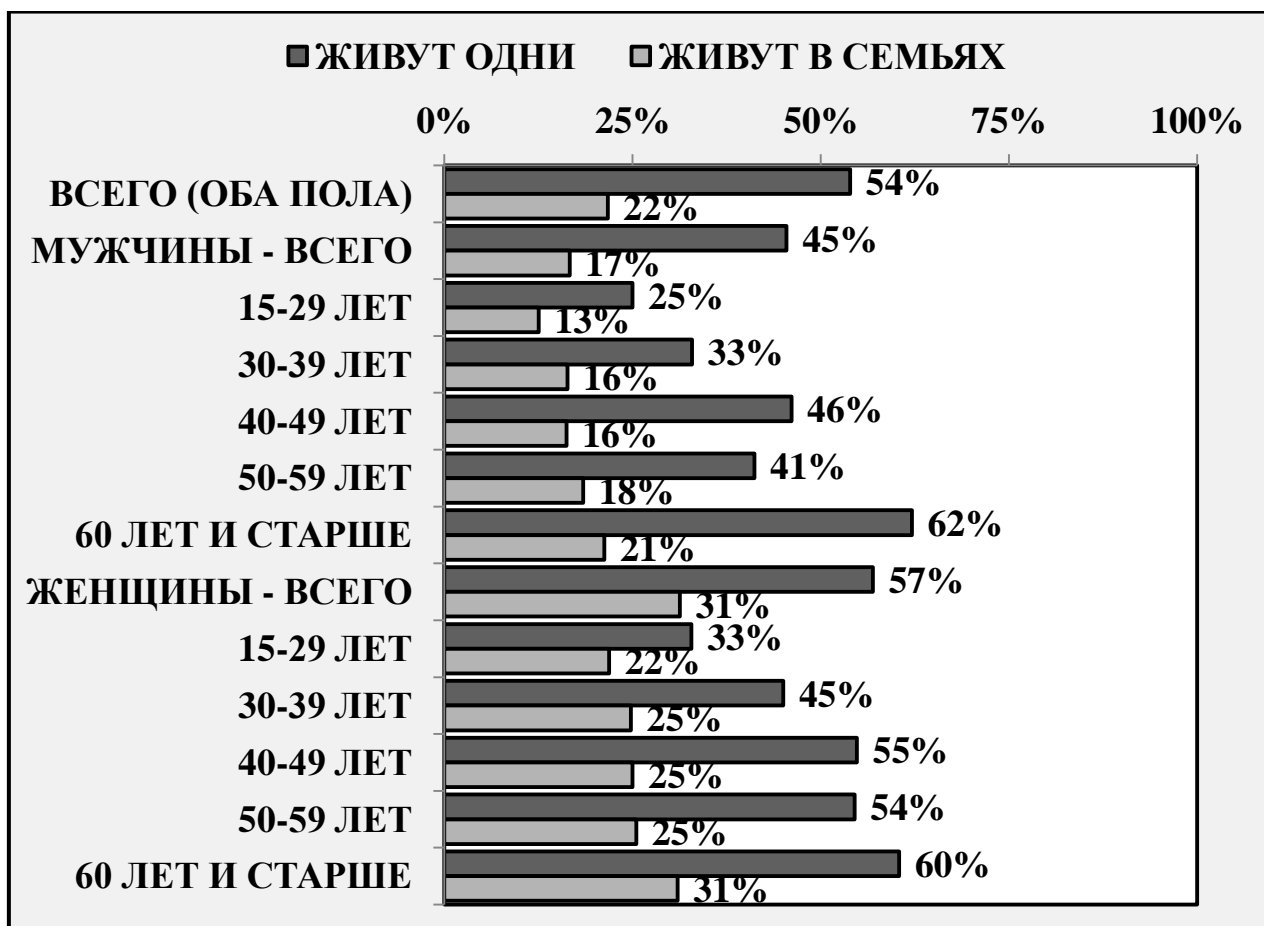

Рис 4. Доля респондентов, у которых возникает чувство одиночества, в % к числу лиц данного пола, возраста и семейного положения (по данным выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения, проведенного Росстатом в 2013 г.)

Социальные нормы, которые многие люди считают устаревшими, испокон веков требовали, чтобы все здоровые взрослые люди (за исключением монахов, монахинь, католических священников и некоторых других специфических категорий лиц) к определенному возрасту вступали в брак и имели детей. Эти неписанные законы необходимы для выживания социума [5, с. 139]. Современное российское общество может позволить себе лишь минимальный уровень безбрачия и бездетности, так как в нашей стране очень мало многодетных семей, которые являются как бы демографическим противовесом для тех, у кого детей нет. [4, с. 290]. Иначе оно вымрет. Однако даже среди демографов есть люди, считающие подобные социальные нормы насилием общества над личностью и нарушением прав человека, в число которых они включают право на безбрачие и бездетность [1, 3]. Но если поставить демократические критерии прав человека и свободы личности выше демографического критерия выживания человечества,

то это станет демографическим самоубийством для общества, а пользоваться правами человека будет просто некому.

©Синельников А. Б. Текст. 2016

Список источников

1 Вишневский А. Семья эволюирует... // Иностранная литература. – 2011. – №5. – С. 256-264.

2 Исупова О. Российские консенсуальные союзы начала XXI века. По данным международного сравнительного исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. – № 2 (126). – С. 153-164

3 Исупова О. Г. «Чайлдфри», или добровольная бездетность // Демоскоп Weekly. – 2010. – № 427-428. [Электронный источник]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php> (дата обращения: 11.04.2016).

4 Население России 2010–2011. Восемнадцатый—девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. – 530 С.

5 Синельников А. Б. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 132-148.

Информация об авторе

Синельников Александр Борисович, доктор социологических наук, доцент, Социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, кафедра социологии семьи и демографии, sinelka@mail.ru, 119 234, Россия, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, Социологический факультет

Sinelnikov A. B.

DEMOGRAPHIC AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCES OF THE DESIRE FOR PERSONAL INDEPENDENCE

In modern society, becoming more and more important, personal freedom and independence. However, both marriage and cohabitation, and having children significantly restrict the freedom of the individual and put it in dependence on other family members. Full independence from the family is possible only for people who have no children or spouses or even cohabitants. When public opinion ceases to condemn such men and women, they are becoming more. At the end of life they can expect a sad lonely old age. The society consisting of such people is doomed to self-destruct.

Keywords: personal freedom and independence, family, marriage, cohabitation, having children outside of marriage by free choice, voluntary childlessness, loneliness.

Information about the author

Sinelnikov Alexander Borisovich - Associate professor, Doctor of Sociology, Moscow State Lomonosov University, Faculty of Sociology, Department of Family Sociology and Demography. 119234, Russian Federation, Moscow, Leninsky Gory 1-33, MGU, Faculty of Sociology. sinelka@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

В статье исследуются и анализируются экономические, социально-психологические мотивы вступления в брак населения Республики Таджикистан в условиях развития отношений рыночной экономики и изменений, происходящих в институте брака и матримониального поведения мужчин и женщин. Раскрыты основные мотивы брачного поведения молодежи.

Ключевые слова: демография, брак, мотив, население, социальные группы, структура мотивов, безбрачие

Важное значение при исследовании брачного состояния населения имеет выявление мотивов вступления населения в брак. Мотивы вступления в брак зависят от социально-экономических, культурных, моральных, правовых и других условий, от традиций, обычаев. Для различных поколений социальных групп значение этих мотивов может быть различным. Поэтому важно установить тенденции изменения мотивов заключения брака, что позволит разработать меры, которые будут способствовать развитию брачно-семейных отношений [1].

В мусульманском обществе брак, сопровождающийся рождением детей, является религиозной обязанностью, а безбрачие – прискорбным состоянием. Коран, как и Талмуд, допускает, чтобы верующий имел одновременно четырех жен. В суре Корана, которая называется «Женщины», сказано: «Женитесь на тех женщинах, что приятны вам, – и двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете справедливы, то на одной».

Существующая статистическая отчетность в Республики Таджикистан не позволяет получить данные о мотивах заключения брака. В связи с этим большую ценность приобретает проведение специальных опросов населения. В 2013 г. Институтом экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан был проведен социологический опрос 700 респондентов с целью выявления мотивов вступления в брак. Полученные данные были сопоставлены с ранее проведенными подобными исследованиями. [2]

При проведении социологического опроса по выявлению мотивов вступления населения в брак респондентам был задан общий вопрос, по каким мотивам они вступали в брак.

Таблица 1

Структура мотивов вступления в брак населения Республики Таджикистан
(опрос 700 респондентов в 1989 и 2013 гг., в %) [3, с. 84; 4, с.51]

Мотив вступления в брак	1989	2013
Возникшие отношения любви и взаимного уважения	44,0	48,5
Желание родителей	32,0	26,1
Желание избежать одиночества	7,1	8,4
Желание улучшить и получить жилплощадь	1,8	3,1
Желание улучшить материальное положение	15,0	3,1
Нет ответа	0,0	10,8
Итого	100	100

Результаты обработки материалов проведенного нами исследования по выявлению мотивов вступления населения коренной национальности в брак, отраженные в таблице 1, показывают, что основным мотивом вступления в брак, как юношей, так и девушек, являются возникшие отношения любви и взаимного уважения, что составило 48,5%.

Эту можно объяснить влиянием следующих факторов:

- увеличение числа юношей и девушек, получающих высшее и среднее профессиональное образование;

- свободный выбор брачного партнера;

- снижение влияния мнения родителей на выбор брачного партнера;

- внешняя трудовая миграция.

Вторым существенным мотивом вступления в брак является желание родителей (26,1%). Такой вес значения причины влияния родителей на выбор брачного партнера для детей наблюдается в сельской местности, где авторитет родителей и ближайших родственников имеет серьезное влияние на молодых. Также данный мотив относится к юношам и девушкам, которые по каким-то причинам не вступили в брак в оптимальном, по общественному мнению, возрасте.

Третий мотив вступления в брак – желание избежать одиночества, выбрали 8,4 % респондентов. Этот мотив связан с увеличением численности девушек в высших и средних специальных учебных заведениях, после завершения которого их возраст выходит за пределы оптимального.

Четвертый и пятый мотивы вступления в брак – желание улучшить и получить жилплощадь и желание улучшить материальное положение, отмечены в 3,1% ответов.

В процессе исследования среднего возраста вступления в первый брак молодежи Таджикистана установлены причины его увеличения:

- 1) рост безвозвратных мигрантов;

- 2) увеличение до 80-90% трудовых мигрантов – это маятниковые, сезонные или временные мигранты, которые находятся на учете в Республике Таджикистан;

- 3) изменение общественной системы, осуществление перехода от одной системы к другой (рыночной), интенсивное изменение ценностей, доступа к ценностям, образа жизни, морали, традиций и обычаев, рост подвижности населения;

- 4) резкое ухудшение социально-экономического положения населения, рост бедности и безработицы.

Наиболее обширная группа факторов, положительно влияющих на качество брака, была отнесена Левисом и Спаниером в группу «личностные и внутрисупружеские факторы». К факторам, объединенным в этой группе, относятся позитивное отношение к партнеру, которое выражается в легкости общения, сексуальной, физической и интеллектуальной привлекательности партнера, совпадении ценностных ориентаций партнеров.

Для ознакомления с факторами и мотивами вступления населения в брак в городе Душанбе в разрезе областей и районов республиканского подчинения ниже приводится таблица 2, содержащая результаты социологического опроса.

Таблица 2

Факторы и мотивы вступления в брак молодоженов в городе Душанбе, в разрезе областей и районов республиканского подчинения (опрос 700 респондентов в 2013 г., в %) [5, с. 53]

Виды мотивов	Душанбе	Хатлонская область	Согдийская область	ГБАО	РРП
Возникшие отношения любви и взаимного уважения	46.5	51.9	49.4	50.0	44.7
Желание родителей	36.0	18.8	31.1	16.7	25.4
Желание избежать одиночества	10.5	11.9	5.7	5.6	7.5
Желание улучшить или получить жилплощадь	1.2	4.4	2.4	11.1	2.7

Желание улучшить материальное положение	5.1	5.5	1.5	5.6	3.1
Нет ответа	0.7	7.5	9.9	11.0	16.6
Всего	100	100	100	100	100

К показываю данные таблицы 2, в г. Душанбе и в областях и районах республиканского подчинения основным мотивом вступления в брак являются возникшие отношения любви и взаимного уважения. Вторым мотивом вступления в брак является желание родителей. На третьем месте среди других мотивов вступления в брак – желание избежать одиночества. На четвертом месте – желание улучшить или получить жилплощадь. На пятом месте – желание улучшить материальное положение.

В г. Душанбе такой мотив вступления в брак, как желание улучшить материальное положение, респонденты не отметили, потому что уровень жизни в столице намного выше, чем в областях и в районах республиканского подчинения.

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы:

- высокая доля мотива вступления населения в брак «возникшие отношения любви и взаимного уважения» дает представление о том, что каждый второй из всех опрошенных вступал в брак по любви;

- присутствие мотива «желание родителей» свидетельствует о серьезном влиянии национальных традиций и обычаев на формирование семьи и, в частности, об авторитетности для молодежи мнения родителей.

Вообще для вступления в брак необходимо добровольное согласие жениха и невесты и достижение ими определенного возраста. Добровольное согласие означает, что жених и невеста при решении вопроса о вступлении в брак не должны подвергаться давлению третьих лиц. Добровольное вступление в брак, конечно, не означает, что родственники не могут давать советы, принимать участие в подготовке к свадьбе. Главное, чтобы подобные советы не носили характера воздействия на волю вступающих в брак. [6, с. 5]

- следующий мотив вступления населения в брак – желание избежать одиночества, свидетельствует о том, что по стране из-за резко дифференцированного социально-экономического уровня и высокого уровня внешней миграции населения, особенно среди молодежи, имеется риск не найти свою половину;

- следующие мотивы вступления населения в брак – желание улучшить или получить жилплощадь и желание улучшить материальное положение, явно свидетельствуют о низком экономическом уровне семей. Желание улучшить или получить жилплощадь стоит среди других мотивов вступления населения в брак на четвертом месте, и это можно объяснить тем, что такой жизненный первостепенный вопрос, как обеспечение собственным жильем, не решен.

В брачно-семейных отношениях произошли существенные изменения, об этом могут свидетельствовать следующие данные о мотивах вступления населения в брак. По данным социологического исследования, проведенного в 1985 г. С. И. Исламовым, были указаны следующие мотивы вступления населения в брак. [1, с. 90-91]

На первом месте среди других мотивов вступления населения в брак стоят возникшие отношения любви и взаимного уважения, на его долю в целом приходится 44,9 % ответов опрошенных.

Вторым по значимости среди мотивов вступления в брак является желание родителей. На этот мотив в целом приходится более 1/3 ответов опрошенных. На третьем месте в числе мотивов вступления в брак стоит стремление улучшить материальное положение, на четвертом месте – желание избежать одиночества и на последнем месте – стремление улучшить или получить жилплощадь.

Сравнение этих данных с данными таблицы 1 показывает, что за 25 лет наблюдается тенденция увеличения доли мотива вступления в брак «возникшие

отношения любви и взаимного уважения» и уменьшение доли мотива «по желанию родителей», что является положительной в мотивационной структуре вступивших в брак.

Важную роль в исследовании мотивов вступления в брак играет пол респондентов.

Как показывают данные таблицы 3, существует значительная разница в цифрах, отражающих мотивы вступления в брак по полу и по месту жительства. Сначала рассмотрим городскую местность. По данным таблицы 3, в городской местности из всех вступивших в брак в 2013 г. 51,5 % юношей и 53,7 % девушек вступили в брак по мотиву «возникшие отношения любви и взаимного уважения», то есть данный мотив является доминирующим. Такое брачное поведение молодежи свидетельствует о том, что после получения высшего образования появляется возможность работать и при этом найти себе супруга или супругу; также можно добавить, что городская молодежь в большинстве случаев сама принимает решение о создании семьи.

Таблица 3

**Факторы и мотивы вступления в брак по полу и по месту жительства
(опрос 700 респондентов в 2013 г., в %) [4, с. 55]**

Местожительство	Город		Село	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Возникшие отношения любви и взаимного уважения	51,5	53,7	49,3	45,4
Желание родителей	31,6	28,9	22,3	26,5
Желание избежать одиночества	7,4	7,5	9,0	8,5
Желание улучшить или получить жилплощадь	2,9	-	4,2	3,2
Желание улучшить материальное положение	-	-	2,8	5,0
Нет ответа	6,6	9,9	12,0	11,4
Итого	100	100	100	100

Второе место среди мотивов вступления в брак занимает мотив «желание родителей», так ответили 31,6 % респондентов мужского пола и 28,9 % респондентов женского пола. Как видим, мы получили интересные данные, так как уместно было бы ожидать, что, наоборот, процент девушек, вступающих в брак по желанию родителей, будет выше соответствующего процента юношей. Но наблюдается прямо противоположная картина. Это свидетельствует о том, что ввиду отсутствия и экономической недоступности отдельного жилья для молодоженов их матримониальное поведение зависит от родителей. К примеру, юноши после вступления в брак будут жить с родителями и вести совместное хозяйство, и юношам придется шагать по родительской колее.

Негативное развитие внешней миграции населения, особенно в бракоспособном возрасте, прошедшая гражданская война и другие факторы привели к напряжению на брачном рынке. Это повлияло на принятие родителями решения выдать замуж своих дочерей.

Третье место среди перечисленных мотивов вступления в брак занимает желание избежать одиночества, который для обоих полов составил 7,4 и 7,5%. Такое поведение молодежи говорит о том, что разные уровни социально-экономического положения молодежи контролируют их матримониальное поведение, а также свидетельствует о дисбалансе населения в бракоспособном возрасте из-за внешней миграции.

На четвертом месте среди других мотивов вступления в брак в городской местности стоит мотив «желание улучшить или получить жилплощадь», который для юношей составил 2,9 %, а среди респондентов женского пола нет указавших этот мотив. Это можно объяснить следующим образом. В городской местности появились «экономически состоятельные женщины», чье экономическое благополучие выше, чем у некоторых мужчин, и иногда это и служит причиной мотивации вступления в брак среди юношей. Что касается девушек, то можно заключить, что экономическое состояние семей женихов позволяет устранить этот мотив среди респондентов-девушек в городской местности, ибо по традиции после вступления в брак невесты переезжают в дом мужа.

По данным таблицы 3, и в сельской местности среди перечисленных факторов и мотивов вступления в брак среди молодежи превалирует мотив «возникшие отношения любви и взаимного уважения», который для мужского пола составил 49,3 %, для женского пола – 45,4 %. Как видно, здесь существует значительная разница в процентах между городом и селом. Это может свидетельствовать о том, что городская молодежь имеет больше возможностей ближе узнать потенциального супруга и при принятии решения о формировании семьи больше ориентируется на собственное мнение. Второе место среди мотивов на селе также занимает желание родителей, этот мотив из всех вступивших в брак отметили 22,3% мужчин и 26,5% женщин. Как видно, родительское решение играет большую роль, и мнение родителей в вопросе заключения брака особенно значимо в сельской местности для девушек.

На третьем месте стоит мотив «желание избежать одиночества», который для сельского населения мужского пола составил 9,0%, для женщин – 8,5%. Разное социально-экономическое положение становится одним из основных факторов, которые ограничивают шансы вступления в брак. С этим фактором можно связать следующие два мотива вступления в брак в сельской местности – это мотив «желание улучшить или получить жилплощадь» (4,2 % для мужского пола и 3,2 % для женского пола), и мотив «желание улучшить материальное положение» (2,8% и 5,0 % соответственно).

Поскольку уровень экономического развития областей и районов республиканского подчинения Республики Таджикистан существенно различается, у жителей этих областей и районов республиканского подчинения соответственно образуются специфические подходы, оценки демографического поведения, то есть у них наблюдается разный уровень социального развития.

Как уже сказано выше, третьим мотивом вступления населения в брак становится стремление избежать одиночества. Стремление избежать одиночества как мотив вступления в брак для мужчин и женщин с различным уровнем образования имеет неодинаковое значение. С повышением уровня образования доля данного мотива вступления в брак среди опрошенных мужчин снижается, а среди опрошенных женщин повышается, особенно в нынешнее время, когда наблюдается существенные сдвиги в ценностных ориентациях молодежи.

Социологический опрос показывает, что интенсивное возникновение такого мотива, как «желание избежать одиночества» наблюдается после окончания средней школы в большей степени среди девушек, но по мере повышения уровня образования среди девушек доля этого мотива вступления в брак повышается. Относительно мужского населения этот мотив не имеет тенденциозного характера. Такую связь этого мотива с образованием женщин можно в определенной степени объяснить тем, что женщины с более высоким образованием, вступая брак в более старших возрастах, реальнее ощущают угрозу остаться одиночками, тем более, когда часть молодежи страны находится за пределами республики (двойная угроза).

Среди высокообразованных мужчин мотив вступления в брак «во избежание одиночества» имеет меньшее значение, по сравнению с другими, чем среди малообразованных. В Республике Таджикистан риску одиночества в большей степени подвержены женщины, чем мужчины.

Важную роль в формировании семьи и в последующем обеспечении ее прочности и благополучности играет наличие у молодоженов собственной жилплощади. В нынешнее время большинство молодежи после создания собственной семьи живет вместе с родительской семьей из-за отсутствия собственного жилья.

Как свидетельствуют результаты социологического опроса, по мере повышения уровня образования молодежь лучше осознает, что семейное благополучие во многом зависит от наличия собственной крыши над головой. Интенсивность возникновения такого мотива, как желание улучшить или получить жилплощадь увеличивается после окончания среднего профессионального или высшего учебного заведения. У парней по

мере повышения уровня образования вышеуказанный мотив становится более значимым по сравнению с девушками, у которых такой мотив интенсивно возникает после окончания средней школы, но в последующие годы место этого мотива «завоевывает» такой мотив вступления в брак, как «не остаться в одиночестве».

Результаты социологического опроса показывают, что такой мотив вступления населения в брак среди молодежи, как желание улучшить материальное положение в основном исходит от женщины. У мужчин такой мотив не является важным.

Наблюдается преобладание этого мотива вступления в брак среди получивших среднее общее образование и высшее образование. Разница заключается в том, что после получения образования девушки в основном мечтают выйти замуж «за кого-нибудь», не задумываясь об остальных первостепенных сторонах супружеской жизни.

По мере повышения уровня образования среди девушек этот мотив становится для них первоочередным мотивом вступления в брак наряду с мотивом «не остаться одинокой».

Таблица 4

Факторы и мотивы вступления в брак по национальностям
(опрос 700 респондентов в 2013 г., в %) [4, с. 60]

Мотив вступления в брак	Тадж ики	Узб еки	Русск ие	Друг ие
Возникшие отношения любви и взаимного уважения	48,3	49,5	75,0	31,3
Желание родителей	27,2	22,0	12,5	37,5
Желание избежать одиночества	8,0	9,2	12,5	12,5
Желание улучшить материальное положение	2,8	3,7	-	6,2
Желание улучшить или получить жилплощадь	2,4	6,0	-	-
Ваше мнение	11,3	9,6		12,5
Итого	100	100	100	100

По данным таблицы 4, факторы и мотивы вступления в брак по национальностям имеют слегка дифференцированный фон, поскольку среди различных национальностей в 2013 г. количество вступивших в брак по мотиву «возникшие отношения любви и взаимного уважения» составило: среди таджиков – 48,3%, среди узбеков – 49,5%, среди русских – 75,0% и среди других национальностей – 31,3%. Среди русских респондентов вступление в брак по этому мотиву выше, чем среди представителей остальных национальностей, из-за разности социально-демографических характеристик. Второе место среди мотивов занимает желание родителей, у таджиков доля этого мотива составляет 27,2%, у узбеков – 22,0%, у русских – 12,5% и у других национальностей – 37,5%.

Исследование причин вступления в брак по национальностям имеет очень важное значение, поскольку последствия политической нестабильности в стране повлияли на матримониальное поведение представителей некоренных национальностей.

Среди других факторов, влияющих на формирование того или иного мотива вступления в брак, одним из важнейших является уровень образования вступающих в брак. Это связано тем, что при прочих равных условиях более высокий уровень образования населения обеспечивает более высокий культурный уровень развития, более высокий уровень материального положения, более быстрое освобождение от сложившихся непрогрессивных обычаев и традиций и т. д. Поэтому на основе анализа мотивов вступления в брак по уровню образования населения можно, по существу, установить влияние многих факторов, образующих структуру детерминации вступления в брак.

Социологический опрос среди женщин Республики Таджикистан, проведенный диссертантом в 2013 г., позволил выявить динамику (за 1983 и 2013 гг.) изменения мотивов вступления девушек в брак (табл. 5).

Таблица 5

Изменения динамика мотивов вступления в брак среди женщин
(опрос 700 респондентов 1983 и 2013 г., %) [1, с. 84; 4, с. 61]

1	Возникновение отношения любви и уважения	повысился (50,6%);
2	Улучшения материального положения	увеличился (4,7%);
3	Желание улучшить жилплощадь	увеличился (2,2%);
4	Во избежание одиночества	увеличился (9,7%);
5	По желанию родителей	на прежнем уровне (30,0%)

Из этих данных видно, что роль родителей во вступлении девушек в брак является достаточно высокой. Как показывают данные таблицы 5, замедленное социально-экономическое развитие страны оказало классическое влияние на демографическое поведение населения, а именно на матримониальное. Увеличивается число молодежи с высшим и средним профессиональным образованием, растет число свободно выбирающих брачного партнера, что объясняется повышением долей вступившие в брак «по любви» – 50,6%, при этом уровень образования способствовал повышению доли вступивших в брак по мотиву «во избежание одиночества» – 9,7%. Первый и второй мотивы связаны с нестабильным уровнем жизни населения, внешней миграцией, пятый мотив более свойственен юношам, чем девушкам.

В целом, можно сказать, что все экономические, социальные и политические явления имевшие место в республике, за годы независимости оказали влияние на матримониальное поведение.

© Субхонов А. И., Аскарлов А. Р. Текст. 2016

Список источников

1. Исламов С.И. Демография Таджикистана. – Душанбе, «Ирфон», 1985. – 88 с.
2. Исламов С.И. Региональные проблемы демографического развития. – М., 1989.
3. Исламов С. И. Демография Таджикистана. – Душанбе, 1985.
4. Демографические аспекты брачности и разводимости населения Таджикистан. – Душанбе, Эр-граф, 2012.
5. Субхонов А. И. Демографические аспекты брачности и разводимости населения Таджикистан. – Душанбе, «Эр-граф», 2013.
6. Ходаков Н.М. Молодым супругам. 6-е издание, стереотипное. М.: Медицина, 1990.

Информация об авторах

Субхонов Акбар Идрисович (Таджикистан, Душанбе) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан, г. Душанбе, почтовый индекс: 734024, e-mail: a-subkhonov@list.ru,

Аскарлов Ахрор Рахмоналиевич (Таджикистан, Душанбе) – старший научный сотрудник, Институт экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан, г. Душанбе, почтовый индекс: 734024, e-mail: ahror74@mail.ru,

Subkhonov A.I., Askarov A.R.
ECONOMIC, SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL MOTIVES OF MARRIAGE IN THE
REPUBLIC OF TAJIKISTAN

In this article explores and analyzes the economic, social and psychological motives for marriage marriageable population of the republic, as well as by region in a market economy in

the period of socialist system, in the context of the demographic development. Also, in the article to disclose the results of demographic studies that describe the motives of the marriage.

Key words: demography, marriage, factors and motives, population, social groups, the structure of motives, celibacy

Information about the authors

1. Subkhonov Akbar Idrosovich (Tajikistan, Dushanbe) – PhD in Economics, principal scientific officer, Institute of Economy and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe city, Postal code: 734024, e-mail: a-subkhonov@list.ru,

2. Askarov Ahror Rahmonalevich (Dushanbe, Tajikistan) – senior researcher, e-mail: ahror74@mail.ru

УДК 748

Е.А. Третьякова

ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦ СТАРШЕ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА НА ПОЛУЧЕНИЕ ИМИ ВОСХОДЯЩИХ ТРАНСФЕРТОВ В РОССИИ

В статье поднимается вопрос, в какой степени можно полагаться на помощь пожилым со стороны их детей при современной трансформации семьи, приводящей к росту доли одиноких и разведенных пенсионеров, у которых нет источников дополнительного дохода кроме пенсионного обеспечения.

Ключевые слова: межпоколенные трансферты, брачный статус, КОУЖ, лица пенсионного возраста

На сегодняшний день актуальность проблемы межпоколенных трансфертов обуславливается двумя современными тенденциями: уменьшением среднего числа детей в семье, что означает сокращение числа кормильцев ко времени, когда сегодняшние родители достигнут пенсионного возраста, а также ростом средней продолжительности жизни, что не только обуславливает увеличение срока, в течение которого лица нетрудоспособного возраста нуждаются в поддержке, но и приводит к образованию четырехпоколенной семьи, в которой растет нагрузка на активное население средних лет. Все более распространенной становится ситуация, когда лица трудоспособного возраста должны поддерживать и своих детей, и родителей.

Однако здесь встает вопрос: действительно ли дети поддерживают своих родителей? Особенную остроту он приобретает при рассмотрении ставших распространенными новых форм семьи, которые образуются в случае распада брака. Дети могут поддерживать отношения и с биологическими, и с социальными родителями или, наоборот, разрывать связи. Отнюдь не все родители, проживающие отдельно от своих детей, выплачивают алименты и как-либо помогают в воспитании детей. Таким образом, через 20-30 лет доля лиц в возрасте старше трудоспособного, не имеющих крепких семейных уз со своими детьми, будет существенно выше, чем сейчас. Тогда встает вопрос: должны ли дети в такой ситуации, спустя многие годы, поддерживать в старости чужого им человека? И каких родителей должны поддерживать дети в случае смешанных семей, в которых родители с детьми после развода повторно вступили в брак: родных или социальных родителей? Фокусом настоящей работы становится исследование тесноты связей детей с родителями, если семья проходила через распад брака или никогда его не регистрировала.

В данном исследовании предполагается, что в семьях, где пара состоит в зарегистрированном браке, связь лиц старше трудоспособного возраста с детьми является

более тесной, чем в других семьях: у разведенных, разошедшихся, а также лиц, никогда не состоявших в браке, эта связь слабее, чем у лиц, состоящих в зарегистрированном браке. Это проявляется в том, что они в получают меньшую как материальную, так и нематериальную помощь от своих детей.

Данное исследование основано на результатах опроса «Комплексное обследование условий жизни» (КОУЖ), проведенного Федеральной службой государственной статистики в 2014 г. Главным достоинством данного опроса выступает масштаб его выборки: более 113138 чел. в возрасте от 15 до 99 лет, а также данные по 29049 лицам в возрасте до 15 лет.

Согласно данным Росстата, доля лиц пенсионного возраста в России в 2015 г. составила 24%, при этом рост данного показателя наблюдается на протяжении последних 90 лет, что предвещает дальнейший рост демографической нагрузки на трудоспособное население.

По данным КОУЖ, в России в 2014 г. практически половина лиц пенсионного возраста (47,4%) состояла в зарегистрированном браке, более трети (37,5%) являлись вдовцами или вдовами, 9% были разведены, 2,5% никогда не состояли в браке и 1,1% разошлись с партнером. Заметна существенная гендерная разница в распределении пожилого населения по семейному положению: если среди мужчин 72% состоят в зарегистрированном браке, то среди женщин этот процент составляет лишь 37,4%, зато 45,7% являются вдовами. Мужчины чаще склонны вступать в повторные браки, чем женщины, что проявляется в более высокой доле разведенных женщин по сравнению с долей разведенных мужчин. Если в семье были дети, то после развода они почти всегда остаются с матерью, что снижает ее шансы на вступление в повторный брачный союз.

Можно предположить, что в будущем доля вдовых и лиц, состоящих в браке, будет снижаться за счет увеличения доли разведенных, разошедшихся, лиц, состоящих в незарегистрированном браке, а также лиц, никогда не состоявших в браке. Это подтверждается динамикой коэффициента разводимости на протяжении 1950–2002 гг. (рис. 1): в течение как минимум ближайших 50 лет доля разведенных среди лиц пенсионного возраста будет расти, что в некоторой степени будет компенсироваться увеличением распространенности повторных браков, однако окончательно нивелироваться не сможет.

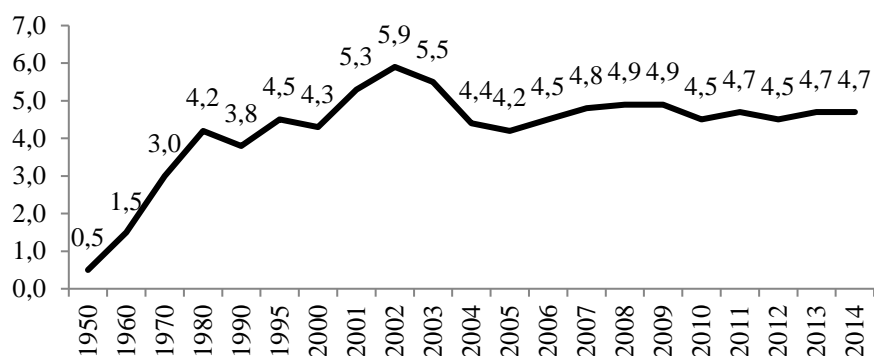

Рис. 1. Коэффициент разводимости, 1950–2014 гг., на 1000 чел. населения¹

На объемы и характер восходящих трансфертов влияют многие факторы, среди которых важную роль играет дистанция между местом проживания детей и родителей, так как с уходом из родительского дома теснота связи между поколениями серьезно уменьшается [7]. В опросе КОУЖ-2014 восходящие трансферты учитывались лишь от детей, проживающих отдельно от своих родителей, поэтому в дальнейшем анализе мы будем опираться на них. Согласно данным опроса, в России среди всех лиц пенсионного

¹ Источник: данные Росстата

возраста 77% проживают отдельно от своих детей. В контексте межпоколенных трансфертов стоит обратить внимание на высокую долю разведенных и разошедшихся лиц пенсионного возраста, имеющих детей, проживающих от них отдельно: среди разведенных она составляет почти 70%, среди разошедшихся – 67% (рис. 2).

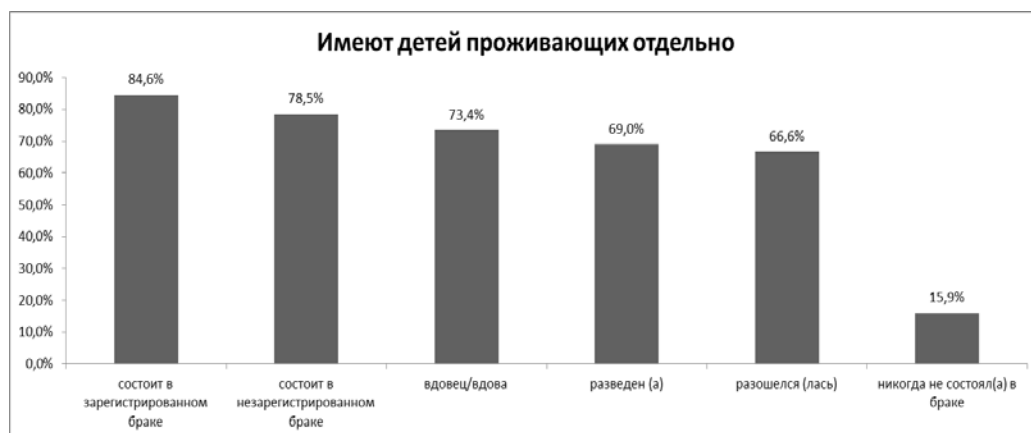

Рис. 2. Доля лиц пенсионного возраста, которые имеют детей, проживающих от них отдельно, %¹

Трансферты, которые получают лица пенсионного возраста от своих детей, можно разделить на две группы: материальные ценности (денежные средства, вещественные подарки и наследство) и время (различные услуги, связанные с присмотром и уходом, и инструментальная помощь). В основном дети, проживающие отдельно от своих родителей пенсионного возраста, оказывают своим родителям помощь в виде ухода во время болезни (53,1%), а также оказывают помощь по хозяйству (51,5%) (рис. 3). Денежная помощь оказывается лишь 32% лиц пенсионного возраста, при этом 45,4% не получают денежную помощь от своих детей, остальные считают, что в ней нет необходимости.

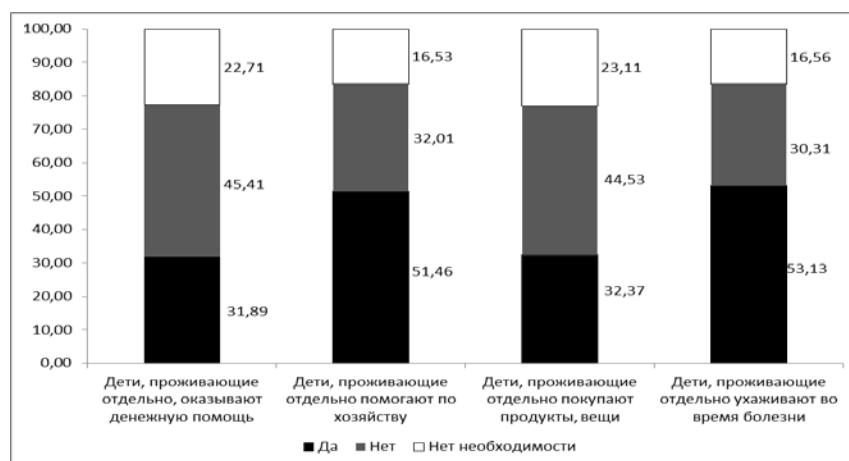

Рис. 3. Виды получаемой помощи лицами пенсионного возраста, % (из тех, кто ответил на этот вопрос)²

Наличие партнера оказывает существенное влияние на частоту и размер межпоколенных трансфертов. Например, согласно исследованию А. Шапиро [6], вдовы (в отличие от разведенных или одиноких женщин) находятся в более близких отношениях со своими детьми, ближе живут к ним и чаще видятся с ними. Также женатые мужчины чаще видятся со своими детьми, чем разведенные.

¹ Источник: построено автором на основе данных КОУЖ-2014

² Там же

По всем видам получаемой помощи наименьшую поддержку от своих детей получают лица, состоящие в незарегистрированном браке (рис. 4). Денежная помощь в большей степени оказывается вдовым и лицам, никогда не состоявшим в браке, при этом среди лиц, состоящих в незарегистрированном или в зарегистрированном браке, доля получающих денежную поддержку минимальна и составляет 18 и 26% соответственно. В наименьшей степени дети помогают по хозяйству своим родителям пенсионного возраста в случае, если те состоят в незарегистрированном браке, разведены или разошлись со своим предыдущим партнером (партнершей). Большой разрыв также наблюдается в оказании помощи во время болезни: если среди вдовых доля, получающих данный вид помощи, составляет чуть более 60%, то среди разведенных и разошедшихся – лишь 42-46%.

Отсюда можно сделать вывод, что доля лиц, состоящих в браке, а также вдовых, получающих помощь от своих детей, проживающих отдельно от них в целом выше, чем среди лиц других брачных категорий, таким образом, в подобных домохозяйствах сила семейных связей более прочна.

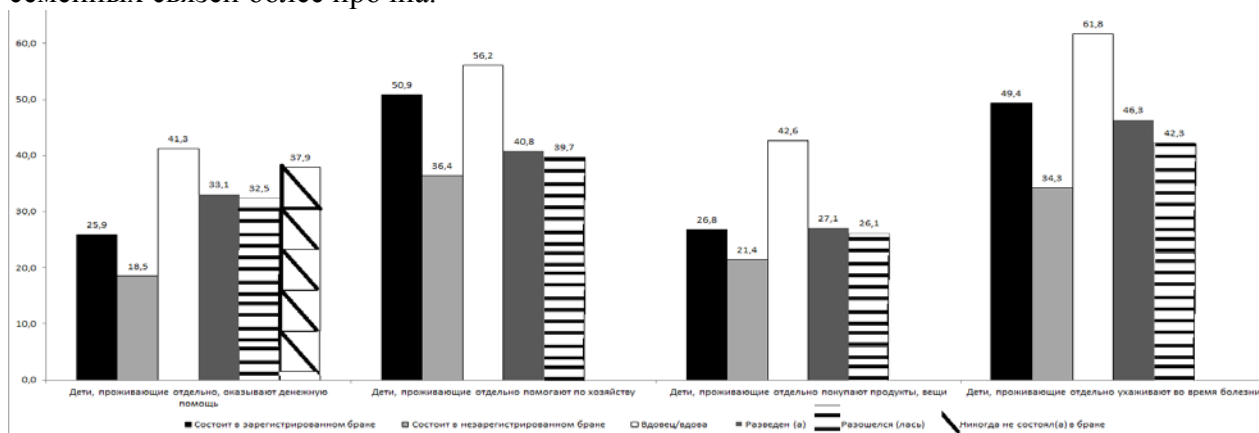

Рис. 4. Получение помощи лицами пенсионного возраста от своих детей в разрезе семейного положения, % от ответивших¹

Женщины активнее, чем мужчины, участвуют в трансфертном обмене, они чаще оказываются получателями как материальных, так и нематериальных трансфертов, нежели мужчины [5]. Согласно данным КОУЖ, если среди женщин получение помощи от детей в большей степени уравнено по брачному статусу получателей, то среди мужчин наблюдается резкое снижение доли получателей помощи среди разведенных, разошедшихся, состоящих в незарегистрированном браке, а также никогда не состоявших в браке. Так как в абсолютном большинстве случаев дети остаются после распада брака родителей с матерью, то данная тенденция свидетельствует также и об отсутствии поддержки со стороны детей своим биологическим родителям, которые покинули семью.

Рассмотрим более подробно получение денежной поддержки пожилых лиц со стороны их детей. Как уже отмечалось ранее, денежную помощь получают 32% лиц пенсионного возраста. Согласно данным КОУЖ, среди лиц, состоящих в незарегистрированном браке, более половины (54,5%) не получают денежную помощь от своих детей. Также высокая доля лиц, не получающих помощь (48,4%), наблюдается среди разведенных. Очевидно, что лица, проживающие с партнером (состоящие в зарегистрированном либо незарегистрированном браке), чаще, чем другие категории лиц, придерживаются мнения, что в оказании денежной помощи нет необходимости (25%), так как получают поддержку от партнера. Этим объясняется сравнительно невысокая доля лиц, состоящих в браке, констатирующих, что они получают денежную помощь от своих детей.

¹ Источник: построено автором на основе данных КОУЖ-2014

Мужчины, связи которых с детьми после расторжения брака или расставания с партнершей слабее, чем у женщин, в меньшей степени получают денежную помощь от своих детей [1]. Доля получающих помощь среди разведенных мужчин составляет лишь 19%, среди разошедшихся – 10%, среди лиц, никогда не состоявших в браке, – 32% (рис. 5). Среди женщин доля получателей денежной поддержки со стороны своих детей гораздо выше: ее получают 36% разведенных, 38% разошедшихся и 38,4% женщин, никогда не состоявших в браке.

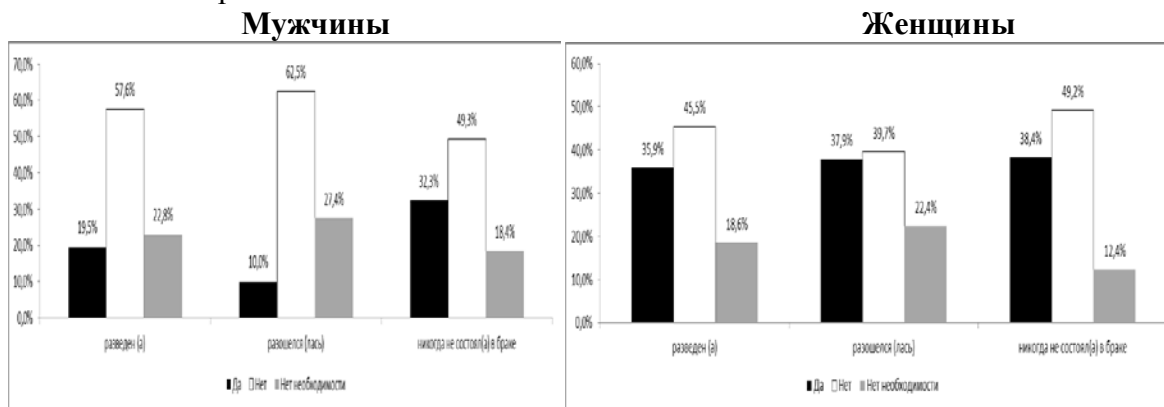

Рис. 5. Получение денежной помощи лицами пенсионного возраста от детей в разрезе пола семейного положения, %¹

Далее рассмотрим причины, по которым лица пенсионного возраста не получают помощь от своих детей, проживающих отдельно от них. Согласно данным КОУЖ, треть лиц пенсионного возраста не получают помощь от своих детей из-за отсутствия материальной возможности, 43% не считают помощь детей необходимой, 12% считают, что дети не оказывают им помощь из-за нехватки времени, практически 10% – из-за прекращения поддержания отношений с родителями.

Если рассмотреть причины отсутствия помощи родителям в разрезе семейного положения респондента, то оказывается, что отсутствие оказания помощи вследствие прекращения отношений с детьми в большей степени распространено среди разведенных (22,8%), разошедшихся (20,6%), а также лиц, состоящих в незарегистрированном браке (19,2%). При этом данную причину указывают как основную при отсутствии оказания помощи лишь 4% лиц, состоящих в зарегистрированном браке.

В гендерном распределении наблюдаются еще более сильные различия: доля тех, кто не получает помощь в связи с тем, что отношения с детьми не поддерживаются, гораздо выше среди мужчин. Эту причину указывают 50% разведенных мужчин против 10% разведенных женщин и 56% разошедшихся мужчин при том, что разошедшиеся женщины вообще не называют эту прекращение отношений с детьми в качестве причины неполучения помощи с их стороны.

Опираясь на результаты проведенного исследования, можно утверждать, что гипотеза о более слабой поддержке детьми своих родителей пенсионного возраста после распада их союза, выдвинутая вначале работы, подтверждается. В настоящее время более 10% лиц пенсионного возраста разведены или разошлись с партнером, при этом в будущем их доля будет возрастать, что обусловлено ростом распространенности разводов.

Наличие партнера оказывает существенное влияние на частоту и размер межпоколенных трансфертов: доля лиц, состоящих в браке, и вдовых, получающих помощь от своих детей, проживающих отдельно от них, в целом выше, чем среди лиц других брачных категорий. При этом существует значительное гендерное различие среди получателей помощи, вызванное тем, что в большинстве случаев после разрыва отношений ребенок остается с матерью, а не с отцом: мужчины, оказываются лишенными

¹ Источник: построено автором на основе данных КОУЖ-2014

поддержки, в том числе финансовой, со стороны своих детей. Таким образом, в результате проведенного исследования выявлена потенциальная, увеличивающаяся численно группа риска, особенности которой следует учитывать при проведении социально-демографической политики.

© Третьякова Е. А. текст. 2016

Список источников

1. Гладникова Е. В. Межпоколенные трансферты. Направление, участники и факторы, их определяющие // Социальная политика. Экспертиза, рекомендации, обзоры (SPERO). – 2007. – №7.
2. Исаева С. А. (Киреева), Елютина М. Э. Причины развода в третьем // Социологические исследования. – 2012. – № 9. – С. 91-99.
3. Захаров С. В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. Социология. Этнология. – 2007. – №4. – С. 73-112.
4. Михеева А. Р. Отцы и матери после развода. Ответственность, права, проблемы. Теоретические материалы к курсу «Социология семьи» / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2002. – 54 с.
5. Nauck B., Steinbach A. Intergenerational relationships // Working Paper Series des Rates für Sozial-und Wirtschaftsdaten, 2009.
6. Shapiro A. Later-life divorce and parent-adult child contact and proximity // Journal of Family Issues. – 2003. – Vol. 24. – P. 264-285.
7. Shelton N., Grundy E. Proximity of adult children to their parents in Great Britain // International Journal of Population Geography. – 2000. – Vol. 6(3). – P. 181-195.

Информация об авторе

Третьякова Екатерина Алексеевна (Россия, Москва) – магистр экономики, научный сотрудник Лаборатории исследований демографии и миграции Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (г. Москва, Пречистенская набережная, д.11, к.304, E-mail: tretyakova-ea@ranepa.ru, телефон: +7-495-695-11-62).

Tretyakova E.A.

THE IMPACT OF MARITAL STATUS OF ELDERLY PEOPLE ON THE TRANSFERS FROM THEIR CHILDREN IN RUSSIA

The article raises the question to what extent it is possible to rely on help of children of elderly people under the modern transformation of the family, which leads to increase of single and divorced seniors who do not have sources of income but government pension.

Keywords: Intergenerational transfers, marital status, KOUG, retired people.

Information about the author

Tretyakova Ekaterina Alekseevna (Russia, Moscow) - Master of Economics, research fellow at the Laboratory of demography and migration of the Institute for social analysis and prediction of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Prechistenskaya Naberezhnaya 11, e-mail: tretyakova-ea@ranepa.ru, phone: +7-495-695-11-62).

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ: ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ

В статье анализируются проблемы формирования репродуктивных установок современной российской молодежи. Раскрывается значение таких факторов, как возникновение и развитие сообществ с нетрадиционной сексуальной ориентацией и чайлд-фри. Показаны возможности формирования у молодежи позитивных репродуктивных установок посредством образовательных практик.

Ключевые слова: молодежь, репродуктивные установки, чайлд-фри, репродуктивные сценарии, репродуктивно ориентированное образование

Молодежь как социальную общность можно охарактеризовать изменчивостью, непостоянством, категоричностью и эскапизмом. Однако эта социальная общность, несмотря на всю свою сложность и нестабильность, является носителем потенциала развития общества. Как отмечает К. Шестаков, многочисленное поколение 1980-х гг. начинает выходить из фертильного возраста, и те показатели рождаемости, которые мы имеем сейчас, могут резко измениться [7, с. 4]. Очень важно уделить внимание формированию репродуктивных установок следующего поколения молодежи, живущего во времена изменяющихся семейных, брачных, репродуктивных ценностей и стереотипов, тенденций и течений.

Репродуктивные установки – это система отношений и психических состояний личности, курс действий, направленных на рождение детей или отказ от них. Данные установки складываются под влиянием окружающей социальной среды, в которой формируются убеждения и отношение к чему-либо (в нашем случае – к семье и детям). Большую роль в этом окружении играет влияние западных репродуктивных паттернов, социально-экономическая нестабильность российского общества и отсутствие уверенности в завтрашнем дне.

Современное поколение молодежи характеризуется поисками свободы выбора своего жизненного пути и самореализации. В связи с этим появляется много разных социальных движений, не одобряемых не только «восемидесятниками», но и более старшими поколениями россиян. Но эти социальные движения, тем не менее, активно набирают силу, привлекая к себе все новых и новых представителей современной молодежи. Прежде всего, речь идет о широком распространении сообществ с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Их представители посвящают себя целиком и полностью специфическим отношениям с сексуальными партнерами именно в фертильном возрасте. И хотя институционального оформления эти социальные (включающие сексуальные, семейные, хозяйственные и иные) отношения в российском обществе не получили, тем не менее, эта проблема актуальна для него, в том числе и в связи с легализацией однополых браков в европейских странах, возможностью открытой демонстрации нетрадиционных отношений.

Кроме того, в российском обществе существует проблема возникновения новых социальных групп (с обычной традиционной сексуальной ориентацией), сознательно отказывающихся от рождения ребенка. Это явление, получившее название чайлдфри (от англ. childfree), представляет собой социально-психологический феномен, предполагающий *сознательный* отказ от детей. Слово «сознательный» здесь ключевое. Отметим, что в распространении и проблематизации названных выше явлений большую роль играет интернет. Молодые люди узнают о них не только из личного опыта

взаимодействия с представителями сексуальных сообществ и чайлд-фри, но и через социальные сети, например, «ВКонтакте», открытые группы, паблики, форумы, сайты.

На наш взгляд, названные проблемы – самые актуальные на сегодняшний день, поскольку они определяют во многом репродуктивные установки определенной части российской молодежи. Той молодежи, чьи репродуктивные установки и стратегии поведения расходятся с государственной политикой по повышению рождаемости. Российская демографическая политика, которую можно назвать активной, «устарела» и не соответствует установкам, ценностям и механизмам восприятия современной молодежи. А если это так, как она может изменить ее мнение, отношение и репродуктивные тенденции? Существующие меры социально-экономической поддержки рождаемости нацелены на уже существующую семью, на мотивацию родительского труда. Но если в планы молодых изначально не входит рождение детей, смысл поддержки в рамках семьи ставится под сомнение.

Многие исследователи считают, что решающим фактором в формировании репродуктивных установок молодежи является аксиологический (или социокультурный). Он предполагает активную работу с молодежью в том возрасте, когда формируются репродуктивные установки, цели и планы на жизнь. Например, А. И. Антонов считает, что без изменения системы ценностей, которая сегодня у большинства населения антисемейна по своей сути, будет и дальше действовать обратная связь между показателями образа жизни и семейно-демографических процессов, то есть любая политика материального стимулирования и пособий обречена на провал [1]. Повышение рождаемости возможно лишь в результате совершенно новой и долговременной демографической политики, имеющей целью возрождение семьи как социального института и потребности в трех-четырех детях [5].

Однако далеко не каждый молодой человек сегодня желает иметь не только троих или четырех, но и двоих детей, даже одного ребенка. Аксиологический фактор задействует механизмы воспитания, «прививания» просемейных ценностей. Процесс воспитания репродуктивного мышления и мировоззрения комплексный и противоречивый. С одной стороны, это принципиально новый и индивидуальный подход к человеку или социальной группе. С другой стороны, нельзя насильно заставить человека обучать себя новым ценностям. Метод кнута и пряника здесь не очень уместен, а пропаганда может вызвать отрицательную реакцию. По мнению К. Шестакова, необходимо менять ценностную парадигму, уходить от индивидуализма, эгоцентризма, желания «взять от жизни все», а не пытаться встраивать демографически приоритетные на данном этапе ценности в господствующую сегодня гибельную парадигму ценностей [7].

Если рассмотреть репродуктивные установки, связанные с проблемой движения чайлд-фри, то можно выделить ключевые проблемные моменты, для решения которых можно приложить больше усилий. Исследование репродуктивных сценариев, проведенное О. А. Камзиной и Н. Ю. Самыкиной, показало характер установки на материнство у представителей сообщества чайлдфри [4]. Авторы анализируют ранние воспоминания респондентов относительно взаимоотношений с матерью. Формирование базового доверия (недоверия) к миру и качество родительских направлений определяют установку на чрезмерные внутренние ограничения или способствуют построению близких отношений и формированию модели материнства. В результате было обнаружено, что опрашиваемые – это эмансипированная часть общества, представители которой имеют высшее образование, востребованы как профессионалы. Они оценивают бездетность как счастье и разумность, а детей как «ненужное». Если у человека нет детей, то, по их мнению, это норма – «значит, у человека есть мозги».

Мотивы вступления в сообщество чайлдфри достаточно разнообразны, но существует общая тенденция, которая характеризуется ответами «не хочу» или непониманием смысла заводить детей. Данное решение сложно назвать взвешенным и

стабильным или даже решающим. Как обычно это бывает в жизни, 90 % этой части меняет с возрастом свое мнение в сторону решения иметь детей [4].

В связи с рассматриваемой проблемой нельзя оставить без внимания другое исследование, проведенное М. К. Рачицкой и О. А. Петровской. Его авторы выдвинули гипотезу: движение чайлдфри значительного влияния на демографическую ситуацию в стране не имеет [6]. С учетом данных статистики, а также проведенного ими анализа данных других источников был сделан вывод о том, что для россиян семья остается значимой ценностью бытия, несмотря на то, что сложилась стойкая тенденция к рождению детей в более позднем возрасте. Последнее обусловлено особенностями профессиональной жизни, экономики, социального окружения человека.

Авторы считают, что семья не утратила свое значение и место в обществе, несмотря на то, что в ближайшей перспективе респонденты не торопятся ею обзаводиться и, тем более, планировать в последующие пять лет ребенка, что созвучно мировым тенденциям увеличения брачного возраста и откладывания времени рождения первого ребенка [6].

Мы провели собственное исследование репродуктивных установок студенческой молодежи с помощью метода опроса. Исследование было проведено среди студентов Уральского федерального университета в возрасте 18–20 лет (N=45) и носило разведывательный характер. Мы выдвинули гипотезу: движение чайлд-фри начинает распространяться в среде молодых людей в возрасте 18–20 лет, когда они становятся достаточно самостоятельными и начинают выбирать ориентиры своего будущего. Кроме того, мы полагали, что молодежь не осведомлена о масштабах влияния репродуктивных установок на воспроизводство общества и возможности регулирования этого аспекта государством. В опросе участвовало 75 % девушек и 25 % молодых людей. Из них 42 % родились в семье, где было двое детей, 62 % в семье с одним ребенком, трое детей оказалось в 10, 5% семей и встретились ответы, что в семье четыре ребенка, что составило 5,5%.

На вопрос о желании иметь детей большинство респондентов (88,6 %) ответили положительно. Они высказали желание завести ребенка в возрасте 25–30 лет. Интересно отметить, что практически 100 % юношей отметили возраст 25 лет, в то время как девушки отодвинули этот возраст до 28–30 лет. Те студенты, которые желают завести детей в 30–35 лет, аргументируют это необходимостью «встать на ноги». Немногочисленной была группа студентов, которые готовы завести ребенка в 20–22 года. Но примечательно, что 11,4 % студентов ответили, что вообще не желают иметь детей. В большинстве своем это были девушки. Что касается количества детей, то 72 % респондентов пожелали иметь двоих, 22 % троих и всего 6 % одного ребенка.

Иерархия ценностных ориентаций опрошенных студентов (определяемая нами по приоритетным целям) выстроилась следующим образом: самореализация – 40,9 %, стабильный заработок – 45,5 %, семья – 63,6 %, приобретение жилья – 9,1 %, изучение чего-то нового, путешествия – 43,2 %.

Проанализировав полученные результаты, мы сделали вывод о том, что современная молодежь (1996–1998 гг. р.) придерживается лишь отчасти ценностей, считающихся традиционными в российском обществе. Конечно, репрезентативность нашего исследования невысока, но тем не менее, его результаты показывают, что ценностные ориентации студентов отражают предпочтение саморазвития, образования созданию семьи и рождению детей. Для многих студентов отцовство и материнство представляется очень тяжелым трудом. Родительский труд предполагает самоотверженность, стойкую выдержку и много усилий. В глазах молодых людей это выглядит действительно обременяющим фактом.

Государство не может ввести закон о запрете чайлд-фри, ведь это касается глубоко личного выбора человека. Однако оно может влиять на этот выбор через различные социальные институты, например, образование. Здесь стоит упомянуть исследование А.

П. Багирова и О. М. Шубат, посвященное репродуктивно ориентированному образованию как средству демографической политики. Такое образование, по мнению авторов, должно осуществляться на всех уровнях, дополняя и органично включаясь в систему общего, профессионального, дополнительного образования. Одним из его важнейших принципов, на их взгляд, является принцип многосубъектности. Данный принцип означает возможность его освоения различными социальными группами [2]. Предлагаемая авторами методика включает в себя логически построенный курс, который предполагает взаимодействие, государства и молодежи. Без внимания не остается и бизнес-сообщество, которое является главным потребителем человеческого капитала. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением А. И. Ворошиловой в том, что репродуктивные установки человека – тот аспект, который определяет движение кривой, отражающей движение населения страны: поползет она вверх или упадет вниз. Мы согласны с тем, что установки нельзя переделать, но можно изменить окружающую среду, которая непосредственно влияет на направление этих установок, вырабатывая тем самым новый путь развития [3, с. 48].

© Фарафонова А. И., Амбарова П. А. Текст. 2016.

Список источников

1. Антонов А. И. Почему нельзя надеяться, что рождаемость повысится, когда в брак начнут вступать сегодняшние старшеклассники [Электронный ресурс]. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=245 (дата обращения 10.04.2016).
2. Багирова А. П., Шубат О. М. Репродуктивно ориентированное образование как инструмент демографической политики // Социально-экономические институты развития демографических и миграционных систем: мат-лы V Уральского демографического форума. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. – С. 11–15.
3. Ворошилова А. И. Роль взаимодействия социальных институтов в процессе формирования мотивации родительского труда // Социально-экономические институты развития демографических и миграционных систем: мат-лы. V Уральского демографического форума. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. – С. 45–48.
4. Камзина О. А., Самыкина Н. Ю. Исследование жизненных сценариев представителей общества child-free // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 1. - С. 213–223.
5. Медков В. М. Рождаемость. Есть ли повод для эйфории? // Демографические исследования // Демографические исследования: сб. науч. ст. – М. : КДУ, 2009. – 292 с.
6. Рачицкая М. К., Петровская О. А. Движение чайлдфри в молодёжной среде [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/1052/8692> (дата обращения 05.05.2016).
7. Шестаков К. Аксиологический фактор репродуктивного поведения россиян: автореф. дис. ... канд. социол наук. – М., 2010. – 27 с.

Информация об авторах

1. Фарафонова Александра Игоревна (Екатеринбург, Россия) – студент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, aleksandra.farafonova@yandex.ru)
2. Амбарова Полина Анатольевна (Екатеринбург, Россия) – кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого

Farafonova A.I., Ambarova P.A.

**REPRODUCTIVE ORIENTATIONS OF STUDENT'S YOUTH:
PROBLEMS AND METHODS OF FORMING**

The article analyzes the problems of formation the reproductive attitudes of modern Russian youth. Shows the significance of factors such as the emergence and development of groups with unconventional sexual orientations and child-free. Considered the possibilities of forming the positive reproductive attitudes through educational practices.

Keywords: youth, reproductive attitudes, child-free, reproductive scenario, reproductively oriented education.

Information about authors

1. Farafonova Aleksandra (Yekaterinburg, Russia) – student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Mira St., 19, Russia, 620002, aleksandra.farafonova@yandex.ru)

2. Ambarova Polina (Yekaterinburg, Russia) – PhD, associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Mira St., 19, Russia, 620002, borges75@mail.ru)

УДК 338.467.4

М.П. Ямова

**КРАТКИЙ ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
ЛОМБАРДНЫХ УСЛУГ**

В данной статье рассматривается современное состояние рынка ломбардов Российской Федерации, обозначается специфика ломбардной деятельности. Кроме того, приводятся краткие результаты экономико-демографического исследования потребителей услуг ломбарда.

Ключевые слова: ломбард, ломбардная деятельность, потребитель ломбардных услуг

В настоящее время отмечается важнейшая роль фактора повышения доступности финансовых услуг в борьбе с бедностью и в решении иных социально-значимых задач. На Сеульском саммите «Группы двадцати» (G20), проходившем в ноябре 2010 г., был принят Сеульский консенсус, в котором определены ключевые области, в наибольшей степени требующие вмешательства и реформирования с целью обеспечения устойчивого всестороннего экономического роста и стабильности в развивающихся странах и странах с низким уровнем дохода. Выделены следующие области: инфраструктура, частные инвестиции и создание рабочих мест, развитие человеческих ресурсов, торговля, доступность финансовых услуг, экономический рост при обеспечении стабильности и продовольственной безопасности, мобилизация внутренних ресурсов и обмен знаниями [5].

Правительство Российской Федерации, во исполнение международных обязательств по Сеульскому консенсусу, последовательно проводит политику повышения доступности финансовых услуг. Например, одной из задач «Основных направлений

развития и обеспечения стабильности функционирования финансового рынка Российской Федерации на период 2016-2018 годов» является повышение доступности финансовых услуг для населения и субъектов малого и среднего предпринимательства [6].

Основными субъектами финансового рынка являются финансовые организации, существующие в виде кредитных финансовых организаций и некредитных финансовых организаций.

1. Кредитными финансовыми организациями являются банки и небанковские кредитные организации (см. О банках и банковской деятельности. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1.). Некредитными финансовыми организациями признаются участники финансового рынка, выделенные Банком России и осуществляющие ряд видов деятельности, в том числе предоставление ломбардных услуг [2].

Деятельность по предоставлению услуг ломбардов имеет глубокие исторические корни. В России первые ломбарды появились еще в 1772 г. в виде ссудной казны [1, с. 428].

В настоящее время в Российской Федерации насчитывается более 8 тыс. ломбардов. Почти половина общего числа ломбардов расположена на территориях Центрального и Сибирского федеральных округов. Наименьшее количество ломбардов в настоящее время наблюдается в Республике Крым (на 100 тыс. чел. приходится всего 2 ломбарда). Самое большое количество ломбардов – 10 ломбардов на 100 тыс. чел. – наблюдается в Сибирском и Уральском федеральных округах [6].

Таблица 1

Распределение ломбардов по федеральным округам России

Наименование федерального округа	Кол-во ломбардов на 31.03.2016, шт.	Доля в РФ, %	Все население на 01.01.2016 (тыс. чел.)	Кол-во ломбардов, приходящихся на 100 тыс. чел.
Центральный федеральный округ	2 087	25,7%	39104,3	5
Сибирский федеральный округ	1 860	22,9%	19324,0	10
Уральский федеральный округ	1 183	14,5%	12308,1	10
Приволжский федеральный округ	1 070	13,2%	29673,6	4
Южный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ	904	11,1%	23762,6	4
Северо-Западный федеральный округ	582	7,2%	13853,7	4
Дальневосточный федеральный округ	396	4,9%	6195,0	6
Республика Крым	45	0,5%	2323,4	2
Всего	8 127	100%	146544,7	6

Одной из специфик российского рынка ломбардов является наличие значительного количества недействующих организаций. Так, по состоянию на 01.03.2016, доля действующих ломбардов составляла 52% от общего количества организаций, зарегистрированных в Государственном реестре ломбардов. Остальные 48% являются недействующими, то есть не осуществляют ломбардную деятельность. Данная ситуация связана с тем, что в настоящее время отсутствует свободный доступ в Государственный реестр ломбардов. Организация, имеющая в наименовании слово «ломбард» и выбравшая код основного вида деятельности 65.22.6 ОКВЭД «Предоставление ломбардами краткосрочных кредитов под залог движимого имущества», автоматически включается в госреестр.

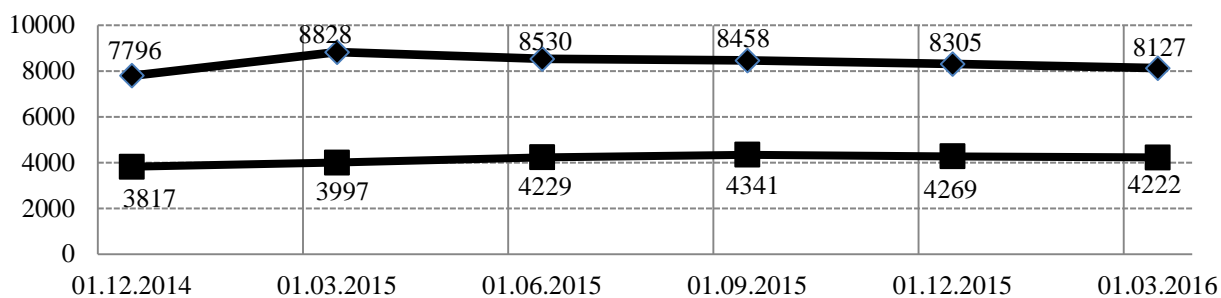

Рис. 1. ◆ количество ломбардов в реестре ■ количество действующих ломбардов

Соотношение количества действующих и недействующих ломбардов на территории Российской Федерации

Залоговым имуществом в ломбарде может выступать любое движимое имущество клиента – изделия из драгоценных металлов, часы, бытовая техника и электроника, транспортные средства, изделия из меха, антикварные изделия, велосипеды, спортивный инвентарь и другое.

За 1 квартал 2016 г. ломбардами заключено 6701,5 тыс. договоров займа, из них под залог автотранспортного средства – 9,3 тыс. договоров, под залог иного имущества 6692,2 тыс. договоров. Объем выданных займов в общем составил 47,7 млрд руб., из них займы под залог автотранспортного средства – 2 млрд руб., под залог иного имущества – 45,7 млрд руб. Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации ломбарды, принимающие в залог автотранспортные средства (так называемые автоломбарды), не получили широкого распространения. Это связано, в первую очередь, с высокими рисками и существенными затратами, возникающими при хранении заложенного имущества, так как, согласно статье 7 Федерального закона от 19.07.2007 № 196-ФЗ «О ломбардах», по условиям договора займа ломбард передает на возвратной и возмездной основе заем гражданину (физическому лицу) – заемщику, а заемщик, одновременно являющийся залогодателем, передает ломбарду имущество, являющееся предметом залога [3]. Кроме того, ломбарду необходимо иметь достаточную сумму денежных средств, чтобы выдать клиенту заем, соответствующий сумме оценки закладываемого имущества.

Автором проведено экономико-демографическое исследование потребителей услуг ломбарда, принимающего в залог изделия из драгоценных металлов и столового серебра, за 2015 г.

Итак, за 2015 г. в ломбарде совершено 564086 операций, из них 147485 (26%) операций совершено лицами мужского пола, 416601(73%) операций – лицами женского пола. Таким образом, количество операций, совершенных женщинами, в 3 раза превышает количество операций, совершенных мужчинами.

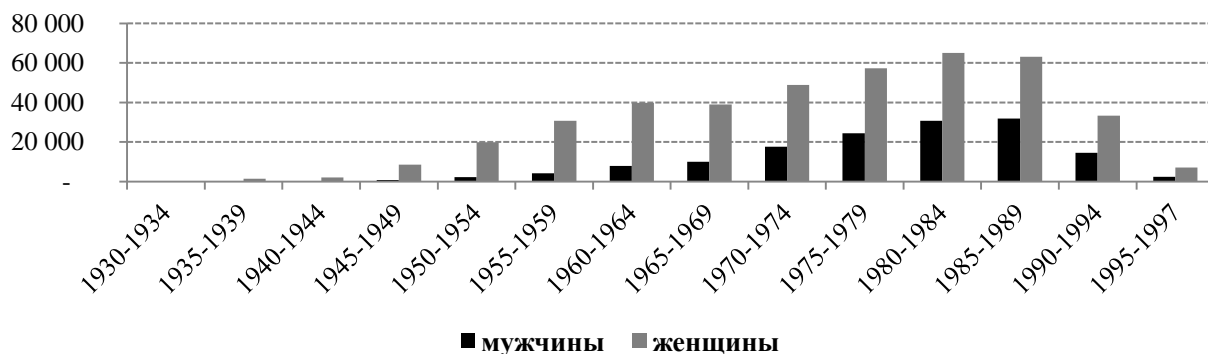

Рис. 2. Количество операций, совершенных в ломбарде лицами женского и лицами мужского пола.

Клиенты ломбарда входят в различные возрастные группы – от 1930 г.р. до 1997 г.р. Наиболее активными являются клиенты с 1989 г.р. по 1970 г.р., то есть в возрасте от 27 до 46 лет (экономически активное население). Данная категория респондентов совершила 60% от общего количества операций в 2015 г.

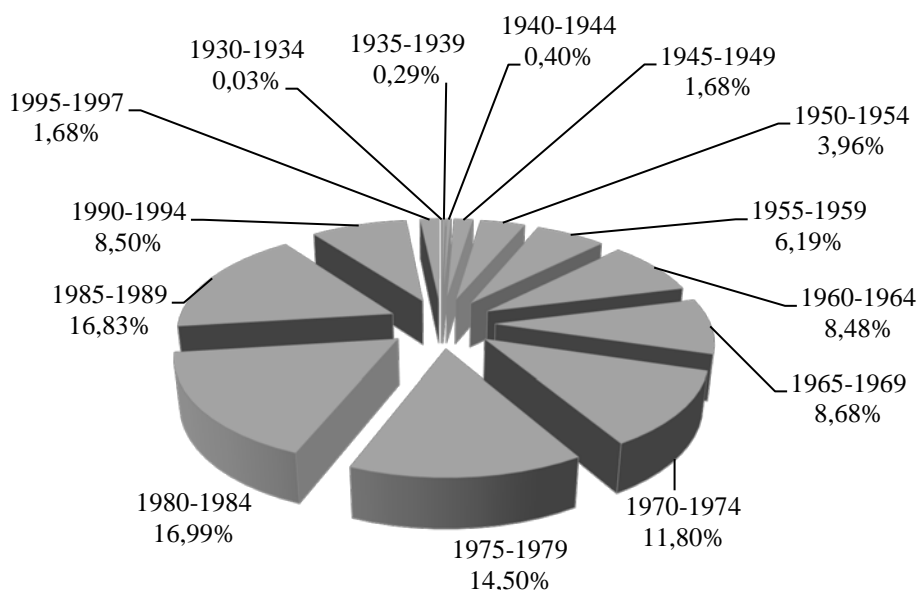

Рис. 3. Количество операций в разрезе года рождения.

Клиенты старшего возраста менее активны – 29,70% от общего числа операций. При этом большинство (27,30%) операций совершено гражданами 1969–1950 г.р., то есть в возрасте от 47 до 66 лет. Количество операций, совершенных гражданами 1997–1990 г.р. (19–26 лет), составляет 10,18%.

При рассмотрении количества операций в разрезе пола и возраста видно, что наибольшая активность наблюдается как у мужчин, так и у женщин 1980–1989 г.р. (27–36 лет). Менее активно услугами ломбарда пользуются мужчины 1970–1979 г.р. (36–45 лет). Среди женщин можно выделить группу 1930–1954 г.р. (61–85 лет), которая в меньшей степени пользуется ломбардными услугами.

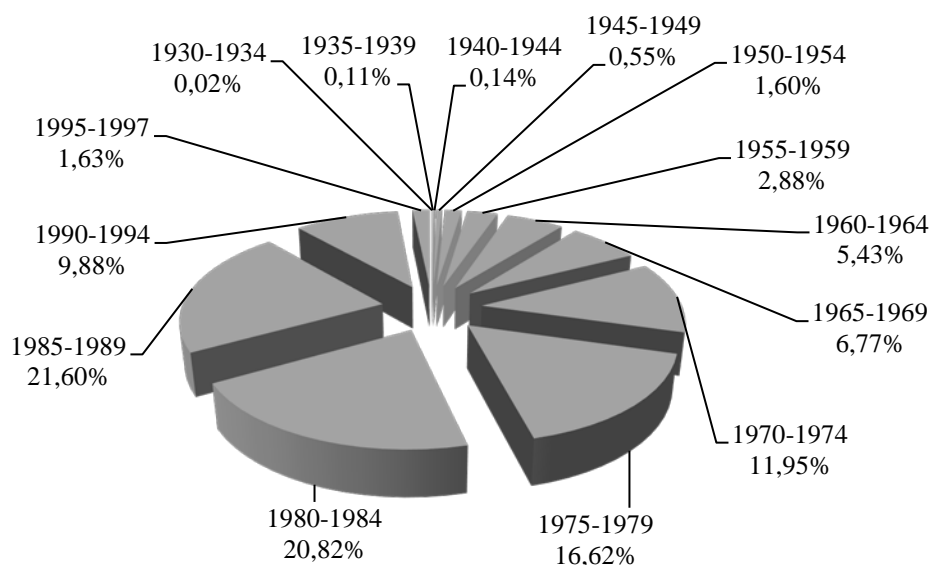

Рис. 4. Количество операций, совершенных мужчинами (распределение по возрасту).

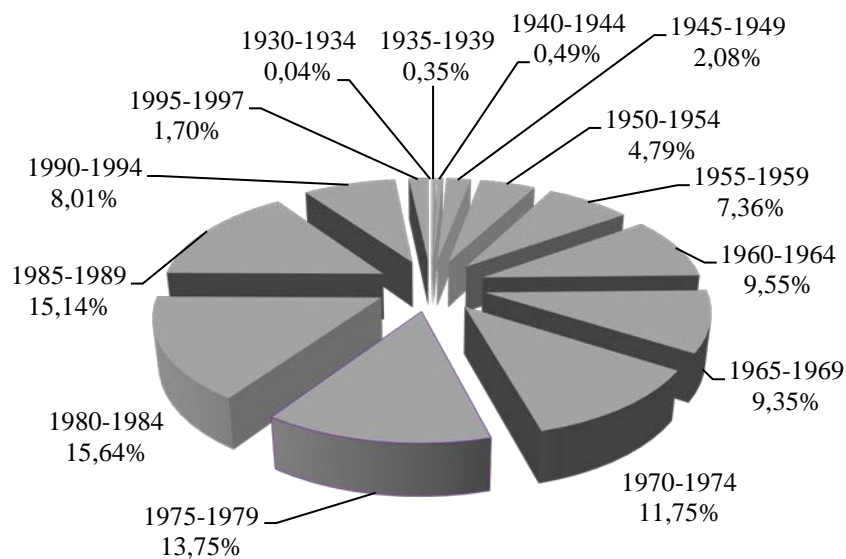

Рис. 5. Количество операций, совершенных женщинами (распределение по возрасту).

Таким образом, ломбардный рынок имеет широкое распространение в Российской Федерации. Это обусловлено спецификой ломбардной деятельности:

- минимизация риска – в случае невыкупа заложенной вещи ломбард реализует ее как невостребованную;
- доступность – заем под залог может получить любой гражданин от 18 лет;
- территориальная распространенность;
- гибкость – заложить можно практически любую вещь;
- быстрота;
- конфиденциальность – отсутствие необходимости в подтверждающих документах.

Кроме того, услуги ломбарда приобретают повышенный спрос в период нестабильной экономической ситуации.

Анализ данных показывает, что основными клиентами ломбарда являются лица женского пола в трудоспособном возрасте (экономически активное население). Возможно, данное обстоятельство связано с реализацией потребительской функции домохозяйства, выраженной в необходимости улучшения качества жизни семьи.

© Ямова М. П. Текст. 2016

Список источников

2. Исинский К. А. История ломбардов в России. На примере Пензенского городского ломбарда // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2011. – № 23. – С. 428-431.
3. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России). Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
4. О ломбардах. Федеральный закон от 19.07.2007 № 196-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Приложение I к Декларации саммита «Группы двадцати». [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/769>. (дата обращения 20.09.2016).
6. Основных направлений развития и обеспечения стабильности функционирования финансового рынка Российской Федерации на период 2016-2018 годов. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.cbr.ru/finmarkets/files/development/onrfr_2016-18.pdf. (дата обращения 20.09.2016).

7. Статистическая информация Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/ (дата обращения 20.09.2016).

Информация об авторах

Ямова Мария Павловна – аспирант Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, E-mail: TIPI@list.ru

Yamova M. P.

THE BRIEF ECONOMIC- DEMOGRAPHIC RESEARCH OF CONSUMERS OF THE PAWNSHOPS SERVICES

The modern state of the pawnshops market of Russia and the main specificities of the pawnshop activity are considered in this article. In addition, the analysis gives the brief findings of the economic-demographic research of consumers of the pawnshops services

Keywords: the pawnshop, the pawnshop activity, the consumer of the pawnshops services

Information about the author

Yamova Maria Pavlovna – aspirant of the Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, E-mail: TIPI@list.ru

3. СЕМЬЯ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

УДК:316

Р. И. Акьюлов, А.И. Зараменских

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

В данной статье рассмотрены репродуктивные установки, репродуктивное поведение молодежи, формирующие их факторы, которые влияют на демографическую ситуацию. Проанализирована статистика зарегистрированных браков и разводов в РФ в период с 2010–2013 гг. На основе результатов проведенных исследований в 2012 и 2015 гг. выявлены тенденции изменения демографического поведения молодежи в г. Екатеринбурге.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, потребность в детях, браки, рождаемость, тенденции изменения рождаемости, ценности общества, малодетные семьи, «старение браков»

В российских регионах последние два десятилетия наблюдаются глубокие качественные изменения в брачном и репродуктивном поведении, формирующие основу резко суженного воспроизводства населения. Подобные изменения, соответствующие представлениям о втором демографическом переходе, в российских условиях были ускорены радикальными преобразованиями общественной жизни, а экономический кризис придал этим процессам больше негативного содержания. Изучение процессов становления новых моделей жизнедеятельности требует взаимодействия разных наук.

Кризисные явления во всех сферах российского общества в течение 1990-х гг. не могли не затронуть современную семью и сказались на демографической ситуации. Любое исследование демографических проблем, в частности проблем снижения рождаемости, должны рассматривать их в общем социокультурном контексте тех изменений, которые происходят в обществе. Снижение репродуктивной функции семьи как ответ на социально-экономическую нестабильность коснулось, прежде всего, семей с высоким культурным уровнем и высоким уровнем ответственности, родительского долга по отношению к детям. По данным, приводимым И. В. Лаврентьевой и А. В. Илышевым, в последнее десятилетие естественная убыль населения России составляет в среднем ежегодно более 750 тыс. чел. По прогнозам после 2050 г. Россия переместится с нынешнего 7-го места в мире по численности населения на 14-е [1].

Проблема отношения к семье как к ценности в молодежной среде в связи с ухудшением демографической ситуация становится все более актуальной. Здесь также целесообразно говорить о роли молодежи в замещении старших поколений. Изменение отношения молодежи к духовным, семейным ценностям связано с политической и экономической нестабильностью и сопровождается сменой нравственных ценностей в современном мире.

В массовом сознании изменяется отношение к институту официального брака, к разводу стали относиться более спокойно. Все эти процессы оказывают огромное влияние на формирование сознания молодежи, их отношение к браку, рождаемости, что, безусловно, оказывает влияние на демографическую динамику в стране. Помимо этого, в российском обществе наблюдается изменение функций семьи, отношений в семье. Отношения между супругами, родителями и детьми становятся все более сложными.

Таблица 1

Количество зарегистрированных браков и разводов в РФ на период с 2010–2013 гг.¹

Годы	Количество зарегистрированных браков	Количество разводов
2010	1215066	639321
2011	1316011	669376
2012	1213598	644101
2013	1225501	667971
2014 ²⁾	1225985	693730

За 2003-2010 гг. показатели рассчитаны с использованием численности населения, пересчитанной с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. с Крымским Федеральным округом.

Изменение репродуктивного поведения молодежи, влияющего на демографическую динамику в стране, связано, в первую очередь, с причинами, которые оказывают влияние на отношение молодежи к рождению ребенка (или отказу от рождения ребенка). Для более полного исследования данной проблемы рассмотрим некоторые определения.

Репродуктивное поведение – поведение личности, его физическое и психологическое состояние, которое направлено на продолжение рода или его отказ [2, с. 201].

Потребность в детях – это программы репродуктивного поведения, направленные на получение различных видов репродуктивных ресурсов [3, с. 170].

Брак – это исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между женщиной и мужчиной, устанавливающая их отношения друг к другу и детям [4, с. 60; 5].

В настоящее время снижается рождаемость среди молодежи, которая обусловлена многими причинами.

Первая причина – малодетные семьи.

Вторая причина – в настоящее время происходит рост семей, в которых есть только один родитель из-за большого количества разводов.

Третья – «старение браков». Так, по сравнению с 1995 г. в 2009 г. в брак вступили на 31,5 % меньше мужчин возрастной группы от 18 до 24 лет, помимо этого, смертность среди мужчин в зависимости от возраста растет в большей степени, чем у женского пола. Значит, вступление в брак для женщин, возрастом 18-25 лет со временем становится проблематичным из-за того, что численность мужчин подходящего возраста с каждым годом уменьшается. [6, с.78]

Четвертая причина – изменившиеся ценности общества. Раньше на первом месте для женщин стояло образование семьи, продолжение своего рода, на сегодняшний момент многие девушки в приоритет ставят карьеру, образование или самореализация.

Пятая причина – падение заработной платы населения, увеличение безработицы. Так, например, в 2015 г. уровень безработицы вырос по отношению к 2014 г. (уровень регистрируемой безработицы на 01 августа 2015 г. составил 1,44 %, а на 01 августа 2014 г. – 1,18%).

Шестая причина – недостаточная помощь со стороны государства, для жителей мегаполисов материнский капитал способствует стимулированию рождаемости в очень незначительной степени.

¹ См. : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

Перейдем к анкетированию, которое проводилось в 2015 г. в УИУ РАНХиГС среди студентов репродуктивного возраста. В опросе приняло участие 30 чел., из них мужчин 46,7%, а женщин 53,3%.

Можно указать несколько основополагающих факторов, из-за которых молодежь не торопится заводить семью, детей. Во-первых, проживание с родителями на одной жилищной площади: в 2015г., большая часть (87%) студентов живет с родителями и не имеет собственного жилья. Во-вторых, только 13,3% имеют собственный доход, оставшаяся часть живет за счет родителей, что для многих студентов является основополагающим фактором, чтобы не заводить детей в настоящее время, несмотря на то, что они находятся в репродуктивном возрасте. В-третьих, выявлено, что для подавляющей части респондентов важна поддержка со стороны государства, заключающаяся в предоставлении жилья на льготных условиях, гарантированном трудоустройстве молодежи с детьми, льготным кредитованием молодых супругов с детьми. В 2015 г. 76% опрошенных были совершенно недовольны качеством предоставляемой помощи и стимулированием со стороны государства в создании семьи.

По причине перечисленных факторов молодежь, которая опрашивалась в 2015 г., а именно 63,3%, считает, что наиболее благоприятный возраст для рождения ребенка это 25-29 лет.

Главными мотивами при решении родить ребенка, по мнению респондентов, опрошенных в 2012 г., являются: увеличение семьи (30,1%), желание супруга иметь от вас ребенка (35,5%), необходимость продолжения рода (22,0%). При этом наиболее важными аспектами при выборе супруга являются: внешность (14,9%), личные качества (30,2%) и чувство любви к супругу (31,6%). В 2015 г. данные показатели изменились и включали: увеличение семьи (20,7%), желание супруга иметь ребенка (37,9%), необходимость продолжения рода (34,5%). По результатам исследования в 2015 г. отмечались следующие аспекты при выборе супруга: внешность (12,0%), личные качества (32,4%) и чувство любви к супругу (32,6%).

Опрос 2015 г. показывает, что большая часть опрошенных (76,7%) в ближайшие 5-7 лет планируют завести собственную семью. За этот период к рождению одного ребенка готовы 44,8%, но также 44,8% респондентов утверждают, что при наличии всех необходимых условий, они предпочли бы за этот период родить 2 детей.

На сегодняшний день для молодежи наиболее ценным в жизни являются семья (26,1%), здоровье (19,3%), материальный достаток, богатство (13,6%). В 2012 г. ценности распределялись на тех же позициях. Если рассматривать образ успешного брака, то у молодежи, в первую очередь, он ассоциируется с такими ценностями, как взаимная любовь (15,7%, что составляет подавляющее число ответивших), на второе место респонденты ставят согласие, лад в семье и верность друг другу (14,6%), на третьем месте располагается сексуальная гармония (12,4%), которую молодежь считает неотъемлемой и очень важной частью в жизни супружеской пары. Следует обратить внимание, что в 2012 г. успешный брак невозможен без взаимной любви, так ответили 18,4% респондентов, на второе место респонденты ставят материально благополучие – 13,4%. Заметим, что в 2015 г. молодежь не считает, что оно является основополагающим фактором, который ведет к успешному браку и ставит его лишь на 5-е место, что составляет – 7,9% ответов. То есть, можно сделать вывод, что приоритеты семейной жизни изменились, молодежь стала ценить более высоко духовную и физическую совместимость пар, нежели материальную сторону. Но можно выявить парадокс, который заключается в том, что люди откладывают создание семьи и рождение ребенка на более поздний срок из-за низкого материального обеспечения, тем самым устанавливая зависимость от денежных средств.

Можно обозначить отличительные признаки женщин, которые не хотят иметь детей:

- 1) женщина поздно вступила в брак;
- 2) разведенные женщины, то есть неудачный брак;

- 3) женщина, имеющая психологические проблемы;
- 4) женщины, в организме которых преобладают андрогены;
- 5) женщины, имеющую престижную и высокооплачиваемую работу.

Аргументация бездетных семей:

- 1) дети мешают отношениям супругов;
- 2) дети мешают социально развиваться.

Таким образом, репродуктивные установки среди молодежи затронули почти все аспекты семейных отношений и ее поведения, которые непосредственно отразились, в первую очередь, на демографической ситуации в стране (существует риск роста депопуляции, так, например, в России рождаемость сократилась по всем возрастным группам, особенно среди женщин в возрасте 40 лет и старше (на 72%). В возрасте 35-39 лет рождаемость снизилась на 63%, в возрасте 30-34 лет – на 51%, в возрасте 25-29 лет – на 40%, в возрасте 20-24 лет – на 34%, в возрасте 15-19 лет – на 27%) [8].

Изменение репродуктивных установок также приводит и к другим эффектам: ухудшение здоровья (вследствие абортов), увеличение количества разводов, увеличение количества неполных семей с одним родителем. Для многих одиночество становится стилем жизни.

Таким образом, в современном обществе можно наблюдать снижение ценности семьи среди молодежи. Данное явление обусловлено, в первую очередь, трансформацией соотношения экономических и нравственно-духовных ценностей молодых людей в потребительском обществе, что отражается и на демографическом поведении населения в репродуктивном возрасте. В современном мире решение о рождении детей связано в большей степени с внешними мотивами, а не с внутренней потребностью. Главными причинами низкой рождаемости в России являются изменения, которые происходят в системе жизненных ценностей людей, в первую очередь, женщин в репродуктивном возрасте, которые ведут к невыполнению институтом семьи основных функций.

© Акьюлов Р. И., Зараменских А. И. Текст. 2016.

Список источников

1. Антонов А. В. Демографическое будущее России. Депопуляция навсегда? // Социологические исследования. – 1999. – № 3.
2. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. – М. : Изд-во МГУ; Изд-во Международного университета бизнеса и управления «Братья Карич», 1996. – 304 с.
3. Ильясов Ф. Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение // Мониторинг общественного мнения. – 2013. – №1.
4. Большая советская энциклопедия / Под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1970. –Т. 3.
5. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф.Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В.Г. Панов. – М. : Советская энциклопедия, 1983.
6. Демографический ежегодник России. – М., 2012.
7. Шнейдер Л. Б. Семья. Оглядываясь вперед. – СПб. : Питер, 2013.
8. Статистика. RU портал статистических данных [Электронный ресурс] URL: http://statistika.ru/zdr/2010/04/21/zdr_16418.html?curPos=30 (дата обращения 26.04.16)

Информация об авторах

1. Зараменских Ангелина Игоревна (Россия, Екатеринбург) – студентка III курса факультета «Экономики и Менеджмента» УИУ РАНХиГС(г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66 E-mail: zaramenskih.tanya@mail.ru).

2. Акьюлов Роберт Ишкалеевич (Россия, Екатеринбург) – доктор экономических наук, профессор УИУ РАНХиГС (г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66 E-mail: akyulov_ri@mail.ru).

Akyulov R.I., Zaramenskikh A. I.

THE REPRODUCTIVE PLANTS OF YOUTH AS A FACTOR OF DEMOGRAPHIC DYNAMICS.

In this article examined the reproductive attitudes of youth and the causes of this behavior influencing the demographic dynamics. Revealed the quantity of registered marriages and divorces in the Russian Federation in the period of 2010-2013 years. Also as a result of research in 2012 and 2015 years identified trends of behavior with regards to family relationships.

Keywords: reproductive behavior, the need in children, marriages, births, trends of birthrate, values of society, having a small family, "the aging of marriage."

Information about authors

1. Zaramenskikh Angelina Igorevna , the student of the third course of faculty "Economics and Management", Ural Institute of management - branch of Russian presidential Academy of national economy and public administration (Ekaterinburg, 8 Marta str. 66).

2. Akyulov Robert Ishkaleevich, the doctor of economics, professor of Ural Institute of management - branch of Russian presidential Academy of national economy and public administration (Ekaterinburg, 8 Marta str. 66).

УДК 314.545 (076.3)

А.С. Барашкова, Е.С. Стручкова

ГРАЖДАНСКИЙ БРАК В ЯКУТИИ: МНЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

Выявлен рост числа гражданских браков в Якутии. Показано отношение социума к гражданским бракам. По материалам обследования представлены мнения студенческой молодежи о причинах распространения гражданских браков. Дифференцирующим признаком выступает возраст, год обучения и место рождения.

Ключевые слова: гражданский брак, опрос, студенческая молодежь, причины предпочтения.

Одним из социальных вызовов современности, имеющих влияние на перспективы развития института семьи, является свобода отношений мужчины и женщины, затрагивающая основу общества – семью и такой социальный институт, как брак [2, 5, 6]. Актуальность этого вопроса возрастает особенно для молодежи, стоящей на пороге взрослой жизни. Как определиться в этом полном соблазнов мире, где все более возобладает либеральный взгляд на брак? Супружество сейчас не обязательно предполагает совместное проживание, а последнее возможно без заключения брака. Сожительства, свободные союзы, пробные браки становятся статистически значимой альтернативой официальной семье, основанной на зарегистрированном браке, и, по сути,

* Доклад подготовлен в рамках выполнения проекта по заданию Министерства образования и науки Российской Федерации (№ 01201460077).

являются выражением свободного выбора предпочитаемой модели матримониального поведения населения. В результате брак, этот общественный институт, некогда подвергавшийся весьма строгому социальному контролю и правовому регулированию, все чаще вытесняется формой свободного союза. Какую модель семейной жизни выберет молодое поколение – вопрос, интересующий специалистов в сфере брачно-семейных отношений. Тем более, что в условиях открытого информационного пространства проникновение либеральных воззрений на брак не зависит от территории проживания.

В Республике Саха (Якутия), по данным последней переписи населения, 17,8% от числа состоявших в браке указали, что живут в незарегистрированном браке. Это выше, чем по РФ в среднем (13,3%). В гражданском браке чаще пребывают городские жители: 19,2% против 15,2% в сельской местности. Выбор формы гражданского брака в республике может определяться и наличием потенциальных брачных партнеров. Наблюдаемая в 1970-е и 1980-е гг. в селах Западной Сибири ситуация дефицита невест [7, с. 52], отчасти характерна и для нашей республики [8, р. 81]. Здесь скорее можно говорить о потенциальной опасности дефицита невест среди 15-19- и 20-24-летних в сельской местности.

Как и прежде, до половины всех гражданских браков Якутии зафиксированы всего в трех точках: города Якутск, Нерюнгри с подчиненными поселениями, Мирнинский район. Среди районов с максимальными значениями рассматриваемого показателя выделяются районы, формирующие свое население за счет внешних мигрантов, то есть территорий, в которых население реализует свою свободу не только в выборе формы брака, но и в части выбора места проживания. В районах аграрного уклада, где в целом до сих пор сохранены традиционные представления о нормах брачного поведения, в гражданском браке живет менее 7,5% населения.

Соответственно, формируется и отношение социума к свободным союзам. Как показывают обследования, проведенные в Якутии, самыми лояльными в этом вопросе оказались столичные жители [3, с. 142-143]. Среди доводов одобрительного отношения к гражданским бракам приводятся истинность чувств, обоюдное доверие, легкость расторжения союза, возможность для молодежи проверить себя. Выбор гражданского брака в качестве формы семейных отношений предпочтителен в случае повторного брака. Сравнительно терпимы к незарегистрированным брачным союзам жители промышленного и транспортно-промышленного района. Жители аграрно-промышленного и аграрного (северного) района придерживаются скорее традиционного подхода к институту брака. Самыми непреклонными противниками свободных отношений оказались жители центрального аграрного района, и, вероятнее всего, представители старшего поколения. Причины гражданских браков, по их мнению, часто кроются в общей неподготовленности к браку или следовании некоей моде. Вместе с тем независимо от места проживания респонденты не желали бы, чтобы их собственный ребенок имел такую семью.

А какого мнения придерживается молодежь? Ответ на поставленный вопрос обнаруживаем в материалах опроса, проведенного среди студентов Якутского финансово-экономического колледжа в январе-феврале 2015 г. Методом индивидуального раздаточного анкетирования были опрошены студенты первого-третьего курсов, обучающиеся на базе неполного и полного среднего образования (N = 250). В ходе опроса было выяснено отношение нашей целевой группы к гражданскому браку. Эту форму брака в будущем, возможно, выбрали бы 6,5% участников обследования. Однако практически все участники опроса рассуждают о причинах его привлекательности (табл. 1). Гражданский брак, по их мнению, дает возможность проверить друг друга (24,5%), испытать себя в браке (11,5%). Почти каждый пятый считает, что гражданский брак позволяет «набраться опыта». Некоторые с этой формой брака связывают свободу отношений, возможность спокойно разорвать отношения, сохранить независимость (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Чем привлекателен гражданский брак?» в зависимости от возраста респондентов, % от числа респондентов данного возраста (по материалам опроса «Представления студенческой молодежи о современных формах брака»)

Варианты ответов	Возраст респондентов, лет						В среднем по выборке
	16 и моложе	17	18	19	20	21	
Желание набраться опыта	16,1	16,2	17,1	29,0	13,3		17,5
Свобода отношений	22,6	21,6	10,5	3,2	13,3		13,0
модно среди молодежи		2,7					0,5
Возможность проверить себя	3,2		19,7	9,7	20,0	20,0	11,5
Возможность проверить друг друга	25,8	16,2	25,0	22,6	46,7		24,5
Сохранение своей независимости	6,5	5,4	2,6	9,7		20,0	5,0
Можно спокойно разорвать отношения	3,2	8,1	2,6	6,5	6,7		4,5
Прочные узы не для меня	3,2	10,8	3,9	3,2		20	6,0

Примечание: Здесь и далее используются материалы указанного обследования.

Итак, преобладает мнение, что гражданский союз в современных условиях вполне приемлемая или допустимая форма отношений. Подобное распределение мнений характерно и для более старшей возрастной группы, о чем можно судить по материалам обследований, проведенных в Республике Саха (Якутия) [1, с. 47-48] и *инициативного всероссийского опроса ВЦИОМ* [4]. Свободный союз, зачастую временный, все чаще признается молодежью как возможная форма организации личной жизни в определенных случаях. Характер выбора тех или иных доводов привлекательности гражданского брака меняется в зависимости от возраста респондентов, о чем свидетельствуют данные таблицы 1. Следует отметить, что разброс мнений определяется, видимо тем, что самые юные студенты еще не имеют четкой позиции по рассматриваемому вопросу, а у 20-21-летних уже есть определенные приоритеты.

Распространение гражданских браков респонденты чаще всего связывают с неуверенностью в брачном партнере (табл. 2). Возможно, здесь проявляется и собственная нерешительность или нежелание прикладывать усилия при выборе спутника жизни. Чувство тревоги за будущую судьбу также оказывает влияние на мнения опрошенных. Век активного проникновения либеральных воззрений, в том числе в сферу брачно-семейных отношений, зачастую сопровождается псевдопониманием понятия «свобода». Это явление, по мнению респондентов, и способствует кратковременным необязательным союзам мужчин и женщин. Среди причин распространения гражданских браков не последнее место занимает ослабление социального контроля, подсказкой воспользовались 14,1% девушек и 16,3% юношей. В отличие от ответов на предыдущий вопрос, в данном случае не обнаруживаем значимой разницы частоты выбора той или иной причины в зависимости от возраста студентов.

Таблица 2

Распределение мнений о причинах распространения гражданских браков в зависимости от места рождения респондентов, в % от числа респондентов данного места рождения

Вариант ответа	Юноши, родившиеся в			Девушки, родившиеся в		
	городе	селе	все	городе	селе	все
Ослабление социального контроля	20	12,5	16,3	22,0	8,6	14,1
Так принято в странах	16	4,2	10,2	2,4	1,7	2,0

либеральной						
Тревожность неуверенность	20	8,3	14,3	12,2	26,7	20,7
Неуверенность в партнере	16	29,2	22,4	29,3	32,8	31,3
Не то восприятие понятия «свобода»	16	29,2	22,4	25,6	13,8	18,7
Другое	12	16,7	14,3	8,5	16,4	13,1

Различия взглядов определяются скорее годом обучения в колледже, временем проживания в городе. Так, к окончанию обучения у студентов независимо от места рождения усиливается значение такого довода, как неуверенность в партнере. Эту позицию указывают 26,1% студентов первого курса, родившихся в городских поселениях и 29,1% родившихся в сельской местности. К третьему курсу подобного мнения придерживаются 66,7 и 57,1% соответственно.

Предложенный подход применим также для определения возможных тенденций изменения отношения молодежи к причинам распространения гражданских браков (табл. 3). Разница частоты выбора тех или иных причин первокурсниками и третьекурсниками показывает направление их будущего изменения (плюс или минус) и масштаб возможных перемен.

Таблица 3

Возможные тенденции и масштабы изменения отношения к причинам распространения гражданских браков

Вариант ответа	Город	Село	Всего
Ослабление социального контроля	+11,6	-10,5	-5,5
Тревожность, неуверенность в завтрашнем дне	-14,5	-17,1	-13,9
Неуверенность в партнере	+40,6	+28,1	+32,3
Не то понимание понятия «свобода»	-26,1	+3,8	-7,4

Итак, что ожидается? Помимо возрастания неуверенности в партнере, вероятно, произойдет дальнейшее ослабление социального контроля и, прежде всего, в городских поселениях. Наряду с этим, по мнению студентов-горожан, трансформируется восприятие понятия «свобода», что говорит о последующем раскрепощении личности. Иначе говоря, на фоне нисходящего социального контроля нынешняя молодежь в своем будущем брачном поведении вполне может пойти по пути приобретения жизненного опыта, сценарий и последствия которого неведомы и могут принять самый нежелательный для общества характер. Результаты позволяют сделать вывод, что формы брака отличаются по своей направленности. Официальный брак нацелен на семью, детей, гражданский – только на индивида. В условиях коренного пересмотра системы ценностей, утраты многих скреп [5] традиционной семьи, видимо, это противостояние усилится. Это ли не вызов времени и важнейший фактор, влияющий на перспективы развития института семьи?

В заключение следует отметить достаточно высокий уровень информированности студентов по теме анкетирования и серьезное отношение к созданию семьи. По многим позициям, независимо от возраста и года обучения прослеживается схожесть мнений. В отдельных случаях дифференцирующими признаками выступают место рождения и срок проживания в городе, поскольку многие студенты – выходцы из сельской местности, в настоящее время живут отдельно от семьи, практически реализуют себя в самостоятельной жизни. Вместе с тем, судя по полученным данным, современная сельская молодежь достаточно быстро адаптируется к городской жизни. Об этом мы можем судить по отсутствию ощутимых различий взглядов на гражданский брак у студентов, родившихся в городе и в селе.

Список источников

1. Барашкова А. С. Северная семья: демографический и социально-экономический аспекты. – Новосибирск: Наука, 2009. – 159 с.
2. Богданова Л. П., Щукина А. С. Гражданский брак в современной демографической ситуации // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 100-104.
3. Будущее Республики Саха (Якутия) / Сукнева С. А., Барашкова А.С., Ефимов В.С., Лаптева А. В., Михайлова Е. И., Мостахова Т. С., Туманова Д. В.; в 5 кн. – Кн. 2. Процессы демографического воспроизводства и задачи социально-демографической политики. – Якутск : Издательский дом Северо-восточного федерального университета, 2015. – 220 с.
4. Главное в жизни. Семья, дети и здоровье [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0629/opros02.php>.
5. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 28-36.
6. Мареева С.В. Динамика норм и ценностей россиян // Социологические исследования, 2013, № 7. – С. 120-130.
7. Михеева А. Р. Сожительства в сибирской деревне. Опыт ретроспективного анализа // Семья в России. – 1996. – №2. – С. 48-64.
8. Sukneva S. A., Barashkova A. S. Demographic development and marital status of the population of the Russian Northeast, 1990–2011 // Sibirica. – 2014. – Vol. 13. – No 2, (summer). – P. 62-92.

Информация об авторах

1. Барашкова Анастасия Спиридоновна. Россия, г. Якутск – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник НИИ региональной экономики Севера Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова asbarashkova52@mail.ru
2. Стручкова Екатерина Спиридоновна. Россия, г. Якутск — преподаватель, Якутский финансово-экономический колледж – филиал финансового университета Правительства Российской Федерации struchkovae@inbox.ru

Barashkova A.S., Struchkova E.S.

CIVIL MARRIAGE IN YAKUTIA: OPINIONS OF STUDENTS

It revealed the growing number of civil marriages in Yakutia. Displaying attitude of society to civil marriages. According to the survey presents the opinions of students about the causes of the spread of civil marriages. Differentiating feature acts age, year of study and place of birth.

Keywords: Civil marriage, the survey, students, reasons for preference

Information about authors

1. Barashkova Anastasia Spiridonovna, Russia, Yakutsk, PhD, Leading Researcher Research Institute of regional economy of the North North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, asbarashkova52@mail.ru
2. Struchkova Ekaterina Spiridonovna, Russia, Yakutsk, lecturer, Yakut Finance and Economics College - a branch of the University of Finance of the Russian Federation, struchkovae@inbox.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ С ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ*

В работе раскрывается взаимосвязь одного из компонентов уровня жизни населения – финансового поведения – и демографических процессов. Выводы основаны на результатах экономико-математического моделирования и данных социологических опросов населения.

Ключевые слова: *рождаемость, семейное положение, старение населения, финансовое поведение, финансовая грамотность*

В начале 2000-х гг. в демографической ситуации России обозначились позитивные изменения: менее острыми стали такие проблемы, как высокая смертность населения и низкий уровень рождаемости. Но, несмотря на положительную динамику некоторых количественных характеристик, наличие таких процессов, как постарение населения, распространение социально значимых заболеваний, увеличение демографической нагрузки пожилыми на граждан трудоспособного возраста и др. свидетельствует о том, что современная Россия, как и ведущие развитые страны мира, находится во втором состоянии демографического кризиса [7].

Одним из негативных качественных преобразований в структуре российского населения, по мнению Л.Л. Рыбаковского, выступает изменение численности репродуктивных контингентов, проявляющееся в сокращении численности женщин репродуктивного возраста, «постарении» возрастной модели рождаемости, что, в свою очередь, приводит к старению брачности и материнства, снижению репродуктивных установок, сокращению детности [11]. Наряду с благоприятной динамикой по показателю заключения браков, обозначились тенденции увеличения среднего возраста вступления в брак (как среди мужчин, так и среди женщин) и роста числа незарегистрированных браков. Одновременно за последние 10 лет (2000–2012 гг.) вырос средний возраст материнства – с 25,8 до 27,9 лет [7]. В результате суммарный коэффициент рождаемости в России, несмотря на позитивную тенденцию роста, наблюдаемую на протяжении 2000-х гг., составляет лишь 1,7 (в Вологодской области – 1,85), тогда как для поддержания простого воспроизводства населения его уровень должен составлять для России как минимум 2,11 [7, 9].

Серьезной проблемой в демографическом поведении является и сокращение числа рождений (фактических, планируемых, желаемых). Как отмечает А. И. Татаркин, даже обеспеченные семьи, несмотря ни на какие дополнительные материальные предпочтения, не собираются заводить несколько детей, а молодежь в возрасте от 18 до 34 лет подтверждает, что чем выше уровень доходов, тем меньше рождаемость, тем дальше откладывается рождение ребенка [12]. Исследования, проводимые в Вологодской области, также свидетельствуют о распространении малодетных репродуктивных установок. Среднее планируемое число детей увеличилось с 1,77 в 2005 г. до 1,86 в 2008 и 2011 гг., однако в 2014 г. зафиксировано снижение данного показателя до 1,81, что, вероятно, связано с «затуханием» эффекта введенных в 2006–2012 гг. мер демографической политики [5]. Сокращается и желаемое число детей (с 2,2 в 2005 г. до 2,02 в 2014 г.).

Одной из самых насущных проблем семей с детьми является повышенный риск попадания в число бедных. В настоящее время появление даже первого ребенка в семье

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Факторы и мотивы экономического поведения населения (на материалах Вологодской области)» №16-02-00276.

повышает риск бедности, а многодетность делает ее бедной в подавляющем числе случаев [4]. Данные выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств [3] показывают, что в России за 2009–2013 гг. на 9 % увеличилась доля малоимущих семей с детьми в общей численности малоимущих домашних хозяйств. В 2013 г. в среднем по стране именно семьи с детьми в возрасте до 16 лет составляли наибольшую долю малоимущих домашних хозяйств (64%). В Вологодской области среди всех малоимущих семьи с детьми до 16 лет составляют 55%¹. Также сохраняется тенденция увеличения имущественного разрыва между однодетными и многодетными семьями [6].

Однако россияне осознают, что для сохранения существующего – достаточно благополучного – положения, привычного образа жизни, частью которого является и демографическая ситуация, уровень рождаемости должен быть выше, население должно воспроизводить себя, свою численность и структуру. Среди ведущих факторов, необходимых для распространения многодетности, традиционно первые места занимают решение жилищной проблемы, повышение уровня жизни, существенная поддержка от государства [5].

Поэтому совершенно неудивительно, что среди причин снижения рождаемости лидируют плохие материальные и жилищные условия (по данным опросов в Вологодской области 68% в 2005 г., 71% в 2014 г.), а также факторы экономического благополучия, связанные с низкой уверенностью в будущем (нестабильное экономическое положение – 44 и 46%, риск остаться без работы – 16 и 34% соответственно). На наш взгляд, проблема здесь кроется не только в низких доходах, но и в неумении рационально и эффективно ими распоряжаться и создавать «страховой резервный фонд», то есть в невысоком уровне финансовой грамотности. А поскольку отражением финансовой грамотности выступает финансовое поведение индивидов, их семей, пробелы в финансовых знаниях и навыках сказываются на принимаемых решениях относительно сбережений, кредитов, страхования, которые могут приниматься без должного финансового планирования, учета материальных возможностей и, следовательно, могут усугубить и без того шаткое материальное благополучие семей, особенно с детьми.

Результаты проведенной нами факторной оценки взаимосвязи финансового поведения населения с показателями регионального развития подтверждают данный тезис. Для анализа было выбрано четыре группы факторов: 1) *факторы социально-экономического развития* (ВРП на душу населения, инвестиции в основной капитал на душу населения, уровень зарегистрированной безработицы, обороты розничной торговли, ИПЦ); 2) *демографические факторы* (ОПЖ, удельный вес трудоспособного населения, коэффициент демографической нагрузки, коэффициент рождаемости); 3) *факторы уровня жизни* (среднедушевой доход, потребительские расходы на душу, показатель доступности жилья); 4) *фактор объективной обеспеченности населения финансовыми учреждениями* (число действующих кредитных организаций и их филиалов, приходящихся на одного человека).

В некотором приближении *отобранные демографические показатели* позволяют отследить влияние изменений в демографическом статусе населения на его финансовое поведение. Поскольку важной причиной резкого падения уровня дохода является выход на пенсию, то наиболее распространенным мотивом долгосрочных сбережений выступает мотив сбережений на старость [8]. Оценить влияние данного мотива на финансовую активность можно, используя такие статистические показатели, как ожидаемая продолжительность жизни, удельный вес трудоспособного населения и общий коэффициент демографической нагрузки. Для оценки бремени трудящегося населения по содержанию пожилых людей используется коэффициент демографической нагрузки. Его рост можно рассматривать одновременно как причину сужения сберегательных возможностей работоспособного населения и как стимул для развития мотивационных

¹ О положении детей Вологодской области в возрасте до 16 лет в 2010 году: стат. бюллетень / Вологдастат. Вологда, 2011. 17 с.

установок для сбережений на старость, на лечение. Изменяет финансовое поведение семей и появление ребенка, которое выступает одновременно и стимулом для формирования стратегических (долгосрочных) сбережений (на образование детей, на первоначальный взнос для приобретения жилья, на лечение и отдых), и ограничением для вариативного использования свободных денежных средств. Для оценки влияния этого фактора нами используется общий коэффициент рождаемости, так как он наиболее точно измеряет уровень рождений.

В анализе используется линейная по параметрам и по переменным множественная регрессионная модель. На основе данных по 80 субъектам РФ за 2013 г. были построены экономико-математические модели финансового поведения – две модели, описывающие сберегательное и кредитное поведение населения:

1) *регрессионная модель сберегательного поведения*

$$y_1 = -14,099 + 3,933x_{13} - 3,653x_9 + 0,006x_{10},$$

где y_1 – вклады физических лиц на душу населения; x_{13} – число кредитных организаций и филиалов (ед. на 100 тыс. чел.), x_9 – коэффициент рождаемости; x_{10} – среднедушевые денежные доходы населения (руб.);

2) *регрессионная модель кредитного поведения*

$$y_2 = 284,311 + 0,028x_1 - 2,887x_6 + 0,001 x_{11} - 0,070x_8 ,$$

где y_2 – задолженность физических лиц по кредитам на душу населения; x_1 – ВРП на душу населения (тыс. руб.); x_6 – ОПЖ (лет); x_{11} – потребительские расходы на душу населения (руб.); x_8 – коэффициент демографической нагрузки.

Как видно из полученной модели сберегательного поведения, между вкладами физических лиц и коэффициентом рождаемости наблюдается обратная связь. Возможно, в данном случае свое влияние оказывает феномен, о котором неоднократно говорила Н. М. Римащевская, – феномен «детской бедности» как фактор, воздействующий на уровень материальной обеспеченности семьи [10]. Появившийся дополнительный член семьи существенно снижает уровень душевого дохода домохозяйства, а значит, сужает рамки использования имеющихся денежных средств.

Построенная модель кредитного поведения показывает, что высокая демографическая нагрузка закономерным образом ограничивает кредитные практики населения, поскольку чем больше граждан всех нерабочих возрастов, тем выше бремя трудящегося населения по их содержанию, а значит меньше не только возможности платить по кредитам, но и откладывать накопления. Интересной представляется взаимосвязь задолженности по кредитам с ОПЖ. Ее можно трактовать двояко: с одной стороны, если в регионе низкая ожидаемая продолжительность жизни, то многие люди, скорее всего, стремятся жить «здесь и сейчас, не откладывая на потом», активно расходуют средства (в том числе и заемные), чтобы обустроить свою жизнь. С другой стороны, можно предположить, что в тех регионах, где высока задолженность по кредитам, людям приходится больше работать, больше нагружать себя (физически и психологически), что закономерным образом сказывается на состоянии здоровья и ОПЖ.

Полученные результаты подтвердили, что в современных российских условиях работают факторы «детской бедности» и иждивенческой нагрузки нетрудоспособным населением. Они снижают материальные возможности семей и тем самым ограничивают масштабы их финансовых действий.

Основываясь на базе данных многолетнего социологического исследования финансового поведения населения Вологодской области, с учетом положений гипотезы жизненного цикла (Андо и Модильяни, 1963; Модильяни и Брумберг, 1954), развивающих её исследований (Сео и Лим, 1984; Чо, 1984; Энгель, Блеквелл и Миниярд, 1995; Ксяо, 1996 и др.) и выявленных закономерностей влияния демографических параметров на финансовое поведение [1] была разработана и апробирована *методика демографической типологии домохозяйств*. Типологизация производилась по трем демографическим характеристикам – возрастной критерий (молодой, средний, пенсионный возраст),

критерий детности (наличие / отсутствие несовершеннолетних детей), критерий семейного положения (одинокое / состоящие в браке). В итоге выделено 10 демографических групп населения: ДХ1 – «молодые семейные бездетные», ДХ2 – «молодые одинокие бездетные», ДХ6 – «молодые семейные с детьми», ДХ7 – «молодые одинокие с детьми»; ДХ3 – «зрелые семейные бездетные», ДХ4 – «зрелые одинокие бездетные», ДХ8 – «зрелые семейные с детьми», ДХ9 – «зрелые одинокие с детьми»; ДХ5 – «домохозяйства пенсионеров без детей», ДХ10 – «домохозяйства пенсионеров с детьми».

Анализ финансового поведения выделенных групп показал, что с появлением детей смещается вектор финансовых действий от сбережений к более активному использованию кредитных средств (табл.). В «зрелых домохозяйствах» (ДХ3 и ДХ4, ДХ8 и ДХ9) среди бездетных домохозяйств выше доля сберегателей, среди имеющих детей – выше доля заемщиков, причем у состоящих в браке чисто кредитная активность выше, чем у одиноких (27% против 20%). Для «молодых домохозяйств» решающее значение имеют и критерий детности, и семейное положение. У одиноких молодых и сберегательная, и кредитная (в особенности она) активность ниже, нежели чем у семейных молодых. Финансовая пассивность семейных «молодых домохозяйств» сохраняется (не зависит от наличия детей), ранее накопленные средства перераспределяются на погашение кредитов. Вариативность финансового поведения одиноких молодых домохозяйств сужается при появлении у них детей (то есть повышается финансовая пассивность).

В старшем возрасте активно сберегаются денежные средства, причем наличие ребенка (чаще всего это внуки, совместно проживающие с бабушками / дедушками) повышает сберегательную активность. Критерий детности оказывает решающее влияние на текущую кредитную активность данных домохозяйств – без детей только у 7,4% есть кредиты, с детьми уже у 23,5%. В целом наличие детей повышает вариативность поведения «домохозяйств пенсионеров» (ДХ5 и ДХ10).

Таблица

Финансовое поведение групп населения, дифференцированных по демографическим переменным

Финансовое поведение		ДХ1	ДХ2	ДХ3	ДХ4	ДХ5	ДХ6	ДХ7	ДХ8	ДХ9	ДХ10
		до 30 лет, в браке, нет детей	до 30 лет, одинокие, нет детей	30...55(60) лет, в браке, нет детей	30...55(60), одинокие, нет детей	старше 55(60) лет, нет детей	до 30 лет, в браке, 1 и более н/л детей	до 30 лет, одинокие, 1 и более н/л детей	30...55(60) лет, в браке, 1 и более н/л детей	30...55(60), одинокие, 1 и более н/л детей	старше 55(60) лет, 1 и более н/л детей
		Доля домохозяйства в выборке									
		4,4	8,4	14,2	8,6	25,3	7,1	2,0	23,0	3,7	3,4
Наличие сбережений	Есть	24,2	22,4	22,3	21,7	32,3	18,9	10,0	14,2	16,4	47,1
	Нет	75,8	77,6	77,7	78,3	67,7	81,1	90,0	85,8	83,6	52,9
Наличие кредита	Да	33,3	27,2	17,5	17,1	7,4	42,5	16,7	31,6	27,3	23,5
	Нет	66,7	72,8	82,5	82,9	92,6	57,5	83,3	68,4	72,7	76,5
Финансовая активность (100% в столбце)											
Есть сбережения, оформлен кредит		6,1	6,4	3,8	2,3	1,6	11,3	3,3	4,6	7,3	7,8
Есть сбережения, кредитов нет		18,2	16,0	18,5	19,4	30,7	7,5	6,7	9,6	9,1	39,2
Нет сбережений, оформлен кредит		27,3	20,8	13,3	14,7	5,8	31,1	13,3	27,0	20,0	15,7
Нет сбережений, кредитов нет		48,5	56,8	64,5	63,6	61,9	50,0	76,7	58,8	63,6	37,3

Критерий детности оказывает существенное влияние на финансовое поведение и финансовую грамотность населения. Так, например, изменяются приоритеты в распоряжении денежными средствами: домохозяйства с детьми уходят в траты, формируя сбережения по остаточному принципу, тогда как бездетные группы населения стремятся прежде всего отложить деньги про запас. Изменяется и тактика ведения семейного бюджета – и дети, и брак заставляют людей более строго относиться к учету (в том числе письменному) доходов и расходов. Появление детей также заставляет взрослых чаще задумываться о будущем и строить финансовые планы.

Однако наблюдаются и негативные закономерности. В группах с детьми сокращается частота откладывания средств на сбережения; падает кредитная дисциплина и возрастает вероятность просрочки ежемесячного платежа, особенно среди молодых групп.

В целом финансовое поведение выделенных групп характеризуется однородностью и малой вариабельностью, а самооценки финансовой грамотности достаточно схожи (большая доля ответов приходится на варианты удовлетворительные и неудовлетворительные знания и навыки), то есть проблема низкой финансовой грамотности актуальна для всех выделенных групп, а следовательно, актуальны и вопросы повышения вариативного и грамотного финансового поведения. Низкий уровень грамотности закономерным образом ограничивает финансовое поведение и возможные маневры с имеющимися денежными средствами. Например, в случае молодой семьи не позволяет сформировать достаточный объем сбережений и облегчить жизнь при появлении ребенка, заставляя прибегать к помощи заемных средств, что повышает нагрузку на бюджет семьи и при неадекватной оценке материальных возможностей может стать причиной материальных затруднений и привести к принятию решения о меньшем количестве детей или полном отказе от них.

Выходит, что поддержка семьи для государства не только вопрос демографической безопасности, но и способ поддержки финансовой, а значит, и потребительской активности и экономики в целом [2]. При этом, наряду с мерами демографической политики и мероприятиями по повышению уровня жизни, должна осуществляться работа по повышению уровня финансовой грамотности населения (например, в рамках Национальной стратегии и соответствующих региональных программ).

© Белехова Г. В. Текст. 2016.

Список источников

1. Белехова Г. В. Социально-демографические особенности финансового поведения населения // Проблемы развития территории. – 2015. – № 1 (75). – С. 100-115.
2. Глушенкова М. Холостые набирают ход // Коммерсант-Деньги. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2353222>
3. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в РФ. 2012 год / Министерство труда и социальной защиты РФ. – М., 2013. – 464 с.
4. Законодательное обеспечение государственной политики поддержки многодетных семей. Аналитический обзор.– М., 2010. – (Социальная политика) [Электронный ресурс]. URL : <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4691/16760>
5. Калачикова О. Н., Гордиевская А. Н. Репродуктивное поведение населения: опыт многолетнего мониторинга // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 9 (19). [Электронный ресурс]. URL: <http://vtr.vscc.ac.ru/article/1443>
6. Кондакова Н. А. Современная социальная поддержка семей с детьми // Проблемы развития территории. – 2015. – № 3 (77). – С. 72-87.

7. Короленко А. В. Современный демографический кризис в России. Причины и проявления // Молодые ученые – экономике. Сб. работ молодежной научной школы. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – Вып. 15. – С. 49-76.

8. Кузина О. Е. Социология финансового поведения населения. Курс лекций [Электронный ресурс]. URL: http://soc.hse.ru/ecsoc/fin_behaviour/presentation

9. Практическая демография / под ред. Л. Л. Рыбаковского. – М.: Центр социального прогнозирования, 2005. – 280 с.

10. Римашевская Н. М. Риск бедности в современной России // Народонаселение. – 2010. – № 2. – С. 4-9.

11. Рыбаковский Л. Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 49-60.

12. Татаркин А. И., Куклин А. А., Черепанова А. В. Социально-демографическая безопасность регионов России: текущее состояние и проблемы диагностики // Экономика региона. – 2008. – № 3. – С. 154-162.

Информация об авторе

Белехова Галина Вадимовна (Российская Федерация, г. Вологда) – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, отдел исследования уровня и образа жизни населения (Россия, 160014, Вологодская область, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; тел.: 8 (8172)59-78-10 (доб. 312); e-mail: belek-galina@yandex.ru).

Belekhova G.V.

THE INTERRELATION OF THE FINANCIAL BEHAVIOUR OF THE POPULATION AND POPULATION PROCESS

The paper reveals the interrelation of one of the components of the standard of living – financial behaviour of the population – and population process. The conclusion of the paper is based on the results of mathematical modelling in economics and specific social research held on the territory of the Vologda Region.

Key words: *birthrate, marriage status, ageing of population, financial behaviour of the population, financial literacy*

Information about the Author

Belekhova Galina Vadimovna (Russian Federation, Vologda) – junior scientific associate of the Way and Standard of Living Researching Department, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (160014, Russia, Vologodskaya obl., Vologda, Go'rkogo St. 56a; Tel.: 8 (8172)59-78-10 (доб. 312); e-mail: belek-galina@yandex.ru).

УДК 316.1

Г.И. Галиева

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МУСУЛЬМАНОК КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В данной статье выделены несколько основных направлений современных исследований по изучению мусульманок. Дается трактовка жизненных траекторий молодых мусульманок и выделены их основные жизненные стремления.

Ключевые слова: мусульманка, жизненные траектории, семья, религия, ислам, жизненные стратегии

Современные вопросы изучения обращения женщин к исламу имеет богатую научную традицию, представленную в ряде зарубежных работ, в фокусе которых находятся проблемы социокультурной и символической роли женской мусульманской идентичности и стиля жизни мусульманских женщин. В России проблематика изучения женщин в исламе относительно новое направление. Отметим таких татарстанских исследователей, как Г. Балтанова, Е. Ходжаева, Е. Шумилова, Г. Сайфутдинова, И. Кузнецова-Моренко, Л. Салахитдинова, Т. Титова, Д. Гараев и др. [2, 7, 11]

В целом выявляется следующая тенденция: несмотря на высокий уровень религиозности в Татарстане (верующими самоопределились 84% респондентов), старающиеся соблюдать религиозные обычаи и обряды составляют лишь около половины («практикующие верующие» мусульмане) [4, с. 54]. Российские исследования чаще затрагивают гендерные вопросы в традиционном исламе. Общеизвестен факт о большей религиозности женщин в сравнении с мужчинами. В последнее время увеличилось количество исследований по региональному исламу, однако работ, посвященных повседневным практикам мусульманских женщин, не так много.

Можно выделить несколько направлений исследований по изучению мусульманок. Первое направление рассматривает эволюцию образа мусульманки, внедрение просвещения среди мусульманок, их места в нашей истории (Р. Вента, Л. Королева, А. Королев [6], Ю. Гусева, С. П. Шендрикова, Л. З. Чубукчиева, А. Горьканова, И. Алексеев). Исследования женской исламской активности проводятся как на историческом материале, посвященном реформированию положения женщин в «мусульманских» странах, так и на основе анализа религиозных, канонических текстов, биографий и образов женщин, приближенных к Пророку.

Второе направление представлено исследованиями правового статуса мусульманки (Г. Балтанова [2], З. Бараева, Ю. Гусева, Ю. Сизов, З. Курбанова и др.). Для Республики Татарстан вопрос правового положения мусульманской женщины в обществе является актуальным. Представление о масштабах страданий мусульманок в мире от правовой дискриминации сильно преувеличено. Зачастую оно возникает по причине незнания исламской культурной традиции, особенностей вероучения и социального устройства, а также в силу привычки судить о представителях иных культур через призму своей культуры. Исследования показывают, что многие рядовые мусульманки не считают, что существующие в исламе традиции как-то ущемляют их права, не считают социальной дискриминацией то обстоятельство, что главой семьи является мужчина, а женщина является хранительницей домашнего очага и воспитателем своих детей.

Третью группу составляют исследования, направленные на изучение женщин-мусульманок за пределами России: на постсоветском пространстве это такие ученые, как Ю. Гуреева (Азербайджан), А. Кремер (Узбекистан), М. Тохтаходжаева (Узбекистан), Г. Досанова (Казахстан), Х. Фатхи (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан), К. Харрис (Таджикистан), В. Прищепова (Средняя Азия), М. Южанина (Марокко, Египет, Иордания), Г. Гаджимурадова (Франция, Германия, Нидерланды, Великобритания), М. Кютюкчю (Турция), О. Моргунова (Великобритания) и др. Возрастает интерес к исламу со стороны женщин в европейских странах. Значительный вклад в исследования женских исламских практик и исламской религиозности внесли работы таких западных ученых, как Нилюфер Голье, Саба Махмуд, а также Шейла Бенхабиб, занимавшихся формированием женских мусульманских идентичностей в различных странах (Франция, Турция, Египет) [5]. В своих работах авторы пытались установить семантическое и символическое значение принятия женщинами мусульманского платка (хиджаба), «закрытого» стиля одежды, которые нетрадиционны для этих территорий и народов. В последние годы в связи с увеличением потока мигрантов из мусульманских стран

является актуальным изучение внутренних предпосылок, мотивов мусульманских женщин. В западных работах современное положение женщины в платке изучается исходя из определенного представления об обществе и современности.

Четвертое направление посвящено внешнему облику женщины-мусульманки (В. Маренинова, Г. Сайфутдинова, Л. Вахиуллина, Д. Гараев и др.) [10, 11], который составляет большую долю исследований мусульманок. Современный образ мусульманок, одетых как в странах Востока (покрытая голова, закрытые ноги, руки), даже для татар является непривычным, поскольку отличается от традиционной одежды мусульманки досоветского периода. В настоящее время молодые мусульманские женщины Татарстана и других регионов России не представляют собой однородной социальной группы. Кроме степени религиозности, отличительной чертой является приверженность либо традиционному для данного региона исламу (ханафитского толка), либо идеологическим образцам, привнесённым в постперестроечное время из стран Востока (меньшая по численности группа).

Ключевым моментом обращения мусульманок к исламу оказывается факт надевания головного платка, который обуславливает постепенное изменение практик и образа жизни. Надев хиджаб, или просто надев платок, женщины идентифицируют себя мусульманками.

В настоящее время многие мусульманские женщины получают религиозное образование в специальных учреждениях (медресе, исламских университетах). В связи с этим появляется необходимость изучения данной прослойки женщин, обучающихся в религиозных заведениях. Актуальность новых исследований по изучению жизненных стратегий мусульманок связана с повышением активности современной женщины во всех сферах жизнедеятельности общества. Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан изучаются жизненные траектории молодых мусульманок, обучающихся в медресе.

Под жизненными траекториями понимается постоянное стремление к статусности, иными словами, стремление занять в социальной структуре общества тот статус, который обеспечивает наиболее благоприятную позицию в распределении общественных благ. Существуют внешние (оценка которых зависит от других людей) и внутренние (основанные на ценностях личностного роста) стремления. К внешним стремлениям можно отнести такие ценности, как материальное благополучие, социальное признание, а для мусульманок, в первую очередь, это стремление к созданию семьи, воспитанию детей, а также, при возможности совмещения, и карьерному росту. А к внутренним можно отнести: получение образования (не только светского, но и религиозного), служение Богу, стремление быть разносторонней личностью, которая могла бы быть хорошей женой для мужа и матерью для своих детей. Профессиональная сфера – одна из важнейших областей самореализации личности, на работе человек проводит большую часть времени. Исламская догматика не запрещает женщине трудиться, но ставит на первое место выполнение ею домашних обязанностей и воспитание детей, что заметно усложняет самореализацию мусульманки в профессиональной сфере. Вместе с тем, ислам всегда придавал большое внимание получению знаний и образованию. Поэтому много зависит от активности самой женщины и от умения сочетать предписанные обязанности.

Женщине отведена основная роль в сохранении и продолжении человеческого рода, а воспитание детей, является важнейшей задачей матери. [11]. Однако результаты других социологических исследований показывают, что большинство мусульман-татар считают иначе. Согласно позициям опрошенных, воспитанием детей в современном обществе должны заниматься либо оба родителя (39,8%), либо по преимуществу мать (33%), что говорит о большем эгалитаризме мусульман, нежели это следует из предписаний Корана [4].

Предмет исследования современных мусульманок расширяется, однако крайне редки исследования гендерных аспектов становления социальной группы новых

мусульман, религиозных практик нового исламского сообщества. Исследования по изучению жизненных стратегий молодых мусульманок, значения религии в семейной и повседневной жизни становятся актуальными в условиях глобализации мира.

© Галиева Г. И., Текст. 2016.

Список источников

1. Агзамова Л. М. Роль и место женщины-матери в исламе // Вестник Башкирского университета, 2009. – Т. 14. – №3. – С. 924-927
2. Балтанова Г. Р. Экономические и социально-политические аспекты положения женщины в традиционных исламских странах. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2003. – 122 с.
3. Бараева З. М. Некоторые правовые аспекты мусульманки в исламе // Исламоведение. – 2010. – №3. – С. 157-169.
4. Галиева Г. И. Татарская семья в демографическом измерении, Этнорегиональный аспект. – Казань : Центр инновационных технологий, 2010. – 154 с.
5. Досанова Г. М. Мусульманская религиозность как предмет современных социологических исследований. [Электронный ресурс]. URL: <http://repository.enu.kz/handle/123456789/1874> (20.09.2012)
6. Королева Л. А., Королев А. А. Российская мусульманка-татарка. Из советского прошлого, 1940-1980-е гг. По материалам Среднего Поволжья // Женщина в российском обществе. – 2010. – №2. – С. 9-13.
7. Кузнецова-Моренко И., Салахитдинова Л. Молодые мусульманки Татарстана в контексте социокультурной трансформации // Гендер. Традиции и современность. Сборник статей по гендерным исследованиям / Под ред. С. Р. Касымовой. – Душанбе, 2005.
8. Мусина Р. Н. Религиозное возрождение у татар Татарстана. Идентичность, религиозные практики, этноконфессиональные ценности и установки // Татары и ислам в регионах Российской Федерации. Религиозное возрождение и этничность / Рук. проекта и отв. ред. Р. Н. Мусина. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Издательство «Артифакт», 2014. – С. 43-82.
9. Сабирова Г. А. Формирование религиозной идентичности в мегаполисе. На примере женщин-татарок, обучающихся на религиозных курсах в Москве: дисс... канд. социол. наук. – М.: 2006. – 205 с.
10. Сайфутдинова Г. Б., Вахиуллина Л. Р. Хиджаб – как этноконфессиональный индикатор в полиэтничном пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – №11 (82). Ч. II. – С. 106-108.
11. Титова Т. А., Гараев Д. М. Формирование религиозной субкультуры меньшинств в условиях полиэтничной городской среды // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2008. – Т. 150. – Кн. 1. – С. 188-195.

Информация об авторе

Галиева Гузель Илгизовна (Россия, Казань) – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, ул. Левобулачная 36 а, gailj_07@bk.ru, guzaka@mail.ru)

Galieva G.I.

VITAL STRATEGY OF MUSLIMS AS SUBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCHES

In this article several main directions of modern researches on studying of Muslims are allocated. The treatment of vital trajectories of young Muslims is given and the main vital aspirations are allocated.

Keywords: Muslim, vital trajectories, family, religion, Islam, vital strategy.

Information on the author

Galiyeva Guzel Ilgizovna (Russia, Kazan) is the candidate of sociological sciences, the leading researcher of the Center of a family and demography of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Levobulachnaya 36 St. and, gailj_07@bk.ru, guzaka@mail.ru).

УДК 316.356.2

М.В. Кельцева

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

В данной статье рассмотрены меры социальной поддержки молодых семей, основанные на проблемах, препятствующих их развитию. Основной упор сделан на системе социальных выплат и льгот, обеспечении жильем и социальном обслуживании. Меры социальной поддержки рассмотрены на разных уровнях: федеральном и региональном.

Ключевые слова: молодая семья, проблемы молодой семьи, социальная поддержка молодых семей

Главной и важнейшей функцией молодой семьи является репродуктивная функция. В свою очередь, репродуктивное поведение молодых семей оказывает сильное влияние на демографическую ситуацию в регионе. Одним из факторов, влияющих на реализацию репродуктивной функции, выступает социально-экономическое положение семьи. Именно молодая семья чаще всего сталкивается с рядом проблем, которые препятствуют их нормальному функционированию и развитию. Таким образом, ориентация на социально-экономическое благополучие молодой семьи должно являться главной задачей социальной политики региона и государства.

В Республике Саха (Якутия) социальную поддержку молодым семьям осуществляют:

- Министерство по делам молодежи и семейной политике РС(Я);
- Министерство архитектуры и строительного комплекса РС(Я);
- Министерство сельского хозяйства и продовольственной политики РС(Я);
- Министерство труда и социального развития РС(Я);
- Пенсионный фонд Российской Федерации.

Социальная поддержка регулируется рядом нормативно-правовых документов, представленных в таблице 1.

Таблица 1

Нормативно-правовые документы, регулирующие социальную поддержку молодых семей в Республике Саха (Якутия) [10]

Нормативно-правовой документ	Мера и размер социальной поддержки с 01.01.16 г.
Постановление Правительства Республики Саха	Выплата на улучшение жилищных

Нормативно-правовой документ	Мера и размер социальной поддержки с 01.01.16 г.
(Якутия) от 3.05.10 г. № 204 «О правилах предоставления социальных выплат на улучшение жилищных условий многодетным семьям, в которых одновременно родились трое и более детей»	условий многодетным семьям, в которых одновременно родились трое и более детей (1-3 млн руб.)
Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 30.08.12 г. № 390 «О предоставлении единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилого помещения семьям, имеющим 5 и более несовершеннолетних детей»	Единовременная выплата на приобретение или строительство жилого помещения семьям, имеющим 5 и более несовершеннолетних детей (1945516-2779308 руб.)
Постановление Правительства РС (Я) от 09.12.2013 г. № 421 «О реализации мероприятий федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014 – 2019 годы и на период до 2020 г.»	Выплата на строительство (приобретение) жилья гражданам РФ, проживающим в сельской местности РС(Я), в том числе молодым семьям и молодым специалистам
Закон Республики Саха (Якутия) от 9.12.04 г. 190-З № 387-III «О ежемесячном пособии на ребенка гражданам, имеющим детей»	Ежемесячное пособие на ребенка (551-849 руб.)
Закон Республики Саха (Якутия) от 17.12.08 г. 643-З № 147-IV «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Саха (Якутия)»	Выдача малообеспеченной семье при рождении ребенка комплекта для новорожденного
Закон Республики Саха (Якутия) от 17.12.2008г. 643-З №147-IV; Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 25.06.2009г. №269	Ежегодная компенсационная выплата на детей из малоимущих многодетных семей для приобретения комплекта школьной, спортивной и другой детской (подростковой) одежды (3106 руб.) Единовременная выплата при рождении первого ребенка (6212 руб.)
Закон Республики Саха (Якутия) от 16.06.2011г. 951-З №803-IV; Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 15.09.2011г. №443	Республиканский материнский капитал «Семья» (133190,35 руб.)
Ежегодный Приказ Минстроя РС(Я) «О проведении конкурсного отбора муниципальных образований Республики Саха (Якутия) для участия в подпрограмме «Обеспечение жильем молодых семей» государственной программы Республики Саха (Якутия) «Обеспечение качественным жильем»	Обеспечение жильем молодых семей (до 40% от расчетной стоимости приобретаемого (строительства) жилья на территории республики)
Федеральный закон от 29.12.2006 N 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»	Федеральный материнский (семейный) капитал (453026 руб.)

Что касается информационного обеспечения вышеописанных программ, существуют официальные сайты министерств, осуществляющих социальную поддержку молодым семьям, на которых ежедневно обновляется информация, также существуют аккаунты министерств в социальных сетях.

Также наряду с государственной социальной поддержкой молодых семей тремя банками («Сбербанк», «Россельхозбанк» и «ВТБ-24») осуществляется проект ипотеки «Молодая семья», включающий ряд направлений:

- покупка недвижимости;
- погашение остаточной задолженности в жилом кооперативе;
- оплата взносов по договору долевого строительства;
- покупка участка и строительство дома;
- оплата части долга по льготному ипотечному кредиту.

Участниками программы могут быть супружеские пары, возраст одного из участников которой (или обоих) не превышает 35 лет, одинокие отцы и матери в возрасте до 35 лет, при условии, что семья располагает средствами на покупку жилья и состоит на учете как нуждающаяся в улучшении условий проживания.

Размер социальной выплаты составляет 30% средней стоимости жилья – для семей, не имеющих детей и 35% – для неполных или полных молодых семей, в которых есть дети. [5]

Согласно статье 2.2 Закона Республики Саха (Якутия) «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Саха (Якутия)», молодой семьей считается семья в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака), в которой оба супруга не достигли возраста тридцати пяти лет, а также семья, состоящая из одного родителя в возрасте до тридцати пяти лет и несовершеннолетнего ребенка. [4]

Таблица 2

Структура молодых семей в Республике Саха (Якутия) по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года¹

Категория	Количество	Уд. вес, %
Супружеские пары, имеющие детей моложе 18 лет	37 193	58,09
в том числе: с 1 ребенком	20 024	53,84
с 2 детьми	13 497	36,29
с 3 и более детьми	3 672	9,87
Матери, имеющие детей моложе 18 лет	24 940	38,95
в том числе: с 1 ребенком	18 155	72,79
с 2 детьми	5 464	21,91
с 3 и более детьми	1 321	5,30
Отцы, имеющие детей моложе 18 лет	1 894	2,96
в том числе: с 1 ребенком	1 581	83,47
с 2 детьми	278	14,68
с 3 и более детьми	35	1,85
Итого:	64 027	100

По данным переписи населения 2010 г. в Республике Саха (Якутия) насчитывалось 64027 молодых семей, что составляет 24,7% от всех семей. Наибольшую часть молодых семей составляют супружеские пары (58,1% от общего числа молодых семей), из них имеющие одного ребенка составляют 53,8%. На втором месте – одинокие матери (38,95%

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Саха (Якутия)/ТОФСГС по Республике Саха (Якутия).

URL:http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 02.05.2016).

от общего числа молодых семей), доля одиноких отцов является наименьшей – 2,96% от общего числа молодых семей (табл. 2). Так же, как и супружеские пары, одинокие супруги в основном имеют по одному ребенку. Доля многодетных семей очень низка.

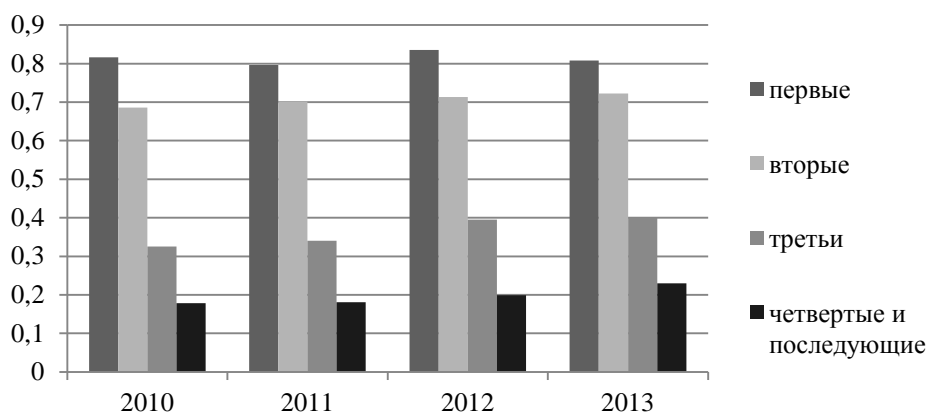

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости по очередности рождения в Республике Саха (Якутия), 2010–2013 гг. [11, с. 359]

Динамика суммарного коэффициента рождаемости показывает снижение суммарного коэффициента по первым рождениям, что свидетельствует об откладывании рождения первенца, в том числе в связи с более поздним вступлением в брак. [11, с. 358] Однако с каждым годом растут суммарные коэффициенты рождения вторых, третьих и последующих детей. Данный рост объясняется повышением репродуктивных установок через формирование общественного мнения о семье с двумя-тремя детьми как общественно одобряемой модели. Данному явлению способствовали принимаемые в республике меры поддержки многодетных семей, в том числе выделение земельных участков семьям, имеющим трех и более детей; республиканский материнский капитал «Семья», размер которого с 1 января 2016 г. составляет 133190,35 руб.; предоставление субсидий на улучшение жилищных условий семей, имеющих пять и более несовершеннолетних детей и др. [11, с. 361]

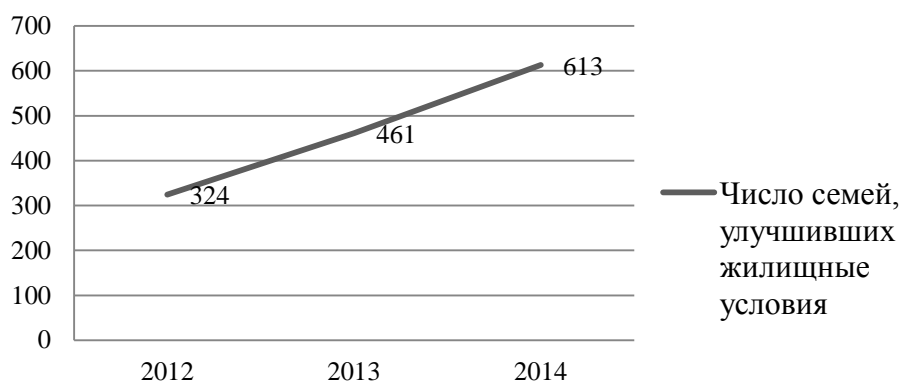

Рис. 2. Реализация программы «Обеспечение жильем молодых семей» [1]

В целях реализации программы «Обеспечение жильем молодых семей» предусмотрены республиканские бюджетные средства в размере 100000 тыс. руб. и средства федерального бюджета в размере 142647,6 тыс. руб. В 2014 г. 613 молодых семей улучшили свои жилищные условия с помощью социальных выплат [2], что на 152 семьи больше, чем за аналогичный период в 2013 г. – 461 семья. [1]

В 2014 г. ежемесячные пособия по уходу за ребенком получили 8334 матерей республики на общую сумму 711754,7 тыс. руб. Единовременное пособие при рождении ребенка получили 4467 семей на общую сумму 89344,6 тыс. руб. [7]

В 2015 г. ежемесячные пособия на ребенка получили 76645 малоимущих семей на 102413 детей на общую сумму 917 079,9 тыс. руб. 1 444 молодым семьям произведены единовременные компенсационные выплаты при рождении первого ребенка на общую сумму 8357,6 тыс. руб. Также особое внимание уделяется многодетным семьям. Дополнительной поддержкой являются ежегодные компенсационные выплаты для приобретения школьной формы. В 2015 г. единовременные денежные выплаты произведены 13701 малообеспеченной многодетной семье на общую сумму 83292,7 тыс. рублей. [8]

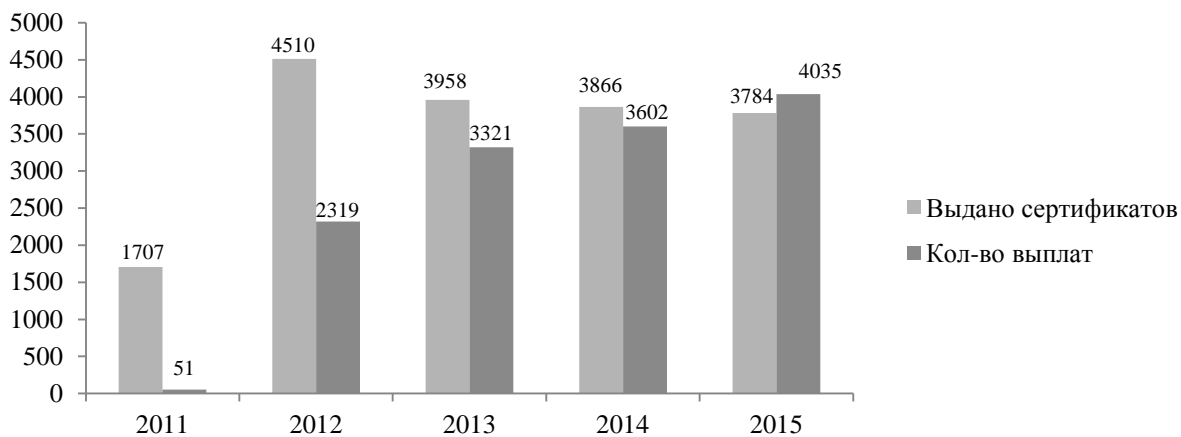

Рис. 3. Реализации республиканского материнского капитала «Семья» за 2011–2015 гг. [8]

Сохранению позитивной тенденции рождаемости способствует реализация в республике с 2011 г. Республиканского материнского капитала «Семья» при рождении (усыновлении) третьего ребенка или последующих детей. С начала реализации республиканского материнского капитала «Семья» многодетным семьям выдано 17825 сертификатов, в том числе в 2015 г. – 3784 сертификата, что на 82 сертификата меньше, чем в 2014 г. Однако в 2015 г. произведено 4035 выплат семьям на общую сумму 455433,0 тыс. руб., что на 433 выплату больше, чем в предыдущем году. [8]

Для более эффективной работы мер социальной поддержки необходимо проанализировать основные проблемы, с которыми сталкивается молодая семья. Для их выявления были изучены материалы двух проведенных социологических опросов. Первый опрос был организован отделом социальной политики МР «Горный район», второй охватил представителей молодых семей центральной группы улусов. Оба исследования проводились в 2014 г.

Эмпирическим объектом выступали молодые семьи в возрасте от 18 до 35 лет. Объем выборочной совокупности составил 700 молодых семей. Всего было опрошено 618 полных семей, 82 неполные семьи. Из них 334 благополучные семьи, 226 многодетных семей, 4 семьи одиноких отцов, 78 семьи одиноких матерей, 2 семьи, в которых мать не достигла совершеннолетнего возраста, 7 семей, в которых отец проходит военную службу и 49 студенческих семей. [9, с. 59]

Итоги опроса в центральных улусах республики представлены в таблице 3.

Таблица 3

Распределение мнений молодых семей Центральной группы улусов об обстоятельствах, мешающих жить благополучно [3, с. 181]

Вариант ответа	Удельный вес, %
Низкий уровень дохода	70,5
Отсутствие высшего образования	32,3
Другое	28,2
Плохое качество жилья	26,1

Вариант ответа	Удельный вес, %
Правовая незащищенность	17,3
Отсутствие эффективной социальной поддержки	12,3
Ничего не мешает	11,1
Затрудняюсь ответить	10
Опасения потерять работу	8,8
Невостребованность профессии	7,6

Схожие результаты были получены в другом исследовании, проведенном в Горном районе, где также проблема с низким уровнем доходов стояла на первом месте.

Таким образом, выявлены основные проблемы, с которыми сталкиваются молодые семьи. В первую очередь, это материальная проблема, обусловленная отсутствием постоянной работы или безработицей членов молодых семей и низким уровнем дохода. Вторая по значимости проблема это жилищная проблема, из-за низкого уровня доходов у некоторых молодых семей нет возможности строить или приобрести жилье. Также имеет место быть проблема правовой неграмотности семей. Молодые люди зачастую не знают соответствующие законодательные акты.

В заключении можно сделать вывод о том, в Республике Саха (Якутия) существует большая система социальной поддержки семей, в том числе и молодых семей. Но несмотря на эффективность проводимых мер социальной поддержки, которая подтверждается положительной динамикой числа семей с двумя-тремя и более детьми, молодые семьи имеют ряд проблем, который может оказать негативное влияние на реализацию имеющейся потребности в детях.

© Кельциева М. В. Текст. 2016

Список источников

1. Аналитическая записка к информации о ходе реализации государственных программ Министерства архитектуры и строительного комплекса РС(Я) за январь – декабрь 2013 года // MINSTROY.SAKHA.GOV.RU: Министерство архитектуры и строительного комплекса Республики Саха (Якутия). [Электронный ресурс]. URL: <http://minstroy.sakha.gov.ru/files/front/download/id/11271> (дата обращения: 02.05.2016).

2. Аналитическая записка к информации о ходе реализации государственных программ Министерства архитектуры и строительного комплекса РС(Я) за январь-декабрь 2014 года // MINSTROY.SAKHA.GOV.RU: Министерство архитектуры и строительного комплекса Республики Саха (Якутия). [Электронный ресурс]. URL: <http://minstroy.sakha.gov.ru/files/front/download/id/11269> (дата обращения: 02.05.2016).

3. Васильева С. П. О проблемах молодой якутской семьи // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. – 2014. – № 3. – С. 181-184

4. Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Саха (Якутия) от 17.12.2008 3 № 148-IV. Закон Республики Саха (Якутия) // BASE.CONSULTANT.RU: Справочная правовая система. Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW249;n=55048;from=17693-0;rnd=203280.44817062514116346;ts=02032805872187129122195> (дата обращения 01.05.2016).

5. Ипотека «Молодая семья» в Якутске // MOLODAJA-SEMJA.PENSIA-EXPERT.RU: Молодая семья 2016 года: социальный проект. [Электронный ресурс]. URL: <http://molodaja-semja.pensia-expert.ru/ipoteka-molodaya-semya-v-yakutske/> (дата обращения: 03.05.2016).

6. Итоги и результаты реализации государственной семейной, демографической и молодежной политики в Республике Саха (Якутия) за 2015 год //

MINMOL.SAKHA.GOV.RU // Министерство по делам молодежи и семейной политике Республики Саха (Якутия). [Электронный ресурс]. URL: <http://minmol.sakha.gov.ru/vystuplenija-doklady> (дата обращения: 02.05.2016).

7. Итоги работы Министерства труда и социального развития Республики Саха (Якутия) за 2014 год // MINTRUD.SAKHA.GOV.RU // Министерство труда и социального развития Республики Саха (Якутия). [Электронный ресурс]. URL: <http://mintrud.sakha.gov.ru/itogi-raboty-ministerstva-truda-i-sotsialnogo-razvitija-respubliki-saha-jakutija> (дата обращения: 02.05.2016).

8. Итоги работы Министерства труда и социального развития Республики Саха (Якутия) за 2015 год // MINTRUD.SAKHA.GOV.RU. Министерство труда и социального развития Республики Саха (Якутия). [Электронный ресурс]. URL: <http://mintrud.sakha.gov.ru/itogi-raboty-ministerstva-truda-i-sotsialnogo-razvitija-respubliki-saha-jakutija> (дата обращения: 02.05.2016).

9. Коврова И. К., Ефимова Н. Н. Меры социальной поддержки молодых семей на муниципальном уровне. Государственное и муниципальное управление в XXI веке. Теория, методология, практика. – 2015. – № 16. – С. 56-60.

10. Меры социальной поддержки семей с детьми // MINMOL.SAKHA.GOV.RU: Министерство по делам молодежи и семейной политике Республики Саха (Якутия). [Электронный ресурс]. URL: <http://minmol.sakha.gov.ru/mery-sotsialnoj-podderzhki-semej-s-detmi> (дата обращения: 02.05.2016).

11. Сукнева С. А. Тенденции рождаемости населения северного региона // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д. социол. н. А.И. Кузьмин. Т. I. Пленарные доклады. Исторические тренды демографических процессов. Временной континуум в восприятии и представлениях поколений. Институционально-коммуникационные технологии в системе государственной семейной политики. Региональные аспекты рождаемости и активизации родительского труда. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. – 394 с. – С. 357-364.

Информация об авторе

Кельсиева Мария Владимировна (Россия, г. Якутск) – магистрант группы В-М-РЭ-15-1 Финансово-экономический институт, «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова» (Россия, г. Якутск, пр. Ленина 1, keltsieva@mail.ru, тел.: +7 999 173 01 96)

Keltsieva M. V.

SOCIAL SUPPORT OF YOUNG FAMILIES IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA): PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Article concludes the measures of social support of young families based on the problems that impede their developmen. The main emphasis is put on system of social payments and privileges, to provision of housing and social service. Measures of social support are considered at the different levels: federal and regional.

Key words: young family, problems of a young family, social support of young families.

Information about the author

Keltsieva Maria Vladimirovna (Russia, Yakutsk) - a master of E-M-RE-15-1 Financial and Economic Institute, «North-Eastern Federal University. MK Ammosova» (Russia, Yakutsk, Lenin ave. 1, keltsieva@mail.ru, tel.: +7 999 173 01 96)

РОДИТЕЛИ И ДЕВИАНТНАЯ СУБКУЛЬТУРА ИХ ДЕТЕЙ В БОЛЬШОМ УРАЛЬСКОМ ГОРОДЕ

На основе результатов ряда конкретно-социологических исследований, проведенных авторами, в статье раскрываются особенности девиантной субкультуры тинейджеров в большом уральском городе. Особое внимание уделяется проблемам причинно-следственных связей отклоняющегося поведения юношей и девушек в процессе их взросления в родительской семье.

Ключевые слова: большой город, родительская семья, тинейджер, социализация, девиантная субкультура, Урал

Прежде всего – о понятиях. Под молодежной субкультурой можно понимать культуру определенного молодого поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов. Молодежные субкультуры можно определить и как систему смыслов, средств выражения, стилей жизни. В свою очередь, подростковая субкультура включает основные характеристики социальных ценностей, норм и предпочтений тинейджеров, которые находят свое отражение в общей подростковой социальной позиции, а также в других формах личностного самопроявления, самореализации.

Элементы подростковой субкультуры, к которым относятся в первую очередь язык (сленг), особая манера поведения (например, культ насилия у скинхедов), одежда и музыка, отражают характерные групповые особенности подросткового сознания и поведения (социальной группы) по отношению к внешнему миру. Всякое поведение, которое вызывает неодобрение общественного мнения, называется девиантным. Это чрезвычайно широкий класс явлений: от безбилетного проезда до убийства человека. В широком смысле девиант – любой человек, сбившийся с пути или отклонившийся от нормы. При такой постановке вопроса следует говорить о формах и размерах отклонения. К видам (или формам) девиантного поведения относят уголовную преступность, алкоголизм, наркоманию, проституцию, гомосексуализм, азартные игры, психическое расстройство, самоубийство.

В качестве основной эмпирической базы, использованной в статье, явились результаты социологических исследований, проведенных авторами в ряде городов Урала, в частности:

«Подросток-2008» – по представительной выборке в шести городах Свердловской и Челябинской областей были опрошены 665 учащихся старших классов, 490 их родителей и 230 экспертов – специалистов учреждений, связанных с организацией социализационного процесса в молодежной среде. В числе опрошенных 327 подростков из числа так называемых, по оценкам учителей, «благополучных» («ПХор») и 338 – «трудных» («ПНеуд»).

«Подросток-2013» – по квотно-представительным выборкам были опрошены 250 подростков города-ЗАТО Лесной и 510 подростков ряда школ г. Екатеринбурга. Основная цель исследования – анализ процессов трансформации субкультуры школьной молодежи в городах с различным уровнем развития социальной инфраструктуры.

«Эксперты-2014» – по квотной выборке опрошены 150 экспертов, представителей трех основных социально-профессиональных групп:

- 50 – преподаватели общественных наук в вузах – «вуз»;
- 50 – специалисты областных, городских и районных социальных служб – «организаторы»;

50 – специалисты в сфере социальных наук – «наука».

Экспертам предлагалось сделать краткосрочный прогноз (на период 2014–2020 гг.) развития позитивных и негативных социально-поведенческих процессов в молодежной среде, в сфере семейной, детской и молодежной политике РФ.

По мнению социологов-молодежников, современная молодежная субкультура транснациональна по своему характеру и наделена высокой способностью к экспансии, в том числе и к экспансии ее «вандалических пластов». Относиться ко всем ее разновидностям одинаково терпимо – значит уравнивать тех, кто бьет, с теми, кого бьют. Сама приставка суб- указывает не только и не столько на многообразие равноправных и бурно расцветающих типов культуры, сколько на бросающуюся в глаза и не могущую не вызывать тревогу неспособность подростковой субкультуры преодолеть свою замкнутость и ограниченность, выйти на уровень вопросов общечеловеческого и общегражданского значения.

Анализируя поведение подростков на фоне общества взрослых, нельзя, прежде всего, не учитывать специфики физиологии тинейджера. Подростковый период характеризуется, во-первых, интенсивным физическим и физиологическим развитием тела, в результате взаимовлияния гормонов роста и половых гормонов, во-вторых, особым состоянием нервной системы, когда нервные процессы часто преобладают над торможением. Психологические трансформации, характерные для подросткового периода, происходят на фоне онтогенетических изменений в организме. В качестве проявлений подростковой психологии необходимо отметить также ненависть к своей личности и враждебность к окружающему миру, склонность к суицидальным настроениям, мыслям и поступкам. К этому присоединяется ряд новых внутренних влечений к тайному, запрещенному, необычному, к тому, что выходит за пределы привычной и упорядоченной повседневной жизни.

К началу переходного возраста в общем психическом развитии появляются новые, более широкие интересы, личные увлечения и стремление занять более самостоятельную, более «взрослую» позицию в жизни. Однако в переходном возрасте еще нет возможностей (ни внутренних, ни внешних), чтобы занять эту позицию. Расхождение между возникшими потребностями и обстоятельствами жизни, ограничивающими возможность их реализации, характерно для каждого возрастного кризиса.

Основной фактор, привлекающий молодежь в субкультуры, – стремление приобрести внешние, формальные характеристики, позволяющие выделяться из общей обезличенной массы населения мегаполиса. Поэтому, несмотря на декларирование представителями субкультуры своей приверженности каким-либо идеологическим, религиозным, политическим концепциям, обычно они не особо вникают в них и в основном объединяются по внешним характеристикам – одежда, прически, музыка, места общения. Чтобы влиять на них, необходимо либо быть частью субкультуры, либо устанавливать контакт с отдельными ее представителями и действовать через них.

Наряду с психофизиологическими особенностями подросткового возраста есть и другое объективное обстоятельство, провоцирующее отклоняющееся поведение сегодняшних городских подростков. Если говорить о России, то здесь речь идет, прежде всего, о деформации в российском обществе «социалистической» морали и нравственности. Молодежь, как и «общество взрослых» в целом, переживает кризис ценностей. Информационно-культурное пространство, которое окружает сегодня молодого человека, насыщено пропагандой утилитарных ценностей потребительского общества, где агрессия и насилие выступают как «законные» средства достижения целей. Героем нашего времени выставляется «негативный лидер» – эгоистичный, циничный, но преуспевающий и добивающийся успеха, не считаясь со средствами [1].

Потеряв всякое практическое значение, обретя негативный смысл, старые ценности, тем не менее, не исчезли из сознания. Новые ценности (свобода, демократия, рыночная экономика, равные возможности, частная собственность, правовое государство

и т. д. и т. п.) пока не поняты, не приняты многими, прежде всего, из-за того, что в своем практическом значении связаны, главным образом, с негативными явлениями, отрицательными чувствами и ощущениями. Социальное самочувствие значительного числа россиян (это, в первую очередь, относится к тинейджерам, в отличие от мам и пап и, тем более, бабушек, дедушек) в последние десятилетия может быть описано в терминах «разочарование», «пессимизм», «неуверенность», «безнадежность», «растерянность», «апатия», «агрессивность», «злость», «экстремизм» и т. п.

Такая рассогласованность должного с допустимым и возможным в обществе ставит значительную часть несовершеннолетних в своеобразный нравственно-поведенческий тупик. Влияет на подростков и определенная расплывчатость жизненной программы их самих и их родителей на отдаленную перспективу. Неуверенность в завтрашнем дне приводит к тому, что многие молодые люди, в том числе подростки, подражая примеру взрослых, стремятся жить только сегодняшним днем, беря от жизни максимум того, что можно от нее взять.

Социальный институт семьи выступает в качестве первичного источника трансляции ценностно-нормативного комплекса. Но подростковый период характерен, прежде всего, стремлением к автономизации, социокультурному выходу за рамки семьи, знакомством с внешним взрослым миром. Поэтому в жизни подростка семья часто отходит на второй план. Социальная дезадаптация личности молодого человека начинается, прежде всего, с ослаблением, а нередко и с полным исключением семьи из процесса социализации. Криминальный путь развития социальных отношений с окружающим миром становится для молодежи фиктивным средством выхода из жизненного тупика. Наиболее проблемной группой городских трудных подростков являются безнадзорные тинейджеры, поскольку неблагополучие в родительской семье, особенности темперамента или же их непосредственное окружение детерминируют склонность к противоправным действиям, конфликтность, агрессивность в отношениях с окружающими, демонстрацию приверженности к криминальной субкультуре, показное неисполнение или же нарушение общественных норм и правил.

Проблема отцов и детей неожиданно вышла на первый план европейской общественной жизни. Правительства Испании, Италии, Греции задаются вопросом об инфантилизме нынешней молодежи, большинство представителей которой до 30, а то и до 40 лет предпочитают жить совместно с родителями. Дdiamетрально противоположная ситуация – на севере старого континента. Здесь бьют тревогу по поводу крушения семейных связей из-за того, что молодые люди стремятся как можно скорее покинуть отчий дом.

Северяне в Европе самостоятельнее южан – это признают все эксперты. В Скандинавии лишь каждый десятый молодой человек в возрасте от 18 до 34 лет живет с родителями, во Франции, Великобритании и Германии их от 45 до 53%, а в США – 43%. Молодых людей, проживающих под одной крышей с родителями, в Швеции презрительно называют «мамбо», что можно приблизительно перевести как маменькин сынок. Причем даже самые любящие шведские родители убеждены, что после совершеннолетия вставшим на крыло птенцам пора выпархивать из гнезда [2].

Своеобразное преломление все это находит и в России, и дело здесь не только в дороговизне жилья и прочих материальных проблемах, о которых сегодня не говорит только ленивый. Традиционно родительская семья в России – важнейший институт социализации подростков. Однако современная семья не обладает той самодовлеющей ролью, на которую она претендовала ранее. Сказывается как развитие системы общественного воспитания, так и изменение самой семьи: уменьшение стабильности, малодетность, ослабление традиционной роли отца, трудовая занятость женщины и т. д. Кроме того, немало детей проживает отдельно от родителей, в детских домах и интернатах. В целом без отцов и отчимов в России воспитывается около 20% всех детей.

В современных социально-экономических условиях существенно меняется стиль внутрисемейных отношений. Крушение авторитарного воспитания сделало взаимоотношения родителей и детей мягче, интимнее, индивидуально и эмоционально важнее для обеих сторон. Мы говорим сегодня не о родительской власти, а о моральном авторитете родителей. Моральный авторитет поддерживать гораздо труднее, чем власть, опирающуюся на силу. Индивидуализация отношений повышает их психологическую значимость, но одновременно делает их более хрупкими, особенно в подростковом возрасте, когда диапазон и выбор общения у детей расширяется [3].

В механизме воздействия нравственно-психологического климата на формирующуюся личность важное место занимает личный пример родителей. Особо благотворна и плодотворна в этом процессе становления маленького человеческого существа роль матери. «Главные условия, необходимые для нормального развития ребенка со стороны матери, – отмечал в свое время П. Ф. Лесгафт, – чистота, сдержанность, деятельная жизнь, как в умственном, так и в физическом отношении» [4, с. 233]. В исследовании («Подросток-2008») мы обратились к 230 уральским экспертам с вопросом: «Укажите, пожалуйста, какими чертами характера, качествами должны обладать родители, чтобы их ребенок не стал трудным? Прежде всего, мы просили ответить по каждому столбцу (в отношении матери и отца). Предлагалось выбрать 5-8 вариантов. Результаты ответов приводятся ниже; в числителе – качества матери, в знаменателе – отца (% от числа опрошенных экспертов – 230 чел.):

трезвенность	81 / 61
хорошие, уважительные отношения друг с другом	81 / 83
трудолюбие, ответственное отношение к работе	65 / 49
доброта, любовь к своим детям, забота о них	64 / 78
справедливость	62 / 55
доброта, любовь к своим детям, умение подходить к ним	60 / 61
честность, совестливость	45 / 46
умение создавать в семье материальный достаток	45 / 16
хозяйственность, домовитость	28 / 44
высокая образованность, культура	28 / 37
умение мастерить, рукодельничать	22 / 15
вежливость, тактичность	18 / 23
общительность	16 / 20
иметь хороших друзей	9 / 10
умение одеваться аккуратно, со вкусом	5 / 5
щедрость	4 / 4
умение вкусно готовить	3 / 14

Помимо фактора приоритетности желаемых личностных качеств родителей современных подростков, следует обратить внимание на практически идентичные требования, предъявляемые экспертами, с одной стороны, к матери, и с другой – к отцу. Низкий уровень культуры, низменный характер потребностей некоторых родителей при значительной материальной обеспеченности обостряют недостатки семейного воспитания, приводят к культивированию мещанства, накопительства, к игнорированию трудового воспитания подростков. В семьях, в которых источник материального благосостояния несовместим с воспитанием правильного отношения к труду (жизнь не по средствам, браконьерство и т. п.), у детей, как правило, складывается паразитическое отношение к труду, к деньгам, возникают иждивенческие настроения и потребности. Некоторые родители, имея большого достатка и отказывая себе в необходимом, иногда стремятся подольше продлить «безмятежное детство» подростку, безотказно приобретая ему дорогие вещи, воспитывая тем самым тунеядца и иждивенца [5].

Проблема «внедрения» в сознание детей нравственно-этических различий дилеммы «плохо – хорошо» была и остается извечной и непреложной задачей родителей (воспитателей, взрослых), основным духовным инструментом социализации личности. «О чем, из предложенного перечня тем, у тебя бывали беседы с мамой, папой?» – на этот вопрос (по нашей просьбе – «Подросток-2013») отвечали 13-16-летние «уральские крохи» из двух уральских городов (табл. 1).

Таблица 1

Проблематика нравственно-этических бесед родителей с детьми-подростками на Урале (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в графе «юноши» – в числителе учащиеся г. Екатеринбурга, в знаменателе – г. Лесной; в графе «девушки» – аналогично)

Содержание бесед, разговоров	Группы	
	«юноши»	«девушки»
О необходимости ежедневно чистить зубы и делать физзарядку	19 / 33	15 / 35
О вреде переедания и режиме правильного питания	14 / 21	18 / 39
О вреде пристрастия к курению (табака)	19 / 46	24 / 43
О вреде пристрастия к алкоголю	16 / 42	20 / 35
О вреде пристрастия к наркотикам	15 / 36	18 / 30
О необходимости постоянного наблюдения у врача	5 / 11	7 / 19
О вреде пристрастия к азартным играм	13 / 32	9 / 20
О культуре взаимоотношений между юношами и девушками	11 / 31	20 / 40

Условно весь спектр бесед можно разделить на две группы. Первая из них касается физического здоровья подростков, вторая – нравственно-этического. В связи с основной проблематикой этой статьи нас больше интересует первый аспект – затрагивающий интересы здоровья подростков. Приведенные данные, при всех допустимых погрешностях при их получении, не могут не наводить на серьезные размышления [6].

Проблемы формирования подростковой девиантной субкультуры, изучения условий, а также характера социализации девиантных подростков активно рассматриваются в современной социологии, в том числе отечественной. Однако данная проблематика настолько широка, что многие моменты до сих пор остаются неизученными. Кроме того, социальная ситуация в каждой стране постоянно изменяется, – это связано, в первую очередь, с формированием с общемировыми тенденциями научно-технического прогресса и общественного развития, с особенностями формирования экономики, политики, государственности. Особенно важно отметить, что преодоление социальной дезадаптации трудно осуществлять, если сохраняют свое приоритетное влияние негативные формы молодежного досуга, деформация стереотипов сознания и поведения молодых людей и подростков в условиях «вестернизации», пропаганды культа насилия, эротики, секса и порнографии на теле- и киноэкранах, в кинопродукции в СМИ.

Молодежь традиционно считается наиболее мобильной социальной группой. Ее энергия и гибкость особенно востребованы в современном динамично развивающемся обществе – возрастает роль молодежи в качестве потенциального источника преобразований всех сфер жизни. Молодые люди не только усваивают ценности предыдущих поколений, но и генерируют новые. Молодежная интерпретация культурного наследия и окружающей действительности во многом определяет направления общественного развития [7].

Положение молодежи, ее поведение не может быть улучшено, если пытаться решать эту проблему вне контекста общих проблем того или иного социума. Нынешний кризис носит не временный характер, он отражает тенденции, которые зародились в прошлом и продолжатся в будущем. Поэтому их решение может быть достигнуто лишь в

общенациональном контексте, на долгосрочной основе, при полном осознании теснейшей зависимости и взаимозависимости экономических реформ и эффективной социальной, в том числе молодежной, политики.

И, в заключение еще один немаловажный аспект проблемы. Не секрет, что в настоящее время многие законодательные инициативы, государственные акции, направленные на решение проблем семьи и детства, мягко говоря, пробуксовывают, «не работают» на региональном и муниципальном уровне. В связи с этим в опросе «Эксперты-2014» экспертов просили ответить на вопрос: «Как Вы считаете, какие основные причины подобного рассогласования, с одной стороны, «требований верхов» и неадекватной реакции на них со стороны «низов управления»?». Полученные нами данные – см. ниже (% от общего числа опрошенных экспертов – 150 чел.):

резкое социально-экономическое расслоение населения	- 55
безразличие, незаинтересованность структур управления эффективным решением проблем семьи и детства	- 53
бюрократизм, коррумпированность сферы управления учреждениями семьи и детства	- 45
низкая правовая культура и общественная активность населения	- 44
застойность форм и методов работы государства и общественности с «семьями риска»	- 42
несовершенство правовой базы	- 38
недостаток квалифицированных кадров воспитателей, наставников, социальных работников	- 37
слабая материально-финансовая база детских учреждений (детских домов, детских учреждений культуры, спорта и т.д.)	- 33
низкая исполнительская культура и дисциплина чиновников в органах управления и исполнения	- 33
социально-психологические трудности работы с неблагополучными семьями и с детьми-девиантами	- 33
негативное общественное мнение в отношении помощи неблагополучным семьям, бомжам, беспризорникам	- 19

Интерпретацию полученных данных предоставляем заинтересованным и компетентным читателям. Мы же еще раз подчеркнем следующее. Положение молодежи, ее поведение, в том числе в сфере матримониальных отношений, не может быть улучшено, если пытаться решать эту проблему вне контекста общих проблем того или иного социума. Нынешний кризис носит не временный характер, он отражает тенденции, которые зародились в прошлом и продолжаться в будущем. Поэтому их решение может быть достигнуто лишь в общенациональном контексте, на долгосрочной основе, при полном осознании теснейшей зависимости и взаимозависимости экономических реформ и эффективной социальной, в том числе молодежной, политики. При этом, как отмечал замечательный российский педагог К. Д. Ушинский, «...возбуждение общественного мнения в деле воспитания есть единственно прочная основа всяких улучшений по этой части: где нет общественного мнения о воспитании, там нет и общественного воспитания, хотя может быть множество общественных заведений» [8, с. 284].

© Павлов Б. С., Разикова Н. И., Бердник Л. П. Текст. 2016.

Список источников

1. Павлов Б. С. Над опасным «социальным придоньем». О девиантной субкультуре подростков // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 69-80.

2. Pavlov B. S. Deviant subculture socialization factor of young generations// Economy of Russia and Europe: problems and cooperation prospects/ Edited by Sanchez, Antonio, Alexandr I. Tatarkin – Valencia (Spain) – Ekaterinburg (Russia): Publishing house of Institute of Economics UB RAS. – 2009. – P. 189-199.

3. Павлов Б. С. Трансформация института семьи на Урале в условиях социально-экономических деструкций // Экономика региона. – 2013. – № 3. – С. 121-131.

4. Умом и сердцем. Мысли о воспитании. – М.: Политиздат, 1980. – 383 с. С. 233.

5. Павлов Б. С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей. На примере Урала // ЭКО. – 2013. – № 7. – С. 128-138.

6. Павлов Б. С., Разикова Н. И. Отцы и дети» в городской семье. Общение или отчуждение // Дискуссия. – 2012. – № 10. – С. 110-119.

7. Девиантная субкультура уральских подростков в ракурсе общественной безопасности в регионе / Павлов Б. С., Павлова В. И., Камскова Ю. Г. Сарайкин Д. А. // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3. – С. 214-229.

8. Ушинский К. Д. Избранные педагогические произведения. – М.: Мысль, 1968.

Информация об авторах

1. Павлов Борис Сергеевич (г. Екатеринбург, Россия) – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru).

2. Разикова Наталья Игоревна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат химических наук, профессор кафедры социальной безопасности Физико-технологического института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: natigraz@mail.ru)

3. Бердник Людмила Павловна (г. Челябинск, Россия) – кандидат социологических наук, доцент, Челябинский государственный университет (454005, г. Челябинск, ул. Свободы, 108; e-mail:soc_work@csu.ru)

Pavlov B. S., Razikova N. I., Berdnik L. P.

PARENTS AND DEVIANT SUBCULTURE OF THEIR CHILDREN IN THE BIG URAL CITY

Based on results of a number of the concrete and sociological researches conducted by authors in article features of deviant subculture of teenagers in the big Ural city are unveiled. The special attention is paid to problems of relationships of cause and effect of deviant behavior of young men and girls in process of their growing in a parental family.

Keywords: big city, parental family, teenager, socialization, deviant subculture, Urals.

Information about authors

1. Pavlov Boris S. (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of of Philosophy Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moscovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia).

2. Razikova Natalia I. (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Chemistry Sciences, Associate Professor Physics and Technology Institute of the Ural Federal University named after the Fist President of Russia B. N. Yeltsin (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia).

3. Berdnik Ludmila P. (Chelyabinsk, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor of the Department of Social Work of Chelyabinsk State University (108, Liberty St., Chelyabinsk, 454005, Russia; e-mail: soc_work@csu.ru).

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ В СОЗНАНИИ И ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНАХ СТУДЕНТОК УРАЛЬСКИХ ВУЗОВ

В предлагаемой статье авторы анализируют некоторые аспекты молодежного женского сознания в сфере семейно-брачных отношений. Выявляются особенности ценностных ориентаций студенток в сфере матримониальных отношений: при выборе спутника жизни и создании собственной семьи, рождении и воспитании потомства, сохранении брачного союза. Особый аспект статьи – анализ причастности студенток к религиозной культуре в решении вопросов, связанных с образованием молодых семей. Опросы, на данные которых опираются авторы статьи, проводились ими в студенческих аудиториях ряда вузов двух уральских городов: Екатеринбурга и Челябинска в 2002–2015 гг.

Ключевые слова: студентки, семья, демографическое поведение, мать, дети, семейные ценности, стабильность брака, семейная политика

Известное положение Ф. Энгельса о том, что «семья дает нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество», наглядно иллюстрируется теми деформациями в различных сторонах жизнедеятельности российских семей, которые обуславливаются кризисными явлениями в экономике, социальной сфере, идеологии и морали, характеризующими развитие российского общества в последние 15-20 лет. Переходный исторический период, в хронологических рамках которого живет сегодня Россия, а с ней – и российская семья, формирует новые, доселе неизвестные социальные качества жизнедеятельности и поведенческие проявления семейных групп, адекватные этим условиям. Социально-экономический кризис, перманентно сопровождающий российское общество, сегодня тесно связан с демографическим, который можно рассматривать как закономерное следствие реформ, не имеющих во многом четкой социальной направленности. При этом демографические показатели могут служить наиболее чувствительными социальными индикаторами общественного неблагополучия, важной составляющей которого выступает снижение уровня и качества жизни значительной части российского населения [1].

Общеизвестно, что каждая новая социально-экономическая трансформация в обществе неизбежно приводит к переменам во взаимосвязи социальных институтов, к деформации нравственно-этических норм, ломке сложившихся ценностных ориентаций, стереотипов поведения, оценок, ожиданий и т. п. Чем сложнее и ответственнее выполняемые социальным институтом общественные функции, тем болезненнее отражаются на нем последствия глобальных трансформаций. Симптоматично, что в числе приоритетных задач демографического развития населения Российской Федерации определено всестороннее укрепление института семьи как формы гармоничной жизнедеятельности личности. Сегодня особого внимания требуют соответствующие программы обеспечения развития новых подходов к гигиеническому и нравственному воспитанию молодежи, особенно тинейджеров, к подготовке их к семейной жизни, формированию системы общественных и личностных ценностей, ориентированных на семью с двумя детьми и более [2].

Основная задача нашей статьи – выявление особенностей ценностных ориентаций студенток в сфере матримониальных отношений на пороге образования собственной семьи¹: выбор спутника жизни и создание собственной семьи, рождение и воспитание

¹ Или, что гораздо реже, развития ее, в случае, когда она была уже создана на предшествующих курсах обучения в вузе.

потомства, сохранение брачного союза. Используемые в статье конкретные эмпирические данные получены авторами в результате проведения ряда социологических опросов в вузах гг. Екатеринбурга и Челябинска, в частности, это три опроса:

«Студенты-Урал – 2002» – опрос 1000 студентов ряда вузов Екатеринбурга (640 чел.) и Челябинска (360 чел.) с целью выявления основных ценностных ориентаций уральцев на личностные качества партнеров при общении в сфере матримониальных отношений. Среди респондентов: по полу – мужчин 37 %, женщин – 63 %; по семейному статусу – холостых, незамужних – 60 %, семейных – 33 %, разведенных – 7 %; по национальности – русских – 86 %, татар, башкир – 5 %, украинцев – 4 %, других – 5 %.

«Студент-Церковь – 2010» – опрос 680 студентов старших курсов Уральского государственного технического университета (УГТУ-УПИ) на технических и гуманитарных факультетах. Предмет исследования – уровень и характер причастности молодых людей к религиозной культуре и причастность последней к семейно-брачным отношениям уральцев.

«Студентки УрФУ – 2015» – по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) проведены опросы 450 студенток старших курсов, готовящихся стать молодыми специалистами на предприятиях и в организациях. Выяснялись их основные ценностные ориентации, профессиональные и социально-демографические жизненные планы.

Специфическими социальными интересами для молодежи являются жизненное самоопределение, поиск молодыми людьми приемлемого для них социально-экономического статуса, обретение относительной автономности и независимости, способности к самообеспечению. Эти интересы для различных групп и подгрупп молодежи не остаются неизменными, их структура динамична и способна перестраиваться в соответствии с изменяющимися социально-экономическими условиями и изменяющимися потребностями молодежи. Одной из особенностей изменений в структуре современных социальных интересов российской молодежи, как это фиксируется многочисленными социологическими исследованиями, становится возрастание значения материальных и снижение роли духовных интересов. Важно подчеркнуть, что на современном этапе своего развития российское общество во многом не способно предоставить молодым людям возможность законным способом реализовать возросшие материальные запросы, что выступает одной из важнейших причин распространения девиантного поведения в молодежной среде [3, 4].

Важно осознавать, что выбор молодым человеком своего социального статуса и профессии не исчерпывает всей сложности процесса социально-профессионального и – тем более – жизненного самоопределения. Отсюда необходимость целостного подхода к изучению этого процесса, охват различных срезов социальной структуры общества, компоненты которых являются непосредственными объектами жизненного самоопределения молодежи, составляют содержание их профессиональной социализации. Обратимся к анализу социально-психологического самочувствия уральских студенток в предверии окончания вуза, вступления в самостоятельную трудовую жизнь.

В опросе «Студентки УрФУ – 2015» будущим молодым специалистам задавался вопрос: «Какие планы у Вас лично после окончания вуза (в течение последующих 3-5 лет)? Можно отметить несколько пунктов, наиболее важных для Вас» получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных – 450 студенток):

найти хорошее место работы, которое бы устраивало меня по всем позициям	- 64
материально «крепко встать на ноги» (купить квартиру, машину, хорошо зарабатывать)	- 63
выйти замуж	- 57
родить ребенка	- 46

путешествовать по миру	- 33
продолжить учиться, освоить другую профессию	- 20
серьезно заняться своим здоровьем	- 19
уделять больше внимания своему культурному развитию (чаще ходить в театры, читать книги, слушать музыку и т. д.)	- 15
постараться уехать работать и жить в другую страну	- 14
сделать политическую (общественную) карьеру	- 11
остаться жить в России, в своем городе	- 2
уйти в науку, попытаться защитить диссертацию	- 5

Нетрудно видеть, что на среднесрочную перспективу (5-10 лет) в жизненных планах студенток доминируют две основные задачи. Первая – материально-экономическое самоутверждение, связанное с профессиональной деятельностью. И вторая – создание «нормальной» собственной семьи, включающей рождение детей. Немаловажно, что большинство наших респонденток уверены в реализации своих жизненных планов. На вопрос «Уверены ли Вы в осуществлении своих жизненных планов?» отметили вариант «да» – 43 % из общего числа респонденток, и вариант «скорее да, чем нет» – 56 %. Интересно, на чем основана эта уверенность? На вопрос анкеты: «Если уверены, то, что подкрепляет, прежде всего, Вашу уверенность, на чью помощь Вы рассчитываете? (Можно отметить несколько пунктов, наиболее вероятных для Вас)», были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных – 450 чел.):

помощь родных, родственников	- 66
уверенность в себе, в своих целях	- 56
помощь друзей	- 42
помощь знакомых, влиятельных людей	- 9
помощь администрации вуза	- 0
помощь преподавателей вуза	- 1
помощь администрации области, города	- 0

Корневым вопросом для девушек при создании стабильной и счастливой является «правильный», «удачный» выбор брачного партнера, то есть, будущего мужа, будущего отца своих детей. Чем руководствуются, какие требования выдвигают уральские невесты при выборе своих женихов? Обратимся к результатам нашего опроса «Студенты-Урал – 2002» При организации в молодежных аудиториях микроопроса 1000 студентов, каждому из респондентов (на отдельном листке) для ознакомления предлагался список качеств, жизненных индикаторов, которыми руководствуются (ценят), как правило, молодые люди при выборе друга, товарища, невесты, жениха и т. д., состоящий из 23 позиций (качеств). Затем, в частности, предлагалось выбрать 5-6 качеств (самых-самых), которые, как правило, ценит: а) отец в своем сыне; б) невеста – в своем женихе. Ниже приводятся данные опроса (% общего числа респондентов – 1000 чел.; в числителе ответы по ситуации «а)», в знаменателе – «б»):¹

физическое здоровье	- 55 / 33
умение заработать на жизнь	- 51 / 44
трудолюбие	- 46 / 22
принципиальность, честность, порядочность	- 44 / 31
природный ум, интеллект	- 37 / 26
исполнительность, ответственность	- 37 / 11
трезвенность	- 36 / 35
хорошее образование, профессия	- 36 / 19
хозяйственность, хороший хозяин, хозяйка в семье	- 28 / 44

¹ Данные выстроены согласно иерархии ответов по позиции а).

оптимизм	- 22 / 20
физическая чистоплотность, опрятность	- 22 / 48
серьезность чувств, разборчивость, целомудрие	- 16 / 28
наличие чувства юмора	- 15 / 22
доброта, милосердие к людям	- 15 / 13
умение любить, заботиться «о ближнем», сопереживать	- 12 / 37
хороший организатор	- 12 / 4
материальная обеспеченность, наличие денег	- 10 / 25
красота внешняя, физическая привлекательность	- 6 / 20
жилищная обеспеченность	- 6 / 21
чадолюбие, любовь к детям	- 5 / 29
умение одеваться, наличие вкуса	- 4 / 13
порядочность семьи, родители – «хорошая семья»	- 4 / 31
модная, богатая одежда	- 2 / 3

Данные таблицы представляют богатую пищу для размышлений о ценностных ориентациях в сфере социализации современной российской молодежи. Здесь же нам хотелось обратить внимание лишь на существенные различия «спроса и предложения» качественных характеристик потенциальных женихов: формируемых у них в родительской семье и предъявляемых ему со стороны семьи своей невесты, прежде всего – со стороны тещи¹.

Согласно традиции, основанной О. Контом, семья как основная единица (клеточка) общества и его наиболее устойчивый институт подвергалась изучению, прежде всего, с точки зрения ее социализационной функции. Социологи изначально видели в ней ту основу, на которой формируются политические структуры, складываются и развиваются любые исторические общности (род, племя, народ). Этим утверждалось то важное положение, что семья как сфера и инструмент социализации индивидов служит хранительницей культурных традиций общества, что она есть та форма жизнедеятельности, в которой вырабатываются механизмы согласования взглядов индивидов, принадлежащих к разным поколениям. И, что особенно важно здесь подчеркнуть, поскольку это служит выражением одного из существенных признаков семьи как социального института, – она есть та естественная среда, где постоянно встречаются старое и новое и происходит соединение традиции и новаторства. Таким образом, взгляд исследователя фиксировал момент, связанный с особым содержанием жизни семьи, благодаря которому в ней совершается творческая переработка материала действительности [5. с. 53].

В опросе «Студентки УрФУ – 2015» ряд вопросов анкеты касался выяснения образа семьи и семейной жизни в сознании девушек (молодых женщин). Ниже представлены формулировки вопросов и полученные ответы (% от общего числа респондентов – 450 чел.)

Как Вы считаете, сегодня молодые люди заключают между собой браки по любви или нет?

да, женятся и выходят замуж, как правило, по обоюдной любви;	51
по любви одного из двух партнеров;	29
по другим обстоятельствам	20

Допускаете ли Вы для себя вступление в брак без обоюдной любви?

нет, категорически	- 53
допускаю	- 15
трудно сказать	- 32

¹ Результаты опроса «Урал-2002» позволяют анализировать ценностные ориентации друзей, подруг, матерей, отцов, учителей, свекров, свекровей не только по отношению к юношам, но и к девушкам.

Как Вы относитесь к тому, что многие молодые люди вступают сегодня в брак, имея за плечами опыт сексуальной жизни» (в числителе – ответы относительно добрачного поведения мужчин, в знаменателе – женщин)

добрачный опыт просто необходим	- 45 / 23
в нем особой необходимости нет, но нет и ничего плохого	- 34 / 39
этого просто нельзя допускать	- 14 / 27
трудно сказать	- 7 / 11

Как Вы считаете, для того чтобы считаться «хорошей женой» обязательно ли современной замужней женщине самой уметь выполнять следующие домашние работы? (Вариант: Как правило, жена-мать должна уметь и делать это сама, для своей семьи):

готовить вкусную еду, обеды, напитки	- 99
поддерживать чистоту, порядок в квартире	- 99
печь пироги, торты	- 50
делать на зиму заготовки (варенье, соленья и т.п.)	- 41
шить, вязать, чинить одежду	- 29

Психологические исследования последних десятилетий, как в нашей стране, так и за рубежом, показали, что материнские чувства, навыки не являются врожденными, биологически наследуемыми. Они не заложены в генетической программе поведения, а являются прижизненно сформированными социально-психологическими образованиями, всецело зависящими от социальной среды, системы культуры, системы воспитания. К сожалению, в широком общественном сознании бытует мнение о пресловутом материнском инстинкте, который якобы автоматически проявляется у каждой женщины в тот период, когда она становится матерью. Из подобных представлений логически следует вывод, что миллионы девушек могут стать матерями стихийно, вполне «естественным» путем, что нет никакой необходимости воспитывать и готовить их к исполнению семейных и материнских обязанностей. Эти широко распространенные мнения не так безобидны, как это может показаться на первый взгляд. У человека не существует так называемого материнского инстинкта. Материнские чувства у девочки формируются путем игры, подражания, внушения, научения, через усвоение социальных стандартов и стереотипов поведения.

Обратимся вновь к результатам опроса «Студентки УрФУ – 2015». Посмотрим, каково мнение 450 уральских студенток по некоторым позициям, связанным с обретением социально-биологического статуса матери» (вопрос – ответ):

Как Вы думаете, когда молодой семье следует заводить первенца?

сразу после свадьбы, невзирая на материальные и жилищные условия молодоженов	- 7
только тогда, когда будет создана материальная база, хорошие жилищно-бытовые условия семьи	- 70
как получится	- 20
затруднились ответить	- 3

«Сколько детей Вы хотели бы иметь в своей семье, если бы для этого были все необходимые условия:

одного	- 9
двух	- 65
трех	- 19
четырёх и более	- 6
ни одного	- 1

Допускаете ли Вы развод в семье, имеющей общих детей:

категорически не допускаю	- 18
по обстоятельствам	- 72
допускаю, это нормально	- 10

Хотели бы Вы, чтобы у вас была семья, как у Ваших родителей:

да, хотела бы	- 42
кое-что нужно изменить	- 22
нет, не хотела бы	- 36

В конце XIX в. Г. Спенсер отметил уже начинающийся, по его наблюдениям, факт разложения семьи и ставил вопросы: «Представляют ли эти попытки дезинтеграции (разложения) семьи необходимые ступени нормального прогресса? Можно ли ожидать и желательно ли, чтобы семья совершенно разложилась?» На эти вопросы он отвечал отрицательно и с точки зрения возможности и желательности. Он думал, что процесс разложения семьи остановится. «Я не только не ожидаю, чтобы дезинтеграция (разложение) семьи могла пойти еще дальше, но, напротив того, имею данные подозревать, – писал он, – что она уже зашла слишком далеко... и мы должны ожидать теперь движения по обратному направлению» и, вероятно, «семья, состоящая из родителей и детей, восстановится снова и даже подвергнется дальнейшей интеграции (сплочению)» [6. с. 73-74].

Сегодня РПЦ стремится восстановить утраченные связи и расширить свое присутствие в российских вузах. Свидетельством такого стремления, в частности, может служить факт выступления Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла на IX Съезде Российского Союза ректоров, состоявшемся в марте 2009 г., где он сказал буквально следующее: «Мы с вами должны воспитывать. И нет никакого оправдания перед Высшей школой, если она отказывается от этого величайшего своего предназначения – воспитывать нравственную, высокоинтеллектуальную личность» [7].

Также приведем цитату из другого выступления Патриарха: «Стоит задача интенсифицировать свидетельство Православной Церкви в вузах России. Церковь входит и должна все глубже и глубже входить в самую жизнь российского студенчества, делить его радости и скорби, иметь его не объектом попечения, но стать неотделимым от него субъектом» [8]

Об определенных успехах идеологии РПЦ среди различных категорий российского населения (в нашем случае, в среде уральского студенчества) можно судить, хотя бы по данным нашего опроса «Студент-Церковь – 2010». Ниже приведены результаты ответов 680 студентов на ряд вопросов, касающихся матримониальных отношений респондентов на тот или иной вопрос (% от общего числа опрошенных в каждой группе; в числителе – ответы молодых мужчин – 350 чел.; в знаменателе – молодых женщин – чел.):

Оцените, насколько важны для благополучного брака общность религиозных взглядов:

очень важна	- 7 / 10
довольно важна	- 19 / 24
не очень важна	- 39 / 47
совсем не важна	- 35 / 19

Как Вы считаете, будет ли брак молодоженов крепче, если они пройдут обряд венчания в церкви:

да, будет	- 18 / 11
не будет	- 22 / 18
крепость брачного союза зависит от других факторов	- 51 / 64
затруднились ответить	- 9 / 7

«Социология, при условии, что ею занимаются надлежащим образом, – отмечает Э. Гидденс, – обречена в некотором отношении всегда оставаться наукой, вносящей сумятицу в умы. Она не годится для потворства предрассудкам, которые интуитивно защищают люди, не склонные к размышлению» И далее: «Сегодня мы знаем о семье несравнимо больше, чем раньше. Мы были вынуждены подвергнуть радикальной переоценке свое понимание природы нынешних семейных институтов под воздействием более систематического и адекватного проникновения в их прошлое. Изучение семьи, которое было принято считать скучнейшим занятием, оказалось одним из самых увлекательных и захватывающих предприятий» [9, с. 57].

© Павлова В. И., Павлов Б. С., Сарайкин Д. А., Степанова А. Ю. Текст. 2016.

Список источников

1. Павлов Б. С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей. На примере Урала // ЭКО. – 2013. – № 7. – С. 128-138.
2. Павлов Б. С. Трансформация института семьи на Урале в условиях социально-экономических деструкций // Экономика региона. – 2013. – № 3. – С. 121-131.
3. Павлов Б. С. Над опасным «социальным Придоньем». О девиантной субкультуре подростков // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 69-80.
4. Девиации уральских студентов в преддверии получения профессионального статуса / Павлов, Б. С., Павлова В. И., Камскова Ю. Г., Сарайкин Д. А. // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 12. – С. 56-61.
5. Кукушкина Е. И. Семья и семейные традиции в современной глобалистике // Вестник Московского университета. – 2000. – № 1. – (18. Социология и политология)
6. Спенсер Г. Основание социологии. – Сиб., 1898. – Т. 2.
7. Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на IX съезде Российского Союза ректоров // Российский Союз ректоров [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rsr-online.ru>.
8. Патриаршее приветствие участникам и гостям I конференции домовых храмов при университетах (вузах) России // Московский Патриархат. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/598045.html>
9. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – Т. 1. – Вып. 1. (зима).

Информация об авторах

1. Павлова Вера Ивановна (г. Челябинск, Россия) – доктор биологических наук, профессор, Челябинский государственный педагогический университет (454090, г. Челябинск, пр. Ленина, д.33; e-mail: dribevirus@nm.ru)
2. Павлов Борис Сергеевич (г. Екатеринбург, Россия) – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: pavlov_boris@mail.ru).
3. Сарайкин Дмитрий Андреевич г. Челябинск, Россия) – кандидат биологических наук, доцент, Челябинский государственный педагогический университет (454090, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 33)
4. Степанова Анна Юрьевна (г. Екатеринбург, Россия) – старший преподаватель, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: anna_st.07@mail.ru)

Pavlova V.I., Pavlov B. S., Saraykin D. A., Stepanova A.Yu
FAMILY AND FAMILY LIFE IN CONSCIOUSNESS AND VITAL PLANS OF
STUDENTS OF THE URAL HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

In the offered article authors, analyze some aspects of youth female consciousness in the sphere of the family-marriage relations. Features of valuable orientations of students in the sphere of the matrimonial relations become known: at the choice of the partner in life and creation of own family, the birth and education of posterity, preservation of the marriage union. Special aspect of article – the analysis of participation of students in religious culture in the solution of the questions connected with formation of young families. They carried out polls by which data authors of article are guided in student's audiences of a number of higher education institutions of two Ural cities: Yekaterinburg and Chelyabinsk in 2002-2015.

Keywords: students, family, demographic behavior, mother, children, family values, stability of marriage, family policy.

Information about authors

1. Pavlova Vera (Chelyabinsk, Russia) – Doctor of Biology Sciences, Professor, Chelyabinsk State Pedagogical University (33, Lenina ave., Chelyabinsk, 454090, Russia).

2. Pavlov Boris (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moscovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia).

3. Saraykin Dmitriy (Chelyabinsk, Russia) – Candidate of Biology, Assistant Professor, Chelyabinsk State Pedagogical University (33, Lenina ave., Chelyabinsk, 454090, Russia).

4. Stepanova Anna (Yekaterinburg, Russia) – Senior Lecture, Ural Federal University (19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia)

УДК 314.6

В.В. Пациорковский

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ - СОЦИАЛЬНАЯ НОРМА ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ

В работе дается обоснование большой семьи как социальной нормы семейной организации жизни. Раскрывается репродуктивное и социальное значение моногамии. Приведена сравнительная характеристика исторического и современного семейного состава населения и домохозяйств в России.

Ключевые слова Семья, типы семьи, воспроизводство населения, социальная норма, социальная моногамия, домохозяйство

В заявлении от 12 февраля 2016 г. руководителей двух крупнейших христианских церквей отмечается: «Семья — естественное средоточие жизни человека и общества. Мы обеспокоены кризисом семьи во многих странах. Православные и католики, разделяя одно и то же представление о семье, призваны свидетельствовать о семье как пути к святости, являющем верность супругов по отношению друг к другу, их готовность к рождению и воспитанию детей, солидарность между поколениями и уважение к немощным» [10].

Это определение весьма существенно отличается от ходящего из публикации в публикацию понимания семьи как «основной ячейки общества» или «одного из первых социальных институтов» [5, с. 51, 80, 98]. Оно имеет как минимум четыре существенные особенности. Во-первых, в нем семья рассматривается как природное (естественное) средоточие жизни человека и общества. Такой подход вполне корректен, если учесть, что биология давно и внимательно занимается изучением места и роли семьи в живом мире. «Любовь... это лишь внешняя часть биологического айсберга под названием «репродукция»» [2]. Из этого, кроме всего прочего, следует, что семья имеет смысл только там, где есть различие полов (половой диморфизм) и обоюдное желание к продолжению рода. Во-вторых, из рассматриваемого определения следует, что человек не

только зачинается и появляется на свет в семье. Такой ход событий обеспечивает генетическая (сексуальная) моногамия. Суть дела состоит в том, что в дальнейшем именно в семье человек становится собственно человеком. Действенность этого механизма обеспечивает социальная моногамия – одно из самых загадочных и не до конца понятных явлений живой природы. В-третьих, одиночки, однополые браки, бездетные семьи не могут быть носителями солидарности поколений и уважения к немощным. В полной мере этот вопрос касается только расширенных и составных, многопоколенных и многодетных семей, для которых характерна большесемейная организация повседневной жизни. Наконец, в-четвертых, судя по всему, общество исходно представляет собой продукт распространения социальной связи и социальных отношений мужчины и женщины в семье на окружающих их людей. В первую очередь это касается кровных родственников, далее родных и близких, а уже затем соседей, друзей и знакомых.

Уместно еще раз обратить внимание на то, что биологический источник семьи – взаимное желание продолжения рода. В то же время социальный источник семьи – взаимное желание оставить после себя потомство, способное к продолжению человеческого рода. При этом мужчина ищет верную женщину. Он хочет быть уверен, что родившийся ребенок его. Женщина, напротив, до зачатия ищет мужчину – качественного производителя потомства. А после родов – защитника и кормильца, который способен выдержать тяготы социализации детей. Не исключено, что всему человеческому в нас мы обязаны столь продолжительному периоду взросления. «Многие исследователи считают, что человек не способен развиваться без длительного попечения родителей, так как взрослению предшествует достаточно долгий период беспомощности. И именно постоянное внимание и продолжительный уход обоих родителей позволил человеку со временем обрести большой мозг» [6].

В конечном счете, биосоциальный смысл семьи представляет собой максимизацию в ограниченных индивидуальных ресурсах двух особей для безопасности и успеха их потомства и личной жизни каждой из сторон в обществе. С этой точки зрения социальная моногамия может рассматриваться как вполне функциональный природный инструмент эволюции. Поэтому она и наблюдается у многих видов живых существ, в том числе и у человека. В то же время однополые браки имеют только социальный смысл. Желание такой связи может возникнуть лишь в случае отсутствия репродуктивных установок.

Вполне возможно, что большие, многодетные и многопоколенные семьи правильно рассматривать как социальную норму семейной жизни. Это открывает возможность наполнения вполне определенным содержанием понятия семьи и ряда других производных понятий. Например, «полноценная семья» [5, с. 52] или «нуклеарная семья». Скажем, весьма распространенная и привлекательная во всех отношениях нуклеарная семья с одним или двумя детьми не воспроизводит себя. Поэтому ее трудно считать нормой.

При таком подходе «иные формы сожителства» корректно понимать не как новые типы семьи, а как временные, переходящие отклонения от нормы. «Семья основана на браке как акте свободной и верной любви между мужчиной и женщиной. Любовь скрепляет их союз, учит их принимать друг друга как дар. Брак — это школа любви и верности. Мы сожалеем, что иные формы сожителства ныне уравниваются с этим союзом, а освященные библейской традицией представления об отцовстве и материнстве как особом призвании мужчины и женщины в браке вытесняются из общественного сознания» [10].

В этой связи полезно сопоставить исторические и современные формы организации семейной жизни в нашей стране. Как отмечает Б. Миронов в социальной истории России: «Отдельные локальные исследования подтверждают расчет, что семьи с численностью до 5 человек включительно чаще всего являлись малыми, в 6 человек – расширенными и в 7 и более составными. Среди последних, с числом членов 11 и более человек, значительная часть, вероятно, относилась к большим семьям» [3]. Для современной организации семьи

одиночки сохраняют возможность прямых сопоставлений. И малая семья в качестве общей категории для брачных пар, нуклеарных и неполных семей не исключает такую возможность. Но ее размер сегодня уже не может выходить за пределы 4 человек. Расширенная семья в современном понимании – брачная пара с детьми до 18 лет и другими родственниками как по существу, так и по численности, очень близка к своему историческому прототипу. Наиболее радикальные изменения касаются больших семей.

Составные (смешанные) семьи сегодня – это брачная пара (один из бывших супругов) с взрослыми детьми или другими родственниками, но в ней нет брачной пары с детьми до 18 лет. Для такой категории, как большая семья в историческом понимании, возможности современных сопоставлений практически исключены. Начиная с переписи 2002 г., последней группировкой домохозяйств по их численности большой семьей является семья «6 и более человек».¹ В то же время данные общих выборочных обследований домохозяйств дают для этой группировки величины, не позволяющие выделить такие семьи из статистической погрешности.

В целом, если учесть, что нуклеарная семья с тремя детьми сегодня является большой редкостью, то все семьи, состоящие из 5 и более человек можно отнести к расширенным и составным семьям. При такой интерпретации можно сформулировать изменения в семейной организации (табл.).

Таблица

Удельный вес различных типов семейной организации в составе домохозяйств и населения России (в %)

Типы семьи	Конец XIX в. Европейская Россия		Россия 2010 г.	
	Домохозяйства	Население	Домохозяйства	Население
Одиночки	2,9	0,5	25,7	9,8
Малая семья	50,5	34,2	65,5	69,7
Расширенная и составная семья	42,0	56,0	8,8	20,5
Большая семья	4,6	9,3	-	-
Всего	100	100	100	100

Источники: Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. – СПб. : Дмитрий Булавин, 2003. С. 226; Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 6. Число и состав домохозяйств [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Приведенные в таблице данные позволяют увидеть, какие огромные изменения произошли в стране в семейной организации населения в наблюдаемый период. Одиночки из эпизодического явления (0,5%) XIX в. сегодня стали составлять почти десятую часть населения (9,8%). Малые семьи, в которых ранее жила треть населения (34,2%), стали преобладающей формой семейной организации (69,7%).

Расширенные и составные семьи, в прошлом объединявшие 56% населения, теперь охватывают 20,5% жителей страны. О больших семьях как форме семейной организации в терминах ушедших времен сегодня и говорить не приходится. Вместе с тем в связи с ростом их удельного веса вполне возможно, что семьи, состоящие из 6 и более человек, на перспективу можно рассматривать в качестве больших семей. В этом, на наш взгляд, и кроются основные причины и истоки демографического кризиса. Внедрив планирование семьи и сделав малую, как правило, нуклеарную семью преобладающей формой организации семейной жизни, общество разрушило социально-биологическую защиту материнства и детства. Вполне резонно предположить, что сегодня страх за свое будущее и будущее ребенка, переживаемый женщиной, передается новым поколениям еще во внутриутробном состоянии. В пользу указанного обстоятельства свидетельствует и тот факт, что в наше время беременность и роды из естественного состояния все больше и

¹ Число и состав домохозяйств. Итоги Всероссийской переписи 2002 г. Т. 6. М. :ФСГС, 2005.

больше трансформируются в медико-патологическое явление, связанное с заболеваемостью и характерными для нее последствиями и осложнениями.

Отсюда и все растущая потребность в перинатальных центрах, фактически идущих на смену традиционным родильным домам. Суть работы перинатального центра состоит в том, чтобы обеспечить наблюдение за жизнью и здоровьем беременной женщины с первых дней беременности [4]. При этом перинатальные врачи и психологи стараются сделать то, что веками делалось теперь уже разрушенным ближайшим окружением молодой женщины (мужьями, мамами, папами, сестрами, бабушками и др.). Сама потребность в таких медицинских учреждениях – сигнал нарастающих социальных и медико-биологических проблем в воспроизводстве населения. Вполне возможно, что в недалеком будущем получающие сегодня все более широкое распространение перинатальные центры станут центрами репродукции человека. Справедливости ради следует отметить, что это будет уже другое время и обсуждать его надо в другом месте.

Конечно, можно много говорить о промышленной революции и освобождении труда, эмансипации и равенстве, индустриализации и коллективизации, равно как и о демократии, ее ценностях. Все это очень слабо соотносится с изменениями, которые произошли в наблюдаемый период в общественном и личном сознании в осознании роли и места домохозяйства в современной жизни. Ошибочно связывать будущее рождаемости с контрмодернизацией. Тем не менее, без отказа от сложившейся практики планирования семьи и восстановления фундаментальной роли домохозяйства в жизни общества очень сложно достигнуть устойчивых успехов не только на путях выхода из демографического тупика и стабилизации воспроизводства населения, но и общественного развития в целом.

На наш взгляд, а делать это крайне необходимо. Поскольку регулирование рождаемости ведет к деградации генофонда и нарушению этногенеза. Отказ от естественного отбора и здоровой конкуренции передает всю тяжесть факторов наследственности все-таки появившимся на свет детям.

В условиях сохраняющегося в течение продолжительного времени режима выживания, порожденного переходом к рыночным отношениям, составные многопоколенные семьи оказались более приспособленными как к поддержанию сложившегося ранее уровня жизни, так и к защите детства и материнства [7-9]. Особенность многопоколенных, как сложных, так и смешанных семей состоит в том, что они могут хорошо сохраняться и функционировать не только под одной, но и под разными крышами. В то же время пространственная доступность ближайших родственников, взаимопомощь и хотя бы частичная общность хозяйства служат обязательными условиями их существования. По нашим выборочным данным, в переходный период число таких семей росло опережающими темпами. В них, как под зонтиком, укрывались от невзгод происходящих перемен остатки многих распавшихся нуклеарных семей, а также дети, потерявшие своих родителей. Сколько бы мы ни говорили о семейных ценностях, они просто не могут поддерживаться атомарной, открытой всем капризам, ветрам и невздам нуклеарной семьей. В сравнении с институтами экономики она скорее напоминает фирму-однодневку, чем серьезное предприятие. Она может не брать на себя никаких обязательств и жить в свое удовольствие. А может, набрав их, отказаться от их выполнения. Она стремится быть свободной от долгов, но оказывается, что и ей никто и нечего не должен. У всех, даже вчерашних детей, вкусивших все прелести гиперсоциализации единственного ребенка, своя жизнь. И часто, как отмечалось ранее, она не ориентирована на продолжение потомства.

Видимо, в паре семейный состав – усадебное жилище ведущую роль играет все же семейный состав. Об этом убедительно свидетельствует опыт США. Здесь сделали доступным строительство или приобретение дома для каждого человека, имеющего постоянное рабочее место. Практически каждая вновь созданная молодая семья здесь сначала арендует, а затем строит или покупает свой дом.

Одновременно общим неукоснительно соблюдаемым в стране правилом является то, что каждый ребенок, окончив среднюю школу, покидает родительский дом, сначала для целей учебы, а затем карьеры и создания, если у него есть такая потребность, собственной нуклеарной семьи. Эта семья построит свой дом, а в качестве срока своего существования опять же будет иметь максимальный период жизни в одно поколение. О «родовом гнезде» для нескольких поколений и говорить не приходится. А жаль, вполне возможно, что именно в связи состав семьи – родовое гнездо кроются тайны расширенного воспроизводства человека.

По сравнению с нуклеарной, многодетная и многопоколенная семья – это другая цивилизация, к которой каждый ее член принадлежит по праву своего рождения. Благодаря ей он исходно вписан в широкий круг социальных отношений и связей, опирающихся как на требования сегодняшнего дня, так и на прошлое и будущее. В отношении любого ребенка в такой семье существуют четко закрепленные обязанности не только у отца с матерью, но и ближних и дальних родственников. Достаточно сказать, что обычное право распространяет такие обязанности и на крестных родителей. Так создаются дублирующие системы тройной защиты материнства и детства.

О существовании органов опеки и попечительства, детских домов, интернатов и тем более колоний для малолетних преступников в таких системах организации жизни людей даже и не подозревают. Этот факт надо учитывать при формировании новых векторов демографического развития. Вполне понятно, что многодетность связана со снижением уровня жизни. Но это обстоятельство нельзя рассматривать как порок. Пороком должны считаться малодетность и – тем более – отказ иметь детей. Именно в этом случае семейная пара, окунаясь в потребительство, образ жизни «здесь и сейчас», порывает связь со своей природой и собственной миссией. Вряд ли можно сомневаться в том, что если в ближайшие годы в сельскую местность, которая исходно слабее связана со стандартами потребительского поведения, навязываемыми современным массовым обществом, вложить сопоставимый с городом объем материальных затрат и организационных усилий, результаты, как в демографическом развитии, так и в других секторах социальной жизни и экономике не заставят себя ждать. Ведь между жилищными условиями и демографическим развитием существует прямая зависимость. «По статистике, семьи, проживающие в частных домах, как правило, имеют больше детей, чем живущие в городских кварталах. Изменение градостроительной концепции страны в пользу частного домовладения приведет к строительному буму, который подтолкнет к резкому, скачкообразному росту строительной индустрии и заставит людей вкладывать в жилье собственные деньги» [1].

Подобное развитие событий не может не отразиться на удовлетворении потребности основной части домохозяйств в современном жилище. Более того, если учесть, что к настоящему времени почти весь жилой фонд приватизирован, то задача улучшения жилищных условий ложится на семью и домохозяйство. Государство же в новой реальности скорее должно способствовать созданию благоприятных условий для решения семей рассматриваемых задач, чем принимать непосредственное участие в их достижении.

Это обстоятельство особенно важно подчеркнуть в связи с тем, что современное жилище, соответствующее потребностям больших семей, предполагает индивидуальное домостроение усадебного типа, а именно дом, двор, хозяйственное подворье и земельный участок. Только в таком жилище сегодня и на перспективу возможно удовлетворение разнообразных потребностей всех половозрастных групп населения от грудных детей до немощных стариков. Уместно отметить, что указанный вектор развития связан главным образом с сельской местностью, малыми городами и пригородом.

Список источников

1. Демографический кризис в России. Причины и пути выхода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zavet.ru/rapsbio3.htm>
2. Климов В. Создание семьи в мире [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/20719/>
3. Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. – СПб. : Дмитрий Булавин, 2003.
4. Московский областной перинатальный центр [Электронный ресурс]. URL: <http://morc.ru/>
5. Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. – М. : Изд-во «Экон-Информ», 2015. – 318 с.
6. Паймакова М. Природа придумала моногамию для защиты потомства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1112400&cid=2161>
7. Пациорковский В. В. Сельско-городская Россия. – М.: ИСЭПН, 2010. – 390 с.
8. Пациорковский В. В., Пациорковская В. В. Домохозяйство и семья в сельской России. // Социологические исследования. – 2010. – № 2. – С.113-119.
9. Пациорковский В. В. Сельская Россия. Приоритеты развития. – М. : Поколение, 2009. – 198 с.
- 10/ Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла. 12 февраля 2016 г., Гавана. Пункт 19. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html>

Информация об авторе

Пациорковский Валерий Валентинович (Россия, Москва) – доктор экономических наук, заведующий лабораторией, ФГБУН Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, ИСЭПН РАН: patsv41@gmail.com).

Patsiorkovsky V.V.

LARGE FAMILY - SOCIAL NORMS PEOPLE'S LIVES

The paper gives a justification for a large family as a social norm of family life organization. It expands reproductive and social importance of monogamy. The comparative characteristic of the historic and the modern family structure of the population and households in Russia is showed.

Keywords. Family, family types, the reproduction of the population, .social norm, social monogamy, household.

Information about the author

Patsiorkovsky Valery (Moscow, Russia) - Doctor of Economics, Head of Laboratory, FGBUN Institute of Socio-Economic Studies of Population (117218, Moscow, 32, Nakhimovsky prospect, ISESP RAS, e-mail: patsv41@gmail.com).

УДК 365.264

В. Ю. Черкасова, М.С. Маслова

ПОВЫШЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ ЖИЛЬЯ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ "ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИЛЬЕМ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ" (НА ПРИМЕРЕ БЕРЕЗОВСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА)

Статья посвящена мерам социальной поддержки молодой семьи в рамках улучшения жилищных условий в Российской Федерации. В работе рассматриваются

существующие направления реализации жилищной политики в отношении молодой семьи. Исследуется проблема доступности жилья для молодых семей на территории Березовского городского округа (по материалам социологического исследования).

Ключевые слова: жилищная политика, молодая семья, обеспечение жильем молодых семей, доступность жилья, Березовский городской округ

Молодая семья является одной из самых незащищенных социальных групп, все процессы ее становления сопровождаются множеством проблем, которые непосредственно влияют на ее развитие и функционирование. При этом молодая семья – это залог будущего страны, так как именно на нее возложена репродуктивная функция.

В связи с этим возникает необходимость повышения внимания со стороны федеральных и местных органов власти к вопросам семьи, демографической ситуации, разработке и принятию мер социально-правовой поддержки молодой семьи.

На сегодняшний день не существует отдельного федерального закона, в котором бы фиксировались единый подход к понятию молодой семьи и основные положения данной категории в целом. Все существующие определения понятия «молодая семья» можно найти в постановлениях, концепциях и программах развития молодежной, семейной и жилищной политики.

Так, в Постановлении Верховного Совета молодая семья – это семья, в первые 3 года после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака) при условии, что ни один из супругов не достиг 30-летнего возраста [5]. Таким образом, здесь учитываются такие параметры, как возраст супругов, наличие детей, а при их отсутствии и стаж проживания в браке. За 14 лет произошла некоторая трансформация определения, и в Концепции государственной политики в отношении молодой семьи в 2007 году «молодая семья» – это семья, возраст каждого из супругов в которой не превышает 30 лет, либо неполная семья, состоящая из одного молодого родителя, возраст которого не превышает 30 лет, и одного и более детей [2]. Такой параметр, как стаж проживания в браке здесь уже не учитывается, но добавляется параметр неполной семьи, в которой есть только один родитель и один или несколько детей. Возраст родителей остается неизменным. Однако если говорить о понятии «молодая семья» в жилищных программах, то в принятой подпрограмме «Обеспечение жильем молодых семей» программы «Жилище» на 2011–2015 гг. фиксирует, что возраст каждого из супругов (одинокоего родителя) не может быть более 35 лет [4]. Таким образом, в данном случае «молодая семья» – это семья, возраст каждого из супругов в которой не превышает 35 лет, либо неполная семья, состоящая из одного молодого родителя, возраст которого не превышает 35 лет, и одного и более детей.

На сегодняшний день жилищный вопрос является самой актуальной проблемой, с которой сталкивается молодая семья. К сожалению, сравнительно небольшой процент молодых семей имеет собственное жилье. Далекое не всем новоиспеченным семьям родители могут оказать содействие в покупке жилья, а самостоятельно молодоженам получить доступ на рынок жилья – задача трудновыполнимая. В связи с этим решение жилищной проблемы имеет огромное практическое значение: создает для молодежи стимул для повышения рождаемости и качества трудовой деятельности, с целью повышения заработной платы.

По данным федеральной службы государственной статистики, в 2014 г. только 5% от числа всех семей, состоявших на учете на начало 2014 г., получили жилые помещения (138 тыс. семей из 2716 тыс. семей). Из них – 30 тыс. молодых семей. Всего в 2014 г. на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях состояли 442 тыс. молодых семей. Таким образом, только 6,7% молодых семей смогли улучшить свои жилищные условия в 2014 г. За последние пять лет максимальный процент молодых семей, улучшивших свои жилищные условия, был зафиксирован в 2012 г., когда эта цифра приблизилась к 10%.

Безусловно, даже 10% – это очень маленькая цифра, позволяющая говорить о нерешенности жилищной проблемы молодых семей.

О том, что жилищная проблема является актуальной для молодежи, свидетельствует и социологический опрос, проведенный среди молодых семей (возраст 18-35 лет), проживающих на территории Березовского городского округа в Свердловской области. Из них 85,5% состоят в зарегистрированном браке, 14,5% – неполные семьи (одинокое матери, воспитывающие детей), 56,4% – граждане, имеющие одного ребенка, 21,8% – двоих, 7,3% – троих, 14,5% – не имеющие детей.

В целом, по результатам социологического опроса, более половины респондентов – 71,9 % оценили ситуацию с доступностью жилья на территории города как плохую, 14% считают ее удовлетворительной и только 1,8% – отличной, оценки «хорошо» не поставил ни один из респондентов.

Важную роль здесь играет то, какое значение вкладывают респонденты в понятие «доступное жилье». Ответы на вопрос «Как Вы понимаете словосочетание “доступное жилье”?» показывают, что в большинстве случаев (59,6%) у семей оно ассоциируется с понятием «льготное жилье», приобретенное у государства на льготных условиях. Близко к этому звучат и другой вариант ответа: это бесплатное жилье, полученное от государства или предприятия (12,3%).

Несколько иначе трактуют это понятие 26,3% респондентов: «доступное жилье» – это состояние рынка, которое предоставляет возможность населению, имеющего определенные доходы, при существующем уровне цен на жилье приобрести его в собственность. Здесь речь уже идет о соответствии стоимости жилья тем имеющимся у людей средствам и их семейным доходам.

Более половины респондентов (86,1%) считают или склонны считать себя нуждающимися в улучшении жилищных условий. Однако только 16,2% обращались в Администрацию Березовского городского округа для постановки на учет, при этом ни один респондент не ответил, что его семью признали нуждающейся (либо затруднились ответить, либо ответ был отрицательным). Такой маленький процент обращений связан, во-первых, с низким уровнем информированности граждан о существующих программах, реализующихся на территории (по данным социологического опроса, только 20% респондентов знали о реализации программ); во-вторых, с «бумажной волокитой» в государственных и муниципальных органах (так, более половины респондентов – 63,2% из тех, кто обращался для постановки на учет, охарактеризовали работу администрации «плохо» и «удовлетворительно»; остальные же респонденты воздержались от ответа).

На вопрос о том, планируют ли респонденты улучшить свои жилищные условия в ближайшие три года, 21,6% респондентов уверенно ответили «да», 37,8% ответили «скорее да», остальные респонденты ответили отрицательно или затруднились ответить. Однако главными факторами, которые могут стать препятствием для улучшения жилищных условий, стали: высокая стоимость квадратного метра (78,4%); низкие доходы семьи (75,7%); большой процент по ипотеке (56,8%).

В части возможных способов улучшения жилищных условий мнения опрошенных отличаются довольно сильно. Пятая часть респондентов (21,1%) рассчитывает на получение субсидии от государства с добавлением собственных средств. Чуть меньшая доля (18,4%) надеется на использование материнского капитала и собственных средств. 15,8% от опрошенных полагает, что сможет получить ипотеку, при которой первым взносом будут собственные средства. По 10,5% набрали варианты «рассчитывают исключительно на собственные средства» и «ориентируются на использование материнского капитала как первоначального взноса по ипотеке». Таким образом, половина респондентов предпочла бы воспользоваться тем или иным механизмом государственной помощи при улучшении жилищных условий.

В целом, на сегодняшний день можно выделить три механизма государственной поддержки молодых семей для улучшения жилищных условий:

- материнский капитал;
- ипотека;
- субсидия.

Если говорить о материнском капитале, то в целом, население города проинформировано о данном механизме (23,6% хорошо знают закон, 47,3% , знают, но не все; и только 11% знают его плохо, или вообще не слышали). Молодые семьи, которые использовали или планируют использовать материнский капитал, направят его на улучшение жилищных условий (78,4% респондентов). Однако многие уверены (69,2%), что материнский капитал поможет улучшить жилищные условия молодой семьи, но только частично, а 26,9% – что вообще не поможет.

На вопрос «Считаете ли Вы существующие проценты по ипотечным кредитам доступными для улучшения жилищных условий молодой семьи?» почти половина респондентов (49,1%) ответила «нет», а 34,5% – «скорее нет». Таким образом, говорить о том, что на сегодняшний день оба эти механизма работают отлично, безусловно, нельзя. Однако уже их наличие говорит о правильном направлении повышения доступности жилья.

На сегодняшний день, в области жилищной политики реализуется подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище 2011–2015», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации [4], а в 2016 г. она была продлена до 2020 г.

В рамках данной подпрограммы оказывается государственная поддержка в решении жилищных проблем молодым семьям, нуждающимся в улучшении жилищных условий, в форме предоставления социальных выплат (субсидии) на приобретение жилого помещения или строительство индивидуального жилого дома с привлечением собственных средств и (или) ипотечных жилищных кредитов (займов).

Участницей данной подпрограммы может быть молодая семья, в том числе и неполная молодая семья, состоящая из одного молодого родителя и одного и более детей, соответствующая следующим условиям:

- 1) возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не превышает 35 лет;
- 2) семья признана нуждающейся в жилом помещении;
- 3) наличие у семьи доходов, позволяющих получить кредит, либо иных денежных средств, достаточных для оплаты расчетной (средней) стоимости жилья в части, превышающей размер предоставляемой социальной выплаты.

Государственная помощь молодым семьям в решении рассматриваемой проблемы основывается как на разработке и принятии федеральных целевых программ (и принятых в их исполнение программ субъектов РФ), так и на самостоятельной разработке субъектами РФ программ по вопросам, не предусмотренным федеральным законодательством.

В связи с этим на территории Березовского городского округа, кроме вышеупомянутой программы, реализуется подпрограмма «Предоставление финансовой поддержки молодым семьям, проживающим в Свердловской области, на погашение основной суммы долга и процентов по ипотечным жилищным кредитам (займам)» областной целевой программы «Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики в Свердловской области до 2020 года» [6]. Главной целью данной программы является финансовая поддержка молодых семей в погашении основной суммы долга и процентов по ипотечным жилищным кредитам или займам.

Условия включения молодой семьи в списке идентичны предыдущей программе, за исключением третьего пункта, здесь он звучит следующим образом: приобретение молодой семьей жилого помещения (жилых помещений) с использованием средств ипотечного жилищного кредита (займа).

Таким образом, существуют все предпосылки для участия в программах. Но существующие механизмы реализации подпрограммы (субсидия) обеспечивают доступ к мерам государственной поддержки лишь небольшой части молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий (менее 10 %).

Статистика количества молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий и улучшивших эти условия за последние 5 лет, по официальным данным Администрации Березовского городского округа, выглядит следующим образом (рис. 1):

Рис. 1. Количество молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий и улучшивших свои жилищные условия на территории Березовского городского округа

Однако это официальная статистика, не учитывающая те молодые семьи, которые по различным причинам не обратились в государственные органы, но испытывают жилищные затруднения. И таких семей в десятки раз больше. Основные причины неучастия молодежи в жилищных программах: недостаточная информированность молодых семей о возможности улучшения жилищных условий, низкий уровень платежеспособности (размер социальной выплаты составляет 30-35% от расчетной стоимости жилья, оставшуюся часть семье необходимо оплатить за счет собственных или кредитных средств).

Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о двух группах проблем, препятствующих эффективной реализации программ: группа финансово-экономических проблем и группа организационно-правовых недостатков существующего законодательства.

Показатель улучшивших жилищные условия молодых семей объясняется недостаточностью финансирования, что связано, по нашему мнению, с низкой долей средств федерального бюджета, выделяемых на реализацию мероприятий подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей», она составляет в среднем по стране не более 20 %. Минимальный уровень софинансирования средствами федерального бюджета равен 5% (Ямало-Ненецкий автономный округ), максимальный – 33 % (Республика Алтай) [8].

Действующая методика распределения средств из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ предполагает высокий уровень софинансирования средствами консолидированного бюджета региона. Данное обстоятельство провоцирует субъекты Российской Федерации минимизировать вложения на реализацию данной подпрограммы и направлять средства в более «выгодные» проекты, которые привлекут больше ресурсов из федерального бюджета [8]. В связи с этим сам муниципалитет может предоставить возможность улучшить условия только минимальному количеству граждан (рис. 1).

Проблемы организационно-правового (технического) характера в некоторых случаях обусловлены незначительным, на первый взгляд, недочетом в существующем законодательстве, но могут стать серьезным препятствием на пути молодых семей к собственному жилью.

Здесь следует отметить то, что молодая семья должна осознавать, что сумма субсидии, которую она получит, по условиям подпрограммы составляет не более 35 % от расчетной стоимости жилья. При этом верхний предел расчетной стоимости жилья зависит от норматива стоимости одного квадратного метра жилья, устанавливаемого Минстроем РФ. В Свердловской области на первое полугодие 2015 г. утверждена нормативная стоимость 42215 руб. за квадратный метр [3], что на 31% ниже, чем рыночная стоимость в этот же период – 61034 руб. (по данным территориального органа федеральной службы государственной статистики) [7].

Ограничивая условиями подпрограммы верхний предел расчетной стоимости жилья, молодая семья по факту получает субсидию, покрывающую не более 20 % от рыночной стоимости жилья, оставшиеся 80 % ложатся на плечи молодых семей. Многие семьи, подтвердив свои доходы в части, превышающей размер предоставляемой социальной выплаты, не в состоянии приобрести жилье даже с использованием средств субсидии.

На сегодняшний день, можно говорить о зарождении еще одного способа решения жилищной проблемы, в том числе и для молодых семей, это жилье экономкласса, которое реализуется в рамках программы «Жилье для российской семьи». Стоимость такого жилья в различных муниципалитетах, участвующих в программе, на 1 м² общей площади таких жилых помещений не превышает минимальной из величин – 30 тыс. руб., или 80% оценки рыночной стоимости 1 м² общей площади таких жилых помещений. По данным социологического опроса, более половины респондентов (51,9%) отметили, что жилье экономкласса могло бы стать эффективным механизмом решения жилищной проблемы. Однако и здесь есть условие, которое не позволит большинству молодых семей воспользоваться этой программой – необходимость получения молодой семьей статуса нуждающейся в улучшении жилищных условий.

В заключение хотелось бы сказать, что на сегодняшний день государство направлено на решение проблем молодой семьи исключительно признанной нуждающейся в улучшении жилищных условий, не учитывая молодых семей, которые например, живут с родителями впятером на 52 м² жилья, но которые не подходят по нормативу 10 м² на человека и, следовательно, не могут быть признаны нуждающимися. В связи с тем, что при существующих программах только 10% (а в регионах и меньше), и это только из официально зарегистрированных молодых семей, могут улучшить свои жилищные условия, то говорить о доступном жилье для молодых семей в нашей стране нельзя. Безусловно, на обеспечение всех семей жильем бюджетных средств никогда не хватит, но нужно использовать существующие механизмы, для снижения материального бремени семьи в улучшении жилищных условий. К таким механизмам можно отнести:

- не предоставление семьям ипотечного кредита, а возможность покупки квартиры в рассрочку без первоначального взноса;
- массовое строительство жилья экономкласса (не требующее признания молодых семей нуждающимися);
- предоставление материнского капитала при рождении первого ребенка;
- предоставление жилья в аренду по низкой цене с последующим правом выкупа (по примеру программы «Жилищный шаг», реализующейся в Москве [1]) и др.

© Черкасова В. Ю., Маслова М. С. Текст. 2016

Список источников

1. Арендно-накопительная жилищная программа «Жилищный шаг». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.жилищный-шаг.рф/> (дата обращения: 04.05.2016)

2. О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи: Письмо Минобрнауки РФ от 08.05.2007 № АФ-163/06. В данном виде документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О нормативе стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по Российской Федерации на первое полугодие 2015 года и показателях средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по субъектам Российской Федерации на I квартал 2015 года.: Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 14.02.2015 № 5/пр // Российская газета. – 2015. – №27 (11 февр.).

4. О федеральной целевой программе «Жилище» на 2011–2015 годы: Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050. Ред. от 25.08.2015 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 5 (31 янв.). – ст. 739.

5. Об Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации. Постановление ВС РФ от 03.06.1993 № 5090-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – №25 (24 июня). – ст. 903.

6. Об утверждении государственной программы Свердловской области «Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики в Свердловской области до 2020 года». Постановление Правительства Свердловской области от 29.10.2013. Ред. от 24.12.2015 № 1332-ПП // Областная газета. – 2013. – №567-572 (20 нояб.)

7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. URL: <http://sverdl.gks.ru/> (дата обращения: 02.05.2016)

8. Скороходов Е.Л. Проблемы реализации государственной поддержки молодых семей России в решении жилищного вопроса//Экономика и политика.2013г. с.7-10

Информация об авторах

1. Черкасова Виолетта Юрьевна (Россия, Екатеринбург) – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и социологии Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144 г. Екатеринбург, 8 марта 66; e-mail: Violetta.cherkasova@uapa.ru).

2. Маслова Мария Сергеевна (Россия, Березовский городской округ) – студентка четвертого курса факультета государственного и муниципального управления, группы ГМУ-0442 Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144 г. Екатеринбург, 8 марта 66, e-mail: masha.masl@mail.ru)

Cherkasova V. Yu., Maslova M. S.

IMPROVING THE AFFORDABILITY OF HOUSING IN THE FRAMEWORK OF THE STATE PROGRAM "PROVIDING HOUSING FOR YOUNG FAMILIES" (ON THE EXAMPLE OF BEREZOVSKY CITY DISTRICT)

The Article is devoted to measures of social support of young families to improve housing conditions in the Russian Federation. The paper examines the legal documents and the existing directions of the housing policy in respect of a young family. Examines the issue of housing affordability for young families on the territory of Berezovsky urban district (on materials of sociological research).

Key words: housing policy, the young family, providing housing for young families, affordable housing, Berezovsky urban district.

Information about the authors

1. Cherkasova Violetta Yurievna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Theory and Sociology, the Ural Institute – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (66 8 March St., Yekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: Violetta.cherkasova@uapa.ru).

2. Maslova Maria Sergeevna (Russia, Berezovsky urban district) – – the fourth course student of the faculty of state and municipal management, the group GMU-0442 Ural Institute of management Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation (66 8 March St., Yekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: masha.masl@mail.ru)

УДК 314.186.3.

С.В. Черешова

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ РОДИТЕЛЬСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ АКТИВИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА

В работе дана краткая характеристика нормативно-правовой базы, определяющей специфику родительского труда в современной России. Проанализированы нормативно-правовые акты, влияющие на характер родительского труда современных россиян, дана комплексная оценка их эффективности, выработаны рекомендации по совершенствованию и развитию

Ключевые слова: родительский труд; демографическая политика; государственная поддержка; планирование семьи; экономический подход

К настоящему времени в отечественной гуманитарной науке оказалось довольно распространенным мнение, что состояние института семьи в российском обществе во многом обусловлено факторами экономического или культурного характера и в основном связано с отсутствием престижа родительского труда. Причем подобная логика вполне отчетливо прослеживается как в трудах ученых, рассуждающих о кризисе института семьи, так и в работах тех, кто говорит о путях преодоления этого кризисного состояния. Фактически можно говорить о том, что для многих российских исследователей кризисное состояние, с которым столкнулся (или даже продолжает сталкиваться) институт семьи в обществе, – это результат аналогичных кризисных процессов в экономике и культуре. Признавая очевидную логичность и справедливость подобных рассуждений, мы, тем не менее, полагаем, что семья – более сложное социальное явление, состояние которого в конкретный исторический момент определяется не только культурными и экономическими процессами в обществе, но и целым рядом других факторов. В частности, одним из таких факторов является нормативно-правовая база, создаваемая и поддерживаемая государством для регулирования развития семьи как социального института. Поэтому для адекватного и обоснованного понимания специфики развития института семьи в современной России важно учитывать вектор и особенности государственной политики в этом направлении. В представленной ниже работе мы намерены углубиться в анализ соответствующей проблематики и остановим свое внимание на сложившихся в современной России практиках нормативно-правового регулирования родительского труда.

В первую очередь, необходимо констатировать, что родительский труд в современной России действительно является одним из наиболее важных объектов нормативно-правового регулирования со стороны государства. Так, Конституция РФ

декларирует, что семья находится под защитой государства, забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей (статья 38, части 1 и 2), основное общее образование обязательно, родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования (статья 43, части 1 и 4). Причем важно, что эти постулаты не только прописаны в Конституции РФ, но и прослеживаются в публичной риторике и политических решениях конкретных российских руководителей. В частности, мы можем сослаться на слова Президента РФ Д. А. Медведева, который еще в 2010 г. в ежегодном послании федеральному собранию Президентом РФ отмечал: «По мнению экспертов, главный путь преодоления демографического кризиса – это радикальное увеличение количества семей с тремя и более детьми» [4]. Поэтому само по себе существование государственного регулирования семьи в целом и родительского труда, в частности, в современной России не вызывает сомнений. Российское государство явно озабочено вопросами семьи и родительского труда и проводит в данном направлении целенаправленную и осознанную политику.

Кроме того, в политике руководства страны по данному направлению прослеживаются и определенная комплексность и системность: соответствующие вопросы регулируются не только Конституцией и программными заявлениями политических лидеров, но и целым рядом сопутствующих нормативно-правовых документов. В современной России действует целая система документов, прямо или косвенно регулирующих состояние семьи в целом и специфику родительского труда в частности. Разумеется, эта система, как и любая другая, может иметь свои недостатки и нуждаться в совершенствовании. Тем не менее, сами признаки системности (к которым мы относим, прежде всего, взаимосвязанность и взаимодополняемость отдельных элементов) в данном случае прослеживаются довольно четко. Мы полагаем, что преимущественно такая система строится на комбинации нескольких элементов: Семейного кодекса РФ, Федерального закона «Об образовании» и Концепции демографической политики РФ. Ниже мы остановимся на краткой характеристике каждого из этих элементов.

Элемент 1. Семейный кодекс РФ. Статьи 63 и 65 Семейного кодекса РФ оговаривают, что права и обязанности родителей по воспитанию и образованию детей не могут осуществляться в противоречии с интересами детей; родители, реализующие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке. Примечательно, что в данном случае российское законодательство не просто налагает на родителей ответственность за воспитание детей, но и определяет санкции за уход от этой ответственности. Так, уже в самом тексте Семейного кодекса РФ содержится пояснение, что суд, исходя из интересов ребенка, может принять решение об отобрании ребенка у родителей без лишения их родительских прав (статья 73, пункты 1 и 2). Согласно этому же кодексу, родители могут быть и вовсе лишены родительских прав, если они уклоняются от выполнения своих обязанностей перед ребенком (статья 69). Здесь также уместно добавить, что подобные санкции по отношению к недобросовестным родителям могут быть наложены и на основе других нормативно-правовых документов: так, согласно статье 5.35 Кодекса об административных правонарушениях РФ, за неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних предусмотрена ответственность в виде предупреждения или наложения административного штрафа в размере от одного до пяти минимальных размеров оплаты труда.

Элемент 2. Федеральный закон «Об образовании» Пунктом 5 статьи 52 Закона РФ от 10 июля 1992 г. «Об образовании» ответственность за воспитание, получение основного общего образования обучающихся, воспитанников возлагается на их родителей (законных представителей). При этом только с их согласия и согласия комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, местного органа управления образованием

обучающийся, достигший возраста пятнадцати лет, может оставить общеобразовательное учреждение до получения основного общего образования. Данную концепцию поддерживает и действующая редакция закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Статья 44 новой редакции закона прямо устанавливает, что именно родители обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка. Таким образом, видно, что, хотя Федеральный закон РФ «Об образовании» и нацелен изначально на решение вопросов, выходящих далеко за пределы семейных отношений, в его тексте также указаны нормы, влияющие на семейную жизнь и практики родительского труда. Поэтому его вполне можно считать частью той нормативно-правовой системы, с помощью которой в современной России осуществляется регулирование соответствующих вопросов.

Элемент 3. Концепции демографической политики РФ. В упомянутой нами нормативно-правовой системе существует еще один важный элемент – это Концепции демографической политики, принятые и реализуемые в современной России. Мы намеренно в данном случае говорим о них во множественном числе, так как фактически это разные документы: цели демографической политики не раз корректировались, поэтому и концепции применялись разные. В 2007 г. в Российской Федерации была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, целями которой являлись стабилизация численности населения к 2015 г. на уровне 142-143 млн чел. и создание условий для ее роста к 2025 г. до 145 млн чел. [5] Для повышения престижа родительского труда и возрастания роли семьи как социального фактора увеличения рождаемости, распоряжением Правительства РФ № 1618-р от 25.08.14 г. утверждена Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, в которой указано, что экономические меры не станут эффективными до тех пор, пока в обществе не будет создана атмосфера приоритета семейно-нравственных ценностей, поддержки и всестороннего укрепления престижа семейного образа жизни. Концепцию было предложено реализовывать в 2 этапа. При этом в ходе первого этапа (2015–2018 гг.) планируется создать условия для уменьшения числа малоимущих семей с несовершеннолетними детьми и повысить доступность дошкольного образования, в том числе для детей в возрасте до 3 лет. На втором этапе реализации Концепции (2019–2025 гг.) будет продолжено осуществление мероприятий по обеспечению семейного благополучия.

Хотя в данной работе мы и стараемся избежать излишне детального погружения в тонкость юридических вопросов, нам неизбежно приходится довольно детально знакомиться с теми общими положениями, которые прописаны во всех перечисленных выше документах. Проблема, побуждающая нас к столь скрупулезному погружению в эти тексты, заключается в том, что несмотря на явную обеспокоенность российского руководства вопросами семьи и родительского труда и наличие сбалансированной и в целом продуманной системы нормативно-правового регулирования таких вопросов, многих семейных и родительских проблем с их помощью решить явно не удастся. Мы полагаем, что существующее законодательство и демографические программы оказываются не вполне эффективными даже несмотря на то, что в краткосрочной перспективе определенные эффекты были достигнуты: по предварительным данным Министерства труда и социальной защиты РФ, численность населения Российской Федерации уже в 2014 г. составила 146,3 млн чел. [6]. Сложность состоит в том, что, согласно существующим сегодня официальным прогнозам, в долгосрочной перспективе даже этот эффект может пойти на спад и мы можем вновь столкнуться с сокращением численности населения¹ (табл.) [7]. Уже само по себе это говорит о том, что

¹ Не стоит забывать и о том, что естественный прирост населения – самый простой, но далеко не самый исчерпывающий показатель того, как развивается институт семьи. Развитие семьи и родительства предполагает много других показателей и процессов, состояние которых пока также вызывает некоторое беспокойство.

существующая в современной России система нормативно-правового регулирования семьи и родительства продуманна и логична, но явно несовершенна. На наш взгляд, ключ к пониманию ее несовершенства во многом и лежит в скрупулезном анализе процитированных выше текстов. Мы усматриваем два важных аспекта этого несовершенства.

Таблица

Демографический прогноз на 2025 г.
Родившиеся, умершие и естественный прирост населения

Варианты прогноза	Всего, человек			На 1000 человек населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост	родившихся	умерших	естественный прирост
Низкий	1306266	2008340	-702074	9,0	13,8	-4,8
Средний	1506376	1882161	-375785	10,2	12,7	-2,5
Высокий	1587925	1777281	-189356	10,5	11,8	-1,3

Во-первых, все перечисленные выше правовые нормативы, установленные действующим законодательством РФ, носят скорее карательный и пресекающий характер и не стимулируют родителей к рождению детей. Несомненно, очевидный акцент на карательной составляющей в этих документах важен и даже неизбежен: административная, уголовная и гражданско-правовая ответственность родителей являются правовыми мерами, предпринимаемыми государством для предупреждения ненадлежащего исполнения родителями своих функций по воспитанию детей и осуществлению родительского труда. Тем не менее, отсутствие более подробного описания тех стимулов, которые лежат в основе деятельности семьи и родителей, в данном случае приводит к тому, что люди не понимают, ради чего вообще им нужна семья и что они получают от своего родительского труда, кроме чувства собственного удовлетворения и защиты от наказаний за недобросовестность.

Во-вторых, в перечисленных документах нет данных, очевидно свидетельствующих об экономических факторах, оказывающих заметное и непосредственное влияние на мотивацию родительского труда в разных типах семей [13]. Среди нормативно закреплённых экономических стимулов можно назвать, пожалуй, лишь выплату материнского (семейного) капитала, однако данный фактор оказывает влияние лишь на первой стадии родительского труда и не обеспечивает привлекательности рождения третьего и последующих детей. В дальнейшем это положение работает не для всех родителей: последующая государственная поддержка направлена только на семьи с тремя и более детьми в зависимости от их имущественного положения. В частности, на территории Свердловской области для многодетной семьи со среднедушевым доходом ниже установленного на территории прожиточного минимума в связи с рождением после 31.12.12 г. третьего и последующего детей предусматривается дополнительная социальная гарантия – ежемесячная выплата до достижения таким ребенком возраста трех лет в размере, равном установленной в Свердловской области величине прожиточного минимума для детей. Эта выплата составила в 1 квартале 2015 г. 8093 руб. на ребенка [10], в 1 квартале 2016 г. – 9670 руб. [14], что позволяет сделать вывод о направленности мер экономического характера лишь на обеспечение проживания семей с тремя и более детьми не на грани бедности. Семьи с меньшим количеством детей, согласно данной норме, оказываются обделены поддержкой, а это, на наш взгляд, не вполне правильно.

Осознавая два этих уязвимых места современного российского законодательства, мы полагаем, что наиболее правильным и перспективным было бы произвести некоторую коррекцию действующей в России нормативно-правовой базы, регулирующей семейные отношения и особенности родительского труда. Сама по себе эта база нужна обязательно:

отсутствие прозрачного нормативного закрепления факторов, именно стимулирующих родительский труд, не мотивирует его субъектов не только на увеличение рождаемости, но и на формирование качественных показателей воспроизводимого человеческого капитала. Однако эффективность этой базы станет гораздо выше, если она будет строиться по схеме, учитывающей потребности и мотивацию людей, и станет считать исходной точкой то, что государственная поддержка семейной политики и родительства базируется на учете целого комплекса правовых, социальных и экономических вопросов.

© Черешова С. В. Текст. 2016

Список источников

1. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Распоряжением Правительства РФ № 1618-р от 25.08.14. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993. Официальный текст Конституции РФ с внесенными в нее поправками от 30.12.2008 // Российская газета. – 2009. – №7 (21 янв.).
3. О социальной поддержке многодетных семей в Свердловской области. Закон Свердловской области № 100-ОЗ от 20.11.09 г. // Собрание законодательства Свердловской области. – 2010. – №11(02 февр.). – Ст. 1624.
4. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному собранию РФ от 30.11.10 г. // Российская газета. – 2010. – № 271 (01 дек.).
5. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Указом Президента РФ № 1351 от 09.10.07 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
6. Основные демографические показатели Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosmintrud.ru/social/demography/62/> (дата обращения 28.04.16).
7. Демографический ежегодник России. – М., 2015.
8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
9. Об установлении прожиточного минимума на 1 квартал 2015 года. Постановление Правительства Свердловской области № 1133-ПП от 10.12.14 // Потребительская корзина и прожиточный минимум [Электронный ресурс]. URL: <http://potrebkor.ru/minimum-sverdlovskaja.html>
10. Государственный доклад «О положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации» 2013 год» [Электронный ресурс]. URL www.rosmintrud.ru/docs/.../Doklad_o_polozhenii_detej_za_2013_god.doc
11. Об образовании Закон РФ от 10 июля 1992 года. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
12. Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Ред. от 07.05.2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
13. Багирова А. П. Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 271 с.
14. Об установлении величины прожиточного минимума на I квартал 2016 года. Постановление Правительства Свердловской области от 17.12.2015 № 1127-ПП // Областная газета. – 2015. – №236 (22 дек.)

Информация об авторе

Черешова Светлана Васильевна – аспирант, кафедра социологии и социальных технологий управления, Институт государственного управления и предпринимательства. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 620062 г. Екатеринбург ул. Мира 19 8(343)3754822 s.v.chereshova@yandex.ru

Chereshova S.V.

NORMATIVE REGULATION OF PARENTHOOD AS A TOOL TO ACTIVATE THE PARENTAL LABOR POTENTIAL

This paper gives a brief description of the legal framework that determines practises of parental work in contemporary Russia. The author describes basic official regulations, that influence the nature of parental work in contemporary Russian, gives a comprehensive assessment of these regulations effectiveness and makes recommendations for their improvement.

Key words: parental work; population policy; governmental support; family planning; economical approach.

Information about the author

Chereshova Svetlana postgraduate student, Department of sociology and social technologies of management. The Institute of Public Administration and Entrepreneurship Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 13b Lenina av., Yekaterinburg, Russia, 620014 8(343)3754822 s.v.chereshova@yandex.ru

УДК 316.614.5

О.Р. Шевелева

РОДИТЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ И СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ МОЛОДЁЖИ НА УРАЛЕ

В данной статье рассматривается влияние родительской семьи на социально-профессиональные предпочтения молодежи. Определяются предпочтения родителей при выборе будущей профессии для ребенка и выделяются наиболее значимые и менее привлекательные профессии в современном обществе. Отмечается тенденция снижения значимости семейных традиций и преемственности при выборе профессии среди современной молодежи. Наблюдается недооценка и падение престижности профессий инженерно-технического характера. Выдвигается ряд предложений рекомендательного характера по воспитанию и поддержанию молодых людей в процессе выбора и определения своей профессии при помощи усилий и возможностей родительской семьи.

Ключевые слова: инженер, предпочтения при выборе профессии, престиж профессии, родительская семья, семейные традиции, социализация ребенка, социально-профессиональные предпочтения

Быстро меняющиеся условия общественного развития способствуют созданию новых производств, сфер и областей деятельности, которые раскрывают огромные возможности профессиональной деятельности для молодых людей. Современное поколение должно не просто иметь активную жизненную позицию, быть грамотным и образованным, важно стремиться к развитию и быть успешным, профессионально-мобильным: уверенным в себе, твердо стоять на своих ногах, обладать творческим потенциалом, быть легко обучаемым и профессионально востребованным. На этапе

выбора профессии и профессиональной ориентации молодых людей, а это происходит в основном в старших классах школы, родительская семья играет важную роль. Естественно молодой человек стремится выбрать профессию исходя из своей системы ценностей, взглядов, норм и желаний, но предпочтения, возможности и ориентации семьи могут оказывать решающее влияние на выбор профессии молодых людей. «Родители традиционно остаются основными субъектами профессиональной социализации учащейся молодежи, формируя ценностные профессиональные ориентации и установки» [1, с. 65].

Можно выделить ряд уральских авторов, изучающих институт профессии, профессиональную социализацию и взаимосвязь профессии и образования: Т. Л. Александрова, Г. Б. Кораблева, Б. С. Павлов, А.В. Меренков, А. А. Онипко и т. д.

В диссертационном исследовании Г. Б. Кораблевой определяется, что функции, которые выполняет институт профессии сегодня, в первобытном обществе выполнялись именно семьей. Также отмечается, что «прообразом института профессии, построенного по типу семьи» [2, с. 118] были профессиональные объединения ремесленников в Римской империи, которые Э. Дюркгейм выделил путем изучения профессиональных корпораций. Семья выступала ядром, «основой формирования, сохранения и передачи профессиональных ролей» [2, с. 121]. Профессиональная социализация личности, по мнению Г. Б. Кораблевой, формируется под воздействием социальной среды, на которую оказывают влияние институты семьи, культуры и профессионального образования. «Профессиональная социализация осуществляется на всех этапах формирования и развития личности – от младенчества, когда закладываются основы профессиональной ориентации, усваиваются через игру профессиональные правила и роли, до поздней взрослости, когда профессиональный опыт и образцы профессионального поведения в процессе семейного общения передаются другим поколениям» [2, с. 159].

Обратимся к результатам исследования уральских социологов [1]. Эмпирическую базу исследования составили опросы абитуриентов, студентов (курсантов) образовательных учреждений ГПС МЧС в четырех военизированных вузах Екатеринбурга и Иваново в 2004–2005 гг. Влияет ли родительская семья на выбор профессии молодого человека и кто конкретно оказывает наибольшее влияние, можно рассмотреть на примере одного из вопросов, включенных в данное исследование. При ответе на вопрос «Как Вы считаете, кто влияет в школьные годы на подростка в выборе им своей профессии, своего жизненного самоопределения?» можно выделить наиболее значимые ответы респондентов (% опрошенных, в числителе – ответы абитуриентов, знаменателе – ответы одной из групп курсантов).

Мать	62 / 56
Отец	66 / 70
Бабушка, дедушка	4,8 / 4
Брат, сестра	11 / 15
Другие родственники	15 / 14
Сверстники, друзья	18 / 9
Кино, телевидение, радио	11 / 6
Книги, газеты, журналы	8 / 4
Учитель, учителя	6 / 7

Родительская семья оказывается наибольшее влияние на профессиональные предпочтения молодежи. Хотелось бы верить, что дети пойдут по стопам своих родителей и предпочтут выбор профессии по примеру отца (матери). Однако семенные традиции начинают утрачивать свои позиции, и современная молодежь предпочитает делать свой профессиональный выбор под влиянием иных факторов.

Какие же факторы оказывают влияние на выбор будущей работы и профессии среди российской молодежи, помимо родительской семьи, рассмотрим на примере исследования, проведенного специалистами из Института социологии РАН. В опросе приняли участие выпускники 9-10-х классов (% опрошенных, в числителе – ответы учеников 9-х классов, знаменателе – учеников 10-х классов) [3].

Смогу заниматься наукой	2 / 4
У меня к этому склонности	16 / 18
Легче найти работу за рубежом	7 / 5
Легче найти работу в России	9 / 8
Легче сделать карьеру	19 / 16
Семейная традиция	4 / 6
Я смогу приносить пользу	18 / 19
Это престижно	16 / 20
За это хорошо платят	26 / 25
Специальность интересная	51 / 57

По представленным данным наблюдается, что семейной традиции придерживаться предпочитает лишь малейшая доля современной молодежи. Основными и первостепенными показателями при выборе профессии выделяется интерес к специальности и впоследствии хорошая оплата труда по полученной специальности. По мнению уральских социологов, институт семьи сдает свои позиции по ряду аспектов, в том числе и в вопросах выбора профессии, средствам массовой информации, которые «формируют искаженное представление у молодых людей относительно реального функционирования региональных рынков труда, вольно или невольно способствуют снижению интереса к профессиям, связанным с реализацией способностей молодых людей, формированию установок и направленности профессиональных и экономических интересов молодых людей преимущественно на “легкие деньги” и даже на работу в криминальных структурах» [1, с. 74].

«Одним из важных аспектов проблемы выбора профессии и жизненного самоопределения молодежи в целом является сложность определения механизмов социально-профессиональной преемственности, трудового опыта старших поколений. В большинстве своем размытые или деформированные ценностно-смысловые ориентации в массовом общественном сознании существенным образом затрудняют мировоззренческий поиск молодыми людьми, определение ими своей позиции относительно общекультурных человеческих ценностей в обосновании собственной жизненной концепции» [1, с. 68].

В материалах исследования, проведенного в 2009 г. методом анкетирования, были опрошены учащиеся 10-11-х классов школ города Екатеринбурга и г. Нижнего Тагила в количестве 645 и 212 подростков соответственно, сформировано мнение молодежи на определенные профессии. «Ориентация на модные профессии ведет к тому, что многие старшеклассники желают заниматься в будущем теми или иными видами коммерции. Наибольшая доля опрошенных старшеклассников (около 30%) выбирают профессии в сфере бизнеса (руководитель, менеджер по продажам и т.п.) и финансов (экономист, финансист, банкир). Творческие профессии выбирают 12 %, инженерами хотят стать 7 %» [4, с. 14].

«Накопленный старшими поколениями практический опыт и теоретические знания имеют тенденцию к более интенсивному моральному старению. Вместе с тем, успех в достижении нового обусловлен качеством, глубиной освоения созданных человечеством духовных богатств. Чем выше актуальные запросы, тем более необходимым становится адекватное представление о технологии творческой деятельности» [1, с. 33].

«Для возрождения национального сознания нам нужно связать воедино исторические эпохи и вернуться к пониманию той простой истины, что Россия началась не с 1917-го и даже не с 1991 года, что у нас единая, неразрывная тысячелетняя история,

опираясь на которую мы обретаем внутреннюю силу и смысл национального развития. Мы должны беречь уникальный опыт, который передали нам наши предки» [5].

В феврале – апреле 2012 г. исследовательским центром рекрутингового портала Superjob.ru в России (все округа) были проведены исследования 7000 респондентов (по 200 представителей 35 различных профессий и специальностей) среди экономически активного населения России старше 18 лет, имеющее детей [6]. На вопрос «Хотели бы, чтобы ваш ребенок/дети выбрал(и) ту же профессию, что и вы?» ответы респондентов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных, в числителе – положительная оценка, знаменателе – отрицательная оценка, остальные – затруднились с ответом):

архитекторы	50 / 19
программисты	38 / 24
проектировщики	38 / 30
дизайнеры	37 / 29
журналисты	34 / 34
юристы	33 / 43
инженеры	32 / 37
сметчики	32 / 27
врачи	30 / 44
аналитики	28 / 39
психологи	25 / 37
технологи	18 / 56
экономисты	18 / 47
бухгалтеры	15 / 52
учителя, преподаватели	13 / 67

При ответе на указанный вопрос проведенного исследования родители высказывали свое мнение «за» и «против» выбора той или иной профессии. Ниже хотелось бы предложить к рассмотрению некоторые комментарии по поводу выбора профессии инженера.

«Профессия инженера достаточно разнообразна и многогранна. И потом, инженер – это очень большой спектр специальностей. Если это инженер-конструктор или технолог, то до профессиональных вершин ему расти и расти, всегда что-то новое появляется, интересное». Инженер, 36 лет, Полярные Зори

«Мне нравится эта работа. Требуется постоянная учеба, особенно в настоящее время. Компьютерная графика, расчетные программы, современное оборудование заставляют идти в ногу со временем. Благодаря такой работе я и в свои 79 лет сохранила работоспособность и востребованность». Инженер-проектировщик, 79 лет, Калуга

«У нас династия инженеров-строителей, а теперь еще и сметчиков. Моя дочь оканчивает колледж по специальности СЗС и готовится к поступлению в МГСУ на ПГС. Ее уже пригласили на работу. И я довольна ее выбором, так как самая мирная профессия – это строитель. Советую присоединиться». Ведущий инженер-сметчик, 53 года, Москва

«Нищета и позор – это синонимы к слову “инженер”! Раньше труд инженера не был в почете, а сейчас тем более. Только надо знать больше и уметь еще больше, ничего не требуя взамен». Инженер, 51 год, Люберцы.

Действительно, профессия инженера требует постоянного профессионального развития, творческого потенциала, молодые люди, которые выбирают данную профессию относятся к категории людей, которые, что-то «умеют делать своими собственными руками, своей собственной головой. Эти молодые люди уже поняли то, что не поняли многие их сверстники: что стране нужны сегодня именно инженеры» [7]. Россия всегда «славилась своими инженерами, профессия пользовалась неизменным уважением и в дореволюционной России, да и в советские времена» [8].

Обратившись к результатам социологического исследования «Карьера инженера» [9], хотелось бы обратить внимание на распределение и выбор профессии в послевоенное время в промежутке 1950–1969 гг., когда для возрождения страны и создания новых технологических мощностей требовались технически подкованные работники. В то время наблюдается значительный прирост студентов на инженерные специальности. «Многие инженеры погибли в местах боевых действий, и в стране образовался кризис инженерных ресурсов, в то время как под влиянием необходимости одновременно восстанавливать разрушенное хозяйство и вести гонку вооружений, потребности в них только росли» [10, с. 40].

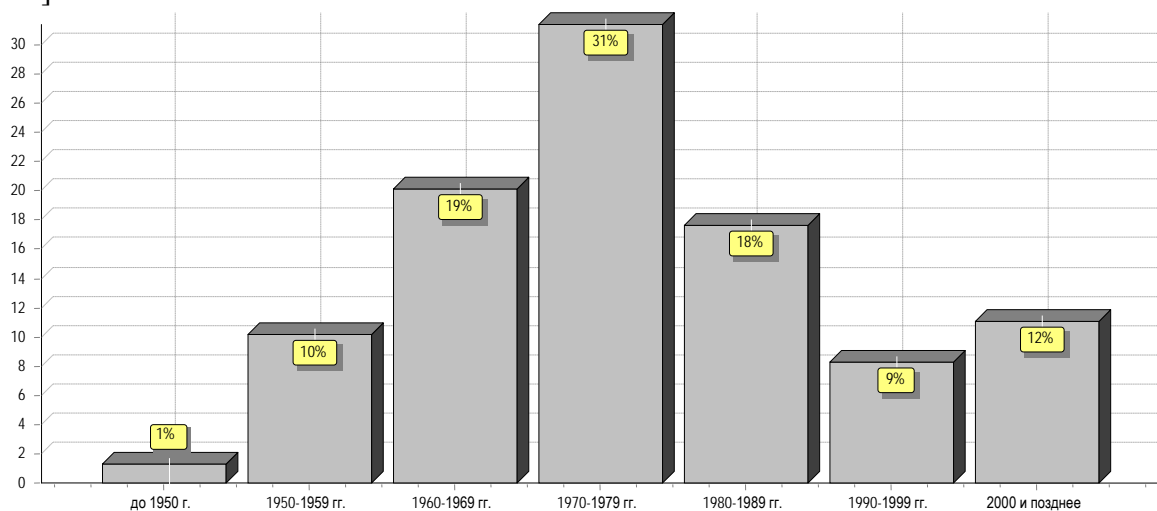

Рис. Годы обучения выпускников АТ-факультета

В связи с этим престиж профессии инженера был на высоте, почетно было работать инженером, и деды и отцы становились примером для своих маленьких детей. Возможно, одной из причин повышенного интереса к профессии и сыграл фактор преемственности поколений. Традиции семьи оказывали влияние на выбор профессии инженером молодым человеком, который, возможно, и не имел соответствующих способностей и желаний учиться и работать в данном направлении, но семейный фактор и нежелание (невозможность) возразить старшим членам семьи не позволяли детям «пойти не по стопам» родителей.

Стоит обратить внимание также на состояние с инженерными кадрами в 70-80-е годы, когда наблюдался скачок количества выпускников инженерных специальностей (рис.), что привело к падению престижа профессии и появлению в обществе множества высказываний в шуточной форме о заработной плате инженера, о жизни и быте инженеров, «но все-таки при всем при этом всегда в обществе отношение к людям инженерной профессии было очень серьезным и уважительным» [8].

Сегодня «страна нуждается в молодых инженерах, и нужно понять это, что молодым предстоит сделать страну другой – гораздо более сильной и умной. Потому что в этом мире уважают только силу, в том числе и силу интеллекта. Молодежь должна понимать, что готова себя к жесткой конкурентной борьбе за лучшее место в мире, тем самым готовит к ней и свою страну» [7] – призывает заместитель Председателя Правительства РФ, председатель коллегии Военно-промышленной комиссии РФ Д. О. Рогозин.

Кто как не родительская семья вправе формировать, наставлять и ориентировать молодого человека в вопросах выбора профессии. В современном обществе родителям не стоит навязывать свое мнение, а особенно принуждать подростков к выбору той или иной специальности. Воспитательные функции семьи в данной ситуации должны сводиться к следующим позициям (шагам) в процессе социализации молодых людей.

- Создавать благоприятные условия для максимального освоения той или иной деятельности (профессии), при этом проводить корректировочные мероприятия по мере освоения ребенком определенных знаний и навыков.

- Способствовать раскрытию потенциала и способностей ребенка.

- Мотивировать (стимулировать) ребенка на освоение той или иной деятельности.

- Собственным примером показывать ребенку возможности участия и включения в различные, новые, не свойственные до сих пор виды деятельности.

Кроме того, хотелось бы отметить, что возможности семейного воспитания могут создавать потенциал для развития и поддержания семейных династий. Очень бы хотелось, что бы такая профессия, как инженер стала семейной традицией и передавалась «по наследству» от отца к сыну и «чтобы «инженер» – это была такая приставка к фамилии, которая бы вызывала уважение» [7]. В связи с тем, что в современном обществе «престиж профессии растет, карьера инженера становится привлекательной с точки зрения статуса и материального достатка, поскольку в стране запускаются крупные индустриальные проекты, в рамках которых инженерам по-настоящему интересно и амбициозно работать» [8].

© Шевелева О. Р. Текст. 2016.

Список источников

1. Миронов М. П., Павлов Б. С., Попов В. Г. Выбор и освоение профессии как социологическая проблема. На материалах учебных заведений ГПС МЧС. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, УРАГС, 2005. – 244 с.

2. Кораблёва Г. Б. Теоретико-социологический анализ взаимосвязи профессии и образования : дис. ... д-ра социол. наук. — Екатеринбург, 1999. — 321 с.

3. Сухой бы «корочкой» питался. // [Российская газета. Федеральный выпуск №6949 \(81\)](http://rg.ru/2016/04/14/opros-79-uchashchihsia-hotiat-najti-rabotu-v-sootvetstvii-s-interesami.html). [Электронный ресурс]. URL: <http://rg.ru/2016/04/14/opros-79-uchashchihsia-hotiat-najti-rabotu-v-sootvetstvii-s-interesami.html> (дата обращения 22.04.16).

4. Оникко А. А. Самоопределение старшеклассников при выборе профессии: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Екатеринбург, 2011. — 18 с.

5. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года. // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения 20.04.16)

6. Первый поиск работы и выбор профессии // Исследовательский центр портала Superjob.ru. [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: http://www.superjob.ru/community/pervyj_poisk_raboty_vybor_professii/65335/(дата обращения 20.04.16).

7. Интервью Дмитрия Рогозина. [Электронный ресурс]. // Столичное образование. Режим доступа: <http://www.stolichnoe-obrazovanie.ru> (дата обращения 09.03. 2016 г.).

8. Стенографический отчет о заседании Совета при Президенте по науке и образованию 23 июня 2014 год // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/news/45962> (дата обращения 12.09.14).

9. Шевелева О. Р. Профессиональная карьера инженерных кадров на Урале как предмет социологического анализа / О.Р. Шевелева // Сборник научных статей XIII Международной научно-практической конференции молодых ученых по региональной экономике (29-30 окт. 2015 г.). – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. – 433 с.

10. Мещерин И. В. Страна напуганных инженеров. – М. : АСВ, 2015. – 136 с.

Информация об авторе

Шевелева Оксана Раисовна, Россия, Екатеринбург – аспирант кафедры социальной безопасности Физико-технологического института ФГАОУ ВПО «Уральский

Sheveleva O.R.

PARENT FAMILY AND SOCIAL AND PROFESSIONAL SCHOOL PREFERENCES OF YOUNG PEOPLE IN THE URALS

This article discusses the parental family influence on the social and professional preferences of young people. Determined by the preferences of parents in choosing a future profession for the child and highlights the most significant and less attractive profession in today's society. You may notice a tendency loss family tradition and continuity in choosing a profession among today's youth. There is an underestimation and falling prestige of the profession of engineering and technical nature. It puts forward a number of proposals for an advisory nature education and keeping young people in the selection process and the definition of their profession with the help of family and parental effort capacity.

Keywords. Engineer. Preferences in choosing a profession. The prestige of the profession. Parent family. Family traditions. The socialization of the child. Social and professional preferences.

Information about the author

Sheveleva Oksana Raisovna, Russia, Ekaterinburg - postgraduate, Department of Social Security Institute of Physics and Technology FSAEI VPO "Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin" (Ekaterinburg), E-mail: shoksanar@mail.ru.

УДК 314.146:314.15

И.В. Шмарова, О.М. Шубат

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье представлены результаты анализа реализуемых в Уральском федеральном округе форм и видов государственной поддержки семей с детьми. Критическое осмысление мер семейной политики позволило обозначить пути их совершенствования для целей эффективного демографического развития региона.

Ключевые слова: поддержка семей с детьми, демографическое развитие, домашние хозяйства, рождаемость, Уральский федеральный округ

В начале XXI в. в демографической динамике России и ее регионов наблюдались неоднозначные тенденции. С одной стороны, вплоть до 2010 г. сокращалась численность населения страны¹. Кроме того, результаты всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., показали, что в структуре домохозяйств страны произошли неблагоприятные изменения – уменьшилось как общее число частных домохозяйств, так и число домохозяйств с детьми младше 18 лет, причем последнее изменение выглядело более драматично. Аналогичные изменения были зафиксированы и в Уральском федеральном

¹ Демографические показатели Федеральной службы государственной статистики о численности населения [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

округе (далее – УрФО), где численность таких домохозяйств за межпереписной период уменьшилась в каждой из областей (табл. 1).

Таблица 1

Изменения числа частных домохозяйств Российской Федерации¹

Регион	Число частных домохозяйств, состоящих из 2 и более человек, тыс. ед.		Изменение, %	Число домохозяйств, имеющих детей моложе 18 лет, тыс. ед.		Изменение, %
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.	
Российская Федерация	40969,93	40541,9	-1,0	21195,9	17877,2	-15,7
Свердловская область	1313,06	1265,23	-3,6	664,38	549,79	-17,2
Курганская область	301,75	271,58	-10,0	155,31	115,53	-25,6
Челябинская область	1053,26	1016,96	-3,4	547,26	451,71	-17,5
Тюменская область	926,79	971,16	4,8	564,9	503,98	-10,8

С другой стороны, начиная с 2010 г. в России наблюдаются в целом позитивные изменения в популяционной динамике: растет общая численность населения, уменьшающаяся естественная убыль в 2013 г. сменилась приростом¹. Однако согласно официальным прогнозам, уже в 2017 г. вновь будет наблюдаться естественная убыль населения, которая к 2024 г. уже не сможет нивелироваться миграционным приростом, в результате чего численность населения страны начнет уменьшаться².

Представляется, что в условиях неблагоприятных демографических прогнозов приоритетным направлением современной семейной, демографической политики должна стать разработка и реализация мер, направленных хотя бы на обеспечение простого воспроизводства населения за счет стимулирования рождаемости, укрепления ценностей родительства и родительского труда, поддержки института молодой семьи.

Следует отметить, что на сегодняшний день на общегосударственном и региональном уровнях реализуется комплекс мер поддержки семей с детьми. Так, с 2006 г. в России произошли изменения в практике выплаты пособий по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет, компенсации части платы, вносимой родителями за содержание ребенка в образовательных учреждениях, единовременных выплат за рождение второго и последующего ребенка и др. Региональным законодательством в областях Уральского федерального округа предусмотрен ряд мер, направленных на поддержку семей с детьми. Заместитель министра экономики Свердловской области Т. В. Гладкова отметила следующие формы поддержки семей с детьми: содействие в обеспечении жильем, меры материального стимулирования, обеспечение доступности дошкольного образования, создание условий для совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой деятельностью, мероприятия по укреплению института семьи [1, с. 23].

Анализ форм и видов социальной поддержки семей с детьми в Уральском федеральном округе (по состоянию на 2016 г.) позволил выявить следующие их особенности.

1. Меры государственной поддержки преимущественно направлены на стимулирование рождения ребенка и поддержку семьи до достижения им возраста 1,5 лет. Вместе с тем, такой дисбаланс государственной поддержки в пользу рождаемости и «молодого» родительства (до достижения ребенком 1,5 лет), на наш взгляд, не вполне оправдан. Поддержка семей с более взрослыми детьми, стимулирование ответственного

¹ Составлено по данным Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

² Демографический прогноз Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

родительства, вопросы развития детей более старших возрастов и обеспечения возможностей для их всестороннего развития и формирования так необходимого стране высокоценного человеческого капитала, возможно, являются более злободневными в современных условиях. Действительно, официальная статистика далеко не всегда свидетельствует о благоприятной ситуации в сфере детствосбережения. Так, по итогам выборочного наблюдения Росстатом качества и доступности услуг в сфере образования, здравоохранения и социального обслуживания, охват детей программами дополнительных образовательных занятий остается на низком уровне. К тому же, за период с 2013 г. по 2015 г. этот показатель снизился (табл. 2).

Таблица 2

Доля детей в возрасте 3–18 лет, посещающих дополнительные образовательные (развивающие) занятия, в том числе на бесплатной основе (% к общему числу детей в соответствующем возрасте)¹

Количество детей в домохозяйстве	Доля детей, посещающих дополнительные занятия	
	2013 г.	2015 г.
один ребенок	40,8	24,7
два ребенка	38,3	26,1
три и более детей	14,7	7

Еще одним примером может служить статистика Минобрнауки России о лишении родительских прав. При общероссийской тенденции снижения численности детей, чьи родители были лишены родительских прав, ситуация в Уральском федеральном округе складывается не всегда в позитивном направлении: темпы снижения численности таких детей в областях УрФО отстают от общероссийских, а в Тюменской области численность таких детей в 2013 и 2014 гг. даже выросла (табл. 3).

Таблица 3

Изменения в численности детей, родители которых лишены родительских прав (% к предыдущему году)²

Регион	Изменения в численности детей, родители которых лишены родительских прав		
	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Российская Федерация	-11,2	-10,4	-8,2
Уральский федеральный округ	-12,4	-2,2	-6,7
Курганская область	-25,8	-3,3	-12,5
Свердловская область	-11,9	-2,3	-2,2
Тюменская область	-13,6	16,7	15,1
Челябинская область	-5,9	0,4	-7,7

2. Меры государственной поддержки семей с детьми в Уральском федеральном округе преимущественно ориентированы на стимулирование рождения второго ребенка. Показательно, например, что выплата материнского капитала за рождение 2-го ребенка более чем в 4 раза превышает выплату материнского капитала за рождение 3-го ребенка. На наш взгляд, ориентация на рождение вторых детей, но не на рождениях более высоких

¹ Данные Федеральной службы государственной статистики о семейной политике детствосбережения. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

² Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики о семейной политике детствосбережения. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

порядков, может быть подвергнута критическим замечаниям. Безусловно, для демографического будущего России и преодоления прогнозируемой депопуляционной тенденции в стране исключительно важным является рост рождений более высоких порядков. Прогнозы Росстата о динамике суммарного коэффициента рождаемости, не дотягивающем до границы даже простого воспроизводства, еще больше актуализируют переориентацию мер государственной поддержки на стимулирование рождений третьих и последующих детей.

3. Основной объем государственной помощи семьям с детьми осуществляется посредством денежной формы поддержки, то есть посредством пособий, ежемесячных денежных выплат, компенсаций и др. Интересны в этой связи и результаты исследования М. В. Певной, касающиеся изучения информационной репрезентации проводимой в регионе семейной политики. В ходе данного исследования на основе анализа контента 546 интернет-страниц автор делает вывод о том, что информационное сопровождение политики региональных властей в сфере демографии в большинстве случаев сфокусировано именно на экономических мерах: «чаще всего (47% случаев) проблемы семейной политики Свердловской области предлагается решать с помощью экономических мер. На втором месте по частоте упоминания – социально-психологические меры, которые включены в содержание каждой пятой статьи (20%). Эти меры связаны с формированием у населения необходимых паттернов демографического поведения, с реализацией программ по социальной защите отдельных социальных групп. Воспитательно-пропагандистские меры отражены в 19% случаев. На четвертом месте по включенности в содержание информационных материалов (14%) – административно-правовые меры» [2, с. 237].

Вместе с тем, такой «финансово ориентированный» принцип реализации семейной политики, возможно, не всегда соотносится с реальными потребностями населения. К примеру, по итогам Комплексного наблюдения условий жизни, проводимого Росстатом в 2014 г., было выявлено, что нехватка финансовых ресурсов на оплату детского сада (высокая плата за детский сад) – наименее значимая из всех причин, по которым ребенок в семье не посещает это учреждение (табл. 4).

Кроме того, преобладание финансовых форм поддержки государством семей с детьми, на сегодняшний день, однако, не решает одну из острых проблем домохозяйств, связанную с неизбежным снижением доходов после рождения ребенка и, как следствие, увеличением вероятности попадания семьи в число бедных. Действительно, в России наибольшее число малоимущих домашних хозяйств – это именно домохозяйства с детьми. Так, согласно данным Росстата об итогах выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, в период с 2009 г. по 2014 г. в общей численности малоимущих домохозяйств доля домохозяйств с детьми увеличилась с 54,6% до 62,9%¹. Еще одним примером могут служить данные Росстата об оценке населением страны своего финансового положения. Результаты данного исследования подтверждают наличие имущественного разрыва между одноподетными и многодетными семьями (табл. 5).

Таблица 4

Распределение причинам непосещения детского сада детьми в возрасте 3–6 лет по (% от общего числа детей в данном возрасте, не посещающих детский сад)²

Причины непосещения детского сада	Российская Федерация	Уральский федеральный округ
-----------------------------------	----------------------	-----------------------------

¹ Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики на портале Единой межведомственной информационно-статистической системы о доле малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 лет в общей численности малоимущих домашних хозяйств в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicators/start.do>

² Данные Федеральной службы государственной статистики о доступности качественного обучения и воспитания [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

Нет мест	23,4	38,9
Высокая оплата	4,5	7,1
Нет поблизости	12,6	3
Дома ребенку лучше	38,9	24,7
Не может посещать дошкольное учреждение по состоянию здоровья	6,4	5,8
Другие причины	14,3	20,5

Таблица 5

Оценка домашними хозяйствами своего финансового положения в зависимости от числа детей (% от общего числа домохозяйств данной категории)¹

Оценка	домохозяйство, в котором...	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Не хватает денег даже на еду	1 ребенок	1,3	0,9	0,9
	3 детей	4,0	3,4	3,6
Затруднительно покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги	1 ребенок	16,1	15,8	16,1
	3 детей	33,9	25,7	29,5
Не могут позволить покупку товаров длительного пользования	1 ребенок	43,3	44,4	45,2
	3 детей	45,1	38,5	45,0
Не хватает денег на покупку автомобиля, квартиры	1 ребенок	36,8	34,3	34,9
	3 детей	15,7	19,9	21,3
Средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным	1 ребенок	2,0	3,6	2,0
	3 детей	0,9	12,6	0,4
Затруднились ответить	1 ребенок	0,6	1,1	0,8
	3 детей	0,5	0,8	0,2

Как следует из представленных в таблице 5 данных, в 2014 г. все домашние хозяйства с детьми более пессимистично стали оценивать свое финансовое положение – произошло увеличение доли тех домохозяйств, которые не могут позволить себе приобрести те или иные товары и услуги. Однако для многодетных домохозяйств (с тремя детьми) структурные изменения выглядят особенно драматично – доля домохозяйств, финансовое положение которых позволяло приобрести все, что считают нужным, упала с 12,6% до 0,4%.

Представляется, что при разработке мер государственной поддержки семей с детьми необходимо также учитывать и особенности восприятия населением реализуемых государством мер. Уровень информированности населения о мерах семейной, демографической политики может выступать в качестве детерминанты репродуктивного поведения. Как справедливо отмечают О. В. Синявская и Е. Б. Головляницина, «недостаточная осведомленность о социальных программах и услугах, недоверие к государству, ограниченный горизонт планирования собственного поведения, как и различия в потребностях в детях могут сказываться на ответных реакциях населения на предлагаемые государством меры поддержки семей» [3].

На наш взгляд, для эффективного стимулирования рождаемости и ответственного результативного родительства государственная поддержка населения должна включать меры не только экономического (денежного), но и административно-правового, социального и особенно духовно-идеологического характера. В этой связи востребованным направлением совершенствования семейной и демографической политики государства является выявление направлений информационной, педагогической работы с населением по укреплению базовых семейных ценностей. Это позволяет

¹ Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики о доходах, расходах и потреблении домашних хозяйств в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812

сформировать более глубокое понимание тенденций демографических процессов в стране, осуществлять более точное прогнозирование будущей демографической динамики.

Список источников

1. Гладкова Т. В. О мерах экономической поддержки семей в Свердловской области // Демографические процессы на постсоветском пространстве. Сб. мат-лов VI Уральского демографического форума с международным участием. Т. I. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. С. 22-26.

2. Певная М. В. Информационная репрезентация семейной политики региона: проблемы и перспективы управления // Демографические процессы на постсоветском пространстве. Сб. мат-лов VI Уральского демографического форума с международным участием. Т. I. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. С. 233-240.

3. Синявская О. В., Головляница Е. Б. Новые меры семейной политики и население: будет ли длительным повышение рождаемости? // Demoscope Weekly. 2010. № 421-422. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0421/analit01.php>.

© Шмарова И. В., Шубат О. М. Текст. 2016.

Информация об авторах

1. Шубат Оксана Михайловна (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, доцент, ФГАОУ ВПО «Уральский Федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина» (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

2. Шмарова Ирина Викторовна (Россия, Екатеринбург) – старший преподаватель, ФГАОУ ВПО «Уральский Федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н.Ельцина» (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: i.v.shmarova@urfu.ru)

Shubat O., Shmarova I.

STATE SUPPORT FOR FAMILIES WITH CHILDREN IN THE URAL FEDERAL DISTRICT: EXPERIENCE OF CRITICAL ANALYSIS

The article presents the results of the investigation of forms and types of implementing state support for families with children in the Ural Federal District. Critical analysis of family policy measures helped to identify ways of their improving for the purposes of effective demographic development of the region.

Keywords: state support for families with children, demographic development, households, fertility, Ural Federal District

Information about the authors

1. Shubat Oksana (Ekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia (620002, Ekaterinburg, Mira street, 19); e-mail: o.m.shubat@urfu.ru.

2. Shmarova Irina (Ekaterinburg, Russia) – Senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia (620002, Ekaterinburg, Mira street, 19); e-mail: i.v.shmarova@urfu.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА МОЛОДЫХ СЕМЕЙ: ФАКТОРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье обосновывается актуальность проблемы исследования социальной эффективности стимулирования родительского труда молодых семей. Молодые семьи рассматриваются как специфический объект родительского труда. Выделяются основные особенности и функции молодых семей.

Ключевые слова: родительский труд, молодые семьи, стимулирование родительского труда

Существующая непростая демографическая ситуация в России – снижение количественного и качественного уровня населения – заставляет искать новые подходы к решению проблемы воспроизводства населения. В последнее время одним из популярных подходов стал подход к рассмотрению демографических проблем с позиции родительского труда, так как данный подход является междисциплинарным и учитывает несколько групп причин сегодняшней ситуации с рождаемостью – экономические, социальные, юридические, психологические и т. д.

Большинство исследователей, работающих в данном направлении, рассматривают человеческий капитал как результат родительского труда. Под родительским трудом понимается «особый вид трудовой деятельности по рождению, уходу, воспитанию, обучению и развитию детей, их социализации и дальнейшей профессионализации, выполняемой родителями, родственниками и специалистами сферы социальной репродукции на всех стадиях воспроизводства человеческих ресурсов – от перинатальной до инкорпоративной» [2].

Необходимо заметить, что совокупность субъектов, представленных в данном определении, требует уточнения и, возможно, дополнения. В частности, в качестве одного из специфических субъектов родительского труда, на наш взгляд, следует рассматривать молодые семьи.

Такая точка зрения обоснована несколькими причинами.

Во-первых, большинство молодых семей либо уже имеют детей, либо готовятся стать родителями, то есть осуществляют процесс реализации родительского труда. Об этом свидетельствуют определения, дающиеся понятию «молодая семья», и данные Федеральной службы государственной статистики. Например, в разделе «Общие положения» постановления Верховного Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 №5090-1, «Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации», говорится, что «молодая семья – это семья в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака), в которой оба супруга не достигли 30-летнего возраста, а также семья, состоящая из одного из родителей в возрасте до 30 лет и несовершеннолетнего ребенка» [1]. Таким образом, данное определение можно интерпретировать следующим образом: молодая семья приобретает легитимный статус в России при соблюдении двух условий – наличие зарегистрированных отношений супругов и (или) наличие как минимум одного ребенка.

Во-вторых, исследователи называют основной функцией современной молодой семьи репродуцирование нового поколения и его последующую социализацию. Это подтверждают статистические данные Федеральной службы государственной статистики за последние годы. Так, согласно данным Росстата, большинство (77,5%) от общего числа всех новорожденных появляется у родителей, чей возраст не превышает тридцати лет.

Кроме того, средний возраст матери при рождении детей не превышает возраста 30 лет (табл. 1).

Таблица 1

Средний возраст матери при рождении детей¹

Год	Средний возраст женщин, родивших в данном году		
	все население	городское население	сельское население
2000	25,8	25,9	25,3
2005	26,5	26,8	25,8
2010	27,7	28,1	26,7
2014	28,1	28,7	26,9

Перечисленные выше особенности позволяют сделать вывод о том, что молодые семьи являются одним из важнейших субъектов родительского труда, так как именно они – главный социальный ресурс для будущего общественного социального развития и улучшения демографии в России.

Руководители страны и регионов понимают, что от реализации потенциала репродуктивной и социализирующей функций молодой семьи зависит не только демографическая ситуация в регионах и в стране, но и социально-экономическое развитие в целом. Именно поэтому в Российской Федерации с 1993 г. реализуются многочисленные программы по стимулированию рождаемости в молодых семьях: «Молодая семья», «Жилище» и др. Кроме того, молодым семьям, имеющим детей, предоставляются различные виды государственной финансовой помощи.

Однако несмотря на предпринимаемые меры, к настоящему времени проблеме исследования социальной эффективности неэкономического стимулирования родительского труда в молодых семьях не уделено должного внимания. Поэтому сегодня крайне необходимы научный анализ основных инструментов неэкономического стимулирования родительского труда молодых семей, возможностей их применения и разработка методики анализа социальной эффективности стимулирования родительского труда молодых семей.

Результаты данного изучения будут востребованы как на региональном, так и на федеральном уровне.

© Шутова Н. В. Текст. 2016

Список источников

1. Об Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации : постановление ВС Российской Федерации от 03.06.1993 № 5090-1 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2138/ (дата обращения: 10.04.2016)

2. Родительский труд. Условия реализации, мотивы и результаты / А. П. Багирова, Д. Г. Быкова, А. И. Ворошилова, Э. В. Ильвес, О. М. Шубат / под общ. ред. проф. А. П. Багировой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 171 с.

Информация об авторе

Шутова Наталья Викторовна (Россия, Екатеринбург) – аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; ShutovaNV@list.ru).

¹ Демографический ежегодник России. 2015: статистический сборник / Под ред.: М.А. Дианов, С.Ю. Никитина и др. М. : Росстат, 2015. 263 с.

SOCIAL EFFICIENCY OF STIMULATION OF REPRODUCTIVE LABOUR OF YOUNG FAMILIES: THE FACTORS OF ACTUALIZATION OF THE RESEARCH

The article explains the importance of the problem of research of social stimulation of the efficiency of parental labor of young families. Young families are considered as a specific subject of parental work. Singles out the main features and functions of young families.

Keywords: parental work, young families, encouraging of parental work.

Information about the author

Shutova NataliaVictorovna – Graduate student of the department of Sociology and Technologies of Public Administration, the Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University (620002, Russia, Ekaterinburg, Mira st., 19).

УДК: 316.014

Д.Г. Ягафарова

УРОВЕНЬ ДЕТНОСТИ И МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ

В статье анализируется взаимосвязь уровня доходов и детности домохозяйств. Рассмотрен парадокс их обратной связи, показано влияние экономических факторов на реализацию уже имеющихся у населения потребностей в детях.

Ключевые слова: детность, уровень жизни, благосостояние

Современные демографические тенденции являются следствием процессов, обуславливающих численность и структуру населения на протяжении длительного времени. Социально-демографические процессы носят инерционный характер, и их причины не могут объясняться только изменениями уровня благосостояния населения. Современные реалии показывают, что высокий уровень экономического развития общества не гарантирует высокого уровня рождаемости.

Согласно современным исследованиям, рождаемость связана не с уровнем развития экономики в целом, а скорее с дифференциацией населения по уровню дохода: чем выше социальное неравенство по уровню доходов населения, тем ниже уровень рождаемости. Непосредственный уровень дохода сам по себе не является детерминантой репродуктивных установок населения. По разработкам Института социально-экономических проблем народонаселения РАН динамика рождаемости слабо положительно коррелирует с реальной величиной среднедушевого дохода (уровень значимости при $p < 0,011$) [1, с. 85]. По мнению исследователей, уровень дохода оказывает определенное влияние на рождаемость не на микроуровне личностных установок, а на макроуровне – материальных ресурсов, уровне экономического развития в целом. На микроуровне (реальные ежемесячные доходы) скорее следует говорить о наличии обратной связи между уровнем дохода и числом детей – так называемом «парадоксе обратной связи». Большее влияние на репродуктивные установки населения оказывают не столько социально-экономические факторы, сколько ценностные ориентации различных социально-демографических групп населения: потребность в детях, их место в системе ценностей человека, соотношение материальных ценностей и ценности детей.

Парадокс обратной связи уровня доходов и детности домохозяйств определенно прослеживается при анализе детности различных групп населения по материальной

обеспеченности. По шкале самоотнесения (табл. 1) можно выделить 4 слоя населения на основании доходных групп и уровня потребления: низший (28,8%), нижний средний (40,6%), верхний средний (17,4%), высший (13,2%).

Таблица 1.

Распределение населения Республики Башкортостан на слои на основе доходных групп¹

Характеристика	Доля, %	Название слоя
Денег не хватает даже на питание	4,9	Низший
Денег хватает на питание, но покупка одежды вызывает затруднения	23,9	
Денег хватает на одежду и питание, но покупка бытовой техники, мебели вызывает затруднения	40,6	Нижний средний
Денег хватает на бытовую технику и мебель, но покупка автомобиля вызывает затруднения	17,4	Верхний средний
Денег хватает на все, за исключением покупки квартиры или дома	11,5	Высший
Денег достаточно для покупки квартиры или дома	1,7	

Фактическое число детей у представителей данных социальных слоев сильно дифференцируется: значительно большее количество детей характерно для наименее обеспеченной части населения (низшего слоя). Если для высшего слоя доля многодетных семей (трое детей и более) составляет 11,4%, то для низшего слоя населения – 21,8%.

Причем эта тенденция одинакова как в городской, так и в сельской местности. В городской среде в группе с более низким материальным положением (низший слой) доля населения, имеющего более трех детей, составляет 13,2%, среди материально наиболее обеспеченных слоев (высший слой) – 7,0%. В сельской местности аналогичный тренд: для низшего слоя 32,5%, для высшего слоя – 25,5%.

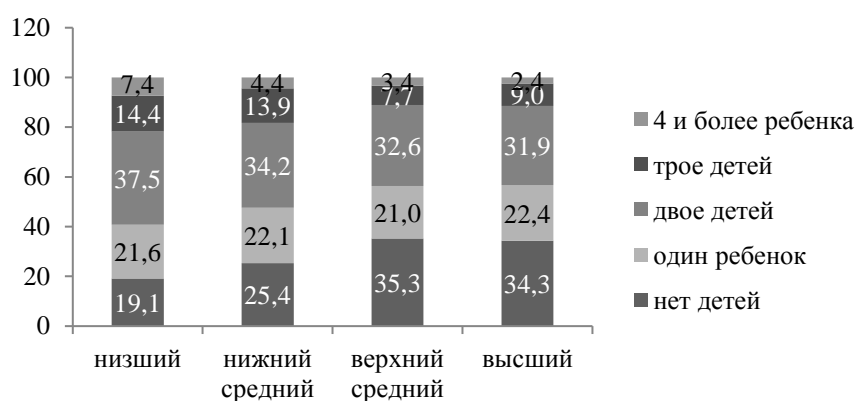

Рис. 1. Уровень детности домохозяйств различных социальных слоев по уровню дохода, %

При этом, как показывает анализ, уровень жизни семей с различным материальным положением не связан с затратами на воспитание и содержание детей. Анализ уровня

¹ Здесь и далее: Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года, организатор исследования: Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан, объект исследования: население РБ в возрасте от 18 до 75 лет; выборка: стратифицированная с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по половозрастной структуре; общий объем выборки: 6300 чел.; сроки полевых работ: июль – сентябрь 2015 г.

доходов семей с разным уровнем детности демонстрирует ряд характерных тенденций. Многодетные семьи (с тремя и более детьми) имеют более низкие ежемесячные доходы, чем семьи с одним-двумя детьми (рис. 2). Причем данный разрыв значителен: средние ежемесячные доходы семей с четырьмя и более детьми составляют около 21884 руб., аналогичный доход однодетных и двухдетных семей примерно на 30% выше. За вычетом ежемесячных расходов на коммунальные платежи и продукты питания, у многодетных семей остается существенно меньшая сумма на другие расходы.

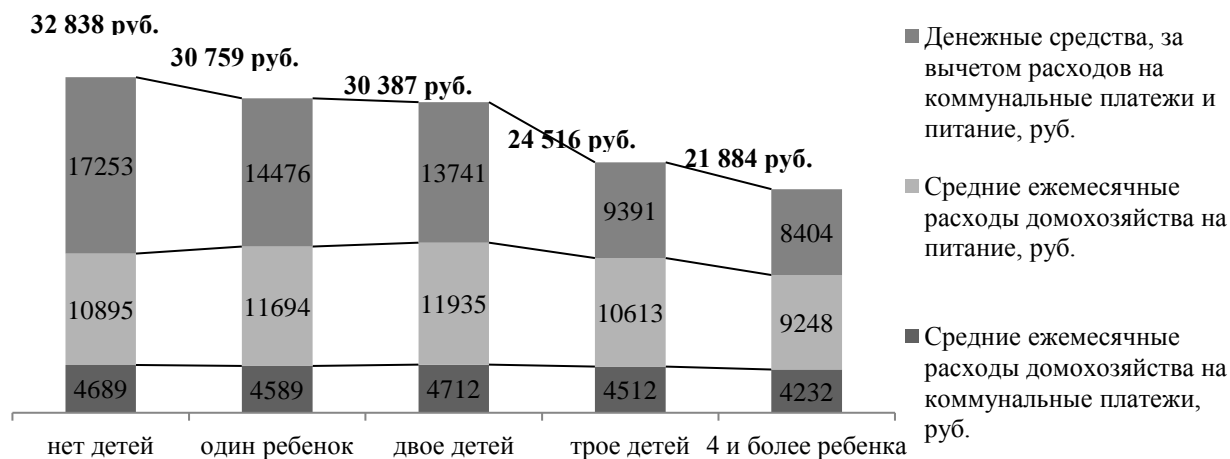

Рис. 2. Средние ежемесячные доходы и структура базовых расходов домохозяйств с разным уровнем детности, руб.

Эти тенденции также аналогичны как в городской, так и в сельской среде, но с учетом дифференциации по уровню доходов городской и сельской местности еще более показательны. Так, для многодетных семей (трое и более детей) в сельской местности при средних доходах около 20000 руб. размер денежных средств за вычетом расходов на коммунальные платежи и продукты питания составляет в среднем около 6000 руб., в одно-двухдетных семьях – около 10000 руб. в месяц. В городской среде для многодетных семей средний ежемесячный доход составляет около 30000 руб., остаток денежных средств за вычетом базовых затрат – около 12850 руб., для одно-двухдетных семей – около 3000 руб. и 1000 руб. соответственно.

Интересно, что субъективные оценки достаточного уровня дохода для поддержания нормального уровня жизни различны в семьях с разным числом детей. Уровень запросов у многодетных семей относительно желаемого уровня доходов заметно ниже, чем у одно-двухдетных семей (рис.3). В среднем, многодетные семьи (с четырьмя и более детьми) считают достаточным для нормальной жизни около 40701 руб. ежемесячно, для семей с одним ребенком достаточной является сумма 51657 руб.

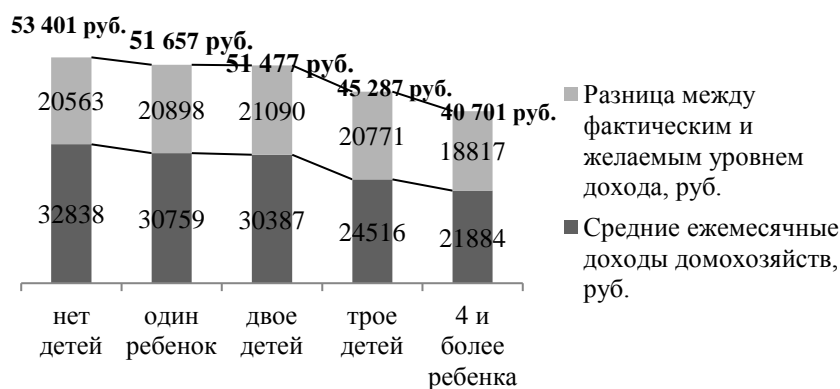

Рис. 3. Достаточный уровень ежемесячного дохода для домохозяйств с различным уровнем детности, руб.

Таким образом, оценки уровня дохода, его достаточности для домохозяйства определяются не столько его фактическим размером, сколько уровнем притязаний, приоритетными ценностями. Уровень притязаний на более высокий уровень дохода снижается с увеличением количества детей в семье. Однако эти оценки влияют на потенциальную возможность рождения еще одного ребенка при наличии соответствующих установок и потребностей.

Потребность в детях является определенным фактором, на который ориентируется индивид в репродуктивном поведении. Такой показатель как «желаемое число детей» является индикатором потребности в детях, при этом показатель «ожидаемое число детей» является определенной коррекцией желаемого числа с учетом существующих условий жизни¹.

У многодетных семей есть потребность в значительно большем числе детей, чем они имеют на данный момент (табл. 2). Например 21,1% семей, имеющих более четырех детей, при наличии условий хотели бы иметь еще большее количество детей. Среди таких семей ожидаемое число детей в количестве более пяти, корректируемое условиями жизни, составляет 8,6%.

Таблица 2.

Распределение желаемого и ожидаемого число детей в семьях с разным уровнем текущей детности, %

Желаемое число детей	Фактическое число детей										
	нет детей		один ребенок		двое детей		трое детей		четверо детей		
	a*	b**2	a	b	a	b	a	b	a	b	
Ни одного	6,5	19,0									
Один	8,6	9,8	23,8	56,3							
Два	46,0	43,4	48,1	27,4	56,3	88,5					
Три	32,0	22,6	24,7	7,7	36,8	10,7	77,1	95,4			
Четыре	3,9	3,6	1,2	1,2	3,9	0,6	5,9	3,1	78,8	91,4	
Пять и более	2,9	1,5	2,3	0,2	2,9	0,2	17,0	1,5	21,1	8,6	

*a – желаемое число детей

**b – ожидаемое число детей

В таблице 2 штриховкой отмечен тот репродуктивный потенциал, который мог бы реализоваться при наличии у населения ресурсов; серым цветом – те перспективы, которые население предполагает реализовать при сохранении текущих условий. Очевидно, что разрывы достаточно ощутимы. Можно предположить, что есть пороговое значение, где уровень доходов начинает играть определенную роль и ограничивает репродуктивный потенциал населения. Таким образом, экономические факторы оказывают влияние на реализацию уже имеющейся потребности в детях.

© Ягафарова Д. Г. Текст. 2016.

Список источников

1. Шевяков А. Ю., Кирута А.Я . Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи / Учреждение Российской акад. наук Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения РАН. – М. : М-Студио, 2009.

¹ Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1980. С.162.

² Включая имеющихся детей.

2. Зверева Н. В. Уровень жизни семьи как общее условие детерминации демографических процессов // Детерминация демографических процессов. Сб. статей / Экономический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова. – М. : МАКС Пресс, 2012.

Информация об авторе

Ягафарова Дилара Гафуровна (Россия, Уфа) – научный сотрудник, ГАНУ Институт стратегических исследований Республики Башкортостан.

Yagafarova D.G.

THE LEVEL OF CHILDBEARING AND WELFARE OF HOUSEHOLDS

The article analyzes the correlation between level of income and childbearing. Considered the paradox of their inverse relationship. The article shows the influence of economic factors on the implementation of the already existing population needs in children.

Keywords: childbearing, lifelevel, welfare

Information about the author

Yagafarova Dilara (Russia, Ufa) – researcher of The Institute of strategical researches of the Republic of Bashkortostan

4. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ

УДК: 331.101:330.3(575.1)

Ш.Г. Акрамова

ИНВЕСТИРОВАНИЕ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В УЗБЕКИСТАНСКИХ СЕМЬЯХ*

В статье осуществлен анализ социальной политики государства направленной на развитие человеческого капитала, а также – на основе результатов социологических опросов и статистических данных – склонности узбекистанских семей к инвестициям в человеческий капитал своих детей.

Ключевые слова: человеческий капитал, инвестиции, семья, репродуктивная установка, образование, здоровье

В современном мире человеческий капитал является ведущим фактором развития экономики и общества. Как показывает опыт развитых стран, рост уровня экономического развития приводит к изменению в структуре их национальных богатств. Так, со второй половины прошлого века в более развитых странах доля природно-сырьевых ресурсов в структуре национального богатства непрерывно уменьшается с одновременным ростом вклада человеческого капитала в виде различных нематериальных активов. Это, в свою очередь, требует более полного учета физических, духовно-нравственных и социальных потребностей людей, обеспечения условий для реализации способностей каждого отдельного человека созданием возможности для ведения здоровой, творческой, активной жизни.

Инвестирование является главным атрибутом формирования и развития человеческого капитала, так как формирование человеческого капитала требует определенных затрат (обычно немалых), которые в будущем обеспечат дополнительный доход. Инвестирование в человеческий капитал можно определить как совокупность различных действий и затрат, которые впоследствии приводят к повышению качества человеческого капитала и его производительности.

Существуют различные подходы к определению форм и структуры инвестиций в человеческий капитал. Так, представители чикагской школы исследования человеческого капитала утверждают, что индивид рационально расходует средства на свое образование, здравоохранение, миграцию и другую деятельность, ожидая высокой отдачи в будущем. Родители также, подобно предпринимателям, инвестируют в своих детей, рассчитывая на высокую отдачу. Основоположники теории человеческого капитала разделяют основные виды инвестиций в человеческий капитал на следующие: образование, подготовка на производстве (on the job training), медицинское обслуживание, миграция, поиск информации о ценах и доходах, рождение детей и их воспитание:

- образование и подготовка на производстве повышают уровень знаний человека и объем человеческого капитала;
- охрана здоровья сокращает заболевания и смертность и этим продлевает срок службы человеческого капитала;

* Статья подготовлена в рамках гранта Ф1-ФА-1-16435 “Научно-методологические основы развития инновационной экономики”

- миграция и поиск информации способствуют движению рабочей силы в высокооплачиваемые регионы и отрасли с благоприятными условиями труда, где стоимость человеческого капитала по сравнению с другими выше;

- рождение и воспитание детей является источником воспроизводства человеческого капитала в следующем поколении.

Инвестирование в человеческий капитал производится в несколько этапов, условно их можно разделить на три. Первый этап, в период детства – на основе решения родителей определяется, инвестировать или не инвестировать в человеческий капитал детей. Второй этап, в период молодости – решение об инвестировании совершается индивидами. Третий, после вхождения в период трудовой деятельности, здесь в качестве инвесторов выходят сами индивиды и (или) работодатели. В качестве основных инвесторов в человеческий капитал выступают семья, государство, негосударственные общественные организации и фонды, отдельные фирмы, международные организации, образовательные и здравоохранительные учреждения.

Семья, являясь главной ячейкой общества, играет решающую роль в формировании и развитии человеческого капитала. Именно в семье принимается решение о рождении ребенка и дальнейшем его развитии, закладываются нравственные, духовные, деловые качества. Она осуществляет такие важные функции, как воспроизводство человеческого капитала (репродуктивная функция), воспитательная, инвестиционная, социально-статусная, рекреативная и др.

Как справедливо отметил Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов: «Для нашего народа семья, ее ценности всегда носили священный характер, семья всегда оставалась основным звеном нашего общества. Нет никакой необходимости доказывать кому-то, что здоровая семья – это, прежде всего здоровое общество, а значит – сильна и стабильна страна» [1].

С первых дней обретения независимости Узбекистана, в основе проводимых реформ были и остаются вопросы укрепления института семьи, воспитания здорового и гармонично развитого, высоконравственного поколения. Объявление Президентом 1998 года Годом семьи, 1999 – Годом женщины, 2000 – Годом здорового поколения, 2001 – Годом матери и ребенка, 2008 – Год молодежи, 2010 – Годом гармонично развитого поколения, 2014 – Год здорового ребенка, 2016 – Годом здоровой матери и ребенка еще раз подтверждает важность института семьи для благополучия общества в целом.

Узбекистан является одной из немногих стран, в конституции, которых отдельная глава посвящена семье. Так, в Конституции Республики Узбекистан определено, что родители обязаны содержать и воспитывать детей до их совершеннолетия, а государство и общество должно обеспечить уход, воспитание и обучение детей-сирот и детей лишенных родительской опеки, поощрять благотворительную деятельность по отношению к ним (ст. 64) и указывается, что совершеннолетние трудоспособные дети обязаны заботиться о своих родителях (ст. 66) [2].

По данным обследований, проведенных Республиканским центром изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» в узбекистанском обществе семья остается важнейшей ячейкой общества, на которой основывается общество и государство (рис. 1).

В то время, когда в большинстве развитых странах идет распад семейных ценностей в Узбекистане семья остается нечто святое. Конечно категорически отвергать влияние мировой тенденции развития института семьи невозможно.

В своих работах, посвященных вопросам роли семьи в формировании и развитии человеческого капитала, Г. Беккер отводит огромную и решающую роль этому институту [4]. Констатируя глобальные изменения в структуре и ценностях семьи, он приводит ряд аргументов.

Во первых, быстрый рост количества разводов во многих странах: если в начале 60-х гг. развод не одобрялся в обществе, и только небольшое количество людей решались на

развод, то в новом тысячелетии развод является более распространенным и нормальным явлением, первый брак около 40% людей заканчивается разводом.

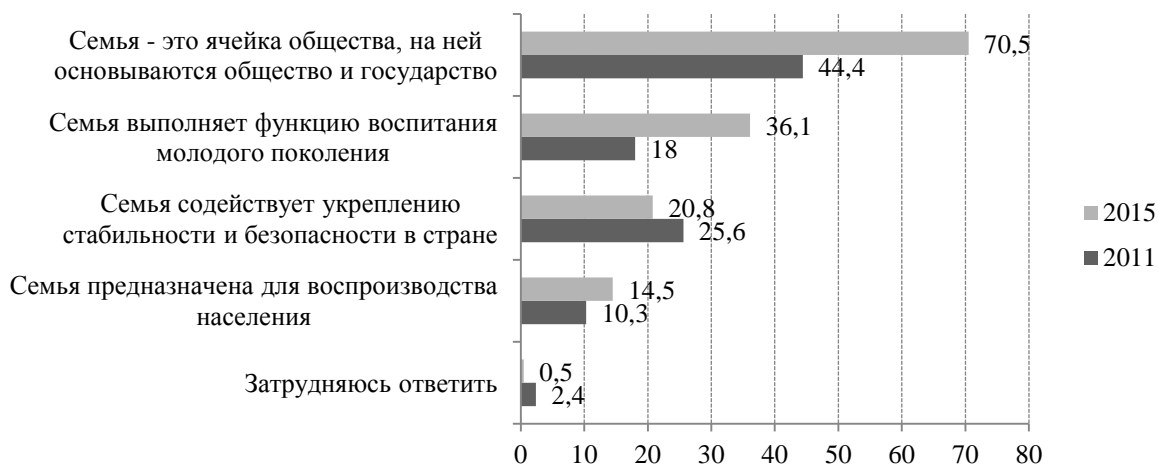

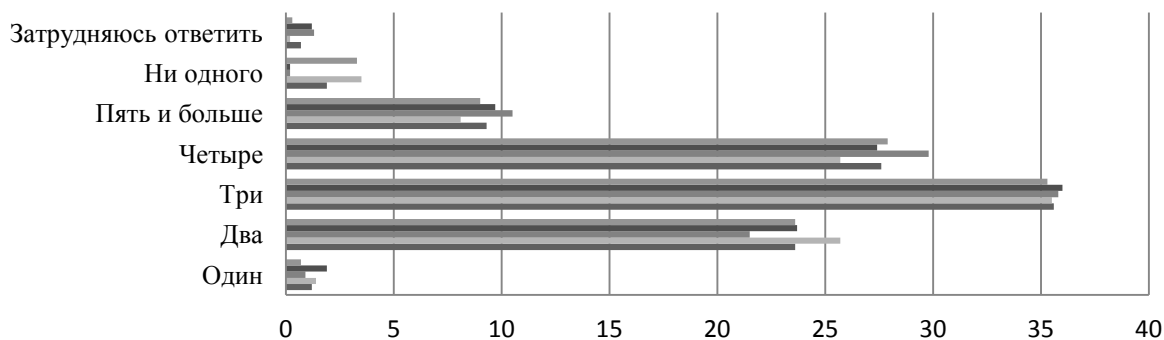
Рис. 1. Распределение осветов на вопрос “Какую функцию в жизни общества выполняет семья?” (% респондентов, выбравших вариант ответа, возможно до двух вариантов ответов) [3, с. 20]

Во вторых, резкий спад уровня рождаемости: в некоторых странах, таких как Германия, Япония, уровень рождаемости не в состоянии обеспечить простое воспроизводство его населения. По сравнению с 60-ми гг. уровень рождаемости уменьшился в двое. Даже в странах со сравнительно высоким уровнем рождаемости наблюдается резкий спад. К примеру, в Китае суммарный коэффициент рождаемости за этот период сократился в 3,7 раза (с 6,1 до 1,65), а в Индии 2,3 раза (с 5,8 до 2,5).

В третьих, рост активного участия женщин, особенно замужних, на рынке труда. К примеру, в Швеции 90% замужних женщин имеют работу, В США этот показатель составляет 70%.

В четвертых, если раньше пожилые люди в основном проживали со своими детьми, то на сегодняшний день в более развитых странах пожилые люди все больше проживают самостоятельно в одиночестве.

Постараемся рассмотреть какова ситуация в узбекистанском обществе по этим позициям на основе статистических данных, а также результатах социологических обследований. На сегодняшний день в Узбекистане тоже наблюдаются некоторые изменения в структуре семей, а также их репродуктивных установках. Но нужно отметить, что все это служит только качественному изменению. За период 1991–2015 гг. в республике более 11 млн молодых людей вступили в брак создав более 5,5 новых семей. В результате успешной социальной политике направленной на поддержку института семьи коэффициент разводимости 2015 г. составил 0,9 %, но нужно отметить, что наблюдается незначительное увеличение этого показателя в течении последних лет.

	Один	Два	Три	Четыре	Пять и больше	Ни одного	Затрудняюсь ответить
■ Женщины	0,7	23,6	35,3	27,9	9	3,3	0,3
■ Мужчины	1,9	23,7	36	27,4	9,7	0,2	1,2
■ Село	0,9	21,5	35,8	29,8	10,5	0,2	1,3
■ Город	1,4	25,7	35,5	25,7	8,1	3,5	0,2
■ Всего	1,2	23,6	35,6	27,6	9,3	1,9	0,7

Рис. 2. Количество желаемых детей среди респондентов [5, с. 19]

За годы независимости в республике наблюдается снижение количества детей в семьях, несмотря на это, уровень рождаемости обеспечивает умеренно расширенное воспроизводства населения.

Количество детей приходящиеся на одну женщину фертильного возраста, то есть суммарный коэффициент рождаемости составляет 2,4. Как показывают социологические обследования, репродуктивные установки населения направлены на создание среднететной семьи (рис. 2.).

Затраты свободного времени родителей также являются одним из видов инвестиций в человеческий капитал. Результаты исследований показывают что, в узбекистанских семьях наблюдается возвращение к традиционной модели распределения внутрисемейных обязанностей по воспитанию детей, что подразумевает большую роль матери в воспитании детей. Более чем в половине узбекистанских семей (58,9%) с детьми до 17 лет большее количество времени проводит жена / мать (рис. 3) [6, с. 72]. Вместе с тем, прослеживается тенденция небольшого снижения количества времени проводимого родителями со своими детьми.

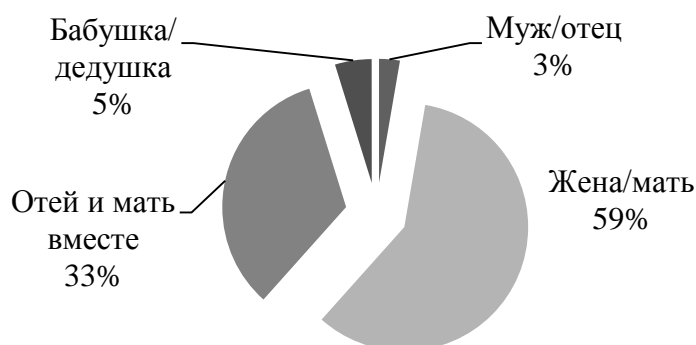

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Кто из родителей Вашей семьи большее количество времени проводит с детьми до 17 лет, занимается их воспитанием?», % [6, с. 73].

Осмывая вызовы нового тысячелетия, родители стали уделять огромное внимание воспитанию здорового и образованного поколения. Наряду с формальным образованием

наблюдается широкое распространение неформального образования. Анализ результатов локального социологического опроса «Оценка качества человеческого капитала», проведенного автором, показал, что 64% респондентов, имеющих детей школьного возраста, водят своих детей на дополнительные занятия вне школы.

Известно, что в Узбекистане внедрена уникальная система образования «9+3», то есть среднее (школьное) и специально-среднее (колледж, лицей) образование является бесплатным и обязательным. Чего нельзя сказать о высшем образовании. Охват высшим образованием соответствующей возрастной группы населения в республике сравнительно низкий при высоком спросе на высшее образование среди молодежи. Результаты опросов показывают, что большая часть респондентов проявили желание дать своим детям высшее образование, в гендерном разрезе это выглядит так: мальчики 71,4% против 56,9% девочки. Также нужно отметить, что за последние пять лет ценность получения детьми высшего образования возросла независимо от пола [6, с. 118].

Также на вопрос «Будете ли вы обучать своего ребенка на контрактной основе в вузе?» более половины респондентов ответили положительно. 27,8% респондентов затруднились ответить, но это так же дает возможность предположить, что при факте поступления ребенка в вуз на контрактной основе родители постараются найти финансовые средства для оплаты. Это означает, что около 80% респондентов, осознавая важность получения высшего образования, несмотря на значительную цену оплаты за обучение, готовы инвестировать в человеческий капитал своих детей.

Наряду с интеллектуальными, большое значение имеют физические параметры. Государство уделяет огромное внимание вопросам укрепления здоровья населения, охране материнства и детства, развитию детского спорта, то есть формированию здорового и гармонично развитого поколения. Постановлением Президента Республики Узбекистан от 1.08.2014 г. принята Государственная программа по дальнейшему укреплению репродуктивного здоровья населения, охране здоровья матерей, детей и подростков в Узбекистане на период 2014–2018 гг.

Здоровый образ жизни и спорт являются важными и эффективными факторами формирования человеческого капитала. Как правило, в здоровой семье и от здоровой матери рождается здоровый ребенок. По данным опроса, 42,3% детей занимаются спортом. В каждой четвертой семье узбекистанцев физическому воспитанию детей уделяется очень большое внимание (23,9%), в каждой третьей – большое (37,5%), в каждой пятой – нормальное (20,3%) [6, с. 121].

Из этого можно сделать вывод, что узбекистанские семьи осознают важность инвестирования в здоровье и образование детей, составляющие человеческого капитала и тенденция показывает позитивный рост в этом направлении.

© Акрамова Ш. Г. Текст. 2016

Список источников

1. Каримов И. А. Наш путь – углубление демократических реформ и последовательное продолжение модернизации страны. Доклад Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на торжественном собрании, посвященном 19-летию Конституции Республики Узбекистан // Правда Востока. – 2011. – 13 дек.
2. Конституция Республики Узбекистан. – Ташкент, 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lex.uz/>
3. Рахимова Н. Х. Семья и общество. Духовный и нравственный мир // Общественное мнение. Права человека. – 2015. – № 4(72). – С. 19-41.
4. Becker G (2002). Human capital. [Electronic resource]. URL: <http://www2.um.edu.uy/>

5. Social Center «Ўjtimoiy Fikr». ALTERNATIVE REPORT to fulfill obligations of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (CEDAW). – Ташкент, 2015.

6. Убайдуллаева Р. А. Семья в Узбекистане. – Ташкент, 2012. – 244 с.

Информация об авторе

Акратова Шахноза Ганишеровна (Ташкент, Узбекистан) – старший научный сотрудник, Научно исследовательский центр «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при Ташкентском государственном экономическом университете (100003, г. Ташкент, ул. Узбекистан, 49 ; e-mail : shahnoza-tiu@rambler.ru).

Akramova Sh. G.

INVESTMENT IN HUMAN CAPITAL IN UZBEKISTAN'S FAMILIES

This article analyzes the social policy of government aimed to the development of human capital, as well as the tendency of Uzbek families to invest in the human capital of their children on the basis of survey results and statistic data.

Keywords: human capital, investment, family, reproductive attitudes, education, health.

Information about the author

Akramova Shakhnoza Ganisherovna (Tashkent, Uzbekistan) – Senior Researcher, Research Center “Scientific bases and problems of the development of the economy of Uzbekistan” under Tashkent state university of economics (49, Uzbekistan, Tashkent, 100003, Uzbekistan; e-mail: shahnoza-[tiu@mail.ru](mailto:shahnoza-tiu@mail.ru)).

УДК 334.021

И.С. Важенина, С.Г. Важенин, В.В. Сухих

ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА – СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ЭФФЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДОВЕРИЯ В ЭКОНОМИКЕ¹

В социально-экономической политике государства все больше внимания уделяется семье. В то же время недостаточно усилий прилагается для поддержки семейного бизнеса, хотя, по нашему мнению, именно его развитие способно стимулировать укрепление семейных связей, сделав экономически выгодной и значимой большую семью. Семейный бизнес также способен благоприятно повлиять на самозанятость населения, на процветание малого и среднего бизнеса, фермерства, ускорить развитие небольших городов и деревень, удержать жителей от миграции в крупные города, благотворно повлиять на доверие и нравственность в обществе и экономических отношениях.

Ключевые слова: семья, социальная политика, доверие, малый бизнес, жизнестойкость.

Активная социально-экономическая политика государства предполагает всестороннее развитие человеческого потенциала России. Значительную роль в укреплении и развитии этого потенциала играет семья, важная как для благополучия общества, так и для экономики. Роль семьи и родственных отношений в экономических

¹ Данное исследование выполняется при поддержке Гранта РГНФ (проект № 16-02-00016) «Сущность, особенности и последствия конкуренции за доверие».

процессах сложно переоценить: создание человеческого потенциала, первичная социализация личности, освоение экономических норм, мотиваций к труду и т. д. Особенно значим семейный бизнес, так как именно семейное предприятие было основой экономической жизни в прошлом и сохраняет свое значение до сих пор. В традиционных обществах сложно было представить предпринимателя-одиночку, человек вне семейных и родственных связей практически не имел шансов на успех. Бизнес был делом всей семьи, «родовым делом». Даже если реально занимался бизнесом лишь один из представителей рода, все его родственники не только поддерживали его дело, но и отвечали за него. Человеку без родственников не доверяли, так как не было никаких гарантий, что он сможет выполнить принятые на себя обязательства. Кроме того, у одиночки не было денег, ресурсов и рабочей силы, которые могла дать только семья или весь род, чтобы начинать сколь-нибудь значимое предприятие.

Хотя в современном обществе уже нет таких ограничений в получении ресурсов и социальных связей, потому человек может быть успешным в экономических отношениях без поддержки своей семьи, ее роль в создании экономической мотивации огромна. С этим согласны и экономисты, и социологи. Й. Шумпетер в своей работе «Капитализм, социализм и демократия» одним из первых отметил, что капиталистический порядок черпает свою энергию из некапиталистических моделей поведения, которые в то же время он стремится разрушить. Одним из ярких примеров этому стали изменения статуса и смысла семьи в развитых капиталистических обществах. В прежние времена именно семья и семейное гнездо были главной движущей силой формирования того мотива к извлечению прибыли, который был типичен для буржуазии, хотя экономисты далеко не всегда придавали этому обстоятельству должное значение. Однако развитие капиталистических отношений приводило к появлению нового общества, где прежние семейные ценности уже не были столь значимы [18, с. 541-546]. Немецкий социолог Р. Зидер указывает на то, что семья порождает мотивации к труду и достижениям, которые экономическая система не может создать «сама собой». С этой точки зрения семья является фактором долгосрочного устойчивого поддержания готовности к труду [10, с. 293].

Исторически семейный бизнес выступал исходной точкой развития практически всех современных крупнейших компаний, и эта форма организации остается типичной для значительного числа крупных фирм как в развитых, так и в развивающихся странах [17, с. 136-137].

Именно поэтому проблемам семьи должно уделяться особое внимание в социально-экономической политике, стратегическим ресурсом которой и становится поддержка семейного бизнеса. Эффективное функционирование и развитие семейного бизнеса позволяют решить сразу несколько социальных и экономических задач:

1. Семейный бизнес обеспечивает стабильную занятость и преимущественно самозанятость населения. Семейной фирме свойственна минимальная текучесть кадров, что позволяет больше вкладывать в увеличение квалификации работников без риска не оправдать затраты. Это особенно важно в ремесленной деятельности, для которой характерны крайне специфические навыки индивидуального мастерства, овладеть которыми невозможно при потоковом обучении. Трудовые династии известны и вне семейного бизнеса, но организация собственного бизнеса гарантирует им бóльшую стабильность
2. Семейный бизнес сам готовит рабочую силу для своих надобностей и, главное, решает проблему ее мотивации, позволяет людям видеть смысл и перспективы в своей деятельности.
3. Семейный бизнес делает большую семью экономически выгодной, так как дети рассматриваются как будущие наследники и хозяева потомственного дела. В то же время они рано включаются в работу и имеют больше времени для подготовки и приобретения нужных навыков.

4. Семейный бизнес более жизнестоек, чем обычные компании. Недаром истории некоторых семейных компаний Европы и Японии насчитывают уже сотни лет.
5. Семейный бизнес гибок и может быстро реагировать на изменения рынка, что важно в периоды экономических кризисов. Так, быстрый экономический подъем Китая после негативных явлений «культурной революции» объясняют тем, что семейный бизнес, распространенный в мелкой торговле, ремесле и кустарничестве, быстро возродил экономическую жизнь страны, обеспечил накопления и подготовленную рабочую силу для развития более крупного бизнеса.
6. Через семейный бизнес реализуется возрождение нравственности в экономических отношениях, так как для семейного бизнеса характерен высокий уровень доверия, бережное отношение к репутации, большая ответственность перед партнерами и клиентами, потому что в случае нарушения обязательств семейной компанией ухудшится репутация не только нынешних владельцев, но и их наследников, всего семейного дела, предмета гордости и заботы нескольких поколений.
7. Семейный бизнес более открыт к инновациям и импровизациям. В отличие от государственных компаний, семейный бизнес ради выживания должен овладеть искусством находить непривычные и неочевидные методы решения проблем, не выходя за рамки собственных возможностей или установленных правил.
8. Семейный бизнес создает уникальную культуру предпринимательства, для которой характерны простота форм организации бизнеса, его высокая мобильность, скромный штат семейных предприятий, взаимная поддержка, верность делу и т. . Эта культура является самым ценным активом семейных предприятий, так как такое конкурентное преимущество крайне трудно копировать конкурентам. С другой стороны, она и создается десятилетиями, что возможно только при нацеленности на долгосрочные перспективы компании.
9. Семейный бизнес строится в расчете на долгосрочные перспективы и потому стратегически ориентирован, нацелен на долговременное стабильное существование и потому стремится избегать ненужных рисков. Владельцы такого предприятия озабочены скорей запасом прочности, чем сиюминутной выгодой. Отсюда особое внимание к репутации семейного предприятия, которая связана не только с нынешним поколением, но и определит отношение к будущим владельцам, детям и внукам. Слишком важным конкурентным преимуществом является позитивная деловая репутация [4, с. 134-150], выстраиваемая десятилетиями, а порой и столетиями, чтобы ей рисковать. Имя родового предприятия – это не «легкомысленная» торговая марка, которая может переходить из рук в руки многих никак не связанных друг с другом владельцев, это ценность, прочно связанная с определенной семьей и зависящая от ее успехов и репутации.
10. Для руководителей и участников семейного бизнеса в основном не характерно сверхпотребление и демонстративное потребление. Представители подобного бизнеса предпочитают не тратить деньги на роскошь и непроизводительные статусные покупки, вкладывая больше в развитие своего дела и в образование детей.

Отдельно стоит коснуться вклада семейного бизнеса в достижение высокого уровня доверия в обществе и экономике. Доверие как важнейшее конкурентное преимущество фирм, регионов и стран все больше ценится [14, с. 47-54], потому за него начинает вестись конкурентная борьба [5, с. 78-86]. По мнению Ф. Фукуямы «Одним из главных уроков изучения экономической жизни является то, что благополучие страны и ее состязательная способность на фоне других стран определяются одной универсальной культурной характеристикой – присущим ее обществу уровнем доверия» [15, с. 20-21]. При этом именно семейный бизнес отличается наиболее высоким уровнем доверия как внутри предприятия, так и в отношениях с партнерами и клиентами. В любой компании успешность предпринимательской деятельности связана со способностью

предпринимателя наладить доверительные отношения с собственными сотрудниками [2, с. 22-34; 3, с. 78-85]. В силу склонности сотрудников к оппортунизму и отстаиванию собственных интересов, а не выгод хозяина, преимущество получит та фирма, где выстраивание доверительных отношений будет достигаться с наименьшими затратами для предпринимателя. Идеальной является ситуация, когда доверие между сотрудниками уже существовало до их включения в деятельность предприятия и было обусловлено какими-то внешними мотивами, не нуждающимися в постоянном подкреплении. Это может быть общее прошлое (служба в армии, студенческая дружба и т. д.), общие религиозные установки или же родственные связи. При этом родственные связи из-за особенности человеческой психики являются наиболее прочными, соответственно, доверие между носителями кровного родства будет неизбежно выше, чем между взятыми со стороны людьми. Предприятию с сотрудниками, входящими в одну или несколько родственных семей, потребуется гораздо меньше усилий на преодоление внутреннего оппортунизма и достижение высокого уровня доверия, то есть такое предприятие будет более конкурентоспособным, чем аналогичное, но с сотрудниками, набранными со стороны.

Семейные компании, заботясь о будущем, больше внимания уделяют своей репутации и нацелены на долгосрочное сотрудничество с партнерами и клиентами, что требует высокого доверия, которое семейное предприятие и выстраивает в ходе своей многолетней деятельности, что благотворно сказывается на доверии и нравственности не только в экономике, но и в обществе в целом.

Следует признать, что семейные предприятия также приносят в общество стабильность. Во всем мире семейные предприятия демонстрируют жизнестойкость и фантастическую верность традициям. Долгое функционирование обусловлено восприятием своей деятельности не как просто бизнеса для зарабатывания денег, но как семейного дела, завещанного прадедами. Эти патриархальные нравы оказались удивительно современными в XXI в., когда в развитие концепции «живой компании» экономисты и практики бизнеса все чаще говорят о необходимости смены стратегии современных компаний – от ставки на сиюминутные прибыли к нацеленности на долговременность и выживание, на сплочение внутри фирмы. Компании «умирают» потому, что их руководители сосредотачиваются на экономической деятельности по производству товаров и услуг и забывают, что истинная природа их организации – это сообщество людей [8, с. 14-15]. Неудивительно, что семейные компании, никогда не забывающие свои функции, резко выделяются своим долгожительством в сотни лет. Как указывает автор концепции «живой компании» А. де Гиус, одним из ключевых факторов долгожительства компании являлось то, что компании-долгожительницы (не обязательно семейные) были сплоченными, с сильным самосознанием. Их сотрудники чувствовали себя частью единого организма и были сплочены вокруг идеи «сообщества», руководители компании выдвигались изнутри, обеспечивали связь поколений и считали себя душеприказчиками старинного предприятия [8, с. 18-19]. Семейным фирмам гораздо легче дается достижение сплоченности, что и объясняет во многом их долголетие.

При многих выгодах, получаемых обществом от семейного бизнеса, неудивительно, что в европейских странах и США государство уделяет повышенное внимание сохранению и развитию семейного бизнеса [12, с. 193-225]. В масштабах глобальной экономики порядка 70–90 % мирового ВВП производится семейными фирмами и семейными сельскохозяйственными фермами [6, с. 27]. По оценкам Еврокомиссии, в настоящее время 60 % всех европейских компаний – от самых мелких до крупных транснациональных корпораций – могут быть отнесены к категории семейных фирм [7, с. 155]. Во Франции доля семейных предприятий составляет более 80 %, а в Финляндии этот показатель доходит до 95 %. Мировым лидером в этом отношении считается Англия, где около 16 % семейных фирм пережили более трех смен поколений. В Швеции более 60 % населения занято в семейном бизнесе. Если рассматривать сельское хозяйство США, то оно фактически полностью состоит из разных форм семейного

бизнеса. 86 % всех ферм являются индивидуальными, 8,8 % являются семейными партнерствами (куда помимо одной семьи входят еще близкие родственники), и 4,4 % ферм являются сельскохозяйственными корпорациями, из которых почти 90 % являются корпорациями семейными [1, с. 294].

Современная Россия в поддержке семейного бизнеса сильно отстает от своих партнеров и конкурентов. Но его развитию благоприятствует то, что основы для семейного бизнеса уже заложены в русской истории и традициях. Семейное дело было главной формой предпринимательства в дореволюционной России. Его институциональной основой были поведенческие установки русского крестьянина, для которого, как отмечали современники, жизнь семьи – это жизнь хозяйства, семья и хозяйство воспринимаются почти как синонимы. Подобное представление было характерно и для купечества, так как по поведенческим установкам купцы были гораздо ближе к крестьянству, чем к дворянской или чиновничьей среде. Это неудивительно, ведь подавляющее большинство купцов были либо сами выходцами из крестьян, либо сыновьями и внуками бывших крестьян. Традиции крестьянского хозяйства во многом определяли и купеческий подход к торговому делу. Поэтому русское купечество также воспринимало свое дело как семейное предприятие, куда были вовлечены все члены семейства от мала до велика. Помимо известных по всей России семейных предприятий Морозовых, Алексеевых, Хлудовых, Рябушинских, в каждой губернии богатели и имели огромное влияние на местное общество и торговлю свои купеческие роды – к примеру, Рязановы и Поклевские-Козелл в Екатеринбурге. Их успехи не в последнюю очередь были связаны с доверием внутри разрастающейся семьи, с уверенностью в поддержке начинаний со стороны родителей или братьев.

Семейная поддержка определяла консерватизм, патриархальность внутрифирменных отношений, что, опять-таки, было отражением одной из русских крестьянских традиций. Историк Т. Шанин отмечает: «Семейный труд и самозанятость играют здесь особую роль. Семейного работника, например, нельзя “уволить”, поэтому его труд должен восприниматься как данность. Он также обычно “не учитывается” при использовании его в семье, т. е. воспринимается как нечто само собой разумеющееся, а не оценивается в семейном бюджете согласно рыночной стоимости и, соответственно, считается чем-то бесплатным или недорогим. В результате экономические стратегии семейных хозяйств обычно отличаются от тех, которые строятся в рамках рыночных моделей. Нацеленность на выживание, а не на максимизацию прибыли или на максимальное использование имеющихся трудовых ресурсов более, чем на эффективность, трансформирует поведенческие стратегии» [16, с. 117].

Успешность семейного предпринимательства определялась не только взаимным доверием, но и особой культурой ведения дел. С семейным предприятием было выгодно и удобно иметь дело, так как благодаря верности традициям партнеры по бизнесу могли быть уверены в долговременном сотрудничестве и сохранении достигнутых соглашений даже в случае смерти действующего главы семейного предприятия. Страховкой на случай неудачи, смерти или длительного отсутствия купца было привлечение членов семьи, особенно жен, к торговым делам. Еще в «Домострое» советовалось: «Что сам, чадо, делаешь, тому и жену учи, всякому страху божию, разному знанию и ремеслу, и рукоделью, всяким делам и домашнему обиходу, и всем порядкам» [9, с. 264]. Исследователи русского купечества отмечают: «Навыки деловой активности, участие в предпринимательской деятельности купеческих жен в условиях высокой степени риска занятия торговлей способствовали сохранению капиталов умерших мужей, преемственности занятий и социального положения подраставших сыновей» [11, с. 24]. Для этого купеческие жены часто имели собственное, независимое от мужа, торговое предприятие, иногда унаследованное от родителей в качестве приданного, иногда заводимого самой купчихой.

Ради сохранения семейного дела российские купцы не жалели усилий на образование и воспитание наследников. Примером этому является сочинение И. Т. Посошкова «Отеческое завещание сыну об отроческом житии» (около 1705 г.). С ранних лет наследников знакомили с постановкой дела, часто отправляли учиться специальностям, нужным семейному предприятию. Чтобы расширить дело и давать возможность получить опыт, иногда родственников ставили на новые направления деятельности семейной фирмы. Это позволяло без особых рисков оценить выгодность и опасность новой затеи, а также давало шанс молодому поколению проявить себя, наладить долговременные связи с прочими купцами, которые активно использовались, когда наступал черед молодых возглавить семейные фабрики.

Сами ценившие преемственность предприниматели поддерживали трудовые династии среди своих служащих. Особенно прославлена династия Черепановых, работавших на Нижнетагильском заводе Демидовых, представители которой создали первый русский паровоз, придумали и воплотили на практике множество других изобретений. Вообще в российском купечестве при патриархальности нравов приказчики и прочие работники воспринимались частью семьи, их сажали за стол наравне с кровными родственниками, часто помогали начать свое дело в партнерстве с бывшим хозяином. Кризис купечества некоторые наблюдатели начала XX в. связывали как раз с изменением отношения к работникам – которые стали восприниматься не члены семьи, а на западный манер – просто как временные наемники, которых можно рассчитать в любой момент без сожаления и от которых не ждут усердия или верности работодателям. Подобный подход приводил к увеличению оппортунизма работников и к ухудшению дел фирм.

В реформируемой России социологические данные подтверждают кризис семьи, которая ранее являлась первой школой доверия и поддержкой человека. Семья теряет это свое значение, что неизбежно сказывается на малом и среднем бизнесе, так как до сих пор значительная часть малого бизнеса начинается при финансовой и трудовой поддержке родственников, что возможно только при высоком уровне доверия среди «своих». Кризис доверия во всем обществе, в том числе и в семье, равно как и кризис самой семьи, прямым образом определяют кризис малого бизнеса, теряющего после снижения роли семейного бизнеса важнейшую свою составляющую. Семья в современной России все реже дает моральную, финансовую и трудовую поддержку в бизнес-начинаниях, что наряду с неудовлетворительной поддержкой малого бизнеса государством не позволяет достичь экономического развития через процветание малых предприятий. Это особенно ярко проявляется в российском сельском хозяйстве, где роль семейного бизнеса совершенно несравнима с американской ситуацией. В современной России необходимо развивать семейный бизнес, учитывая опыт как русской истории, так и современных семейных компаний за рубежом. Нужна целенаправленная социальная политика правительства по возрождению семейного бизнеса как части программы конструирования доверия в экономике и обществе, начиная с симбиоза экономического и нравственного в семейной политике [13, с. 58-69]. Иначе кризис доверия в семье, уменьшение доверия к родственникам неизбежно негативно повлияют на успешность малого бизнеса, а значит, и экономики в целом. Только нравственное возрождение общества и экономики, построение доверия позволят России добиться экономического процветания.

© Важенина И. С., Важенин С. Г., Сухих В. В. Текст. 2016.

Список источников

1. Андреева Н. М. Сельское хозяйство: место старейшей отрасли в современном воспроизводственном процессе // Проблема эффективности в XXI веке. Экономика США. – М. : Наука, 2006. – С. 289-313.

2. Важенин С.Г., Сухих В. В. Опортунизм и конструиование доверия в экономике // Журнал экономической теории. – 2013. – № 1. – С. 78-85
3. Важенин С. Г., Сухих В. В. Архитектура доверия в экономике // Журнал экономической теории. – 2010. – №3. – С. 22-34.
4. Важенина И. С. Деловая репутация как конкурентный ресурс компании // Журнал экономической теории. – 2006. – №4. – С. 134-150.
5. Важенина И. С., Важенин С. Г., Сухих В. В. Конкуренция за доверие в экономике: сущность и перспективы развития // Проблемы теории и практики управления. – 2015. – №7. – С.78-86.
6. Васильев М. Семейная фирма: эволюция взглядов североамериканских исследователей // Проблемы теории и практики управления. – 2012. – № 6. – С. 27-38.
7. Васильев М. Семейная фирма. Эволюция взглядов европейских и российских исследователей // Проблемы теории и практики управления. –2012. – № 7-8. – С. 155-162.
8. Гиус А. Живая компания. Рост, научение и долгожительство в деловой среде. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
9. Домострой. – СПб.: Наука, 2007.
10. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе. Конец XVIII–XX вв. – М.: ВЛАДОС, 1997.
11. Козлова Н. В. Введение // Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. – М.: Изд-во МГУ, 2002.
12. Никольская Г. К. Воспроизводственная роль и эффективность семейного уклада // Проблема эффективности в XXI веке. Экономика США. – М. : Наука, 2006. – С.193-225.
13. Павлов Б. С. Семейная политика в регионе. Симбиоз экономического и нравственного // Журнал экономической теории. – 2010. – № 3. – С. 58-69.
14. Сухих В. В. Доверие в экономике как конкурентное преимущество. Опыт традиционных и современных обществ // Проблемы региональной экономики. – 2014. – № 3-4. – С. 47-54.
15. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели путь к процветанию. – М.: АСТ; Ермак, 2004.
16. Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность. – 2003. – №1. – С. 116-121.
17. Шило П., Корчагина Е. Специфика семейного бизнеса в контексте организационной культуры фирмы // Проблемы теории и практики управления. – 2016. – №2. – С. 136-142.
18. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: ЭКСМО, 2007.

Информация об авторах

1. Важенина Ирина Святославовна - доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук.
2. Важенин Сергей Григорьевич - кандидат экономических наук, заведующий сектором , Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук.
3. Сухих Василий Валентинович - кандидат экономических наук, научный сотрудник , Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук

Vazhenina I. S., Vazhenin S. G., Sookhikh V. V. SUPPORT OF FAMILY BUSINESS – A STRATEGIC RESOURCE FOR EFFECTIVE SOCIO-ECONOMIC POLICY AND RESTORE CONFIDENCE IN THE ECONOMY

In the socio-economic policy of the state, more attention is paid to the family. At the same time, not enough effort is made to support the family business, although, in our opinion, that its development could encourage the strengthening of family ties, making cost-effective and

significant large family. Family businesses are also capable of a positive impact on the self-employed, for the prosperity of small and medium business, farming, to accelerate the development of small towns and villages to keep residents from migrating to the big cities, have a positive effect on trust and morality in society and economic relations.

Keywords: family, social policy, trust, small business vitality.

Information about the authors

1. Vazhenina Irina Svjatoslavovna, Doctor of Economics, the senior lecturer, the senior employee, Institute of economy of the Ural branch of Russian Academy of Sciences.

2. Vazhenin Sergey Grigorevich, Candidate of Economical Sciences, the senior scientific employee managing sector, Institute of economy of Ural branch of Russian Academy of Sciences.

3. Sookhikh Vasily Valentinovich, scientific employee, Institute of economy of the Ural branch of Russian Academy of Sciences.

УДК 314

А.А. Грабар

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА РЕГИОНА КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РОСТА

Устойчивое развитие региона невозможно в условиях старения и естественной убыли населения. Первоочередная задача не просто увеличить численность граждан, а создать условия для роста конкурентоспособного населения, готового увеличивать экономические и культурные показатели региона. Роль социальной инфраструктуры состоит в подготовке интеллектуально развитых, здоровых и социально активных граждан трудоспособного возраста.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, воспроизводство населения, человеческий капитал

В современных условиях макроэкономической нестабильности, множества экономических, политических и социальных потрясений, выпавших на долю нашей страны, проблема воспроизводства населения стоит особенно остро. В целом за период двадцатого столетия Россия понесла множество потерь населения в связи с войнами и голодом, также в начале и конце века наблюдался высокий иммиграционный отток населения.

Важно понимать, что демографические процессы обладают большой инерционностью, развиваются очень медленно. Поэтому чрезвычайно важно вовремя увидеть, в каком направлении развиваются демографические процессы, чтобы своевременно начать разрабатывать меры демографической политики, призванные предотвратить неблагоприятное развитие.

Главная задача любой науки — познание законов развития в определенной части общества и природы. К практическим задачам демографии относятся:

- изучение тенденций и факторов демографических процессов;
- разработка демографических прогнозов;
- разработка мероприятий демографической политики.

Важно изучать факторы демографических процессов. Говоря о факторах, чаще всего подразумевают причины явлений и процессов. Причем если общенациональные факторы демографических процессов, как правило, понятны (негативная экономическая

ситуация, отсутствие возможностей трудоустройства побуждают граждан выезжать из малых городов в крупные и т.п. явления). На региональном уровне демографические процессы требуют отдельного изучения. Фактор есть статистически наблюдаемое отражение причины. В отличие от причины фактор всегда наблюдаем (измеряем). Факторы и причины одних и тех же демографических процессов в разных регионах могут быть различными.

На основе изучения тенденций демографических процессов и причинно-следственных связей демографических процессов с другими общественными процессами возможно разрабатывать прогнозы будущих изменений численности и структуры населения в региональном разрезе.

Разработка программ демографического развития должна носить комплексный характер, охватывать широкий круг факторов общественной жизни, учитывать многообразные и многоаспектные последствия демографических процессов.

На региональном уровне демографические процессы тесно связаны с уровнем развития социальной инфраструктуры в регионе. Условием воспроизводства здорового населения являются развитые отрасли здравоохранения, физкультуры и спорта, дающие возможность получения качественной медицинской помощи, а также способствующие рекреации и профилактике различных заболеваний. Воспроизводству высокого уровня человеческого капитала способствуют сферы образования всех уровней и культуры в виде как досуговых организаций, так и музеев, библиотек, и т. п.

Рассмотрим некоторые демографические показатели по Кировской области. На рисунке представлена общая численность населения в расчете на начало года (тыс. чел).

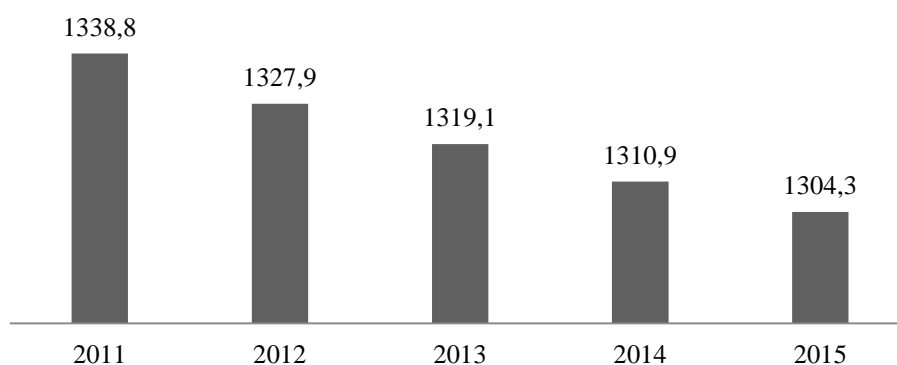

Рис. Численность населения Кировской области

Как видно на рисунке, численность населения области стабильно снижается, на снижение численности населения, в первую очередь, влияет отрицательный естественный прирост населения и высокий миграционный отток населения, ежегодно он составляет около 4000 чел. [2]

Для прогноза численности населения используем метод экстраполяции. Этот метод прогноза используется для оценки численности населения в определенный период, но он рассчитывает, что показатели рождаемости, смертности, миграции будут такими же, как и на начало прогнозируемого периода.

Наиболее приближенные оценки будущей численности населения с помощью метода экстраполяции можно получить посредством обобщающих показателей динамики: экстраполяция на основе показателя среднего абсолютного прироста; экстраполяция на основе показателя среднего темпа роста; экстраполяция на основе показателя среднего темпа прироста.

Для прогноза численности населения используем экстраполяцию на основе показателя среднего темпа роста:

$$S_t = S_0 \times \bar{x}^t,$$

где S_t – прогнозируемая численность населения в году t ; S_0 – численность населения на начало прогнозируемого периода; t – период прогноза; где \bar{x}^t – показатель среднего абсолютного прироста.

На краткосрочный период – 5 лет:

$$S_0 = 1304312 \text{ чел.}$$

$$t = 5 \text{ лет}$$

$$\bar{x}^t = 0,99^5 = 0,95$$

$S_{2021} = 1304312 \times 0,95 = 1239096$ чел., то есть население сократится примерно на 5%.

На среднесрочный период – 10 лет:

$$\bar{x}^t = 0,99^{10} = 0,9$$

$$S_{2026} = 1304312 \times 0,9 = 1173088 \text{ чел. (сократится на 10\%).}$$

Таким образом, можно сказать, что при сохранении темпов прироста населения, существующих на 2016 г., население к 2021 г. сократится до 1239096 чел. (5%), а к 2026 г. – до 1173088 чел. (10%). Но нужно понимать, что полученные данные не могут быть достоверными на 100%, так как демографические показатели, такие как рождаемость, смертность, миграция, постоянно меняются, но тенденция к сокращению населения очевидна.

Так же, как Правительство РФ, органы местной власти осуществляют мероприятия и программы, призванные повысить рождаемость. Данные меры в основном связаны с выплатами материнского капитала, поддержки молодых и многодетных семей в виде альтернативных финансовых выплат (оплата продуктов питания, проезда в общественном транспорте, предоставление участков для строительства и т.п.).

По факту такие меры приводят к повышению рождаемости, но встает вопрос о качестве воспроизводимого населения. Как было выявлено в ходе многочисленных исследований, материнский капитал в благополучных семьях лишь смещает календарный срок рождения второго ребенка.

Для воспроизводства качественного человеческого капитала в регионе необходим высокий уровень развития социальной инфраструктуры. Рассмотрим сводные данные об организациях оказывающих образовательные услуги населению (данные на начало года) в таблице.

Таблица

Показатели по образовательным учреждениям Кировской области

Показатель	Год					Темп роста
	2011	2012	2013	2014	2015	
Число дошкольных образовательных организаций	486	484	489	489	489	101%
Число общеобразовательных организаций	673	660	648	626	609	90%
Число образовательных организаций начального профессионального образования	24	19	13	6	6	25%

Число профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих, служащих	15	20	24	26	26	173%
Численность учащихся, чел.	11867	10775	9037	8271	7457	63%
Число профессиональных образовательных организаций	33	40	41	39	40	121%
Численность студентов, чел.	19842	20008	20205	16474	18819	95%
Число организаций высшего образования	4	4	4	4	4	100%
Численность студентов, человек	45804	40777	37619	36350	33378	73%

*По данным Кировстата [2]

Как показывают данные, представленные в таблице, за пять лет не увеличилась численность детских дошкольных учреждений, снизилось число общеобразовательных организаций. Такая ситуация негативно влияет на демографические показатели, во-первых возникают сложности с устройством ребенка в детский сад, что негативно сказывается на его умственном развитии, также, по статистике, дети, которые позже попадают в дошкольные учреждения, хуже адаптируются и чаще болеют. Во-вторых, женщина вынуждена больший срок находится в декретном отпуске, соответственно кроме снижения налоговых поступлений за период декрета происходит потеря квалификации, и в будущем потребуется больший срок для ее восстановления.

Еще следует отметить снижение количества учащихся в средних специальных и высших учебных заведениях, это связано, во-первых, с низким уровнем подготовки в школе [1]. Во-вторых, с физическим снижением численности населения, в третьих – со снижением притока учащихся из других регионов.

Таким образом, заметно снижение уровня развития человеческого капитала в связи с недостаточностью развитости такой сферы социальной инфраструктуры, как образование.

Недостаточно на государственном уровне принимать меры финансовой поддержки семей с двумя и более детьми, необходимо уделить первостепенное внимание развитию объектов социальной инфраструктуры, которые позволят сформировать здоровое и интеллектуально развитое поколение.

© Грабар А. А., Текст. 2016

Список источников

1. Воронцова Н. Д. Конкурентоспособность выпускников ВУЗа на рынке труда // Общество, наука, инновации (НПК–2015). Всероссийская ежегодная научно-практическая конференция. Сб. мат.-лов. Общеуниверситетская секция / БФ, ХФ, ФСА, ФАМ, ЭТФ, АВТ, ФПМТ, ФЭМ, ФГСН, ЮФ. ФГБОУ ВПО «Вятский государственный университет». 2015. Киров, 13–24 апр. 2015 г. – Киров, 2015.

2. Кировская область в 2014 году. Ч. I. Население и социальная сфера [Электронный ресурс]. URL: http://kirovstat.kirov.ru/bgd/KirovI_14/main.htm (дата обращения 04.05.2016 г)

Информация об авторе

Грабар Анна Анатольевна, РФ, г. Киров – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет» (ВятГУ), Россия, 610000, г. Киров ул.Московская, д.36, grabar@vyatsu.ru

Grabar A.A.

DEMOGRAPHIC GROWTH THROUGH DEVELOPMENT SOCIAL INFRASTRUCTURE OF THE REGION

Sustainable development of the region is not possible in terms of aging and natural population decline. The primary objective is not simply to increase the number of citizens, and to create conditions for the growth of a competitive public ready to increase economic and cultural indicators of the region. The role of the social infrastructure is to prepare intellectually developed, healthy and socially active citizens of working age.

Keywords social infrastructure, the reproduction of the population, human capital.

Information about the author

Grabar Anna Anatolievna (Kirov, Russia), candidate of Economic sciences, associate professor at the Department of Management and marketing of Vyatka State University Russia, 610000, Kirov Moskovskaya st., 36, grabar@vyatsu.ru

УДК 314.1:316.2

А.Г. Злотников

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА, ЗАНЯТОСТЬ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСИ

Анализируется состояние демографических процессов в Республике Беларусь и последствий предлагаемых финансовых механизмов на перспективы демографического развития Беларуси. Автором делается вывод, что предлагаемая государственная реформа финансового бюджета Республики Беларусь в демографической сфере приведет к еще большим депопуляционным процессам. Она еще больше усложнит социально-экономическую ситуацию в Беларуси. Автор считает, что повышение возрастного пенсионного ценза имеет и положительные и негативные последствия. К повышению возраста выхода на пенсию придется прийти, но не в нынешней сложной ситуации на национальном рынке труда. Делается вывод о недопустимости ради сиюминутных узковедомственных финансовых интересов сокращать «декретный отпуск». Предлагается в будущей пенсионной реформе связать размеры пенсии и количество родивших и воспитавших женщинами детей.

Ключевые слова: взаимодействие, демографическое развитие, пенсионная реформа, занятость, демографическая экспертиза

С января текущего года в пенсионное законодательство Республики Беларусь внесены существенные изменения. Ими при определении общего трудового стажа для назначения пенсии исключен период нахождения матери в декретном отпуске, а также периоды нахождения на больничном по уходу за ребенком. Также ими исключен период срочной службы в рядах Вооруженных Сил. То есть участие женщин в демовоспроизводственном процессе, а также защита Родины, по сути дела, не считаются общественно полезными. Мотивация этих существенных изменений: за этот период от

данных категорий населения не было отчислений в фонд социальной защиты. За этой мотивацией скрывается напряженность бюджета страны. В апреле текущего года Указом Президента Республики Беларусь изменен и возрастной ценз выхода на пенсию: для мужчин – с 60 лет до 63 лет, а для женщин – с 55 лет до 58 лет, который будет введен поэтапно со второй половины 2017 г. Кроме того предполагается для «обеспечения гендерного равенства» сократить длительность отпуска матерям по уходу за ребенком («декретного отпуска»).

Проблема изменения пенсионного возраста не так проста и однозначна. На европейском постсоветском пространстве в большинстве стран, кроме Беларуси и России, законодательно уже повысилась возрастная планка выхода на пенсию. Правда, в Украине запланированный в 2012 г. переход на более поздние сроки выхода на пенсию позже был приостановлен.

Изменения в пенсионном законодательстве должны опираться на ряд взаимосвязанных факторов, среди которых важными являются: демографическая ситуация и напряженность на рынке труда страны. Если в стране имеется избыток трудоспособного населения и наблюдается тенденция сокращения занятости, то возрастной потолок выхода на пенсию снижается. В условиях дефицита рабочей силы возрастной пенсионный потолок может быть выше. Если в стране бесперебойно работает экономика, обеспечивающая занятость трудового потенциала, то, соответственно, и обеспечено пополнение фонда социальной защиты, формирующего пенсионные выплаты и пособия. Но так как белорусская экономика находится в глубоком кризисе, властными структурами избран путь урезания пенсионных и других социальных выплат, что чревато негативными последствиями для демографических перспектив.

На наш взгляд, проблема изменения пенсионного возраста, во-первых, связана с экономическими возможностями и демографической ситуацией страны.

Во-вторых, при определении пенсионного ценза должна учитываться специфика и принадлежность будущих пенсионеров к той или иной социальной общности (профессиональной группе). Если человек большую часть трудовой жизни провел за станком стоя, то здесь пенсионный возраст может быть меньшим. Занятые такими видами труда в меньшей степени поддерживают увеличение пенсионного возраста. Руководители разного ранга, специалисты кабинетного труда в большей степени заинтересованы в увеличении возраста выхода на пенсию, поскольку при прежнем возрасте выхода на пенсию многим из них грозит расторжение контракта, а значит, и существенное снижение уровня доходов.

В-третьих, важным фактором пенсионной реформы является продолжительность жизни населения. Если смотреть на проблему поверхностно, то вроде бы этот фактор, особенно для мужчин, у которых средняя общая продолжительность жизни при рождении (ОПЖР) немного превышает 65 лет, препятствует более позднему выходу на пенсию. Но, с другой стороны, именно этот фактор может быть в пользу повышения возрастного ценза выхода на пенсию. ОПЖР мужского населения Беларуси ныне (2014 г.) составляет 67,3 года [1, с. 177] (в России она в 2013 г. составила 65,29 года [3, с. 46]).

Отметим при этом, что большинством ошибочно оценивается показатель ОПЖР. Он измеряет среднюю общую продолжительность жизни только тех, кто родился в конкретном году, если условия продолжительности жизни в различных возрастных группах останутся без изменений. Если условия жизни станут хуже, то продолжительность жизни, родившихся в том или ином году, может снизиться. Если же условия жизни (экономические, политические, экологические и др.) будут иметь тенденцию к улучшению, то вырастет и средняя продолжительность жизни этого поколения.

Но кроме ОПЖР также рассчитывается и средняя продолжительность жизни в разрезе определенных возрастных групп, скажем, достигших в том или ином году возраста пяти, десяти, пятнадцати, двадцати лет и т. д. [1, с. 183]. По этим расчетам у тех белорусских мужчин, кто достиг в 2014 г. возраста 65 лет, средняя ожидаемая

продолжительность жизни составит еще 12,7 лет. А у тех мужчин, кто достиг в 2014 г. 20 лет, средняя ожидаемая продолжительность жизни составит 48,4 года. Это означает, что у нынешних 65-летних мужчин средняя ОПЖ составит 77,7 лет, а у нынешних 20-летних мужчин средняя ОПЖ составит 68,4 года, то есть у молодого поколения мужчин средняя ОПЖ будет почти на 9 лет меньше. И потому негативные последствия предлагаемой реформы по изменению сроков выхода на пенсию в большей степени затронут более молодое поколение, чего этим поколением еще не осознано.

Сравнение с зарубежными показателями продолжительности жизни и возрастом выхода на пенсию показывает, что в тех странах, где более высокий пенсионный возрастной ценз, там и средняя ОПЖР выше. Повышение пенсионного возраста будет способствовать и продлению ОПЖР, а значит и повышению ИРЧП Беларуси. Среди составляющих показателей ИРЧП продолжительность жизни населения Беларуси – недостаточна.

В-четвертых, неоднозначна связь процесса старения населения и их социального обеспечения. Высокий удельный вес пенсионеров в населении страны (почти четвертая часть) ложится бременем на социальное обеспечение. И на основе этого роста, а также на проблемах бюджета страны и делают упор те, кто ратует за изменение пенсионной возрастной планки. Их аргументы основываются на проблемах демографической нагрузки – соотношении населения в трудоспособном возрасте и пенсионеров, которое в настоящее время составляет 2,3 к 1. Если не изменить возрастную планку выхода на пенсию, то в середине 2020-х гг. это соотношение ухудшится и составит 1,9 к 1. Повышение же возрастной планки выхода на пенсию через 10 лет даст соотношение 2,4-2,5 к 1.

Но сегодняшняя ситуация на национальном рынке труда такова, что, во-первых, происходит лавинообразное сокращение занятых в экономике Беларуси. Так, за 2014–2015 гг. под сокращение попало в промышленности 90,8 тыс. чел., в строительстве – 18,6 тыс. чел., в сельском хозяйстве – 18,0 тыс. чел., на транспорте – 10,1 тыс. чел. [7]. Во-вторых, в пределах миллиона (2007 г.) – 600 тыс. чел. (нынешние расчеты) трудового потенциала Беларуси занято за пределами страны. То есть, без решения проблемы с занятостью трудового потенциала Беларуси на своем рынке труда, повышение пенсионной возрастной планки преждевременно, оно еще более усложнит не только экономическую ситуацию в стране, но и социальную. Отметим, что в Украине несколько лет тому назад озвучили проведение такой пенсионной реформы. И это стало наряду с другими факторами катализатором «революции достоинства», после которой осуществление пенсионной реформы было приостановлено.

Кроме того, следует принимать во внимание, что материальные ресурсы социального обеспечения формируются за счет (ныне в Беларуси это 34%) отчислений в фонд социальной защиты населения из фонда заработной платы (а также других отчислений), и сами пенсионеры не являются нахлебниками государства. Необходимо учитывать и то очевидное обстоятельство, что более поздний срок выхода на пенсию увеличит и количество тех пожилых работников, которые будут уходить на больничные. Это естественно повысит нагрузку на те же социальные фонды, тем более что выплата пособий по больничному листу значительно выше размера пенсии. И это сужает возможности республиканского фонда социальной защиты населения в деле стимулирования рождаемости как источника будущего трудового потенциала и улучшения ситуации в демографической нагрузке населения.

В-пятых, резко падает уровень жизни людей, уходящих на пенсию. Поэтому многие пенсионеры по возможности стараются не прекращать трудовую деятельность. А это значит, что более поздний срок выхода на пенсию гарантирует этой группе населения относительно достойный уровень жизни. Но одновременно их занятость ограничивает возможности обеспечения занятостью молодого трудового потенциала. Особенно тяжким является это обстоятельство в те периоды (что характерно для нынешнего состояния экономики Беларуси), когда в стране возникают проблемы с обеспечением занятостью экономически активного населения.

То есть повышение пенсионного возраста имеет как положительные, так и негативные стороны. К положительным следует отнести возможное улучшение соотношения трудовой нагрузки, некоторую экономию фонда социальной защиты, некоторый рост уровня жизни пенсионеров, относительное увеличение ОПЖ, а также повышение ИРЧП. К негативным факторам следует отнести следующие:

- необеспеченность занятостью имеющегося трудового потенциала;
- проблема «заработать» трудовую пенсию, не выработав трудового стажа;
- усложнение экономической и социальной ситуации;
- отсутствие мест приложения труда молодежи (конфликт отцов и детей: старшее поколение будет больше времени занимать «теплые места»);
- сокращение фонда социальной защиты населения в деле стимулирования рождаемости как источника будущего трудового потенциала и улучшения ситуации в демографической нагрузке населения;
- изношенность организма людей, занятых на работах с тяжелыми условиями труда;
- отсутствие гарантий (не позволяет контрактная система) дотянуть до нового пенсионного возраста;
- отсутствие учета возможности дожить до пенсии нынешнего молодого поколения;
- повышение нагрузки на те же социальные фонды (выплата пособий по больничному листку значительно выше размера пенсии) в связи с возможным увеличением численности старшего поколения по болезни;
- негативное влияние на рождаемость (исключение из стажа для назначения пенсии отпусков по уходу ребенка, нахождения на больничных по уходу за ребенком);
- ухудшение состояния здоровья малолетних детей и др.

А это значит, что пенсионную реформу надо проводить взвешенно. Здесь недопустим односторонний монистический похода, недопустимы узковедомственные механизмы решения социальных проблем. Вопросы повышения возраста выхода на пенсию целесообразно решать во взаимосвязи и параллельно с повышением качества жизни. Во главу экспертной оценки этих изменений необходимо ставить не только (и не столько) финансовые проблемы, сколько демографическую экспертизу их влияния на тенденции рождаемости. И как это скажется в более отдаленной перспективе на соотношении численности населения трудоспособного возраста и численности пенсионеров.

Конечно, после учета плюсов и минусов предлагаемой пенсионной реформы, которая рано или поздно произойдет, следовало бы ее связать с реализацией активной демографической политики. Речь идет об учете репродуктивной активности женского населения. Необходимо обеспечение если не расширенного, то хотя бы простого демовоспроизводства. В этом плане было бы правильно учитывать в пенсионном обеспечении женщин их репродуктивную активность, то есть, зависимость величины пенсии от количества родивших и воспитавших ими детей. Нами в течение последних четырех лет в рамках социолого-демографического мониторинга задавался вопрос «Может ли повысить рождаемость назначение большего размера пенсий женщинам в зависимости от числа родивших и воспитавших детей?». Две трети (стабильный показатель ответов женщин активного репродуктивного возраста) предполагают такую возможность. Удельный вес респондентов (женщин, в основном, от 20 до 35 лет), ответивших на него утвердительно, составил в 2012 г. – 58,9%, в 2013 г. – 61,4%, в 2014 г. – 61,2% и в 2015 г. – 67,3%. Это обусловлено тем, что женщины, которые дали более высокий прирост трудового потенциала, обеспечивают экономический рост и пополнение бюджета, в т. ч. формирующего и бюджет социального обеспечения. Это означает, что если около двух третей женщин активного репродуктивного возраста смогли бы с перспективой получать хорошую пенсию за рождение хотя бы третьего ребенка, то коэффициент суммарной рождаемости уже смог бы быть на уровне простого замещения поколений (2,14-2,15).

Сегодня белорусскую общественность готовят к принятию следующего новшества: сокращения длительности «декретного отпуска» женщине в связи с рождением ребенка. Разработчики реформы государственного бюджета Беларуси во главе с помощником Президента Республики Беларусь по экономическим вопросам предлагают «сократить срок отпуска по уходу за ребенком. Сегодня отпуск по уходу за ребенком в Беларуси длиннее, чем в большинстве стран Европы. Столь продолжительный отпуск не имеет преимуществ для развития и здоровья ребенка, создает условия для дискриминации женщин на рынке труда и негативно влияет на экономический рост, сокращая рабочую силу» [6, с. 431].

На наш взгляд, их основной аргумент о сокращении рабочей силы необоснован, ибо даже имеющаяся сегодня в Беларуси рабочая сила не обеспечена занятостью. Ежемесячно происходит сокращение занятости, ряд предприятий работает неполную неделю. В результате по этим причинам становятся меньшими отчисления в республиканский фонд социальной защиты населения. Кроме того, более чем полмиллиона трудового потенциала Беларуси занято за пределами страны. И это заставляет поразмыслить: все ли ресурсы привлечения трудового потенциала в экономику страны, а значит, и сокращения дефицита пенсионного фонда исчерпаны.

Следующий аргумент «не имеет преимуществ для развития и здоровья ребенка»? Руководитель коллектива реформы государственного бюджета сначала опровергает это утверждение. В статье «Гендерные факторы роста экономики Беларуси» он справедливо утверждает: «Среди плюсов длительного отпуска – улучшение здоровья матери и ребенка» [4, с. 26]. Это действительно так. И этот аргумент перевешивает все остальные экономические расчеты «финансовой диеты». Но через несколько строчек автор этой же статьи делает противоположный вывод: «отпуск свыше 2 лет не имеет определенных преимуществ для здоровья и развития» [5 с. 27]. И также ратует за сокращение отпуска женщинам по уходу за ребенком, тем самым противоречит самому себе.

Таким образом, монистический подход к реформе бюджетной политики противоречит решению главной социальной проблемы Беларуси – преодолению депопуляционных процессов. Наоборот, уже реализуемый предложенный ею финансовый механизм создает условия для стагнации депопуляционных процессов. Этот механизм направлен против поощрения рождаемости, по сути дела, он направлен на антидемографическое поведение – чайлдфри (childfree). Именно сегодня, когда возникла напряженность с репродуктивной базой, оно будет усугублять депопуляционные процессы. Надо иметь в виду, что именно депопуляционные процессы 1990-х гг. породили сегодня и проблемы соотношения трудоспособного населения и населения старших возрастов. И если реализовать финансовый механизм депопуляционных процессов, из демографической ямы нам не выбраться, ибо в середине 2020-х гг. репродуктивная база будет примерно на треть меньше, чем в настоящее время, о чем свидетельствуют данные о наличии ныне имеющегося (25-34 г.) и перспективного (0-9 лет) репродуктивного потенциала Республики Беларусь.

Современную и перспективную рождаемость определяют интрональные процессы [4] – наличие женщин в соответствующем возрасте. Сравнимая характеристика возрастного потенциала выявляет его перспективное сокращение. Так, на начало 2015 г. численность возрастной группы 0-4 года составляет 277,9 тыс. чел., а в возрасте 5-9 лет – 244,1 тыс. чел. Это показывает, что через 25 лет (такой ныне цикл демографической волны) их будет меньше, чем в настоящее время, сейчас их численность составила соответственно в возрастах 25-29 лет (378,7 тыс. чел.) и 30-34 года (369,0 тыс. чел.). Это на одну треть меньше численности репродуктивных групп (25-34 года), дающих сегодня наибольшую рождаемость – 60% от общей численности родившихся.

Рождаемость в ближайшей перспективе связана с демографической группой женщин в возрасте 10-19 лет, которая уже имеет тенденцию к уменьшению. Это означает, что при сохранении нынешнего уровня рождаемости в соответствующих возрастных

группах, общая рождаемость во второй половине 2020-х гг. будет еще ниже, чем в середине 1990-х гг., когда она была самой низкой за всю историю Беларуси. А если новые изменения в пенсионном законодательстве сохранить, то есть исключить из общего трудового стажа при назначении пенсий период нахождения в декретном отпуске, нахождения на больничном по уходу за ребенком, и соблюсти, таким образом, мнимое гендерное равенство, направленное больше на тенденции чайлдфри, то, согласно теореме демографической экстремальности, депопуляция усугубится.

Разработчики демографического аспекта реформы государственных бюджета Беларуси ссылаются на международную практику длительности отпусков по уходу за ребенком. Не будем анализировать западную практику (Дании, Канады, Швеции, Германии, Франции и др.), на которую ссылаются авторы реформ, ибо это совсем иная социальная реальность, и ее анализ в сопоставлении с нашей социальной реальностью требует отдельного исследования. Сопоставим эффективность реализации демографической политики в отношении отпусков по уходу за ребенком в России, где этот период составляет 1,5 года.

Во-первых, уровень младенческой, детской и материнской смертности в Республике Беларусь один из самых низких в мире, в т.ч. в сравнении со странами, с которыми граничит Беларусь. Младенческая смертность в 2013 г. составила: в Беларуси 3,5‰, в Литве 4,0‰, в Польше 4,5‰, в Латвии 7,4‰, в Украине 8,0 ‰ и в России 8,2 ‰ [1, с. 444-445; 2, с. 645]. В Беларуси – нулевая материнская смертность, в то время как в Польше ее коэффициент (в расчете на 100000 родившихся живыми) составил 2,3, в Литве – 9,9, в России – 11,3 и в Украине – 12,5 [2, с. 645].

Конечно, это не означает, что в демографическом развитии Беларуси депопуляционные процессы преодолены. В целом демографическая ситуация в Беларуси и в России несмотря на рост рождаемости в первом десятилетии нынешнего века остается кризисной. Но демографические показатели Беларуси в регионах, с которыми граничат она граничит с Россией (Гомельская и соответственно – Брянская область; Могилевская и соответственно – Брянская и Смоленская, а также Витебская и соответственно – Смоленская и Псковская области), лучше – это результат активной демографической политики в Беларуси, в т. ч. наличия трехлетнего отпуска по уходу за ребенком.

Предлагаемая реформа бюджетной сферы Беларуси по социологическим законам системной взаимосвязи в демографической сфере усилит депопуляционные процессы. Они еще больше усложнят социально-экономическую ситуацию в Беларуси. Это свидетельство необходимости проведения социологической экспертизы принятия любых социально значимых новшеств. Проблема пенсионной реформы должна иметь в своей основе демографическую экспертизу, ибо она представляет сложную систему взаимосвязи занятости и демографических процессов. Сегодня, даже вопреки сузившему финансовому кошельку, надо стимулировать, а не препятствовать решению главной социальной проблемы XXI в. Беларуси, чтобы в следующем демографическом поколении не столкнуться с еще более сложными демографическими процессами, в том числе и более острой проблемы демографической нагрузки – соотношении численности населения в трудоспособном возрасте и старших нетрудоспособных возрастов.

© Злотников А. Г. Текст. 2016

Список источников

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Ст. сб. 2015. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015. – 449 с.
2. Демографический ежегодник России. 2014. Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 693 с.
3. Демографический ежегодник России. 2015. Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 263 с.

4. Злотников А. Г. Демографические идеи и концепции. – Минск : Право и экономика. – 2014. – 388 с. – (Гуманитарные науки).
5. Рудый К. В. Гендерные факторы роста экономики Беларуси // Белорусский экономический журнал. – 2015. – № 4. – С. 23-32.
6. Финансовая диета. Реформы государственных финансов Беларуси / К. В. Рудый [и др.] ; под науч. ред. К. В. Рудого. – Минск : Звезда, 2016. – 464 с.
7. Промышленность – минус 51 тысяча человек, строительство. 16. Как Беларусь «теряет» работников // Финансы TUT [Электронный ресурс]. URL : <http://finance.tut.by/print489964.html> (дата обращения 06.05.2016).

Информация об авторе

Злотников Анатолия Геннадьевич (Беларусь, Гомель), кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры сферы услуг и статистики Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации (246029, Республика Беларусь, Гомель-29, проспект Октября 50, e-mail: zlot@tut.by).

Zlotnikov A.G.

PENSION REFORM, EMPLOYMENT AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF BELARUS

The state of demographic processes in the Republic of Belarus and the implications of the proposed financial arrangements on demographic prospects Belarus are analyzed. The author concludes that the proposed financial reform in the demographic sphere will lead to even greater depopulating processes. They will further complicate the social and economic situation in Belarus. The author believes that the higher-age retirement has both positive and negative effects. Raising the retirement age will be unevitable, but not in the current difficult situation at the national labor market. There is conclusion of inadmissibility of shortening "maternity leave" for immediate financial interests. Available in future pension reform will be to relate the size of the pension and the amount of born and grown children.

Keywords. Interaction, demographic development, employment, pension reform, demographic expertise.

Information about the author

Zlotnikov Anatoly Gennadievich (Belarus, Gomel), PhD, Associate Professor, professor Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives (246029, Belarus, Gomel-29, prospect October, 50, e-mail: zlot@tut.by).

УДК 331.5.024.54

О.А. Козлова, А.Г. Шеломенцев

ПОЛИТИКА ЭФФЕКТИВНОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ДИНАМИЧНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА *

В статье поднимается проблема формирования политики эффективной занятости населения в дальневосточных регионах. На основе анализа региональных демографических и миграционных процессов сформулированы основные проблемы и

* Исследование проводилось в рамках НИР «Социально-экономические факторы и инновационные механизмы реализации политики динамичного развития Дальнего Востока» (гос. задание 2014/292)

направления их решения. Сделан вывод о необходимости формирования политики эффективной занятости, в первую очередь, за счет привлечения трудовых ресурсов на основе мер по стимулированию внутренних миграционных потоков.

Ключевые слова: эффективная занятость, рынок труда, миграция, трудовые ресурсы, политика занятости, регионы Дальнего Востока

Одним из важнейших факторов динамичного развития регионов Дальнего Востока является формирование эффективной занятости и рынка труда, обеспечивающих все сферы региональной экономики квалифицированными и кадрами.

Состояние и характер развития региональной системы занятости как сложного социально-экономического явления зависят от множества факторных составляющих как объективного (природно-ресурсного потенциала, экономической специализации региона, демографических и миграционных процессов), так и субъективного (развитости институтов подготовки, найма и высвобождения работников, условий и содержания труда, его оплаты) характера. Все эти факторы прямо или косвенно воздействуют на состояние трудового потенциала региона. В данном контексте понятие занятости населения можно рассматривать как систему отношений, возникающих в процессе формирования и реализации возможностей экономических субъектов по осуществлению оплачиваемой профессиональной деятельности, направленной на удовлетворение общественных и личных потребностей [1].

Проблема занятости населения и рационального использования трудового потенциала на Дальнем Востоке имеет особое значение. С одной стороны, дальневосточные регионы в стратегическом плане являются точками роста экономики страны в целом, что обусловило формирование достаточно высокого инвестиционного потенциала этих регионов, с другой стороны, миграционный отток населения с территории, начавшийся в 90-х гг. прошлого столетия и продолжающийся до сих пор (рис. 1), формирует острую нехватку квалифицированной рабочей силы в экономике регионов и определяет действие фактора трудодефицитности, ограничивающего возможности экономического роста.

Так, численность населения Дальневосточного федерального округа на 1 января 2015 г. составила 6211,0 тыс. чел. – это на 1149,4 тыс. чел. меньше, чем в 1995 г., из них 1066 тыс. чел. составляет миграционный отток населения из ДФО (рис. 1). Миграционные процессы характеризовались межрегиональной внутренней миграцией, с Востока в Центр, Приволжье и на юг европейской части России. Данные рисунка 1 демонстрируют, что за период 1995–2014 гг. наблюдались убыль населения в сибирских и дальневосточных регионах страны и сильный миграционный прирост в центральной части России.

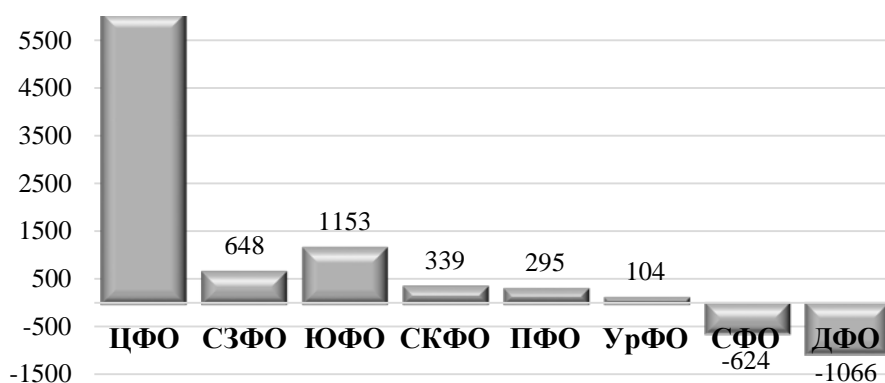

Рис. 1. Миграционный прирост (убыль) в среднем за период 1995–2014 гг., тыс. чел.

За 20 лет сальдо миграционного движения в Дальневосточном ФО составил -1066 тыс. чел., основной отток населения пришелся на такие территории, как Республика Саха (Якутия) – 190,4 тыс. чел., Приморский край – 182,9 тыс. чел., Амурская область – 137,6 тыс. чел. Основная миграционная волна пришлась на период до 2000 г. (рис. 2)

В миграционные процессы вовлечена, как правило, самая экономически активная часть населения. В 2014 г. возрастная структура мигрантов из дальневосточных регионов более чем на 70% состояла из людей трудоспособного возраста, из них около 40% имели высшее образование, а 25% – среднее профессиональное. Мигранты моложе трудоспособного возраста составили 13% из числа выбывших с территории Дальнего Востока.

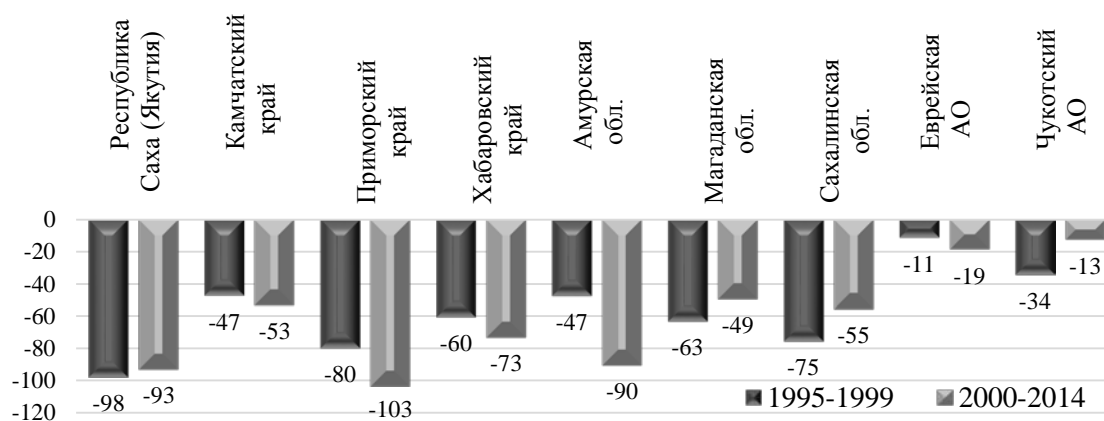

Рис. 2. Сальдо миграционного движения населения по регионам Дальневосточного ФО за период 1995–2014 гг., тыс. чел.

Негативная миграционная ситуация, сложившаяся на территориях Дальнего Востока, обусловила формирование дефицита трудовых ресурсов. Результаты выборочного обследования [2], проведенного в октябре 2014 г., показали, что потребность организаций Дальневосточного ФО в работниках для замещения вакантных мест в 2014 г. составила 50,8 тыс. чел., наибольшая потребность в работниках была отмечена в Приморском крае – 12,9 тыс. чел. и в Хабаровском крае – 12,8 тыс. чел.

Анализ потребности в кадрах организаций, функционирующих в дальневосточных регионах, по профессиональным группам свидетельствует, что в основном требуются специалисты высшего уровня квалификации – 24,4%, квалифицированные рабочие промышленных предприятий – 18,7% и неквалифицированные рабочие – 12,7%. Имеется высокая потребность в специалистах высшего уровня квалификации в Камчатском крае, которая составляла на период обследования 36,6% от общей потребности, на второе место по потребности в квалифицированных кадрах высшего звена (30,4%) вышла Сахалинская область.

В специалистах среднего уровня квалификации нуждаются следующие регионы: Республика Саха – 22,4%, Приморский край – 21,4%, Сахалинская область – 20,6%.

В квалифицированных рабочих промышленных предприятий нуждаются в Еврейской АО – 54,8% и в Хабаровском крае – 22,9%.

В то же время в 2014 г. уровень общей безработицы (по методологии Международной организации труда) в ДФО составил 6,4%, что на 1,3 процентных пункта выше, чем в целом по России. Численность безработных в ДФО в 2014 г. составила 219 тыс. чел. По сравнению с 2000г. данный показатель сократился в 2 раза, при этом зарегистрированная безработица составляла всего 1,5%.

Безработица в основном молодежная. Средний возраст безработных составлял в 2014 г. 36,2 года. Основная доля безработных (35,5%) – в возрасте 20-29 лет, безработные в возрасте 30–39 лет составляли 22,5%. При этом уровень занятости в округе довольно

низкий (65,6%), а среднее время поиска работы безработными составляет достаточно длительный период –7,5 месяцев, что свидетельствует о несбалансированности рынка труда. Данный факт подтверждает и структура безработных по уровню образования, которая в 2014 г. имела следующий вид:

- высшее профессиональное образование имели 14,2% от общей численности безработных;
- среднее профессиональное образование – 21,3%;
- начальное профессиональное образование – 19,2%;
- среднее (полное) образование – 32,1%;
- основное общее образование – 11,6%;
- начальное общее образование – 1,5%.

Значительное место в реализации стратегических планов развития дальневосточных регионов занимает среднее и малое предпринимательство. В данной сфере экономики субъектов Федерации, входящих в дальневосточный федеральный округ в 2014 г. было занято 579,5 тыс. чел, из них на средних предприятиях – 76 тыс. чел., на малых – 503,5 тыс. чел. По сравнению с 2010г. численность занятых в предпринимательстве в этих регионах сократилась на 24,7 тыс. чел. и составила 17,7% от общей численности занятых в экономике федерального округа, что ниже среднероссийского показателя на 2,1 процентных пункта (табл.). В основном предпринимательство развито в двух регионах ДФО – Приморском и Хабаровском краях. На них приходится 55,8 тыс. малых и средних предприятий и 333,5 тыс. чел. занятых.

Для того чтобы переломить сложившиеся тенденции в демографическом и миграционном развитии Дальнего Востока, необходимо создать предпосылки для обеспечения положительной демографической динамики как за счет естественного движения населения, так и за счет повышения миграционной привлекательности территории на основе ускорения экономического развития, создания рабочих мест и улучшения условий жизни населения.

Таблица

Основные социально-экономические показатели развития предпринимательства в России [3]

Показатель.	Годы	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УрФО	СФО	ДФО
Доля численности персонала на средних и малых предприятиях в общей численности занятых в экономике региона, %	2010	20,3	21,8	24,3	19,7	10,3	20,3	19,2	19,8	18,2
	2011	20,0	21,7	23,9	18,7	10,3	20,4	19,6	18,9	16,7
	2012	19,8	21,9	23,0	17,9	10,5	20,4	19,2	18,5	17,0
	2013	19,7	21,9	23,2	17,2	10,6	20,3	19,0	18,5	17,1
	2014	19,8	21,5	23,5	17,3	11,0	20,3	18,2	18,7	17,7
Число средних и малых предприятий, тыс. ед.	2010	1669	493	224	137	42,3	306	150	235	82
	2011	1852	550	262	149	48,2	340	175	247	82
	2012	2017	568	325	153	50,8	362	185	280	93
	2013	2077	576	332	157	53,4	377	193	292	97
	2014	2117	578	334	162	54,0	372	201	304	94
Инвестиции в основной капитал средних и малых предприятий, млн руб.	2011	693,8	180,7	58,6	92,9	20,3	161,8	43,1	113,4	22,9
	2012	730,6	211,2	43,8	95,2	25,7	180,9	39,9	106,5	27,6
	2013	849,2	247,1	49,3	90,6	48,6	225,9	42,7	116,5	28,4
	2014	949,3	277,0	53,7	105,6	46,6	254,6	50,9	121,7	35,5

С этой точки зрения определенную перспективу открывает Распоряжение №848-р «Об утверждении перечня территорий приоритетного заселения»¹; с целью создания условий дополнительного стимулирования добровольного переселения соотечественников и членов их семей на постоянное жительство в указанные субъекты Российской Федерации, и привлечения иностранных граждан трудоспособного возраста, а также осуществления международной миграционной политики, способствующей формированию гибкого рынка труда на территории, в перечень включены 8 регионов Дальневосточного ФО.

Содержательной основой региональной политики эффективной занятости населения должна стать территориальная организация расширенного воспроизводства трудового потенциала, а ее результативность необходимо оценивать в тесной взаимосвязи с особенностями и уровнем социально-экономического развития территории. Учет влияния территориальных факторов на систему занятости на начальном этапе разработки региональной политики занятости в дальнейшем позволит целенаправленно и эффективно воздействовать на повышение ее результативности.

© Козлова О. А., Шеломенцев А. Г. Текст. 2016

Список источников

1. Козлова О. А. Занятость населения индустриального региона. Проблемы теории и практики регулирования. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. – 224 с.
2. Сведения о численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2014 г.: стат. бюлл. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1245749635312 (дата обращения 10.12.2015)
3. Малое и среднее предпринимательство в России. 2014 : стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 86 с.

Информация об авторах

Козлова Ольга Анатольевна – доктор экономических наук, профессор, руководитель центра исследований социоэкономической динамики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, профессор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, e-mail: Olga137@mail.ru

Шеломенцев Андрей Геннадьевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом исследований региональных социально-экономических систем Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, профессор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, e-mail: chel61@mail.ru

Kozlova O.A., Shelomentsev A.G.

EMPLOYMENT POLICIES EFFECTIVE IN THE SYSTEM DYNAMIC DEVELOPMENT OF THE FAR EASTERN REGIONS

¹Распоряжение от 27 мая 2013 г. №848-р «Об утверждении перечня территорий приоритетного заселения» / Правительство РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/41d46939bbca7b74aec2.pdf> (дата обращения: 25.12.2015).

The article raises the problem of the formation in the Far Eastern regions of effective employment policies. Based on the analysis of regional demographic and migration problems of the basic directions of their solution. The conclusion about the need to form an effective employment policy, in the first place, by attracting labor resources based on measures to stimulate inland migration flows.

Keywords: productive employment, labor market, migration, workforce, employment policy, the regions of the Far East

Information about the author

1. Kozlova Olga – Doctor of Economics, Prof., Centre of Socioeconomic Dynamics Research. Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Prof. of Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: Olga137@mail.ru

2. Shelomentsev Andrey – Doctor of Economics, Prof., Head of Department of Regional Socio-Economic Systems Research. Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences Yekaterinburg, Prof. of Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: chel61@mail.ru

УДК 911

В.В Литовский

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЕРЕРАСПЕРЕДЕЛЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ В НОВОМ КОНЦЕПТЕ ИХ РАЗВИТИЯ

В работе обсуждается проблема пространственных дисбалансов в распределении производительных сил, включая трудовые ресурсы, и новые явления в их пространственном поведении и предложен новый концепт учета этого в условиях грядущей транспортной революции на базе авторской трехфакторной оценки процессов, характеризующих эволюцию территориальных производительных сил.

Ключевые слова: демографические процессы, производительные силы, Урал, Евразия

В настоящее время отношение к постперестроечной практике решения социально-экономических задач на основе упрощенных подходов (монетаризма, инерционного использования инструментария балансовых методов и оценок национального или регионального дохода преимущественно со стороны его стоимостного состава [1]) изменилось. Существенно изменилась и ситуация в сфере трудового капитала, миграционных и сопряженных с ними явлений, что требует современного переосмысления возникших феноменов и их последствий.

Связано это не только с тем, что экономика стала открытой и каждая очередная попытка временного решения проблем упрощенными, например, монетарными методами не только не приводит к желаемым результатам, но напротив, ведет к инфляции, очередному диспаритету регионального капитала по отношению к экстерриториальному, его оттоку или сокращению, а в итоге – к еще большей экстерриториальной зависимости региональных производительных сил, включая их трудовые ресурсы. В отношении последних упрощенные подходы проявляются чаще всего в примитивном решении проблемы занятости и в использовании ущемленного социально-культурного и правового

положения мигрантов. С учетом таких подходов на рынке труда упрощенные подходы оказались стратегически малоэффективными и не привели к кардинальным сдвигам в сфере основного производства или в решении крупномасштабных инфраструктурных проектов. В отличие, от России Казахстан, например, направил ресурсы по этому руслу и за то же время сформировал эффективную и перспективную транспортно-логистическую систему, связавшую страну не только по всем ее стратегически важным внутренним направлениям, но и по ключевым внешним осям. Ныне, благодаря Казахстану и Туркменистану, Урал через их национальные сети тоже получил выход на юг, в частности, на железнодорожную сеть Ирана и к Персидскому заливу, причем его меридиональная ось оказалась самой интересной для охвата Евразийского континента и связывания его Арктической зоны с Индийским океаном (рис.).

Рис. Урал как кратчайший евразийский меридиональный коридор

В то же время была получена и пока еще до конца не осознанная вполне проблема диспаритета концентрации человеческого и трудового капитала (табл. 1).

Таблица 1

Потенциал взаимодействия с евразийским сообществом по уральской оси Север – Юг

Территории Коридора Север – Юг	Субъекты территорий	ВВП, млрд долл., (долл/чел)	Место в мире	Площадь территории, км ²	Место в мире	Численность населения, млн чел.	Место в мире
<i>Северные</i>	Российская Федерация (Уральский Федеральный округ)	2015 (14037) 124 (10144)	8 46	17125187 4,2% – водная 1818497	1	143666931 (8,4 чел/км ²) 12234224 6,7 чел/км ²	9
	Республики:						
<i>Центральные</i>	Казахстан	224 (12975)	44 (60)	272490 км ² , Водная -1,5%	9	17264584 (6,3)	62
	Узбекистан	62 (2034)		447400 км ² , Водная – 0,7%	56	30488600 (68)	41
	Киргизия	6,5 (1125)		198500 км ² , Водная – 3,6%	86	5776570 (29)	110
	Таджикистан	8,6 (1048)		142100 км ² , Водная – 0,3%	93	8205400 (58)	96
	Туркмения	34 (6577)		491200 км ² , Водная – 4,9%	53	5 169 660 (10,5)	94
<i>Вместе:</i>		335		1,55 млн км ²		66.7 млн. чел	
<i>Западный</i>	Китай Синьцзянь- Уйгурский автон. район	7318 120 (5300)	2	9596960 1664900	3	1366499000 (142) 22600000 14 чел/км ²	1

Территории Коридора Север – Юг	Субъекты территорий	ВВП, млрд долл., (долл/чел)	Место в мире	Площадь территории, км ²	Место в мире	Численность населения, млн чел.	Место в мире
<i>Южные</i>	Иран	987 (12800)	19 (103)	1648000 км ² , Водная - 0,7%		80840513 49 чел/ км ²	
	Индия	4735 (3693)	3 (129)	3287263 км ² , Водная - 9,5%	7	1220800359 (371) чел/ км ²	2
	Пакистан	488 (2800)	28	803940 км ²	35	183209612 228 чел/км ²	6
	Афганистан	21 (687)	96	652864 км ² ,	41	31108077 48 чел/км ²	40
Всего		6231 млрд дол		6.392 млн км ² ,		1,515 млрд чел	
	С Синьцзянь- Уйгурским АР	6351 млрд долл.		8,057 млн км ²		1,742 млрд чел ²	
	С Китаем	13549 млрд долл.		15,989 млн км ²		2,882 млрд чел ²	
	С центральными	13884 млрд долл.		17,539 млн км ²		2,949 млрд чел ²	
	С Уралом	14008 млрд долл.		19,340 млн км ²		2,961 млрд чел ²	
	С Россией	15899 млрд долл.		34,664 млн км ²		3,092 млрд чел ²	

Как показывают данные таблицы 1, в макрорегионе имеют место значительные пространственные, концентрационные и финансовые дисбалансы. Но самой серьезной является проблема «злонакачественного демографического приоритета молодежи» в ряде регионов Евразии, провоцирующей на континенте, по Хайнзону [2], конфликты на любой ситуационной основе.

По мнению этого исследователя, наблюдаемая ныне волна терроризма и насилия есть лишь следствие, вышеуказанного феномена демографического приоритета, или «разбухания молодежи» («Youth Bulge»). В количественном аспекте, по Хайнзону, насилие имеет тенденцию вспыхивать в тех обществах, где доля юношей от 15 до 29 лет составляет больше 30 % от общего населения. Под какой личиной оно начинается – это уже вторичный фактор (национализм, религиозный экстремизм или социал-дарвинизм). В настоящее время Хайнзоном выявлено около 70 таких стран, причем в 60 из них уже имеют место факты геноцида и признаки гражданской войны. Для стран, не способных сопротивляться «приоритету молодежи» из других стран, им используется термин «демографический сбой», количественно определяемый по соотношению количества мужчин в возрасте 40–44 лет с мальчиками в возрасте от 0 до 4 лет. В частности, демографический сбой, по Хайнзону, происходит тогда, когда на каждых 100 мужчин в возрасте 40–44 лет приходится менее 80 мальчиков в возрасте от 0 до 4 лет. Для сравнения: в Германии это соотношение им оценивается как 100 к 50, тогда как в секторе Газы – 100 к 464. Соответственно, в Ираке на 100 мужчин, выделенной возрастной категории, приходится 351 мальчика в возрасте до 4 лет, в Афганистане – 403, а в Сомали – 364. Из этого он делает вывод о том, что Германия демографически уже готова к сдаче мигрантам из этих и прочих стран с «приоритетом молодежи». Собственно, нынешние проблемы Евросоюза с мигрантами – лишь вершина айсберга, связанного с гигантским приоритетом молодежи из мусульманского мира в будущем, где произошел демографический сдвиг. Оценки Хайзона показали, что в течение пяти поколений (с 1900 по 2000 г.) население в мусульманском мире выросло более чем 800 % (со 150 млн до 1,2 млрд чел.), в Индии на 400% (с 250 млн до 1 млрд), а в Китае – на 300% (с 400 млн до 1,2 млрд). В то же время удельный вес Европы в процентном отношении к общей численности популяции земного шара резко снизился. Так, Европа без России в 1900 г.

имела численность 330 млн чел., или около 21%, тогда как в 2006 г. – 590 млн, или 9%. Россия – 70 млн (1900 г.), или 4% и 142 млн, или 2% (2006 г.). Таким образом, доля России сократилась в 2 раза, а Европы даже более чем в 2 раза. Доля Японии сократилась на четверть, а англосаксонского мира (США, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия и Канада) на 15%. (121 млн в 1900 г. (7,5%) против 420 млн в 2000 г. (6,4%)). При этом доля США уменьшилась лишь на 0,02% (76 мл в 1900 г. (4.7%) и 300 млн в 2006 г. (4.6 %)). Таким образом, в результате геополитики XX в. в числе наиболее сократившихся оказалась российская и западноевропейская популяции. Соответственно, для России с ее дисбалансом вышеуказанное имеет не меньшие проблемы, чем для Западной Европы.

Но меньшую угрозу в пространственном и геополитическом аспекте для России таят в себе и запущенные с перестройкой механизмы мягкого зарубежного воздействия на ее экономику, например, инструментария международного «консалтинга» и формирования программных стратегических документов с иллюзорными идеями оживления экономики с помощью развития «международных транспортных коридоров», на деле являющихся еще лишь одним инструментом переформатирования внутреннего геоэкономического или отдельно взятого этнонационального пространства России для внешнего доминирования.

Примером тому является проект Баренц-Линк, ориентированный на прикрепление российских территорий с этнофинно-угорским компонентом к скандинавской оси доминантного западноевропейского развития в рамках идеи Северного транспортного коридора [3], который, по декларациям западных экспертов, призван активировать северные территории европейской части России, а на самом деле «нанизать» их на эту ось и поставить в зависимость от Баренц-региона. В качестве инструмента мягкого влияния здесь использовалась риторика о возможности привлечения в проект значительных скандинавских инвестиций. В качестве аргумента показывался потенциал для инвестирования в экономику Северо-Западного района Российской Федерации стран Баренц-региона (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение некоторых социально-экономических показателей территорий, расположенных в зоне влияния Северного транспортного коридора [3, с.73]

Индикаторы	Северные страны	Российские территории Баренц Региона	Мурманская область	Республика Карелия	Архангельская Область(с НАО)	Республика Коми
I. Ресурсы:						
Территория, тыс. км ²	1173,3	1328,7	144,9	180,5	587,4	415,9
Население, млн чел.	19,0	3,84	0,86	0,70	1,291	0,99
II. Социально-экономические показатели:						
ВВП территории, млрд долл.	831,2	16,5	4,1	1,9	5,5	5,0
ВВП на душу населения, тыс. долл.	41,8	4,1	4,7	2,8	4,2	5,03
Средняя продолжительность жизни, лет	79,6	62,9	64,0	62,5	62,5	62,7
III. Транспорт						
Протяженность сети автомобильных дорог общего пользования, тыс. км	269,3	25,1	2,6	7,8	8,4	6,3
Протяженность сети	26,8	5,1	0,87	0,70	1,78	1,76

Индикаторы	Северные страны	Российские территории Баренц Региона	Мурманская область	Республика Карелия	Архангельская Область(с НАО)	Республика Коми
железных дорог, тыс. км						
Уровень автомобилизации (количество легковых автомобилей/1000 чел. населения)	445	205	192	195	129 278 (НАО)	232

Данные таблицы позволяют сделать вывод, что помимо финансового перевеса имеет место и существенный перевес в человеческом капитале, что также при определенных условиях может стать дестабилизирующим фактором, равно как и фактором потенциальной экспансии. В этой связи и в связи с санкциями мною указывалось на целесообразность приоритетного развития экономики доминантных региональных пространств для внутренних задач на базе крупных географических систем (например, Хибин, Тимано-Печорский кряжа, Уральских гор), являющихся естественными концентраторами природных ресурсов.

В целом вышеизложенное указывает на необходимость формирования новой парадигмы развития страны и политики в отношении человеческого капитала в условиях открытости социально-экономической системы, учитывающих в большей степени не инструментарий пространственного перераспределения финансового и трудового, а прежде всего – накопления на территориях овеществленного капитала. Собственно, с учетом этого автором и был предложен качественно новый проект модернизации регионального хозяйства и перевода экономики Урала к новому технологическому укладу, – «Урарктика» [4], где ключевой стала идея фундаментального перехода от минерально-сырьевых сценариев развития экономики страны к транспортно-сетевым и использования потенциала горнометаллургического, машиностроительного и военно-промышленного комплексов Урала для перевода экономики страны на пятый и шестой технологическиеклады посредством приоритетного развития в регионе инфраструктуры транснет-систем и сети скоростного транспорта второго уровня. В проекте нашла отражение идея организации сезонных ритмов меридиональной миграции в масштабе евразийского континента для снятия вышеуказанных противоречий и одновременного решения проблемы трудовых ресурсов для обеспечения стабильного меридионального товарообмена и насыщения социокультурными ценностями. В итоге для организации правильной работы «открытой экономики» мною была предложена трехфакторная модель оценки потоков по трем основным блокам производительных сил (овеществленного, трудового и финансового капитала) с оценкой результирующего прироста регионального богатства в виде овеществленного капитала (предприятий, объектов инфраструктуры, населенных пунктов, объектов социальной инфраструктуры) [5]. Особенно это важно для территорий первичного освоения, где трансформации имеют «неэкономический», или экзогенный характер.

Соответственно, в первом приближении было предложено использовать вероятностный, а точнее, дилатационный подход, на базе которого в комплексе оцениваются относительные трудовые ($\Delta p / p$), материальные ($\Delta M / M$) и финансовые ($\Delta d / d$) потоки материально-вещественных ресурсов как индикаторы положительной или отрицательной работы геоэкономической структуры, а также совокупная вероятность их воздействия на эволюцию экономической системы, $P(m, p, d, t)$, определяемая соотношением

$$P(m, p, d, t) = (\Delta m / m) \times (\Delta p / p) \times (\Delta d / d) \times (\Delta t / T) \quad (1).$$

Здесь последний сомножитель – есть относительное время функционирования системы. В целом же для эволюционирующих систем правильнее было бы говорить не о вероятностях, а о дивергенциях или дилатациях потоков ресурсов, что, за исключением однонаправленного фактора времени, позволяет понимать и отрицательное поведение систем на базе трех блоков факторов прироста вещественного капитала Δm , трудового Δp и финансового Δd . Ясно, что для принципиального выполнения условия (1), необходимо, чтобы из этих трех факторов либо все имели положительные значения, либо только два – отрицательное (в рамках теории потока являлись источниками, а не стоками). Например, если система теряет кадры, создавая положительный поток трудовых ресурсов, но отрицательное изменение внутри, то она работает как источник. Поэтому для получения итогового положительного эффекта по двум оставшимся группам ресурсов (материально-вещественных ресурсам, а также финансам), она по одному из них обязана сбрасывать как сток, а по другому – как источник. Соответственно, если система теряет кадры с финансами, то ее деятельность положительна при условии накопления материально-вещественных ресурсов. Наконец, при распродаже материально-вещественных ресурсов и оттоке кадров (организации положительных потоков или источников) итоговая работа системы станет положительной, если это приведет к концентрации финансовых ресурсов. Если эти условия не выполняются, например, в территориальной экономической системе при положительных потоках материально-вещественных и финансовых ресурсов население территории (трудовые ресурсы) сокращается, то система сбрасывает отрицательно. Особенно примечательна ситуация с отрицательным эффектом, когда при двух положительных источниках, а именно: оттоке сырьевых и финансовых ресурсов система становится стоком человеческих или трудовых ресурсов. Последнее сопряжено с возможностью провоцирования сильно неравновесных состояний системы и резких качественных или фазовых переходов с вероятностью самоуничтожения или уничтожения системы, в частности, из-за «молодежных пузырей» [6] провоцирования конфликтов и войн, по Хайнзону. Именно поэтому в таких сильно неравновесных или переходных системах наиболее благодатная почва для политики разделения и властвования, и крайне остра потребность в регуляции факторов дисбаланса, от которых зависит итоговый знак эволюции системы.

Таким образом, отслеживание правильности функционирования и эволюции экономических систем на данной основе составляет и ключевую проблему макрорегулирования (государственного управления) крупными экономическими территориальными системами, а уравнение (1) является «лакмусом» по оценке эффективности того или иного аппарата территориального управления, включая управления по миграционной политике и демографии. В целом задача оптимизации экономической деятельности того или иного территориального субъекта хозяйствования сводится к задаче выявления эффективности управления или работы по трем ключевым блокам:

1. Качественная первичная оценка знаков трех результирующих дилатаций (положительных или отрицательных расширений или стягиваний) ресурсов воспроизводства производительных сил в регионе.
2. Количественная их оценка по величинам правой части системы уравнений (1) для уяснения темпов прогрессивной либо регрессивной эволюции производительных сил.
3. Пространственная оценка расположения стоков и источников выделенных трех типов потоков по графам сети того или иного вида ресурсов в избранной территориальной системе, характеризуемой не абсолютными, а относительными материально-вещественными, финансовыми и трудовыми потоками при известных их исходных ресурсах.

Принципиальные сдвиги, связанные с формированием нового технологического уклада уже в ближайшем десятилетии на базе грядущей транспортно-коммуникационной

революции, создают принципиально новую основу пространственного формирования динамических урбосистем, например, в виде динамических линейных поселений, вдоль осей регионального развития, что вселяет надежду на разумное разрешение демографических и проблем этнокультурного взаимодействия.

© Литовский В. В. Текст. 2016

Список источников

1. Хасбулатов Р. И. Парадоксы экономических теорий и политика // Журнал экономической теории. – 2014. – №4. – С. 39-58.
2. Heinsohn G. Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. – Piper Verlag, 2008. – 189 p.
3. Северный транспортный коридор. Буклет. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ador.ru/data/files/static/stk_01.pdf
4. Литовский В. В. [О стратегии регионального и инфраструктурного развития Арктической зоны Российской Федерации: проект «Урарктика»](#) // Эко-потенциал. – 2014. – №4(8). – С. 55-71.
5. Литовский В. В. Оценка эффективности формирования и развития территорий и их производительных сил на основе модели графов связываемых материальных и финансовых потоков // Прогнозирование инновационного развития национальной экономики в рамках рационального природопользования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (14 ноября 2014 г.) / Перм. гос. нац.-исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 44-56.
6. Heinsohn G. Söhne und Weltmacht [Sons and World Power]. – Zurich: Orell-Füssli, 2006.

Информация об авторе

Литовский Владимир Васильевич (Россия, г. Екатеринбург) – доктор географических наук, заведующий сектором размещения производительных сил и территориальных систем, Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, д.29, e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru)

Litovskiy V.V.

DEMOGRAPHIC PROCESSES AND PROBLEMS OF SPATIAL DISTRIBUTION OF PRODUCTIVE FORCES IN THE NEW CONCEPT OF DEVELOPMENT

The paper discusses the problem of spatial imbalances in the distribution of productive forces, which includes human resources. Bill was discussed new developments in the x spatial behavior of the labor force. The new concept of accounting behavior of the labor force in terms of the transport revolution. It is based on the author's version of three-factor assessment processes that determine the evolution of the territorial productive forces.

Keywords: demographic processes, the productive forces, the Urals, Eurasia

Information about the author

Litovskiy Vladimir (Russia, Ekaterinburg) - Doctor of Geographical Sciences, head of the distribution of productive forces and territorial systems, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29, e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru.)

УДК 332.1

М.Н. Макарова, Л.Н. Воронина

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР НЕРАВЕНСТВА ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА*

В статье рассматриваются диспропорции социально-демографического развития Екатеринбурга и городов-спутников, возникающие под влиянием агломерационных процессов и оказывающие значительное влияние на неравенство воспроизводства трудового потенциала на указанной территории.

Ключевые слова: демографическое развитие, трудовой потенциал, неравенство, агломерация, город, Екатеринбург

Двадцатилетний период экономических трансформаций обострил социально-экономические проблемы регионального неравенства, от которых наиболее сильно в это время пострадали локальные территории, состоящие в основном из малых и средних городов, а также сельских поселений. Среди этих проблем можно выделить падение уровня жизни населения; ограниченность экономической базы, невыгодные конкурентные позиции, технологическую отсталость промышленных производств и зависимость от рыночной конъюнктуры, ограниченность платежеспособного спроса в малых городах, сдерживающего развитие малого и среднего предпринимательства, за исключением розничной торговли [3, 11]. Вместе с тем, региональные центры, представленные большими и крупными городами (более 100 тыс. чел.), наоборот, стали точками регионального роста, вобрав в себя трудовые, финансовые, инвестиционные, административные и другие ресурсы прилегающих территорий.

Свердловскую область также затронул процесс усиления пространственной дифференциации. Следует отметить, что процесс концентрации социально-экономической активности в Екатеринбурге – областном центре с численностью населения около 1,5 млн чел. – продолжается нарастающими темпами. Особенно интенсивно происходит трансформация социально-демографического положения как самого Екатеринбурга, так и городов-спутников.

С одной стороны, социально-демографическое развитие Екатеринбурга и его городов-спутников происходит в контексте общероссийских и региональных тенденций, отмеченных в соответствующих стратегических документах (табл. 1).

Таблица 1

Социально-демографические факторы воспроизводства трудового потенциала национального и регионального уровня Российской Федерации и Свердловской области

Регион	Демографические процессы	Воспроизводство трудового потенциала
РФ	Сокращение численности населения; ухудшение возрастного состава населения; рост демографической нагрузки; сокращение числа женщин репродуктивного возраста; отложенное рождение первого ребенка; увеличение ожидаемой продолжительности жизни; снижение возрастных коэффициентов смертности; рост рождаемости	Сокращение численности населения в трудоспособном возрасте; растущая конкуренция с европейскими и азиатскими рынками в отношении квалифицированных кадров
Свердловская область	Рост численности населения; миграционный прирост больше естественного прироста; увеличение	Стабильная численность занятых (или незначительное сокращение); сокращение численности населения в

** Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ №16-02-00164 "Научно-методический инструментарий измерения, оценки и управления факторами социально-экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России".*

ожидаемой продолжительности жизни; старение населения, ухудшение возрастной структуры; превышение числа женщин над числом мужчин; рост демографической нагрузки; «постарение» материнства	трудоспособном возрасте; концентрация рабочей силы в крупных городах; территориальная несбалансированность трудовых ресурсов
---	--

Источник: [1, 2, 6]

Среди общероссийских демографических тенденций следует отметить продолжающееся сокращение общей численности населения, а также ухудшение возрастного состава населения, выражающееся в росте доли населения старших возрастов (в связи с ростом продолжительности жизни и снижении смертности) при сокращении численности населения в трудоспособном возрасте и младше трудоспособного возраста (в связи с отложенным рождением детей). Кроме того, воспроизводство национального трудового потенциала затрудняется притоком дешевой иностранной рабочей силы, что снижает мотивацию в подготовке собственных квалифицированных кадров.

Свердловская область также характеризуется процессами «старения» возрастной структуры населения, ростом демографической нагрузки, тенденцией отложенных рождений. Рост численности населения в регионе обеспечивается в основном за счет миграционного прироста. Воспроизводство трудового потенциала региона затрудняется сокращением населения в трудоспособном возрасте, а также территориальной несбалансированностью распределения трудовых ресурсов по территории области.

С другой стороны, на воспроизводство трудового потенциала Свердловской области существенное влияние оказывает неравномерность социально-демографического развития отдельных территорий и нарастающие агломерационные процессы в регионе. Положительные демографические тенденции наблюдаются в основном в Екатеринбурге: в 2014 г. наблюдался значительный естественный (4,5 тыс. чел) и миграционный прирост (11,2 тыс. чел.) населения. В городах-спутниках естественный и миграционный прирост незначительны (0,1-0,3 тыс. чел. по обоим показателям). Кроме того, следует отметить, что в 2014 г. в Арамилском ГО наблюдалась естественная убыль населения, а в ГО Дегтярск – отрицательное сальдо миграции [10]. Указанные демографические тенденции являются результатом того, что Екатеринбург как наиболее развитый в социально-экономическом плане город выкачивает трудовой потенциал из близлежащих населенных пунктов, снижая качество и количество человеческого капитала городов-спутников.

Отмеченные социально-демографические диспропорции воспроизводства трудового потенциала обозначены как приоритетные проблемы в стратегиях социально-экономического развития и инвестиционных паспортах рассматриваемых муниципальных образований (табл. 2).

Данные таблицы 2 показывают, что неравенство воспроизводства трудового потенциала Екатеринбурга и городов-спутников связано не только с общей тенденцией старения населения и сокращения доли населения в трудоспособном возрасте, но и с агломерационными процессами, где центром притяжения молодого трудоспособного населения является Екатеринбург как место учебы, работы, досуга.

Таблица 2

Социально-демографические тенденции развития Екатеринбурга и городов-спутников

Муниципальное образование	Позитивные тенденции	Негативные тенденции
МО город Екатеринбург	Рост численности населения; устойчивое улучшение динамики репродуктивных показателей, превышение числа родившихся над умершими, положительное сальдо	Сокращение числа женщин фертильного возраста; откладывание рождения первого ребенка на более поздний период; перемещения пика рождаемости на более старшие возрастные группы; старение населения; сокращение

Муниципальное образование	Позитивные тенденции	Негативные тенденции
	миграции	численности населения трудоспособного возраста
Березовский городской округ	положительное сальдо миграции	высокая смертность, в т. ч. среди мужчин трудоспособного возраста; низкая продолжительность жизни; сокращение численности населения в трудоспособном возрасте
Арамилский городской округ	незначительный естественный прирост населения	миграционный отток в основном населения в трудоспособном возрасте; убыль населения
ГО Среднеуральск	сокращение темпов естественной убыли населения; положительное сальдо миграции	естественная убыль населения; ежедневная маятниковая миграция; сокращение численности населения в трудоспособном возрасте
Белоярский городской округ	положительное сальдо миграции; сокращение темпов естественной убыли населения; рост общей численности населения	естественная убыль населения; неблагоприятная возрастная структура населения; высокий уровень смертности, в т. ч. в трудоспособном возрасте; низкая продолжительность жизни
Сысертский городской округ	незначительный естественный прирост населения	миграционный отток в основном молодежи в мегаполис на учебу и постоянное место жительства; увеличение доли жителей старше трудоспособного возраста; высокий уровень заболеваемости населения; сокращение численности населения в трудоспособном возрасте
ГО Дегтярск	увеличение численности населения города за счет естественного прироста	численность населения в трудоспособном возрасте ежегодно сокращается; в трудоспособный возраст продолжают вступать относительно малочисленные поколения 1990-х годов рождения, а выбывать – многочисленные поколения рождённых в послевоенные годы

Источник: [5, 7- 9, 12-14]

Таким образом, региональная социально-экономическая политика должна учитывать фактор социально-демографического неравенства воспроизводства трудового потенциала и реализовывать меры по сглаживанию диспропорций регионального развития.

© Макарова М. Н., Воронина Л. Н. Текст. 2016

Список источников

1. Долгосрочный прогноз социально-экономического развития Свердловской области на период до 2030 года. Утв. Постановлением Правительства Свердловской области от 23.10.2015 №979-ПП) [Электронный ресурс]. URL: <http://strategy2030.midural.ru/content/prognoz> (дата обращения 16.04.2016)
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года. Утв. Постановлением Правительства РФ 17.10.2008 №1662-р. [Электронный ресурс]. URL:

:<http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/concept/> (дата обращения 16.04.2016)

3. Плюснин Ю.М. Малые города России. Социально-экономическое поведение домохозяйств, ценностные установки и психологическое состояние населения в 1999 г. – М. : Московский общественный научный фонд, 2000. – Вып. 27. – 147 с.

4. Прогноз социально-экономического развития городского округа Дегтярск на 2015 год и плановый период 2016–2017 годов от 5 июня 2014 г. № 498-ПА. [Электронный ресурс] URL: <http://www.degtyarsk.ru/strategiya-razvitiya.html> (дата обращения 27.02.2016)

5. Прогноз социально-экономического развития муниципального образования «город Екатеринбург» и основных направлениях бюджетной и налоговой политики на территории муниципального образования «город Екатеринбург» на 2016 год и плановый период 2017-2018 годов. Утв. Постановлением Администрации г. Екатеринбурга от 02.11.2015 №3121 [Электронный ресурс]. URL: <http://екатеринбург.рф/дляработы/экономика/развитие/прогноз>(дата обращения 15.01.2016)

6. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов (Минэкономразвития, 26 октября 2015 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/>(дата обращения 28.04.2016)

7. Программа социально-экономического развития Сысертского городского округа на 2015-2019 годы от 29.01.2015 г. № 418 [Электронный ресурс]. URL: http://admsysert.ru/economy/sotsialno_ekonomicheskoe_razvitiye_okruga/(дата обращения 18.04.2016)

8. Проект решения «Стратегии социально-экономического развития городского округа Среднеуральск до 2025 года» от 31.10.2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://sredneuralsk.midural.ru/document/category/18#document_list(дата обращения 21.04.2016)

9. Региональная комплексная программа «Комплексное развитие городского округа Верхняя Пышма на 2013 - 2016годы» от 16 июля 2013 г. №928-ПП [Электронный ресурс]. URL: <http://movp.ru/economy/socialeconomy/serprogramm/>(дата обращения 12.04.2016)

10. Социально-экономическое положение городских округов и муниципальных районов Свердловской области за 2010-2014 годы. Стат. сб. Ч. 1 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. – Екатеринбург, 2015. – 229 с.

11. Социально-экономическое развитие малых городов России / Под ред. Г. Ю. Ветрова. – М. : Фонд «Институт экономики города», 2002. – 102 с.

12. Стратегический план развития Березовского городского округа до 2020 года от 25 декабря 2013 №788. [Электронный ресурс]. URL:<http://березовский.рф/structura/396085/396134/396137/> (дата обращения 14.04.2016)

13. Стратегия социально-экономического развития Белоярского городского округа на период до 2020 года в ред. от 11 марта 2014 г. №563 [Электронный ресурс]. URL:<http://beloyarka.com/economy/strategiya-razvitiya/index.php> (дата обращения 17.04.2016)

14. Стратегия социально-экономического развития Арамилского городского округа на период до 2020 года от 12 декабря 2013 №1318 [Электронный ресурс]. URL:<https://www.aramilgo.ru/economy/economy/development> (дата обращения 18.04.2016)

Информация об авторах

1. Макарова Мария Никитична (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, ФГБУН Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; maria_makarova87@mail.ru)

2. Воронина Любовь Николаевна (Россия, Екатеринбург) – ведущий экономист, ФГБУН Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; luvoronina@mail.ru)

Makarova M.N., Voronina L.N.

DEMOGRAPHIC DISPARITIES OF LABOR POTENTIAL REPRODUCTION IN THE REGION

The article discusses the disparities of socio-demographic development of Yekaterinburg and satellite towns arising under the agglomeration influence and having a significant impact on the inequality of labor potential reproduction in the region.

Key words: demographic development, labor potential, disparities, agglomeration, town, Yekaterinburg

Information about authors

1. Makarova Mariya Nikitichna (Russia, Yekaterinburg) – Candidate of Economics, junior researcher, Institute of Economics the Ural Branch of RAS (620014, Russia, Yekaterinburg, Moskovskaya st., 29; maria_makarova87@mail.ru)

2. Voronina Lubov Nikolaevna (Russia, Yekaterinburg) – senior economist, Institute of Economics the Ural Branch of RAS (620014, Russia, Yekaterinburg, Moskovskaya st., 29; luvoronina@mail.ru)

УДК 330.567.2:332.68

Е.В. Малыш

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ДОМОХОЗЯЙСТВ РЕГИОНА С ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ

В статье рассматривается возможность применения категории «жизнеспособность» к домохозяйству как к экономическому субъекту региона. Исследуется взаимосвязь жизнеспособности домохозяйств региона и его экономического потенциала.

Ключевые слова: домохозяйство, рентоориентированное поведение, жизнеспособность, экономический потенциал

Под социально-экономическим потенциалом региона многие авторы понимают экономические возможности экономики региона и его общественного воспроизводства. Формирование конкурентных преимуществ и развитие экономического потенциала различного рода экономических субъектов – важнейшая задача и функция общественного воспроизводства на национальном и региональном уровнях.

Понятие «потенциал» в экономике имеет множество определений, каждое из которых по-разному определяет его сущность, состав и соотношение с другими категориями. Сущность категории экономического потенциала с теоретической точки зрения обсуждали А. И. Анчишкин, В. Д. Андриянов, А. А. Задоя, В. Н. Мосин, Б. М. Мочалов, Е. М. Мерзликина, В. Н. Котлов, Ю. М. Каныгин, А. И. Самоукин, А. М. Румянцева, Л. С. Сосненко, Ю. И. Трубицын, А. М. Чуйкин и др. Проблемы развития экономического потенциала страны и региона рассмотрены в работах Д. С. Львова, В. К. Сенчагова, С. С. Сулакшина, А. Д. Урсула, В. Д. Андрианова и других.

Экономический потенциал региона – комплексная оценка способности региона к расширенному воспроизводству с учетом основных факторов развития. Определяется комплексом показателей: уровень экономической активности населения, скорректированный коэффициент демографической нагрузки, фондовооруженность, степень сохранности основных фондов, обеспеченность доходной части бюджета; удельный вес прибыльных организаций, индекс физического объема инвестиций в основной капитал.

Анализ современных экономических источников позволяет выявить значительные различия в определении экономического потенциала, понимании его сущности, составляющих элементов, взаимосвязи его с такими категориями, как национальное богатство, уровень экономического развития, экономический рост. В последнее время появилась достаточно большая группа исследователей, которые стали изучать взаимосвязь экономического потенциала и уровня жизнеспособности на разных уровнях социально-экономической системы. В основном исследования касаются качества взаимосвязи экономического потенциала региона и уровня жизнеспособности предприятий региона. По нашему мнению, в современной экономической науке недостаточно исследован вопрос о наличии и уровнях связей социально-экономического потенциала региона и экономической жизнеспособности домохозяйств региона. При этом, исследования жизнеспособности домохозяйств находятся в поле исследований уровня жизни населения и трендов экономико-демографического поведения домохозяйств.

В современной экономической научной практике сложилась устойчивая традиция описания развития социально-экономических систем в категориях, характеризующих существование живого организма. Так, в ряде исследовательских проектов стало применяться понятие жизнеспособности. Признание научной состоятельности его применения будет означать целесообразность выдвижения критерия успешности сложных социально-экономических систем по степени максимизации (минимизации) их жизненных потенциалов в условиях изменяющейся рискованной среды.

Сегодня можно наблюдать всеобщую подмену успешности как жизнеспособности, на успешность как прибыльность. Хотя еще Аристотель противопоставлял в свое время друг другу два типа хозяйственной деятельности - экономию и хрематистику. Под экономией подразумевалось обустройство *экоса* (дома), буквально - домостроительство. Главная цель для экономии - существование самого дома. Цель же хрематистики заключается в получении прибыли, накоплении богатств. Прибыль в рамках этой парадигмы может быть и выше существования дома. Если дом, его существование мешают получению дохода, то, по хрематистской логике, он может быть упразднен, демонтирован [1, с. 376].

Главная ценность для любого организма - это жизнь. Его жизнеспособность определяется жизненными потенциалами. Организм живет, максимизируя потенциалы своего существования. Исходя из смысла перевода латинских слов, «жизнеспособность» (*viability*) является синонимом термина «витальность» (от лат. *vitalis* – живучий, жизненный, жизнеспособный). В свою очередь, витализм в настоящее время является направлением философской мысли и берет начало от первобытного анимизма (лат. *anima, animus* – душа, дух) - представлении об одушевленности всех тел природы. В философском энциклопедическом словаре термин «витализм» определен как учение о качественном отличии живой природы от неживой, о принципиальной несводимости жизненных процессов к силам и законам неорганического мира, о наличии в живых телах особых факторов, отсутствующих в неживой материи [10, с. 84]. Но если на рубеже XVIII-XIX вв. автор формулировки понятия «витализм» Луи Дюма рассуждал только лишь о живых организмах, то теперь, спустя два столетия, это понятие активно используется в иных областях, хотя смысловая нагрузка указанного термина при этом существенно не изменилась.

Первые элементы витализма проявлялись в учениях мыслителей античности

Платона и Аристотеля, согласно которым говорилось о существовании некой силы (души), управляющей явлениями живой природы. Свое название направление «витализм» получило благодаря вводу в начале XIX в. немецким естествоиспытателем Тревиранусом термина «*vis vitalis*» (лат. *vis vitalis* - жизненная сила), обозначающего нематериальное начало жизни.

Термин «жизнеспособность» не был достоянием науки вплоть до XX в. И лишь в начале прошлого века мы находим его у А. А. Богданова – «как динамическую устойчивость в средних условиях среды» [2, с. 213]. Идею социальной инженерии как управления социальной системой при наличии вариантов будущего жизнеспособного состояния мы встречаем у Поппера К. [8, с.1 48]. В 1932 г. У. Р. Эшби предпринял попытку формализовать способность к выживанию, которую понимал, как способность системы сохранять свои характеристики в заданных пределах [11].

Проведем этимологический анализ термина «жизнеспособность». Подтверждением того, что в слове «жизнеспособность» наиболее часто встречается семантика «способность жить, существовать и развиваться», служат определения ряда словарей русского языка.

Толковый словарь В. И. Даля: «Жизнь - житие, бытие; состояние особи, существование отдельной личности ... Жизненность – сила жизни в ком или в чем-либо, живые или жизненные силы » [3, с. 243]. «Способствовать чему – помогать, поощрять, покровительствовать, оказывать помощь, пособие ...» [3, с. 617].

Современный толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «Жизнь – 1. Совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи. 2. Физиологическое существование человека, животного, всего живого... 4. Деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях ...» [7, с. 197]. «Способность - 2. Умение, а также возможность производить какие-нибудь действия...» [7, с. 784].

В фундаментальном труде советского периода в Большой советской энциклопедии приводится следующее определение: «Способность особи сохранять свое существование в меняющихся условиях среды. Жизнеспособность включает анатомо-физиологические нормы функционирования и рефлекторно-психологические нормативы ответных реакций организмов на изменения в окружающей среде». Ф. Энгельс в свое время определял жизнь как «способ существования белковых тел, и этот способ существования состоит по своему существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел» [6, с. 82].

Понятия «жизненные интересы фирмы», «жизненный цикл товара», «жизненный цикл инвестиций» и другие в контексте описания экономических явлений столь привычны, как и многие другие: «живой организм», «жизненная сила», «жизнеспособность», используемые в отношении биологических субстанций. Обратим внимание и на то, что практика использования указанных выше терминов при описании деятельности социально-экономических организмов привела к тому, что термин «жизнеспособность» стал созвучным с терминами, этимология которых никак не увязана с латинским корнями: «устойчивость», «надежность», «стабильность» и рядом других.

В русском языке равноправно существуют два понятия: «жизнеспособность» и «жизнестойкость», они различаются по семантике. В семантике слове «жизнеспособность» отражена важная для нашего понимания содержания термина особенность – способность существовать и развиваться, быть приспособленным к жизни вообще и к неблагоприятным условиям жизни, в частности. Определение «жизнеспособный» имеет в русском языке следующее значение: обладающий способностью быть живым, сохранять свою жизнь, способный существовать и развиваться, быть приспособленным к жизни. Жизнеспособность определяется как свойство по значению от прилагательного «жизнеспособный». «Жизнестойкий» определяется как «обладающий жизненной силой; способный вынести неблагоприятные условия существования». Соответственно, «жизнестойкость» - свойство по значению от

прилагательного «жизнестойкий». Можно сказать, что в семантике слова «жизнестойкость» в отличие от слова «жизнеспособность», нет основного: первое не выражает способности человека существовать и развиваться, не содержит идею приспособления человека к жизни, фиксируя в семантике слова «жизнестойкость» жизненную силу человека, его стойкость к жизненным трудностям.

В научных экономических публикациях последних лет рассматриваются различные аспекты оценки жизнеспособности экономических субъектов. Значительная часть научных исследований посвящена:

- вопросам содержания понятия «жизнеспособность» - У. Р. Эшби, Фр. Малик, К. Е. Бравый, И. Б. Плышевский, А. А. Тодосейчук, Ю. И. Лычкин, А. Г. Цыгичко, А. А. Богданов и др.;

- рассмотрению жизнеспособности как системы – П. Перроун, С. Венканта, Н. Ф. Реймерс, О. С. Разумовский, М. Ю. Хазов и др.;

- условиям жизнеспособности предприятий – Ст. Бир, Х. Варнеке и др.;

- определению общих признаков жизнеспособности предприятий – А. Вайсман, Ф. Малик и другие;

- критериям жизнеспособности предприятий – О. И. Критцки, А. Бринк и др.;

- исследованию факторов жизнеспособности предприятий и домохозяйств – Й. Шумпетер, Л. Р. Хаббард, И. А. Сокол, И. Филаточев, М. Райт и др.;

- оценки жизнеспособности различных экономических субъектов – А. М. Макаров, Г. К. Трубина, В. А. Чугаева, И. Т. Балабанов, В. А. Григорьев, М. А. Федотова, А. А. Рожков, С. В. Бесфамильная и др.

Однако при наличии научных разработок по данной проблеме ряд вопросов, касающихся особенностей оценки жизнеспособности домохозяйств, предприятий и отраслей в современных условиях хозяйствования, продолжает оставаться недостаточно исследованным. Отсутствует необходимая теоретическая база, не определены четкие направления совершенствования жизнеспособности, недостаточно проработаны вопросы ее использования в управлении.

В экономических исследованиях проблема жизнеспособности домохозяйств привлекла к себе внимание в 1987 г. в рамках концепции устойчивого развития социально-экономических систем. В настоящее время жизнеспособность изучается на нескольких уровнях экономической системы – на уровне индивида, домохозяйства, предприятия, региона и общества в целом. При этом, жизнеспособность включает (но не ограничивается ими) такие категории: индивид, группа, сообщество, семья, население определенной территории проживания; предприятие, организация, объединение предприятий, отдельные отрасли, хозяйственные комплексы, экономика государства, миросистемы; муниципалитет, регион, область, государство – на системном уровне (экономическом, политическом, ценностном).

Концепция жизнеспособности домохозяйств связана с общим подходом к устойчивому развитию экономических субъектов, который реализуется в том, что домохозяйства будут создавать «жизнеспособное общество посредством деловой активности, в полной мере отражающей экономические, экологические и социальные аспекты» [9, с. 7].

В экономических исследованиях доминирует понимание жизнеспособности как устойчивости развития элементов и системы в целом. Особое внимание в исследованиях уделяется способности системы не только противостоять сильному воздействию, выдерживать удар, но и быстро восстанавливаться, адаптироваться к новым условиям, устойчиво функционировать и развивать стабильность жизни людей. В этой научной области жизнеспособность связана с устойчивым функционированием локальных экономических систем, от которых зависит стабильность всей экономической системы в целом.

В дополнение к этому следует подчеркнуть, что в настоящее время не существует

адекватного научного экономического термина, за которым стоит следующее содержание: способность экономического субъекта к преодолению неблагоприятных экономических обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы, *способность к экономической жизни во всех ее проявлениях*.

По нашему мнению, важно, что основой жизнеспособности экономических субъектов является экономический потенциал их развития. Поэтому экономические исследования управления жизнеспособностью субъектов основаны на современном понимании экономического потенциала предприятия. Особый интерес в данном контексте представляют исследования российского экономиста О. А. Жигуновой. Она понимает под экономическим потенциалом предприятия «интегральную характеристику обладания совокупными способностями и наличия реальных возможностей (в результате создания определенных условий и (или) возникновения обстоятельств), обусловленных взаимодействием внешней и внутренней среды, обеспечивать свое устойчивое развитие и достижение стратегических целей на основе рационального использования системы наличных ресурсов» [4, с. 53].

Экономический потенциал региона - комплексный потенциал и состоит из определенной совокупности подсистем – локальных потенциалов. В состав основных функциональных составляющих (базовые локальные потенциалы) комплексного экономического потенциала включаются производственно-технологический, организационно-управленческий, финансовый, маркетинговый и экологический потенциалы. В свою очередь, производственно-технологический потенциал формирует имущественный, трудовой, инновационный (научно-технический) потенциалы, а организационно-управленческий - организационный потенциал, потенциал менеджмента, потенциал эккаунтинга. Данные блоки охватывают все основные стратегические компоненты регионального развития, позволяющие достигать поставленных целей.

Экономический потенциал домохозяйства - есть некая функция ресурсов, способностей, возможностей, результатов, определяемых системой целей, рисков и синергетического эффекта. Комплексный экономический потенциал домохозяйств региона - есть некая функция совокупности подсистем - локальных потенциалов, результатов, определяемых системой целей, рисков и синергетического эффекта.

Уровень использования экономического потенциала домохозяйств оценивается путем сопоставления текущего (реализованного) уровня, который может быть достигнут в данных обстоятельствах при сложившихся возможностях с исходным (начальным, стартовым) или плановым уровнем. Необходимость наращивания экономического потенциала можно определить путем сопоставления текущего (реализованного) уровня с целевым (прогноznым, планируемым).

Основным мотивом, позволяющим домохозяйствам увеличить жизнеспособность, является их рентоориентированное поведение. Улавливание ренты позволяет домохозяйству усилить синергетические эффекты от взаимодействия с другими экономическими субъектами [5, с. 29-36].

Проанализировав практику применения термина «жизнеспособность» к различным системам, можно прийти к выводу, что жизнеспособность экономических субъектов базируется на синергетической составляющей экономического потенциала. Субъект наращивает свою жизнеспособность за счет синергии экономического потенциала. Снижает – за счет ослабления синергии потенциала. Если при этом процессе он доходит до определенного уровня, то начинаются процессы упадка деятельности экономического субъекта.

© Малыш Е. В. Текст. 2016.

Список источников

1. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. - М.: Мысль, 1983. – 644 с.
2. Богданов А.А. Тектология : всеобщая организационная наука. Т. 1. - М.: Экономика, 1989. – 380 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 736 с.
4. Жигунова О.А. Экономический потенциал предприятия: проблемы, подходы. Монография.- М.: Изд - во «Нефть и газ», 2009. – 180 с.
5. Малыш Е.В. Взаимосвязь жизнеспособности предприятий региона с его социально-экономическим потенциалом. Проблемы и перспективы развития социально-экономического потенциала российских регионов : материалы 3-й Всерос. электр. науч.-практ. конф. Чебоксары, 15 апреля – 15 мая 2014 г. – Чебоксары : ООО «Издательский дом «Пегас», 2014. – 431 с.- С. 29-36.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Диалектика природы. Соч., 2-е изд., Т. 20. – М.: Изд-во полит. лит., 1961. - 545 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений: Российская АН. Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. - М.: Азъ Ltd., 1992. – 960 с.
8. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. - М., 1992. – 356 с.
9. Содействие жизнеспособным предприятиям. Доклад VI Междунар. конф. труда, 96 сессия. - Женева: Международное бюро труда, 2007. – 24 с.
10. Философский энциклопедический словарь. / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. - М.: Советская энциклопедия, 1983. – 576 с.
11. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М., 1975. – 340 с.

Информация об авторе

Малыш Елена Владимировна (Российская Федерация, г. Екатеринбург) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Российская академия наук Уральское отделение ФГБУН Институт экономики (62014, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, malysz.elena@mail.ru).

Malysh Y.V.

INTERRELATION OF VIABILITY OF HOUSEHOLDS OF THE REGION WITH HIS SOCIAL AND ECONOMIC POTENTIAL

In article the possibility of application of concept viability to a household, as to the economic subject of the region is considered. The interrelation of viability of households of the region and its economic potential is investigated. Influence of rent-seeking behavior of households on their economic viability is shown.

Key words: household, rent-seeking behavior, viability, economic potential.

Information about the author

Malysh Yelena Vladimirovna (The Russian Federation, Yekaterinburg) – Candidate of Economic Sciences, the research associate, Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, the Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29, malysz.elena@mail.ru).

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ УЗБЕКИСТАНА.

В статье раскрыты основные современные задачи семьи в Республике Узбекистан и направления проведения семейной политики, направленные на поддержку семьи и детей в республике.

Ключевые слова: семья, поколение, воспроизводство, социальная политика, брак

Семья нужна каждому человеку, формирует духовные, нравственные и этические нормы поведения и воспитания новых поколений, выполняет значительные экономические функции. Теплый семейный очаг является психологическим убежищем для человека в тяжелых и кризисных ситуациях. Но семья важна не только каждому конкретному человеку, но и обществу в целом. Именно в семье очень тесно переплетаются общечеловеческие, личные и национальные ценности. Не случайно издавна в сознании людей укоренилось понимание того, что семья является важнейшей ячейкой общества, а древнейший китайский мыслитель Конфуций считал, что семья – это маленькое государство. Социальная политика государства преломляется через благосостояние семей, и в то же время она корректируется в процессе реализации, исходя из дополнительных возможностей поддержания семьи и всестороннего воспитания подрастающего поколения. Это означает, что семья в значительной мере определяет уровень развития человеческого и социального капитала общества.

Президент страны И. А. Каримов неоднократно подчеркивал, что семья – это обеспечение продолжения жизни, преемственности поколений, очаг воспитания, развивающий священные традиции народа и непосредственно воздействующий на совершенствование будущих поколений [1]. В 63-й статье Конституции Республики Узбекистан закреплено, что «семья является основной ячейкой общества и имеет право на защиту общества и государства». В связи с этим в республике проводится широкомасштабная работа по укреплению и развитию института семьи, защите правовых и социально-экономических интересов молодых семей. В процессе реформирования экономики и усиления факторов экономического роста уделяется большое внимание созданию прочной основы каждой семьи, условий в обществе, обеспечивающих укрепление семейно-брачных отношений, воспроизводство здоровых поколений и достойного воспитания их для последующей жизни.

В соответствии с национальным законодательством, в Узбекистане брак основывается на принципах свободного согласия и равноправия сторон. В республике предпринимаются меры по укреплению и всесторонней поддержке семьи, поддержанию здорового образа жизни, оказанию ей материальной и моральной помощи. В современном Узбекистане проблемы укрепления и улучшения положения семьи рассматриваются на уровне государственной политики. Государственные программы, касающиеся семейных интересов, предусматривают осуществление мер по защите социальных, экономических, правовых и духовных интересов семьи.

Семейная политика является системой мер, направленных на поддержание и укрепление семьи. По сути дела, семейная политика включает целый ряд мер и демографической, и социальной политики.

Узбекистан как независимое суверенное государство последовательно проводит свою социальную политику как часть общей стратегии трансформации экономики на рыночном пути развития. Нарботаны достаточные возможности и задействован целый ряд факторов, позволяющих в полной мере реализовать основные принципы и приоритеты социальной политики, в частности, в отношении семьи. Социальная политика республики

является достаточно гибкой и продуманной, на каждом этапе выстраиваются конкретные приоритеты и намечаются меры по достижению поставленных задач.

Социальная и семейная политика государства осуществляется путем реализации общей стратегии развития, а также посредством разработки и реализации целевых государственных программ, направленных на улучшение уровня и качества жизни населения и каждой семьи в городах и в сельской местности. Для укрепления и развития семьи руководство страны вносит в государственные программы актуальные задачи путем присвоения годам определенного статуса. Год матери, Год благополучия и процветания, Год здорового ребенка и другие государственные программы напрямую нацелены на развитие и укрепление семьи. В Узбекистане последовательно претворяются в жизнь программы по обеспечению населения природным газом и питьевой водой, занятости, реформирования здравоохранения, по подготовке кадров и развитию школьного образования, развитию сферы услуг и сервиса. Реализация государственных социально ориентированных программ предусматривает дальнейшее повышение благосостояния семьи, развитие социальной инфраструктуры, повышение уровня обеспеченности населения социально-бытовыми услугами, воспитание физически здоровых и всесторонне развитых, духовно богатых граждан общества.

Содержание социальной политики нацелено на защиту интересов человека, обеспечение занятости населения, повышению уровня жизни народа, сокращение малообеспеченности, более полную реализацию человеческого потенциала, поддержание социального мира и спокойствия в обществе. Одной из ее приоритетных задач является воспитание гармонично развитого молодого поколения, защита интересов детей, охрана их здоровья. Можно считать, что семейная политика является важнейшей составляющей социальной политики страны. Государственные социальные программы предусматривают осуществление мер по защите социальных, экономических, правовых и духовных интересов народа. Это означает, что они ориентированы на семью и обеспечение семейных интересов. Важнейшие приоритеты социальной политики также направлены на семью: на социальную защиту подрастающего поколения, поддержку молодых и социально уязвимых семей, на защиту интересов человека и семьи.

В то же время семейная политика очень близка демографической политике, но их нельзя отождествлять. Семейная политика перекликается во многих вопросах с демографической, но все-таки они имеют различные объекты управления: в первом случае – семья, во втором – все население республики. Демографическая политика представляет собой систему мер, направленных на получение определенных демографических результатов и достижение определенных демографических целей [2, с. 297]. Ее задачи значительно шире, они охватывают целый комплекс вопросов, связанных с воспроизводством населения.

Семейная политика в Узбекистане имеет достаточно надежное правовое обеспечение. законы Республики Узбекистан, указы Президента, решения правительства, государственные программы, направленные на социально-экономическую поддержку и защиту интересов семей.

Основой семейного законодательства является «Семейный кодекс Республики Узбекистан», принятый 30 апреля 1998 г. Он содержит комплекс положений, нацеленных на укрепление семьи и осуществление защиты семейных прав. Семейный кодекс регулирует вопросы, связанные с заключением и прекращением брака, в частности, порядок и условия заключения брака, имущественные права и обязанности супругов, их личные права и обязанности, права и обязанности родителей и детей, порядок регистрации актов гражданского состояния и другие вопросы семейных отношений.

Кроме того, Президентом и правительством республики принят целый ряд законодательных актов, конкретизирующих те или иные положения:

- Распоряжение Президента Республики Узбекистан от 9 декабря 1997 г. №Ф-796 «О государственной программе мер на 1998 год по обеспечению реализации интересов семьи»;

- Указ Президента Республики Узбекистан от 29 августа 2004 г. №УП-3481 «О мерах по совершенствованию деятельности фонда развития детского спорта Узбекистана»;

- Указ Президента Республики Узбекистан «О создании (об учреждении) акционерного коммерческого банка “Микрокредитбанк”», способствует развитию малого бизнеса, фермерства и частного предпринимательства, созданию новых рабочих мест, путем расширения семейного бизнеса и надомничества;

- Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан о государственной программе «Здоровое поколение»;

- Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан от 5 июля 2002 года «О мерах по реализации приоритетных направлений повышения медицинской культуры в семье, укрепления здоровья женщин, рождению и воспитанию здорового поколения»;

- другие законодательно-правовые акты.

В процессе реализации политики укрепления института семьи усиливается направленность экономических мер по поддержанию семей, нуждающихся в государственной поддержке. На оказание социальной помощи малообеспеченным семьям государство в Узбекистане выделяет значительные финансовые средства, которые составляют 9-10% бюджета страны. В других странах СНГ и в большинстве развитых стран мира расходы на такие цели не превышают 2-5% госбюджета. Из года в год увеличиваются бюджетные расходы на оказание материальной помощи малообеспеченным семьям. Различные виды адресной поддержки одиноких престарелых, инвалидов и малоимущих семей оказывают и многочисленные общественные организации, фонды, организации и предприятия различных форм собственности, а также предприниматели и простые граждане, что соответствует традициям и обычаям узбекского народа. Немаловажное значение имеет также улучшение управления развитием народонаселения, всей работы по планированию семьи, нацеленной на улучшение репродуктивного здоровья, сокращение младенческой, детской и материнской смертности.

В отличие от многих стран мира, в Узбекистане сохраняется и преумножается ценность семьи. В последние годы в республике ежегодно увеличивается число зарегистрированных браков, соответственно, растет число молодых семей, о чем было сказано выше. Поэтому приоритетным направлением семейной политики является всемерное содействие укреплению молодых семей. Не случайно в Государственной программе «Год семьи» (2012 г.), направленной на укрепление института семьи, создание системы крепкой семьи, усиление ее роли в воспитании физически здорового, духовно полноценного и всесторонне развитого поколения, особое внимание было уделено поддержке и решению проблем молодой семьи. В докладе Президента Республики Узбекистан от 7 декабря 2011 г. «Наш путь – углубление демократических реформ и последовательное продолжение модернизации страны» отмечено, что «для построения подлинно демократического государства, свободной и благополучной жизни для нашего народа, особое значение приобретают дальнейшее укрепление института семьи, повышение на качественно новый уровень проводимой в этом направлении работы».

Семейная политика в Узбекистане имеет международное признание. В частности, это было выражено на международном форуме «The Global Family Policy Forum», прошедшем под эгидой ООН в США в 2013 г. Участниками форума были представители дипломатических миссий стран – членов ООН, международные эксперты по социальным проблемам, представители неправительственных организаций США и ряда других стран. Основной тематикой форума были продвижение и защита традиционных семейных ценностей. Презентация Узбекистана, посвященная семейной политике, последовательно проводимой в республике работе по поддержке института семьи, созданию условий для молодых семей, повышению роли женщин в семье и обществе, успешной реализации в

2012 г. Государственной Программы «Год семьи», в полной мере соответствовала духу этого международного форума и вызвала большой интерес. Выступавшие затем участники форума, представители делегаций и эксперты дали высокую оценку семейной политике в Узбекистане. Они особо подчеркнули ее взвешенность, целенаправленность, адресность, признали «узбекскую модель семьи» образцовой в контексте продвижения и защиты традиционных семейных ценностей.¹

Таким образом, семейная политика в Узбекистане направлена на укрепление семьи как социального института, на улучшение здоровья матери и ребенка, на пропаганду ориентации на здоровый образ жизни у подрастающего поколения, которая оказывает влияние на повышение качества жизни. Современный Узбекистан наращивает темпы экономического роста, основанные на усилении интенсивных факторов развития. Предстоит огромная работа по модернизации экономики, по реализации стратегии инновационного развития страны, опирающаяся на повышение качества человеческого потенциала. Такие цели и задачи могут быть достигнуты только совместными усилиями государства и семьи как важнейшей ячейки общества, где и формируется качественно новое поколение, способное не только осваивать, но и разрабатывать новые технологии. Именно семья вносит огромный вклад в улучшение качества человеческих ресурсов, что является необходимым условием для поступательного динамичного движения республики.

© Мамадалиева Х. Х. Текст. 2016

Список источников

1. Каримов И. А. Наш путь – углубление демократических реформ и последовательное продолжение модернизации страны // Правда Востока. – 2011. – №239. – 13 дек.
2. Вишневский А. Г. Избранные демографические труды. Т. 1. – М. : Наука, 2005. – 297 с.

Информация об авторе

Мамадалиева Хафиза Холдаровна – кандидат экономических наук, директор Республиканского научно-практического центра «Оила» (100017, г.Ташкент, Узбекистан, ул. Мустакиллик, 5, oilamarkazi@umail.uz).

Mamadaliyeva K. X.

DEMOGRAPHIC POLICY AS PART OF SOCIAL POLICY UZBEKISTAN

The article deals with basic modern family problems in the country and areas of family policy aimed at supporting the family and children in Uzbekistan.

Keywords. Family, generation, reproduction, social policy, marriage.

Mamadaliyeva Khafiza Xoldarovna – Ph.D., Director of the Republican Scientific and Practical Center "Oila" (100017, Tashkent, Uzbekistan, Independence Street, 5, oilamarkazi@umail.uz).

¹ Презентация опыта Узбекистана на международном форуме в США. «Народное слово», 12 июля 2013 года.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РЕСУРС УДМУРТОВ В 2000–2010 -е ГОДЫ

Автор рассматривает демографические показатели как сельских удмуртов, так и удмуртов-горожан. Если в сельской местности численность этноса не увеличивается из-за высокой смертности (особенно мужчин), суицида и алкоголизма, то в городе в третьем поколении удмурты, не зная языка, ассимилируются, точнее – обрусевают. Названы положительные и негативные самооценки удмуртов, проанализированы способы адаптации.

Ключевые слова: удмурты-селяне, удмурты-горожане, демографические параметры, социально-психологическая самооценка, адаптационные стратегии

Никто не будет оспаривать утверждение, что из двух разных стран та, у которой демографический ресурс больше, при прочих равных условиях будет обладать большей совокупной мощью. [1, с. 24]. Объективность этого тезиса может быть проверена не только на уровне государств, но и отдельных регионов, а также локальных сообществ, к каковым относятся и сельские, и городские удмурты как сложная система социальных связей и акторов. Представляется небезынтересным иметь четкое представление о демографическом ресурсе постсоветского провинциального села и удмуртах-горожанах, причем не только в его количественных, но и качественных параметрах, ибо в современных условиях роль качественных характеристик человеческой популяции имеет тенденцию к возрастанию. Для современной России эта мысль особенно актуальна, так как конечный результат российских трансформации во многом зависит именно от качества человеческого капитала, то есть его возрастной структуры, состояния здоровья, уровня образования и социально-профессиональной квалификации, образа жизни, знаний, умений и нравственности. Иными словами, гарантия безопасности государства заключается не только в численности человеческого потенциала, но и в его качестве.

К сожалению, практика реформ свидетельствует о том, что проблемы с человеческим ресурсом в стране пока «задвинуты в тень». В Удмуртии, например, принято подчеркивать, что по уровню рождаемости республика занимает второе место в Приволжском федеральном округе, что сокращается количество разводов, растет число заключенных браков, а проблемы качества населения предметом серьезного анализа не становятся, тогда как именно в этой сфере накопилось много негативных явлений.

Начну с нескольких цифр, характеризующих демографические параметры народа. Переписью 2010 г. зафиксировано 552,3 тыс. удмуртов (последней советской переписью 1989 г. – 746,8 тыс., переписью 2002 г. – 637,9 тыс.). Нехитрые математические вычисления показывают, что с 2002 г. по 2010гг. удмурты ежегодно теряли более 10 тыс. чел., и если ситуация не изменится в лучшую сторону, через 55 лет они как этнос могут исчезнуть¹.

Негативные процессы в области здоровья сельского населения республики, усугубившиеся в начале 2000-х гг., в значительной мере явились следствием социально-экономических реформ, которые осуществлялись без использования необходимых в таких случаях социальных предохранителей. Шоковая модель трансформационных преобразований фактически развивалась в разрез с процессами возможностей медико-биологической адаптации человека к меняющимся условиям жизни. Роковую роль сыграл чрезмерный стресс, снижающий сопротивляемость организма и вызывающий развитие

¹ Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Удмуртской Республики в 2010 году». Ижевск, 2011. С. 16.

характерных патологических изменений. Наряду со стрессом, действовал и другой механизм, связанный с нарушением динамического стереотипа (по И. Павлову), который обеспечивает устойчивое и экономное функционирование организма. Именно шоковая стратегия, приведшая к слому динамического стереотипа, по мнению медицинских работников, стала главной причиной чрезвычайного ухудшения здоровья и высокой смертности населения, особенно в трудоспособном возрасте [2, с. 9-10]. Об этом свидетельствует рост заболеваемости, рост инвалидности, резкое падение здоровья детей и подрастающего поколения. В структуре общей заболеваемости у подростков 15–17 лет уже на протяжении многих лет первое место занимают болезни органов дыхания, второе – глаза и его придаточного аппарата, третье – заболевания органов пищеварения. За последние годы наблюдается стремительный рост болезней эндокринной системы. В структуре психических расстройств подростков преобладает умственная отсталость, которая в 2004 г. составила 63%. По данным республиканской прокуратуры, среди подрастающей молодежи наблюдается высокий уровень суицидального поведения. Так, в 2004 г. суициды среди подростков составили 46 случаев на 100 тыс. подросткового населения и увеличились, по сравнению с 2003 г., в 1,4 раза. Выяснено, что к вероятным факторам риска, способствующим суицидальным попыткам, следует отнести следующие параметры: возраст 17 лет, мужской пол, проживание в сельской местности [2, с. 79].

Одним из наиболее опасных проявлений ухудшения качества человеческого капитала Удмуртии является формирование возрастных и гендерных диспропорций в составе населения. «Поле детства» сжимается, как шагреновая кожа: в 2002 г. доля детей в общей численности населения составляла 23,8%, в 2003 г. – 23,2%, в 2004 – 22,9 %¹. В то же время увеличиваются численность и доля нетрудоспособного и престарелого населения. Как и в целом по стране, старение населения сопровождается сокращением абсолютной численности женщин репродуктивных контингентов. Уровень рождаемости, несмотря на некоторое увеличение, по-прежнему в 2–2,5 раза ниже того минимума, который необходим для простого воспроизводства населения. Это означает, что в современных городских и сельских семьях сформировалась устойчивая тенденция к малодетности².

Удмуртов можно назвать преимущественно аграрным этносом: 55,4% из них проживает в сельской местности. В «ранговом ряду» по показателям рождаемости сельские удмуртки занимают первое место в республике, но активная реализация ими репродуктивной функции не приводит к росту численности этноса. Происходит это из-за высокой смертности селян (так, в 2010 г. смертность от отравлений алкоголем в деревне была в 1,3 раза выше, чем в городе, от суицидов – в 2,3 раза, убийств – в 1,8 раза, и т.д.), а также ассимиляции (преимущественно – обрусения) как следствия межэтнических браков и утраты этнической идентичности [4, с. 63]. Не случайно же из 552,3 тыс. удмуртов только 324 тыс. назвали родным удмуртский язык. Пагубную лепту в демографические показатели народа вносит и миграция, особенно – молодежная.

Среднестатистическая удмуртская сельская семья сегодня – трехпоколенна: родители, 2-3 детей и мать одного из супругов. Это характерная для села картина: из-за высокой смертности мужчин поколение людей преклонного возраста в основном состоит из вдов. Рост числа вдов наблюдается и в средних возрастных когортах женщин, обусловленный сверхсмертностью мужчин трудоспособного возраста, причем смертностью преимущественно неестественной. Так, в 2010 г. в сельской местности доля мужчин трудоспособного возраста в общем числе умерших от неестественных причин составила 84,3 % (в 2009 г. – 87,2%)³.

¹ Государственный доклад «О положении детей в Удмуртской Республике в 2004 году». Ижевск, 2005. С. 79.

² Там же. С. 34.

³ Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Удмуртской Республики в 2010 году». Ижевск, 2011. С. 14.

Можно отметить, что в последние годы в демографических процессах появились некоторые обнадеживающие показатели. Так, в 2009–2010 гг. численность населения УР за счет естественного прироста увеличилась на 0,3%, в сельской местности сократилось число рождений вне брака (с 36,6% в 2009 до 31,56% в 2010 г.), увеличилась средняя продолжительность жизни с 68 лет до 69,3 лет¹. Однако качество человеческого потенциала по многим показателям продолжало ухудшаться, что в среднесрочной перспективе для республики может обернуться большими проблемами.

Занятость в аграрной сфере труда и сельский образ жизни детерминируют в национальном характере народа некоторые специфические черты, явно ощущаемые в социально-психологической самооценке. Среди положительных черт своего характера удмурты чаще всего называют миролюбие, доброжелательность, гостеприимность, деликатность, сдержанность в проявлении чувств, терпеливость и терпимость, трудолюбие, упорство, бесконфликтность.

К нежелательным чертам относят стеснительность, скрытность и замкнутость, упрямство, нетерпимость к критике, обидчивость, зависть и нежелание брать на себя ответственность. Кстати, избегание ответственности имеет своим следствием удаленность удмуртов от власти, они слабо представлены в рядах республиканской бизнес- и политэлиты. Можно сказать, что удмурты прилежные, дисциплинированные исполнители, но достаточно сложно представить их в роли предприимчивых, не боящихся риска бизнесменов или руководителей, не страшщихся критики.

Подчеркну также, что социально-психологическая самооценка респондентов-удмуртов во многом коррелирует со сторонним взглядом на них, в том числе – ученых. Добавлю еще несколько черт характера, которые в самооценке респондентов не прозвучали. На мой взгляд, негативные черты характера удмуртов усугубляются социальной апатией, этническим нигилизмом, склонностью к депрессии и уходом в пассивные формы протеста (суицид, алкоголизм). Все это, так или иначе, ограничивает психологическую и социальную мобильность народа, ведет к блокировке возможностей участия в рыночных отношениях.

Между тем, необходимость адаптации к структурной перестройке социально-экономической сферы жизни – это едва ли не самое важное, с чем приходится сталкиваться современному сельскому сообществу. Надо сказать, что виды деятельности селян, направленной на жизнеобеспечение, варьируют в достаточно широком диапазоне и реализуются, как правило, в комплексе. Труд в общественном производстве, в личном подсобном хозяйстве, занятие фермерством, различные виды несельскохозяйственной предпринимательской деятельности, временная (например, сезонная) работа по найму, подработка, сетевые ресурсы, эпизодические «рейды» в рыночную экономику, криминальные или полукриминальные методы добычи средств существования, организация сельского эко- или этнотуризма – это далеко не исчерпывающий перечень адаптационных практик, демонстрируемых современным сельским социумом.

Одним из объектов приложения адаптационных практик селян стали сельскохозяйственные производственные кооперативы (СПК, по Т. Шанину – «крупхозы»), крестьянские фермерские (КФХ), личные подсобные (ЛПХ) хозяйства. Работа в СПК, к примеру, гарантирует селянину заработную плату и ряд социальных выплат, позволяет рассчитывать на определенные льготы при аренде техники, приобретении строительного материала, фуражного зерна. Даже то, что сегодня в удмуртских деревнях практически нет нищих и бездомных, брошенных сирот и стариков, заслуга не только конкретных людей или семей, но и местных сельскохозяйственных предприятий и их руководителей.

Примеры производственно-экономической успешности преимущественно удмуртских крупхозов наталкивают на мысль, что «вписанность» народа в рыночные

¹ Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Удмуртской Республики в 2009 году». Ижевск, 2010. С. 3.

отношения на коллективном уровне выглядит более яркой, нежели на приватном. Об этом свидетельствует тот факт, что сегодня в аграрном секторе республики самые сильные хозяйствующие субъекты представлены в основном удмуртами в составе как рабочих, так и их руководителей. Это дает основание считать, что сельское хозяйство в регионе держится на удмуртах: благодаря их высоким экономическим показателям, республика по надоям молока, количеству поголовья скота, урожайности зерновых культур и др. достаточно презентабельна.

Ярчайшим примером мобилизации материальных, производственных и иных ресурсов удмуртов-селян стало бурное развитие личных подворий. Их в современных условиях можно рассматривать как производственную единицу, функционирующую по законам семейной экономики. Для такого хозяйства характерны не погоня за прибылью, а поддержание обычной жизнедеятельности, сохранение материального и социального статуса. Традиция и культура хозяйствования сельского социума стали его ресурсом адаптации, где реальная помощь региональной власти занимает весьма скромное место.

Пример ЛПХ позволяет считать, что самостоятельность крестьянского социума выразилась не там, где предполагалось – не в коллективных и даже не в фермерских хозяйствах. Оценивать подобную адаптационную практику как однозначно позитивную и перспективную едва ли возможно. Выживание семейных хозяйств и демонстрация ими значимого экономического результата происходят за счет самоэксплуатации, которая гарантирует определенную экономическую и материальную независимость, но не уменьшает несвободу. Несвободу от тяжелого (преимущественно физического) ежедневного труда, необходимости неотлучного пребывания в рамках собственного мелкотоварного хозяйства.

Серьезной ареной адаптационных практик сельских тружеников Удмуртии могло бы стать занятие фермерством, но прошедшие два десятилетия показали, что этот ресурс сельским социумом (и не только им, но и идеологами реформ) был явно переоценен. За годы трансформаций фигура фермера стала узнаваемой, но фермерский уклад не стал ведущим в сельском хозяйстве республики. Только главы двух фермерских хозяйств (не удмурты) организацию производства и работу с персоналом ведут на уровне крупного бизнеса и сосредоточивают в руках от 2 до 4 тыс. га земель. Остальное большинство фермеров производство и реализацию продукции в основном осуществляет в рамках натурального обмена, практикует формы неэкономического взаимодействия; многие КФХ функционируют в режиме самообеспечения.

Появление в деревне новых акторов экономики в лице обществ с ограниченной ответственностью (ООО), открытых и закрытых акционерных обществ (ОАО, ЗАО) свидетельствует о процессе концентрации производства (а заодно – и собственности) в руках крупных товаропроизводителей, игнорирующих сельский социум в качестве субъекта этого процесса. Подобное становится возможным из-за модернизации экономических отношений преимущественно в технологическом и организационно-правовом направлениях, факторы же развития человеческого потенциала экономики, его нравственная составляющая остаются в тени.

В целом, традиционализм, здоровый крестьянский консерватизм (нежелание рисковать, осторожное отношение к новшествам), перманентное недоверие к власти как таковой, некоторые другие нюансы социальной ментальности определяют специфику адаптационных практик сельского социума. Из разнообразия моделей адаптационных практик предпочтение отдается тем, которые позволяют выживать за счет проверенных, привычных и более надежных, с точки зрения селян, ресурсов – самоэксплуатации, натурализации, в чем-то даже примитивизации. Данный выбор позволяет выживать, но редко – развиваться, тормозит интегрирование социума в процессы либерализации производственной жизни и отношений. Селяне демонстрируют витальность, упорство и упрямство, пластичность, но при этом основная логика их выживания связана с традиционализмом. Тип личности, преобладающий в селе, условно можно назвать

«неэкономическим». Очень немногие удмурты отбросили все ограничения, чтобы «пожить по своей воле», но представительный ряд homo economicus удмуртской национальности в деревне пока не сформировался.

Что касается удмуртов-горожан, объектом специального научного исследования они пока не становились, хотя отдельные, в первую очередь, статистические данные, о них в удмуртоведении имеются. Известно, например, что к 1959 г. доля удмуртов-горожан в республике составляла всего 18,6%, но уже в 1960-е гг. возросшие темпы развития промышленного производства вызвали активный отток селян в города. К 1970 г. доля горожан-удмуртов выросла в республике до 28%, к 1979 г. – до 37,7%, к 1989 – до 44,7%. Судя по данным переписи 2010 г., этот показатель практически не изменился 44,6%.

Еще в советские годы в пространстве города сложилась глобальная по своему воздействию на социальные процессы и до сих пор не преодоленная дихотомия: параллельное существование русскоязычной технологической сферы, приемлемой для использования в любой части страны, и локальной удмуртскоязычной культурно-гуманитарной среды, созданной для внутриреспубликанского потребления. Пилотный этносоциологический мониторинг, проведенный в 2007–2008 гг. среди удмуртов гг. Ижевск, Глазов и Сарапул (охвачено 600 чел. в возрасте 18-60 лет), еще раз подтвердил наличие такой дихотомии: 41% опрошенных были заняты в системе образования, науки, культуры, здравоохранения, СМИ, 24% – лица рабочих профессий, Совсем не выразительны показатели по инженерно-техническим профессиям (6%), занятости в сфере государственного и муниципального управления (3%) и бизнеса (1%). По 8% от всех опрошенных составили пенсионеры и студенты. Для преобладающего большинства респондентов основным источником жизнеобеспечения являются заработная плата по месту работы, подработка в других сферах деятельности, пенсия и активное занятие садоводством и огородничеством на пригородных участках.

Поиск брачного партнера городскими удмуртами в основном идет в своей этнической среде, что, к сожалению, не означает, что все дети от таких браков идентифицируют себя удмуртами (таковых, судя по ответам, 71%). Вообще данные анкет наталкивают на мысль, что этническая культура воспринимается удмуртами-горожанами как значимая ценность, но язык как один из видов социокультурного капитала большинством горожан не воспринимается. Именно поэтому перед каждым новым поколением городских удмуртов этническая самоидентификация со своим народом теряет актуальность: как правило, в третьем поколении происходит смена этнической идентичности.

В заключение хочу подчеркнуть, что переходный период для малочисленных народов оборачивается большим кругом проблем, испытаний и потерь, нежели для многочисленных. На мой взгляд, в транзитном обществе аграрный труд (кстати, самый низкооплачиваемый в России) для сельского труженика становится настоящим испытанием, изнашивающим его физически, психологически и эмоционально.

Не легче и удмуртам-горожанам, которым приходится приспосабливаться к новой социальной среде, пытаться сокращать социальную дистанцию между собой и доминантным русскоязычным большинством. Тем не менее, хочу закончить выступление на оптимистичной ноте. Еще во второй половине XIX в. казанский профессор И. Н. Смирнов, наблюдая за ростом числа межэтнических браков среди удмуртов, сказал, что «не пройдет и 100 лет, удмуртов не будет» [5, с. 260-261]. Однако они пережили весьма непростой XX в. и перешагнули в XXI в. Удмурты обладают сильной витальностью, упорством, трудолюбием. Если они поймут, что их будущее зависит, прежде всего, от них самих, если не испугаются и возьмут на себя ответственность за собственную судьбу, за сохранение языка, лучших образцов культуры, воспитание в молодых поколениях качеств характера, необходимых для того, чтобы быть в современном обществе конкурентоспособными, они переживут текущий век и перейдут в

следующий. Невозможно сделать человека счастливым, он сам должен постараться стать таковым.

© Никитина Г. А. Текст. 2016.

Список источников

1. Римашевская Н. М. Развитие человеческого потенциала в России // Перемены в сельской России. 1991–2003. Оценки, подходы, методы. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2005.
2. Величковский В. Г. Реформы и здоровье населения страны. Пути преодоления негативных последствий. – М., 2001.
3. Касьянова О. Болезни поколения next // Либеральная Удмуртия. – 2005. – 14 дек.
4. Удмурты. Историко-этнографические очерки. – Ижевск, 1993.
- 5 Смирнов И. Н. Вотяки // ИОАИЭ. – 1890. – Т. 8. – Вып. 2. – С. 260-261

Nikitina G. A.

THE UDMURT HUMAN RESOURCE IN THE 2000S AND THE 2010S.

The author estimates demographic parameters of both rural and urban Udmurts. In the countryside the population does not increase because of high mortality rate (especially among men), suicide and alcoholism, whereas third-generation urban Udmurts do not acquire the Udmurt language and become assimilated and Russified. The study highlights positive and negative Udmurt self-esteem and analyzes adaptation strategies.

Keywords: rural Udmurts, urban Udmurts, demographic parameters, sociopsychological self-esteem, adaptation strategy.

Information about the author

Nikitina Galina Arkadyevna (Russia, Izhevsk) Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (426004, Russia, Izhevsk, Lomonosova St., 4 e-mail: nikitina@udnii.ru)

УДК 331.101.5

С.Н. Смирных, Е.В. Потапцева, Р.Н. Гиниятуллин

ФАКТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ВЫСОКОПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ МЕСТ В РОССИИ

В статье рассмотрены критерии идентификации высокопроизводительных рабочих мест (ВПРМ) в мировой практике и отечественной практике; выделены проблемы оценки количества ВПРМ в российской экономике, предложена эконометрическая модель оценки влияния уровня экономического развития регионов на показатели воспроизводства ВПРМ.

Ключевые слова: высокопроизводительные рабочие места, воспроизводство, валовой региональный продукт

Устойчивое развитие страны рассматривает рабочую силу как ключевой ресурс экономики, что обусловлено расширением научно-технического прогресса и появлением новых технологий, которые, в свою очередь, предъявляют более высокие требования к уровню производительности труда отдельно взятого работника. От работника компании

требуются следующие компетенции: высокая приспособляемость и адаптивность к новым технологиям, проявление инициативы и участие в развитии бизнес-процессов и др. Эти процессы обуславливают необходимость трансформации системы воспроизводства рабочей силы в России, а перед государством остро встает проблема регулирования воспроизводства рабочей силы, в том числе создания высокопроизводительных рабочих мест.

Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), производительность труда (ВВП за час рабочего времени) в России в 2014 г. составляет 25,9 долл. и является самой низкой среди европейских стран. Для сравнения: в 2014 г. производительность труда составила в Греции – 36,2 долл., Латвии – 27,6 долл., Польше – 29,7 долл., США – 67,4 долл., средний показатель стран Еврзоны – 55,9 долл. Лидерами по производительности труда в Европе являются: Люксембург – 95,9 долл., Норвегия – 88 долл., и Бельгия – 66,5 долл. [8]

По мнению, экспертов ОЭСР, низкая производительность труда в России может быть связана с большой долей рабочего времени в году: так, среднее количество времени, проведенное россиянами на рабочем месте в 2014 г. составляет 1982 часов в год [8].

Создание в России 25 миллионов высокопроизводительных (высокотехнологичных) рабочих мест (ВПРМ) к 2020 г. является одним из важнейших стратегических ориентиров экономического развития, содержащихся в указах Президента РФ от 7 мая 2012 г. [6, 9].

Проблемы идентификации и оценки количества высокопроизводительных рабочих мест связаны, кроме прочего, со значительной вариативностью определений рассматриваемого понятия.

В соответствии с действующей методикой Росстата к высокопроизводительным рабочим местам относятся все замещенные рабочие места предприятия (организации), на котором среднемесячная заработная плата работников (для индивидуальных предпринимателей – средняя выручка) равна или превышает установленную пороговую величину критерия. В качестве критерия для отбора организаций, имеющих высокопроизводительные рабочие места, устанавливается пороговое значение среднемесячной заработной платы работников на одно замещенное рабочее место, дифференцированное по типам предприятий и субъектам Российской Федерации. Для отбора индивидуальных предпринимателей, имеющих высокопроизводительные рабочие места, устанавливается в качестве критерия отбора показатель среднемесячной выручки в расчете на одно замещенное рабочее место. В качестве базового принимается пороговое значение, определенное на 2011 г. Для каждого последующего года это значение индексируется с учетом индекса потребительских цен по субъектам Российской Федерации.

По определению «Деловой России», под ВПРМ понимаются рабочие места с выручкой не менее 3,5 млн руб. в год; «Агентство стратегических инициатив» понимает ВПРМ как рабочее место с добавленной стоимостью не менее 900 тыс. руб. в год, при заработной плате не менее 30 тыс. руб. в ценах 2011 г. и т. д. [3, с. 24-26].

Западные трактовки понятия ВПРМ отличаются от отечественных в пользу большего акцента на социальных аспектах их создания для работников. Так, Фонд Форда (США) считает, что ВПРМ – это рабочие места, позволяющие работнику получать достаточную для жизни заработную плату, накапливать финансовые активы, иметь карьерные перспективы. Институт изучения занятости (США) определяет ВПРМ как рабочие места, которые гарантируют улучшение качества жизни среднего класса и выход за пределы порога бедности для людей с низким уровнем доходов.

Таким образом, критерии выделения ВПРМ различаются в зависимости от уровня развития экономики в целом и ее отдельных секторов. Для России – это рабочие места, способствующие диверсификации экспорта и не субсидируемые за счет трансфертов [3].

Цель данного исследования – выявление ключевых факторов межрегиональной дифференциации воспроизводства высокопроизводительных рабочих рабочей силы в России.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

- 1) изучить факторы, обуславливающие региональные особенности воспроизводства ВПРМ;
- 2) провести эмпирический анализ влияния уровня социально-экономического развития региона на показатели воспроизводства ВПРМ;
- 3) интерпретировать полученные эмпирические результаты для объяснения специфики воспроизводства ВПРМ в регионах России.

Неоднородность трактовки высокопроизводительных рабочих мест ведет к значительным различиям в оценке их количества. Согласно данным официальной статистики, в России создано 16,8 млн единиц высокопроизводительных рабочих мест (табл. 1), что составляет лишь 67% от целевого ориентира (25 млн ВПРМ к 2020 г.).

Впервые за пятилетний период в 2015 г. наблюдался отрицательный прирост числа ВПРМ: их количество сократилось в России по сравнению с прошлым годом на 9,0% (1647,2 тыс. ед.), в том числе в Уральском федеральном округе – на 9,3% (186,6 тыс. ед.).

В качестве причин уменьшения числа высокопроизводительных рабочих мест в 2015 г. можно назвать более значительные темпы прироста порогового значения в сравнении с фактическим темпом прироста среднемесячной начисленной платы, а также сокращение общего числа рабочих мест в экономике.

В Уральском федеральном округе в 2015 г. (табл. 1) функционировало около 1830 тыс. высокопроизводительных рабочих мест (11% от общероссийского уровня), однако в значительной степени они сфокусированы в нефте- и газодобывающих регионах (ХМАО и ЯНАО).

Таблица 1

Структура высокопроизводительных рабочих мест по федеральным округам России¹

Наименование субъекта	Число ВПРМ, тыс. единиц			Структура ВПРМ, %		
	2013	2014	2015*	2013	2014	2015*
Российская Федерация, всего	17492,8	18280,9	16807,1	100,0	100,0	100,0
Центральный федеральный округ	5156,4	5301,4	4778,2	29,5	29,0	28,4
Северо-Западный федеральный округ	1847,3	2053,1	1876,8	10,6	11,2	11,2
Южный федеральный округ	1191,5	1257,4	1171,7	6,8	6,9	7,0
Северо-Кавказский федеральный округ	495,2	532,1	516,9	2,8	2,9	3,1
Приволжский федеральный округ	3607,7	3772,9	3385,5	20,6	20,6	20,1
Сибирский федеральный округ	2328,7	2394,5	2184,8	13,3	13,1	13,0
Дальневосточный федеральный округ	903,3	953,7	890,6	5,2	5,2	5,3
Крымский федеральный округ	173,3	1,0
Уральский федеральный округ, всего	1962,8	2015,7	1829,2	11,2	11,0	10,9
в том числе:						
Курганская область	98,6	105,1	92,7	0,6	0,6	0,6
Свердловская область	646,3	653,3	596,2	3,7	3,6	3,5
Тюменская область	838,3	857,6	786,2	4,8	4,7	4,7
в том числе:						
Ханты-Мансийский автономный	410,5	417,1	387,4	2,3	2,3	2,3

¹ Составлено авторами. Источник: Росстат: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>

округ-Югра						
Ямало-Ненецкий автономный округ	185,5	186,6	181,5	1,1	1,0	1,1
Челябинская область	379,5	399,8	354,1	2,2	2,2	2,1

* Данные предварительные

Наибольшая концентрация ВПРМ в 2015 г. наблюдается в Москве – 1780,5 тыс. (10,59% от общероссийского количества). Наименьший удельный вес ВПРМ сосредоточен в Республике Ингушетия – 0,08% или 14097 единиц (табл. 2).

Таблица 2

Регионы с максимальным и минимальным количеством ВПРМ в России в 2015 г.¹

Регионы с максимальным количеством ВПРМ		Регионы с минимальным количеством ВПРМ	
Наименование региона	Количество ВПРМ, единиц	Наименование региона	Количество ВПРМ, единиц
г. Москва	1 780 481	Республика Ингушетия	14 097
г. Санкт-Петербург	823 072	Чукотский автономный округ	14 513
Московская область	819 474	Республика Калмыкия	15 977
Тюменская область	786 217	Ненецкий автономный округ	16 056
Свердловская область	596 178	Республика Тыва	20 432

Прирост ВПРМ в 2015 г. отмечен лишь в пяти субъектах РФ: Амурской области (10,2 тыс. ед., или 9,6%), Чеченской Республике (2,1 тыс. ед., или 4%), Камчатском крае (2,1 тыс. ед., или 3,6%), Еврейской автономной области (0,7 тыс. ед., или 3,5%) и Республике Дагестан (0,3 тыс. ед., или 0,4%).

Сокращение числа ВПРМ в 2015 г. наблюдается во всех видах экономической деятельности, кроме добычи полезных ископаемых и образования (табл. 3). Наибольшее количество ВПРМ сосредоточено в обрабатывающих производствах (19,9%), в государственном управлении и обеспечении военной безопасности (13,7%), в секторе операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг (11,0%) и в сфере транспорта и связи (10,7%)

Таблица 3

Структура высокопроизводительных рабочих мест по видам экономической деятельности в 2013–2015 гг.²

Виды экономической деятельности	2013		2014		2015*	
	тыс. единиц	процент	тыс. единиц	процент	тыс. единиц	процент
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	333,8	1,91	368,2	2,01	320,5	1,91
Рыболовство, рыбоводство	33,5	0,19	33,0	0,18	32,2	0,19
Добыча полезных ископаемых	878,1	5,02	852,1	4,66	854,4	5,08
Обрабатывающие производства	3670,8	20,98	3722,9	20,36	3340,6	19,88
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	910,1	5,20	998,6	5,46	929,5	5,53
Строительство	1046,3	5,98	1028,0	5,62	873,8	5,20

¹ Составлено авторами. Источник: Росстат: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>

² Составлено авторами. Источник: Росстат: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>

Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1479,2	8,46	1609,4	8,80	1551,8	9,23
Гостиницы и рестораны	112,8	0,64	124,3	0,68	92,4	0,55
Транспорт и связь	1632,9	9,33	2092,8	11,45	1789,3	10,65
Финансовая деятельность	1064,4	6,08	949,9	5,20	907,9	5,40
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1956,4	11,18	2070,5	11,33	1853,5	11,03
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	2518,6	14,40	2458,9	13,45	2307,4	13,73
Образование	721,6	4,13	782,0	4,28	786,9	4,68
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	891,8	5,10	916,8	5,01	908	5,40
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	242,5	1,39	273,8	1,50	258,9	1,54
Итого	17492,8	100,00	18280,9	100,00	16807,1	100,00

* Данные предварительные

Несмотря на значительные различия пороговых числовых значений отнесения рабочих мест к числу ВПРМ, при их определении используется два основных критерия – производительность труда, выражаемая показателем создаваемой на предприятии добавленной стоимости на одного сотрудника (такой подход актуален для большинства рыночных отраслей) и уровень заработной платы (для нерыночного и финансового секторов экономики).

Вместе с тем, некоторые исследователи выделяют следующие факторы, влияющие на воспроизводство ВПРМ: оснащенность современным технологическим оборудованием, основанным на последних достижениях науки и техники, высокую экономическую эффективность производства, хорошие условия труда, отвечающие современным нормам, хорошее образование и высокую квалификацию работников, занятых на данном рабочем месте, высокую заработную плату работников, высокую стоимость создания нового рабочего места или модернизации старого [1, 5].

Зарубежные исследования [10, 11], посвященные созданию высокопроизводительных рабочих мест, акцентируют внимание на следующих факторах воспроизводства ВПРМ:

- 1) постоянное обучение, уровень квалификации и освоение сотрудниками специальных навыков, необходимых для работы на конкретных ВПРМ;
- 2) «оплата за работу» и «оплата за профессионализм»;
- 3) обмен информацией и внедрение инноваций;
- 4) организация рабочих процессов вокруг значимых бизнес-процессов в высокопроизводительной организации, четкое видение будущего и стратегическое планирование.

Следует отметить, что значительная часть российских исследований посвящена выявлению анализу движения (создания и ликвидации) рабочих мест в экономике [4], проблемам идентификации и учета ВПРМ [1, 6], а также оценке отраслевой и региональной динамики создания ВПРМ [2, 3, 5, 7]. Вместе с тем практически отсутствуют эмпирические исследования, доказывающие, что уровень экономического

развития регионов влияет на воспроизводство ВПРМ. Для объяснения межрегиональной дифференциации в воспроизводстве ВПРМ мы исходили из гипотезы о положительном влиянии уровня экономического развития и инвестиционной привлекательности региона на создание ВПРМ.

По нашему мнению, эконометрическую модель оценки влияния уровня экономического развития регионов на воспроизводство ВПРМ можно представить следующим уравнением (1):

$$Y_{it} = \alpha_i + \beta_1 \ln GRP_{it} + \beta_2 \ln RI_{it} + \beta_3 IP_{it} + \beta_4 MI_{it} + \beta_5 AVT_i + \varepsilon_{it} \quad (1)$$

В качестве зависимых переменных (Y_{it}) выступают региональные показатели воспроизводства (количество и прирост) ВПРМ, где i – индекс региона, t – год.

Независимыми переменными являются $\ln GRP_{it}$ – логарифм душевого валового регионального продукта (ВРП); $\ln RI_{it}$ – логарифм инвестиций в основной капитал на душу населения в регионе; IP_{it} – относительный показатель объема инновационных товаров (работ, услуг), произведенных в регионе (отношение объема инновационных товаров к ВРП); MI_{it} – доля добывающих отраслей (вид экономической деятельности С – добыча полезных ископаемых) в валовой добавленной стоимости региона; AVT_i – автономный статус региона (1 – если да, 0 – если нет); $\beta_1, \beta_2, \beta_3, \beta_4, \beta_5$ – оцениваемые параметры; $\alpha_i, \varepsilon_{it}$ – индивидуальный региональный эффект и случайно распределенный остаток соответственно.

По нашему мнению, рассматриваемая эконометрическая модель позволит оценить, насколько значимо на воспроизводство ВПРМ влияет уровень экономического развития и инвестиционная привлекательность региона. Вместе с тем, мы предполагаем, что воспроизводство ВПРМ в России в большей степени связано уровнем развития традиционных (добывающих), а не инновационных производств.

© Смирных С. Н., Потапцева Е. В., Гиниятуллин Р. Н. Текст. 2016

Список источников

1. Бренер Ю. Г. Высокопроизводительные рабочие места. Анализ методик расчета показателя и ситуация в регионе // Проблемы развития предприятий. Теория и практика. Мат-лы 13-й Междунар. науч.-практ. конф. 27-28 нояб. 2014 г. Ч. 3. / Отв. ред. С. И. Ашмарина. – Самара : Изд-во СГЭУ, 2014. — С. 268-270.

2. Волкова Н. Н., Романюк Э. И. Определение высокопроизводительных рабочих мест. Сравнение методик // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. – №5. – С. 89-97

3. Высокопроизводительные рабочие места в регионах России. Аналитическая записка / Торгово-промышленная палата РФ, Рейтинговое агентство «Эксперт»; отв. за выпуск Гриднев В. С. – М.: ООО «ТПП-Информ», 2013. – 28 с.

4. Гимпельсон В. Е., Жихарева О. Б., Капелюшников Р. И. Движение рабочих мест: что говорит российская статистика [Электронный ресурс] / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 46 с. – WP3/2014/02. – (WP3. Проблемы рынка труда).

5. Калачева Л. В., Савон Д. Ю. Характеристика высокопроизводительного рабочего места при инновационной деятельности в угольной промышленности // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 6. – С. 60-68.

6. Кокоулина Е. Е. Как оценивают высокопроизводительные рабочие места в современной России // Проблемы учета и финансов. – 2013. – № 3 (11). – С. 56-59.

7. Кузнецов С.Г., Коровкин А. Г. Высокопроизводительные рабочие места: определение, учет, анализ и прогнозирование // [Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН](#). – 2015. – Вып. № 13. – С. 115-137.

8. ОЭСР. В России самая низкая в Европе производительность труда. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/08/10/604195-oesr-nizkaya-proizvoditelnost>

9. Тарлавский В. Это сладкое слово – ВППМ // Экономика и жизнь. 23 дек. 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eg-online.ru/article/234752>

10. Bloom N., Van Reenen J. Why Do Management Practices Differ across Firms and Countries // Journal of Economic Perspectives. – 2010. – V. 24. – No. 1. – P. 203-204.

11. Huselid M. A. The impact of human resource management practices on turnover, productivity and corporate financial performance // Academy of Management Journal. – 1995. – No 3 (38). – P. 635-672.

Информация об авторах

1. Смирных Светлана Николаевна (Россия, г. Екатеринбург) – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятий, Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной воли, 62/45, sns6@yandex.ru).

2. Потапцева Екатерина Викторовна (Россия, г. Екатеринбург) – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятий, Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной воли, 62/45, emif@mail.ru).

3. Гиниятуллин Родион Нуриманович (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятий, Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной воли, 62/45, rodion.gin@gmail.com)

Smirnykh S.N., Potaptseva E.V., Giniyatullin R.N.

REPRODUCTION FACTORS OF THE HIGH PRODUCTIVITY WORKPLACES IN RUSSIA

This research is directed to the interregional differentiation analysis of high productivity workplaces reproduction in the Russian economy; the criteria are considered for identification of high productivity workplaces in the world and Russian practice; the problems of the quantity valuation of productivity workplaces in the Russian economy are researched.

Key words: the high productivity workplaces; the high productivity workplaces reproduction; labor productivity.

Information about the authors

1. Smirnykh Svetlana (Russia, Yekaterinburg) – PhD in economics, Associate Professor of business economics Department, Ural State University of Economics (620144, Russia, Yekaterinburg, 8 Marta/Narodnoy Voli St., 62/45, sns6@yandex.ru).

2. Potaptseva Ekaterina (Russia, Yekaterinburg) – PhD in economics, Associate Professor of business economics Department, Ural State University of Economics (620144, Russia, Yekaterinburg, 8 Marta/Narodnoy Voli St., 62/45, emif@mail.ru).

3. [Giniyatullin Rodion](#) – (Russia, Yekaterinburg) – PhD in economics, Associate Professor of business economics Department, Ural State University of Economics (620144, Russia, Yekaterinburg, 8 Marta/Narodnoy Voli St., 62/45, rodion.gin@gmail.ru).

МЕХАНИЗМ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В ОПТИМИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ФИНАНСОВЫХ ПОТОКОВ*

Статья посвящена задаче определения объема инвестиций в капитал и трудовые ресурсы на уровне, необходимом для обеспечения устойчивого развития экономических систем. Для решения задачи рассматривается модель пропорционального экономического роста. Инвестиции в трудовые ресурсы в рамках модели выступают в роли управляющих параметров. Модель представлена в виде системы нелинейных дифференциальных уравнений, стационарные точки которой генерируют равновесные состояния экономики. В результате разработки данной модели возможно получение прогноза уровня общих инвестиций в трудовые ресурсы, необходимого для устойчивого развития рынка труда, на конечном и бесконечном горизонте.

Ключевые слова: оптимальное управление, трудовые ресурсы, дуополия Курно, пропорциональный экономический рост, мультиуровневая оптимизация

В настоящее время наблюдается процесс значительного сокращения численности научных кадров. Для корректировки и повышения отдачи от инвестиционных потоков необходимы научно обоснованные прогнозы, отражающие изменение динамики инвестиций в зависимости от результативности их использования. Негативная демографическая ситуация в России предопределила наличие многочисленных проблем рынка труда. Сочетание высоких показателей оборота рабочей силы с низкими показателями оборота рабочих мест составляет важнейшую черту российского рынка. Ввиду социально-экономической ситуации, сложившейся на российском рынке труда в последние годы, неизбежно привлечение трудовых ресурсов из стран ближнего зарубежья [1, 2] в количестве и качестве, необходимом для устойчивого развития системы [3]. При этом трудовая миграция характеризуется направленностью в страны с высоким уровнем экономических свобод [4]. Большая часть мигрантов стремится к официальному трудоустройству в регионах принимающей страны [5, 6]. Динамика миграционных потоков между странами СНГ и Российской Федерацией может претерпеть существенные изменения в условиях повышения уровня жизни и стабилизации экономической ситуации в странах ближнего зарубежья [7]. Миграция населения неизбежно несет в себе скрытые угрозы, одной из которых является транзит мигрантов через территорию страны, сопровождающийся ростом оборота наркотиков [8].

В качестве основы модели предполагается использовать классическую задачу оптимального управления инвестициями в капитал, которая расширяется за счет блока управления общими затратами, направленными в рынок труда. Планируемая модель экономического роста является конструкцией с многоуровневой оптимизацией. В данной модели предлагается степенная форма зависимости объема выпуска $y(t)$ от трудовых ресурсов $L = L(t)$, заданная с помощью степенной функции Кобба – Дугласа, обладающей всеми перечисленными выше свойствами:

$$y(t) = a \cdot e^{bt} \cdot K^{\alpha}(t) \cdot L^{\beta}(t), \alpha \geq 0, \beta \geq 0, \alpha + \beta = 1. \quad (1)$$

* Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-02-00046а "Социально-экономические инновации в России: оценка эффективности и выбор приоритетов".

Производственная функция типа Кобба – Дугласа включает в себя показатели эластичности выпуска α и β к капиталу $K = K(t)$ и трудовым ресурсам $L = L(t)$, а также множитель $a \cdot e^{bt}$, возрастающий экспоненциально и определяющий рост объемов выпуска за счет факторов, учтенных в данной модели неявно. Капитал в рамках данной модели соответствует основным фондам, а трудовые ресурсы определяют численность занятого в экономике населения.

В данной модели мы предполагаем, что трудовые ресурсы подчинены классической динамике, при которой инвестиционные составляющие, скорректированные на величину обесценивания соответствующего фактора, способствуют росту рассматриваемых показателей. С помощью дифференциального уравнения опишем динамику изменения капитала в классической форме:

$$\frac{dK(t)}{dt} = s_K(t) \cdot y(t) - \delta_K \cdot K(t), \quad K(0) = K_0. \quad (2)$$

При данной постановке задачи необходимо также выразить долю инвестиций, направленных на развитие основных фондов. Выразим долю инвестиций в основные фонды $s_K(t)$ через инвестиции, направленные во вложения в основной капитал $I_K(t)$, и объем выпуска:

$$s_K(t) = \frac{I_K(t)}{y(t)}. \quad (3)$$

Введем параметр $p(t) \geq 0$, с помощью которого обозначим относительный уровень цен на трудовые ресурсы. За счет данного параметра происходит регулирование уровня оплаты труда на рассматриваемом рынке. В классической постановке динамика трудовых ресурсов описывается дифференциальным уравнением:

$$\frac{dL(t)}{dt} = \frac{s_L(t) \cdot y(t)}{p(t)} - \delta_L \cdot L(t), \quad L(0) = L_0. \quad (4)$$

В данном уравнении параметр δ_L отражает уровень динамики количества трудовых ресурсов в текущем периоде. В рамках модели описанная динамика трудовых ресурсов может быть как положительной, так и отрицательной, в зависимости от социально-экономической ситуации, складывающейся в рассматриваемой системе. Доля инвестиций, направленных в трудовые ресурсы, выражается показателем $s_L(t)$, для которого выполняется следующее соотношение:

$$s_L(t) = \frac{I_L(t)}{y(t)}. \quad (5)$$

Через параметр $I_L(t)$ выражена инвестиционная составляющая, отвечающая вложениям в трудовые ресурсы. Символ $s(t)$ обозначает суммарную долю инвестиционных расходов $s(t) = s_K(t) + s_L(t)$ во всем текущем объеме выпуска. Необходимо отметить, что инвестиции в основной капитал и трудовые ресурсы заданы в виде управляющих параметров в оптимизационной задаче первого уровня. В рамках модели предположим, что стоимость трудовых ресурсов определяется на основе уровня ВВП страны и численности занятого на рынке труда населения. Пропорции в модели не являются фиксированными, при этом их динамика зависит от механизма ценообразования, основанного на модели дуополии Курно:

$$p(t) = a_p \cdot C(t) - b_p \cdot L(t). \quad (6)$$

Механизм ценообразования в данной модели представлен как игрок, который устанавливает цену трудовых ресурсов. Параметр $C(t)$ описывает абсолютное значение потребления. Показатели a_p и b_p отвечают за калибровку управляющих параметров рассматриваемого уравнения (7). Выражение $\dot{p}(t) = a_p \cdot \dot{C}(t) - b_p \cdot \dot{L}(t)$ описывает производную цены $p(t)$, необходимую для приведения управляющих параметров модели к относительным величинам. Приведение параметров модели к относительным величинам позволит выразить скорость роста цен и описать динамику инвестиционных потоков в условиях пропорционального развития описываемой системы.

Оптимизационная задача первого уровня заключается в максимизации объема выпуска при условии наличия ограничений на общие затраты. Составим основную пропорцию, определяющую динамику взаимодействия капитала и трудовых ресурсов в данной модели, что позволит максимизировать объем выпуска при заданных затратах. Параметр $C(t)$ в записи данного уравнения будет положительным и описывает общие затраты, заданные в модели. Для максимизации объема выпуска необходимо максимизировать значение функции выпуска (1):

$$y(t) = a \cdot e^{bt} \cdot K^\alpha(t) \cdot L^\beta(t) \xrightarrow{K,L} \max. \quad (7)$$

При этом необходимо учесть ряд ограничений на основные параметры модели, обеспечивающих адекватное поведение рассматриваемой системы на конечном и бесконечном горизонтах. Расходы на основные управляющие параметры модели, капитал и трудовые ресурсы, ограничены соотношением (9), определяющим их линейную зависимость от величины общих затрат:

$$K(t) + p(t) \cdot L(t) = C(t). \quad (8)$$

В результате получаем классическую задачу микроэкономики, аналитическое решение которой возможно получить с помощью метода Лагранжа. Для оптимизационной задачи первого уровня модели справедливо условие пропорциональности между капиталом и трудовыми ресурсами, необходимое для обеспечения сбалансированного состояния экономической системы в модели. Условие пропорциональности в модели описывается соотношением, позволяющим оценить степень взаимодействия между трудом и капиталом при изменении динамики уровня оплаты труда в рассматриваемой системе:

$$\frac{K}{L} = \frac{\alpha \cdot p(t)}{\beta}. \quad (9)$$

В силу условия однородности (2), заданного в модели, данное соотношение (9) приводит к линейности оптимального решения относительно общей стоимости. Соответственно мы можем выразить вложения в капитал и трудовые ресурсы относительно общей стоимости следующим образом:

$$K = \alpha \cdot C, \quad (10)$$

$$L = \frac{\beta}{p(t)} \cdot C, \quad (11)$$

$$y = A(t) \cdot C, \quad (12)$$

$$A(t) = a \cdot \alpha^\alpha \cdot \left(\frac{\beta}{p(t)} \right)^\beta. \quad (13)$$

С помощью функции (13) определяется доля выпуска, полученная за счет факторов, учтенных в модели косвенно. Необходимо отметить, что общая стоимость в модели рассматривается как агрегированная переменная, необходимая для представления решения оптимизационной задачи первого уровня. Агрегированная переменная, в соответствии с логикой модели, передается на второй уровень для решения задачи управления инвестициями, направленными в капитал и трудовые ресурсы. Динамика агрегированной стоимости вычисляется на основании приведенных выше соотношений, предназначенных для описания поведения основного капитала и трудовых ресурсов. При этом учитываются условия пропорциональности, заданные в модели (10)-(13).

Агрегированный показатель скорости роста цен $r(t)$ в рамках рассматриваемой системы выражается через скорости роста цен, заданных для основных параметров модели экономического роста:

$$r(t) = \beta \cdot \frac{\dot{p}(t)}{p(t)}. \quad (14)$$

Выразим агрегированный уровень обесценивания, учтенный в выражении (15), при условии, что $\delta_K(t) = \delta_K$ и $\delta_L(t) = \delta_L$:

$$\delta = \alpha \cdot \delta_K + \beta \cdot \delta_L. \quad (15)$$

Весовые коэффициенты для капитала и трудовых ресурсов в данной модели можно представить следующим образом: $\gamma_K(t) = \alpha$ и $\gamma_L(t) = \beta$. Соответственно, справедливо утверждение, что $\dot{\gamma}_K(t) = \dot{\alpha} = 0$ и $\dot{\gamma}_L(t) = \dot{\beta} = 0$. Получим, что при описании инвестиций в капитал и трудовые ресурсы выполняются соотношения $\frac{\dot{\gamma}_K(t)}{A(t)} = 0$ и $\frac{\dot{\gamma}_L(t)}{A(t)} = 0$ для каждого управляющего параметра разрабатываемой модели. В результате соотношения, описывающие инвестиционные потоки для капитала (20) и трудовых ресурсов (22), можно привести к упрощенному виду:

$$s_K(t) = \alpha \cdot s(t) + \frac{\alpha}{A(t)} \cdot \left((r(t) - r_K(t)) - (\delta(t) - \delta_K(t)) \right), \quad (16)$$

$$s_L(t) = \beta \cdot s(t) + \frac{\beta}{A(t)} \cdot \left((r(t) - r_L(t)) - (\delta(t) - \delta_L(t)) \right). \quad (17)$$

На основании изложенных выше положений составим уравнение баланса, необходимое для выражения абсолютного значения потребления $\mathbb{C}(t)$ в относительных величинах. В рамках производственного цикла необходимо как инвестирование в основные фонды, так и покрытие расходов, направленных на трудовые ресурсы. Уравнение баланса регламентирует распределение выпуска $y(t)$ на инвестиционные составляющие $I_K(t)$ и $I_L(t)$, описывающие вложения в основной капитал и трудовые ресурсы, а также распределение абсолютного значения потребления $\mathbb{C}(t)$:

$$y(t) = \mathbb{C}(t) + I_K(t) + I_L(t), \quad (18)$$

$$I_K(t) = s_K(t) \cdot y(t), \quad I_L(t) = s_L(t) \cdot y(t), \quad (19)$$

$$y(t) = a \cdot e^{bt} \cdot K^\alpha(t) \cdot L^\beta(t). \quad (20)$$

В результате абсолютное значение потребления $C(t)$ в соотношении баланса будет учитывать управляющие параметры в относительных величинах и выглядеть следующим образом:

$$C(t) = a \cdot e^{bt} \cdot K^\alpha(t) \cdot L^\beta(t) - s_K(t) \cdot y(t) - s_L(t) \cdot y(t). \quad (21)$$

В соответствии с конструкцией модели, решения первого уровня агрегируются в стоимостные затраты и передаются на второй уровень оптимизации. Динамическая оптимизация макроэкономических показателей проводится на втором уровне с помощью принципа максимума Понтрягина. Используем интегральный логарифмический индекс дисконтированного потребления, который может быть представлен следующим соотношением на основании уравнения баланса и структуры универсальной производственной функции, при этом параметр ρ задает ставку дисконтирования:

$$J = \int_{t_0}^T e^{-\rho t} (\ln A(t) + \ln C(t) + \ln(1 - s(t))) dt. \quad (22)$$

Рассмотрим задачу оптимального управления для инвестиций на втором уровне оптимизации. Данная задача характеризуется максимизацией функции полезности в условиях управляемой системы на траекториях полученных в результате описания следующей динамики:

$$\dot{C}(t) = C(t) \cdot (A(t) \cdot s(t) - \sigma(t)). \quad (23)$$

Параметр $\sigma(t)$, отвечающий за обобщенную амортизацию затрат определяется разностью между агрегированным уровнем обесценивания и скоростью роста цен $\sigma(t) = \delta(t) - r(t)$. На втором уровне оптимизации рассматривается задача оптимального управления для инвестиций. Данная задача характеризуется максимизацией функции полезности в условиях управляемой системы на траекториях полученных в результате описания динамики затрат. В результате задача оптимального управления будет представлена следующим образом:

$$J(C(\bullet), s(\bullet), T) = \int_{t_0}^T e^{-\rho t} (\ln A(t) + \ln C(t) + \ln(1 - s(t))) dt. \quad (24)$$

Решением данной задачи в рамках принципа максимума Понтрягина является оптимальный уровень инвестиций, который связывает все блоки модели. Полученные для оптимального управления выражения определяют в модели структуру максимизированного гамильтониана, заданного тремя ветвями. Первая ветвь соответствует нулевому экстремальному режиму управления, вторая ветвь представляет режим регулярного управления, третья ветвь определена экстремальным режимом максимально возможного уровня управления. Получим аналитические соотношения для оптимального управления посредством подстановки решений уравнений гамильтоновой динамики в структуру оптимального управления. При рассмотрении задачи на конечном горизонте оптимальное управление задается системой:

$$s^*(t) = \begin{cases} 0, & 1 - \frac{\rho}{A(t)(1 - e^{\rho(t-T)})} < 0 \\ 1 - \frac{\rho}{A(t)(1 - e^{\rho(t-T)})}, & 0 \leq 1 - \frac{\rho}{A(t)(1 - e^{\rho(t-T)})} \leq s^0 \\ s^0, & 1 - \frac{\rho}{A(t)(1 - e^{\rho(t-T)})} > s^0 \end{cases}. \quad (26)$$

При получении оптимальных инвестиций $s^*(t)$ возможно выполнить обратный переход от второго уровня оптимизации к первому уровню, а также определить структуру оптимальных инвестиционных потоков, направленных на обеспечение трудовых ресурсов в соответствии с условиями начальной системы. За счет свойства вогнутости максимизированного гамильтониана по переменной S принцип максимума Понтрягина выделяет траектории, удовлетворяющие условию оптимальности для задачи управления. Итоговая модель является моделью пропорционального экономического роста, обеспечиваемого оптимальными инвестициями, направленными в основные фонды и на содержание трудовых ресурсов, и может быть использована для эконометрического анализа и прогностического моделирования устойчивого развития стран и регионов при оптимизации потоков инвестиций. Данную модель целесообразно использовать для выделения основных составляющих экономических систем, что в результате позволит определить оптимальный уровень потоков инвестиций, необходимый для обеспечения устойчивого развития сферы науки и образования.

© Тарасьев А. А., Гурбан И. А. Текст. 2016

Список источников

1. Васильева А. В., Тарасьев А. А. Динамическая модель трудовой миграции. Построение и реализация // Экономика региона. – 2012. – №4. – С. 140-148.
2. Чичканов В. П., Судакова А. Е., Кривенко И. А. Анализ нелегального рынка рабского труда в регионах России // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2015. – № 1 (44). – С. 80-83.
3. Васильева Е. В., Пономарева Т. В. Диагностика чувствительности субъектов Федерации к условиям членства России в ВТО // Экономический анализ. Теория и практика. – 2014. – № 20 (371). – С. 16-22.
4. Найдёнов А. С., Судакова А. Е., Кривенко И. А. Анализ экономической интеграции регионов уральского федерального округа // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 10. – С. 446-450.
5. Найдёнов А. С., Кривенко И. А. Теневая экономика в условиях экономического кризиса. Диагностика состояния и прогнозирование последствий // Экономика региона. – 2013. – № 1 (33). – С. 46-53.
6. Найдёнов А. С., Кривенко И. А. Эволюция взглядов западных ученых в понимании криминальной экономики // Журнал экономической теории. – 2014. – № 4. – С. 221-229.
7. Куклин А. А., Гурбан И. А. Региональные особенности демографической составляющей человеческого капитала // Народонаселение. – 2012. – № 4. – С. 35-50.
8. Гурбан И. А., Клевакин А. Н. Оценка социально-экономических последствий наркомании в Уральском федеральном округе // Экономика региона. – 2013. – № 2. – С. 34-42.

Информация об авторах

1. Тарасьев Александр Александрович – соискатель, ведущий экономист, Центр экономической безопасности, Институт экономики УрО РАН (e-mail: alextarassiev@mail.ru, 620014, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Московская 29, к. 412, тел. 8-912-609-45-83).

2. Гурбан Инесса Александровна – кандидат экономических наук, заведующая сектором теории и методологии экономической безопасности, Институт экономики УрО

Tarasyev A.A., Gurban I.A.

THE PRICING MECHANISM IN THE OPTIMIZATION MODEL OF FINANCIAL FLOWS

The work is devoted to the problem of determining the optimal level of investments in capital and human resources at the ratio required to ensure the sustainable development of economic systems. To solve this problem we develop the proportional growth. Investments directed into labor resources in terms of this model serve as control parameters. The model is resulted in the system of nonlinear differential equations whose stationary points generate equilibrium states of the economy. The result of this model includes the possibility to obtain the forecast level of total investment in the human resources which are necessary for the sustainable development of the labor market, on the finite and the infinite horizon.

Keywords: optimal control, human resources, Cournot duopoly, proportional economic growth, multilevel optimization.

Information about the authors

1. Tarasyev Alexandr - PhD student, leading economist of the Center for Economic Security, Institute of economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (e-mail: alextarassiev@mail.ru, Sverdlovsk oblast, Yekaterinburg, 29 Moskovskaya str., r.412, phone: 8-912-609-45-83)

2. Gurban Inessa Alexandrovna – candidate of Economics, Head of the sector of theory and methodology of economic security, Institute of Economics, Urals branch of RAS e-mail: inessagurban@gmail.com , 620014, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, Moskovskaya St. 29, K. 412, tel 8-912-609-45-83).

УДК 331.55

М.В. Тимошенко

ПРИКЛАДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОБОСНОВАНИЯ ЦЕЛЕВЫХ ОРИЕНТИРОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

Статья посвящена проблемам идентификации формируемых территориальным перемещением населения возможностей и угроз для экономического развития страны (региона), которые служат для обоснования текущих целей и задач регулирования миграции трудовых ресурсов.

Ключевые слова: миграция, трудовые ресурсы, миграционная ситуация, регулирование, экономическое развитие

Особенности общего состояния социально-экономической системы страны, а также противоречивый характер воздействия на нее различных по направленности, количественным и качественным характеристикам миграционных потоков трудовых ресурсов определяют дифференциацию национальных приоритетов и направлений регулирования данного явления. Конкретизация текущих целей и задач регулирующих воздействий в миграционной сфере основывается, на наш взгляд, на оценке исходного общего состояния национального хозяйства и выявлении миграционных обстоятельств, деструктивно влияющих на экономическую систему, социальные и

демовоспроизводственные процессы в стране (с точки зрения купирования угроз), на определении благоприятных для развития общества миграционных условий (с позиции расширения возможностей); а также на необходимости выполнения обязательств, принятых на международном уровне перед мировым сообществом и на национальном – перед гражданами страны.

В этой связи нами предлагаются к использованию методические рекомендации по идентификации формируемых территориальным перемещением населения возможностей и угроз для экономического развития, которые служат для обоснования текущих целей и задач регулирования миграции трудовых ресурсов в конкретной стране (регионе). Цель – установление соответствия территориального перераспределения трудовых ресурсов, как результата миграции, интересам экономики, выявление миграционных потоков, количественные и качественные характеристики которых обеспечивают расширение демографического и трудового потенциала страны (региона), и потоков, параметры которых предопределяют диспропорции размещения рабочей силы, снижающие эффективность функционирования экономической системы. Достижение вышеназванной цели предполагает реализацию нескольких этапов исследования:

1. Оценка исходного общего состояния трудовых ресурсов страны и удовлетворения текущей и перспективной потребности в них экономической системы.
2. Характеристика территориального перераспределения трудовых ресурсов (сальдирующих показателей миграции) и степени его соответствия интересам экономической системы и общества в целом.
3. Определение формируемых встречными миграционными потоками трудовых ресурсов возможностей и угроз для экономического развития страны.

Первый этап (рис. 1) – подготовительный, служит для формирования информационно-аналитического поля для последующего определения позитивного или негативного воздействия территориального перераспределения трудовых ресурсов на национальную экономику. Данный этап является необходимым, поскольку позволяет охарактеризовать демографический и трудовой фон страны (региона), обуславливающий возможность экономического развития.

Рис. 1. Содержание рекомендуемых этапов исследования при определении формируемых миграционной ситуацией возможностей и угроз для экономического развития страны (региона)

Оценка исходного общего состояния трудовых ресурсов страны (региона) и удовлетворения текущей потребности в них экономической системы осуществляется на основе использования комплекса показателей в виде трех базовых блоков: демографическое производство и размещение населения; участие в процессе общественного производства и качественный состав кадров; удовлетворение потребности экономики в трудовых ресурсах.

В рамках данного этапа диагностируются имеющиеся в обществе экономические, социальные, демографические проблемы, определяемые количественными и качественными параметрами трудовых ресурсов, а также осуществляется сопоставление перспектив развития экономической системы (темпов экономического роста, объемов привлечения инвестиций, скорости обновления основных фондов, роста производительности труда) и развития демографического и трудового потенциалов страны (региона) для определения обеспеченности будущих потребностей национального хозяйства в трудовых ресурсах. Основой для данного сопоставления являются, с одной стороны, конкретные цели и задачи, а также характеризующие степень их реализации важнейшие индикаторы, заложенные в программные документы по национальному и региональному социально-экономическому развитию на среднесрочную и долгосрочную перспективу, с другой – прогнозы демографических процессов, изменения характеристик и территориального размещения народонаселения.

Целью второго этапа является установление соответствия или противоречия результатов миграции интересам общества с позиции устойчивого экономического развития. Для реализации данной цели основные демографические и трудовые характеристики миграционного прироста сопоставляются с соответствующими по содержанию параметрами динамики и структуры населения страны. Исследование результатов миграции трудовых ресурсов осуществляется по видам территориальных перемещений и географическому признаку (табл. 1).

Группы показателей для сопоставления сформированы согласно следующим позициям: соответствие цели текущего этапа, возможность использования данных государственной статистической отчетности, сопоставимость показателей, характеризующих общее состояние трудовых ресурсов и результаты миграции, по территории, времени и содержанию. Сопоставимость двух групп показателей, определяемых на основе данных государственной статистической отчетности, обеспечивает регулярную доступность данных и возможность систематического отслеживания позитивных или негативных воздействий территориальных перемещений трудовых ресурсов на национальную экономику.

Таблица 1

Состав показателей, характеризующих исходное состояние и территориальное перераспределение трудовых ресурсов, рекомендуемых для проведения сопоставления

Показатели, характеризующие исходное состояние трудовых ресурсов	Показатели, характеризующие территориальное перераспределение трудовых ресурсов	Результаты сравнения
<i>Количественные показатели</i>		
Естественная динамика (прирост, убыль) численности населения в трудоспособном возрасте, чел.	Миграционная динамика (прирост, убыль) численности населения в трудоспособном возрасте, чел.	Сопоставление позволяет охарактеризовать влияние миграции на численность населения в трудоспособном возрасте
Прирост численности занятых в экономике, чел.	Прирост численности трудовых мигрантов на основе оформленных трудовых договоров и контрактов, чел.	Сопоставление позволяет охарактеризовать влияние трудовой миграции на численность занятого населения на внутреннем рынке

		труда
<i>Качественные показатели</i>		
Доля женщин в численности населения трудоспособного возраста, %	Доля женщин в численности мигрантов трудоспособного возраста, %	Сопоставление качественных характеристик мигрантов и населения, проживающего на исследуемой территории, позволяет
Средний возраст населения, лет	Средний возраст мигрантов, лет	выявить деструктивное или стабилизирующее воздействие
Коэффициент демографической нагрузки, лиц	Коэффициент нагрузки трудоспособных мигрантов лицами нетрудоспособных возрастов	миграции на исходный демографический фон страны (региона)
Удельный вес жителей в трудоспособном возрасте в общей численности населения, %	Доля лиц в трудоспособном возрасте в структуре сальдо миграции, %	Сопоставление позволяет выявить деструктивное или стабилизирующее воздействие миграции на исходный трудовой фон
Уровень урбанизации, %	Доля мигрантов прибывших в города (выбывших из них) в структурах распределения и формирования миграционных потоков, %	Сопоставление данных показателей позволяет охарактеризовать роль миграции в урбанизационных процессах
Доля работников с высшим и средним специальным образованием, %	Доля мигрантов старше 16 лет с высшим и средним специальным образованием, %	Сопоставление качественных характеристик мигрантов и работников, занятых в экономике, выявляет деструктивное или стабилизирующее воздействие
Удельный вес рабочих в общей численности наемных работников, %	Удельный вес рабочих в сальдо трудовой миграции, %	миграции на структуру предложения труда
Естественный прирост трудоспособного населения, приходящийся на прирост 100 рабочих и учебных мест, чел	Миграционный прирост трудоспособного населения, приходящийся на прирост 100 рабочих и учебных мест, чел.	Сопоставление данных показателей выявляет роль естественного и миграционного движения населения в обеспеченности трудовыми ресурсами мест занятости

При сопоставлении учитываются имеющиеся в обществе проблемы экономического, социального и демографического характера, определяемые количественными и качественными характеристиками располагаемых трудовых ресурсов (табл. 2). Наиболее ярко проблемы в обществе проявляются при значительном естественном приросте числа жителей, в т.ч. трудоспособного населения, депопуляции населения, продуцирующей уменьшение численности трудовых ресурсов. Отсутствие проблем характеризуется ситуацией умеренного естественного увеличения численности населения (до 8 ‰ в год), сопровождающегося расширением совокупного спроса на труд, то есть при обеспеченности населения местами занятости (опыт США, Канады, Великобритании, Ирландии, Австралии).

Таблица 2

Определение соответствия территориального перераспределения трудовых ресурсов интересам экономической системы страны (региона)

Наличие/отсутствие проблем, определяемых	Прирост количественных показателей	Качественные показатели сальдо	Влияние территориального перераспределения трудовых ресурсов	Соответствие интереса

количественными и качественными параметрами трудовых ресурсов	имеющихся трудовых ресурсов (+; -)	миграционного сальдо (+; -)	миграции в сравнении с характеристиками проживающего населения		м экономической системы
<i>Наличие</i> проблем, связанных с характером прироста; территориальным размещением, демографической, экономической и социальной структурой	+	+	лучше	Амбивалентное: обострение проблем, связанных с численностью населения, в перспективе амортизация проблем качественного состава населения	Неоднозначность
	-	-	хуже		
	+	-	лучше	Амбивалентное: кратковременное смягчение проблем, связанных с численностью трудовых ресурсов, продуцирование проблем в перспективе в силу ухудшения качественных характеристик населения	
	-	+	хуже		
	+	-	хуже	Решение (смягчение) проблем, определяемых количественными и качественными параметрами трудовых ресурсов	Соответствие
	-	+	лучше		
	+	+	хуже	Усугубление проблем, определяемых количественными и качественными параметрами трудовых ресурсов	Противоречие
	-	-	лучше		
<i>Отсутствие</i> проблем, связанных с характером прироста, территориальным размещением, демографической, экономической и социальной структурой	+	+	лучше	Расширение потенциала для экономического развития	Соответствие
	+	-	лучше	Продуцирование проблем, связанных с ухудшением качественного состава трудовых ресурсов	Противоречие
	+	+	хуже	Амбивалентное: расширение потенциала для экономического развития, при этом продуцирование проблем с точки зрения ухудшения демографической и трудовой структуры местного населения	Неоднозначность
	+	-	хуже	Амбивалентное: сдерживание позитивных тенденций естественной динамики населения, при этом улучшение качественного состава трудовых ресурсов	

Рассматривая ситуацию неоднозначности, следует отметить, что адекватность или противоречие результата миграции населения интересам экономической системы зависит от интенсивности миграционного прироста и глубины различия между соответствующими качественными характеристиками сальдо и местных трудовых ресурсов. Данная ситуация при отсутствии адекватных регулирующих воздействий со стороны государства,

учитывающих долгосрочные эффекты миграции, может привести к структурным диспропорциям и угрозам для развития экономики. Соответствие территориального перераспределения трудовых ресурсов интересам экономической системы предполагает минимальное вмешательство для поддержки сложившихся тенденций. Противоречие миграционных тенденций интересам экономической системы требует активных действий государства по регулированию миграции.

Значимость данного этапа заключается в том, что в результате определяются как дисбалансы территориального перераспределения трудовых ресурсов и потребностей экономической системы, так и возможности использования сложившейся миграционной ситуации для решения имеющихся проблем, повышения эффективности функционирования национального хозяйства. Данный подход позволяет обосновать направления регулирования миграции трудовых ресурсов в тесной взаимосвязи со специфическими, сложившимися в конкретной стране (регионе) социально-экономическими и демографическими условиями и проблемами, что принципиально важно для обеспечения максимальной результативности регулирующих воздействий.

Данное исследование наиболее актуально в условиях хронического характера миграционного сальдо на протяжении продолжительного времени, что постепенно, но беспрестанно оказывает соответствующее воздействие на численность и структуру трудовых ресурсов страны, региона. Отметим, что незначительная величина миграционного прироста (убыли) по отношению к объемам встречных потоков трудовых ресурсов весьма чувствительна к трансформации социально-экономической среды. В условиях резких изменений в экономической и других сферах сальдо миграции может приобретать высокую динамичность, а также в отдельных случаях принимать нулевое или близкое к нему значение. В соответствии с этим, на следующем этапе исследования предлагается оценивать более инерционные в сравнении с территориальным перераспределением трудовых ресурсов миграционные потоки, изменение характеристик которых обеспечивает расширение демографического и трудового потенциала (открывает возможности) для развития экономической системы либо, напротив, предопределяет снижение эффективности ее функционирования (формирует угрозы).

На рисунке 2 представлена схема определения возможностей и угроз для экономического развития страны (региона) на основе изменения количественных и качественных параметров миграционных потоков, исключая нелегальную миграцию, преимущественно формирующую угрозы для общества.

Конкретизируя используемый категориальный аппарат, отметим, что под угрозами понимаются миграционные обстоятельства, деструктивно влияющие на экономическую систему, социальные и демографические процессы в стране, под возможностями – формирующиеся под воздействием миграционной ситуации благоприятные условия для социального и демографического развития общества и повышения эффективности функционирования экономической системы. Возможности и угрозы способны проявляться в очевидной форме, когда позитивное или негативное действие миграционных обстоятельств является ощутимым для социально-экономической системы (обозначены нами как явные), а также могут не обнаруживаться в явном виде, давая лишь латентные импульсы для развития национальной экономики либо предопределяя возможный для нее ущерб (обозначены нами как скрытые).

Согласно предложенной схеме, многообразные по видам и географическому признаку встречные миграционные потоки дифференцируются на потоки, расширяющие трудовые и демографические резервы для экономического развития страны (региона), и потоки, оказывающие деструктивное воздействие на количественный и качественный состав трудовых ресурсов. Подобное разграничение с позиции необходимости купирования угроз либо расширения возможностей для экономического развития страны (региона) позволяет диагностировать «проблемные» миграционные потоки населения, на которые необходимо сфокусировать воздействие для реализации ключевой целевой установки регулирования

миграции трудовых ресурсов.

Миграционный поток					
входящий →→→		изменение количественных параметров за период ¹	изменение качественных параметров за период ²	исходящий ←←←	
угрозы	скрытые	↑	↓	скрытые	возможности
	явные	↓	↓	явные	
		–	↓		
		↓	–		
возможности	скрытые	↓	↑	скрытые	угрозы
	явные	↑	↑	явные	
		–	↑		
		↑	–		

Рис. 2. Схема идентификации возможностей и угроз для экономического развития на основе динамики количественных и качественных параметров встречных миграционных потоков

(примечания: ¹ увеличение численности прибывающих в страну (регион) и выбывающих мигрантов (↑ – рост); сокращение числа мигрантов (↓ – уменьшение); отсутствие значимых изменений количества мигрантов (–); ² увеличение среднего возраста мигрантов, деформации половой структуры, снижение образовательного и профессионально-квалификационного уровня мигрантов (↓ – ухудшение качественных характеристик миграционного потока); уменьшение среднего возраста мигрантов, выравнивание половой структуры, повышение образовательного и профессионально-квалификационного уровня перемещающихся лиц (↑ – улучшение качественных характеристик миграционного потока)).

Таким образом, предлагаемые методические рекомендации по идентификации создаваемых миграцией возможностей и угроз для экономического развития исследуемой территории позволяют охарактеризовать миграционные потоки с позиции их стабилизирующего или дестабилизирующего воздействия на социально-экономическое развитие, оценить степень соответствия территориального перераспределения населения интересам экономической системы страны (региона), что формирует информационный базис для определения текущих задач регулирования.

© Тимошенко М. В. Текст. 2016.

Информация об авторе

Тимошенко Мария Владимировна (Республика Беларусь, Гомель) – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой мировой и национальной экономики, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации (Беларусь, 246029, г. Гомель, пр. Октября, 50, mv_timoshenko@mail.ru).

Timoshenko M.V.

APPLICATION TOOLS TO SUPPORT THE PURPOSES OF THE WORKFORCE MIGRATION REGULATION

The article is devoted to problems of identification of possibilities and threats generated by the migration situation for economic development of the country.

Key words: migration, labour resources, migration situation, regulation, economic development.

Information about the author

Timoshenko Maria Vladimirovna (Belarus, Gomel) – PhD, Associate Professor in Economics, Head of the Department of World and National Economy, The Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives (50 Prospect Oktyabrya, 246029, Gomel, Belarus).

УДК: 338.054.23

Е.Х. Тухтарова, Н.П. Неклюдова

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ*

Потенциал трудоспособного населения в стране определяется здоровьем общества, которое в свою очередь базируется на проведении грамотной социальной политики. Как известно, эффективность социальной политики определяется индикатором однородности общества. Высокая и имеющая тенденцию дальнейшего расслоения дифференциация населения является сигналом угрозы для развития страны в целом. Социальное неравенство оказывает прямое влияние на психологическое состояние не только на отдельно взятого человека, но и население в целом. А это, в свою очередь, снижает качество человеческий потенциал, прежде всего, в трудоспособном возрасте.

Ключевые слова: здоровье, самочувствие трудоспособного населения, трудовой потенциал, социальное неравенство, дифференциация общества

Как известно, здоровье и самочувствие трудоспособного населения любой страны является одним из важнейших условий успешного развития экономики. Следовательно, анализ факторов, оказывающих влияние на смертность трудоспособного населения, является одной из стратегических задач в любой стране. При этом основная роль в достижении этих задач должна обеспечиваться за счет эффективной и сбалансированной социально-экономической политики.

В теоретических исследованиях в области охраны и самочувствия трудового потенциала здоровье населения рассматривается как комплекс четырех факторов: социального, психического, генетического и соматического благополучия как отдельно взятого индивида, так и общества в целом. Эти составляющие здоровья трудоспособного населения, приблизительно в равной мере (по 25%) влияют на достижение надлежащего уровня экономического развития страны [1]. В данном исследовании мы сконцентрируемся на оценке социоэкономической составляющей, оказывающей прямое влияние на показатели смертности трудоспособного населения как одного из факторов трудового потенциала страны.

Проведение социальной политики любого государства оценивается рядом показателей, одним из которых является уровень расслоения общества в стране. Важно понимать, что чем выше дифференциация в стране, тем ниже качество проведения социальной политики [2]. Современные российские исследования наглядно демонстрируют значимую связь между уровнем бедности и смертностью в России за последние 25 лет, которая свидетельствует о снижении трудового потенциала страны [3]. При этом ученые обнаружили, что качество медицинских услуг оказывает значительно меньшее влияние на смертность населения, чем социальные факторы – снижение

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ №16-02-00164 «Научно-методические инструментарий измерения оценки и управления факторами социально – экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России»

покупательной способности населения, высокий уровень дифференциации по доходам, уровень прожиточного минимума и др. [4].

Вместе с тем, имеющиеся на сегодняшний день исследования не затрагивают такой аспект, как региональные различия в сложившихся особенностях уровня дифференциации по доходам и их влияние на смертность трудоспособного населения в России. Наиболее ярко региональные особенности проявляются в Уральском Федеральном округе. Области, входящие в этот округ, имеют различные минимодели экономического развития. Так, Свердловская и Челябинская области имеют индустриальную направленность развития, тогда как Курганская область характеризуется сельскохозяйственной моделью развития. Кроме того, в УрФО представлена и нефтедобывающая отрасль – в Тюменской области. Таким образом, в регионе представлены важнейшие направления экономического развития России.

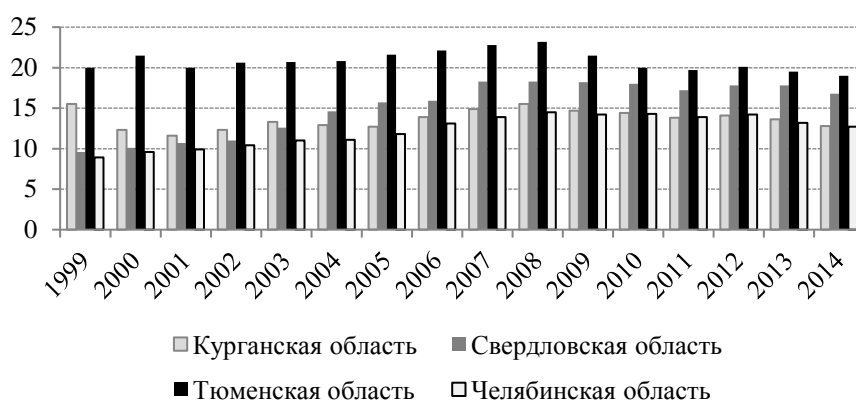

Рис. 1. Динамика коэффициента фондов в регионах УрФО в 1999–2014 гг. (сост. по данным Росстата)

Различные модели экономической направленности накладывают отпечаток на все сферы деятельности в этих областях. Так, в Тюменской области наблюдается самая высокая степень поляризации населения. При этом превышение доходов богатых и бедных составляет около 20 раз (рис. 1). Тогда как во всех остальных областях это превышение составляет 12 раз, что является также высоким показателем. Для сравнения: в СССР этот показатель не превышал 3–5 раз [5].

Сопоставляя накопленные темпы смертности трудоспособного населения и коэффициента фондов в различных регионах УрФО, следует отметить один важный аспект – региональные различия во влиянии дифференциации доходов на показатели здоровья. Как наглядно показано на рисунке 2, поляризация в обществе имеет различные лаги воздействия на смертность трудоспособного населения. Так, в Курганской области этот лаг короче составляет 1-2 года, тогда как в Тюменской области этот лаг составляет 5 и более лет.

Наиболее интересная ситуация сложилась в промышленных регионах Уральского федерального округа. В Свердловской и Челябинской областях наблюдается серьезный разрыв между показателями дифференциации по доходам, которая имеет тенденцию к росту, на фоне снижения показателей смертности населения в трудоспособном возрасте. Такой разрыв свидетельствует о более длительном лаге воздействия и отложенном эффекте. Отложенный эффект может объясняться наличием у значительной части населения в этих областях приусадебных участков, что позволяет населению питаться здоровыми продуктами и выживать в условиях ограниченных денежных средств.

Между тем, следует понимать, что такая ситуация не может длиться вечно, так как снижение покупательной возможности у населения ограничивает возможность его доступа к качественным лекарствам и различным услугам здравоохранения. Следовательно, в случае сохранения негативной тенденции к дальнейшему расслоению по

доходам общества уже в ближайшей перспективе могут значительно ухудшиться показатели здоровья трудоспособного населения, а накопленный потенциал ухудшения социальной составляющей – обострить серьезные противоречия в обществе.

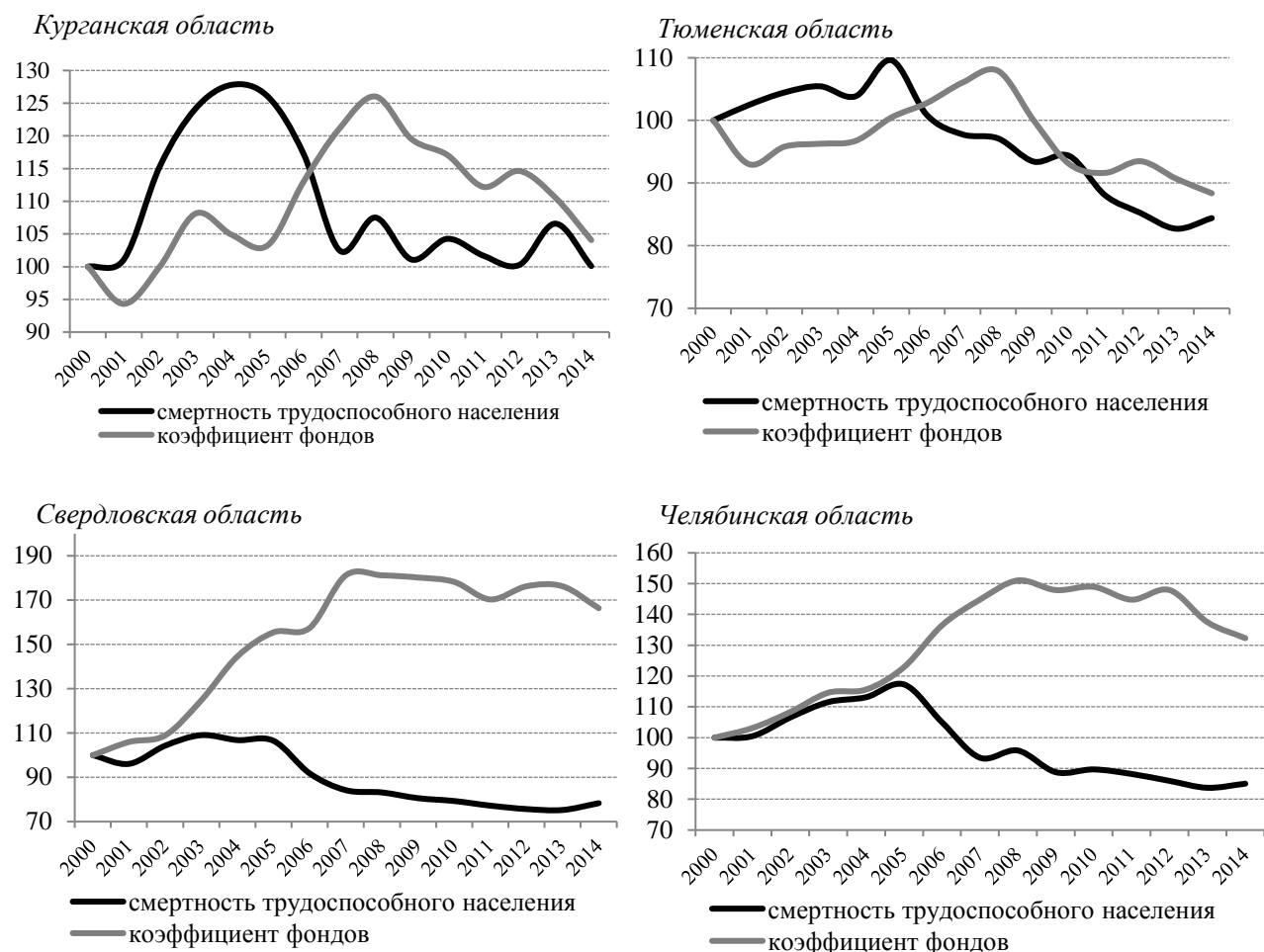

Рис. 2. Изменение динамики смертности трудоспособного населения и коэффициента фондов в регионах УрФО за 1999–2014 гг., % (сост. по данным Росстата)

В целях предотвращения такой ситуации необходима грамотная и сбалансированная социэкономическая политика, направленная на снижение сложившихся диспропорций в доходах населения в регионах России. А это подразумевает переоценку проводимых ранее реформ в различных сферах деятельности страны.

© Тухтарова Е. Х., Неклюдова Н.П. Текст. 2016

Список источников

1. Антонова О. И. Региональная дифференциация смертности от внешних причин // Вопросы статистики. – 2007. – №10. – С. 17-21.
2. Калашникова Г. В. Проблема влияния социально-экономической дифференциации на уровень смертности // Молодой ученый. – 2011. – №11. –Т.2. – С. 74-76.
3. Бурькин И. М., Хафизьянова Р. Х. Влияние социальных факторов на смертность населения // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 1. – С. 704-711.

4. Доклад ВОЗ «Предупреждение заболеваний путем оздоровления окружающей среды», 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2016/deaths-attributable-to-unhealthy-environments/ru/>

5. Батчиков С., Жуковский В. СССР. Битвы с неравенством // Завтра. – 2015. – №25(1126).

Информация об авторах

1. Тухтарова Евгения Хасановна (Екатеринбург, Россия) – ведущий экономист, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29), e-mail: tyevgeniya@yandex.ru

2. Неклюдова Наталья Павловна (Екатеринбург, Россия) научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29), e-mail: nnp81@mail.ru

Tukhtarova E. Neklyudova N.

THE DISPARITIES – THE DECLINE IN LABOUR POTENTIAL OF RUSSIA

The potential working population in the country is determined by the health of the society, which in turn is based on sound social policy. As you know the effectiveness of social policy is determined by the indicator of the homogeneity of society. In the case where differentiation of the population is high and tends to further stratification of society is one of the warning signals development of the country as a whole. Social inequality has a direct impact on the psychological state of not only the individual, but also the General population. And this, in turn, undermines human potential, primarily in the working age.

Keywords: health, health of the working-age population, employment potential, social inequality, social differentiation

Information about the authors

1. Tuhtarova Evgenya Khasanovna (Ekaterinburg, Russia) is a leading economist, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, st. Moskovskaya, 29, e-mail: tyevgeniya@yandex.ru)

2. Neklyudova Natalya Pavlovna (Ekaterinburg, Russia) Candidate of Economics, researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, st. Moskovskaya, 29, e-mail: nnp81@mail.ru)

УДК 331.5

В.Ю. Черкасова, Я.Л. Тарабукина

БЕЗРАБОТИЦА И РЫНОК ТРУДА В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В данной работе произведена оценка современного состояния безработицы на рынке труда в Свердловской области. Выделены основные причины безработицы в Свердловской области, проанализированы проблемы современного рынка труда и предложены пути их решения

Ключевые слова: безработица, рынок труда, трудоустройство, рабочая сила, трудовые ресурсы

Рынок труда Свердловской области за последний год характеризуется тенденцией ухудшения ситуации по многим основным показателям: увеличение численности зарегистрированных безработных граждан, сокращение количества вакансий, заявленных работодателем, а также увеличение доли людей нетрудоспособного возраста при сокращении доли трудоспособного населения.

Численность безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости Свердловской области, с начала 2013 г. до марта 2015 г. оставалась стабильной (31248 и 31737 чел.) [1]. Но за прошедший год этот показатель вырос на 22% (в марте 2016 г. численность зарегистрированных безработных составила 38124 чел.). Столь резкий скачок обусловлен кризисным состоянием экономики, как всей России, так и Свердловской области. Особенностью Свердловской области является наличие множества монопрофильных городов, имеющих только одно градообразующее предприятие. Следовательно, в условиях отраслевого или глобального экономического кризиса работники таких предприятий становятся очень уязвимыми. Невыплаты и задержки зарплат, вынужденный отпуск, сокращенная рабочая неделя, массовые сокращения – все это заставляет людей испытывать неуверенность в завтрашнем дне. За 2015 г. – начало 2016 г. массовые сокращения коснулись практически всех крупных предприятий региона, что, в свою очередь, вынуждает людей обращаться в органы службы занятости с целью профессиональной переподготовки, содействия в поиске работы и получения пособия по безработице.

В 2015 г. уровень безработицы, определяемый по методологии МОТ, в Свердловской области составил 6,5%, что превышает значение данного показателя в целом по Российской Федерации (5,6%), а также по Уральскому федеральному округу (6,2%). Динамика этого показателя за 4 года представлена в таблице.

Уровень зарегистрированной безработицы по Свердловской области на 29 апреля 2016 г. составляет 1,71 % (в мае 2015 г. – 1,45 %). Таким образом, уровень зарегистрированной безработицы в 2016 г. вернулся на уровень 2011 г. (1,7%) [1], когда рынок труда региона восстанавливался после кризиса 2009–2010 гг.

Таблица

Динамика уровня безработицы за 4 года [2].

Регион	2012	2013	2014	2015
Российская Федерация	5,5	5,5	5,2	5,6
Уральский федеральный округ	6,0	5,7	5,8	6,2
Свердловская область	5,8	5,9	6,1	6,5

В столице области, городе Екатеринбурге, показатель зарегистрированной безработицы ниже, чем по региону. На 29 апреля 2016 г. он составил 0,96%.

Коэффициент напряженности рынка труда (отношение численности незанятых граждан, зарегистрированных в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, к числу вакантных рабочих мест) в Свердловской области с 2013 г. возрос в 2 раза и составил на 1 апреля 2016 г. 1,41. Коэффициент напряженности возрастает за счет снижения количества вакантных рабочих мест, заявленных работодателями и увеличения количества безработных граждан. Аналогичный показатель в Екатеринбурге также ниже, чем средний по области, – 0,44 [1].

Данные свидетельствуют о том, что в Екатеринбурге количество вакансий превышает количество безработных граждан, в то время как по области наблюдается обратная ситуация. Данное противоречие, которое можно обозначить как территориальную несбалансированность трудовых ресурсов, усугубляет проблему дефицита трудовых ресурсов в целом. Наблюдается недостаток трудовых ресурсов в одних муниципальных образованиях в Свердловской области при переизбытке в других.

Распределение производительных сил характеризуется концентрацией спроса и предложения рабочей силы, как правило, в крупнейших городах области. Значительная

часть вакансий (более 60%) сосредоточена в крупных городах Свердловской области с населением свыше 150 тыс. чел., в то время как рабочая сила в отдаленных от центра территориях остается невостребованной. При этом количество безработных, состоящих на учете в органах службы занятости этих городов, составляет 30% от общего количества зарегистрированных в Свердловской области безработных.

Таким образом, отсутствие или слабая выраженность диверсификации экономики в отдельных муниципальных образованиях Свердловской области обуславливают сохранение очагов застойной безработицы, в то время как в других муниципальных образованиях региона наблюдается нехватка рабочей силы, особенно квалифицированной.

Следующей проблемой рынка труда области является сокращение трудовых ресурсов. В Свердловской области наблюдается устойчивая тенденция сокращения численности населения в трудоспособном возрасте, что ведет к уменьшению численности экономически активного населения. Численность трудоспособного населения в Свердловской области сокращается с 2007 г. Динамика численности трудоспособного и нетрудоспособного населения представлена на рисунке.

Ситуация усугубляется сокращением численности населения в возрасте 14-17 лет, то есть числа перспективных абитуриентов системы профессионального образования Свердловской области, и увеличением среднего возраста работающих.

Эта тенденция будет определять динамику занятости в будущем. Сокращение численности населения трудоспособного возраста, являясь причиной возникновения дефицита трудовых ресурсов, создает существенные ограничения для ускорения темпов экономического роста.

Перечисленные явления на рынке труда Свердловской области носят преимущественно отрицательный характер. Из чего следует вывод о замедленном развитии рынка труда региона, обусловленного двумя группами причин: во-первых, демографические процессы (сокращение численности населения трудоспособного возраста). Во-вторых, территориальная несбалансированность трудовых ресурсов.

Третья (но не менее важная) причина замедленного развития рынка труда – несоответствие предложения образовательных услуг потребностям работодателей. Модернизация производства, расширение применения новых наукоемких технологий и их развитие приводят к изменению профессионально-квалификационной структуры спроса на рынке труда, повышению требований работодателей к качеству рабочей силы. Несоответствие структуры профессионального образования актуальным и перспективным потребностям рынка труда по квалификационному уровню и профессиональной структуре привело к нехватке квалифицированных кадров по ряду профессий и специальностей.

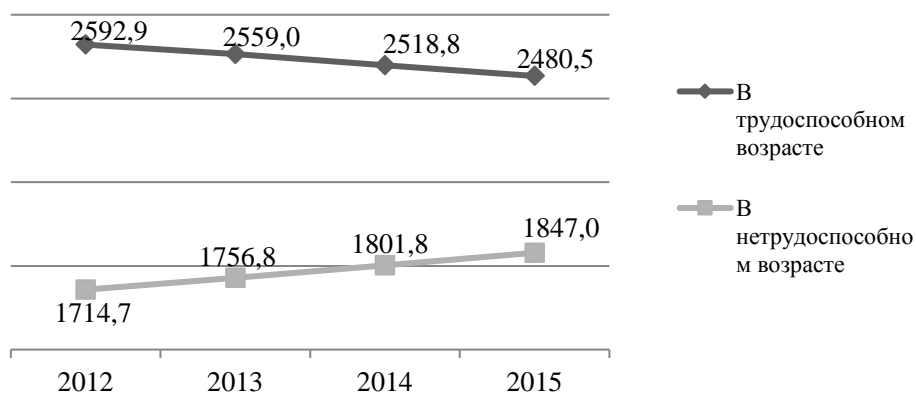

Рис. Население Свердловской области, тыс. чел [3].

Несбалансированность объемов и профилей подготовки специалистов с потребностями рынка труда в ряде случаев усугубляет проблемы трудоустройства выпускников образовательных учреждений (особенно коммерческого сектора профессионального образования).

Что касается перспектив рынка труда, то они на данный момент достаточно пессимистичны. Несмотря на попытки органов власти регулировать рынок труда, недостаточно решать проблемы по мере их поступления.

Регулирование рынка труда невозможно без государственного вмешательства. Поэтому задачей государственной политики в сфере труда и занятости населения будет не только борьба с безработицей, осуществляемая посредством организации трудоустройства центрами занятости, профессиональной подготовкой и переподготовкой граждан, но и профилактика безработицы.

Для эффективной профилактики безработицы должна быть создана система опережающего профессионального образования, ориентированная на «предугадывание» требований экономики региона. Опережающее образование позволит значительно снизить структурную безработицу, вызванную модернизацией промышленности, так как подготовленные кадры будут соответствовать вновь созданным высокопроизводительным рабочим местам.

Органам власти следует делать упор именно на предотвращение безработицы, так как эффективные мероприятия в этом направлении позволят в дальнейшем экономить бюджетные средства за счет сокращения объемов выплаты пособий по безработице. Для граждан же профилактика безработицы будет выступать своеобразным гарантом того, что человек, охваченный системой непрерывного образования и повышения квалификации, будет застрахован от потери работы, или поиск работы после увольнения или сокращения не займет много времени.

© Черкасова В. Ю., Тарабукина Я. Л. Текст. 2016

Список источников

1. Показатели государственной статистической отчетности по численности безработных граждан // Департамент по труду и занятости населения Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://szn-ural.ru/home/gosuslugi/stat.aspx>
2. Официальная статистика по трудовым ресурсам // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#
3. Официальная статистика по численности и составу населения // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

Информация об авторах

1. Черкасова Виолетта Юрьевна (Россия, Екатеринбург) – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и социологии Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144 г. Екатеринбург, 8 марта 66; e-mail: Violetta.cherkasova@uapa.ru).

2. Тарабукина Яна Львовна (Россия, Нижняя Тура) – студентка четвертого курса факультета государственного и муниципального управления, группы ГМУ-0442, Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144 г. Екатеринбург, 8 марта 66; e-mail: yanalt@yandex.ru).

Cherkasova V. Yu., Tarabukina Ya.L

**UNEMPLOYMENT AND THE LABOUR MARKET IN SVERDLOVSK
REGION: PROBLEMS AND PROSPECTS**

In this paper, we evaluated the current state of unemployment in the labour market in the Sverdlovsk region. The main causes of unemployment in the Sverdlovsk region, analyzed the problems of modern labor market and proposed solutions to them.

Keywords: unemployment, labour market, employment, labor force, labor resources.

Information about the authors

1. Cherkasova Violetta Yurievna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Theory and Sociology, the Ural Institute – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (66 8 March St., Yekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: Violetta.cherkasova@uapa.ru).

2. Tarabukina Yana L. (Russia, Nizhnyaya Tura) - the fourth course student of the faculty of state and municipal management, the group GMU-0442, Ural Institute of management Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation (620144 Yekaterinburg, 8 March 66; e-mail: yanalt@yandex.ru).

УДК 338.246.025

Е.А. Шамова

**РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ,
ПРОВОДИМОЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Статья посвящена результативности проводимой в жизнь государственной демографической политики на территории Российской Федерации. Дана оценка результатам завершения первого и второго этапа реализации Концепции демографической политики до 2025 г., определены основные проблемы достижения результатов, заявленных на третий этап реализации Концепции, указаны основные направления разработки новых механизмов государственного регулирования.

Ключевые слова: демографическая политика, оценка результативности, механизмы государственного регулирования демографических процессов

Государственное регулирование демографических процессов – один из наиболее сложных вопросов современного политического управления, поскольку сложно оценить эффективность принятых программных мероприятий. Эффект от реализации тех или иных мер государственного воздействия в данном вопросе сталкивается с инертностью демографических процессов, с особенностью культурного формирования общества, а также с невозможностью спрогнозировать, насколько устойчивым будет полученный эффект.

В настоящее время в Российской Федерации основными вопросами регулирования демографических процессов являются повышение рождаемости, снижение предотвратимых причин смертности, приведение уровня миграции в соответствие с требованиями социально-экономических процессов. Государство декларировало стремление первоочередно решить проблему депопуляции населения, наметившуюся в конце XX в. С этой целью была разработана и в настоящее время реализуется «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утверждена Указом Президента России от 9 октября 2007 года № 1351) [1].

К настоящему моменту реализованы первый и второй этапы Концепции (2007–2015 гг.), по результатам которых можно говорить о результативности предпринятых мероприятий государственного регулирования демографических процессов. Обратимся к статистике. На 1 января 2016 г. в России численность населения составляет 146,5 млн человек (против 142,2 млн чел. на 01.01.2007 г. и 143 млн чел. прогнозируемой численности населения в качестве результата работы программы). Ожидаемая продолжительность жизни сейчас составляет 71,39 года (в 2007 г. – 67,61, рост – 3,78 года, программно был прогноз довести этот показатель до 70 лет), суммарный коэффициент рождаемости в России – 1,784 (в 2007 г. – 1,416, рост – на 20,6%, здесь не удалось довести показатель до запланированных 30%) [3]. Рост демографических показателей наметился после 2009 г., когда, с одной стороны, наметился экономический рост (в кризисный 2008 г. не было роста показателей рождаемости), а с другой – семьи начали на практике пользоваться различными экономическими механизмами, направленными на повышение рождаемости: материнский капитал, увеличение пособий по беременности и родам, по уходу за ребенком до 1,5 лет (пособие стало зависеть от зарплаты), компенсационные выплаты на детское дошкольное воспитание, компенсационные выплаты для семей с тремя и более детьми.

Необходимо оценить, какие механизмы демографической политики привели к данному эффекту. Существует достаточно сложная методологическая проблема по выбору методов оценки и перечня оценочных индикаторов результативности принятых мер. Используемые методики должны дать корректную оценку, необходимо определить, как результат был связан с принятием той или иной меры государственного воздействия, отделив этот эффект от влияния меняющихся социально-экономических условий, также воздействующих на уровень жизни семьи и демографическое поведение.

Как видим, два из трех показателей результативности программы были достигнуты за указанный период времени, но один, наиболее актуальный, показатель суммарного коэффициента рождаемости, достигнут не был. Можно ли говорить об эффективности проведенной за эти годы государственной демографической политики?

По мнению официальных лиц, рост числа рождений был обусловлен именно принятыми и реализованными инструментами новой демографической политики, прежде всего, материнским капиталом и родовыми сертификатами. Однако не надо забывать, что часть прироста была обусловлена фактором благоприятной возрастной структуры в результате высокой рождаемости середины 1980-х гг. На 2010 гг. наблюдался рост численности молодого населения в возрасте 20-29 лет, а следовательно, был создан обусловленный циклическими факторами благоприятный рост числа первых браков, рождения первых, а в перспективе и вторых детей. Еще одним из немаловажных факторов стал период стабильного экономического развития страны в 2009–2014 гг., за этот период произошел трехкратный рост номинальной заработной платы, уменьшились показатели бедности (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума сократилась с 13% до 10,8%). Именно сочетание данных факторов позволило зафиксировать столь значительные результаты по целому ряду демографических показателей.

Однако говорить о решении демографических проблем в России еще рано. Во-первых, та же самая статистика фиксирует структурные изменения в составе малоимущих домохозяйств не в пользу семей, имеющих детей. Так, в 2002 г. в числе малоимущих домохозяйств 53,3% были домохозяйства с детьми, в том числе 3,3% с 3 и более детьми, а в 2014 г. уже зафиксировано 62,9% малоимущих домохозяйств с детьми, в том числе 8,6% с 3 и более детьми. Во-вторых, на подходе следующий демографический спад. Прогнозируется уменьшение численности молодых людей, вступающих в детородный возраст, поскольку это дети 90-х, когда большинство россиян из-за нестабильности политической и экономической ситуации в стране откладывали рождение детей. В ближайшее время уменьшится число женщин, способных стать матерями, а следовательно, снизится число рождений. В-третьих, несмотря на кажущуюся

масштабность принятых на первом этапе реализации Концепции демографической политики мероприятий, их явно недостаточно для того, чтобы молодые семьи могли принимать более свободные и ответственные решения о рождении детей, тем более – вторых и последующих. Анализ показывает, что даже удвоение расходов на поддержку семьи в 2007 г. по отношению к 2006 г. и их индексация в 2008–2010 гг. оставляет этот показатель (в % к ВВП) на уровне в 1,5-2 раза меньшем, чем он был в России в 1995 г., и в 4-5 раз меньшем, чем в 1990–1991 гг. [4]. Вклад пособий в доходы семей по-прежнему незначителен. Семьи с большим количеством детей имеют повышенные риски бедности, рождение ребенка до сих пор означает снижение уровня жизни, поскольку снижается показатель среднедушевого дохода, а современные государственные пособия не способны оказать существенного влияния на данный показатель.

Есть два пути к решению данной проблемы. Первый связан с разработкой новой, более «богатой» системы социальных пособий и компенсационных выплат для семей с тремя и более детьми, которые выплачиваются по факту рождения ребенка, и будут компенсировать (хотя бы частично) снижение показателя среднедушевого дохода. Идти по данному пути сейчас нашей стране будет очень непросто в свете сокращения бюджетных доходов из-за кризиса на нефтяном рынке, а также инфляционности данного инструмента. Второй путь связан со стимулированием получения доходов самими работающими родителями. Он включает в себя содействие совмещению родителями воспитания детей и профессиональных обязанностей. Данный подход имеет более гибкие экономические механизмы, но его опасностью является некое «перекладывание» проблемы обеспечения должного уровня дохода на плечи работодателя, что при падении уровня прибыльности и появлении после 2013 г. проблем в экономической сфере может оказать негативное воздействие на социально-экономическую динамику.

В настоящее время начат третий этап реализации Концепции демографической политики в период до 2025 г., подписан и утвержден план мероприятий, среди 50 мероприятий предусмотрены следующие, имеющие целью повышение рождаемости [2]:

- разработка дополнительных механизмов экономического стимулирования рождения вторых и последующих детей;
- поддержка молодых женщин и молодых семей в целях увеличения числа рождения в более раннем возрасте;
- содействие совмещению родителями воспитания детей и профессиональные обязанности;
- повышение доступности жилья для семей с детьми.

Результатом реализации Концепции должно стать достижение следующих показателей: увеличение численности населения (в том числе за счет замещающей миграции) до 145 млн чел.; увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 75 лет; увеличение в 1,5 раза по сравнению с 2006 г. суммарного коэффициента рождаемости, снижение уровня смертности в 1,6 раза. Как видим, достижение полуторного роста показателя суммарного коэффициента рождаемости без разработки новых инструментов демографического регулирования, нереально. Поскольку прогнозируется снижение числа репродуктивного населения, государство планирует стимулировать рождение третьих и последующих детей. В связи с этим необходимо разработать грамотную демографическую политику поддержки многодетных семей. Тот уровень поддержки, который существует на сегодняшний день, не стимулирует появление третьих и последующих детей. Остается надеяться, что в ближайшее время мы станем свидетелем работы государственного аппарата именно в этом направлении. Решить этот вопрос, особенно в свете современных экономических и бюджетных процессов, очень непросто.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Собрание законодательства Российской Федерации от 15 октября 2007 г. N 42 ст. 5009.

2. Распоряжение Правительства РФ от 10 марта 2011 г. N 367-р "О плане мероприятий по реализации в 2011-2015 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года" (с изменениями и дополнениями) / Собрание законодательства Российской Федерации от 21 марта 2011 г. N 12 ст. 1655.

3. Официальная статистика. Население. Демография. [Электронный ресурс]: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

4. Елизаров В. Стимулирование рождаемости и поддержка семей с детьми в современной России (Опубликовано в книге: Рождаемость и планирование семьи в России: История и перспективы. Сборник статей / Под ред. Троицкой И.А., Авдеева А.А. - М., 2011.

Информация об авторе

Шамова Елена Алексеевна (Россия, г.Екатеринбург) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, heleneo@mail.ru

Shamova E.A.

EFFECTIVENESS MODERN DEMOGRAPHIC POLICY, CONDUCTED IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the impact of ongoing life of the state demographic policy in the Russian Federation. The estimation results of the Concept of demographic policy up to 2025 at the time of completion of the first and second phase of its implementation, the basic problem of reachability of the results declared in the third phase of implementation of the Concept, shows the main direction of development of new mechanisms of state regulation.

Keywords. Population policies, evaluating the performance, mechanisms of state regulation of demographic processes.

Information about the author

Shamova Elena A. (Russia, Ekaterinburg) - Candidate of Economic Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Economics, Ural Branch of RAS, heleneo@mail.ru

Научное издание

Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ

VII Уральский демографический форум с международным участием
(г. Екатеринбург, 2-3 июня 2016 г.)

Том I. Социология и история воспроизводства населения России

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол № 6 от 21.06.2016 г. Рег. № 20 (16)

Технический редактор Е. Х. Тухтарова

Редактор А. Б. Уминская

Подписано в печать 3.10.2016. Формат 60x84/16.
Уч.-изд. л. 31,8 Тираж 500 экз. Заказ № ...

Институт экономики УрО РАН
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

Отпечатано в типографии ООО Издательский Дом «Ажур»
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54